ИСТОРИЯ ВКП (Б)

ТОМ I

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

СОСТАВИЛИ
ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ
Г. КРАМОЛЬНИКОВ
Н. ЭЛЬВОВ
и
О. РИМСКИЙ

★

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

ИСТОРИЯ ВКП (Б)

ТОМ ПЕРВЫЙ, ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

СОСТАВИЛИ
Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ, Г. КРАМОЛЬНИКОВ, Н. ЭЛЬВОВ
и О. РИМСКИЙ

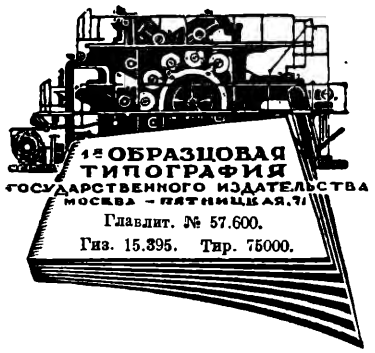
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Ем. ЯРОСЛАВСКОГО

Научно-политической секцией Гуса рекомендовано в качестве учебного пособия для вузов, комвузов и совпартшкол

С ПРИЛОЖЕНИЕМ 46 ТАБЛИЦ

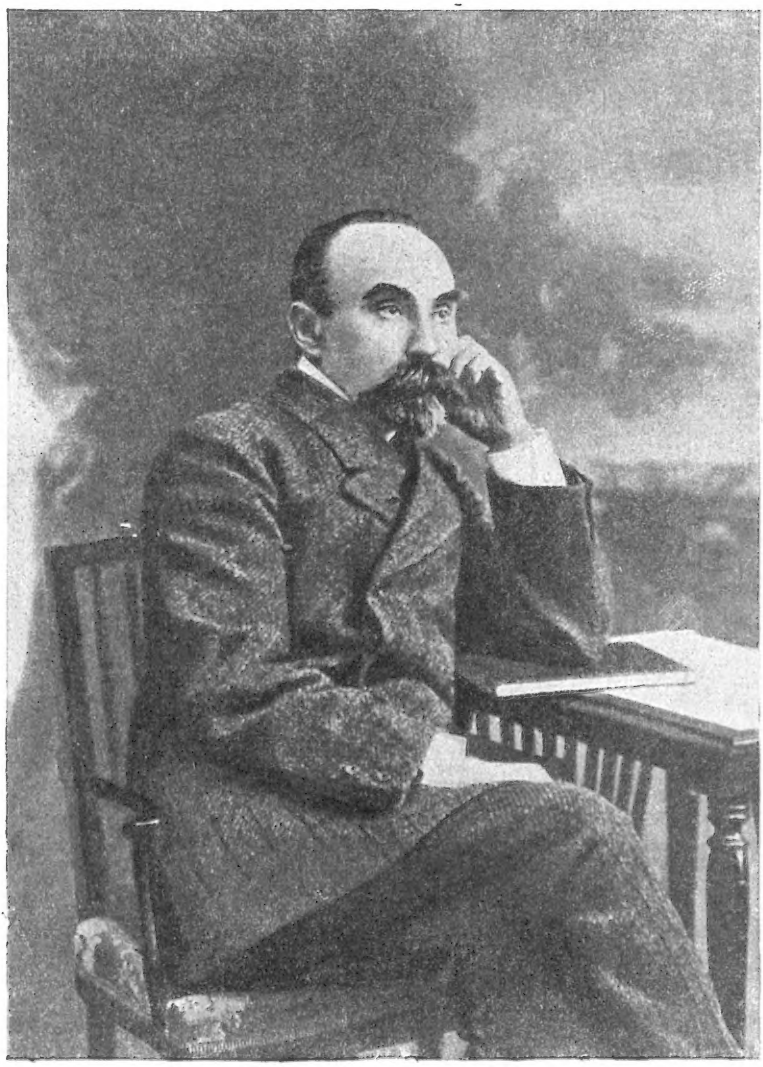
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД

Иллюстрационный материал взят из собрания Музея Революции СССР в Москве



Главлит. № 57.600.
Гиз. 15.395. Тир. 75000.

Н. ЛЕНИН (В. И. УЛЬЯНОВ)



Г. В. ПЛЕХАНОВ

ИСТОРИЯ ВКП (б)

ВВЕДЕНИЕ

Огромная роль, которую играет ВКП (б) в борьбе рабочего класса и крестьянства СССР, ее неизгладимые заслуги в деле руководства первой в мире победоносной пролетарской революцией и в деле создания первого социалистического советского государства, исключительное значение Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) для всего мирового движения, — все это требует от каждого сознательного рабочего, от каждого сознательного крестьянина знания этой единственной пока коммунистической партии, которой дано было стать во главе мирового пролетарского движения. Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков) выросла и окрепла в боях не только против буржуазных партий, но и против тех социалистических партий II Интернационала, которые на протяжении десятилетий мешали борьбе рабочего класса, систематически извращая принципы революционного марксизма. Рост нашей партии и примыкающего к ней комсомола за последние годы, вовлечение в партию около полумиллиона пролетариев в нашей стране — это только начало того огромного идейного и организационного охвата масс, который предстоит нашей партии при развертывании в ближайшие годы промышленности, при усилении кадров промышленного пролетариата, при все растущем значении коллективных и кооперативных форм в сельском хозяйстве. Наша партия — руководящая партия, она стоит у власти, она ответственна перед рабочим классом и крестьянством не только нашей страны, но и всего мира за первый трудный опыт социалистического строительства. Без серьезного знания, без серьезного изучения истории нашей партии неизбежны уклоны и ошибки на этом трудном пути. Не знающим пройденных нашей партией этапов борьбы, в особенности молодым членам партии, — нетрудно впасть в увлечение идеями, в борьбе с которыми окрепла и сложилась ВКП (б).

Однако систематическое массовое изучение истории нашей партии наталкивается в наших совпартшколах и вузах на значительные препятствия именно потому, что нам до сих пор не удалось создать систематического учебника истории нашей партии, который охватывал бы эту историю с первых моментов зарождения рабочих кружков, с первых шагов рабочего движения до наших дней. Это происходило больше потому, что мы были заняты практической рабо-

той, борьбой, строительством. В. И. Ленин говаривал, что революцию гораздо приятнее и интереснее делать, чем писать о ней. Как лекторам и нашим учащимся в совпартшколах и вузах, так и каждому рабочему и крестьянину, желающему изучить историю нашей партии, приходится наталкиваться на отсутствие такого систематизированного курса, хотя у нас имеются работы, охватывающие отдельные моменты истории нашей партии: такие, как «История РКП (б)» тов. Г. Зиновьева; написанная в значительной степени еще в подполье работа М. Н. Лядова «Как начала складываться РКП (б)»; прекрасная, но охватывающая слишком незначительный период работа тов. Батурина; обширная, но незаконченная еще работа тов. В. Невского, ценная большим документальным материалом; ценная, но слишком сжатая работа тов. К. И. Шелавина «Рабочий класс и его партия»; небольшие обобщающие работы тт. Бубнова и Л. Каменева; есть даже отдельные монографии, как, например, прекрасная монография об экономистах тов. Астрова; работа тов. Ангарского «Легальный марксизм»; есть с большой вдумчивостью составленные хрестоматии по истории нашей партии, — среди них первое место занимает семитомная «Революция и РКП (б) в материалах и документах»; затем — четырехтомная «Хрестоматия по ленинизму» Н. Карпова и М. Флиднера; очень тщательно выдержанная хрестоматия по ленинизму, составленная тов. Астровым под ред. Л. Б. Каменева, и довольно большое число других прекрасных пособий по изучению истории нашей партии [1]). Литература эта с каждым днем растет и по количеству и по объему, пополняясь новыми и новыми материалами. Большую и ценную работу по изучению истории нашей партии проделал за последнее время институт В. И. Ленина. Ленинские сборники и другие материалы, опубликованные институтом В. И. Ленина, совершенно новым светом освещают некоторые моменты истории нашей партии. Потребность в учебнике, который суммировал бы весь этот огромный материал в доступном изложении и необходимость дать как лекторам, так и изучающим историю ВКП (б) именно учебник по истории нашей партии, — вот что побудило группу товарищей, которым партия поручила вести занятия по истории ВКП (б), приступить к составлению такого учебника. Настоящая книжка и является такой попыткой, первой половиной задуманной работы, которая должна охватить историю нашей партии до последних дней (примерно, она закончится XIV съездом партии).

Почему мы начали историю ВКП (б) с «эпохи великих реформ», с шестидесятых годов? Конечно, было бы неправильно искать в то время зачатки нашей партии. На 60-х и 70-х годах, однако, необходимо остановиться потому, что в эти два десятилетия зародилось то могучее революционное движение, на фоне которого впервые пустили ростки в русском рабочем классе социалистические теории Западной Европы. Нам необходимо показать, почему именно, несмотря на то, что налицо был новый класс — подымающаяся к власти буржуазия, несмотря на то, что налицо были революционные настроения, была революционная обстановка, мы все же не имели революции. Без знакомства с этой

---

[1]) К сожалению, мы не успели еще познакомиться с работой Н. Н. Попова — учебником по истории партии, находящимся в печати.

эпохой совершенно непонятна будет позиция наших либералов, социал-демократов, да, пожалуй, непонятно будет и поведение соглашателей-меньшевиков в последующие годы. Знакомство с этой эпохой необходимо и потому, что первые революционные организации — «Земля и Воля», «Народная Воля», «Черный Передел» и другие наложили глубокий отпечаток на первые шаги рабочего социалистического движения. По тем же самым причинам историк германской социал-демократии Франц Меринг начинает с великих утопистов западноевропейского социализма, наложивших отпечаток на мировоззрение и наших первых социалистов и революционеров.

Конечно, «большевизм существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 г.». Однако «в течение около полувека, примерно от 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине в ы с т р а д а л а полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы». (Н. Ленин. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».) «Вот почему необходимо проследить этот опыт блужданий и шатаний, ошибок, разочарований революционной мысли в России в течение около полувека, примерно, с 40-х до 90-х годов прошлого века...» (Н. Ленин). Далее мы ставили себе задачу четко выделить в истории нашей партии значение групп, течений и группировок, с которыми мы вели борьбу внутри нашей партии. В основу этой работы мы положили мысли В. И. Ленина, изложенные еще в 1905 году в статье «Партийные организации и партийная литература» [1]).

«Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды. Для определения же грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и ее устав, служит, наконец, весь опыт международной социал-демократии, международных добровольных союзов пролетариата, постоянно включавшего в свои партии отдельные элементы или течения не совсем последовательные, не совсем чисто марксистские, не совсем правильные, но также постоянно предпринимавшего периодические «очищения» своей партии. Так будет и у нас, господа сторонники буржуазной «свободы критики» в н у т р и партии: теперь партия у нас сразу становится массовой, теперь мы переживаем крутой переход к открытой организации, теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики. У нас крепкие желудки, мы твердокаменные марксисты. Мы переварим этих

---

[1]) Ст. в «Новой Жизни» № 12 от 13 ноября 1905 г. Н. Л е н и н. Собр. соч., т. VII, часть 1-я, стр. 24.

непоследовательных людей. Свобода мысли и свобода критики внутри партии никогда не заставят нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы, называемые партиями».

С тех пор, как писалась эта статья, с 1905 г., партия наша пережила практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. «Ни в одной стране за эти 15 лет (писано в 1920 г. — *Е. Я.*) не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы в с е х классов современного общества, притом борьбы, которая в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта». (Н. Ленин. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».)

Что наша партия является авангардом рабочего класса — это теперь не требует доказательств. Всем известно, что «массы делятся на классы; — что противополагать массы и классы можно, лишь противополагая громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства; — что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере, в современных цивилизованных странах, политические партии; — что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями». (Н. Ленин. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Собр. соч., т. XVII, стр. 133. Подчеркнуто мною. — *Е. Я.*)

Мы считаем, что основной из задач учебника должно быть прочное усвоение этих азбучных истин, которые умудряются извратить сознательные и бессознательные враги Коммунистического Интернационала. Если для победы, для доведения до конца буржуазно-демократической революции, для первых шагов социалистического строительства пролетариату нужно было иметь классовую организацию, если он в этой борьбе «выстрадал», создал партию большевиков-коммунистов, то не меньшее значение, а еще большее эта организация для рабочего класса сохраняет и в период диктатуры пролетариата. Без партии железной, крепкой, закаленной борьбой «провести диктатуру пролетариата невозможно» (Н. Ленин). Мы должны показать всем, противопоставляя нашу большевистскую линию, как сторонники других мировоззрений, которые характеризовались на протяжении десятилетий стремлением к сотрудничеству с буржуазией, ревизионизмом в теории, отсутствием выдержанных организационных принципов, кустарническим разбродом интеллигентско-анархистского индивидуализма в организационных вопросах, которые прикрывались требованиями широкой демократии и свободы критики, как они «со ступеньки на ступеньку» скатились к прямой поддержке буржуазии, к прямой измене рабочему классу,

к прямому переходу на сторону контр-революции. Мы должны показать, как незначительные разногласия в нашей партии, будучи развиты до логического конца, вели иногда к глубочайшим расколам и выявляли непримиримые противоречия. Так, расхождения между «экономистами» и «искровцами», незначительное на первый взгляд разногласие между сторонниками различных формулировок первого пункта устава нашей партии и другие, которые тогда казались совершенно незначительными, привели к глубочайшим разногласиям и к образованию партии меньшевиков, сыгравшей такую позорную роль в истории нашей революции и докатившейся в настоящее время до союза и соглашения с монархистами, с эмигрантами-дворянами против рабочего класса, против пролетарской революции, против Коммунистического Интернационала.

В основу настоящего учебника истории ВКП (б) положен курс лекций, прочитанный в 1924—1925 учебном году на курсах уездных работников ЦК ВКП (б). Он построен по программе курсов, почти целиком совпадающей с программами вузов и совпартшкол. Писался он товарищами, которые имеют практический опыт в работе комвузов, партшкол и партвузов, которые практически переработали этот курс в кружках и группах и на опыте знают трудности, достоинства и недостатки этого курса [1]). Кроме перечисленных в настоящем введении источников, мы пользовались всей доступной литературой, а также материалами, частью еще не опубликованными, находящимися в институте В. И. Ленина. Всюду, где можно было, мы пользовались оценкой того или иного момента жизни нашей партии, данной В. И. Лениным, — лучшим историком нашей партии; Владимир Ильич больше, чем кто бы то ни было, пережил вместе с партией все этапы ее развития и дал наиболее четкие и законченные их характеристики.

Учебник построен таким образом, что главное внимание в нем уделяется вопросам организации, тактики, стратегии ВКП (б), вопросам партийного строительства; поэтому собственно «истории революционного движения» в этом учебнике почти нет. Само собой разумеется, что все отдельные моменты истории нашей партии мы стремились обрисовать на фоне развертывающегося революционного движения. Фактическая картина развития революционного движения — дело особого курса «Истории революционного движения в России» [2]). Тем не менее, для более яркого фиксирования в памяти слушателей отдельных моментов, этапов и событий этого движения, мы помещаем в учебнике ряд иллюстраций в виде снимков с фотографий и других исторических документов, составляющих часть огромного научного богатства, накопленного Музеем Революции СССР. Эти иллюстрации составляют небольшую часть подготовляемого и выходящего в ближайшее время альбома Музея Революции СССР, который представляет собой исключительную ценность как по содержанию, так и по обработке исторического материала. Да и самый Музей Революции, — единственное в мире учреждение этого рода, — проделывает изо дня в день колоссальную

---

[1]) Главная работа по составлению учебника выпала на долю тт. Н. Эльвова и О. Римского.

[2]) В этом отношении мы имеем ценнейшие работы т. М. Н. Покровского, учениками которого являются в значительной степени и составители настоящего учебника.

работу по ознакомлению широких народных масс с историей нашей партии, с историей революционного движения [1]).

К учебнику мы прилагаем программу и задания курса истории ВКП (б). И та и другие заново переработаны, исправлены и дополнены тт. Крамольниковым и Эльвовым. Первый том мы заканчиваем IV и V съездами нашей партии, второй том охватывает период от эпохи реакции до наших дней.

Пишущему эти строки приходилось урывать каждый свободный час для настоящей работы. Мы сознаем, насколько первый опыт может быть несовершенен, насколько он нуждается в исправлениях, и мы по-товарищески просим всех, кому придется иметь дело с учебником, указать нам наши промахи и ошибки, чтобы мы могли их исправить в дальнейшем.

Ем. Ярославский.

Москва, 29/VIII—25

[1]) Подбор иллюстраций, примечания к ним сделаны т. Бондаревым. Примечания к тексту, исторические справки и т. п. взяты, в основном, из соответствующих материалов, приложенных к полному собр. сочинений Ленина, Зиновьева и других литературных источников, тщательно проверенных.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К 1-й ГЛАВЕ [1])

ЭПОХА РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА. (60 и 70-ые годы.)

I. Экономический и политический характер реформы 1861 года.

1. Шаг от монархии феодальной к монархии буржуазной; буржуазия в этот период.
2. Классовые взаимоотношения в итоге реформы.
3. Политика самодержавия и его отношение в этот период к вопросам крестьянскому, рабочему, интеллигенции.
4. Крестьянство и разночинцы.

II. Теоретические основы народничества.

1. А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский как крупнейшие теоретики революционного народничества; сходство и различие у обоих в обосновании народнической теории.
2. Основная теоретическая предпосылка народнической программы — возможность России непосредственно перейти к социализму благодаря общине, минуя капитализм.
3. Интеллигенция — система критически мыслящих личностей как революционный штаб, при помощи которого осуществится переход к социализму.
4. Крестьянство как основная база народничества; крестьянский социализм народников; почему именно на крестьянство возлагало свои надежды революционное народничество; вера народников в стихийную, врожденную социалистичность крестьянства; отношения революционного народничества к рабочему классу (борьба против «язвы пролетариатства» в этот период).

III. Тактика революционного народничества: от хождения в народ к террору; от отдельных кружков и групп к единой организации.

1. Народнические кружки 60-х и 70-х годов.
2. Два типа революционных народников: л а в р и с т ы — культурническая пропаганда, развитие сознания, б а к у н и с т ы — «не учить народ, а бунтовать», опираясь на готовое уже революционное чувство крестьянства.
3. Причины, побудившие революционное народничество отказаться от ставки на крестьянство как на единую революционную силу, признать необходимость политической борьбы и перейти к открытой схватке с самодержавием.
4. От организации «Земля и Воля» к «Народной Воле» и «Черному Переделу»; историческое значение террора для этого периода борьбы.

ЛИТЕРАТУРА:

П о к р о в с к и й. «История России в самом сжатом очерке», части I и II, глава о народнической революции, стр. 136—161, до слов: «Александр II был весьма мало готов...» и т. д. и от стр. 168 от слов: «...и одновременно промышленностью...» до стр. 174, до слов: «...стачка была кошмаром».

---

[1]) Мы указываем рабочий минимум в литературе, обычный для наших губпартшкол, комвузов.

Е г о ж е. «Очерки по истории революционного движения в России», стр. 69—75 и 86 со слов: «Я перехожу теперь...» до стр. 93, до слов: «Но характерна разница...».

Хрестоматия «Революция и РКП», Истпарт, гл. I, стр. 77—82, том I со стр. 40—53.

Л е н и н. Том II, стр. 61—66, 320—323 до слов: «...есть немало в России», стр. 338—340.

Л е н и н. Том XI, часть 1-я (сопоставление реформы 1861 г. и 1905 г., оценка и значение Чернышевского), стр. 230—238 и 250—267.

Л е н и н. Том XII, часть 2-я, статья «Памяти Герцена».

IV. Заключение.

1. Почему, несмотря на наличие в теоретических построениях народничества реакционно-утопических черт, мы считаем народничество 60-х годов революционным? (Ленин и наследство 70-х годов.)
2. Каковы уроки революционной борьбы народничества этого периода для нашей партии; постановка политических задач и поднятие престижа революционера; проверка на деле революционного самосознания крестьянства и левого слоя разночинной интеллигенции.
3. Революционное тактическое наследие, воспринятое воинствующим марксизмом от революционного народничества; тип курса на массы, крепкое ядро профессиональных революционеров.

ЛИТЕРАТУРА:

Л е н и н. Том V, стр. 228—229 от слов «...вызывают эти обвинения...» до слов «...во-вторых...»

З и н о в ь е в. «История РКП (б)», изд. 1924 г., стр. 43, 49—51.

ГЛАВА I

ЭПОХА РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА (60 — 70-ые г.г.)

а) КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА. ОТ ФЕОДАЛЬНОЙ К БУРЖУАЗНОЙ МОНАРХИИ

Хотя еще с конца XVIII столетия происходил процесс развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве в России, хотя капиталистические отношения все глубже проникали в наше хозяйство и почти целиком господствовали уже в нашей городской промышленности, хотя с каждым десятилетием увеличивался рост оборотов внутренней и, в особенности, внешней торговли, — натуральные отношения в сельском хозяйстве составляли все еще преобладающую величину ко времени реформы 1861 г. Именно эти натуральные отношения препятствовали росту как городской промышленности, так и товарных форм сельского хозяйства, и этим в значительной степени объясняются попытки перехода во многих областях в помещичьих хозяйствах от подневольного крепостного труда к новым формам эксплоатации крестьянства, — к замене полунатурального крестьянского мелкого хозяйства и крепостной зависимости крестьянина от помещика «свободными» капиталистическими отношениями предпринимателя к наемному рабочему и батраку. Дальнейшее развитие капитализма требовало освобождения рабочего класса от всех видов внеэкономической эксплоатации, т.-е. эксплоатации, основанной на голом принуждении и насилии. Особенно задерживалось развитие городской промышленности крепостническими отношениями. Фабрики и заводы и другие промышленные предприятия задерживались в своем росте, с одной стороны, низким культурным уровнем населения, его ничтожной покупательной способностью, а с другой стороны — отсутствием достаточного количества «свободной» рабочей силы. Но и в сельском хозяйстве барщинный труд в дворянских помещичьих экономиях не обеспечивал достаточной напряженности труда, необходимой для удовлетворения все возраставшего вывоза хлеба. Крепостной труд становился все менее и менее производительным. Попытки сделать его более напряженным не имели успеха, наталкивались на все большее и большее сопротивление крестьян. Таким образом самым фактом своего существования крепостной труд мешал переходу к улучшенным приемам обработки земли, а нищета крестьян задерживала развитие внутрен-

него рынка, необходимого для развития промышленности, так что крестьянская реформа, за которую взялось правительство, диктовалась, прежде всего, нуждой помещиков и капиталистов в свободной рабочей силе.

Однако не меньшее значение для реформы имели настроения крестьянской массы. Всем известно, в каком ужасном бесправном положении находилось крепостное крестьянство не только в нашей стране, но и в других странах. Полное подчинение помещикам, классовое правосудие: одни законы для крестьян, другие — для помещиков, невероятный гнет помещиков, неслыханное издевательство и эксплоатация (достаточно указать, что барщина в некоторых местах доходила до 6 дней в неделю, что крестьяне на своих подводах отвозили за сотни верст помещичий хлеб на продажу, ничего за это не получая), — все это вызывало часто сильные возмущения крестьян. Крестьянство лишено было самых элементарных прав: личная зависимость от помещика чувствовалась не менее сильно, чем гнет государства. Мы не останавливаемся на таких известных фактах крестьянской революции, как восстания под руководством Степана Разина, Емельяна Пугачева и др. Не только стихийными возмущениями и бунтами крестьянство протестовало против кабальных форм эксплоатации, против своей полной необеспеченности и самодурства помещиков, против бесправия своего, — крестьянство время от времени доходило и до сравнительно довольно высоко организованных движений, каким было, несомненно, восстание Емельяна Пугачева, когда на свою сторону крестьянство сумело привлечь не только казаков, но и заводских рабочих и недовольных своим положением «инородцев» — башкир, татар и др. За одно только трехлетие, предшествовавшее крестьянской реформе, с 1851—1854 гг., произошло до 150 крестьянских бунтов по всей России, иногда охватывавших районы нескольких уездов. М. Н. Покровский (в III томе «Истории России в XIX веке», изд. «Гранат», стр. 75) дает такую картину крестьянских движений:

«Число крестьянских волнений по мере приближения к 50-м годам росло в очень крупной прогрессии: из всех 556 крестьянских бунтов, зарегистрированных официально при Николае I, на первое четырехлетие его царствования приходилось только 41, а на четырехлетия 1845—1849 — 172, 1850—1854 — 138; увеличившись по количеству случаев почти вчетверо, волнения в то же время приобретали все более серьезный характер. Из более или менее случайных вспышек, легко подавлявшихся полицейскими мерами, они превращались в длительные и иногда задолго подготовленные, почти планомерные попытки восстания. Так, брожение в имениях князя Голицына в Данковском уезде Рязанской губернии тянулось 2 года (1847—1848)...»

«Особенно грандиозным характером отличались волнения, происходившие в том же 1847 г. в Витебской губернии... В движении приняло участие до 10.000 человек. Готовясь к выступлению, крестьяне приобретали ружья, покупали порох, лили пули, перековывали лемехи на пики. Полиция, пытавшаяся их остановить, потерпела полное поражение; такова же была участь и небольших военных отрядов. По словам очевидцев, крестьяне шли «сохраняя все военные предосторожности; впереди обоза шла партия человек в полтораста, вооруженная дубинами и пращами, косами и проч., по сторонам, в середине и в замке также вооруженные люди». На вопросы вступавших с ними в переговоры, они отвечали, что «идут царю показать, каким хлебом их кормят паны». Для подавления движения пришлось пустить в дело целый пехотный полк и несколько рот других полков».

«...Указ об ополчении 3 апреля 1854 г. вызвал ряд волнений в Рязанской, Тамбовской, Владимирской и Нижегородской губерниях. Манифест о государственном ополч-

чении 1855 г. вызвал в Киевской губ. ряд бунтов... В результате для одной этой губернии понадобилось 16 эскадронов, 2 роты саперов и батальон егерей. А одновременно на той же почве были беспорядки в Нижегородской, Симбирской, Саратовской и Тверской губ.: всюду крестьяне были убеждены, что кто три года прослужит — тому свобода вместе с семьей...»

Указ 19 февраля 1861 г. о реформе должен был разрешить, таким образом, 3 задачи: 1) дать дешевую батрацкую силу для помещичьего хозяйства; 2) дать свободную рабочую силу растущей фабрично-заводской промышленности, для которой вольнонаемный труд был необходимым условием, обеспечивающим ее развитие; 3) предупредить рост опасного для господствующих классов крестьянского недовольства.

Что само правительство рассматривало реформу 1861 г. как предупреждение неизбежной крестьянской революции, видно из многочисленных дневников, записок, документов того времени. «Медлить нельзя, — неоднократно обращался царь к дворянам, — крестьянам надо дать некоторую видимость воли». Реформа 1861 г. и была этой «видимостью воли». Это понимало и правительство — оно побоялось объявить манифест 19 февраля, как это было назначено, а объявило его значительно позднее. К этому дню правительство Александра II заготовило значительные отряды войск, которым была дана инструкция «действовать решительно». Правительство было уверено, что манифест будет встречен рядом острых вспышек недовольства. И в самом деле, в целом ряде местностей, например в с. Бездне Казанской губ., на почве недовольства этим манифестом были крупные крестьянские выступления. Многие крестьяне были уверены в том, что манифест, который был им объявлен, не настоящий манифест, а подложная грамота, что на самом деле существует другой манифест, который разрешает отнять землю от помещиков и каждому крестьянину нарезать по 7 десятин. Это недовольство крестьянства революционная интеллигенция того времени формулировала в прокламации «К молодому поколению», составленной Н. В. Шелгуновым (приписывалась Михайлову), выпущенной в сентябре 1861 г.

«Когда манифест о воле был уже готов, — читаем мы в начале прокламации, — и оставалось только объявить его, русское правительство прежде всего струсило; оно испугалось своего собственного дела — ну, а если вся Россия поднимется? Если вся Россия пойдет на Зимний дворец? Ведь правительство думало, что оно осчастливит свой народ. Где же слыхано, чтобы счастливый пошел бить стекла и колотить встречных? Если же правительство боялось народа, значит оно имело причину его бояться. И точно: причина была... Государь обманул ожидание народа — дал ему волю не настоящую, не ту, о которой народ мечтал и которая ему нужна...»

Как ни плоха была реформа 1861 г., следует, однако, признать, что эта реформа до некоторой степени разрешила те вопросы общественного и хозяйственного развития России, которые встали перед ней во второй половине XIX столетия. В. И. Ленин, подводя итоги реформе 1861 г., суть ее видит в том, что «реформа 1861 г. дала некоторый прирост капитализму» (т. II. стр. 265). Она дала огромный толчок развитию сельского хозяйства и промышленности, вызвала к жизни ряд нового типа общественных учреждений, как суд присяжных, земство и др.; хотя эти

учреждения и были проникнуты духом сословно-бюрократическим, они были шагом вперед на пути превращения феодальной монархии в буржуазную. «Из сословно-дворянской России, Россия делала шаг к превращению в буржуазно-капиталистическую страну» (В. И. Ленин). Ее феодально-государственная организация, т.-е. то, что марксисты называют надстройкой, сделала шаг в сторону превращения в монархию буржуазную. Эта передвижка в изменении соотношения классовых сил, в выросшей роли буржуазии отчасти отразилась и на личном составе правительства и на политике его. Создавался блок двух классов — дворянства и буржуазии (в особенности торговой буржуазии). На-ряду с этим продолжали существовать остатки крепостничества. Эти остатки крепостничества поддерживались и охранялись правительством. Это было в интересах класса дворян-помещиков. Создавшийся блок имел перед собою те же задачи, какие разрешила реформа 19 февраля 1861 г.: а) разрешение экономических задач правящих классов в России и б) предупреждение крестьянской революции.

Итак, освобождение крестьян было проведено сверху. Оно не являлось следствием народной крестьянской революции, не было произведено снизу, крестьяне не были объединены для решительного совместного выступления. Крестьянство в то время не оказалось способным объединиться в грозную силу для свержения царского самодержавия и помещиков. Крестьянство способно было лишь к разрозненным выступлениям, вспышкам, иногда достаточно широким, чтобы овладеть на время значительной территорией и вызвать замешательство, даже испуг правительства. Но крестьянство не было еще достаточно сильным, чтобы диктовать свою волю при проведении реформ: именно это позволило помещикам при поддержке буржуазии провести реформу 1861 г. в интересах двух имущих классов и главным образом в интересах помещичьего дворянства. В. И. Ленин, оценивая эту реформу, писал:

«Крестьян в 1861 году освобождали сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти освободители так повели дело, что крестьянин вышел «на свободу» ободранный до нищеты, вышел из рабства у помещика в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам».

Реформа эта убеждает нас в правильности большевистской оценки русской буржуазии: она не способна отстоять крестьянство против помещиков; и лишь к тому времени, когда образуется достаточно организованный сильный рабочий класс (которого в 60-х гг. еще не было), создающий политическую партию, руководящую его борьбой (партию большевиков), — лишь тогда крестьянство получит возможность, средства и силы добиться своего освобождения от помещиков. Для характеристики того, как само правительство расценивало реформу, достаточно сказать, что всюду, где гонцы царя извещали крестьян о реформе, за их спинами, «на всякий случай», находился отряд казаков или войска.

«Ни в одной стране в мире, — писал В. И. Ленин, — крестьянство после «освобождения» не переживало такого разорения, такой нищеты, таких унижений и надругательств, как в России».

В общем всякие платежи, налоги, как и общее положение крестьянского хозяйства после реформы, рисуются следующим образом.

«Прежде всего сильно увеличились всевозможные платежи и повинности как в отношении к государству, так и в отношении к прежним владельцам. При этом большая часть повинностей перешла в денежную форму. Освободившись от натуральных повинностей помещику, но и то далеко не от всех, крестьянин принужден был нести перед государством ряд гораздо более тяжелых денежных; вместо прежней подушной подати и государственного земского сбора, на сельском населении стал лежать длинный ряд разнообразных сборов: выкупные платежи за землю бывших помещичьих и удельных крестьян, оброчная подать за землю бывших государственных крестьян, государственный земский сбор, местные земские сборы, подушная подать, мирские сборы, сборы рекрутские, на обеспечение народного продовольствия и прочее. Все эти платежи возросли сравнительно с дореформенными и абсолютно и особенно сильно в денежной своей части. Одни денежные сборы различных перечисленных здесь платежей достигали до 4 р. 40 к.— 5 руб. на душу или 1 рубль на десятину и ложились на крестьянское земледельческое хозяйство таким тяжелым бременем, что по выводу официальной комиссии общая сумма всех сборов и платежей, падающих на крестьян, в немногих местностях может покрываться доходами с земельного надела, без посторонних заработков, и в некоторых местностях, даже в черноземной полосе, сумма всех платежей превышает доходность земли в пять раз...

Для нечерноземных губерний платежи бывших помещичьих крестьян при полном наделе составляют от 200 до 276% доходности земли, а в черноземной полосе — до 124% при среднем и до 200%—при низшем наделе». (Л я щ е н к о, «Очерки аграрной эволюции в России», стр. 149—150.)

Вся тяжесть остатков крепостничества как в области экономической, так и в области политической била главным образом по крестьянству. Вместе с тем крестьянство, лишенное средств, не могло составить сколько-нибудь мощного рынка для промышленного капитализма, тем самым задерживая его развитие в стране.

Вот эта-то незаконченная, куцая буржуазная «революция», проведенная не силами масс, а царскими чиновниками, и объясняет развитие той полосы и своеобразный характер революционного движения в России 70-х годов, известного под именем «н а р о д н и ч е с к о г о д в и ж е н и я».

Нет никакого сомнения в том, что накануне реформы 1861 года в России была революционная обстановка, в крестьянстве было немало революционных элементов, революционными настроениями был затронут в эпоху «великих реформ» довольно большой слой революционной интеллигенции. Но партии, однако, не было еще организовано, не было революционной организации, за которой стоял бы дисциплинированный, спаянный общими стремлениями и задачами класс, — и это, как мы увидим, в значительной мере обрекало на неудачу все революционные попытки этого периода.

В юбилейной статье, посвященной А. И. Герцену, В. И. Ленин дал сжатую схему-характеристику этих первых и последующих попыток.

«Чествуя Герцена, — писал он,— мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури», — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 г. Следующий начинает расти на наших глазах.

Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с вольным русским словом».

б) РУССКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ 60-х ГОДОВ

Перемены, которые совершаются в экономической области, находят в свое время выражение также и в том, что известно под именем идеологии, то-есть во взглядах общественных, философских, литературных, в искусстве. Россия 60-х годов на пути буржуазного перерождения, на пути постепенного освобождения от крепостничества, от сословно-дворянских институтов в хозяйственной и политической области дала яркую группу писателей-вождей, идеи и взгляды которых активно выражали мировоззрение нарождавшейся буржуазии. Носителями этих идей являлись люди, развившие именно своеобразно преломленные социалистические идеи, проповедниками этих идей являлась героическая революционная молодежь, которая жертвовала всем, даже своей жизнью, во имя этих, как ей казалось, социалистических идей. Искренность и честность убеждений этих замечательных людей 60-х годов вне сомнений. Сплошь и рядом эти революционеры, объективно выражавшие интересы нарождавшейся буржуазии, выступали крайне резко против буржуазии и не раз открыто возмущались ее подленькой постепеновщиной, приспособленчеством к самодержавию умеренными политическими требованиями. Тем не менее, в общем и целом, объективно они стремились к экономическим и политическим переменам, которые должны были привести к уничтожению феодальных отношений, к уничтожению власти помещиков и дворян и замене этих отношений новыми, буржуазными, капиталистическими отношениями. Субъективно, конечно, русские просветители были бы очень возмущены, если бы их выставили в роли защитников русской буржуазии.

На русских просветителях оправдывается характеристика В. И. Ленина:

«Крайне неправильно, узко, антиисторично, — пишет Ленин, — понимают это слово (т.-е. буржуазия. — *Е. Я.*), связывая с ним (без различия исторических эпох) своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого

своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного... Эти пожелания выражают интересы прогрессивных общественных классов, насущные интересы всего общественного развития по данному, т.-е. капиталистическому, пути». (Н. Ленин. Собр. соч., т. II, стр. 322.)

В этом смысле, если освободить народничество от налетов утопически-социалистических верований, которыми оно проникнуто, то мы получим развернутую идеологию нарождавшейся буржуазии.

Ее выступление на арену политической борьбы всегда происходит несколько позднее того времени, когда в области экономики она складывается в силу, несущую новые начала. Эта сила молодой буржуазии противополагается гниющим группам феодалов-помещиков, дворян, в ожесточенных схватках и борьбе отстаивающих свои прежние привилегии, прежний порядок отношений.

Почему же буржуазия при переходе от феодализма к капитализму выступает под флагом просветительства, в чем сущность последнего? Ответить на это, значит выяснить, чего добивается буржуазия, что вдохновляет ее на борьбу, что стремится она осуществить как класс, который не достиг еще полного господства, какие идеи и учения она выставляет для борьбы с классом феодалов, какими способами и приемами она стремится упрочить свое положение и привести к гибели своего антагониста — класс дворян? Это выяснение позволит определить надлежащее место революционным мыслителям России 40—60-х годов и покажет, что круг их идей полностью совпадает с тем, что принято называть просветительством, конечно (на что обращал внимание В. И. Ленин), с «соответственным преломлением их через призму русских условий».

Исчерпывающую характеристику просветительства дал тов. Ленин в 90-х годах, когда началась горячая полемика русских марксистов с народничеством либерального толка. Каковы же основные черты просветительства по В. И. Ленину?

1) Просветитель... «одушевлен горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области».

Таким образом первая черта русского просветительства, по мнению Ленина, заключается в борьбе с ситемой азиатчины, самодурства и полицейщины, которая задерживала развитие хозяйства, враждебного крепостническим отношениям.

2) «Горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России».

3) «Отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян, которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей, искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собою общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому». (В. И. Ленин. Собр. соч., т. II., стр. 321. «От какого наследства мы отказываемся».)

Проделав революцию в экономике, разрушив, насколько это нужно, крепостнические отношения и заменив их отношениями капиталистическими, отвоевав в хозяйстве господствующее положение, утвердив ряд институтов, противоречащих феодальному способу производства (замена натуральных отношений денежными, крепостной эксплоатации вольнонаемной), буржуазия тем более ощущает необходимость политических реформ, которые помогли бы ей завершить тяжбу с классом помещиков.

Феодалы-дворяне, чтоб поддержать свое господство, чтоб подчеркнуть его «е с т е с т в е н н ы е н а ч а л а», чтоб доказать незаконность протестов буржуазии и священное происхождение их — феодалов — господства, вынуждены адресоваться за поддержкой крепостного строя к богу, религии и пока еще послушным штыкам царской армии и полиции, к полицейско-жандармскому и судебному аппарату полукрепостнического государства.

Поэтому буржуазия, выступая на сцену общественного развития, первым делом обрушивается со всем пылом молодого класса на это «е с т е с т в е н н о е п р а в о» феодалов, на религию, на культ веры.

В противовес вере феодалов буржуазия периода «бури и натиска» выставляет как единственную оправдываемую ходом жизни систему научного воззрения — р а ц и о н а л и з м (господство чистого разума), п о з и т и в и з м (положительные знания) [1]). Надо заметить, что пристрастие буржуазии к науке объясняется простыми экономическими выгодами: только наукой, с помощью которой буржуазия проделывает т е х н и ч е с к у ю р е в о л ю ц и ю в п р о и з в о д с т в е, она доказывает экономическое превосходство своего строя перед строем феодальным. Когда идеологи буржуазии бросаются в бой против верований дворян, они выступают с лозунгами братства, свободы и равенства всего народа против кучки дворян-феодалов. В их убежденности, что капиталистический строй создает условия братства, свободы и равенства как владеющих средствами и орудиями производства (буржуазия), так и лишенных их (нарождающийся пролетариат, отчасти крестьянство), эти идеологи буржуазии о б ы ч н о не преследуют сознательно корыстных целей, т.-е. не занимаются с о з н а т е л ь н ы м з а т у ш е в ы в а н и е м к л а с с о в ы х а н т а г о н и з м о в и п р о т и в о р е ч и й с т р о я, б о р ц а м и к о т о р г о о н и в ы с т у п а ю т. Происходит это потому, что противоречия нового строя не проявились еще в такой форме, когда можно было бы установить различия интересов буржуазии и пролетариата.

Надо сказать, что русские просветители 60-х годов, выступившие на арену борьбы за новый порядок отношений значительно позднее западно-европейского просветительства, сами наблюдавшие тот порядок, который установился после победы буржуазии в Германии, Франции и т. д., и истинное содержание «свободы, равенства и братства», все присущие этому строю виды и формы эксплоатации рабочего класса, — в с в о и х т р е б о в а н и я х ш л и и н о г д а з н а ч и т е л ь н о д а л ь ш е п р о с в е т и т е л е й З а п а д н о й Е в р о п ы.

---

[1]) Отсюда рационализм и даже атеизм французских философов XVIII века.

Вот, например, что писал Герцен, лично наблюдавший французскую революцию 1848 года:

«Либералы всех стран со времени реставрации звали народы на низвержение монархически феодального устройства во имя равенства, во имя слез несчастного, во имя страданий притесненного, во имя голода неимущего; они радовались, гоняя до упаду министров, от которых требовали неудобоисполнимого, они радовались, когда одна феодальная подставка падала за другой, и дотого увлеклись, наконец, что перешли собственные желания. Они опомнились, когда из-за полуразрушенных стен явился — не в книгах, не в парламентской болтовне, не в филантропических разглагольствованиях, а на самом деле — пролетарий, работник с топором и черными руками, голодный и едва одетый рубищем. Этот «несчастный, обделенный брат», о котором столько говорили, которого так жалели, спросил, наконец, где же его доля во всех благах, в чем его свобода, его равенство, его братство. Либералы удивились дерзости и неблагодарности работника, взяли приступом улицы Парижа, покрыли их трупами и спрятались от брата за штыками осадного положения, спасая цивилизацию и порядок».

Герцен видит из этого положения только один выход:

«Когда вопросы ставятся так, — нет выхода, кроме борьбы: один из двух должен остаться на месте: монархия или социализм».

Наблюдая торжество мелкой буржуазии, он мечтает о другой революции:

«Подумайте, в чем может быть этот переворот исподволь — в раздроблении собственности вроде того, что было сделано в первую революцию? — Результат этого будет тот, что всем на свете будет мерзко; мелкий собственник — худший буржуа из всех; силы, таящиеся теперь в многострадальной, но мощной груди пролетария, иссякнут; правда, он не будет умирать с голода, да на том и остановится,ограниченный своим клочком земли или своей каморкой в работничьих казармах. Такова перспектива мирного органического переворота. Если это будет, тогда главный поток истории найдет себе другое русло; он не потеряется в песке и глине, как Рейн, человечество не пойдет узким и грязным проселком, — ему надобно широкую дорогу. Для того, чтобы расчистить ее, оно ничего не пожалеет». (А. И. Герцен. Полное собрание сочинений под редакцией М. К. Лемке. Том V. Литературно-издательский отдел НКП. Петербург, 1919 г. Стр. 410—429. «С того берега».)

Конечно, не эти взгляды Герцена на мелкобуржуазную демократическую республику являются прежде всего характерными для наших просветителей; прежде всего характерным для них являются резко выраженное антифеодальное, анти-крепостническое настроение. Вот почему для 60-х годов характерен также и расцвет естествознания, которому так усердно содействовали русские просветители. На-ряду с социально-политической критикой (Белинский, Грановский, Добролюбов), на-ряду с популяризацией и перенесением на нашу почву передовых просветительных идей Западной Европы, просветители сделали очень много для популяризации естественно-научных знаний, теории Дарвина и др. В особенности в этом отношении большую роль сыграл Д. И. Писарев (за одну только свою просветительную деятельность да за направленную против жандармов брошюру о Шедо-Феротти попавший в каземат Петропавловской крепости). Русские просветители знали, конечно, об отрицательных сторонах капитализма. Они могли наблюдать его появление в более высоко развитых капиталистических странах Запада. На фактах видели они жгучую ненависть буржуазии к рабочему классу и жестокие расправы с ним; но ни просветители, ни народ-

ники не могли подняться до диалектического понимания сущности капиталистического строя, именно в силу отсталости капиталистических отношений в России, они не поняли и не могли понять роли рабочего класса, который в капиталистическом обществе воспитывается, закаляется в роли могильщика этого строя для того, чтобы итти в процессе развития капитализма до его замены новым строем — социалистическим. «Они не могли этого понять в силу отсталости русской жизни», как говорит Ленин о Чернышевском.

Именно потому русские просветители сочиняют рецепты для предотвращения капиталистического развития России в надежде, что русский народ, под которым они понимали крестьянство, овладев положительными сторонами капитализма (наука, техника), может избегнуть его отрицательных сторон—«язвы пролетариатства», как тогда выражались: под ними подразумевались все те лишения и бедствия, которые обрушиваются на народные массы, когда капитализм побеждает.

в) ВОПРОС ОБ ОБЩИНЕ У ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ-ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ

Краеугольным камнем взглядов просветителей 60-х годов являлся вопрос о ликвидации крепостнических отношений в России при обстановке максимально благоприятной для интересов народа. Достаточно отметить Чернышевского, который всю силу своей мысли, всю страсть революционного борца сосредоточивал на вопросе о крепостных отношениях, которыми были опутаны русские крестьяне, и на самодержавии, этом «всепоглощающем, всепожирающем Левиафане», как, по цензурным условиям того времени, выражался в своих сочинениях Чернышевский.

Как это указывает и тов. Ленин, вопрос об общине во взглядах просветителей как о самобытной черте пореформенной России—центральным пунктом не являлся. Мы не хотим этим сказать, что у отдельных писателей 40-х годов, близко стоящих к просветителям, не проскальзывают черточки восхваления отсталости чисто русской самобытности. Но, как отмечал Ленин в своей полемике с либеральным народничеством 90-х годов, «всякое учение о самобытности России находится в полном несоответствии с духом (просветителей.—*Е. Я.*) 60-х годов и их традицией... 60-е годы, напротив, стремились европеизировать Россию, верили в приобщение ее к общеевропейской культуре, заботились о перенесении учреждений этой культуры на нашу вовсе не самобытную почву». (Разрядка наша.) (Ленин. Собр. соч., т. II, стр. 332.)

Тем не менее вопрос об общине так или иначе привлекал внимание всех просветителей. Различны были их взгляды на общину, на ее место в системе тех преобразований, которым должна была подвергнуться Россия и которых добивались наши просветители. Преувеличенные надежды, с которыми связывались взгляды на общину и на ее роль у всех просветителей, объясняются

недостаточным развитием промышленности, недостаточным классовым расслоением общества и преобладанием сословно-крепостнических отношений в русской деревне. Истинные тенденции линии ее развития были затушеваны. Пролетариат был еще ничтожен по своему количеству, и рабочие к своему пребыванию в городе часто относились еще как к временному злу. Только этим и следует объяснять ошибочные взгляды и преувеличенные надежды русских просветителей на общину.

г) АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГЕРЦЕН И ЕГО ВЗГЛЯДЫ НА ОБЩИНУ

Этот блестящий публицист положил начало борьбе с самодержавием в основанном им за границей журнале «Колокол». Мы не нашли в литературе более правильной характеристики, чем данная Герцену В. И. Лениным в статье, посвященной столетию со дня рождения Герцена. (Табл. 1.)

«Рабочая партия должна помянуть Герцена не ради обывательского славословия, а для уяснения своих задач, для уяснения настоящего исторического места писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции.

Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века. Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников» да прекраснодушных Маниловых. «И между ними, — писал Герцен, — развились люди 14 декабря... Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-подвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия».

К числу таких детей принадлежал Герцен. Восстание декабристов разбудило и «очистило» его. В крепостной России сороковых годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени...

...После поражения революции 1848 года Герцен покинул уже Россию и наблюдал эту революцию непосредственно. Он был тогда демократом, революционером-социалистом. Но его «социализм» принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 1848 г. форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями. В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою т о г д а ш н ю ю революционность буржуазная демократия, а равно невысвободившийся из-под ее влияния пролетариат...

Не поняв буржуазно-демократической сущности всего движения 1848 года и всех форм домарксовского социализма, Герцен тем более не мог понять буржуазной природы русской революции. Герцен — основоположник «русского» социализма, «народничества». Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян с з е м л е й, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю». Свои излюбленные мысли на эту тему он развивал бесчисленное количество раз.

На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве — вплоть до полинявшего народничества теперешних «социалистов-революционеров» — нет н и г р а н а социализма. Это — такая же прекраснодушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее р е в о л ю ц и о н н о с т ь буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 1848 года» на Западе. Чем больше земли получили бы крестьяне в 1861 году и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть крепостников-помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России. Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения...»

«Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено.

Но Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 году, он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам». Отсюда его бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения. Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх...» (Памяти Герцена. «Социал-Демократ», № 26 от 25/IV 1912. Н. Ленин. Собр. соч., т. XII, стр. 95—101).

Герцен в теории поднялся до понимания роли и значения классовой борьбы. Он дал несравненные образцы правильного, выдерживающего даже марксистскую критику понимания условий борьбы западно-европейского пролетариата и роли крупной и мелкой буржуазии. Однако по своим политическим взглядам и требованиям в отношении России, он занимал очень умеренную позицию. Без всякой ошибки Герцена можно отнести к наиболее умеренному либеральному течению русского просветительства. Это течение в целом мыслило себе борьбу с самодержавием не с целью свержения его, а для соглашения с ним. В частности, Герцен лелеял одно время мечту о возможности превращения Александра II в мужицкого царя, призывал лишь к мирной реформаторской борьбе, отвергал наличие классовых противоречий в России. В своих выступлениях он в подавляющей массе случаев обращался к царю и к передовой части дворянства (образованной, как выражался Герцен) и отвергал путь насильственной крестьянской революции. Герценовские взгляды на русскую общину носят в значительной мере характер полуславянофильской проповеди, хотя он иначе понимал общину, чем славянофилы, которые восхваляли русскую отсталость объективно, в интересах помещиков. Характер общины Герцен оценивал не с точки зрения ее хозяйственного значения для будущей социалистической организации, а с точки зрения того мирского духа, который развит в русском народном быте. По мнению Герцена, именно этот мирской дух доказывает способность русского крестьянства перейти к социализму.

Дело не в том только, чтобы теперь, с точки зрения марксизма и последующей эволюции русского хозяйства, критиковать эти идеалистические, со славянофильским оттенком, взгляды Герцена. Было смешно, когда впоследствии «властитель дум» Михайловский пытался «углубить» принципиальную разницу между Европой и Россией. Важно установить причины, способствовавшие развитию взгляда Герцена на русскую общину.

В то время в Западной Европе бушевал процесс острейшей классовой борьбы буржуазии и пролетариата. Сочувствие и симпатии Герцена были, разумеется, на стороне пролетариата. Чего же добивался пролетариат Западной Европы? Он добивался свержения буржуазии и ее способа хозяйствования.

С этими попытками пролетариата жестоко расправились, и тут-то у Герцена и возник вопрос: как же с Россией? Стоит ли народу свергать самодержавие только для того, чтобы преподнесть политическое господство буржуазии и самому очутиться в положении французского пролетариата? Нельзя ли перешагнуть через капиталистическую фазу развития и сразу добиться царства свободы? И здесь на помощь Герцену приходит русская община. В статье «Русский Народ и социализм» (т. 5 соч. Герцена, изд. Павленкова, стр. 272—275) он пишет:

«Жизнь русского народа до сих пор ограничивалась общиной; только в отношении к общине и ее членам признает он за собой права и обязанности. Вне общины все ему (русскому народу) кажется основанным на насилии... Общинная организация, хотя и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти; она благополучно дожила до развития социализма в Европе. Это обстоятельство бесконечно важно для России».

И Герцен делает вывод:

«Из всего этого вы видите, какое счастье для России, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной какое это счастье для русского народа, что он остался вне всяких политических движений, вне Европейской цивилизации, которая, без сомнения, подкопала бы общину и которая ныне сама дошла в социализме до самоотрицания... Мы, русские, прошедшие через западную цивилизацию, мы не больше, как средство, как закваска, как посредники между русским народом и революционной Европой. Человек будущего в России — мужик, точно так же, как во Франции — работник».

Каков же, по мнению Герцена, путь полного развития общинных начал для перехода к социализму? Должны ли русские крестьяне сплотиться, чтобы во имя сохранения общины революционным путем освободиться от дворянской эксплоатации? Или, может быть, эта великая задача разрешится иным путем? На это Герцен отвечает, что «правительство вместе с передовым дворянством, которому не чужды великие идеалы любви к народу, сумеют своей реформаторской деятельностью довести русский народ до социализма». Путь же революционный для России был чужд Герцену. Он относился к нему обычно с нескрываемой враждебностью, хотя, как это мы отмечали выше, при оценке положения трудящихся классов Западной Европы с совершенной откровенностью становился на путь оправдания массовых действий.

д) НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ЕГО ВЗГЛЯД НА ОБЩИНУ

Как правильно отмечает Г. В. Плеханов, Чернышевский в своих взглядах на общину лишен был полуславянофильской идеализации ее Герценом. (Табл. 1.) Этот «властитель дум» революционной молодежи 60-х годов, который в вопросах философии стоял на материалистической точке зрения, а в вопросах истории давал правильные оценки и

характеристики, в некотором смысле приближающиеся к марксистским (напр., его взгляд на развитие общественных форм у народов и пр.), все же (довольно часто) в основном держался идеалистических взглядов на ход истории. Например, тогда, когда он попытался дать объяснение причин гибели Рима, он выставил положение о слабом развитии знаний среди римского крестьянства, как первопричину гибели Рима.

Чернышевский был социалистом утопического толка. Его идеалом являлось такое устройство общества, где господствует «товарищеский дух производителей». Чернышевский выступает в защиту общины потому, что она воспитывает дух товарищества и ассоциации, — качества столь необходимые, по его мнению, для социалистического производства. Сохранение общины увеличивает способности крестьянина для перехода к социалистической организации производства.

Община, по его мнению, дает следующие преимущества России для превращения в социалистическую страну: будущее общество требует гигантского развития техники, чтоб избавиться от нужды и иметь возможность дать каждому пользоваться по его потребностям. И вот наша-то община — русская община 60-х гг. — дает средства для применения тех технических усовершенствований в хозяйстве, благодаря которым и мыслим только пролетарский социализм в Западной Европе.

Итак, основной довод в пользу общинного землевладения у Чернышевского заключается в том, что оно развивает коллективизм среди крестьян и позволяет использовать все положительное, данное развитием капитализма в Европе, — его технику, его машины, его орудия и всю его культуру для социалистической организации общества.

В уже названной статье — «О причинах гибели Рима» — Чернышевский решительно протестовал против квасной полуславянофильской идеализации русской отсталости и противопоставления ее гнилому якобы Западу, которые проповедывал Герцен.

«Мы, — говорит он в этой статье, — далеко не восхищаемся нынешнему состоянию Западной Европы, но все-таки полагаем, что нечем ей позаимствоваться от нас. Если сохранился у нас от патриархальных диких времен один принцип, несколько соответствующий одному из условий быта, к которому стремятся передовые народы, то ведь Западная Европа идет к осуществлению этого принципа совершенно независимо от нас».

Далее, он протестует против идеализации первобытных форм, представляющих

«смесь анархии с деспотизмом», и издевается над людьми (т.-е. над Герценом), любящими дешевым манером посмеиваться над славянофилами, не замечая того, что сами не чужды коренной тенденции, из которой происходит славянофильство.

Теорию общинного землевладения Чернышевский развивал еще до уничтожения крепостного права. В то время русское крестьянство, охваченное общиной, представляло собой почти что однородную маломощную массу, как сказали бы теперь мы. Процесс расслоения этой массы на группы обеспеченных,

пользующихся (в открытой или плохо скрытой форме) наемным трудом, середняков и, наконец, таких, которые владеют лишь одними своими рабочими руками — «бобылей», как их называли в деревне, — едва только начинался.

Именно потому, что крестьянство Чернышевскому представлялось единым, что недостаточно были сильны элементы разложения общины на группы с разнородными социальными симпатиями, — Чернышевский выступил с защитой общины, доказывая возможность перехода ее в высшую организацию общества — в социалистическую. Никакой народнической идеализации общины здесь еще нет.

Изложением взглядов Герцена и Чернышевского на русскую общину мы ограничиваем обзор русских просветителей 60-х годов, поскольку эти последние приближались к оценке ее первым или вторым. Так, например, автор цитированной нами прокламации «К молодому поколению» Шелгунов писал в ней:

«Наша сельская община есть основная ячейка; собрание таких ячеек есть Русь; везде должно происходить одно начало. Вот что нам нужно».

Невольные ошибки, допускавшиеся этими мыслителями, преувеличенная роль, отводимая ими общине, представления о возможном и неизбежном перерастании общины в социализм, — все это находит свое объяснение в слабых ростках капитализма на русской почве. Поэтому, несмотря на обильную дань, отданную шестидесятниками верованиям утопического социализма, они являются величайшими представителями социалистической мысли в России, которая, начиная с 40-х гг. прошлого века, эволюционировала от утопии к революционному марксизму.

е) ПРОСВЕТИТЕЛИ И РЕФОРМА 1861 ГОДА

Значительная часть либералов-просветителей, группировавшихся главным образом вокруг Герцена, возлагала большие надежды на правительство Александра II в деле проведения реформы. Сам Герцен неоднократно выступал с советами и обращениями к царю (вроде знаменитого «Ты победил, Галилеянин»), признавая за Александром II заслуги истинного освободителя. Нельзя не отрицать, что не смог отделаться от воспевания Александра II и его реформ вначале даже Чернышевский, который писал: «Уничтожение крепостного права благословляет времена Александра II славой, высочайшей в мире». Но Чернышевский очень скоро понял свою ошибку и сделал более радикальные выводы. Он был по всему складу своих мыслей в то время революционером.

Разочарование было вызвано расправами со студентами, кровавым подавлением мирной патриотической манифестации в Польше. Наконец, крестьянские волнения открыли глаза и Герцену. А когда он резко выступил против этой политики, он был немедленно покинут своими либеральными друзьями. И «Колокол», совсем еще недавно самый популярный и самый распространенный оппозиционный орган, начал быстро увядать и чахнуть.

Что же касается Чернышевского, то он наиболее ярко и наиболее резко выступил против того либерального словоблудия, которым пытались воспевать реформу. Именно Чернышевский доказывал, насколько выгоднее, лучше

было бы «если бы крестьян освободили вовсе без земли, потому что тогда положение для них было бы ясно».

Правительственные репрессии, поворот части либерального «общества» в сторону полной поддержки самодержавия в его усмирении крестьянского и студенческого движения заставили Герцена пересмотреть свои взгляды. На кого же теперь могли опереться, к кому теперь могли обратиться передовые деятели 60-х гг.? «Образованные классы», т.-е. передовая часть дворянства, отвернулась от движения. На буржуазию и раньше серьезных надежд не возлагалось. Крестьянство распылено и только молодежь выражает готовность к борьбе. И вот Герцен пишет в статье «Исполин просыпается» по поводу студенческих волнений:

«Куда вам деться, юноши, от которых заперли науку... В народ, к народу!!. Вот ваше место, изгнанники науки. Покажите, что из вас выйдут не подъячие, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русского».

Кто же был этой молодежью, этой «молодой Россией», на которую возлагали такие большие надежды наши лучшие представители эпохи 60-х гг.? Меньше всего вы найдете здесь ту дворянскую молодежь, которой материальная обеспеченность позволяла отдаваться исключительно занятиям в кружках и искать ответов на «проклятые вопросы» в изучении различных философских систем, главным образом, Гегеля, и не только не интересоваться политикой, но — как говорил в своей знаменитой «Исповеди» Бакунин, — «быть чуждыми политическим вопросам, которые даже презирали, смотря на них с высоты философской абстракции».

Эта новая молодежь была совсем из другого теста и известна под именем разночинцев и нигилистов. В большинстве — это дети оскудевших мелкопоместных дворян, либо из наименее обеспеченных слоев духовенства или чиновничества. Реже из мещан, или одиночки из крестьян, сыновья дьячков, либо каких-нибудь писарей; они с настойчивостью, поистине поразительной, иногда пешком за сотни верст, без всяких средств приходили в Москву и Питер, «грызть гранит науки». Вот как описывает Чернышевский жизнь семинарии в то время, когда он там учился:

«Ничто не может сравниться с бедностью массы семинаристов. Помню, что в мое время из шестисот человек в семинарии только у одного была волчья шуба, и эта необычайная шуба представлялась чем-то даже не совсем приличным ученику семинарии вроде того, как если бы мужик надел бриллиантовый перстень».

И Чернышевский далее описывает, как, несмотря на «умеренность степени знатности и богатства» его семьи — для его товарищей войти в дом родных Чернышевского казалось так же дико, они чувствовали себя такими же беднякаами и ничтожными людьми, как он, Чернышевский, почувствовал бы себя в «салоне герцога Девонширского».

Совершенно естественно, что эта молодежь не могла уже жить так, как жила дворянская молодежь 40-х годов, которая, не находя ответов на проклятые вопросы, «разочаровывалась» и проводила в безделии свое время.

Как говорит Плеханов, «разночинец без всякого дела не может жить уже потому, что он не помещик, а пролетарий, хотя бы и дворянского происхождения». Он должен в поте лица своего зарабатывать хлеб свой. «Наш разночинец прежде всего специалист — химик, механик, медик, ветеринар и пр. Голова разночинца также полна проклятых вопросов». Но ответы на эти вопросы он меньше всего пытается искать в философских системах, презирая политику. Уже с детства разночинец видит произвол, несправедливость, жестокое обращение с народом и видит это не издалека или сверху, а на своей собственной шкуре, чувствует это на каждом шагу.

Михайлов (табл. 1), считавшийся автором прокламации к «Молодой России» и осужденный за это на каторгу, где и погиб, в своих показаниях на суде по поводу причин, побудивших его выступить против правительства, писал:

«Покойный отец мой происходил из крепостного состояния, и семейное предание глубоко запечатлело в моей памяти кровавые события, местом которых была его родина. По беспримерной несправедливости, село, где он родился, было в начале этого столетия подвержено всем ужасам военного усмирения. Рассказы о них пугали меня еще с детства. Гроза прошла недаром и над моими родными. Дед мой был тоже жертвой несправедливости. Он умер, не вынеся позора от назначенного ему незаслуженного телесного наказания. Такие воспоминания не истребляются из сердца». («Былое», № 1, 1906 г.)

Полицейский произвол и другие прелести крепостнического строя разночинец, следовательно, чувствует на каждом шагу, не исключая, конечно, и школы, куда он приехал. Больше того, самодержавие всеми силами старается установить в школе такие «порядок и дисциплину», чтобы у разночинца пропала всякая охота учиться, и это относится не только к разночинцам студентам, но и к разночинцам профессорам. Терпимы, как и всюду, только профессора-чиновники, занимающиеся насаждением «православия, самодержавия и народности». Так, знаменитого русского историка Щапова лишили кафедры ссылкой в Сибирь, и он умер, лишенный не только научных пособий, но и средств к существованию... «Он иногда приходил голодным к знакомым и просил, чтобы накормили его...» Это случилось потому, что по отзыву чиновника царского правительства, тоже известного ученого, профессора Аристова, «Щапов имел интерес к политике», «задор судить и рядить о делах практических», т.-е., короче, не любил прислуживаться. Кстати, для характеристики университетской обстановки, в которой пришлось находиться молодежи, интересен самый факт, за который был взят «на учет» царским правительством Щапов. Приглашенный читать курс лекций по русской истории — он однажды объявил, что свою лекцию посвятит декабристам. На лекцию явился помощник попечителя, — и Щапов был скоро удален из университета.

Но такой произвол еще более закалял разночинца, еще более разжигал ненависть его к правительству. Недаром уже цитированный Аристов видел причину гибели Щапова в его «диком нраве и непростительном упорстве». А Щапов был истым разночинцем. Сын сельского дьячка, попавший в Казанскую Духовную Академию, он работал по 17 часов в сутки в течение нескольких лет, чтобы иметь возможность отдаться научной деятельности. Между тем правительство все более и более убеждалось, что из такой молодежи, вопреки всем стараниям его, «чиновников с виду и подлецов душой» не получишь. Прави-

тельство решает закрыть доступ во все высшие учебные заведения «кухаркиным детям». С этой целью число стипендий, ежегодно отпускаемых, сокращается до ничтожных размеров. Плата за учение повышается, вносить ее нужно во время вступительных экзаменов. А для тех, кому все-таки удается преодолеть все эти препятствия, вырабатывается такой режим, что не выдерживает даже умеренная часть студенчества, и в 1861 году поднимаются студенческие беспорядки.

Правительство не остановилось перед закрытием Питерского университета и отправкой массы студентов в Петропавловскую крепость. Вот к этому-то молодому поколению обращались наши шестидесятники, вот на какую молодежь они возлагали надежды. Они призывали молодежь итти «в народ», открывая перед ней, в случае сотрудничества с самодержавием, неизбежность «пойти на самые постыдные сделки со своей совестью». Но вопрос о том, что делать в народе молодежи, понимался просветителями по-разному. Герцен и даже Чернышевский, по выражению тов. Покровского, «готовы даже поиграть на идее народного восстания». Но и у Герцена и у Чернышевского это восстание отнюдь не выставлялось в порядке дня. Этого касались как бы мимоходом и представляли себе, что все-таки возможно какое-то очищенное от остатков крепостничества и произвола самодержавие и без восстания. Верили в возможность какой-то реформы с помощью обновленной монархии. Эти взгляды разделял в то время даже Бакунин, который в статье: «Пестель, Пугачев или Романов» писал, что «готов поддержать монархию, если последняя пойдет навстречу желаниям освобождения крестьян и тем поведет Россию, минуя капитализм, к общинному началу».

Такие обращения — полусогла̀шательские, — как сказали бы мы теперь, — конечно, не могли удовлетворить молодежь. Как! Ей, терпящей на каждом шагу гнет монархии, говорят о возможности как-то подновить последнюю и такие рассуждения советуют положить в основу своей работы в народе! Но не будет ли это прямой изменой наро́ду? И вот до слуха молодежи доносятся совсем другие призывы, совсем другой способ покончить с «тиранами». Мы говорим о едва ли не самых замечательных документах эпохи: уже известной прокламации Шелгунова «К молодому поколению» и Зайчневского «Молодая Россия». (Табл. 1.) Эти прокламации резко выделяются среди остальных революционных документов эпохи («Великорусс», «К барским крестьянам» и др.). В последних, на-ряду с острой критикой реформы, в положительной части программы выдвигались умеренные требования — в «Великоруссе» надежды возлагались исключительно на образованные классы, в обращении «К барским крестьянам» — последние хотя и призывались к бунту, но призывались осторожно. Крестьянам рекомендовали сначала организоваться, ждать указаний от какого-то несуществующего центра, который-де «в курсе дела и потому скажет, когда начать». На самом деле, поскольку никаких ни «центров», ни «организаций» тогда не было или почти не было (об этом ниже), — Чернышевский, по справедливому замечанию М. Балаба-

нова («История революционного движения в России»), рекомендовал не начинать снизу, а ждать указаний «центра» только потому, что он, «хотя и заявил себя сторонником революционного образа действий, находил необходимым призывать к «топору», но в то же время мыслил крестьянское восстание как организованное интеллигенцией, а не как стихийный бунт, на который он смотрел, как на несчастье». Эти прокламации и выражали тогда соль практических требований наиболее радикально настроенной части.

Иное мы находим в прокламации «К молодому поколению». Здесь об образованных классах нет и помину. В теоретической части прокламация находится под влиянием Герцена. Россия противопоставляется Европе, как гнилому Западу. «Мы не хотим ее пролетариатства, — говорится в ней, — ее аристократизма, ее государственного начала, ее императорской власти... Мы должны благословлять судьбу, что не жили жизнью Европы...» Но в достижении своей цели составитель прокламации идет уже гораздо дальше и иными способами, хотя еще с оттенком компромиссов. «Мы хотели бы, разумеется, чтобы дело не доходило до насильственного переворота. Но если иначе нельзя, мы не только не отказываемся от него, но мы зовем охотно революцию на помощь народу». Единственный слой населения, способный осуществить эти требования, на который надеется автор прокламации,— это не дворянство, которое себя совершенно дискредитировало, а «народная партия», именно «наиболее угнетенная часть чиновничества, солдаты, лучшая часть офицерства, крестьянство и главным образом молодежь». «Молодежь — вот единственная сила, вожаки движения, способные и народу и войску открыть глаза на все дело. Необходимо организоваться молодежи, выделить из своей среды вождей и быть готовой итти на славную смерть», заканчивали обращение к молодому поколению авторы прокламации.

И Герцен и Чернышевский отнеслись к прокламации резко отрицательно: Герцен по причинам уже известным, Чернышевский же, который не так резко критиковал тактическую линию прокламации, не разделял выраженного в прокламации герценского противопоставления в программе России Западу.

Мы видели, что прокламация «К молодому поколению» охотно соглашается на революцию, хотя хотела бы, чтоб дело не доходило до насильственного переворота. Совершенно очищенной в этом отношении от всяких компромиссов являлась прокламация «Молодая Россия», автором которой был талантливый юноша, сын генерала, П. Г. Зайчневский:

«Революция, революция кровавая и неумолимая, революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка».

«Молодая Россия» делит всю Россию на две партии: одна — партия императорская — помещики, буржуазия, другая — партия народная. Между ними ожесточенная, непрерывная борьба,

«покамест будет существовать современный экономический порядок, при котором немногие, владеющие капиталами, являются руководителями участи остальных».

Прокламация критикует Герцена и косвенно Чернышевского, бичуя листок «Великорусс», за их боязнь «тени революции».

Зайчневский готов уничтожить сто тысяч помещиков, если это только нужно будет в интересах революции. Об уничтожении императорской партии Зайчневский пишет гораздо смелее и ярче. «Когда будет призыв «в топоры,

«тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам! Помни, что тогда, кто не с нами, тот будет против; кто против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами».

Для проведения в жизнь требования революционной партии нужно будет установить диктатуру революционной партии, захватившей власть, чтобы поскорей освободить от рабства народ. Сам переворот совершит, однако, не народ, а главным образом молодежь. И здесь молодежь играет первую скрипку. В обосновании своей программы Зайчневский продолжает оставаться на обычных для того времени утопических теориях.

Между тем правительство не дремало. Под влиянием питерских пожаров, виновниками которых упорно называли нигилистов, под влиянием революционных прокламаций, «общество», либералы решительно поворачивали вправо [1])... Дальше «бунта на коленях», этой классической формы возмущения русских либералов, это общество не шло. Самодержавие все-таки было вернейшим стражем «от мужицкого гнева». Но теперь общество отказывается и от этого. Раздаются призывы убрать всех, кто мешает совместной работе с правительством. И здесь имеются в виду даже такие умеренные шестидесятники, как Герцен. Правда, Герцен за границей и не представляет опасности, так как нигилисты не с ним. Чернышевского же ссылают на каторжные работы в результате процесса, сфабрикованного по документам заведомо подложным, буквально типа «писем Зиновьева», как сказали бы мы сейчас. («Ничто не ново под луной». Передовая Англия копирует иногда крепостническую Россию). Михайлов, Шелгунов и др. попали в тюрьму и на каторгу еще раньше. Добролюбов умер, иначе его постигла бы та же участь.

Особенно усилились реакционные настроения среди либеральной части общества после выстрела Каракозова 4 апреля 1866 г. в Александра II. Либералы перепугались: не затеяла ли в самом деле молодежь коммунистический переворот? Надо дать правительству возможность покончить с этим движением. Молодежь это, однако, не смущает. На либералов и раньше ведь никто мало-мальски серьезных надежд не возлагал. Общество отвернулось, — ну, что же, тем лучше, идя в народ, тем легче будет показать ему, на кого опирается самодержавие.

Если либералы решили помочь правительству положить конец коммунистическим «бредням», то следует отметить, что самой-то молодежи эти бредни, во имя которых она собиралась итти звать народ «в топоры», были не совсем

[1]) Даже Бакунин и Чернышевский отвернулись от «Молодой России».

ясны. Как и с чем подойти к народу? Чем заменить самодержавие? В какой форме возможно истинное освобождение трудящихся?

Обоснование этих вопросов, выяснение задач, целей, методов борьбы с самодержавием в переживаемый период, роли народа и молодежи в ней принадлежит двум крупнейшим представителям революционного народничества: Бакунину и Лаврову. (См. табл. 2.)

Эти две различного типа фигуры наложили такую яркую печать на целое поколение революционеров, что мимо них не может пройти изучающий историю нашей революции и нашей партии.

ж) НАРОДНИЧЕСТВО 70-х ГОДОВ, РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ НАРОДНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Две группы народничества объемлют собой различные фракции народнического движения и различие их — в различном тактическом подходе к задачам, поставленным перед революционерами 70-х годов.

Каков путь социалистического переворота в России? Каковы задачи революционеров в связи с этой перспективой? Какова должна быть практика революционеров? Ответы на эти вопросы тактики и разделили народников на два крыла. Одно крыло — «бунтари»-бакунисты — рассматривало основные задачи революционеров под углом зрения непосредственной работы среди крестьянства в целях подготовки условий для всеобщего бунта и возмущения. Это крыло народников теоретическим вдохновителем имело анархиста Бакунина. Оно пользовалось, по словам Г. В. Плеханова, наибольшими симпатиями среди революционной молодежи 70-х годов.

Михаил Бакунин вышел из того поколения передовых русских людей, к которым принадлежали Белинский, Огарев и Герцен. С этими последними Бакунин был связан в течение долгого времени личной дружбой. Выданный после революции 1848 г., в которой он принимал непосредственное участие, австрийским правительством, Бакунин из Алексеевского равелина, Петропавловской крепости, написал «Исповедь», в которой раскаялся перед Николаем I в своих революционных убеждениях. Как он писал об этом впоследствии Герцену, письмом своим он рассчитывал на энергический нрав Николая. Благодаря этой «Исповеди», а также аристократическим связям, Бакунин был выслан в Сибирь, а оттуда через Японию и Америку бежал в 1861 г. в Европу. Бакунин становится анархистом. Годы, проведенные им в Алексеевском равелине и в ссылке, не угасили в нем революционного пыла; но, надо отдать ему справедливость, эти годы не прибавили ему ясности в понимании путей революции и общественного развития. «Мы понимаем революцию, — пишет Бакунин, — в смысле разнуздания того, что теперь называется дурными страстями, и разрушения того, что на том же языке называется естественным порядком». По мнению Бакунина, общине мешает в развитии только государство. Развитие общины поэтому требует уничтожения государства. «В этой общине имеется бунтарское, стенько-разинское, пугачевское, раскольничье — единственная сторона, от которой должно, по моему мнению, ждать морализации и спасения для русского народа». Правда, в этом самом народе имеется четыре очень крупных недостатка:

патриархальность семьи, поглощение в общине отдельной личности миром, вера в царя и религия. Однако, по мнению Бакунина, первые три недостатка будут преодолены уже начавшейся борьбой самого народа. Что же касается религии, то у нас, дескать, она не представляет такой опасности, как в Западной Европе. Но ведь у крестьянства нет единой организации, ведь типичным для общины является разрозненность общин между собою. На выручку крестьянству тут и должна притти интеллигенция. Интеллигенция только должна помочь поднять восстание.

«В бунт мы верим и только от него ждем спасения. Народ уже явным образом нуждается в помощи, он находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню. Но хотя и всякий бунт, как бы неудачен он ни был, всегда полезен, однако частных вспышек недостаточно, надо поднять все деревни... надо связать лучших крестьян всех деревень, волостей и по возможности областей, передовых людей, естественных революционеров из русского крестьянского мира между собою, и там, где это возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством... Надо убедить прежде всего этих передовых людей из крестьянства, а через них, если не весь народ, то, по крайней мере, значительную и наиболее значительную часть его, что для целого народа, для всех деревень, волостей и областей в целой России, даже и вне России, существует одна общая беда, а потому и одно общее дело. Надо их убедить, что в народе живет несокрушимая сила, против которой ничто и никто устоять не может, и что если она до сих пор не освободила народа, то это только потому, что она могуча только, когда собрана и действует одновременно, везде, сообща, заодно, и что до сих пор она не была собрана. Для того же, чтобы собрать ее, необходимо, чтобы села, волости, области связались и организовались по одному общему плану и с одной целью всенародного освобождения» [1]).

Практика привела бунтарей-бакунистов, отрицавших всякую политическую борьбу, к пересмотру их взглядов после довольно продолжительных опытов и попыток поднять народное восстание. Противники политической борьбы превратились в ярых ее сторонников, что показалось, по словам Плеханова, прямой изменой народничеству многим сторонникам прежней бунтарской тактики, рассчитанной на народное восстание.

Другое крыло — «пропагандисты»-лавристы — отнюдь не разделяло оптимистических верований бакунистов-«бунтарей» в близкую возможность крестьянского переворота. Последний представлялся этому крылу делом весьма трудным, достижимым лишь в той мере, в какой непосредственные участники революции подготовят себя для будущей ответственной роли в движении. Это крыло, вдохновляемое Лавровым, ставило себе задачей мирную пропагандистскую деятельность среди крестьян и углубленную самообразовательную работу молодежи. Этот уклон в сторону работы над собой особенно ярко выразил еще задолго до Лаврова Д. И. Писарев, призывавший молодежь науку «пить не малым дозами, а бочками сорокаведерными».

Вождь этого крыла народников — Петр Лаврович Лавров, профессор артиллерийской академии, примкнул к обществу «Земля и Воля». Он был арестован в связи с Каракозовским делом и сослан в Кадников. В 1870 г. бежал за границу с помощью известного революционера Германа

[1]) Цитируем по М. Балабанову «История революционного движения в России». Гиз Украины, 1925 г., стр. 158.

Лопатина. Лавров, как и Бакунин, был близко знаком с Марксом и находился под его несомненным влиянием. Однако если Бакунин, по выражению Плеханова, «софистицировал Маркса», довел до карикатурности отдельные черты учения Маркса, то Лавров сделал из некоторых идей Маркса, идей революционной демократии, такую эклектическую смесь, такую окрошку с идеалистическими взглядами народников, что в значительной степени затруднил для своих учеников понимание научного социализма. Тем не менее Лаврову принадлежит едва ли не лучшая работа о Парижской Коммуне. В дни Парижской Коммуны он жил в Париже, принимал участие в ее делах (ездил к Марксу, чтобы получить помощь Генерального Совета Первого Интернационала Парижской Коммуне).

Как и Бакунин, Лавров связывает все свои расчеты с судьбой крестьянской общины:

«Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основные элементы русского общественного строя, поместить в общинной собственности частную, дать крестьянству образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никак не сумеет воспользоваться легальными своими правами, как бы они широки ни были, и никогда не выйдет из-под эксплоатации меньшинства, даже в случае самого удачного переворота, вот специально русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству».

Лавров создал теорию прогресса, по которой прогресс есть «процесс развития в человечестве сознания и воплощения истинной справедливости путем работы критической мысли личностей над современной им культурой». Таким образом Лавров является в значительной мере идеалистом.

Не общественные отношения, не бытие определяет, по мнению Лаврова, сознание людей, а, наоборот, — работа критической мысли определяет собою общественные отношения, перерабатывает их на основе определенного идеала [1]).

Это учение было по вкусу революционной интеллигенции, которая видела в себе соль земли. Если Лавров был ближе к социалистическому движению Западной Европы и сделал очень много для распространения социалистических идей среди русских революционеров, то он вместе с тем, как только переходил на почву русской действительности, грешил той же самой идеализацией крестьянства, как и бакунисты. По мнению Лаврова, русский народ «сохранил единственный действительный элемент политической жизни, который существует в России. Он и в крепостном подчинении сохранил солидарность и самоуправление — мир, живую общественную единицу — мелкую поземельную общину, передвижную рабочую артель».

По отношению к государству Лавров так же придерживается анархистских взглядов, как и Бакунин:

«Все политические партии, с их конституционными идеалами более или менее либерального свойства, всякая попытка заменить централизованную и буржуазную империю централизованной и буржуазной республикой—все это нам враждебно в своем основном строе».

---

[1]) «Друг Петр — лично в высшей степени почтенный русский ученый — в своей философии является эклектиком, который изо всех различных систем и теорий старается выбрать то, что в них есть наилучшего», писал Ф. Энгельс о Лаврове.

Революционной интеллигенции, как и Бакунин, Лавров отводил роль организатора народного движения. Но Лавров, в противоположность Бакунину, считал, что для революции необходима действительная пропагандистская работа, что «критически мыслящая личность» должна «связать готовые элементы народно-политической силы в солидарное целое для социальной революции, помощью пропаганды требований рабочего социализма и помощью социально-революционной агитации...»

«Убежденные социалисты интеллигентского класса должны найти себе товарищей среди рабочего народа, действующего в общине и артели, и сами должны стать членами общины и артели, чтобы пропаганда, расширяющая число более или менее понимающих задачи рабочего социализма, чтобы агитация, увеличивающая число сочувствующих практическим требованиям социальной революции, шла не извне первичных центров народной солидарности жизни, а изнутри их».

Лавров рассчитывал, что в течение 6 лет 100 пропагандистов могут создать социально-революционный союз в 10.000 членов, не считая сочувствующих, и что с такой армией можно уже будет совершить революцию.

з) НАРОДНИКИ-КУЛЬТУРНИКИ, ЧАЙКОВЦЫ, ДОЛГУШИНЦЫ

Эти кружки, созданные в 1869 г., вначале преследовали главным образом культурные цели. Они ограничивали свою работу углубленным самообразованием членов и распространением революционных брошюр. (Табл. 5, 6 и 7.)

Кружок «чайковцев» в своих рядах объединил наиболее деятельные элементы тогдашней революционной России. Без преувеличения можно сказать, что наиболее крупные фигуры последующего революционного движения вышли из рядов этого кружка. Достаточно отметить такие имена как Кропоткин, Перовская, Желябов. Общей платформой кружка являлось, судя по авторитетному показанию одного из деятельных членов кружка, Аптекмана (в его книге «Земля и Воля»), — «объединение всех единомышленников под единым принципом, — обязательной выработки для революционной деятельности сознательной, теоретически подготовленной личности».

Среди них был не малый процент участников, увлекавшихся религиозными вопросами, которые, как они думали, одни могут облагородить человечество. Религиозными настроениями заражены были также долгушинцы, названные по имени основателя кружка. Когда царские жандармы переарестовали долгушинцев, то на даче, где находилась тайная типография кружка, полиция захватила крест с надписью, сделанной Долгушиным: «Во имя Христа! Свобода, равенство и братство». Стены этой «конспиративной» дачи были расписаны такими надписями: «О, Бог, о, душа, о, слава свободы! И днем и ночью их молния и свет. Мы гребем, как рабы. Но если твой перст коснется нас, то они бегут. Какой человек остановит нас, какой бог поразит нас?! Служи только ему, ибо его дело священное. Он страдает, и всякий человек вблизи народа посланник Бога».

Долгушинцы являлись, как это указывает Аптекман, типичнейшим интеллигентским кружком. Эти два кружка характерны тем, что, находясь в городе, они уделяли большое внимание рабочим, хотя к последним они и относились

с обычными народническими предубеждениями — что, мол, за ними нет никакого будущего; что, как выходцы из крестьян, они могут служить лишь связующим звеном между интеллигенцией и крестьянством и пр. Тем не менее, первую работу по воспитанию отдельных рабочих, первое знакомство с социализмом и литературой рабочие получили со стороны деятелей этого кружка. Более восприимчивые к пропаганде, более отзывчивые на революционную проповедь, — они и выдвинули из своей среды ряд будущих вождей рабочего движения. Кружки долгушинцев, составленные по преимуществу из учащейся молодежи, вскоре почувствовали неудовлетворенность самообразовательной работой. Разорительные последствия крестьянской реформы начинали сказываться в виде постоянного брожения среди крестьян. Одновременно путь спокойной университетской работы был закрыт полицейским вмешательством. Именно среди них и раздается проповедь практического хождения в народ, к которой призывал молодежь еще в 60-х годах Герцен. Они и явились первыми пионерами того «д в и ж е н и я в н а р о д», которое охватило к этому времени массу революционной молодежи.

и) НАРОДНИКИ-БУНТАРИ (БЛАНКИСТЫ, ИПАТИНЦЫ, НЕЧАЕВЦЫ, ТКАЧЕВЦЫ, БАКУНИСТЫ)

Молодежь, охваченная идеями «бунтарей», не могла удовлетвориться мирной пропагандой лавристов. Последним доставалось от этой молодежи не меньше, чем в свое время доставалось тем интеллигентам, которые после поражения революции 1905 г. впадали в ликвидаторство, уходили от непосредственной борьбы в мистицизм, занимались богостроительством, богоискательством и пр.

Близость революции казалась бунтарям неопровержимо доказанной Бакуниным, как и коммунистические качества, которыми наделил знаменитый анархист русского мужика. Поэтому бунтари искали почвы для непосредственного применения своих теорий. «Надо быть вместе с крестьянами, которые завтра поднимут кровавую борьбу с угнетателями во имя социализма, и изменником народным интересам должен считаться всякий, кто в великий день народного гнева не будет вместе с ними» — так, примерно, рассуждала эта горячая молодежь, полная идиллических представлений, далеких от жизни в такой же мере, в какой русский мужик 70-х годов был далек от социалистического идеала.

Ближайшее знакомство с деревней, с ее требованиями, привело значительную часть этой молодежи к полному разочарованию. Об отношении мужика к пришельцам из города сохранилось стихотворение одного бунтаря. Вот выдержка из него:

Под одеждою крестьянской
Ложь, обман пуская в ход,
Пробрались они в народ...
Я не знаю, что б случилося,
Сколько крови бы пролилося,
Если б мужички к начальникам,
К становым своим, к исправникам
И к ближайшей властной братии
Не питали бы симпатии...

...Полн сыновней откровенности,
Веры в власть и упования,
О мятежных злодеяниях
Представлял он донесения
В волостные управления.

Разумеется, не всюду так печально «представлением к начальству» оканчивалось для бунтарей хождение в народ. Но воспоминания участников движения в народ не оставляют никакого сомнения в малой успешности попытки бунтарей, приведшей их к разочарованности. Некоторые участники указывают, что, явившись в деревню для организации крестьянского бунта, они в скором времени должны были изменить свою тактику: из проповедников немедленного бунта они превращались в обычных культурников, обучавших крестьян грамоте и распространявших среди них элементарные знания. Общие вопросы, под давлением крестьян, бунтари не могли ставить и вынуждены были из боязни лишиться крестьянского доверия пропаганду вести на почве непосредственных крестьянских нужд. Лукашевич («Былое» за март 1907 г.), один из участников хождения в народ, приблизительно так описывает отношения крестьян к народникам:

«Зачем, мол, шляются по незнакомым местностям. Крестьяне кратко и бесцеремонно объясняли свой взгляд относительно нечистоты на руку всех приходивших в деревню».

Бунтари приспособлялись к внешнему виду крестьян, чтобы законспирировать себя. Каждый из них думал, что, опростившись, что, надев поношенный костюм и лапти, он может снискать доверие крестьян. Но получалось как раз обратное. Один участник этого движения пишет в своих воспоминаниях: «Ободранная одежда вызывала больше всего недоразумений. Меньше всего мы ожидали это встретить».

Недовольство, существовавшее среди крестьян, народники рассматривали как недовольство против царя, против помещиков во имя социализма. На самом деле крестьянин бунтовал против остатков крепостничества во имя условий для развития мелкособственнического хозяйства. Социализмом здесь и не пахло. «Царь являлся в самой тесной связи с земельными идеалами крестьян», — заявляет в воспоминаниях Дебогорий-Мокриевич. Крестьянин продолжал бунтовать только против сохранившихся непорядков в деревне, мешавших развитию его мелкого хозяйства, и ему продолжало казаться, что царь поможет ему в этой борьбе».

Решающим образчиком полной доверчивости крестьян к царю является знаменитое Чигиринское дело.

Подложными манифестами Александра II группа бунтарей (Стефанович, Дейч, Дебогорий-Мокриевич) пытались организовать крестьянское восстание. Иных способов для крестьянского возмущения бунтари придумать не могли. Только эксплоатацией крестьянской веры в царя крестьянина можно было поднять на революцию. Но только в свете бакунинских утопий такую революцию можно было считать социалистической [1]).

[1]) Точно так же, когда «Народная Воля» впоследствии потерпела крушение в надеждах своих на социалистическую революцию после 1 марта 1881 года, часть членов

Разочарованность в бунтарских попытках, иллюзорность, несбыточность последних, неверие в мужика, занятого устройством своего хозяйства, неподвижность, косность и отвращение мужика к социалистической проповеди, его доверчивость к царю, — вот что вынесли из практики хождения в народ бунтари-народники. Это означало крах народнической фантастики и революционной утопии.

Однако не все бунтари были заражены идеализмом бакунистов в отношении крестьянства. Более трезвые отдавали себе отчет в крестьянских идеалах. Они отвергали славянофильские представления о качествах русского крестьянина, хотя в то же время сохраняли в неприкосновенности славянофильские представления о роли общины.

Народнический кружок Ипатина в 1866 г. первый намечает путь деятельности революционеров в России. Крестьянские тяготы, вызванные мнимым «освобождением», просто подавляют крестьянина своей тяжестью. «Надо расшевелить эту толпу и привлечь ее внимание к революционным обязанностям» — думают члены кружка. Здесь зарождается мысль о цареубийстве, которая сама по себе уже отмечает недоверчивость к тем верованиям бакунистов, которые привели последних к идеализации некоторых черт крестьянства. 4 апреля 1866 г. эта мысль получает осуществление в выстреле Каракозова в Александра II. (Табл. 3.)

Эта новая тенденция народничества, составившая вскоре целую полосу в революционном движении, воспринимается С. Нечаевым, который в своем манифесте заявляет: «Каракозов указал путь. Он начал. Наше дело его продолжать». В дальнейшем Нечаев свою тактику полностью согласует с разрушительной тактикой анархиста Бакунина и поэтому может по справедливости считаться главным и деятельнейшим агентом-практиком последнего. (Табл. 4.)

Каракозов и Нечаев своей новой тактикой наносят существенный удар народнической теории. Последняя, как известно, свою деятельность среди крестьян рассматривала, как способ для прямого перехода к социализму через общину и отрицала путь политической борьбы с самодержавием, оформляя новые настроения народников. Но и проявившаяся теперь тенденция к политической борьбе с самодержавием ограничивалась террористической заговорщической работой, направленной против самодержавия. Завершителями этой тенденции явились народовольцы. Особо выделяются среди народников Ткачев (табл. 2) и деятель группы «Молодая Россия» — Зайчневский.

Оба эти деятеля оставили ряд замечательных литературных памятников революционного народничества.

В прокламации «Молодая Россия» Зайчневский ставит вопрос о захвате власти и установлении «диктатуры народной партии для социальной и демократической революции в России».

Ткачев эту новую тактику возводит в стройную систему, превращающую его в родоначальника русского бланкизма. Этот замечательный писатель-

---

«Народной Воли» издали прокламацию, одобрявшую еврейские погромы, так как в них-де выявились тоже бунтарские революционные настроения. Подробнее об этом в книге проф. А. Туна: «История революционного движения в России». Гиз, 1920 г., стр. 204.

революционер в своих сочинениях иногда приближался к марксизму. Он устанавливает, что все зло и несчастье русского крестьянина — в экономических отношениях России. Главнейшим средством освобождения его от экономического рабства является свержение царской власти и захват этой власти группой инициативного энергичного меньшинства русской интеллигенции. Исключительную роль заговорщической группе Ткачев отводит потому, что «борьбу с самодержавием крестьяне ведут отдельными личностями. Вся масса крестьянства забита нищетой и невежеством и поэтому борьбу вести не может. Только инициативное меньшинство революционной интеллигенции — вот кто может вывести из тупика Россию и морально возродить общество». «Социалистические идеалы до тех пор останутся утопиями, пока они не будут опираться на силу и на поддержку власти...» «Истинная революция заключается в том, чтобы овладеть государственной правительственной властью...» Группа, ставшая у кормила правления, должна будет повести разрушительную деятельность. Надо будет «перевешать всех попов, купцов, министров, жандармов, прокуроров». Но, захватив власть, нужно будет не только обезопасить себя от контр-революционных заговоров сторонников старого порядка. Надо себя застраховать от эксплоататоров, которые добровольно не откажутся от своих привилегий: «Человек по доброй воле не решится отдать то, чем он привык пользоваться», поэтому «нужно будет установить режим насилия и беспощадной борьбы, и только такими приемами можно будет укрепить новый строй». Нечего страшиться тех ужасов и расправ, которые будут произведены над чиновниками царя и над эксплоататорами. Они в полной мере оправдываются не только законами революционной целесообразности, но еще потому, как отмечает Ткачев, что «интересы рабочих классов тождественны с интересами всего общества. Следовательно, чем полнее мы будем расширять их права, тем нормальнее устроятся наши общественные интересы» [1]). Вместе с тем, Ткачев, так трезво оценивающий роль экономики, роль политической власти для эксплоатируемых, отдает большую дань обычным предрассудкам народников-утопистов того времени и прудонистскому учению об ассоциациях, народном банке и пр. Оценки и характеристики русских условий, как это отмечал и Энгельс в спорах с ним, приближают Ткачева к утопистам-социалистам 70-х годов.

к) ПЕРЕХОД ОТ КРУЖКОВЩИНЫ К ОРГАНИЗАЦИИ

Уже в 60-х годах как «Великорусс», так и «Молодая Россия» ставят вопрос о создании народной партии, способной стать во главе освободительного движения.

Кружки, действовавшие в те годы разрозненно, стремились к одной задаче — к подготовке и организации крестьянского восстания, к уничтожению остатков крепостничества. А сложность задач, вставших перед революционерами в связи с борьбой против самодержавия, только усиливала стре-

[1]) Здесь, как и на других произведениях бакунистов и Ткачева, чувствуется влияние «Коммунистического Манифеста» Маркса и Энгельса.

мление к организации. В 1862 г. создается по инициативе Герцена и Огарева общество «Земля и Воля», которое ставит перед собой одну задачу: «с о б и р а н и е с и л р е в о л ю ц и о н н ы х э л е м е н т о в». Чтобы объединить всех сторонников революции, это общество, как было объявлено в «Колоколе», «сглаживает все спорные оттенки, чтобы создать платформу одной и той же партии». Эта попытка создать организацию, включающую самые разнородные по политическим симпатиям и стремлениям элементы, не могла привести к продолжительному существованию организации, и она распалась через несколько месяцев.

Тем не менее эта попытка отмечает настоятельную потребность организационного охвата революционеров, проявившуюся еще в 60-х годах прошлого столетия.

К 70-м годам движение молодежи в народ достигло наивысшего пункта развития. Оно безусловно было массовым и захватило не менее 1.000 человек из революционной молодежи, — количество по масштабам того времени чрезвычайно большое. Массовые провалы, которые легко установить по ряду политических процессов того времени (процессы «50-ти» и «193-х»), диктовали необходимость создать единый центр, способный охватить уцелевшие группы революционеров. (Табл. 8 и 9.)

Действовавшие кружки руководствовались самостоятельными задачами, тем самым ослабляя силы и без того незначительных групп революционеров. Возникает мысль об объединении этих кружков под единым знаменем.

Те народники, которые работали в народе, тоже убеждались в необходимости такого центра. «В одиночку ничего нельзя сделать», — писал один из виднейших бакунистов-бунтарей, Степняк-Кравчинский, автор ряда революционных повестей и брошюр 70-х годов.

Эти настроения привели к организации в 1876 г. «Северно-революционной народнической группы», которая с 1878 г. получила название «Земля и Воля». Эта организация, существовавшая несколько лет, является первой попыткой создать революционную партию в России, ибо до того времени, как мы видели, существовали и действовали лишь одни кружки.

л) «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ»

Организация «Земля и Воля» призвана была объединить все те силы, которые сохранились в городах после жестоких репрессий, обрушившихся на них со стороны правительства. (Табл. 10.)

Сама по себе мысль о создании единого центра, управляющего революционными элементами, являлась в высшей степени плодотворной. Но революционеры 70-х годов, в организационных взглядах переросшие своих предшественников кружкового периода, тем не менее продолжали исповедывать старые народнические утопии о возможности в ближайшее время социалистической революции и утверждали, что крестьянство хорошо подготовлено к этой большой задаче переустройства общества, что община служит основой будущего строя.

Но очень скоро мысль революционеров столкнулась с необходимостью не только организационно поднять движение, но и определить программу этого

движения, методы и приемы работы и, наконец, произвести переоценку своим прежним верованиям.

Землевольцы очень скоро убедились в невозможности поднять крестьянское восстание. Это объяснялось вовсе не тем, что правительство своими репрессиями мешало работе. Плеханов в предисловии к книге Туна пишет совершенно правильно:

«Деятельность в крестьянстве отнюдь не была невозможной, революционеры справились бы с полицейскими препятствиями, если бы их настроение продолжало толкать их в деревню. Но в том-то и дело, что во второй половине 70-х годов их настроение очень изменилось, и «хождение в народ» потеряло в их глазах почти всю свою привлекательность. Произошло это потому, что деятельность в народе не оправдала тех радужных, можно сказать, почти ребяческих надежд, какие возлагались на нее революционерами. Отправляясь в народ, революционеры воображали, что «социальную революцию» сделать очень легко, и что она очень скоро совершится: иные надеялись, что года через 2—3. Но известно, что подобная легкомысленная «вера» представляет собой нечто до крайности хрупкое и разбивается при первом столкновении с жизнью. Разбилась она и у наших тогдашних революционеров. «Народ» перестал привлекать их к себе потому, что «хождение в народ» перестало казаться им вернейшим и скорейшим средством повалить существующий порядок» (стр. 37.)

Эта общая разочарованность молодежи в возможности близкой социалистической революции отразилась, между прочим, и на том, что молодежь, рвавшаяся до этого времени в народ из города, переставала пополнять ряды бунтарей-деревенщиков. По авторитетному признанию такой видной бунтарки, как В. Фигнер, за время ее работы в Саратовской губернии, где она, кстати сказать, провела очень большое количество времени, сравнительно с другими бунтарями, — «не прибыл ни один революционер, согласившийся оставаться на положении бунтаря». Она пишет далее: «Можно было удивляться, как мы, живые, энергичные люди, так долго терпим свое одиночество; только глубокая вера в народ, что он без усилий интеллигенции не проснется, поддерживала нас».

Эту разочарованность молодежи, вызванную тем, что крестьянин не подавал надежды на близкое возмущение, некоторые бунтари неправильно себе объяснили. Бунтарь Стефанович писал: «Надо изменить характер работы в народе, ибо он откликается только на злободневные нужды». Другие заявляли, что надо перестать быть гастролерами, т.-е. людьми только на время прибывающими в деревню и неспособными охватить нужды местного крестьянства. Чтобы ближе узнать эти нужды, надо перейти к оседлости для того, чтоб и крестьянин узнал революционеров и последние были в курсе его запросов.

Разрешение трудностей, вставших перед деревенскими бунтарями, нашли в организации поселений революционеров, т.-е. нечто вроде коммун, занимающихся сельским хозяйством или ремеслами и позволяющих войти в общение с крестьянами. Такие поселения были созданы во многих местностях России, но долго продержаться они не могли. Они или гибли под ударами царизма, или превращались в средоточие людей, занимавшихся весьма мирной деятельностью: читали крестьянам книги, знакомили с элементарными основами науки и пр. Иными словами, поселения давали средства бунтарям ближе подойти к массам, но это же знакомство с крестьянскими массами только

усиливало тяжелое сознание того, что крестьянин и не думает о социализме, что последний живет лишь в головах революционной молодежи, которой в крестьянстве приходится играть роль не революционеров и бунтарей, а самых мирных культурников.

Горячо добивавшаяся социализма молодежь все свои неудачи объясняет тем, что партия отказывается от политической борьбы с самодержавием, позволяя тем самым последнему жестоко расправляться с революционерами, которые лишены условий спокойной работы среди крестьян.

Новое течение народников (сторонников политической борьбы) очень быстро расширилось до того, что предопределило новую тактику партии, — тактику террористическо-заговорщическую. Это было торжеством тех идей, которые еще в 60-х годах развивал Зайчневский в прокламации «Молодая Россия» и в особенности Ткачев, — идей, самым резким образом противоречащих основному духу народничества.

В 1879 г. народничество раскалывается на воронежском съезде «Земли и Воли» на две группы: «Черный Передел» и «Народная Воля». Первая отстаивает прежнее народническое правоверие, вторая посвящает все свои немногочисленные силы отчаянной, полной героизма и самопожертвования борьбе с самодержавием. (Табл. 11 и 12.)

м) ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ РАБОТА НАРОДОВОЛЬЦЕВ

Партия «Народная Воля» образовалась в 1879 г., после раскола на воронежском съезде. На первый план эта организация выдвинула политическую борьбу с самодержавием, при чем последняя ограничилась одним террором. Партия эта полностью исчерпала себя в террористической борьбе.

Террор, как метод борьбы, применялся еще в эпоху землевольчества. Но это составляло скорей исключение, чем правило. Еще 24 января 1878 г. Вера Ивановна Засулич организует первое террористическое покушение на петербургского градоначальника Трепова. Но тогда этот выстрел был скорее личным выступлением Засулич и не может быть связан с революционной тактикой «Земли и Воли». Через несколько месяцев на юге России террор начинает применяться, как организованный прием борьбы. Землеволец Попко убивает жандармского офицера Гейкинга, Валериан Осинский покушается на жизнь царского прокурора Котляревского. Эти два террористических акта впервые получают освещение в землевольческих прокламациях, подписанных «Исполнительным Комитетом Русской Социально-Революционной Партии». 4 августа 1878 года землеволец Степняк-Кравчинский ударом кинжала убивает в Петербурге шефа жандармов Мезенцева.

Таким образом за каких-нибудь 5—6 месяцев террористическая тактика перебрасывается из одного района в другой, при чем надо иметь в виду, что юг России, как и Петербург, в своих организациях включал наиболее деятельных землевольцев.

Этих фактов достаточно для того, чтобы доказать, что т е р р о р в о в с е н е б ы л «н о в ш е с т в о м» н а р о д о в о л ь ц е в. Он и раньше раскола «Земли и Воли» применялся не только отдельными членами, а целыми организациями. Кстати, в «Земле и Воле» в конце марта 1879 года обсуждался

план цареубийства, выдвинутый Соловьевым, который и был приведен, хотя неудачно, в исполнение 2 апреля 1879 года. Следовательно, террор и мысль о цареубийстве не только не отвергались землевольцами, но и применялись на деле.

Народовольцы в вопросе о терроре и цареубийстве тем отличаются от землевольцев, что первые этими приемами ограничивали всю тактику политической борьбы, между тем как последние, принципиально не отвергая этих приемов, пытались вызвать крестьянское движение, которое единственно в силах осуществить, как полагали землевольцы, общинный коммунизм.

«Удачных и неудачных покушений на жизнь Александра II, организованных народовольцами, было 10. В августе 1878 г. хотели взорвать динамитом пристань в Николаеве, куда должен был сойти император. В июле следующего года в Симферополе готовились бросить динамитную бомбу и делали опыты. Вся осень того же года наполнена необычайно упрямыми и энергичными попытками взорвать царский поезд под Одессой и под Александровском (безуспешно), под Москвой дело дошло до взрыва, но взлетел в воздух не царский, а свитский поезд, так как расписание было изменено из предосторожности. 5 февраля 1880 года Халтурин устроил взрыв в Зимнем дворце. В мае того же года был опять подкоп в Одессе, а в августе закладывали мины в Петербурге под Каменный мост. Затем, в январе 1881 года начали рыть мину под Мало-Садовой улицей». (Покровский. Русская История, т. IV. Издание «Мир».)

Поскольку террор для народовольцев превращался в главное средство борьбы, постольку они отходили от заветов народничества периода «хождения в народ». Вполне естественна поэтому попытка теоретического обоснования террора со стороны народовольцев.

Как же сами народовольцы теоретически оправдывали террор?

Один из крупнейших революционеров того времени, Степняк-Кравчинский, в брошюре «Смерть за смерть» (в связи с убийством шефа жандармов Мезенцева) так объясняет целесообразность этого террора:

«Мы — социалисты. Цель наша — разрушение существующего экономического строя, уничтожение экономического неравенства, составляющего, по нашему убеждению, корень всех страданий человечества. Поэтому политические формы сами по себе для нас совершенно безразличны. Мы, русские, вначале были более какой бы то ни было нации склонны воздержаться от политической борьбы и еще более от всяких кровавых мер, к которым не могли нас приучить ни наша предшествующая история, ни наше воспитание. Само правительство тянуло нас на тот кровавый путь, на который мы встали. Само правительство вложило нам в руки кинжал и револьвер».

«Политическое убийство,—отмечает «Листок Земли и Воли» № 2—31,—это, прежде всего, акт мести. Только отомстив за погубленных товарищей, революционная организация может прямо взглянуть в глаза своим врагам; только тогда она становится цельной, нераздельной силой; только тогда она поднимается на ту нравственную высоту, которая необходима деятелю свободы для того, чтобы увлечь за собой массы. Политическое убийство, это — единственное средство самозащиты при настоящих условиях и один из лучших агитационных приемов... Политическое убийство, это — осуществление революции в настоящем...». (Разрядка наша.)

Так революционное народничество, начав с защиты террора как средства самообороны, начинает оправдывать террор как акт мести

и затем, дальше, как «осуществление революции в настоящем».

И этих взглядов придерживается вся партия «Народной Воли». Раньше, при начале террористической борьбы, она объявила, что правительство вынуждает ее к террору своими репрессиями за работу среди крестьян; потом террор был объявлен как средство «самозащиты»; а когда эта практика взяла верх над всеми остальными видами деятельности, «Народная Воля» объявила, что террор «есть единственное средство для осуществления революции в настоящем».

Эта эволюция взглядов, разумеется, не случайна. Она имеет тесную связь с гибелью всех попыток на основе крестьянского восстания (без активной и руководящей роли пролетариата) осуществлять народнические идеалы, а следовательно, с гибелью веры в основной оплот народничества — в русское крестьянство, как в основную активную силу социалистического переворота. Объяснение террора как некоего, вынужденного правительственными гонениями, приема борьбы, так же как способа самообороны, мести и т. д., со стороны народников не выдерживает серьезной критики. С переходом к террору не остановились ведь правительственные репрессии, а наоборот, усилились, не только в том смысле, что они стали более жестокими (раньше посылали на каторгу, сейчас — на эшафот), но еще потому, что после объявления террористической борьбы правительство буквально косило всякого виноватого и невиноватого и тем в еще более сильной мере усиливало неблагоприятные условия для работы народников.

В силу разочарования в крестьянстве, как в активной силе революции, народники должны были перейти к террору и объявить его главным средством осуществления народнической революции.

Любопытно отметить отношение к народовольческому террору со стороны русского либерализма того времени.

Громадные террористические замыслы народовольцев требовали больших средств. Все подкопы в Питере на М. Садовой, на железных дорогах—в Москве, Александровске и т. п. могли были быть исполнены при наличии значительных средств у народовольцев. Откуда же брались эти средства? Известно лишь одно нападение на казначейство, организованное народовольцем Г. Фриденсоном. Кроме того, очень много довольно состоятельных народовольцев, как, например. Войнаральский, Лизогуб и др., жертвовали все свои состояния на пользу дела, Но очевидно, что всех этих средств было крайне недостаточно.

По воспоминаниям В. Фигнер, Аптекмана и других деятелей того времени видно, что главным материальным источником для народовольцев являлись русские либералы. Как же последние относились к террору?

Лучше всего это характеризуется фразой, которая (в то время) была в ходу, когда определяли разное отношение к террору самих народовольцев и либералов. Террористы-народовольцы говорили: «дайте нам конституцию, иначе мы будем стрелять». А либералы говорили: «дайте нам конституцию, иначе они (т.-е. террористы) будут стрелять».

Либералы давали средства на террористические акты, давали явки, связи, помощь, надеясь, что террор заставит самодержавное правительство дать конституцию. В сущности, одним этим сочувствием в форме материальных подачек народовольцам исчерпывалась вся «революционность» либералов. Они не прочь были бы чужими руками жар загребать, но составить сколько-нибудь серьезной оппозиционной силы самодержавию либералы не могли.

Что касается рабочих, которые к тому времени сделали ряд серьезных попыток к организации политической партии, то они в массе весьма недоброжелательно отнеслись к террористической работе народовольцев. Так, например, Степан Халтурин, занятый попыткой создать широкую рабочую организацию, был чрезвычайно недоволен террором (хотя и увлекся им потом целиком); он инстинктивно чувствовал, что это мешает работе по организации сил рабочего класса. Плеханов в книге «Русский рабочий в революционном движении» указывает, что не раз Халтурин с сожалением ему заявлял: «Наладишь что-нибудь такое, а глядишь — кого-нибудь шарахнули, и начинается разгром рабочих организаций».

Значительная часть рабочих далека была от понимания тогдашних народовольцев. Точно так же цели, которые поставила себе «Народная Воля», были далеки от задач, которые выдвигались тогда рабочей массой. Поднять значительные массы рабочих во имя осуществления народовольческих задач, конечно, нельзя было.

И когда 1 марта 1881 года «Народная Воля» была разгромлена, народовольцы должны были капитулировать целиком [1]).

«Народная Воля» вынуждена была после этого сделать такие заявления, которые рисовали ее уже не в виде социалистической организации, а в виде организации радикалов-демократов.

В документах, которые вышли из-под пера народовольцев после 1 марта, нет и следа социализма. В письме Александру III, посланном вскоре после 1 марта, народовольцы писали:

«Из такого положения могут быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, — Исполнительный Комитет обращается к вашему величеству с советом избрать второй путь. Верьте, что как только верховная власть перестанет быть произвольной, как только она твердо решится осуществить лишь требования народного сознания и совести, вы можете смело прогнать позорящих правительство шпионов, отослать конвойных в казармы и сжечь развращающие народ виселицы. Исполнительный Комитет сам прекратит свою деятельность, и организованные около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работе на благо родного народа. Мирная идейная борьба сменит насилие,

[1]) Впрочем, рабочие, близко стоявшие к «Народной Воле», после 1 марта, когда Софья Перовская еще не была арестована, обращались за указаниями, что им делать: таких указаний им никто дать в те дни не мог.

которое противно нам более, чем вашим слугам, и которое практикуется нами только из печальной необходимости». (Разрядка наша. Е. Я.) (Историко-революц. хрестоматия, изд. «Новая Москва», 1923 г., стр. 167.)

В этом письме — полная капитуляция народовольцев. Здесь — даже отказ от борьбы, если только царь встанет на путь конституционной монархии и законности. Царь может стать, по мнению народовольцев, даже справедливым царем.

В другом письме «рабочих-народовольцев» мы читаем:

«Царь должен быть пастырем добрым, душу свою за овцы полагающим; Александр II был лютым волком, и страшная смерть покарала его. Русские рабочие, теперь вступает на престол новый царь Александр III. Нужно, чтобы он не пошел в отца. Пусть он призовет народных выборных от всех деревень, заводов, фабрик, пусть узнает мужицкое горе и нужду и впредь царствует по правде.

Пусть у него советниками в сенате будут народные выборные. Тогда царь даст мужику и землю, и подати уменьшит, и волю даст народу». (Та же хрестоматия, стр. 188.)

Конституция — вот политический смысл этого заявления.

Остановимся на выписке еще из одного документа:

«Чем мы становимся старше и более зрелыми, тем минимальнее становятся наши требования. Посмотрите на то, что требовала партия «Народной Воли» в самом начале своего существования, к чему она стремилась. Еще в 8—9 №№ своего органа она заявила, что цель ее — захват власти. И что же? В настоящее время иного народовольца такая задача заставляет улыбаться. Наша формула стала иная: призыв народа с высоты трона, поколебленного ударами революционеров. Мы не можем с полной уверенностью нарисовать последствия такого призыва и представить себе эти последствия во всех их подробностях. Мы не берем на себя пророчеств. Но я верю... что русский народ — великий народ, что момент созыва земского собора будет великий момент и не пройдет бесследно в русской жизни и истории: страстный энтузиазм, который охватит народ и общество первоначально на почве чисто политической, неизбежно повлечет за собой также и всю долю необходимых и осуществимых реформ экономических. Это — наша вера...».

Это из речи народовольца Якубовича. Прежний революционный призыв здесь действительно сменился просто-напросто либеральным лозунгом созыва земского собора, т.-е. того требования, которое впоследствии выдвигали либералы-освобожденцы. Конечно, не все народовольцы так думали. Конечно, прав Плеханов, который отмечает, что народовольцы представляли собою людей совершенно разных политических взглядов.

«В народовольческую организацию входили люди, довольно сильно расходившиеся между собою... В ней были радикалы в зап.-европейском смысле, но были и чистокровные народники, пришедшие к тому убеждению, что только низвержение нынешнего нашего государственного порядка проложит свободный путь для развития старинных «устоев» народной экономической жизни; были в ней, наконец, и такие люди, — и эти, составляли, кажется, большинство, — которые одновременно склонялись к западно-европейскому радикализму и к российскому народничеству, вследствие чего их воззрения делались в высшей степени запутанными». (Предисловие Г. В. Плеханова к «Истории революционного движения в России» Туна. Изд. ГИЗ 1920 г., стр. 44.)

н) ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ И УРОКИ ДВИЖЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА

Землевольческое, как и народовольческое, движение составляет непрерывный этап борьбы за буржуазную революцию в России. Объективный смысл этого движения может быть выражен формулой: в политическом и экономическом строе России 70-х годов необходимы были такие преобразования, которые обеспечили бы европеизацию российских условий жизни.

Эту необходимость мы попытались установить, когда давали общую оценку русского просветительства. Народничество, как землевольческое, так и народовольческое, было теоретически воспитано этим просветительством. Оно явилось, чтобы в области практики, в области непосредственного действия осуществить идеи русского просветительства.

Само народничество — в силу своеобразных условий России 60-х и 70-х годов — не могло с полной отчетливостью понимать буржуазный смысл всех революционных преобразований в полицейском государстве, которые выдвигались экономическим развитием России. Весь смысл «хождения в народ», у землевольцев, когда они сделали ставку на крестьянское восстание, и весь смысл политической борьбы с самодержавием у народовольцев сводился в конце концов к тому, чтобы создать обстановку, благоприятную капиталистическому развитию. А между тем— думали сами народники — содержанием будущей революции, которой они посвятили все свои силы, является социализм. В будущем народники видели, «наступление того торжественного момента, когда начнется начало социалистической организации России», — как писал Лев Тихомиров (редактор «Вестника Народной Воли», впоследствии раскаявшийся ренегат).

Когда «Народная Воля», разочаровавшись в возможности вызвать широкое крестьянское движение, отдалась исключительно террористической борьбе, надежды на социалистическую революцию не были ею оставлены. Наоборот, в первом своем выступлении в «Листке Народной Воли» члены новой организации объявили, что по основным своим воззрениям они продолжают оставаться «народниками и социалистами».

Тем самым народовольцы, проломившие сильную брешь в народнических воззрениях своей новой тактикой, продолжали разделять старые ошибки и заблуждения своих предшественников насчет общинного социализма.

В «Запечатленном труде» Вера Фигнер пишет:

«...политическая борьба, перенесение центра тяжести революционной деятельности из деревни в город, подготовление не восстания в народе, а заговора против верховной власти с целью захвата ее в свои руки... строжайшая централизация революционных сил, как необходимое условие в борьбе с централизованным врагом, — все это вносило настоящий переворот в революционный мир того времени. Эти положения подрывали прежние революционные взгляды, колебали социалистические и федералистические традиции организации и нарушали всецело... революционную рутину...» (стр. 141).

Политическое содержание требований «Народной Воли», по мнению В. Фигнер, сводилось к тому, чтобы заменить

«...самодержавие одного самодержавием всего народа, т.-е. водворением такого государственного строя, в котором свободно выраженная народная воля была бы высшим и единственным регулятором всей общественной жизни» (стр. 143).

Надо иметь в виду, что хотя В. Фигнер в этих замечаниях дает в общем и целом правильную оценку народовольческих стремлений, партия «Народной Воли» в целом не отдавала себе полного отчета в характере своего поворота, который означал конец надеждам на близкую возможность социализма, крестьянского восстания и т. д.

Наоборот, так же, как и Бакунин, народовольцы считают самодержавие организацией, стоящей над классами и не имеющей никаких корней в жизни. Достаточно, по их мнению, смести самодержавие и поставить у власти социалистов, чтобы с большой легкостью осуществить «социалистическую организацию производства». Такую революцию можно совершить, если только, как писал Тихомиров (в «Вестнике Народной Воли»), «не дать буржуазии окрепнуть после переворота до такой степени, которая необходима для организации всего нашего производства на капиталистических началах».

«Это-то отсутствие буржуазии ложится в основу рассуждений Тихомирова», — писал Плеханов («Наши разногласия») по поводу народовольческих надежд.

Одна из главных причин тех неудач, которые были уделом народников, заключается в том, что, не представляя себе характера будущей революции в России (содержание которой должно было в то время ограничиться буржуазно-демократическими рамками), они полагали, что политический переворот создаст условия для перехода к социализму в России.

Тактика и теория, основанные на расчете близкой возможности социализма в России 70—80-х годов, должны были по необходимости потерпеть крушение, ибо никаких предпосылок для социалистического производства к этому времени не было.

Все данные экономики отмечали, что ближайшее будущее должно усилить капиталистическое развитие России, и что политический переворот, который сметет с лица земли самодержавие, пойдет навстречу этой тенденции. Поэтому единственной и достойной названия программы деятельности политической партии должна была явиться программа, которая была формулирована первым русским социал-демократом Плехановым в спорах с народовольцами. Эта программа заключала следующее:

а) Капиталистическое развитие надвинулось на Россию. Форма этого хозяйства относительно бесконечно прогрессивнее всех остальных, имеющихся и существующих в России форм.

б) Развитие капитализма создает предпосылки для социализма и выдвигает на арену борьбы пролетариат, который может стать носителем социалистического идеала.

в) Во всех тех случаях, когда мероприятия капиталистического государства ведут экономическую и политическую борьбу с азиатчиной и крепостничеством, которые облегчают создание условий для организации сил рабочего класса, партия поддерживает эти мероприятия.

г) Одна лишь организация сил пролетариата может явиться реальной угрозой самодержавию, ибо только «политическое движение» рабочего класса может «разбудить политическое сознание русского общества», ибо

«...что значат уверения историков в том, что в такой-то исторический период буржуазия или... общество боролось в такой-то стране против абсолютизма? Ни более, ни менее, как то, что буржуазия толкала и вела рабочий класс на борьбу... До тех пор, пока ей не была обеспечена такая поддержка, она была труслива, потому что была бессильна... Когда являлось мужество у революционной буржуазии 1830, 1848 годов? Когда рабочий класс уже одерживал вверх на баррикадах». (Плеханов. «Наши разногласия». Собр. соч, т. II, стр. 344.)

д) В «западно-европейских странах» пролетариат очень часто боролся против абсолютизма под знаменем и верховным руководством буржуазии. Отсюда являлась умственная и нравственная зависимость его от вожаков либерализма, вера в исключительную святость либеральных девизов, убеждение в неприкосновенности буржуазного порядка... Нужно «позаботиться о том, чтобы не буржуазное общество, а тайные рабочие организации приобрели господствующее влияние на умы рабочих. Этим в значительной степени ускорится образование и рост русской рабочей социалистической партии, которая сумеет завоевать себе почетное место среди других партий, после того как она еще в пеленках способствовала падению абсолютизма и торжеству политической свободы».

Усвоивши себе эту мысль, «наш рабочий класс сам уже сумеет пройти между Сциллой и Харибдой, между политической реакцией государственного социализма и экономическим шарлатанством либеральной буржуазии». (Плеханов. Собр. соч., т. II, стр. 346.)

е) «Полное и беспощадное уничтожение абсолютизма» требует того, чтобы «способствовать политическому развитию рабочего класса». «Но широкая агитация в рабочей среде немыслима без помощи предварительно созданных в ней и возможно более многочисленных тайных организаций, которые подготовляли бы умы рабочих и руководили бы их движением». (Плеханов. Собр. соч., т. II, стр. 345.)

В двух строках можно свести воедино программу работы, намеченную Плехановым:

а) революция, которая предстоит перед Россией, является буржуазно-демократической,

б) революционеры должны отдать свои силы на дело организации рабочего класса в самостоятельную политическую партию.

Землевольцы и народовольцы, хотя и заблуждались в вопросе о характере предстоящей революции в России, тем не менее, по объективному смыслу своей деятельности шли навстречу буржуазному перевороту в России. Каковы же причины, объясняющие тот странный факт, что Россия, подошедшая к буржуазной революции, ни силами землевольцев, ни силами народовольцев этой революции не разрешила? Чем можно объяснить неудачи народнической революции, которая, как мы видели, должна была быть буржуазной, а не социалистической?

В классовых отношениях России 70-х и 80-х годов лежат главные причины неудачи народнической революции.

Экономическое развитие в сторону капитализма в достаточной мере разрушило крестьянскую общину. Результатом этого развития явилось образование определенного слоя кулацкого, зажиточного крестьянина, с одной стороны, и обезземеленного, пауперизированного, обнищалого крестьянина — с другой. В деревне одновременно существовали крупные хозяйства помещиков-крепостников. Можно насчитать по характеру хозяйства примерно четыре разряда классовых сил: а) помещики-крепостники; б) кулаки, объемлющие собой и зажиточные группы деревни; в) батраки — пролетаризированное крестьянство и г) пауперизированное, обнищалое крестьянство, лишенное всякой возможности самостоятельного хозяйствования.

Какие классовые группы, очерченные выше, могли явиться активной силой народнического движения? Так как народники обращались к крестьянам с проповедью социалистической революции,— ни одна из этих групп не могла оказать сколько-нибудь внушительной поддержки народникам. В деревне, как замечает Покровский, «народники должны были встретить глухое ухо».

В деревне идейно господствовал кулак, который не прочь был бы повести борьбу с крепостниками.

В «Письмах из деревни» Энгельгардт так описывает роль кулака, как силы, формирующей оппозицию в деревне:

«...у крестьян крайне развиты индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплоатации, зависть, недоверие друг к другу, подкапывание одного под другого, унижение слабого перед сильным, высокомерие сильного, поклонение богатству... Кулацкие идеалы царят в ней, каждый крестьянин, если обстоятельства тому благоприятствуют, будет самым отличнейшим образом эксплоатировать всякого другого, — все равно — крестьянина или барина, — будет выжимать из него соки, эксплоатировать его нужду... Богачи-кулаки, это — самые крайние либералы в деревне, самые яростные противники господ, которых они мало того, что ненавидят, но и презирают как людей, по их мнению, ни к чему не способных и ни на что не годных...

Богачей-кулаков хотя иногда и ненавидят в деревне, но, как либералов, всегда слушают, а потому их значение в деревне в этом смысле громадное. При всех толках о земле, переделах, поравнении кулаки-богачи более всех говорят о том, что вот-де у господ земля пустует, а мужикам затеснение, что будь земля в мужицких руках, она не пустовала бы, и хлеб не был бы так дорог...»

М. Н. Покровский в «Очерках по истории революционного движения» совершенно правильно заключает, что

«...кулаки представляли из себя в 70-х годах, несомненно, слой наиболее демократический в деревне, и могли бы быть опорой политической революции. Но, поскольку наши тогдашние революционеры подходили к деревне с социалистической программой, со своей наивной верой в сельскую общину, как зародыш будущего социалистического строя,— они, конечно, должны были встретить у этого единственно политически восприимчивого слоя деревни глухое ухо...» (стр. 72).

Что касается пауперизированного крестьянства, которое подавляло своей численностью деревню, то этот слой был не только «невосприимчив к социалистической пропаганде», но он был чужд всякой политики. «Ни в том, ни в другом деревенском слое поэтому социалистическая революция не могла найти никакой поддержки». (Покровский. «Очерки», стр. 74.)

Таким образом те незначительные элементы демократической революции, которые в деревне были, оставались совершенно неорганизованными.

Обратимся к положению в городе. Поскольку капиталистическое развитие не приостанавливалось с момента реформы 1861 года, постольку существовал обширный слой либералов-буржуа. Полицейское государство, задержавшее рост капитализма, тем не менее в глазах этих либералов не превратилось в организацию, которую надо было устранить. Буржуазия только что была приравнена в правах с дворянами, и сильного протеста по отношению к самодержавию она проявлять не могла. М. Балабанов в «Истории революционного движения в России» (стр. 84) правильно замечает, что

«...золотой век первоначального накопления и сила денежного мешка, открывавшая перед капиталом министерские канцелярии и приносившая ему всяческие меры «воспособления», позволяли промышленной буржуазии воздержаться от такой роскоши, как борьба с самодержавием или даже оппозиция ему».

Народовольцы отдавали себе полный отчет в вопросе о «революционности» русских либералов.

В самом лучшем случае либералы соглашались на материальные жертвы, но стать активной политической силой не могли.

В «Запечатленном труде» Вера Фигнер так оценивает тогдашних либералов:

«...надо сказать, что у нас, на севере, либералы никогда не считались силой и в целом в 70-е годы к ним относились отрицательно и с насмешкой. Их бездействие, отсутствие какого-либо протеста против политического гнета со всеми его безобразиями, приниженность по отношению к центральной и губернской администрации совершенно дискредитировали в глазах молодого поколения буржуазно-либеральные элементы...» (стр. 133).

Чтобы увидеть степень «политической сознательности» этих либералов, приведем случай, описанный В. Фигнер, когда буржуа кинулись влево и затеяли создать нелегальный печатный орган. Эти либералы предложили народникам

«...чтобы мы (т.-е. народники) устроили тайную типографию, оборудовали ее, дали нужный персонал и печатали то, что они, либералы, будут доставлять, а со своей стороны обещали... денежные средства. Так весь риск и ответственность перекладывались на плечи землевольцев, которые пошли бы потом на каторгу и поселение за дело, в которое не могли вкладывать душу. Предложение возбудило лишь иронический смех...» (В. Фигнер. «Запечатленный труд», стр. 131.)

Когда народовольцы оформились в организацию и перешли к террористической работе, они в № 2 «Листка Народной Воли» писали:

«...не с легким сердцем мы прибегаем к террору. Нас вынуждает к этому сила обстоятельств и бедствия людей. Будет еще кровь, будем мы казнить, будут нас казнить. Ответственность за эту кровь падает не только на обезумевшее правительство, а и на тех, кто, сознавая неотложную потребность родины, как сознают ее либеральные земские люди, и имея в руках другие мирные и легальные средства борьбы, прячутся по норам, как только на них прикрикнут: м о л ч а т ь! р у к и п о ш в а м!»

Действительно, политическое бессилие «общества», так же, как и разочарованность в крестьянском движении, должны были толкнуть народовольцев на единственный путь борьбы — на террор. Рабочий класс оставался для них силой за семью печатями. Его значения, как главной силы не только социалистической, но и демократической революции, народники не понимали. Поэтому средств и сил для его организации они почти не давали. Все силы были обращены на террористическую борьбу. В этом также секрет неудачи движения революционного народничества.

Русская действительность очень скоро подтвердила замечательную прозорливость тогдашнего Плеханова, который указывал в полемике с народовольцами, что только через рабочее движение лежит путь к активной борьбе с самодержавием. Только организация сил рабочего класса могла разрешить политические и экономические задачи России 80-х годов. Успешную борьбу с крепостниками и самодержавием мог взять на свои плечи класс, который в гибели царизма видит путь к своему освобождению и поэтому не склонен во имя частичных уступок отказываться от революционной борьбы

Народовольцы этого не понимали потому, что они продолжали разделять утопизм своих предшественников. Выработав новую тактику политической борьбы, они, тем не менее (благодаря тому, что отвлеклись от задач организации рабочего класса), не могли найти сколько-нибудь серьезной поддержки в «обществе». А деятельность, основанная на борьбе отдельных личностей, могла дать и дала незабываемые примеры героизма и самопожертвования, но не могла разрешить задач буржуазной революции в России.

о) ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какое же наследство получила революционная социал-демократия от организаций революционеров-народников, землевольцев и народовольцев? У В. И. Ленина можно встретить не раз (в «Что делать?» и других произведениях) нескрываемое величайшее уважение к революционерам 70-х годов. Ленин неоднократно подчеркивает значение таких корифеев революции, как Ипполит Мышкин, Андрей Желябов, Степан Халтурин. Тип профессионального революционера, народного трибуна, умеющего охватить большие сложные задачи революции, выработала эта блестящая полоса революционного движения. Подготовке, выработке таких революционеров В. И. Ленин и наша большевистская организация с самых первых шагов придавали большое и серьезное значение. От этого периода мы унаследовали огромный запас полезных организационных навыков. Когда впоследствии нас упрекали иногда в том, что мы являемся последователями революционных народников в вопросах организации, то и Ленин и Плеханов подчеркивали, что в этом не только нет ничего

обидного, но что этим можно только гордиться, так как землевольцы создали действительно централистическую революционную организацию, чрезвычайно ценную для рабочего класса. Уже в этот период были сделаны первые попытки создания организации рабочих, постановки пропаганды в войсках; уже в этот период революционеры научились, несмотря на беспощадные преследования сложного и могучего государственного аппарата, строить свою нелегальную печать, дали совершеннейшие образцы конспирации революционеров, которые пригодились впоследствии и нам в трудных условиях подпольной работы. Эти навыки, этот опыт мы унаследовали от революционного народничества, и они помогли нам вырасти из небольших подпольных кружков первых революционеров рабочих в могущественную политическую партию, которая способна была повести массы в бои в первой в мире социалистической революции.

ВОПРОСНИК-ПЛАН КО II ГЛАВЕ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НАРОДНИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

I. Экономическое развитие 70-х годов и народничество.

1. Развитие капитализма в городе и деревне.
2. Положение рабочего класса.
3. Начало перелома в народнических настроениях под влиянием развития капитализма и растущей активности рабочего класса.

II. Рабочее движение народнического периода.

1. Отношение народников к рабочим; взгляд на рабочих как на силу второстепенную, которую можно использовать лишь как наиболее близкого к крестьянским массам «агитатора-пропагандиста».
2. Последующее изменение взглядов народников в оценке роли значения рабочего класса; «рабочая программа» «Народной Воли»; группа Черного Передела и др.

III. Первые самостоятельные рабочие объединения и организации этого периода.

1. Состав и организаторы первых объединений.
2. Программа и задачи Южно-Российского Союза Рабочих и Северно-Русского Рабочего Союза; черты сходства и различия.
3. Элементы народничества и с.-д. в программах обоих союзов.
4. Отношение интеллигентов-народников к первым рабочим объединениям.

IV. Заключение.

Место и роль первых рабочих объединений как славных предшественников нашей партии.

ЛИТЕРАТУРА:

В. И. Невский. «Очерки по истории РКП (б)», изд. I, стр. 159—174 и 571—576.

Хрестоматия Истпарта. Т. I, стр. 136—174, 142—149.

Покровский. Очерки по истории революционного движения, стр. 75—82.

Зиновьев. «История РКП (б)», главы о Северном и Южном Рабочих Союзах.

ГЛАВА II

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НАРОДНИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

а) ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 70-х ГОДОВ

В то время, когда народники заняты были объяснением краха революционных попыток, экономическое развитие России с неослабной силой подвигалось вперед. Для этих годов споры о судьбе общины, о роли «титанов народно-революционной обороны— Разина, Пугачева, Булавина, Болотникова» в значительной мере утрачивали прежнее значение. Для отдельных деятелей революционного движения становилось ясным, что на сцену общественного развития выступил «новый элемент истории» — рабочий класс, который способен вывести революционное движение из тупика.

История шла своими путями, вопреки учениям революционного народничества. Между тем последнее разделяло ошибки и утопии, характерные для народничества 60-х годов.

И реформа и новые экономические процессы продолжали разлагать крестьянскую общину. Современники 70-х годов с горечью устанавливали неслыханную бедность и отчаяние русского крестьянства. Беллетристы-народники того времени с нескрываемой враждебностью изображают носителей капиталистического порядка, чего до этого периода не замечалось.

Число крупных фабрик по 71 производству.

Группы фабрик по числу рабочих	1866 год				1879 год			
	Число фабрик		Число рабочих	Сумма произв. в тыс. руб.	Число фабрик		Число рабочих	Сумма произв. в тыс. руб.
	Всего	Из них с паровым двигат.			Всего	Из них с паровым двигат.		
со 100—499 раб.	512	204	109.061	99.830	641	354	141.727	201.542
» 500—999 »	90	68	59.867	48.359	130	119	91.887	117.830
» 1.000 и бол. »	24	35	62.801	52.877	81	76	156.760	170.533
Итого	644	307	231.739	201.066	852	549	390.374	489.905

Промышленное развитие шло в гору. Таблица числа крупных фабрик по 71 производству, составленная В. И. Лениным (Собр. соч., т. III, стр. 415), дает представление об этом развитии.

По этой таблице число фабрик увеличилось со 100 до 132%; число механических заведений увеличилось со 100 до 178%; число рабочих — со 100 до 168%; сумма производства — со 100 до 243%. После реформы средний годовой прирост железнодорожной сети выражался в полторы тысячи километров. За одно только пятилетие 1868—1872 г.г. было открыто 8.606 верст ж.-д. сети. Рост числа грузов: в 1868 г.—439 милл. пудов, в 1873 г.—1.117 милл. пудов, в 1881 г.—2.532 милл. пудов. Ценность вывоза выражалась:

Года	Сумма в милл. руб.
1856—1860	314
1861—1865	347
1866—1870	554,2
1871—1875	831,1
1876—1880	1.054,8
1881—1885	1.107,1

Банковские обороты: 1860 г. — 113 милл. руб., 1864 г. — 170 милл. руб., 1884 г. — 620 милл. рублей. Городское население к 1863 г. уже составляло 10% всего состава населения. Число рабочих составляло к 1865 году, т.-е. через 4 года после реформы, 706.000.

Что касается сельского хозяйства, то там к этому времени гораздо менее укрепились капиталистические формы: еще в конце 80-х годов мы имеем по 43 губерниям такое распределение по преобладающей системе сельского хозяйства: по 19 губ. преобладает капиталистическая система, по 7 губ.— смешанная, по 17 губ. — отработочная система сельского хозяйства [1]).

Отнюдь нельзя считать, однако, что в 70-е годы мы имеем в нашем хозяйстве преобладающее значение городской промышленности. Приведенные примеры свидетельствуют только о глубочайшем экономическом перерождении России. Тем не менее, развитие капитализма глубоко отразилось на народническом движении. Все чаще и чаще оно обращается за помощью к рабочему классу и в конце концов переносит основную область работы в город.

Каково же было в это время положение рабочего класса?

Растущее расслоение в сельском хозяйстве деревни выталкивало все большую и большую массу рабочих в город. При отсутствии каких бы то ни было рабочих организаций, при полном отсутствии законодательства об охране труда, рабочие работали на фабриках и заводах от 12 до 15 часов; были предприятия,

[1]) Н. Ленин. «Развитие капитализма в России». Собр. соч., т. III, стр. 405—414—417.

где рабочий день доходил до 19 часов. Само собой разумеется, что при этих условиях эксплоатировался неограниченно женский и детский труд. Рабочие жили в невероятных жилищных условиях, нередко по 20—30 человек в одной небольшой комнате, в которой на каждого жителя приходилось около $^1/_2$ куб. сажени воздуха, а на шахтах — в темных и сырых землянках. Спали вповалку, нередко одна смена рабочих сменяла другую на нарах. В сохранившихся кое-где жилищах старого типа можно еще и сейчас видеть следы трехъярусных нар, на которых вповалку, без всякой постели, на собственной рухляди, лежали рабочие, семейные и холостые вместе. Всякого рода эпидемии находили в таких жилищах обильную жатву в рабочем классе, несчастные случаи были самыми обычными явлениями на фабриках и заводах [1]).

Работа шла обыкновенно в две смены, при чем рабочие не имели почти совершенно свободного времени, даже во время смены. Нищенская заработная плата выплачивалась часто не деньгами, а продуктами из заводской лавки, при чем штрафные деньги поглощали иногда до 40—50% заработка. Продукты часто продавались в заводской лавке на 50—100% дороже, чем на рынке. Ни библиотек, ни клубов, ни театров, за очень редкими исключениями, на фабриках и заводах не было. В мастерских царил произвол мастеров, надсмотрщиков, хозяйских приспешников и лакеев. Рабочие, а в особенности работницы, были бесправны перед этим произволом. В 90-е годы немецкий профессор экономист Шульце-Геверниц [2]) дал такой портрет русского рабочего:

«...Несмотря на низкую заработную плату, длинный рабочий день, русский фабричный рабочий по своей натуре не способен к активному сопротивлению, целесообразной борьбе за улучшение своего положения, а только к буйствам и насилиям. Русский рабочий не социал-демократ, не член профессиональных союзов. Вместо портретов Карла Маркса и Лассаля, которыми немецкий рабочий украшает свою комнату, мы находим у него изображения святых...»

Этот портрет, нарисованный в 90-х годах, конечно, является несколько карикатурным. Мы знаем, что уже в 70-х годах выступают на политическую арену такие рабочие, как Петр Алексеев, и в ближайшие же годы русский рабочий опровергает эту характеристику самовлюбленного немецкого профессора

---

[1]) Лето красное проходит,
Зима морозна настает.
Зима морозна настает,
У фабричных сердце мрет.
С полуночи встает,
На работу поспеет.
На машине задремал,
Праву ручку оторвал.
Праву ручку оторвал,
К отцу матери послал.
Отец с матерью идут,
Слезы в три ручья текут.
А в народе говорят,
Фабриканта все бранят!
Ах, постылый ты завод,
Перепортил весь народ.
Перепортил, перегадил,
Никто замуж не берет.
И ни барин, ни купец,
Ни фабричный молодец.
Тот лишь замуж и возьмет,
Кто свиней в лесу пасет.

(Фабричная песенка Московской губ.)

[2]) П. Невский. «Очерки по истории РКП (б)». Изд. I. «Прибой» 1924 г., стр. 138—139.

и становится не только членом профессиональных союзов, которые он сам должен строить, и социалистической партии, которую он создает, но и выдвигается в качестве авангарда мировой пролетарской революции. Но немецкий профессор все-таки в общем верно рисует тяжелое материальное положение и духовную культуру русской рабочей м а с с ы того времени.

б) НАРОДНИКИ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Целый ряд активных выступлений рабочего класса 70-х годов заставил народников обратить особенное внимание на движение рабочих масс в городе.

Те из народников, которые отвергали мысль о возможности крестьянского восстания для социалистического переворота в России, уже давно проводили широкую работу среди рабочих Питера и Москвы.

Но и эти народники считали общину, а следовательно, крестьян главной основой русского социализма и потому к рабочим относились тоже, как утописты.

По их мнению, рабочие тесно связаны с деревней и могут сослужить огромную службу народническому социализму. Они дают материал о крестьянских настроениях и интересах, о крестьянском положении и тем самым помогают народникам знакомиться с деревней. Хотя, думали народники, город заражает буржуазной культурой рабочих, но, тем не менее, они могут после тщательной работы народников стать активными агентами социализма. Рабочие могут быть использованы д л я с в я з и с к р е с т ь я н с т в о м и для проповеди среди него народнического учения.

Таким образом даже эти народники не отводят рабочим самостоятельной роли в социалистическом движении. Рабочие, по их мнению, являются только вспомогательным отрядом. Восстание во имя социализма произойдет, разумеется, не в городе, а «н а о к р а и н а х, в д а л и о т г о р о д с к и х ц е н т р о в, г д е п р о д о л ж а ю т ж и т ь в о с п о м и н а н и я о П у г а ч е в е, Р а з и н е и т. д.».

Рабочие с большим интересом относились к работе в революционных кружках, но не раз протестовали против той роли в революционном движении, которая отводилась им народниками. Уже в этом «недовольстве» передовиков рабочих начинает сказываться здоровое чутье класса, призванного играть первенствующую роль в русском революционном движении.

Тем не менее, из истории рабочего движения нельзя вычеркнуть положительную работу народников, немало сил и трудов положивших для развития сознания первых русских активистов-рабочих, хотя многие из этих народников стали впоследствии прямыми врагами рабочего класса [1]).

Первыми по времени в 70-х годах работу среди рабочих повели революционеры, которые были объединены в кружке чайковцев. Среди них были очень образованные, начитанные, знакомые с европейским рабочим движением люди, например Кропоткин (стал впоследствии видным анархистом). В своей замеча-

[1]) Наиболее яркий образчик — бывший глава архангельского учредиловского правительства — Чайковский.

тельной книге — «Записки революционера» Кропоткин приводит темы бесед и лекций, которые он проводил среди петербургских рабочих. Среди них выделяются лекции о социализме, о I Интернационале, о германской социал-демократии и т. д.

Приблизительно такую же работу проводили лавристы-народники.

«Они популяризировали среди русских рабочих и революционеров марксистские термины, заставляли интересоваться деятельностью немецкой социал-демократии... Тем самым они остались не без влияния на подготовление русской социал-демократии». Ю. Стеклов. «Борцы за социализм», т. II. [1]).

Такую же работу проводил кружок «Бардиной», «одно из самых ярких и эффектных явлений 70-х годов», как отзывается об этом кружке М. Н. Покровский. В этом кружке воспитался борец рабочего класса ткач Петр Алексеев, который 10 марта 1877 г. со скамьи подсудимых произнес свою знаменитую речь о роли русского рабочего класса. Адвокат, присутствовавший на суде, так отзывается о речи Алексеева: «Не только публика, но и часовые онемели. Я уверен, что если бы Алексеев повернулся и вышел, его в первую минуту никто бы не остановил, до того все растерялись».

Уже поведение первых рабочих, попадавших на скамьи подсудимых, их мужественность и стойкость в отстаиваньи своих убеждений, — все это показало, какие громадные силы заложены в классе, который народники не принимали серьезно в расчет.

Чрезвычайно важным результатом этого сближения народников с русским рабочим движением является демонстрация на Казанской площади, устроенная 6 декабря 1876 г. В демонстрации приняли активное участие более 200 рабочих: вся история работы народников в деревне не знает такого массового (по тому времени) выступления.

О рабочих, усердно посещавших кружки народников, сохранилось ценнейшее воспоминание Плеханова, немало потрудившегося даже в период своего «землевольчества» над обработкой сознания русских народников в сторону поворота к рабочему классу,

Уже тогда, в 1878 г., Плеханов, еще сам народник, под впечатлением стачек на «Новой Бумагопрядильне» Маршала, Кенига и др., настаивает на необходимости изменения взгляда на роль рабочих.

«Городской рабочий занимал второстепенное место в расчетах революционеров, и ему посвящалась, можно сказать, только сверхштатная часть сил... В течение минувшего года мы видели несколько крупных стачек на разных заводах и фабриках. Где в это время были наши социалисты, какую роль играли они в этих движениях? Почти никакой... Между тем надо было относиться к городским рабочим как к целому, имеющему самостоятельное значение, надо было изыскивать средства, влиять на всю их массу, а это было невозможно до тех пор, пока в городских рабочих видели только материал для вербовки отдельных личностей. Серьезному отношению к городским рабочим всегда мешал взгляд на их значение, по которому им отводилось самое второстепенное место...

---

[1]) Нам кажется, что Стеклов преувеличивает роль лавристов в подготовке русской социал-демократии; тем не менее, нельзя отрицать огромную роль этих первых пропагандистов среди рабочих.

Наши городские рабочие, одинаково с западными, составляют самый подвижный, наиболее удобовоспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения...» (Закон экономического развития общества и задачи социализма в России. «Земля и Воля» № 4, помещено в Собр. соч. Плеханова под ред. Рязанова, т. I, стр. 67—68.)

Кто же из рабочих посещал кружки народников? Что именно интересовало тогда первых рабочих-передовиков?

Эти рабочие огромное значение придавали самообразовательной работе. Самообразование они понимали как работу, необходимую для их воспитания, и крайне недружелюбно относились к тем из народников, которые несколько скептически относились к этим «культурническим» увлечениям.

Плеханов в книжке «Русский рабочий в революционном движении» пишет:

«Когда бунтари (на собраниях рабочих) излагали перед ними свои взгляды и выражали ту мысль, что «пропаганда» не имеет никакого революционного значения, рабочие горячо запротестовали...

«Как не стыдно вам это говорить, каждого из вас, интеллигентов, в пяти школах учили, в семи мылах мыли, а ведь иной рабочий не знает, как отворяется дверь школы. Вам не нужно больше учиться, вы и так много знаете, а рабочим без этого нельзя. ...Не страшно попасть за дело, когда понимаешь его. Мало хорошего можно добиться от рабочего, который ничего не знает...»

Эти рабочие вовлекали в кружки своих товарищей лишь в том случае, если убеждались в серьезности их отношения к самообразовательной работе.

«Если человек не ходит на чтения, то на него надежды мало; чем внимательнее следит он за книгой, тем с большей уверенностью можно сказать, что он станет со временем революционером». (Г. В. Плеханов. «Русский рабочий в революционном движении». Собр. соч., т. III, стр. 137).

Пионеры русского рабочего движения стремились к глубокому основательному усвоению начал социализма. Они критически относились к пропаганде народников. От пропаганды эти рабочие брали все ценное и полезное и часто довольно недоверчиво относились к утопическим представлениям народников. Народники стремились охватить передовую рабочую массу кружками. В одном Питере они организовали кружки в Галерной Гавани, на Васильевском Острове, на Петербургской и Выборгской сторонах, Обводном Канале, за Невской и Нарвской заставами, в Колпине, в Кронштадте, на Александровской мануфактуре и т. д.

Сравнительно широкое развитие кружков объясняется тем, что правительство и его слуги еще несколько безразлично в то время относились к рабочим, интересовавшимся социалистическими учениями.

Правительство считало, что главная опасность для политического строя лежит в революционных настроениях русской учащейся молодежи. На последнюю оно обрушивало главную тяжесть полицейских преследований.

Даже судебные процессы того времени отмечают некоторую «мягкость», которую правительство иногда допускало в преследованиях рабочих [1]). Так,

[1]) По отношению к «Южно-Российскому Союзу Рабочих» оно вовсе не было мягким.

например, по процессу «Казанской демонстарции» 1876 года рабочего Потапова, поднявшего красное знамя «Земля и Воля», под которым шла вся демонстрация, царские судьи осудили на покаяние в монастырь, а интеллигента Боголюбова (кстати, не принимавшего никакого участия в демонстрации) они отправили на 12 лет в каторгу [1]).

Рабочие 70-х годов полностью использовали эти взгляды царизма на роль интеллигенции и рабочего класса в революционном движении. Среди них происходила деятельная и активная работа по критическому усвоению социализма, по ознакомлению с западно-европейским рабочим движением и его формами, по выработке первых элементов рабочих организаций в России и т. д.

Получивши подготовку в народнических кружках, рабочие, под влиянием начавшегося стихийного движения рабочих, создают две замечательных организации.

Первая была основана в Одессе в 1874 г. и носила название «Южно-Российский Союз Рабочих».

Вторая была основана в Петербурге в 1878 г. и носила название «Северно-Русский Рабочий Союз».

Прежде чем перейти к обзору работ первых рабочих объединений, остановимся на «рабочей программе» народовольцев, т.-е. тех народников, которые признали безуспешность работы в деревне и перешли к активной террористической борьбе с русским царем.

в) РАБОЧАЯ ПРОГРАММА «НАРОДНОЙ ВОЛИ»

Хронологически эта программа, составленная Андреем Желябовым, явилась позднее того времени, когда первые рабочие объединения формулировали задачи и цели рабочего движения.

Так, программа «Южно-Российского Союза Рабочих» вышла в 1874 г.; программа «Северно Русского Рабочего Союза—в 1877—1878 годах, а рабочая программа «Народной Воли» была составлена лишь в 1880 г. Впервые она была опубликована в Женеве, в «Календаре Народной Воли», вышедшем в 1883 г., откуда мы и заимствуем приводимые материалы.

Уже с конца 1879 г. народовольцы из своей среды выделяют руководителей, которые становятся во главе так называемых «рабочих групп». Задача этих групп заключалась в том, чтобы объединить народовольцев с рабочими. Такие группы были созданы как в Петербурге, так и в южных городах. Судя по материалам «Календаря Народной Воли», в Питере первая рабочая группа создалась в 1879 г. Через год после своего образования она увеличилась в своем составе в 4 раза. Как отмечает «Календарь Народной Воли», эта группа объединила «многие сотни рабочих». Вовлечение было настолько широким, что народовольцы приступили к выпуску специальной «Рабочей Газеты», первый номер которой вышел 15 декабря 1880 г. под редакцией А. Желябова и Валентина Коковского. Всего вышло шесть номеров. Она прекратила свое суще-

---

[1]) Нет никакого сомнения, что мы имеем здесь зачатки «зубатовщины», попытки заигрывания с рабочими и попытки отколоть рабочих от революционной интеллигенции.

ствование к концу 1881 года, когда народовольческая организация была разгромлена.

В «Рабочей Газете» народовольцы впервые определяли свой взгляд на рабочий вопрос. В собранном, связном виде народовольцы объединили свои взгляды в брошюре под названием «Подготовительная работа партии», опубликованной в «Календаре Народной Воли».

В главе XIII, под рубрикой «Городские рабочие» («Календарь Народной Воли», стр. 130), народовольцы пишут:

«Городское рабочее население имеет особенно важное значение для революции... Успех восстания всецело зависит от поведения рабочих и войска... Поэтому среди рабочих должна вестись пропаганда:

а) социалистических идей, б) политического переворота. Рядом с этим должна итти организация рабочих, имеющая целью сплотить их, развить в них сознание единства и солидарность интересов». («Календарь Народной Воли», 131 стр.)

Эта формулировка рабочего вопроса, разумеется, сильнейшим образом отличается от прежних взглядов народников периода «Земли и Воли». Рабочие, по мнению народовольцев, — не только средство связи с крестьянами, как об этом говорили землевольцы. Восстание, которое начнется после уничтожения царя, «всецело зависит от поведения рабочих», уже заявляют народовольцы. Больше того. Мыслимо, что после гибели царя, буржуазия захватит власть. Чтоб успокоить и ввести в заблуждение народ, она объявит конституцию. Опасаясь такой перспективы, народовольцы стремятся организовать, как это они подчеркивают, рабочих, сплотить и законспирировать их в тайную организацию. Ни в каком случае не следует во время конституционного периода выходить из подполья. Наоборот, надо продолжать настаивать на больших уступках, «не останавливаясь перед массовыми заявлениями и возмущениями».

Таким образом даже опыт первых выступлений рабочих, их огромная способность к организованности, «относительно большая развитость» рабочих, — все это, вместе взятое, разрушало старые народнические предрассудки.

Плеханов в «Наших разногласиях» по поводу комментирования этой программы народовольцем Тихомировым писал:

«С точки зрения социал-демократа истинно революционное движение настоящего времени возможно только в среде рабочего класса; с точки зрения бланкиста революция только частью опирается на рабочих, имеющих для нее «важное», но не главное значение. Первый полагает, что революция имеет «особенно важное значение» для рабочих; по мнению второго, рабочие имеют, как мы знаем, особенно важное значение для революции. Социал-демократ хочет, чтобы рабочий сам сделал свою революцию; бланкист требует, чтобы рабочий поддержал революцию, начатую и руководимую за него и от его имени другими, положим, хоть г.г. офицерами, если вообразить нечто в роде заговора декабристов». (Собр. соч., т. II, стр. 301.)

Вопреки многим ошибочным взглядам, выраженным в рабочей программе «Народной Воли», она свидетельствует о гигантском шаге вперед русского рабочего движения. Последнее начинало завоевывать симпатии революционеров, которые продолжали еще стоять на утопических позициях.

г) ГРУППА «ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ»

Эта группа выделилась после раскола Общества «Земля и Воля» на Воронежском съезде в 1878 г. Она продолжала отстаивать народничество бакунинского толка и пыталась без всякого успеха продолжать его традиции. Эта группа объединила вначале 23 члена. (Табл. 12.)

Крайне неправильно характеризовать как чернопередельцев, так и народовольцев словами Николая Морозова: «Организация «Земля и Воля» распалась. Чернопередельцы взяли себе «Землю», а народовольцы—«Волю», и каждая фракция пошла своей дорогой». Не говоря уже о том, что в самой организации «Земли и Воли» находили достаточный простор террористические тенденции, каждая из этих двух фракций по-своему вела политическую борьбу, при чем у обеих фракций сильна проповедь террора.

После неудачного покушения Соловьева на жизнь царя 2 апреля 1878 г. газета «Земля и Воля» в № 5 писала:

> «...правительство... объявляет открытую борьбу революционерам... Пусть будет так... много отдельных личностей из нашей среды погибнет, но гибель единиц не страшна для партии, когда весь ход истории ведет к революции... Мы принимаем брошенную нам перчатку, мы не боимся борьбы и в конце концов взорвем правительство, сколько бы ни погибло с нашей стороны».

Можно привести еще целый ряд документов «Земли и Воли» для разрушения взгляда, будто это общество было мирным, пропагандистским и преследовало лишь одни культурные задачи и цели. Такой полукадетский взгляд на «Землю и Волю» широко развивали историки буржуазии. На самом деле «Земля и Воля» была обществом вооруженной борьбы с правительством. Когда землевольцы уходили в деревню, они прежде всего добивались организации всеобщего креетьянского бунта, а такая работа мало похожа на «культурную» работу. Другое дело, что на практике они нередко вынуждены были превращаться в культурников [1]).

«Черный Передел» неоднократно выражал свое отношение к политической борьбе. В известном «Письме к товарищам», где «Черный Передел» формулирует причину раскола «Земли и Воли», составители письма признают, что «крупный террористический поступок у нас в городе может быть очень кстати» (см. «Письмо к товарищам» от 8 декабря 1878 г. Аптекман, стр. 431 в книге «Земля и Воля»).

Таким образом чернопередельцы отнюдь не замыкались в задачах «Земли», как утверждает Морозов, и не оставляли в стороне вопросы политической борьбы. Они только, как это отмечает «Письмо к товарищам», «восстают против политической свободы не безусловно, а ставят ее в зависимость от предварительной революционной работы в народе». Ибо «революционная партия, которая бы теперь отказалась от народа, стала бы партией застоя и реакции».

Следовательно, взгляд на «Черный Передел» как на организацию аполитичную (чуждую политической борьбы) — ошибочен.

---

[1]) См. об этом подробнее у В. Н. Фигнер «Запечатленный труд».

В такой же мере ошибочен взгляд на «Народную Волю» как на организацию, которая боролась с царем, оставив в стороне все другие задачи. Выше мы приводили программу народовольцев в рабочем вопросе. Такую же программу они выработали для деревни. Работа «Народной Воли» была шире той, которую ей обычно приписывали. Кроме террористической борьбы, кроме работы в рабочих кружках, «Народная Воля» вела еще довольно значительную работу среди офицерства (Ашенбреннер, В. Фигнер, Рогачев, Тригони, Штромберг и др.).

Чернопередельцы углубили критическое отношение революционеров к народническому наследству. По их мнению, опорная база народничества — община — разваливается.

«Нужда отрывает крестьян от земли и гонит их на фабрики и заводы...»

«Социалистическая пропаганда встречает самый радушный прием в местностях охваченных процессом капиталистического производства. Напротив, мелкие собственники крестьяне относятся к ней враждебно и составляют надежную опору реакционных партий... Капитализм подготовляет почву социализму и является его необходимым предшественником...»

Рядом с такими замечательными рассуждениями, чернопередельцы продолжают заявлять, что в России, где сохранилось общинное землевладение, крестьянство сыграет решающую роль в социалистическом движении, придерживаются ошибочных взглядов бакунистов на характер русского государства и пр.

«Центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам». Отсюда «Черный Передел» заключает об огромной роли рабочих, которые на примере «Малиновского, Обнорского, Петра Алексеева, Петерсона и других служат наглядным доказательством плодотворной нашей деятельности в рабочей среде».

Чтобы добиться социализма в России, а также и того, «чтобы политическая свобода была обеспечена от узурпации и искажения враждебных элементов», надо, по мнению «Черного Передела», «приступить к организации боевой партии... Чем раньше такая партия организуется, тем влиятельнее она будет в момент революции, тем больше она будет иметь шансов утилизировать ее в интересах народа...» («Письмо к товарищам». Аптекман. «Земля и Воля», стр. 427.) Однако «Черный Передел» продолжает повторять ошибки бакунистов, которые не смогли связать политическую борьбу с социализмом.

«Критика современного общества убедила людей науки, что в основе его лежат, главным образом, отношения экономические, которыми по преимуществу и определяются остальные отношения — государственные, юридические, нравственные и т. д. А потому понятно, что каждая живая партия должна избрать точкою применения своих сил базис данного общества — экономические отношения... реорганизация общества на более справедливых основаниях возможна лишь при помощи экономической социальной революции, что политические перевороты нигде и никогда не могли обеспечить народу экономическую и политическую свободу». (Аптекман. «Земля и Воля», стр. 413.)

Чернопередельцы борются с узким пониманием революционных задач «Народной Воли».

«Вся система политических захватов власти, пущенная в ход якобинцами 1879 года, может служить примером того, как шатки, непрочны политические перевороты, совер-

шающиеся сверху «во имя воли народа», но без его инициативы. Да это и понятно. Разве может быть прочна та система, которая основывается на принципе «все для народа, но ничто при посредстве народа...» Лучшие передовые люди на Западе отказались в настоящее время от идеалов политической свободы как отживших свое время и избрали своим лозунгом социализм, во имя которого они организуют, сплачивают и подготовляют массы. Задача их — реорганизация экономических и общественных отношений при посредстве народа и самим народом» (Аптекман).

Эта критика народовольчества свидетельствует о том, что группа «Черного Передела» в некоторой степени освоилась с учением Маркса. По крайней мере его метод она употребляет для критики народовольчества, но в то же время она чисто по-бакунински противопоставляет политическую борьбу социализму.

Группа продолжает, однако, думать, что крестьянство — главная сила социализма. «Черный Передел» иллюстрирует (устами Аптекмана) эту мысль исторической справкой о причинах гибели польского восстания 1863 года:

«Партия «красных» сосредоточила свою деятельность в городе, где ее сторонниками были ремесленники, фабричные и заводские рабочие. Если бы «красные» догадались сорганизовать крестьянство, то успех восстания был бы несомненен».

На-ряду с тем, что в своих оценках и характеристиках чернопередельцы часто приближаются к пониманию марксизма, они оставались, однако, еще очень далекими от социал-демократических взглядов [1]).

Группа «Черный Передел» важна тем, что она помогает проследить, как мучителен был путь народников к марксизму. В частности изучение чернопередельчества важно для понимания эволюции взглядов Плеханова — основоположника русского марксизма. Заметного же следа в фактической истории революционного движения «Черный Передел» не оставил.

Революционная молодежь к «Черному Переделу» относилась отрицательно. Вот как чернопередел Аптекман описывает свою работу среди молодежи:

«Помню сходку у технологов, кажется, в Измайловском полку. На сходке было приблизительно человек 200—250. На сходке выступали чернопередельцы, Егорыч и я (Аптекман). Мы оба говорили горячо... стойко и яро защищали наше дело. Нас, — слов нет, — слушали, слушали даже с захватывающим интересом. И тем не менее я оставил сходку... я бы сказал, с «разбитым сердцем», если бы я не боялся быть смешным. Я шел домой тихо, опустив голову. Я считал наше дело в молодежи потерянным...» («Земля и Воля» стр. 381).

---

[1]) Мы не можем согласиться с мнениями т.т. В. Невского и Ю. Стеклова (Невзорова) и отчасти т. Ваганяна — будто чернопередельцы были близки к социал-демократическим взглядам.

Более подробный разбор взглядов чернопередельцев показывает, что они стали нащупывать более верную дорогу.

«Черный Передел» завязал теснейшие связи с польской партией «Пролетариат». Целый ряд его членов выезжал за границу, например, Аксельрод. Здесь они получали знакомство с западно-европейским социалистическим рабочим движением. Но на этом основании зачислять эту группу в социал-демократическую, а тем более считать чернопередельцев первыми марксистами в России (как это делают Стеклов и Невский) совершенно неправильно, хотя из этой группы и вышли первые марксисты.

Еще одно свидетельство об отношении молодежи к чернопередельцам. Землеволец Серебряков в разговоре с Плехановым так формулировал отношение харьковской молодежи к чернопередельцам:

«Теоретически чернопередельцы правы, но нравы и психика у молодежи такая, что молодежь не пойдет за вами, в деревню ее калачом не заманишь».

Молодежь более увлекалась работой «Народной Воли», и поэтому, как правильно замечает Аптекман (стр. 398), «чернопередельцев не слышно и не видно было в шуме и блеске народовольческих дел» [1]).

В 5 вышедших номерах газеты «Черный Передел» группа изложила программу работы, которая сводилась к а) аграрно-экономическому террору в деревне; б) к организации боевых крестьянских дружин; в) к организации городского террора на фабриках. Иными словами — «Черный Передел» почти слово в слово повторяет «Землю и Волю».

«...«Черный Передел» не внес ничего нового и оригинального, — вспоминает О. Аптекман, — все старое, землевольческое, начиная с социалистических предпосылок и кончая деталями тактики... Это значит, что «Черный Передел» исчерпал себя... Его необходимо было заполнить новым содержанием, что время его прошло, т.-е. революционное народничество завершило уже полный круг своего существования — сошло со сцены».

Таково же мнение Плеханова. В предисловии к «Истории революционного движения в России» проф. Туна (Гиз, 1920, стр. 31) он говорит:

«Когда редакция «Черного Передела» заявляла, что экономические отношения признаются ею «основанием всех остальных, коренной причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов», когда она повторяла, что «в основе общества лежат главным образом отношения экономические, которыми по преимуществу определяются остальные отношения — государственные, юридические, нравственные и пр.», то она высказывала лишь тот взгляд, который раньше ее выражал, вслед за Марксом, Бакунин. Но она принимала этот взгляд в том же искаженном его виде, который придал ему автор «Государственности и анархии». Она строила на нем чисто анархическое отрицание «государственности»...

«Марксистская» точка зрения чернопередельцев, таким образом, по свидетельству самого Плеханова, была не более, как точкой зрения Бакунина.

---

[1]) Как относилось правительство к группе «Черного Передела»?

В 1881 г. 29 сентября после предательства Жаркова (чернопередельца) была арестована типография «Черного Передела» и работавшие там Крылова, Тесленко-Приходько и Пьянков. Их приговорили к сравнительно легкому наказанию — на поселение в Сибирь. Прокурор, обвинявший этих чернопередельцев, на суде заявил:

«Я не настаиваю на тяжком наказании: они — не террористы, хотя я должен сказать, что по своим целям и задачам чернопередельцы опаснее народовольцев. Народоволец все равно, что убийца, который смело врывается в дом и убивает домохозяина; чернопередельц же тихо, незаметно, невидимо подрывается под самый фундамент здания, так что в один прекрасный день здание рушится, рассыпется в прах, погребая безвозвратно под своими обломками и домохозяина, и чад его, и слуг его, и все добро». (О. Аптекман, «Земля и Воля», стр. 405.)

«Тов. Невзоров (Ю. Стеклов), преувеличивая значение нашего тогдашнего «марксизма», тем самым выставляет в неправильном освещении то теоретическое «наследство», которое было получено нами от революционеров семидесятых годов.

Это наследство, — продолжает Плеханов, — было очень важно и даже совершенно незаменимо, в смысле практического опыта, частью приобретенного нами самими во время нашей народнической деятельности, частью завещаннного нам социалистами первой половины того десятилетия».

Вот почему, основываясь на данных таких высокоавторитетных деятелей «Черного Передела», мы считаем неправильными попытки придать этой организации большее значение, чем то, какое ей придают сами активные чернопередельцы — Аптекман и Плеханов.

1. д) ПЕРВЫЕ РАБОЧИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

70-е годы дают два примера формирования рабочей организации, резко отличающейся по своему составу и программе от всех существовавших революционных организаций того времени.

Эти формирования важны потому, что именно в них рабочее движение сказало новое слово тактики и программы. И еще потому, что слово сказано было самими рабочими-передовиками.

Характеристика этих двух объединений тем более необходима, что уже теперь в нашей литературе им даются иногда совершенно различные оценки. (М. Н. Покровский. «Очерки по истории революционного движения». Г. Зиновьев. «История РКП (б)», в главах, посвященных характеристикам Южно-Российского Союза Рабочих и Северно-Русского Рабочего Союза.)

1. Южно-Российский Союз Рабочих [1])

Какими путями рабочие Одессы в 1874 г. дошли до создания объединения, распространившего свою деятельность и на другие города южной России?

Объединение выросло из попытки создать кассу взаимопомощи на заводе Гуль е-Бланшард, сделанной слесарем Яном Ревицким. Эта касса, по мысли инициатора, должна была существовать легально. Намечались хлопоты перед градоначальником в этом смысле. Касса должна была служить средством для сбережений; при ней, далее, намечалась организация фонда, который должен был пойти на общие нужды рабочих масс (под ними понимались библиотека и другие культурные цели, а также стачки).

Эту ценную инициативу рабочих очень тонко и умно использовал Евгений Осипович Заславский, которого по справедливости считают основателем «Южно-Российского Союза Рабочих». (Табл. 13.)

Как сохранившиеся материалы судебного следствия, так и воспоминания ближайшего сотрудника Заславского М. П. Скверри указывают, что Заславский чрезвычайно неодобрительно относился к «бунтарям». Сам Заславский по своим убеждениям и темпераменту примыкал к лавристам, заимствовав от них тактику пропагандизма. Он деятельно работал среди одесских рабочих,

[1]) По материалам участника Союза Скверри, М. П.

организовывал кружки, вел с ними занятия и был известен рабочим как очень отзывчивый товарищ и хороший организатор. Кроме того, Е. Заславский имел через матросов судов заграничного плавания связи с Западной Европой.

Когда рабочие подняли вопрос о создании общественной кассы, они обратились к Заславскому за советом и помощью. Под его влиянием группа активных рабочих — выборщики завода Гулье-Бланшард — решила объединиться в «Южно-Российский Союз Рабочих».

Союз привлек к себе симпатии довольно значительного круга рабочих. Очень скоро в его ряды вошло около 200—250 рабочих. Союз в целом просуществовал несколько меньше года. После разгрома союза много передовиков-рабочих деятельно работали над воссозданием этой организации. Так, известно, что один из учеников Заславского, рабочий Наддачин, ездил в Таганрог для открытия отделения союза, а другой рабочий такое отделение открыл в Ростове-на Дону. В Киеве после разгрома Одесского союза Щедрин и Ковальская создают «Южно-Русский Рабочий Союз» (табл. 15), а в Одессе группа рабочих пытается возобновить деятельность разгромленного «Южно-Российского Союза Рабочих». Южная организация пустила глубокие корни среди рабочих. Она не погибла, когда вожди союза были замурованы в тюрьмах. Из кружков Заславского вышел не один десяток рабочих, которые в дальнейшем сыграли большую роль. Эти же рабочие впоследствии делают изумительные по настойчивости попытки вновь возобновить работу союза.

Правительство было охвачено настоящей тревогой, когда узнало о социальном составе и о целях «Южно-Российского Союза Рабочих». Оно тщательно скрывало от общества сведения о деле «Южно-Российского Союза Рабочих», ибо боялось выступить с открытым заявлением, что рабочие примкнули к революционному движению. Даже кадет Богучарский в своей книге «Активное народничество 70-х годов» пишет:

«...об этом интересном деле (т.-е. о деле «Южно-Российского Союза Рабочих»), несмотря на то, что оно разбиралось в 1877 г., когда отчеты о политических процессах печатались в «Правительственном Вестнике», правительство не опубликовало ни одного слова».

«Южно-Российский Союз Рабочих» начал распадаться из-за разногласий, возникших между руководимой Яном Ревицким группой рабочих и Заславским. Разногласия возникли на почве несогласия этой группы с тактикой Заславского, который отстаивал точку зрения недопущения интеллигентской молодежи в Союз. Заславскому было брошено тяжелое обвинение, будто он желает сохранить «генеральскую роль» в Союзе и опасается допустить в Союз интеллигентов, которые способны отбить у него эту роль. Споры дошли до такой остроты, что была созвана сходка рабочих под городом. Собралось человек 200—250, которые должны были разрешить разгоревшийся спор.

Один из участников этого любопытного собрания рабочих М. П. Скверри так описывает его:

«Все рабочие принимали живейшее участие в споре Заславского с его оппонентами. Заславский в течение двух с половиной часов, обливаясь потом, стоя в толпе последователей, настойчиво опровергал обвинения. Рабочие были почти все на его стороне. Спор закончился победой Заславского».

Группа рабочих, во главе с Яном Ревицким, ушла из Союза. Предательство одного рабочего, машиниста Толстоносова, привело к массовым арестам среди членов Союза. Они предстали перед царским судом 23—27 мая 1877 г. Суд вынес жестокий приговор. Сам Заславский был осужден на 10 лет каторги. После сравнительно короткого заточения в тюрьме Заславский сошел с ума.

Каковы же организационные принципы этого Союза?

Союз состоял из двух обществ: Одесского и Ростовского. Эти общества создались из рабочих заводских групп, объединенных в количестве от 15 до 25 чел. Каждая такая группа выдвигала одного представителя, который входил в центральное общество, которое выполняло центральную роль. Центральное общество являлось чем-то вроде ЦК Союза. Выборные собирались один раз в неделю для разрешения общих вопросов организации. Члены Союза вносили в кассу по 25 к. специального взноса. Все деньги обращались на «пропаганду идеи и борьбу за освобождение рабочих», как гласит один из пунктов устава.

По уставу, Союз является строго конспиративной организацией, и «каждый член во всякое время и при всяких обстоятельствах обязан быть готовым жертвовать собою ради спасения Союза».

Устав гласит:

«Сознавая, что установившийся порядок ныне не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих, что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основой личного и общественного благосостояния, что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их объединении, мы, рабочие Южно-Российского Края, соединяемся в один Союз под названием «Южно-Российского Союза Рабочих», поставляя себе целью: 1) пропаганду идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов, 2) объединение рабочих Южно-Российского Края, 3) для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком».

В Союзе этом интеллигентов почти не было. Как раз этот Союз, и это отмечали жандармы, имел в своем составе почти исключительно рабочих. Когда на суде предстали деятели этого Союза, то среди них только один Заславский, по существу, был выходцем из интеллигентской семьи. Остальные были слесаря, токаря, рабочие мастерских, фабрик и заводов. Если устав Союза сравнить с уставом I Интернационала, то сходство получится огромное. Есть целый ряд указаний на то, что Заславский сносился через кочегаров пароходов заграничного плавания с Западной Европой и получал оттуда литературу и, таким образом, имел очень ясное представление о западно-европейском рабочем движении. Самые формы движения, какие выдвигал Заславский в то время, показывают, что человек этот умел нащупать правильный путь организации рабочего класса.

Таким образом надо сказать, что этот Союз, который являлся первой серьезной попыткой рабочих организовать самостоятельное движение, стал, по тому времени, на довольно правильный путь. Заславский сумел создать дей-

ствительно массовую организацию. Если в Одесской организации к началу 1905 г. было максимум 300—400 членов организации, то надо сказать, что Южно-Русский Союз, который охватил 30 годами раньше десятки передовых рабочих разных районов, был настоящей большой рабочей организацией.

Программа Союза сильнейшим образом отличается по своей мотивировке от народнических, хотя и не лишена некоторой утопичности. Борьбу рабочих за свое освобождение Союз понимает как длительный процесс. Этим самым Союз отличается от народников, веривших в возможность близкой социалистической революции. Хотя программа Союза совершенно не касается крестьянства, вопросы его организации занимали внимание членов Союза. На одном из собраний решено было организовать крестьян на тех же началах, как и рабочих. В вопросе о крестьянстве Союз отдал дань господствовавшему народничеству. Он решил организовать ряд поселений среди крестьян, при чем члены Союза обязывались к переселению для создания крестьянских групп южной организации. Союз этот важен как первая попытка создания самостоятельной рабочей организации в России. Эта попытка была предпринята людьми, которые не смотрели на рабочее движение как на какое-то побочное дело, только как на средство, чтобы поднять крестьянство на революцию. Создавали Союз и активными его деятелями были сами рабочие.

Из Союза выдвинулся ряд крупных деятелей рабочего движения, например Виктор Обнорский. Союз, таким образом, служил первой очень крупной и важной большой школой политического воспитания передовых рабочих.

Очень скоро работа Союза сказалась на всем ходе развития как рабочего, так и социал-демократического движения.

2. «Северно-Русский Рабочий Союз»

Северный Союз возник несколько позднее Южного — в 1878 г. Во главе его стояли два выдающихся рабочих: Виктор Обнорский и Степан Халтурин. (Табл. 14.)

Оба эти руководителя замечательным образом дополняли друг друга.

Степан Халтурин, весьма развитой и начитанный рабочий из крестьян, очень усердно работал над историей западно-европейского рабочего движения, европейских конституций и был прирожденным организатором. Уже в начале своей революционной деятельности Степан резко отмежевывался от народников.

Плеханов передает любопытный случай, причинивший ему в период увлечения землевольчеством «большое огорчение». Он взялся за теоретическое обоснование народничества солидным разбором и оценкой роли русской общины. Когда об исполненной работе, требовавшей больших трудов, Плеханов поделился с Халтуриным, последний прервал его «непочтительным замечанием»: «Да неужели это так важно?». Уже в то время Халтурин все свои силы обратил на организацию рабочего класса и на его сплочение.

Виктор Обнорский, как это устанавливают встречавшиеся с ним Аптекман, Аксельрод, Дейч и другие современники, выделялся из среды рабочих своими исключительными природными дарованиями и умственным развитием. Очень

рано он вошел в кружок чайковцев и был в числе тех рабочих, которые не только работали в кружках, но и брали много книг по общественным вопросам к себе на дом. 25 лет от роду он побывал за границей в таких центрах, как, например, Лондон, Берлин, Париж. В начале 70-х годов он был активным деятелем Южно-Российского Союза в Одессе. Нет сомнения, что опыт и практика последнего, так же, как и опыт западно-европейского рабочего движения, с которым он сталкивался за границей, Обнорский, благодаря своим способностям и влиянию, перенес и на северную организацию.

Крайне резко Обнорский относился к народникам. Смертными грехами их учения являлись, по его мнению, враждебное отношение к политической борьбе и недооценка значения рабочего класса.

Революционеры того времени были очень недовольны Обнорским, проявлявшим мало интереса к их разглагольствованиям. Высоко ценил Обнорского П. Б. Аксельрод. Он за границей рассказывал ему о рабочем движении, о германской с.-д., убеждал Обнорского стать землевольцем. Обнорский из этих разговоров выносил массу полезных сведений, которые он перерабатывал, а на агитацию Аксельрода стать бунтарем не поддавался.

Отрицательно относясь к народникам и к интеллигенции, он первый начал подумывать о создании самостоятельной чисто рабочей организации. Совместно со Степаном Халтуриным они и организовали «Северно-Русский Рабочий Союз».

Заслуга Северного Союза огромная. Он сделал вторую, по времени, попытку подвинуть дело политической борьбы рабочего класса в другую плоскость, чем это делали прежние революционные группы. На дело организации сил рабочего класса он смотрел совершенно иначе, чем все интеллигенты-революционеры, работавшие в то время. Северный Союз придавал самостоятельное значение рабочему движению — в этом было его главное отличие от народников 60—70-х годов.

Весьма важно отметить организационные задачи, которые поставил перед собой Северный Союз. Эти задачи отличаются большой оригинальностью, и их постановка составляет бессмертную заслугу Северного Союза.

Местные комитеты составляются на заводах. Они выдвигают из своей среды представителей ЦК Союза. Они в своей деятельности, как об этом говорит устав, автономны, но в пределах «общей программы Союза и решений ЦК». Здесь заложена весьма интересная идея централизованного руководства работой.

Для лучшего приспособления к требованиям момента, для охвата всех выступлений рабочих ЦК Союза выдвигает из своей среды распорядительную группу. В некотором смысле эту группу можно признать зародышевой формой конспиративного центра.

В Союзе не может быть людей без обязанностей. Устав об этом говорит: «Каждый член Союза обязан вести агитацию».

Все эти организационные идеи весьма важны и ценны: ведь они составляют плод работы мысли, результат опыта первых развитых рабочих в России,

нашедших в себе смелость и силу пойти походом против «народнического течения» и возвестивших начало сознательного, организованного выступления русского рабочего класса.

Программа Союза, однако, сохраняет ряд черт, которые показывают, что от народнического груза Союз освободиться целиком не мог. Как раз за эти черты народники, устами Д. Клеменца в № 5 «Земли и Воли», хвалили Халтурина и Обнорского.

В первом пункте своей программы Северный Союз объявляет, что он «примыкает по своим задачам к социал-демократической партии Запада». Таким образом идея международной солидарности русских и иностранных рабочих впервые была выдвинута Северным Союзом. Тем самым он подчеркнул свой отказ от национальной ограниченности народников-самобытников.

Местами программа Союза представляла собой смесь народнических взглядов с идеями западно-европейской социал-демократии и лассалианства. Так, мы там находим следующие пункты:

1) ниспровержение существующего политического строя государства, как строя, крайне несправедливого;

2) учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права;

3) уничтожение земельной собственности и замена ее общинным землевладением;

4) правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства.

Здесь как раз недостатком является то, что Халтурин и Обнорский не смогли целиком отделаться от народнических взглядов на общину, на будущий государственный строй и т. п. «Правильная ассоциационная организация труда, предоставляющая в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства», и народнический взгляд на значение общины вызывали, конечно, похвалы народников Халтурину и Обнорскому, но зато положительные стороны, которые были в этой программе, т.-е. там, где выдвигались задачи политической борьбы, народники подвергли жестокой критике. Северному Союзу приходилось доказывать, что в этом вопросе неправы деятели «Народной Воли».

Северный Союз принял самое деятельное участие в первых стачках рабочих 70-х годов и вносил организованность в борьбу русских рабочих. Члены Союза постоянно находились в гуще масс, боровшихся с произволом фабрикантов и правительства. Это подняло Союз на необычайную высоту в глазах рабочих. Очень скоро он сумел охватить более 200 рабочих. Союз выпустил ряд прокламаций к рабочим в связи с забастовками на «Новой Бумагопрядильне», фабрике Шау, Максвелля и др. Союз занялся организацией своей типографии для выпуска рабочей газеты. Однако организация была раскрыта благодаря предательству, и эта заветная мечта Халтурина и Обнорского не осуществилась.

Судьба Халтурина поистине трагична. Убедившись в невозможности создания широкой рабочей организации в условиях самодержавного произвола, он обратил все свои недюжинные силы на борьбу с царем.

«Царь должен погибнуть от руки русского рабочего» — говорил он революционерам. Ему удалось устроиться столяром в Зимнем дворце, и в неимоверно трудной обстановке постоянного сыска и шпионажа он взорвал столовую во дворце 5 февраля 1880 г.; царя спасло только случайное запоздание на несколько минут с выходом в столовую.

Халтурин погиб 22 марта 1882 г. в Одессе, будучи повешен за террористический акт, произведенный над царским прокурором-вешателем Стрельниковым.

Виктор Обнорский в 1880 г. был присужден к 10 годам каторги за то, что «он принимал участие в кружках чайковцев», как было формулировано обвинение против него.

е) ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом уже в народнический период мы имеем зачатки рабочих организаций. Мы видели уже, как у лучших революционеров из народников под влиянием все растущего экономического значения пролетариата, под влиянием все более и более выдвигающихся одиночек из рабочей среды, под влиянием пробуждающегося рабочего движения пробивалось сознание важности работы среди рабочих. Правда, мы видели, что народники в подавляющем большинстве своем все еще считали рабочее движение только подсобным фактором, не придавали ему самостоятельного значения. Но уже в этот период землевольческой и народовольческой деятельности выдвинулись первые рабочие революционеры, которые в силу более тесной связи с рабочим классом, более отчетливого пролетарского самосознания поняли огромное значение рабочего движения и положили начало первым рабочим организациям, первым союзам рабочих, пытались формулировать не только особые задачи, стоявшие перед рабочим классом в России, но и определили место движения рабочего класса нашей страны в общем мировом пролетарском движении как части его. Именно в этих рабочих организациях мы видим более ясное понимание задач политической борьбы рабочего класса, именно здесь намечается правильное сочетание экономической борьбы рабочего класса с задачами политическими. Впоследствии мы встречаем в первых социал-демократических кружках немало рабочих, прошедших землевольческую и народовольческую учобу. Мучительно, с огромными трудностями, многие из них отделывались от неправильных народнических теорий, вынося, однако, из прошлого опыта огромный запас революционных навыков, которые позволяли им вести работу в труднейших условиях, когда приходилось только еще начинать собирание сил передовых революционных рабочих. Да, такие рабочие, как ткач Петр Алексеев, столяр Степан Халтурин и слесарь Виктор Обнорский, конечно, еще не были марксистами, не были социал-демократами, но так же, как они всегда были образцами революционеров для В. И. Ленина, так останутся они образцами революционеров для рабочего класса всех стран.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К III ГЛАВЕ

ФАКТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РСДРП ОТ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» ДО 1 СЪЕЗДА ПАРТИИ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО. (1883—1898 г.г.)

I. Социально-экономический фон 80-х годов.

1. Экономическое развитие эпохи.
2. Правящие группы и их характеристика.
3. Настроения интеллигенции.
4. Положение рабочего класса.
5. Стачечное движение, его характер и руководители.

ЛИТЕРАТУРА:

Хрестоматия Истпарта, т. I, стр. 111—136. М. Н. Покровский. «Очерки революционного движения в России», стр. 94—96.

II. Марксистские кружки и группы 80-х годов за границей и в России.

1. Процесс образования этих кружков за границей. Группа «Освобождение Труда»; ее программа 1883 и 1887 г.г., отличие первой от второй. (Отношение к народничеству, крестьянству, террору. Вопрос о диктатуре пролетариата и самостоятельной партии пролетариата.)
2. Процесс образования этих кружков в России. Почему важно проследить для этого периода не только параллельный, но и независимый от заграничных групп процесс формирования кружков в России. Образование кружков в России.
3. Благоевская группа, ее программа; чем она отличается от группы «Освобождение Труда». Значение Благоевской группы для истории нашей партии.
4. С.-д. кружки в провинции в этот период.
5. Вопрос об агитации и пропаганде в этот период.

ЛИТЕРАТУРА:

Хрестоматия Истпарта, т. I, стр. 230—252. М. Н. Лядов. «Как складывалась РКП», стр. 44—51.

III. От кружковой пропаганды к массовой агитации и оформлению партии.

1. Соц.-экономическое развитие 90-х годов.
2. Развитие рабочего движения в 90-х годах.
3. Причины перехода к массовой агитации; характер этой агитации.
4. Питерский «Союз борьбы» и его деятельность. Роль Ленина в этот период.
5. С.-д. организации в провинции. Бунд.
6. Первый съезд партии. Его значение, место и роль в деле оформления партии.

ЛИТЕРАТУРА:

Хрестоматия Истпарта, т. I, стр. 313—323, 346—349, 382—393. Ленин. Собр. соч., т. I, стр. 341—362.

ГЛАВА III

ФАКТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РСДРП ОТ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» ДО I СЪЕЗДА ПАРТИИ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО.

а) ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 80-х ГОДОВ

80-е годы — крайне своеобразная и противоречивая эпоха в развитии России. Сильный аграрный кризис, застой в промышленности, политическая реакция, слабость революционного движения — ее главные общественные черты. Создается впечатление «м е р т в о г о» десятилетия, десятилетия упадка и возврата к докапиталистическим формам общественности. А между тем следующее десятилетие, 90-е годы, известно как период бурного развития капитализма и подъема революционной волны. Чем объяснить такую колоссальную разницу, такой резкий скачок?

Эпоха 80-х годов подготовила и обусловила эпоху 90-х. Силы, которые были приведены в бурное движение в последнее десятилетие XIX века, медленно вызревали в течение предшествовавшего десятилетия. Они росли без большого шума, неопытный глаз их вовсе не замечал, но, тем не менее, они уже существовали и имели достаточно крепкое основание для дальнейшего развития. Попятное движение 80-х годов было условным, временным, вызванным своеобразными особенностями капиталистического развития России.

В. И. Ленин характеризует это время как э п о х у «л о м к и в Р о с с и и, к о г д а с т а р о е б е с п о в о р о т н о у в с е х н а г л а з а х р у ш и л о с ь, а н о в о е т о л ь к о у к л а д ы в а л о с ь, при чем общественные силы, эту укладку творящие, впервые показали себя на деле, в широком общенациональном масштабе, в массовидном, открытом действии на самых различных поприщах лишь в 1905 году». М. Н. Покровский называет 80-е годы порой «п е р е л о м а в русском народном хозяйстве, а вместе с тем и во всей народной жизни».

Решение задачи мы найдем в тех отношениях, какие создались в пореформенной деревне. Дворянство разорялось. Громадный капитал, полученный за освобождение крестьян, не помог крупному землевладению. Большая часть денег ушла на уплату давнишних дворянских долгов, значительная часть была прокучена, а то, что было вложено в хозяйство, не дало почти никаких результатов. С конца 70-х годов начали падать цены на пшеницу и продолжали катастрофически катиться вниз в течение всего десятилетия.

Вот таблица цен на пшеницу и рожь на главных европейских рынках [1]):

Годы	Цены пшеницы в марках за 1000 кило		Цены ржи в Пруссии
	в Англии	В Пруссии	
1871—75	246,4	235,2	179.2
1876—79	206,8	211,2	166,4
1880—85	180,4	189,0	160,0
1886 90	142,8	173,9	143,0

Вывозные цены на русскую пшеницу и рожь изменялись следующим образом (в копейках):

Годы	Пшеница	Рожь
1871—75	144	78
1876—80	124	91
1880—85	118	98
1885—90	100	67,5
1890—95	81	65

Разразился сильнейший аграрный кризис, общий для всего мирового рынка и особенно больно ударивший по русскому помещичьему хозяйству, жившему вывозом хлеба.

Разоряющееся дворянство начало уходить от земли на службу к государству и капиталу. Часть своих земель (относительно небольшую) оно продало крепким мужикам и городским капиталистам. Часть земли (относительно большую) сдало в аренду, и только на небольшой части своих владений дворянство продолжало вести самостоятельное хозяйство. Велось это хозяйство примитивно, по-старому, по-крепостнически. Попытки поставить дело на крупнокапиталистический лад, ввести машины кончались, большею частью, безуспешно: не хватало оборотных средств, давил кризис; наконец, крестьянские рабочие руки были так дешевы, что выгоднее было использовать людей, чем машины. И «люди» работали. Падающий, тонущий дворянин вцепился в крестьянина. Что мог сделать крестьянин? Классовое расслоение в деревне происходило со сказочной быстротой. Выделился небольшой слой «крепких мужиков», прикупивших барской землицы и благополучно переживших кризис, так как цены на рожь — этот «мужицкий хлеб» — не падали так стремительно, как цены на пшеницу. Остальная масса крестьянства билась в тисках малоземелья, вела волчью борьбу за существование и постепенно пролетаризировалась. Город не мог дать работы всей пролетаризированной массе: в промышленности го-

[1]) М. Н. Покровский. «Русская история», т. IV, глава III.

сподствовал застой. Что же оставалось делать? Итти к собственнику, у которого в руках ключ жизни — земля, наниматься в батраки или арендовать землю.

Помещик мог ставить какие угодно условия — сопротивления трудно было ожидать.

«Крепостное право исчезло, но оно жило в нравах, во взаимоотношениях. Осенью когда крестьяне разбирали земли на следующий год, управляющие помещичьих имений (помещики уже тогда редко сами вели хозяйство) сдавали землю в аренду только под условием обработки известной доли помещичьей земли и при этом не спрашивали, сколько тот или иной домохозяин желает обработать барской земли, а «записывали» на двор столько десятин, сколько по их соображению данная семья может осилить, и при малейшем сопротивлении двор вычеркивался и оставался без земли» [1]).

Единственное спасение дворянства было в этом нажиме на мужика и в выколачивании из него всего, что только можно было выколотить.

Реакция 80-х годов как раз и представляет собой прежде всего попытку путем государственного нажима на крестьянство восстановить хоть частично былое величие крупного землевладения. Самодержавие не могло забыть, что дворянство — «древняя опора престола», и решила немного «подремонтировать» эту опору, чтобы не лишиться ее вовсе. Еще реформа 1861 года возложила на крестьянство бремя выкупных платежей. Крестьянство должно было уплатить 867 миллионов рублей вместо действительной стоимости земли — 648 миллионов. Но и эта сумма была фактически увеличена процентным начислением, какое производило правительство.

Всю свою финансовую политику правительство строило, стремясь взять возможно больше с крестьянства. Русская налоговая система представляет собой исключительное явление. В ней отдавалось предпочтение косвенным налогам, благодаря удобству их взимания, и в этой области правительство не стеснялось. В первой половине 80-х годов были увеличены налоги на спирт, сахар, табак, повышен гербовый сбор. Какой тяжестью ложились налоги на тогдашнюю деревню, отмечает один из современников:

«Не хочешь спать зимой по 17 часов — плати акциз на спички и керосин; хочешь покурить — плати акциз на спички и табак; хочешь выпить рюмку водки — плати в 15 раз дороже действительной стоимости, а если водку желаешь заменить чаем — плати за чай и сахар втрое дороже, чем они стоят на самом деле; хочешь пахать плугом — плати таможенную пошлину на железо и т. д. и т. д. Вообще, куда ни повернись сельский обыватель, везде он чувствует, что с него берут, берут и берут».

Отдельные законы: о найме на сельские работы, о семейных разделах среди крестьян и пр. содействовали все той же цели — большему закабалению крестьянства.

Учрежденный правительством крестьянский банк, который был крестьянским только по имени, был в сущности дворянской конторой для сбыта помещичьей земли по вздутым ценам.

Росли также цены на аренду. Среднему крестьянскому хозяйству становилось все труднее перебиваться. Очень часто суммы сборов, которые ему прихо-

[1]) Елпатьевский. «Пережитое». «Былое», 1925 г., № 2.

дилось выплачивать, превышали сумму его доходов. Недоедание стало общим явлением для русской деревни.

Деньги, собранные с мужиков, правительство обращало на помощь дворянству. Был учрежден дворянский банк — спасательная станция для утопающих в долгах благородных землевладельцев, выдававший промотавшимся дельцам крупные ссуды.

Самодержавие не ограничилось областью непосредственно экономических отношений. Оно развернуло широкую политическую программу, достойно увенчавшую его экономическое основание. Эту программу легко передать; она вся выражена в трех словах: «самодержавие, православие, народность». В лице земского начальника воскрес старый грозный крепостной владыка, который фактически мог делать с крестьянином все, что угодно ему и его братьям-помещикам.

«Обществу» было дано понять, что мечтать о конституции и свободах больше чем бесполезно. Новое положение об охране усилило полицейский нажим на обывателей. Новый университетский устав уравнял студентов с опекаемыми и «надзираемыми» гимназистами. Было открыто самое яростное гонение на всех иноверцев — русских подданных. Старообрядцы, христиане-сектанты положительно житья не имели от преследований полиции. Одновременно были усилены руссификаторские мероприятия на окраинах. Белорусский и украинский языки были совершенно запрещены.

Особенно тяжелые преследования обрушились на евреев. Их не пытались насильственно руссифицировать, зато запретили им проживание в деревне, загнали на юго-запад России в «черту оседлости» и лишили права состоять на государственной службе (не освободив от воинской повинности).

Очень много сил было положено на то, чтобы разжечь национальную вражду в населении. В этом правительство видело своего рода «отдушину», через которую должно было испаряться революционное настроение. Евреи сделались своеобразным «козлом отпущения», виновным во всех бедствиях, постигающих Россию. Если где-нибудь в массе зрело недовольство, полиция старалась дать ему исход, направив при помощи своих агентов-провокаторов реакционные элементы в городах, в частности босяков — люмпен-пролетариат—против евреев, и стихийный гнев этой толпы находил выход в убийствах и разгромах беззащитного еврейского населения. Иногда удавалось в эту же сторону направить и часть пригородного крестьянства.

Реакция размахнулась во-всю. Русский барин снова взял в руки кнут и, словно понимая всю механику взаимодействия базиса и надстройки, повел такую политику, какая единственно могла обеспечить хоть на время благополучие его экономики.

А буржуазия? Как она себя чувствовала? Пыталась ли она противостоять самодержавной реакции?

Русская буржуазия в 80-х годах была неизменно верноподданнической. Самодержавная реакция была направлена не против буржуазии и не противоречила ее интересам. По крайней мере, наиболее жизненные «насущные» интересы капитала не были затронуты реакцией, и он имел полную возможность развиваться. Если не существовало в России свобод и «представительного» образа

правления, то это было потому, что русский капитализм того времени не чувствовал в этом жгучей необходимости.

Русский капитализм, в общем и целом, еще не вышел из стадии первоначального накопления. Бесчисленное множество Колупаевых и Разуваевых высасывало потихоньку народную кровь, подкармливалось у казны и боролось между собой, чтобы дать в будущем Гучковых, Путиловых и Рябушинских. А буржуазия в период первоначального накопления еще нуждается в сильной власти, ей слишком часто приходится прибегать к обману, грабежу и всевозможным видам «внеэкономического» принуждения. Русская буржуазия, позже других выступившая на историческую арену, нуждалась еще в защите от иностранной конкуренции. Царское правительство давало ей эту защиту путем высокого таможенного тарифа. Оно усиленно заботилось о процветании отечественной промышленности, давая громадные казенные заказы заводчикам и фабрикантам, предоставляло им кредит, посредничая в сношениях с иностранной биржей, выдавало субсидии.

Неудивительно, что в таких условиях русская буржуазия чувствовала себя достаточно хорошо. Ее потенциальную революционность умеряло еще то обстоятельство, что 80-е годы были периодом промышленного застоя, перешедшего к середине десятилетия даже в кризис. Приходилось сокращать производство. Промышленник не мог чувствовать себя сильным, он еще больше льнул к царской руке, требовал еще большего «покровительства».

Таким образом реакция, направленная главным образом против крестьянства, не могла встретить солидного противодействия. Крестьянин был оставлен с глазу на глаз с помещичьим режимом, который драл с него несколько шкур.

Лучшая часть интеллигенции видела все это и возмущалась. Но у интеллигенции не было никакой силы, никакой почвы под ногами. Организация «Народной Воли» была совершенно разгромлена после мартовского дела 1881 года. Попытки возродить ее ничего не дали. Студенчество продолжало волноваться, не выходя, однако, за пределы академических требований, но эти волнения не находили широкого отклика, а сами студенты, вырастая, становились сытыми обывателями.

Крестьянство показало себя в то время нереволюционным. Другой революционной массы интеллигенция не видела. Мало-по-малу складывалось убеждение, что самодержавие настолько могуче, что всякая борьба с ним безнадежна.

Многие бывшие революционеры просто переходят на службу к самодержавию.

Большая часть интеллигенции предпочитает вовсе не думать о политике. Она старается не видеть окружающего, отрекается от прошлых увлечений, уходит в будничные «малые дела», не высовывая носа из своей норы. Общее настроение мрачно. «Воздух застыл от тоски», «вместо людей кругом бродят какие-то серые пятна», «жизнь скучна, глупа, грязна» — говорят чеховские герои. «Проклятые 80-е годы» — самая распространенная фраза. Слово «восьмидесятник» стало обозначать разочарованного бездеятельного человека.

Небольшая часть интеллигенции искала спасения в реформированной религии — аскетическом учении Толстого, владевшего умами в ту эпоху.

Ленин позднее дал замечательную характеристику Толстого, объясняющую, в чем была сила влияния Толстого на пассивные слои общества:

«В произведениях Толстого выразилась и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-«надельное», стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны, и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению. Его непрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис — все бедствия эпохи «первоначального накопления», обостренные во сто крат перенесением на русскую почву самоновейших приемов грабежа, выработанных господином купоном.

Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 г.г. Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то-есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс. Отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге — на помещичьем землевладении и его политическом орудии власти, т.-е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям. Обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат... (Ленин. Собр. соч., т. II, ч. 2, стр. 116—117).

«Учение Толстого безусловно утопично и по своему содержанию реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова». (Там же, стр. 174).

Ясно, что никакого прогрессивного общественного значения сектанты-толстовцы не имели.

Казалось, все и вся уперлось в какой-то тупик, из которого нет выхода.

А между тем в эти же дни, в дни самого свирепого разгула реакции, вырастала и училась говорить своим собственным языком новая сила, которой суждено было похоронить и самодержавие и капитализм и повести крестьянство к новому бесклассовому обществу.

Это был рабочий класс — революционная масса, которой не замечала тогдашняя интеллигенция.

6) ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В 80-х ГОДАХ

После краткого промышленного подъема 1878—1879 годов, с 1880 года начинает чувствоваться застой в делах, который к 1884—1885 годам переходит в острый кризис, и лишь с 1887 года вновь начинается промышленное оживле-

ние. Поэтому в общей схеме развития капитализма в России 80-е годы относятся обычно к концу подготовительного периода, создавшего необходимые условия для расцвета промышленности. Но вместе с тем нельзя не видеть, что, несмотря на кризис, развитие промышленного капитала сделало серьезные успехи уже в 80-е годы.

В 1879 г. для внутреннего потребления России (кроме Финляндии) поступило $6^1/_2$ миллионов пудов хлопка, в 1889 — $10^1/_2$ миллионов. Было выплавлено чугуна: в 1879 г. — $26^1/_2$ милл. пудов, в 1889 — 45 милл. пудов. Добыто каменного угля: в 1877 г. — 110,1 милл. пудов, в 1887 г. — 276,8 милл. пудов. Находилось в действии крупных фабрик (с количеством рабочих более 100) в 1879 г. — 852, в 1890 — 951. Развитие происходило неравномерно, зигзагами, но в общем итоге десятилетия продвижение вперед несомненно. Даже промышленный кризис 80-х годов был в известной степени признаком прогресса, так как, будучи тесно связан с общемировым кризисом, показывал, что русский капитализм уже втянут в международный оборот.

По мере развития промышленности рос и развивался рабочий класс. В 1880 году на фабриках 50 губерний Европейской России, не обложенных акцизом, работало 648 тысяч рабочих, в 1890 г.— 720 тысяч. К 1887 г. общее количество фабрично-заводских, горнозаводских и железнодорожных рабочих было выше $1^1/_2$ миллиона. Увеличивалась и концентрация. Процент рабочих, занятых в крупнейших фабриках (более 1000 человек), в 1879 г. равнялся 40, в 1890—46. Уход с фабрики в деревню на полевые работы практиковался все реже и реже. По данным Московской фабричной инспекции, 82% рабочих были постоянными рабочими, занятыми на фабрике круглый год. В Донецком районе процент постоянных рабочих был равен 65. По Московской губернии больше половины рабочих были «потомственными пролетариями», отцы которых были тоже рабочими. Процент рабочих, совершенно порвавших с землей, был относительно невелик (около 30), но тем не менее основное, хотя и небольшое количественно ядро чистого промышленного пролетариата было уже создано. А за воротами фабрики стояли приготовленные историей России миллионы пролетаризированных крестьян, которым промышленный застой мешал превратиться в фабрично-заводских пролетариев. Пролетариат оформлялся и становился на ноги. Рос новый класс, какого не знала крепостная Россия.

Каково же было положение рабочего класса в эту эпоху?

Два фактора предопределяли в это время его положения. Во-первых, промышленный капитал в России еще не прошел периода «первоначального накопления». Это означало безудержную, ничем не ограниченную эксплоатацию, которая в период первоначального накопления, как это указывал еще К. Маркс, отличается особенно тяжелыми формами. Во-вторых, разразился промышленный кризис. Он означал — массовое увольнение рабочих (в одном Петербурге за два года 1880—1882 было уволено 6000 раб.), сокращение зарплаты и особенно усиленный нажим со стороны предпринимателей с целью переложить тяжесть кризиса на плечи рабочих.

Рабочий день чрезвычайно редко был короче 12 часов. По трем уездам Московской губ. к началу 80-х годов продолжительность рабочего дня была такова:

Менее 12 час.	. . .	10%	всех фабрик
12—12½	» . . .	29,6%	» »
13—13½	» . . .	44,0%	» »
14—14½	» . . .	11,6%	» »
15 и более	. . .	5,4%	» »

Общая средняя продолжительность рабочего дня по всей России была не менее 12½ ч. Средняя для текстильной промышленности —13—14 часов. Некоторые отрасли производства имели еще более продолжительный рабочий день. 16—18 часов работали на рогожных фабриках, ватных и костопальных заводах, парусино-ткацких заведениях и некоторых винокуренных заводах. В горячую пору рабочий день переходил и за эту грань, доходя до сумасшедших цифр — 19½, 21½ ч. Недаром рабочие золотых промыслов пели:

Там шутить не любят шутки:
Там работали мы в сутки
Двадцать два часа!

Большое значение имело распределение рабочего времени. Ночные работы были самым заурядным явлением. Иногда 12-часовой день разбивался на две равные части с перерывом в 6 часов, так что рабочие никогда не могли выспаться. Подобное напряжение рабочие могли выдержать лишь благодаря тому, что на лето уходили в деревню, а в праздники спали круглые сутки.

Условия труда вполне гармонировали с продолжительностью рабочего дня. Жадный фабрикант меньше всего заботился об удобстве рабочих. Для подавляющего большинства промышленных предприятий характерна следующая картина: Машины расставлены крайне тесно. Рабочие пробираются по узким проходам среди незакрытых движущихся частей. Газы, пары, пыль свободно расходятся по помещению. Рабочие скучены. Лампы коптят. Воздух какой-то особенно тяжелый, спертый, давящий легкие.

«На перчаточной фабрике Простова пахнет не лучше, чем в общественных и притом никогда не дезинфицируемых писсуарах (отхожих местах), потому что кожи на этой фабрике вымачиваются в открытых чанах, наполненных полусгнившей мочей. Мочу доставляют, конечно, сами рабочие, для чего в помещении в нескольких углах находятся особые чаны, ничем не прикрытые. В небольших кожевенных заведениях люди спят и едят в тех же зловонных мастерских, где воздух не лучше, чем в плохом анатомическом театре» [1]).

Работают стоя. Температура необычайно высока, особенно у металлистов.

«Уже по прошествии 3 минут рабочий, обливающийся потом, с раскрасневшимся лицом, налитыми кровью глазами, страшно учащенным пульсом и дыханием, выбегает на холод и тушит свой внутренний жар огромным количеством воды. Учащение пульса весьма часто доходит до 160 ударов в минуту, дыхание до 60; температура повышается

[1]) К. А. Пажитнов. «Положение рабочего класса в России».

сплошь и рядом до 38°, нередко до 39° и выше. Потение так велико, что рубаха рабочего при высыхании делается твердой от покрывающей ее коры поваренной соли... Не только у самых печей температура чрезвычайно высока, — настолько высока, что яйцо, подвешенное на шее рабочего, сваривается, — но даже на некоторых заводах, при тесноте помещений, в срединном пространстве температура достигает 40° по Реом.» [1]).

Вентиляция часто совершенно отсутствует. В большинстве случаев она недостаточна и неправильно устроена. Нередкое явление — сильный сквозной ветер. В некоторых предприятиях уборных вовсе нет. Там, где уборные имеются, они содержатся в страшной нечистоте, как объясняют фабриканты, для того, чтобы рабочие не имели желания слишком долго там задерживаться.

Здоровье рабочих непрерывно подтачивается этими тяжелыми условиями. Простуда, головные боли — явления, общие для всех рабочих. Ядовитые газы, пары, свинцовая пыль отравляют легкие. Портятся зубы, мертвеют челюсти. Машины наносят тяжелые увечья, калечат и убивают. «На Соколовской мануфактуре за два года среди ткачей было 67 изувеченных на 1.000 человек, среди носильщиков — 250, среди слесарей — 535, среди токарей — 625 на 1.000. А среди котельщиков число это доходило до 750: за два года только один рабочий из четырех уцелел от поранений» [2]). В среднем процент травматических повреждений в год не спускается ниже 10, а часто подымается до 30 и выше. К сожалению, точных сведений о количестве изувеченных не имеется, так как права рабочих не были ограждены, а фабриканты всячески старались скрывать несчастные случаи, записывая пострадавших рабочих как «раненых холодным оружием», или ничего не сообщая. Отношение фабрикантов к увечным и больным рабочим было поистине варварским. Из 19.292 фабрик, подчиненных фабричной инспекции, только 3.488 оказывали врачебную помощь своим рабочим, да и то постановка врачебного дела на них в большинстве была ниже всякой критики. Когда искалеченный рабочий лишался трудоспособности, фабрикант или отказывал во всякой помощи или отделывался подачкой в 1 рубль, 3 и 5 рублей. Рабочего бросали на нищенскую помойку, как выжатый лимон. Небрежность в отношении к рабочим доходила до чудовищных примеров. В 1882 году на Хлудовской мануфактуре сгорел громадный пятиэтажный корпус. Рабочие были заперты директором в горящем здании («чтоб лучше тушили»), и после пожара набралось семь возов трупов. Этот случай не был единичным. Подобная же история произошла на петербургской табачной фабрике бр. Шапшал.

Пролетарий жил и умирал, как рабочий скот.

Женщины и дети находились не в лучших условиях, чем взрослые мужчины. Количество женщин, занятых в производстве, в это время было довольно высоко — около 30%, а в текстильном производстве —40%. Детский труд тоже применялся в широких размерах: 63% рабочих Московской губ. поступало на фабрику до 14-летнего возраста, из занятых в производстве 21,5% были моложе 17 лет. Фабрикант жадно набрасывался на дешевый труд женщин и детей, получая на нем более высокую норму прибыли. Дети получали $^1/_3$,

---

[1]) К. А. Пажитнов. «Положение рабочего класса в России».

[2]) М. Покровский. «Русская история в самом сжатом очерке».

подростки $^1/_2$, женщины $^2/_3$ заработка взрослого мужчины, а работали столько же времени и почти с такой же интенсивностью. Законы 1882 г. (о детях) и 1885 г. (о женщинах) ограничивали произвол хозяев, но практически не имели серьезного значения и были сведены на-нет поправками промышленников. Никаких льгот на время родов женщины не имели. Тяжесть их положения усугублялась еще охотой на женское тело, какую устраивали хозяева и мастера, пользуясь беззащитностью своих подчиненных. Дети надрывались на непосильной работе и «высыхали», как выразился один фабрикант, т.-е. «уходили в лучший мир», как говорили когда-то.

Какое же вознаграждение получал русский рабочий за свой непосильный труд в невероятно тяжелых условиях? Максимум заработной платы был 30—35 рублей (на машиностроительных и литейных заводах, на производстве золотых и серебряных вещей). Большинство рабочих зарабатывали гораздо меньше этого. Очень нередок был месячный заработок в 7 руб. (позументные фабрики), 8 руб. (химические заводы), 9 руб. (рогожное производство), 9 р. 50 к. (ручное бумаготкацкое производство). По вычислениям Дементьева [1]) средний заработок мужчины равнялся 14 р. 16 к., средний заработок женщины — 10 р. 35 к.

Очень часто не было никакой определенности ни в сроках выдачи зарплаты, ни даже в размере ее. Рабочие становились на работу, не зная, сколько будут получать за нее. Выдача заработка фактически зависела от личности хозяина. Очень редки были случаи еженедельной или даже ежемесячной регулярной выдачи. Деньги выдавались под «большие праздники» 4, 5, 6 раз в год или просто «по мере надобности» (читай: по усмотрению хозяина). При этом фабриканты не брезгали ростовщическими приемами: за выдачу денег «до срока» брали с рабочего до 10% выдаваемой суммы.

Фактически рабочий почти никогда не получал своего номинального заработка. Фабриканты с необычайной изобретательностью находили меры, которые значительно (нередко вдвое) сокращали заработок рабочего.

К таким мерам относится принуждение к покупке продуктов из фабричных лавок или у тех торговцев, на которых укажет фабрикант. Смысл этого заключался, конечно, в том, что цены в фабричных лавках были выше обычных (иногда на 15—20% и даже больше). Попытки рабочих увернуться не помогали— условия договора прямо требовали прикрепления их к определенным лавкам. На копях одного владельца были даже сломаны печи в помещениях рабочих, чтобы принудить их покупать хлеб у фабриканта. Так как рабочие очень редко получали деньги на руки, то им открывали кредит в лавке, вычитывая набранную сумму (нередко с процентами за кредит) из заработной платы. Получалось, что иногда за целый год рабочий не видел ни копейки из своего заработка или продавал за бесценок продукты, полученные в лавке.

Другой мерой для сокращения зарплаты были штрафы. Штрафная система заслужила печальную известность, и ей было уделено большое внимание в литературе. Хозяева цепко держались за нее. Штрафы приносили большие доходы (20.000 руб. в год на фабрике Саввы Морозова), но они имели еще и то значение,

---

[1]) Е. М. Дементьев. «Фабрика, что она дает населению и что у него берет». 1897 г.

что опутывали по рукам и ногам рабочего, привязывали его к фабрике. Единообразных правил о штрафах не существовало. Каждый хозяин по-своему определял провинности, за которые полагался штраф, и чаще всего штрафовал не по правилам, а по своему усмотрению, усиливая или ослабляя нажим на рабочего в зависимости от обстоятельств.

Штрафовали за опоздание, поломку инструментов, нетрезвое поведение, грубость, курение, песни, шум, свист, хождение в контору и т. д. и т. п. Изобретательность хозяев поистине изумительна. Например, под угрозой штрафа предписывается «выходить за отправлением естественной надобности в устроенные для этого вне фабрики помещения не иначе, как без верхней одежды». Из 27 пунктов расчетной книжки на мануфактуре Алафузова (в Казани) 26 посвящены штрафам и очень крупным — до 2 — 5 руб. — за то, например (§ 24), что рабочий «прошелся, крадучись, по двору». На фабрике Пешкова (Моск. губ.) на стенах — такое объявление: «кто поступил на фабрику, тот не имеет права выхода за ворота; за нарушение правила штраф 1 руб.», или «так как фабричные дозволяют себе беспокоить хозяина — просить денег, то предупреждаю — выдача денег ближе 20 ноября (а срок расплаты — 22 октября) не будет; осмелившийся спросить раньше будет разочтен совсем». На заводе Мартына (в Харьковском округе) опоздавший на $^1/_4$ часа после свистка штрафуется в размере заработка за $^1/_4$ дня, а опоздавший на 20 минут и более — как за целый день. На писчебумажной фабрике Панченко за каждый час опоздания вычитается как за два дня, а в трех типографиях — за каждый час как за три дня. На одной фабрике штраф в 3 р. за неприличные слова. На московских фабриках встречаются штрафы за нехождение в церковь — 10 коп. в пользу «бедных и больных» и 5 коп. — в пользу «доказчика». На кирпичном заводе Якунчикова (Моск. губ.) за опоздание на 15 минут вычитается плата за целый день; если рабочий ляжет не в «назначенном для того месте» — штраф от 50 к. до 1 руб. Во Владимирской губ. встречаются штрафы за перелезание через фабричный забор, за охоту в лесу, за сборище нескольких человек и т. д. Одним словом, поводы для наложения штрафов насчитываются десятками. А на многих фабриках встречается только одна лаконическая статья — «замеченные в нарушении фабричных правил штрафуются по усмотрению хозяина» [1]).

Помимо штрафов существовали еще вычеты: на медицинскую помощь, за расчетные книжки (10—30 к.), на прописку паспорта, на содержание дворника, зистку уборных, баню, воду из куба, уголь для самовара и т. п. В итоге чарплата урезывалась до невозможности. Несмотря на относительную дешевизну (питание одного человека стоило 5 руб. в месяц), уровень жизни рабочего был крайне низок (в 3—4 раза ниже уровня жизни английского и американского рабочего), а семейные еле-еле сводили концы с концами. «Есть такие семьи, матери которых вынуждены, кормя детей, рассыпать кашу тонким слоем по столу и заставлять детей есть кашу щепотками, так как ложки при такой трапезе слишком большое орудие» [2]). Даже тогда, когда питание рабочего было достаточным, необходимые питательные вещества добывались из грубой невкусной пищи.

Жилищные условия русского рабочего тоже заслуживают особого внимания. Около $^2/_3$ рабочих жили или в тех же мастерских, где работали, или в казармах при фабрике, остальная часть — в фабричных домиках и на частных квартирах. Об условиях жизни в мастерских почти нечего говорить: ничего похожего на более или менее сносное существование не могло быть. Но не лучше

---

[1]) Пажитнов. «Положение рабочего класса в России».

[2]) И. Сидоров. «Раменская фабрика». «Юридический Вестник», 1881, т. XXI, стр. 358.

обстояло положение в фабричных казармах. «Рабочие жили в этих помещениях не лучше, чем в мастерских: спали на нарах, без перегородки и вповалку, мужчины вместе с женщинами. Иногда для семейных в углу отводились каморки, но «так как подобные каморки сплошь и рядом не имеют окон, то их вернее было бы назвать не жильем, а шкафами, куда на ночь кладутся человеческие тела, как бы совсем не нуждающиеся в воздухе». Никаких спальных принадлежностей не полагалось; спали на рогожах и войлоках, без подушек и одеял. «На фабриках, работающих в две смены, некоторые из спален служат двойному количеству рабочих, т.-е. взамен вставших и ушедших на работу на их места на нарах ложится на отдых вернувшаяся с работ смена» [1]).

Теснота в рабочих жилищах была невероятная. Часто спали просто на полу, прижавшись один к другому. Нередко воздуху приходилось на одного человека не более $^1/_2$ куб. саж. Духота, жара, вонь, невероятное количество блох и клопов не давали заснуть даже утомленным 12-часовой работой людям.

Бывали случаи устройства летних помещений для рабочих, но эти летние помещения немногим лучше зимних. «Они представляют собою небольшие ящики, сколоченные из досок; длина этих ящиков около 1 сажени, ширина менее $1^1/_2$ аршина, а высота $1^1/_2$—2 аршина. Вход в эти конуры имеет около 14 вершков вышины и 11 вершков ширины, так что входить в них можно только ползком, на четвереньках. Иногда такие конуры устраиваются в коридорах и в таком случае служат жилищем для рабочих в течение круглого года. И оказывается, что в таких собачьих помещениях живет от 2 до 3 рабочих! На фабричном дворе бывает иногда до 150 подобных конур» [2]).

Жизнь в отдельных домиках и на частных квартирах немногим отличалась от приведенной картины. Та же грязь, духота, скученность. Одна койка сдается двум жильцам, постельных принадлежностей нет. Мало света, особенно в землянках донецких шахтеров, гнилых конурах, вырытых в земле. Ничего похожего на домашний уют, на обстановку, где можно отдохнуть и восстановить свои силы, русский рабочий 80-х годов не имел.

Итак, обстановка труда и обстановка отдыха русского рабочего были одинаковы мрачны. Безграмотный, только что вышедший из деревни человек жил однообразной тяжелой жизнью, отдавая все свои силы на создание капиталистического накопления.

Ни о какой культуре не могло быть речи. Только редкие одиночки, захваченные революционной пропагандой, читали, учились, старались подняться выше. Остальная масса оставалась в темноте, отданная в жертву хозяевам, ростовщикам и кабатчикам. Пьянство было самым заурядным бытовым явлением. Пили, чтобы забыться, пили, потому что все пили. Выпутаться, вырваться, найти лучшую дорогу нельзя было. Хозяин опутывал своими кабальными условиями найма, связывал артельным порядком, держал в руках через посредство волостных правлений, содействовавших фабрикантам в найме рабочих. Государство не давало защиты. Судиться с хозяином было безумной затеей, суд находился в руках богатых, жалоба кончалась расчетом.

---

[1]) М. Балабанов. «Очерки по истории рабочего класса в России».

[2]) Пажитнов. «Положение рабочего класса в России».

Законов, охранявших труд и жизнь рабочих, почти не было. Лишь боязнь волнений, боязнь классовой борьбы заставляла царское правительство принимать кое-какие меры для охраны труда рабочих. В течение 60-х и 70-х годов эти «меры» выразились лишь в бесконечных разговорах, не имевших никаких результатов. Создавались комиссии (Игнатьева, Валуева), писались проекты, но противодействие промышленников всякий раз мешало превратить эти проекты в законы.

В 80-е годы наметился кое-какой сдвиг в этом направлении под влиянием начавшихся массовых стачек. В 1882 году был издан закон о труде малолетних. Детям до 12 лет труд на фабрике был совершенно запрещен. Подростки от 12 до 15 лет должны были работать не более 8 часов. Ночная работа малолетних запрещена. Для надзора учрежден правительственный инспекторат. В 1884 г. был издан закон о школьном обучении малолетних, в том же году выпущена инструкция фабричной инспекции. В 1885 г. запрещена ночная работа женщин и подростков до 17 лет. Наконец, в 1886 г. изданы постановления, регулирующие наем рабочих на фабрику и взаимоотношения хозяев и рабочих. Запрещена была выдача зарплаты натурой. Расчет должен был производиться не реже одного или двух раз в месяц. Запрещалось производить вычеты из зарплаты, брать проценты за ссуду, ограничивались права хозяина в расторжении договора о найме, расширялись права фабричной инспекции, которые должны были определять размеры штрафов и могли не разрешать открытия фабричных лавок.

Промышленники, однако, не сдавались без боя. Они оказывали самое энергичное противодействие законодательному ограничению эксплоатации пролетариата. На законы они часто не обращали внимания, и фабричные инспектора вводились в заблуждение. В самых действиях правительства не было достаточно решительности, и оно, например, в 1890 г. «исправило» законы, изданные в 80-х годах, в сторону, желательную фабрикантам.

Практическое влияние правительственного законодательства на условия жизни рабочих в течение 80-х годов было еще незначительным. Фактически рабочий класс был беззащитен. Он весь находился в руках предпринимателей. И лишь своей собственной борьбой должен был добиваться улучшений условий жизни.

в) РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 80-х ГОДОВ

Слова Плеханова — «рабочее движение переросло народническое учение на целую голову», — сказанные им относительно 1879 года, еще с большим основанием можно отнести к 80-м годам. Не только потому, что народничество стало клониться к упадку, но и потому, что движение пролетариата шло вперед, захватывая все более широкие массы и становясь настойчивей, стремительней, организованней. К концу 80-х годов уже невозможно было сомневаться в том, что в России имеется жизнеспособный рабочий класс. Молодой русский пролетариат напомнил обществу о себе. Нажиму жадного капитала, злостной эксплоатации он противопоставил свое верное классовое средство борьбы — стачку.

Рабочие стачки в 80-е годы перестают быть случайными, они становятся повседневным явлением русской жизни, неизбежным следствием развития капиталистической промышленности. Каждый год в разных концах России рабочие

поднимают голову и отказываются работать, требуя изменения тяжелых кабальных условий труда.

Вот краткий перечень главнейших стачек:

1880 год. На фабрике Бровкина и Каверина — в Москве, на заводе Голубева — в Петербурге, в железнодорожных мастерских и арсенале — в Киеве, на Хлудовской мануфактуре — в Ярцеве, Смоленской губ., на фабрике Щербакова — в Озерках, Коломенского уезда, на фабрике Серикова — в Серпухове.

1881 год. На фабрике Тряпкина — в Нижегородской губ., грузчиков Канаевской пристани г. Рыбинска, рабочих Свирского канала, на Миусских горных промыслах, на торфяных разработках Владимирской губ., на Ряжско-Вяземской ж. д., на фабрике наследников Н. Зубкова — в Иваново-Вознесенске.

1882 год. На гвоздильном заводе, сталелитейном заводе, Невской бумагопрядильне— в Петербурге, на бумагопрядильне Кнопа — под Петербургом, на пушечном заводе — в Перми, на Илекском заводе, на фабриках Грезон, Дербенева, Гречина и Небурчилова— в Иваново-Вознесенске, в железнодорожных мастерских Варшаво-Венской ж. д., на золотых приисках Базунова, на Эльтонском озере, Третьяковской Горинской мануфактуре, на Кренгольмской мануфактуре — в Нарве, на фабрике Баранова — на ст. Барановка Московско-Ярославской ж. д., на фабрике Гаспара — в Гродненской губ., на ткацкой фабрике Суражских — в Белостоке, в столярном цехе Юго-Западных ж. д. — в Брест-Литовске, в Борисоглебских мастерских Грязе-Царицынской ж. д., на нефтяных разработках Нобеля — в Баку.

1883 год. На Вознесенской мануфактуре — в Дмитровском уезде Московской губ., на Жирардовской мануфактуре.

1884 год. Бастуют опять Вознесенская и Жирардовская фабрики.

1885 год. Крупнейшая, необычайно важная по своему историческому значению стачка на фабрике Морозова — в Орехово-Зуеве. Стачка на 5 фабриках в Иваново-Вознесенске, на фабрике Кузнецова — в Тверской губ., на железной дороге — в Александровске, в железнодорожных мастерских — в Севастополе, среди чернорабочих — в Херсоне, среди рабочих гавани — в Таганроге, Твери, Рыбинске, Варшаве.

1886 год. На фабриках Паля и Максвелля и на чугунном заводе в Петербурге.

1887 год. На фабрике Максвелля — в Петербурге, фабрике Зотова — в Костроме, среди ткачей Белостока, на шахтах Бахмутского уезда.

1888 год. На 4 фабриках в Шуе, среди еврейских ремесленных подмастерьев Вильны.

1889 год. Стачки на фабриках Иваново-Вознесенска.

По неполным литературным сведениям за пятилетие 1881—1886 г.г. было 48 более или менее крупных стачек с 80.000 бастовавших рабочих. В действительности число забастовок и бастовавших рабочих, конечно, выше. Лишь к концу 80-х годов, под влиянием начавшегося промышленного подъема, стачечное движение несколько ослабевает.

Остановимся немного подробнее на некоторых особенно значительных волнениях рабочих.

В сентябре 1880 года началась стачка на фабрике Хлудова. Фабрикант этот, получавший миллионные прибыли, пожертвовав 120.000 рублей на печатание богослужебных книг, решил возместить потерю за счет рабочих и объявил о понижении зарплаты на 10%. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения рабочих. Фабрика Хлудова и без того заслужила печальную известность безжалостным высасыванием крови рабочих. «Служа гнездом всякой заразы, миллионная фабрика (Хлудова) является в то же время образцом беспощадной эксплоатации народного труда капиталом» — признавало даже исследование земской санитарной комиссии того времени. Именно у Хлудова никогда не могли выспаться рабочие, благодаря посменной работе, именно у него беспощадно применялась система штрафов, именно у него фабричные

дети до того истощались, что во время операций засыпали без хлороформа. Работа была прекращена. Сын фабриканта, Михаил Хлудов, начал заговаривать зубы рабочим, пытаясь убедить их прекратить забастовку. Урядник пробовал пустить в ход плеть, как более сильное средство убеждения, но был избит и спрятался на чердаке. Прибыл губернатор. Ему удалось убедить Хлудова отменить сбавку. Но рабочие не соглашались прекратить стачку, требуя отмены произвольных штрафов и полной оплаты прогульных дней. Были вызваны войска. Начались аресты. Взято назад обещание отмены сбавки. Местные рабочие смирились и приняли условия фабриканта. Пришлые в количестве 800 человек высланы этапным порядком на родину. 11 человек «зачинщиков» подвергнуты тюремному заключению.

В том же году произошла забастовка в Киевском арсенале. Здесь помимо низкой заработной платы и увлечения штрафами причиной волнения рабочих послужило грубое обращение администрации, доходившее до побоев. Некоторые рабочие арсенала входили в революционную народническую организацию, руководимую Ковальской и Щедриным. Под влиянием этой организации они пригрозили начальству террором и добились кое-каких уступок со стороны администрации (уменьшение рабочего дня и др.). Но рабочие не удовлетворились достигнутым и продолжали наступление, предъявив ряд новых требований (увеличение заработной платы, ограничение штрафной системы, прекращение ругани и побоев и др.). Администрация арсенала этих требований не удовлетворила, в результате чего был убит помощник начальника арсенала Коробков, особенно ненавидимый рабочими. Подобная террористическая развязка для 80-х годов — исключение, и, без всякого сомнения, объясняется влиянием организации Ковальской.

На Жирардовской мануфактуре в 1883 году стачка началась из-за понижения платы за наматывание пряжки на катушки. Прежде всего забастовало 60 катушечниц. Их протест поддержали остальные рабочие (около 1.500 ч.), и громадная фабрика остановилась. Было арестовано 10 человек. Рабочие решили не выдавать товарищей и двинулись к месту заключения, чтобы их освободить. Войска встретили безоружную толпу выстрелами. Были убитые и раненые. Кровь товарищей взволновала всю рабочую массу. Стачка расширилась. Волнением было охвачено 8.000 человек. Разъяренные рабочие выпустили воду из фабричных чанов, чем причинили фабрике убыток в 60 тысяч рублей. Но сила была на стороне войск. Рабочие усмирены.

Бурный характер имело движение шахтеров Бахмутского уезда в 1887 г. Толпа в 1.500 человек предъявила к управляющему рудниками ряд требований о повышении зарплаты и удалении некоторых представителей администрации, наиболее ненавидимых рабочими. Получив отказ, шахтеры разбили трактир, перепились и стали громить, что попадется под руку. Пострадали: пивной завод, постоялый двор, трактир. Только с помощью двух батальонов пехоты волнение было подавлено.

Особое место в истории рабочего движения 80-х годов занимает Морозовская стачка 1885 года. 1884—1885 год — момент наибольшего обострения промышленного кризиса. Капитал старался переложить тяжесть кризиса на плечи рабочих. Особенно отличился в этом отношении Морозов, владелец огромной

текстильной фабрики в Орехово-Зуеве. В течение 1884 года Морозов пять раз понижал заработную плату. Одновременно с этим все увеличивалось количество штрафов и размер их. И без того скудный заработок рабочих урезывался все больше и больше. Очень часто штрафы отнимали 50% заработка. Фактически рабочий получал у Морозова в среднем от 4 до 6 р. 50 к. в месяц, а были рабочие, которые получали 2 р. 50 к., т.-е. меньше самого скудного прожиточного минимума. При этом штрафы налагались без всякого основания, иногда даже за очень хорошо выполненную работу, просто потому, что хозяину нужны были деньги. «На фабрике Морозова царил произвол, какого нигде никогда не было», пишет тов. Мосеенок, бывший в то время ткачом у Морозова. Особенно отличался в произволе мастер Шорин, которого ненавидели все рабочие. (Табл. 16.)

Такое положение не могло долго продолжаться. Стихийный взрыв рабочего негодования был неизбежен. В дело вмешалась сознательная революционная воля, которая ускорила протест рабочих и придала ему организованный характер. Эта сознательная революционная воля пришла в лице ткача Петра Анисимовича Мосеенка [1]). Последний в 70-х годах работал в Петербурге и поддерживал связи с тогдашними революционерами. Большое влияние оказали на Мосеенка Плеханов и Халтурин. Под их влиянием он превратился в настоящего революционера. За участие в стачке на Новой Бумагопрядильне Мосеенок был арестован, просидел 17 месяцев в тюрьме, потом был сослан в Восточную Сибирь и лишь в 1883 году вернулся в Россию.

Обосновавшись на новом месте у Морозова, Мосеенок повел пропаганду среди рабочих. Пропаганда имела большой успех. Образовался дружный кружок, в котором особенно выделился молодой рабочий Василий Сергеевич Волков. В тесном кружке забастовка была заранее намечена уже в декабре 1884 года. После праздников 5 и 6 января были разработаны требования и план забастовки. Администрация, кем-то предупрежденная, приняла меры, поставив сторожей около ткацкого корпуса. Но ничто не помогло. 7 января фабрика остановилась. Рабочие вышли на улицу. Несмотря на воздействие Мосеенка, Волкова и других организаторов, начались разгромы квартир администрации, конторы, харчевой лавки. Здесь сказалось влияние случайных уличных элементов, которые присоединились к рабочим.

Из Владимира примчался губернатор Судиенко с батальоном пехоты. Морозов дал свое согласие на скидку взысканий за плохие работы с 1 октября 1884 г. по день забастовки и на расчет всех рабочих и обратный прием по его усмотрению тех, кто согласен на расценки 1 октября 1884 г.

Объявленные условия вызвали единодушное негодование рабочих. Рабочие писали: «Объявляется Савве Морозову, что за эту сбавку ткачи и прядильщики... не соглашаются работать. А если ты нам не прибавишь расценок, то дай нам всем расчет и разочти нас по Пасху, а то, если не разочтешь нас по Пасху, то мы будем бунтоваться до самой Пасхи. Ну, будь согласен на эту табель, а то ежели не согласишься, то и фабрики вам не водить».

---

[1]) Настоящая фамилия Петра Анисимовича — Мосеенок. Встречающаяся в литературе фамилия Моисеенко — результат ошибки писаря, проставившего в паспорте эту фамилию. См. «Воспоминания П. А. Мосеенок».

Более подробные требования были переданы губернатору Волковым 10 января в присутствии большой толпы рабочих.

Приводим главную часть их с соблюдением орфографии подлинника:

«Требования рабочих

Во-первых

1-е. По изданному Государственному закону хозяин не должен производить чрезмерных штрафов, которыми обременяет своих рабочих. Мы рабочии требуем, и просим, чтобы штрафы не превышали пяти % заработанного рубля, и чтобы рабочий был предупрежден о его плохой работе, и вызывался не более двух раз в течение месяца.

2-е. Вычет за прогул, чтобы не превышал более одного рубля, но с тем чтобы и хозяин также был бы обязан уплатить рабочему запрогул происходящий по вине хозяйской, как то запростой из заоснов поломки машин и переделку оных надругии работы и пр. и пр., чтобы каждый прогулянный час записывался в тетрадь ращетную или заработную, считая повыработки нонеменее сорока копеек в день (40) или двадцати копеек в смену (20).

3-е. Полное изменение условия найма между хозяином и рабочими по изданному Государственному закону чтобы каждый рабочий мог получить полный ращет без всякого вычета и задержки по заявлению рабочим за 15-ть дней о нежелании продолжать работу. Также и хозяин обязан объявить рабочему за 15-ть дней о его ращете, и все это записывалось бы в ращетные тетради. Буде-же будет не исполнено с какой либо стороны то чтобы удовлетворялось двух недельной заработной платой, как с рабочего так и с хозяина.

4-е. Доброкачественный материал соответствующий спросу о работе, и заявление осем происходило бы с свидетелями тех рабочих, которые работают по близости и записывались бы в товаро-приемную книгу записи в книжку излишней меры в аршинах не превышать вес товара не учащать ращет бердов и плотность товара. До сего времени от нас не принималось никакое заявление. Вновь назначенные работы не объявленные в расценках производились бы поденной платой до тех пор пока рабочие окончательно усвоят эту работу и объявят за сколько можно работать. Такой то товар. Без общего соглашения нарасценки выставленные конторой учредить государственный контроль, который уравнял-бы заработную плату. Полное удовлетворение рабочих за прогул содня нашей остановки, происшедшей по вине хозяина. Прогульный день считать по прозбе рабочих не менее 40 копеек в день.

Без препятственное выдача харчей, до тех пор пока рабочие будут удовлетворены в своих требованиях, без всякой росписки. По тому что у нас за них уже вычтено и на каждом счету положено клеймо что: (деньги получены сполна). Также и набудущее время не задерживать. Потому, что у нас за хозяином за декабрь месяц удержана заработка. Выдача жалованья не задерживалось бы далее 15-го или в первую субботу после 15-го.

Свободный выбор старосты в артелях, и чтобы староста не мог служить более трех месяцев, в виду того чтобы не усвоить для хищения сбыта; производить ежемесячный учет. Уволить от должностей тех служащих и мастеров, которых найдут нужным рабочие и покажут отдельной запиской» [1]).

Губернатор принял требования и арестовал нескольких рабочих, в том числе Волкова. Толпа во главе с Мосеенком пыталась освободить арестованных, но безрезультатно. Войска, количество которых было доведено до двух батальонов пехоты и эскадрона казаков, разогнали рабочих. Произошли массо-

[1]) Большинство требований, приведенных выше, были признаны законом 3 июня 1886 года. (Цитируем по Невскому, «Очерки по истории РКП», изд. 1-е, стр. 205.)

вые аресты, высылки. Сопротивление забастовщиков было сломлено. 19 рабочих, в том числе Волков и Мосеенок (последний был арестован 18 января), были судимы во Владимире, но оправданы по всем 101 вопросам обвинения присяжными заседателями благодаря умелой защите и действительно чудовищной картине хозяйского произвола.

Процесс сделал стачку известной во всей России. Правящие классы были напуганы примером организованной борьбы пролетариата.

«Вчера в старом богоспасаемом граде Владимире раздался 101 салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса. Итак, да здравствует рабочий вопрос и права труда...»,— с иронией писал махровый черносотенец Катков в «Московских Ведомостях». Катков, разумеется, оправдывает во всем фабрикантов и всю вину сваливает на рабочих. «Действительно ли так притеснялись рабочие, что им было не в мочь и ничего не оставалось, как бить, ломать и грабить. Никольская фабрика существует давно; она принадлежит к числу лучших мануфактур. Рабочие не состоят ни каких крепостных или обязательных отношениях к фабрике; приходят они добровольно и уходят, по окончании договоренного срока, беспрепятственно. Если бы именно на этой фабрике чинились нестерпимые притеснения, то она давно закрылась бы, между тем как число рабочих в ней доходило до одиннадцати тысяч, и никогда рабочие не бунтовали, пока не поселился между ними Мосеенок». При этом Катков делает предостережение. «Без строгого порядка и должной требовательности не может итти дело». «С народными массами шутить опасно». Гласность процесса кажется Каткову ошибкой. Он рекомендует разделываться с рабочими потихоньку, «изымая» и ссылая их в административном порядке.

Царское правительство действительно обратило серьезное внимание на Морозовскую стачку. Выступление рабочих не осталось безрезультатным. Фабричный закон 3 июня 1886 года — прямое последствие Морозовской стачки, уступка, вырванная борьбой. Требования рабочих, переданные Волковым губернатору, легли в основу закона. Была признана обязательной выдача зарплаты не реже одного раза в месяц. Запрещалась расплата товарами или купонами. Хозяин принуждался объявлять рабочему о расчете за две недели. Штраф за прогул не мог быть выше одного рубля. Наконец, было предписано употреблять штрафные деньги на пользу рабочих. Все это заключалось в требованиях морозовских ткачей.

Закон 1886 г. одновременно предусматривал повышение наказания за стачки (восьмимесячное тюремное заключение для «подстрекателей», четырехмесячное — для прочих участников).

Влияние Морозовской стачки сказалось и в этом.

В марксистских революционных кругах значение Морозовской стачки давно общепризнано. Уже в 1886 году Плеханов в статье для французской газеты «Социалист» говорил, что Морозовская стачка начинает новый фазис рабочего движения в России. В. И. Ленин в брошюре «О штрафах» (1896 г.) подчеркивал важность того факта, что правительство начало уступать давлению рабочих. Д. Б. Рязанов характеризует стачку как «одно из крупных звеньев того исторического развития, которое привело к Октябрьской революции». Для полного уяснения исторического значения Морозовской стачки надо иметь

в виду ее организованность, высокую для того времени, спаянность восьмитысячной рабочей массы и, наконец, тот факт, что сознательное руководство стачкой лежало не на интеллигентах, а на самых настоящих рабочих.

В виде итога остановимся на некоторых общих чертах рабочего движения 80-х годов. Противоречивый характер эпохи отразился и на характере рабочего движения. Наиболее частым поводом к волнениям обычно служило наступление капитала, выражавшееся в снижении заработной платы, увеличении суммы штрафов и массовом увольнении рабочих при сокращении производства. Но рабочие не ограничивались обороной. Когда первые требования стачечников удовлетворялись, они нередко выдвигали новые требования, подзадоренные уступкой.

Большинство стачек возникало стихийно. Серьезной связи между отдельными стачками, как общее правило, не было. Солидарность между рабочими разных предприятий мало проявлялась. Но были уже первые случаи организованности, связи, солидарности. Наиболее яркий пример — Морозовская стачка. Влияние ее опыта заметно на последующих забастовках в Иваново-Вознесенске и Твери. Интересен пример забастовки ткачей в Белостоке, где работавшие рабочие денежными сборами поддерживали бастующих, и где была проведена «перемежающаяся» забастовка опять с той же целью — поддержать силы забастовщиков.

Очень часты еще были случаи нецелесообразных разгромов, избиений, но нередки уже были примеры организованной выдержанности рабочих. Рабочие в массе еще неграмотны, религиозны, верноподданнически настроены. Они подают просьбы высоким особам, служат молебны, клянутся перед церковью в верности друг другу. Но в то же время есть уже Мосеенки и Волковы, революционно просвещенные, и число их растет.

Власть иногда пыталась занять среднюю позицию, склоняя хозяев к уступкам, но в решительную минуту, конечно, обращала оружие против рабочих.

Черты умирающего старого и нарождающегося нового проявлялись в рабочем движении 80-х годов так же, как и во всей эпохе.

Относительно результатов рабочих стачек надо сказать, что, хотя полное удовлетворение рабочих требований почти не встречается, все же рабочим часто удавалось вырвать кое-какие уступки и тем самым сделать свою борьбу небезрезультатной.

Все же г л а в н о е значение рабочих стачек 80-х годов заключается именно в сплочении рабочих, в том о п ы т е к л а с с о в о й б о р ь б ы, какой они приобретали. Рабочий приучался видеть, что только неподчинение произволу, только согласованные массовые действия могут укоротить руки хозяина. И этот «опыт» принял настолько широкие размеры, что те, против кого было направлено оружие рабочих, серьезно забеспокоились.

«Уже с середины 80-х годов рабочее движение в России становится настолько заметным политическим фактором, что с ним приходится волей-неволей считаться и правительству и капиталистам». (В. И. Н е в с к и й. «Очерки по истории РКП».)

г) ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

Итак, в годы самой мрачной реакции громогласно заявила о своем существовании мощная революционная масса, грозившая гибелью существующему строю.

Но у рабочей массы не было еще сознания своего собственного значения, она не осознала себя как класс, она не была еще революционной.

Поняли ли значение начавшегося рабочего движения те революционные интеллигенты, которые 10 лет назад в героическом одиночестве начали борьбу с всероссийским держимордой? Узнали ли они рабочую массу, соединились ли с ней?

Нет. Народники в общем не оценили новых фактов и попрежнему смотрели на деревню и на стихийный мужицкий бунт как на единственную возможность революции. Даже в 1881 году, в «Народной Воле» (№ 7 от 23 октября) рабочее движение сваливается в одну кучу с «погромами» и приравнивается к восстанию рабов и пугачевскому бунту. Уже в 1885 году, после Морозовской стачки, накануне издания нового фабричного закона та же «Народная Воля» писала: «У нас в России никогда не было никаких сословных сил, кроме единой и неразделъной народной деревенской массы. И дворянство, и духовенство, и недавно проглянувший из гнили чахлый росток буржуазии, — все это было исключительно создаваемо правительством по его усмотрению и по его же усмотрению продолжало существовать, изменялось или вовсе исчезало».

Это настолько характерно и неправильно, что не нуждается в пояснениях.

Вместе с тем было бы неправильным думать, что рабочее движение вовсе не оказало на народников никакого влияния. Как-никак народникам приходилось иметь дело с рабочей массой, и то, что в ней они находили более благодарный революционный материал, чем в крестьянстве, не могло не иметь своего влияния. Из предыдущей главы читатель помнит, что еще Желябов в своей программе, в основном, конечно, чисто народнической, отводил важное место рабочему классу. «Восставший народ немедленно по очищении города от врага должен избрать свое временное правительство из рабочих или лиц, известных своей преданностью народному делу. Временное правительство, опираясь на ополчение, обороняет город от врагов и всячески помогает восстанию в других местах, объединяет и направляет восставших. Рабочие зорко следят за временным правительством и заставляют его действовать в пользу народа», — писал Желябов. Ему же принадлежит знаменитая фраза, что в России рабочая стачка есть политическое событие.

После разгрома «Народной Воли» в начале 80-х годов, мелкие народовольческие кружки, рассыпанные по России, еще в большей степени стали подпадать под влияние рабочего движения. Народовольцы вели пропаганду в рабочих кружках. По необходимости, чтоб удовлетворить свою аудиторию, им приходилось освещать близкие рабочему классу темы. Говорили о положении рабочих, о задачах борьбы с хозяевами, о рабочем классе других стран и т. д. Читали Лассаля, Либкнехта, даже Маркса. Неудивительно, что под влиянием соответствующей среды и литературы наиболее чуткие народовольцы начинали зара-

жаться марксизмом. Создавались полународнические, полумарксистские группы. Лукашевич, участник группы А. Ульянова, арестованной в 1887 г. с бомбами при неудачной попытке совершить покушение на жизнь Александра III, говорит в своих воспоминаниях, что их группа была социал-демократической по своим теоретическим убеждениям, но уступала всесильной традиции в тогдашней революционной практике. Социал-демократизм этих народников был, конечно, достаточно своеобразный. Рабочую организацию они представляли себе как часть «социально-революционной партии». Их теоретические убеждения представляли собой «пеструю смесь из ткачевизма в области политики и марксизма в области экономики», по выражению тов. Рязанова.

Но и это кое-что значило. Отдельные единицы из народовольческого лагеря перешли впоследствии в лагерь марксизма (Ольминский, Мещеряков и др.). А одна ветвь народнического движения — «чернопередельцы» — дала человеческий материал для первой русской марксистской группы, имевшей колоссальное значение в деле создания рабочей партии в России, — группы «Освобождение Труда». (Табл. 17.)

Объективные условия капиталистического развития и образования рабочего класса были достаточно сильны для того, чтобы отдельные личности начинали стремиться теоретически осмыслить происходящие явления. Можно даже сказать, что они были уже с л и ш к о м сильны для того, чтобы пройти с о в е р ш е н н о незамеченными.

С развитием рабочего класса в России развивалась и его теория — марксизм. Главная заслуга в этой области, в деле перенесения марксизма на русскую почву, принадлежит Г. В. Плеханову. Эволюция Плеханова и его сотоварищей-чернопередельцев от народничества к марксизму представляет особый интерес. Будучи в России, Плеханов имел тесную связь с рабочими-революционерами и принимал активное участие в рабочем движении конца 70-х годов в Петербурге. В цитированной уже работе «Русский рабочий в революционном движении» Плеханов рассказывает, какое впечатление произвели на него сознательность и революционность рабочих. В статьях Плеханова, когда он был еще народником, видно, как представление о значении рабочего класса и марксистское понимание истории постепенно проникают в его сознание.

Уже в статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», напечатанной в № 3 «Земли и Воли» в январе 1879 г., Плеханов становится на общетеоретическую платформу марксизма, но все еще пытается доказать, что Россия в силу особых исторических условий пойдет к социализму через сельскую общину. В следующем номере «Земли и Воли», за февраль 1879 г., Плеханов особенно подробно останавливается на роли городского рабочего. Плеханов упрекает народников за недостаточное внимание к рабочему и умаление его значения. Мы уже приводили в предыдущей главе взгляд Плеханова на роль и значение рабочего класса в революционной борьбе.

«Надо было относиться к городским рабочим, как к целому, имеющему самостоятельное значение, надо было изыскивать средство влиять на всю их массу, а это было невозможно до тех пор, пока в городских рабочих видели только материал для вербовки отдельных личностей. Серьезному отношению к городским рабочим всегда мешал взгляд

на их значение, по которому им отводилось самое второстепенное место. Справедлив ли этот взгляд? Действительно ли городской рабочий остается без крупной роли в будущем социальном перевороте? Нам кажется, что это мнение совершенно ошибочно... Не представляя западно-европейской оторванности от земледельческого класса, наши городские рабочие одинаково с западными составляют самый подвижной, наиболее удачно воспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения».

И хотя в основном Плеханов еще продолжал оставаться народником, но его характеристика роли пролетариата представляла собой серьезное отступление от ортодоксального народничества. Касаясь агитации среди рабочих, Плеханов считает необходимым говорить не о «каменном периоде» или «планетах на небесах». Непосредственные нужды рабочего класса должны составить основу революционной агитации.

В следующем году в журнале «Черный Передел» № 1 Плеханов делает дальнейший шаг к марксизму. Он уже не говорит категорически, что община в России не будет разрушена. Он считает это возможным, но только «при благоприятном стечении обстоятельств». В то же время Плеханов все глубже проникается марксистским пониманием общественных явлений. «Экономические отношения в обществе являются основанием всех остальных». «Техника современного производства, начавшись социализацией труда, логически неизбежно ведет к социализации владений, т.-е. к практическому осуществлению социалистических учений». «Капитализм подготовляет почву социализму и является его необходимым предшественником». Здесь же Плеханов отмечает и мелкобуржуазный характер крестьянства, который при отсталой технике и частной собственности на землю не дает возможности социализму иметь успех в деревне. Наконец, в следующих номерах «Черного Передела» Плеханов делает шаг в сторону признания необходимости политической борьбы. Требование экономических реформ он считает необходимым соединить с требованиями политической свободы:

«Исходя одинаково из народной среды, эти два рода требований будут находиться в неразрывной связи, и связь их послужит ручательством того, что предстоящий политический переворот совершится в интересах не одних только высших классов».

Итак, еще в России Плеханов под влиянием практики рабочего движения значительно ушел от народнической теории в сторону марксизма. За границей этот перелом завершился. Практика западноевропейского пролетариата и марксистская литература, к которой Плеханов получил доступ, изучив немецкий язык, сделали Плеханова законченным социал-демократом. Подобный процесс совершился одновременно с его ближайшими товарищами по «Черному Переделу». Некоторое время новые социал-демократы еще не решались совершенно порвать с народниками: Плеханов сотрудничал в «Вестнике Народной Воли», но его воззрения уже не могли мирно ужиться с воззрениями Лаврова, Тихомирова и др. «Я готов создать из «Капитала» прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной Воли», — говорил Плеханов. Окончательный разрыв произошел из-за критического отношения редакции «Вестника Нар. Воли» к статье Плеханова «Социализм и политическая борьба». Плеханов статью свою взял обратно,

и вскоре после этого, в сентябре 1883 года, сформировалась группа «Освобождение Труда». В ее состав вошли: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов [1]).

Группа «Освобождение Труда» сыграла большую роль в деле развития марксизма в России и тем самым в деле создания рабочей партии. Иногда первоначальной датой организации нашей партии считают поэтому именно 1883 год.

Деятельность группы «Освобождение Труда» конкретно выразилась главным образом в литературной пропаганде марксизма и в полемике с народниками. Группа «Освобождение Труда» задается целью пропаганды социалистических идей в России и выработки элементов для организации русской рабочей социалистической партии», читаем мы в первой программе группы, выпущенной в 1884 году.

В этой области группа сделала действительно много. Были переведены работы Маркса и Энгельса: «Коммунистический Манифест», «Наемный труд и капитал», «Развитие научного социализма от утопии к науке», «Речь о свободе торговли», «Нищета философии». Издавался сборник «Социал-демократ». Написан и издан ряд самостоятельных работ: П. Б. Аксельрода — «Социализм и мелкая буржуазия», «Рабочее движение и социальная демократия», В. Засулич — «Очерки истории международного общества рабочих», Плеханова — «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» и ряд других.

Работы Плеханова имели особо выдающееся значение. Статья «Социализм и политическая борьба» разрешила видимое противоречие между социалистическим учением и политической борьбой, долго мучившее народников. Одновременно с критикой народников Плеханов дает блестящее изложение марксистской исторической теории и образец приложения ее к российской действительности. «Наши разногласия» представляют собой дальнейшее развитие идей первой статьи и являются ответом на критику Лаврова и Тихомирова. Здесь еще более обстоятельно в яркой форме разбиваются народнические предрассудки и устанавливается правильный марксистский подход к русской действительности. Знакомство с работами Плеханова необходимо поэтому всякому, кто желает подробно ознакомиться с первыми шагами русского марксизма и его борьбой с народничеством в 80-х годах.

Политические взгляды группы «Освобождение Труда» кратко сформулированы в ее программе 1884 года, и в ее проекте программы русских социал-демократов 1887 года.

В первых трех разделах программы 1884 года затрогиваются общепринципиальные вопросы. Устанавливается, что современное развитие техники делает необходимым переход к новому общественному строю, главным признаком которого является коллективная собственность на средства и продукты производства. Классы будут уничтожены, отомрет государство, охраняющее интересы господствующей части общества. Самая революция, благодаря развитию международного обмена продуктов, будет международной. «Группа «Освобождение Труда» также признает великие принципы бывшей «Междуна-

---

[1]) В. Н. Игнатов вскоре умер. Остальные работали в группе до ликвидации ее в 1903 году на II съезде партии.

родной Ассоциации Рабочих» (Первого Интернационала) и тождество интересов трудящихся всего цивилизованного мира».

В четвертом разделе сосредоточены непосредственно политические вопросы. Совершение экономического переворота ставится в зависимость от политического воспитания рабочего класса. Отсюда требование «прямого народного законодательства» — требование демократии. Последнее особенно важно для России, где рабочий должен бороться против буржуазии и против остатков добуржуазных общественных отношений. «Современная Россия страдает, — как говорил когда-то Маркс о западе европейского континента, — не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка этого развития».

Далее перечисляются необходимые политические требования для установления гражданской свободы и необходимые экономические требования в области аграрных отношений, податной системы, рабочего законодательства и производительных ассоциаций.

По вопросу об отношении к крестьянству программа подчеркивает, что «группа «Освобождения Труда» нимало не игнорирует крестьянства, составляющего огромнейшую часть трудящегося населения России». Возможность самостоятельного крестьянского революционного движения не отрицается, и выражается необходимость объединения с ним. Высказывается даже возможность иного «распределения социалистических сил» в случае, если такое движение возникает. И значение участия рабочих в подготовке революции мотивируется, помимо прочего, также и тем, что, «заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социалистическая интеллигенция может с гораздо большею надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство».

Особо отмечаются в программе заслуги социалистической интеллигенции, которая стала «во главе современного освободительного движения». Интеллигенции вменяется в обязанность организовать рабочий класс.

«Группа «Освобождение Труда» убеждена, что не только успех, но и самая возможность такого осмысленного движения русского рабочего класса в огромной степени зависит от указанной выше работы интеллигенции в его среде».

Но для пропаганды среди рабочих интеллигенция должна сама прежде всего стать на платформу научного социализма. В этой части программы заметно, что группа «Освобождение Труда» не решается сразу порвать с народничеством и делает ему крупные уступки, стараясь завоевать его расположение. «Группа «Освобождение Труда» признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией «Народной Воли» лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией, о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса».

Это, конечно, не социал-демократическая линия.

Еще одно слабое место программы — требование «государственной помощи производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности».

Здесь очень заметно влияние Лассаля.

На-ряду с провалами программа группы заключает в себе некоторые мысли, которые в своем дальнейшем развитии легли в основу принципиальной позиции революционного крыла РСДРП.

Программа твердо устанавливает необходимость организации рабочего класса в отдельную социалистическую партию.

Программа указывает также на необходимость «завоевания рабочими политического господства» и на «неразвитое состояние среднего класса, который неспособен у нас взять на себя и н и ц и а т и в у борьбы с абсолютизмом». Значение последнего заявления умеряется, правда, тем, что нереволюционность буржуазии считалась «вреднейшим следствием» «отсталого состояния производства». Тем самым как бы подразумевается желание видеть буржуазию революционной и надежда на возможность этого при дальнейшем развитии капитализма.

В этом пункте еще слышны нотки народничества, по крайней мере, желание не рвать резко с теми, кто попрежнему главной революционной силой считает крестьянство. Но если принять во внимание, что программа считает рабочих «передовыми представителями трудящегося населения России», то можно сделать вывод о том, что группа «Освобождение Труда» еще в 1883 году дала первый, правда, очень туманный и слабый, намек на роль союза пролетариата и крестьянства в русской революции.

Гораздо определеннее выражена эта мысль в «Проекте программы русских социал-демократов» 1887 г., который представляет собой шаг вперед по сравнению с программой 1883 года. Здесь, с одной стороны, более резко подчеркивается нереволюционность крестьянства в данный момент: «Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства». Но, с другой стороны, уже вполне определенно обрисовываются взаимоотношения пролетариата и крестьянства в революции. Политические требования социал-демократии

«...настолько же благоприятны интересам крестьянства, как и интересам промышленных рабочих; поэтому, добиваясь их осуществления, рабочая партия проложит себе широкий путь для сближения с земледельческим населением. Выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины, пролетарий вернется в нее социал-демократическим агитатором. Его появление в этой роли изменит безнадежную теперь судьбу общины. Ее разложение неотвратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такой силой явится р а б о ч а я п а р т и я и у в л е ч е н н а я е ю б е д н е й ш а я ч а с т ь к р е с т ь я н с т в а». (Разрядка наша. Р е д.).

Последние слова звучали почти по-большевистски.

Программа 1887 года точно так же более определенно говорила о необходимости создания партии пролетариата — «русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии» — и о захвате политической власти.

«Так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, так как интересы труда в общем диаметрально противоположны интересам эксплоататоров, и так как поэтому высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству обще-

ственных отношений, то неизбежным предварительным его условием является захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран. Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контр-революционеров и положить конец существованию классов и их борьбе».

И здесь марксистский тезис о диктатуре пролетариата, впоследствии развитый и осуществленный большевиками, выражен достаточно точно.

В то же время программа уже не преувеличивает роли интеллигенции и не солидаризируется с народовольцами. Три года не прошли бесследно для пионеров русского марксизма. О прошлом напоминают только требование «государственной помощи производительным ассоциациям» и указание на то, что пролетариат «не остановится и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы».

Так или иначе, несмотря на отдельные промахи и неточности, программа группы «Освобождение Труда» была исключительным явлением в 80-е годы. Ни один социал-демократический кружок не доходил до той степени четкости марксистского сознания, какое обнаружили Плеханов и его сотрудники. Программа группы (написанная Плехановым) и его главные крупные работы были победоносным оружием в руках социал-демократов в борьбе с народниками.

Правда, полная победа марксистов относится к 90-м годам. 80-е проходили еще под знаком засилья народничества. Литература группы «Освобождение Труда» не находила широкого распространения и не имела большого влияния. Самая группа была встречена народниками и теми, кто был под их влиянием, необычайно враждебно. «Один из народовольцев признавался мне года три спустя после выхода моей книги, что, прочитав ее, он принял меня за человека, продавшегося царскому правительству», писал Плеханов. Лавров называл группу не иначе, как иронически — «Освободители Труда».

Лишь на короткое время после ренегатства Тихомирова и усиления среди народников стремления к сближению с либералами Плеханов и Лавров сотрудничали в журнале «Социалист». Но эта связь была ненадежной. Борьба марксизма и народничества обострялась и заполнила целиком последнее десятилетие XIX века.

д) СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В РОССИИ

Группа «Освобождение Труда» не была единственной социал-демократической группой в 80-е годы. Не только параллельно, но и совершенно независимо от нее в России возникали интеллигентские и рабочие кружки, стоявшие на социал-демократической платформе. Правда, ни один из этих кружков не обладал такой же ясной марксистской теорией, как Плеханов и его сотрудники, но практическая работа социал-демократических кружков в России имела прямое непосредственное значение в деле подготовки рабочих кадров нашей партии.

В 1884 году в Петербурге начала свою работу «Партия русских социал-демократов». По имени своего основателя она называется иначе — «группа Благоева». (Табл. 18.)

Дмитрий Николаевич Благоев, болгарин по происхождению, будучи студентом петербургского университета, сблизился с чернопередельцами и народо-

вольцами. Недовольный народническими теориями, Благоев принялся за систематическое изучение общественных вопросов, познакомился с Марксом и к концу 1883 года был уже на пути к марксизму. Вместе с чернопередельцами П. А. Латышевым, В. Е. Благославовым и другими он организовал первую известную нам социал-демократическую группу в России.

Программа «Партии русских социал-демократов» (группа Благоева) в смысле теоретической выдержанности во многом уступала, однако, программе группы «Освобождение Труда». В ней, конечно, заключалось то, что коренным образом отличало ее от всяких народнических программ. «Благоевцы» признавали неизбежность и необходимость капиталистического развития России, видели в пролетариате главную революционную силу, правильно оценивали значение и характер политической борьбы, стремились к созданию рабочей политической партии, захват власти считали возможным только посредством «общенародной революции крестьян и рабочих», а не путем заговора.

Но на-ряду с этим теоретические воззрения «Партии русских социал-демократов» имели целый ряд грубых промахов.

Из них на первом месте нужно поставить отношение к государству, несомненно позаимствованное у Лассаля. «Благоевцы» не видят, что государство — организация господствующих классов, служащая для того, чтобы подавлять сопротивление эксплоатируемого большинства. Тем не менее они предвидят полное уничтожение государства в будущем. «Слову государство мы придаем широкое значение и подразумеваем под ним не только современное централизованное государство, но и федеративный строй; этот последний и является нашим идеалом» (примечание к программе). «Государственный строй, в той или другой форме, всегда является воплощением известного нравственного принципа; но до сих пор государство благодаря узости этих принципов всегда служило интересам отдельных классов в ущерб народу». Отсюда вывод о возможности и необходимости заставить современное государство (путем его демократизации) служить интересам «народа» и осуществить переход к социализму. «Задача государства должна заключаться в том, чтобы заменить капитализм индивидуальный производительными ассоциациями рабочих, земледельческих и промышленных, оставляя за собой верховное право собственности на земли и орудия производства».

Другим слабым местом теоретических убеждений «благоевцев» был вопрос о роли з н а н и й и «критически мыслящих личностей» в революции. Из статей, помещенных в благоевском журнале «Рабочий», мы узнаем, например, что причина насилия меньшинства над большинством заключается... в незнании. «Если люди н е з н а ю т, ч т о г о с у д а р с т в о м о ж е т и д о л ж н о с л у ж и т ь и н т е р е с а м в с е х и х б е з и с к л ю ч е н и я, т о т а к о е н е з н а н и е в с е г д а п р и в о д и т к н е п р а в д е». «Н е з н а н и е в с е г д а п р и в о д и т к у г н е т е н и ю». Поэтому — «самое главное, чего недостает рабочему народу, — з н а н и е». Последний тезис особенно подробно развивается. Настойчиво доказывается, что знающая, критически мыслящая личность имеет колоссальное историческое значение (приводится пример Пугачева), что необходимо развивать эти знания, долго

и упорно учиться и быть довольным, если хоть внуки наши будут наслаждаться будущим земным раем.

В этом пункте неоспоримо сказалось влияние Лаврова. Сам Благоев впоследствии признавался, что взгляды его группы представляли собою «смесь научного социализма с лассальянством и, если хотите, с лавризмом».

К чести «благоевцев» нужно сказать, что они не особенно упорно настаивали на своих ошибках. Когда группа «Освобождение Труда», с которой «Партия русских социал-демократов» установила связь, раскритиковала их программу, они решили ее вовсе не опубликовывать, и напечатан был только один отрывок (еще до того, как стал известен взгляд группы «Освобождение Труда»). Связь «благоевцев» с группой «Освобождение Труда» выразилась еще в том, что Плеханов и Аксельрод поместили свои статьи в органе «благоевцев».

Практическая деятельность группы Благоева заслуживает серьезного внимания и, несомненно, имела большое значение. Был организован ряд рабочих кружков в разных районах Петербурга. Работу среди них вело несколько пропагандистов. Для облегчения пропаганды была создана библиотека легальных и нелегальных книг. Последние получались из-за границы и распространялись среди рабочих. Помимо этого были организованы две нелегальные типографии и выпущено два номера нелегального органа «Рабочий». Месячный бюджет группы временами доходил до 800 руб. «Партия русских социал-демократов» поддерживала, наконец, связь с революционными военными кружками в военно-учебных заведениях. Эти кружки не становились официально на платформу социал-демократов, но поддавались в известной степени пропаганде, и марксизм проникал и в их среду.

Деятельность «Партии русских социал-демократов» продолжалась недолго. В 1885 году произошли первые аресты. Благоев был выслан в Болгарию [1]). После него роль руководителей играли Харитонов и Андреев. Аресты 1886 и 1887 годов окончательно добили группу, и она прекратила свое существование.

Почти одновременно с «Партией русск. соц.-демократов» организовалась и развернула работу другая социал-демократическая группа — группа Точисского. (Табл. 18.) Ее основатель — Павел Людвигович Точисский, сын начальника екатеринбургской тюрьмы, порвал с семьей, стал рабочим и в 1884 г., приехав в Петербург, поступил на ремесленные курсы. С 1885 года Точисский начал социал-демократическую пропаганду, а в 1886 году имел уже вполне сорганизованную группу — «Общество содействия поднятию материального, интеллектуального и морального уровня рабочих» или «Товарищество с.-петербургских мастеровых», как она стала называться впоследствии.

Группа Точисского была гораздо меньше благоевской, не так широко развернула работу, но, тем не менее, сыграла большую роль в развитии социал-демократии и представляет большой интерес благодаря своим характерным

---

[1]) Благоев до конца своих дней (умер в 1924 г. в Болгарии) оставался бессменно на революционном посту, принадлежал к левому крылу болгарских социалистов, затем вошел в болгарскую компартию.

особенностям. Группа состояла из двух частей — интеллигентской и рабочей. Точисский поставил работу так, что интеллигенты имели мало связи с рабочими. К пропаганде среди рабочих, помимо Точисского, был допущен лишь один член кружка — Лазарев, остальные интеллигенты выполняли техническую работу по библиотеке и т. п. Такая постановка дела объяснялась тем, что Точисский очень мало доверял интеллигенции, полагая, что она — случайный попутчик революции. «Вы с нами до первого поворота, до первой конституции, которой добиваетесь от правительства и в которой нуждаетесь, а там наши дороги далеко разойдутся», — говорил он. Точисский считал, что пролетариат является гегемоном революции, и с участием интеллигенции в организации он мирился лишь постольку, поскольку это необходимо было для подготовки рабочих к сознательным революционным действиям. К террору и народовольцам Точисский относился резко отрицательно, избегая втягивать в свою организацию даже тех рабочих, которые были распропагандированы народовольцами, из боязни, что они уж слишком густо пропитаны народническими предрассудками. Кое-какая связь с народническими кружками у Точисского все же была, но слабая. Была также связь с «благоевцами», но группа Точисского была, несомненно, абсолютно самостоятельна в своей работе. С группой «Освобождение Труда» прямой связи не было, но «Наши разногласия», например, попали в библиотеку группы Точисского.

Пропаганда среди рабочих велась успешно. Установлена была связь с арсеналом, бумагопрядильней Варгунина, фабрикой Лаферма, заводами Александровским, Обуховским, Берда, Штритера. Сам орабоченный, Точисский был вполне своим в рабочей среде.

Для целей пропаганды была сорганизована библиотека (в 700 книг). Деньги получались от взносов в организованную группой ссудо-вспомогательную кассу и от добровольных пожертвований.

Организации, однако, не было суждено просуществовать долго. Несмотря на все конспиративные предосторожности, на которые Точисский был большой мастер, группа провалилась в 1888 году. Арестована была, однако, только интеллигентская часть вместе с Точисским. Рабочая часть уцелела благодаря тем мерам предосторожности, какие принимал раньше Точисский.

Деятельность группы Точисского среди рабочих была очень плодотворной. Рабочие, входившие в нее или имевшие с ней связь, потом играли большую роль как самостоятельные руководители кружков и как деятельные организаторы большой группы, известной под именем «группы Бруснева». В числе этих рабочих были видные старые революционеры, как Егор Афанасьевич Климанов и Василий Андреевич Шелгунов.

Брусневская организация стоит на рубеже 80-х и 90-х годов. Ликвидирована она была в 1892 г. Но корни брусневской организации целиком врастают в почву прошлого десятилетия. Создалась организация Бруснева в результате встречного движения двух сил — самостоятельных рабочих кружков и интеллигентского пропагандистского центра. Ко второй половине 80-х годов уже обнаружился небольшой слой довольно образованных рабочих-революционеров, которые пытались самостоятельно вести пропаганду среди своих товарищей по работе. (Табл. 18.)

В 1886 году в Варшавских железнодорожных мастерских (в Петербурге) рабочий Николай Дементьевич Богданов организовал кружок из ближайших товарищей.

В 1887 году ведут пропаганду в рабочих кружках Василий Андреевич Шелгунов, Егор Афанасьевич Климанов, К. Норинский и Иван Иванович Тимофеев. Последний получил от Точисского замечательную библиотеку, которая очень пригодилась в работе. К самому концу 80-х годов количество рабочих кружков еще возросло. Между кружками существовала связь и тяга к объединению. (Табл. 19.)

Навстречу рабочим кружкам вырастал пропагандистский интеллигентский кружок — «Социал-демократическое общество», окончательно оформившееся в начале 1889 года. В состав общества, выросшего из кружка саморазвития, входили главным образом студенты-технологи. В процессе работы интеллигентский кружок столкнулся с рабочими. Произошло объединение работы, были созданы новые кружки, и в результате создалась необычайно большая для того времени социал-демократическая организация, получившая название «Брусневской», по имени одного из интеллигентов-руководителей — М. И. Бруснева.

В состав организации входило не менее 20 рабочих кружков, рассыпанных по всем районам Петербурга. Был даже один специально женский кружок. В организации существовало стремление поручать руководство кружками рабочим, и лишь тогда, когда не было достаточно подготовленного рабочего, кружком руководил интеллигент. Руководители рабочих кружков составляли центр организации, куда еще входил один представитель от интеллигентов. Таковыми были последовательно В. С. Голубев, М. И. Бруснев и Цивинский. В рабочем центре были — Василий Буянов, Гавриил Мефодиев, Федор Афанасьев, Петр Евграфов, Егор Климанов и Николай Богданов.

В теоретическом направлении брусневская группа не вполне определилась, хотя, несомненно, группа была социал-демократической. Но социал-демократизм «брусневцев» не был еще чистым, отстоявшимся. Группа не порывала связи с народовольцами, поручала некоторым из них ответственную работу, например, Александрову-Ольминскому, бывшему тогда народовольцем, дали рабочий кружок и пригласили в центр организации. Некоторые члены группы,— как Цивинский, Кащинский, сами были наполовину народовольцами. Официально принятой программы у группы не было. Существовал один проект, написанный Кащинским, носящий на себе следы влияния и народничества и марксизма, но и Бруснев и рабочие организаторы высказались против него.

Практическая работа группы имела широкий размах. Средства, составлявшиеся от взносов в кружковые и центральную кассы, а также от лотерей, вечеров и т. п., достигали суммы в несколько тысяч рублей.

В своей повседневной деятельности «брусневцы» ушли гораздо дальше других социал-демократических групп. Стачки у Торнтона и в порту зимой 1890—1891 г. прошли при деятельном участии «брусневцев». Были выпущены прокламации, собраны деньги в помощь забастовщикам. Публичное выступление группы состоялось на похоронах публициста Шелгунова, которого рабочие

любили за его статьи, посвященные положению рабочего класса. Еще при жизни Шелгунова делегация «брусневцев» поднесла ему благодарственный адрес, отмечавший его заслуги перед рабочим классом. В демонстрации на похоронах Шелгунова участвовало около 100 рабочих, несших венок с надписью — «Указателю пути к свободе и братству».

В 1891 году группа устроила маевку. В лесу за городом собралось от ста до двухсот рабочих. С речами выступали только рабочие — Н. Богданов, Ф. Афанасьев, В. Прошин и Е. Климанов. Последний сказал свою речь экспромтом, без подготовки. Эти речи рабочих-революционеров характерны своей политической зрелостью и впоследствии сыграли большую роль в пропагандистской работе, будучи отгектографированы. (Табл. 24.)

Интересна группа «брусневцев» еще тем, что у нее завязались связи с другими городами и ясно определилось стремление к междугородской организации, не осуществленное только благодаря полицейскому разгрому.

Аресты и высылки 1890 и 1891 годов бросили некоторых «брусневцев» в провинцию. Л. Б. Красин (впоследствии член ЦК нашей партии) обосновался в Нижнем-Новгороде. Рабочие Мефодиев и Буянов — в Туле. Егор Хренов — в Череповце. Высланные не теряли связи с своим центром. Связь с «брусневцами» в 1891 году завязал также перед отъездом в Киев после выхода из тюрьмы Ю. Д. Мельников. Ф. Афанасьев переехал в Москву и поступил на Прохоровскую мануфактуру.

Бруснев совершил объезд товарищей и тоже обосновался в Москве. К этому времени нащупалась нить связи с группой «Освобождение Труда». «Брусневцы» стали оживленно сноситься с другими городами. Не успев поставить как следует работы в Москве, решили совершить объезд провинциальных городов. Но тут подоспела полиция и в течение 1892 г. переарестовала главных руководителей группы. Организация прекратила свое существование.

Работа «брусневцев», однако, не прошла бесследно. Знания, брошенные в массу, остались в ней. Неарестованные рабочие и интеллигенты продолжали потихоньку свою работу. Большая часть из них приняла участие в организации знаменитого питерского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Процесс образования кадров для рабочей партии охватил в течение 80-х годов и провинцию. Для этого периода характерно, что в разных концах России, часто без всякой связи между собой, под влиянием развивающегося рабочего движения революционеры приходят к марксизму. Одинокие на первых порах, новообращенные марксисты сталкиваются друг с другом, пропагандируют, объединяются и организуют кружки.

В Польше еще в 1882 году организовалась группа «П р о л е т а р и а т». Ее идеология представляла собой смесь марксизма с бланкизмом. Вождь группы Людвиг Варынский так характеризовал деятельность «Пролетариата» в своей речи на суде:

«Мы подготовляли не переворот, а условия для переворота... Мы сумели сделать рабочее движение самостоятельным, сумели схватить его в тиски организационной дисциплины и, формулировав определенно программу средств и целей, вести пролетариат к победе».

Группа была разгромлена в 1884 году. Деятельность ее возобновилась в 1887 году, но в более узких размерах. В дальнейшем «пролетариатцы» сыграли большую роль в организации «Польской социалистической партии» (ППС), а также «Социал-демократии Польши и Литвы».

В 1888 году начал свою работу в Казани кружок Николая Евграфовича Федосеева. Происходя из дворянской помещичьей семьи, Федосеев тем не менее очень рано отдался революционной деятельности и был исключен из гимназии. На Федосеева оказал большое влияние П. Н. Скворцов — интереснейшая личность 80-х годов, убежденный марксист, талантливый экономист, статьи которого имели большое значение в деле марксистской пропаганды. (Табл. 20.)

Под влиянием Скворцова Федосеев окончательно оформляет свое мировоззрение. Его кружок все больше эволюционирует в сторону марксизма. К сожалению, деятельность кружка была рано прервана арестом Федосеева в 1889 году. Тюрьма сделала Федосеева законченным марксистом. Его дальнейшая деятельность, падающая на 90-е годы, имела большое значение для развития социал-демократии в Поволжьи. В. И. Ленин, работавший в то время в Самаре (табл. 21), переписывался с Федосеевым и очень ценил его. Федосеевым был почти закончен серьезный труд о крепостном хозяйстве России. Совершенно самостоятельно от группы «Освобождение Труда» Федосеев пришел к мысли о необходимости создания самостоятельной политической рабочей партии. Вообще, Федосеев был сильной яркой личностью, оказывавшей большое влияние на всех окружающих. К сожалению, жизнь сломала его, и он покончил с собой в ссылке в 1898 году.

В Киеве социал-демократическую пропаганду начал в 1888 году врач Эмилий Абрамович А б р а м о в и ч, который поступил слесарем на завод и организовал там кружок. В 1889 году Абрамович был арестован. (Табл. 22.)

В Харькове работали Ю. Д. М е л ь н и к о в и П е р а з и ч. Их кружок не был еще чисто социал-демократическим, но состоял из рабочих и ставил главной своей целью работу среди пролетариата. Харьковский кружок поддерживал связь с Ростовом, где Мельникову удалось организовать новые рабочие кружки. Была сделана попытка организовать отделения также в Александровске и Белгороде, но благодаря предательству кружок провалился. Мельников и Перазич попали в тюрьму. Впоследствии Мельников, познакомившись в тюрьме с Абрамовичем, переехал в Киев и там развернул широкую деятельность. (Табл. 23.)

В Екатеринославе социал-демократическую работу вел врач Т е й т е л ь б а у м. Он за границей познакомился с группой «Освобождение Труда» и привез с собой ее произведения.

В Одессе работал Д а в и д Б о р и с о в и ч Р я з а н о в. Еще будучи гимназистом, Рязанов изучил первый том «Капитала». Попав очень рано за границу, Рязанов стал настоящим марксистом и, вернувшись в Россию, повел пропаганду научного социализма. В 1891 году он был арестован. (Табл. 23.)

Процесс создания социал-демократических организаций протекал и в других городах. Но это были еще в большинстве просто кружки самообразования, лишь эволюционировавшие к марксизму, но еще не ставшие целиком на социал-демократическую платформу.

Главное характерное для этой эпохи — стихийность, однородность и повсеместность процесса. Литература группы «Освобождения Труда» или какой-нибудь другой группы еще не играла большой роли. Кружки росли сами собой. Одинаковые объективные условия вызывали одинаковые последствия — кружки различных городов имели необычайно много сходного и в достоинствах и в недостатках. В этом сходстве и классовой однородности были заложены условия быстрого объединения кружков в одну рабочую партию, какое произошло в течение последнего десятилетия XIX века.

е) ХАРАКТЕР РАБОТЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ГРУПП В 80-е ГОДЫ.

Необходимо выявить общие черты, характерные для работы русских социал-демократов 80-х годов.

В общем и целом это — период перелома, перерождения, перехода от одной формы революционного движения — народнической — к другой — марксистской. Как и всякая переходная эпоха, он носит в себе черты и старого и нового. Теоретические взгляды социал-демократов, выраженные в программах, статьях, речах, почти всегда (даже у группы «Освобождение Труда») носят на себе печать незрелости и перемешаны с народническими предрассудками. Некоторые группы (Мельникова, Бруснева) даже называют себя в программах «социалистами-революционерами». «Мы — с о ц и а л и с т ы, потому что считаем наилучшим устройством общества то, при котором орудия труда составляют собственность производителей и распределение продуктов труда совершается соразмерно участию каждого в общественном производстве. Мы — р е в о л ю ц и о н е р ы, потому что считаем себя в праве насильственно свергнуть существующий строй для замены его лучшим», — пишут «мельниковцы». «Убежденные социалисты-революционеры, мы стремимся к созданию в ближайшем будущем боевой социально-революционной организации», — пишет Егупов, связанный с группой Бруснева. Конечно, это не будущие «эсеры», но подобная терминология довольно характерна.

Смешению марксистских и народнических взглядов в области теории соответствовало отсутствие размежевания между социал-демократическими группами и народовольцами в практической работе. В состав социал-демократических кружков часто входили люди, которые еще несовсем оформили свои убеждения. Иногда в одних и тех же рабочих кружках, как мы видели, мирно сотрудничали и социал-демократы и народовольцы. Между социал-демократическими и народовольческими группами поддерживалась тесная связь, а иногда даже велись переговоры о слиянии. Однако литературные работы группы «Освобождение Труда», благодаря их резкому полемическому характеру, встречались народниками недружелюбно. Другим исключением был недоверчивый подход социал-демократа Точисского к интеллигенции и народникам.

Второй особенностью движения было раздельное существование интеллигентских и рабочих кружков. Марксисты-интеллигенты и рабочие не сливались еще в одну организацию. Там, где между интеллигентскими и рабочими кружками была теснейшая связь, они все равно существовали отдельно. Это объяснялось и требованиями конспирации, но не в меньшей степени и тем, что оба русла

движения еще переживали свой «утробный» период и не доразвились до того, чтобы стать вполне однородными.

Практическая работа социал-демократических групп заключалась прежде всего в пропаганде. Как общее правило, мы не замечаем влияния революционных кружков на стачечное движение. Точно так же не видим массовых манифестаций и выступлений. Роль Мосеенка в морозовской стачке — пока еще единичный случай, да и то Мосеенок не был в то время связан ни с одной социал-демократической группой и действовал один. Связь группы Бруснева со стачками у Торнтона и в порту была поверхностной и заметного влияния на стачечников не имела. Манифестация на похоронах Шелгунова относится уже к 90-м годам, но и без этого ее значения нельзя преувеличивать. Социал-демократическое движение 80-х годов не было еще массовым. Им были охвачены только верхушки рабочего класса. Роль его сводилась к учобе, к подготовке сознательных революционеров-марксистов из рабочих-интеллигентов для будущей партии. Это великолепно сознавали все участники движения.

«При всем своем желании работать на пользу создания литературы, доступной пониманию всей крестьянско-рабочей массы, мы, тем не менее, вынуждены пока ограничить свою народно-литературную деятельность тесным кругом более или менее интеллигентных читателей рабочего класса. К этому принуждает нас наше положение вдали от родины и крайняя малочисленность лиц, на серьезную поддержку которых подобному предприятию мы можем в настоящую минуту рассчитывать», — писала группа «Освобождение Труда» в своем извещении об издании «Рабочей библиотеки».

Группы, находившиеся в России, были не в лучшем положении. Сами рабочие требовали от интеллигентов возможно более глубокой постановки пропаганды, обнаруживая невероятную тягу к знанию. Очень показательны в этом отношении речи рабочих, произнесенные на маевке 1891 года.

«Нам стоит только вооружить себя сильным оружием — а это оружие есть знание исторических законов развития человечества — нам стоит только этим вооружить себя, тогда мы всюду победим врага».

«Наш рабочий должен также знать, что труд есть двигатель всего человеческого прогресса, что он — создатель всей науки, искусства и изобретений. Лишь только народ все это узнает, его тогда никакая армия не может удержать от самоосвобождения, а нести такое сознание в народ есть прямое неотъемлемое право всех развитых рабочих», — говорил уже известный нам Н. Д. Богданов. В таком же духе высказался Е. Климанов: «Трудно нам будет, но наука освободила западных рабочих, она поможет и нам просветить умы наши, да и наполнит души наши истиной любви друг к другу».

А вот выдержка из письма рабочих Глебу Успенскому в 1888 году, характеризующая отношение рабочих к книге:

«Сколько прошло времени, сколько пролетело голых годов бесплодно, пока мы сами, своим умом и желанием к развитию, а иногда и с помощью добрых людей добрались до хороших книг, которые открыли нам глаза, показали свет и правду! Мы сумели сами для себя из этих хороших книг извлечь пользу. Мы научились о своей жизни, о своих товарищах, о жизни разных людей, научились различать добро от зла, правду

от лжи... В праздничные дни и по вечерам мы полюбили читать хорошие книги, и вечер проходил незаметно. Довольные чтением, мы расходились с волнением в душе, и забывалась на время тяжелая доля рабочего, жизнь на заводах и фабриках, тяжелая, обидная, бесправная, полная бранью и унижением. Мы чахли в ней, и чахли наши дети по фабрикам и мастерским, но вера в добро и правду не покидала нас, облегчала измученное сердце, и надежда в душе загорается»...

Рабочий тянулся к книге. Он поступал в вечерние школы, читал сам, работал в кружках и всюду требовал знания. К этому времени относится начало деятельности просветительных издательств: «Посредника», Павленкова и Поповой. Попадались рабочие, которые образованием превосходили среднего интеллигента. Н. Д. Богданов, И. И. Тимофеев имели библиотеки в несколько сот названий. Программы рабочих кружков того времени поражают своей разносторонностью. Вот, например, программа рабочего кружка, найденная жандармами у Бруснева:

I. Читать, писать и считать.

II. Химия, физика, ботаника, зоология, физиология, анатомия, гигиена; вкратце — геология, космография и астрономия. Разные теории образования земли и происхождения вселенной.

III. Теория Дарвина. Теория происхождения и развития организмов и происхождения человека.

IV. История культуры. Период дикости и период варварства. Жизнь человека во время каждого из этих периодов: его пища, занятия, семья, обычаи, законы, верования, собственность, тогдашний полный коммунизм и общественная жизнь и эволюция всего этого. Развитие и эволюция власти, религии, нравственности, семьи и собственности. Зависимость всех сторон жизни человека от экономического положения.

Период цивилизации. Такое же, но только более подробное изучение этого периода, с присоединением политической истории древних и новых народов и при этом всей эволюции всех сторон жизни русского народа — особенно русской истории. История науки, философии, открытий и изобретений.

V. Политическая экономия. История развития форм организации труда (рабство, феодализм, капитализм, неизбежная эволюция последнего по направлению к коллективизму). История политической экономии.

VI. Положение и история крестьян в России и на Западе. Община, артели, наделы, продовольствие и налоги. Банки — крестьянский (и дворянский), переселение, раскол и сектантство.

VII. Положение рабочего класса в России и на Западе. История рабочего движения в связи с теориями различных реформаторов. Паллиативы в рабочем вопросе (потребительные и строительные общества и пр.) и фабричное законодательство.

VIII. История общественных движений в Европе и полнейшая, подробнейшая — в России. (N. B.) Современное положение и значение всех классов в России (дворянство, духовенство, буржуазия, крестьянство и рабочие; бюрократия, войско, правительство).

IX. Экономическая политика и ее история на Западе и в России. Сущность социализма.

X. Полная, подробная и точно, определенно обоснованная программа минимума требований для данного времени.

Трудно сказать, осуществлялась ли когда-нибудь эта программа полностью. Одно несомненно: занятия в рабочих кружках широко охватывали и общеобразовательные и общественно-политические предметы и велись с должной обстоятельностью... «Требования были вполне определенные: всестороннее

воспитание совместно с изучением социальных наук», — пишет в своих воспоминаниях К. Норинский.

В одном кружке участвовало обычно не особенно много членов — человек около 10. Это облегчало проведение занятий. Сами занятия велись смешанным лекционно-беседным методом. Руководитель давал общее понятие о теме, потом начиналась беседа. Для проверки знаний руководитель задавал вопросы слушателям. Большое значение придавалось самостоятельному чтению, и руководители старались приучить к нему, кого можно было. Занятия тянулись долго. «Помню такие вечерки, когда, отработав день до 6 часов вечера, в 7 часов мы уже сидели и слушали до 12—1 часу ночи, а случалось и дольше», — вспоминает Норинский.

Большую работу проделывали над собою интеллигенты. В поисках правильного мировоззрения и для утверждения в своих взглядах они перерывали массу литературы. Особенное значение имели в этом отношении тюрьмы, где не занятые работой революционеры проходили свой «университет». Читались— Белинский, Добролюбов, Писарев, Чернышевский, Бакунин, Герцен, Лавров. Успехом пользовалась книга Флеровского «Положение рабочего класса в России». Из иностранной литературы — «Политэкономия» Милля, «История умственного развития Европы» Дреппера, «Сущность социализма» Шеффле и много других. Большим вниманием пользовался Лассаль. В интеллигентских кружках имелись его — «Гласный ответ», «О сущности конституции», «Программа работников» и др. Маркс и Энгельс тоже начинали проникать в Россию. На первом месте, конечно, стояли «Капитал» и «Коммунистический манифест». Работы Плеханова еще не успели привлечь широкого внимания, но к концу 80-х годов «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» имелись в библиотеках главнейших революционных групп.

Массовой популярной литературы имелось очень мало. Группа «Освобождение Труда» выпустила только одну брошюру Аксельрода — «Рабочее движение и социальная демократия». Пропагандистам приходилась пользоваться старыми народническими брошюрами — «Сытые и голодные», «Кто чем живет?» и т. д. Рабочие не удовлетворялись ими и предпочитали переходить к серьезному чтению, не отставая от интеллигентов и одолевая самые трудные книги. Это отмечал еще Плеханов в брошюре «Русский рабочий в революционном движении».

«Вообще я заметил, что читая книжку, изданную специально «для народа», способный рабочий чувствует себя как бы несколько униженным, поставленным в положение ребенка, читающего детскую сказку. Ему хочется поскорее перейти к сочинениям, предназначающимся для всех вообще толковых читателей, а не только для «серого» народа. Для многих рабочих чтение серьезных и даже ученых книг было своего рода вопросом чести. Я помню некоего И. Е., здоровенного молотобойца из Архангельской губернии, который с усердием, достойным более подходящего для него чтения, сидел по вечерам над «Основами биологии» Спенсера. «Что это, вы думаете, что уже мы, рабочие — совсем дураки», — сердито отвечал он мне, когда я советовал ему взять что-нибудь полегче».

Сказанное относилось к концу 70-х годов, но тем более это верно было для 80-х.

Чувствовался недостаток также и в пропагандистах. Конец 80-х годов представляет в этом отношении противоположность началу, когда, наоборот, пропагандисты еще искали рабочих и не могли их найти. Рабочее движение выросло, но не только количественно, но и качественно, так как требовательность рабочей массы повысилась, и многие интеллигенты не могли ее удовлетворить.

Проведению работы много мешала строго конспиративная обстановка, в которой по необходимости протекали собрания. Случалось, что жандармы накрывали кружок в полном составе, и лишь какой-нибудь хитростью, вроде ссылки на именины и т. п., удавалось избегать ареста.

Вот как Горький в «Моих университетах» рисует провинциальное подпольное собрание того времени:

«Молча перелезаем через забор, идем густо заросшим садом, задевая ветви деревьев. Крупные капли воды падают на нос. Остановясь у стены дома, тихо стучим в ставень наглухо закрытого окна; окно открывает кто-то бородатый, за ним я вижу тьму и не слышу ни звука.

— Кто?

— От Якова.

— Влезайте.

В кромешной тьме чувствуется присутствие многих людей, слышен шорох одежд и ног, тихий кашель, шопот. Вспыхивает спичка, освещая мне лицо, я вижу у стен на полу несколько темных фигур.

— Все?

— Да.

— Занавесьте окна, чтобы не виден был свет сквозь щели ставней.

Сердитый голос громко говорит:

— Какой это умник придумал собрать нас в нежилом доме?

— Тише!

В углу зажгли маленькую лампу. Комната — пустая, без мебели, только два ящика; на них положена доска, а на доске, как галки на заборе, сидят пятеро людей. Лампа стоит тоже на ящике. На полу у стен еще трое и на подоконнике один — юноша с длинными волосами, очень тонкий и бледный. Кроме него и бородача, я знаю всех. Бородатый басом говорит, что он будет читать брошюру «Наши разногласия», ее написал Георгий Плеханов, бывший народоволец.

Во тьме на полу кто-то рычит:

— Знаем!

...Комнату наполняет глуховатый бас, отчетливо произносящий слова.

— Ер-рунда! — снова рычит кто-то из угла.

...В комнате гудят пониженные голоса, они сцепились в темный хаос горячих слов, и нельзя понять, кто что говорит.

С подоконника над моей головой насмешливо и громко спрашивают:

— Будем читать, или нет?

Это говорит длинноволосый бледный юноша.

Все замолчали, слышен только бас чтеца.

Вспыхивают спички, сверкают красные огоньки папирос, освещая задумавшихся людей, прищуренные или широко раскрытые глаза.

...Как-то сразу, неожиданно прерывается голос чтеца, и тотчас же комната наполнилась возгласами возмущения:

— Ренегат!

— Медь звенящая!

— Это плевок в кровь, пролитую героями!..

— После казни Генералова, Ульянова...

С подоконника раздался голос юноши:

— Господа, нельзя ли заменить ругательства серьезными возражениями по существу?

Юноша, наклоняясь с подоконника, спрашивает меня:

— Вы — Пешков, булочник? Я — Федосеев. Нам надо бы познакомиться. Собственно здесь делать нечего, шум этот — надолго, а пользы в нем мало. Идемте?

О Федосееве я уже слышал, как об организаторе очень серьезного кружка молодежи»...

Конечно, не всегда была так мрачна картина подпольного собрания. В Питере занятия протекали иногда в достаточно уютной обстановке. Но везде работа, казалось бы, совсем невинная еще по существу, была связана с большими трудностями и грозила тяжелыми репрессиями.

Работа социал-демократов 80-х годов протекала кропотливо, скромно, тихо. Результаты ее не обнаруживались сразу. Арестованные уходили в тюрьму и ссылку при гробовом молчании «общества». Но эта скромная и тихая работа имела громадное значение, подготовив человеческий материал к следующему этапу рабочего движения. Так шагает революция: тихими, узенькими переулочками рабочих предместий медленно выходит она на громадную шумную дорогу и лавиной катится вперед — все быстрей, все грозней.

ж) ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 90-х ГОДОВ

В течение 80-х годов революционное движение не проявляло себя открыто. Русское самодержавие, казалось, спокойно шагало по своему окровавленному историческому пути. Классовая борьба словно стихла на некоторое время.

90-е годы представляют в этом отношении противоположную картину. «Затишье» уступает место волнению — первым проблескам грозы 1905 года. Классовые противоречия обостряются и выступают наружу, становясь видными даже для многих близоруких обывателей.

Моментом перелома явился голод 1891 года, охвативший около 30 губерний с 40 миллионами населения (Поволжье, отчасти Урал и Центральную Россию).

Голод был самый настоящий, когда действительно в буквальном смысле слова нечего есть.

Уже осенью писали из Рязанской губ.:

«Едят лебеду вместо хлеба, но и лебеда уже к концу, а впереди почти год, страшный, голодный, холодный. Ни картофеля, ни капусты, ни огурцов; скотину кормить нечем, нет ни мякины, ни соломы, даже побираться итти некуда, — пришлось бы просить у таких же бедняков, которые ничего не могут дать».

Или вот корреспонденция из Екатеринбурга:

«...мать четверых ребят пришла к священнику исповедываться и на духу говорит, что она думает зарезать ребят, так как не может видеть, как они умрут с голоду. Священник собрал кое-что и пошел накормить их, но было уже поздно: после того, как они поели, начались конвульсии, и трое тут же умерли».

Развился голодный тиф. Появилась холера. Люди умирали.

Голод 1891 года не был случайностью. Катастрофу подготовила экономическая политика царского правительства. Мы уже говорили о ней, давая общую

характеристику 80-х годов. Ни в одной стране не брали с крестьянина так много, как в России. Русский крестьянин должен был оплатить и то, что шло на содержание огромной бюрократической машины, и то, что шло на явные или скрытые субсидии дворянству и промышленникам. При отсталой сельскохозяйственной технике и страшной земельной тесноте крестьянин не мог жить иначе, как недоедая. Ни о каких запасах хлеба не могло быть и речи. Уже в течение 80-х годов было больше неурожайных лет, чем урожайных. Неудивительно, что наступил, наконец, кризис, и атмосферная катастрофа вызвала экономическую.

Голод, страдания, смерть мало трогали правителей России. Писались, конечно, и произносились гуманные фразы, но ничего существенного для того, чтобы спасти миллионы гибнущих людей, не было сделано. Правительство отпустило для пострадавших местностей ссуду, совершенно недостаточную по размерам бедствия. И что важнее всего, оно в этот же год отобрало назад почти столько же в виде податей. Пострадавшим были предоставлены очень слабые льготы в этой области. А взыскивали деньги царские чиновники весьма энергично. Вот характерное сообщение из Курской губернии:

«Волостной старшина Польшин при собирании недоимок, в случае если крестьянин почему-либо не платит добровольно, для побуждения его к уплате практиковал следующее: по его приказу сотские разували плательщика и, повесив ему на шею лапти и онучи, привязывали самого к гвоздям, вбитым в стену, за руки, задом к ней; затем лили на голову воду».

Если подобные случаи и были редки, то так или иначе начальство всегда находило средства заставить крестьянина платить.

Результатом такого усердного взыскания податей явилось то непонятное на первый взгляд явление, что в пострадавшем Поволжье хлеб был некоторое время дешевле, чем в урожайных губерниях, так как крестьянин вынужден был выбросить на рынок весь свой хлеб, чтоб скорее уплатить налог.

Правительственная продовольственная ссуда выдавалась не всему нуждающемуся населению, а только нерабочим возрастам. Работники должны были сами себе зарабатывать. Но где и как? Кое-где организовывались общественные работы, но от них голодным пользы было мало — условия труда устанавливались совершенно немыслимые. Подрядчики думали о наживе, ни о чем больше.

Земство туго раскачивалось. Оно не произвело даже правильного учета количества нуждающихся, значительно преуменьшив его. А из денег, полученных на хлеб голодным, выдавались тысячные наградные разным особам из земских управ. Частные пожертвования не достигли и 2 миллионов. Правительство ставило всяческие препятствия частной инициативе. Создан был правительственный комитет (Победоносцев, Дурново, Плеве), который монополизировал дело помощи голодающим. Дворянство проявило какое-то особенное равнодушие. Поэт Фет писал, что крестьянство бедствует из-за лени и пьянства. Московское дворянство пожертвовало 25.000 р., но и то раздавались голоса, чтобы отдать эти деньги семьям нуждающихся дворян. Реакционный «Русский Вестник» требовал кредита для дворян... чтобы

голодные крестьяне могли найти работу. Точно так же и промышленники, пользуясь удобным моментом, начали давить на правительство, добиваясь повышения таможенных пошлин. Деревенская буржуазия — кулаки тоже использовали тяжелый момент в свою пользу. Они ссужали хлеб и деньги под невероятные проценты (до 800 в год), скупали все лучшее из крестьянского имущества (вплоть до женских кос, ценившихся в 2 рубля).

Если пролетаризация крестьянства шла достаточно быстрым темпом и в 80-е годы, то после голода она сделала значительный скачок вперед. Крестьяне массами покидали голодную деревню, уходя в город или вообще куда-нибудь, где можно было получить работу.

Между тем правительство и дальше, в течение всего десятилетия продолжало вести свою прежнюю политику, подрывавшую производительные силы страны.

Финансовое положение России было крайне тяжелым. Содержание чиновничества, войска и всякого рода государственных прихлебателей всегда требовало громадных средств, превосходивших доходы. Приходилось одолжаться у банкиров. В 1886 г. государственный долг России достиг 4.418.056.967 рублей. Уплата процентов по государственному долгу отнимала почти 300 миллионов рублей ежегодно, а весь годовой доход был 785 милл. рублей. Царский бумажный рубль был много ниже своей номинальной стоимости и продолжал катиться вниз. России грозило государственное банкротство. В 1891 году, например, русский заем в Париже с треском провалился.

Некоторое время такое положение терпелось. Низкий курс рубля был даже выгоден помещикам и купцам, вывозившим хлеб за границу. Но нормальные интересы развития производительных сил страны требовали устойчивой валюты, и царское министерство финансов взяло курс на накопление золота в стране путем активного торгового баланса с заграницей. Доступ иностранным товарам был затруднен невероятно высоким таможенным тарифом 1891 года. С другой стороны, напрягались все силы, чтобы вывозить возможно больше, в первую голову хлеба. Даже в самый голодный 1891 год вывоз продолжался. Прямо наперекор истине «Вестник Финансов» писал, что хлеба больше, чем нужно для потребления, а министр финансов Вышнеградский заявил весной 1891 года: «Сами не будем есть, но будем вывозить». Можно, конечно, было быть уверенным в том, что «сами не будем есть» относилось не к министрам, а именно к тем, кто особой выгоды от форсированного экспорта хлеба не имел.

Другим средством укрепления царских финансов явилось новое усиление нажима на «податное сословие», т.-е. на крестьянство. Мы видели уже, как тяжел был налоговый гнет в 80-е годы. Вышнеградский накануне 1891 года еще более усилил налоговое бремя. Новый министр финансов Витте пошел по тому же пути с неменьшей, если не большей, решительностью. В своем докладе 1893 года Витте заявил: «не должно останавливаться даже перед некоторым временным напряжением платежных сил страны». В этих скромных словах заключалось многое—это был смертный приговор маломощному крестьянскому хозяйству.

Министерство Витте повысило все прямые (кроме поземельного) и все косвенные налоги. Особенно сильно были обложены водка, чай, ситец, сахар,

табак — предметы массового крестьянского потребления. Косвенному обложению правительство отдавало предпочтение и в этой области не стеснялось.

В общем итоге для Московской губ., например, устанавливалось, что крестьянин платил 22 руб. 50 к. прямого налога и 44 р. 21 к. косвенного, при среднем годовом доходе в 45 р. Существовать можно было, только прирабатывая на стороне. Неудивительно, что при таких условиях быстро росло количество переселенцев, искавших лучшей жизни на новых местах. В 1891 году переселилось 82.150 чел., в 1896 г. — 202.302.

«Финансы — не арифметика, финансы — политика». Интересно сопоставить обложение крестьянства с обложением дворянства. Средняя по всей России величина всех сборов с десятины земли была в 1891 г. для крестьян 133 к., для дворян—20 к., в 1899 г. для крестьян—151 к., для дворян — те же 20 к. без изменения. Что к этому можно прибавить? В селе крестьянин платил и казенные, и мирские, и страховые сборы, помещик — только казенные. А деньги потом расходовались из общей кассы. Выгода была явно на стороне помещика. Крестьянство, кроме того, выполняло ряд натуральных повинностей для местных самоуправлений, что помещиков совершенно не касалось.

Дворянство получало особые льготы. В середине 90-х годов были понижены налоги, специально касавшиеся крупного землевладения. Подомовый и квартирный налоги совсем не распространялись на помещиков. Государственный банк выдавал крупные ссуды разоряющимся дворянам. За четыре месяца одного 1893 года было выдано 27 милл. рублей ссуды под хлеб.

А крестьянский банк в самые тяжелые годы немилосердно взыскивал деньги и продавал землю неплатежеспособных крестьян. Арендные цены росли. Новый порядок арендования земель принуждал крестьян действовать через посредство земского начальника, т.-е. постоянного защитника интересов помещика.

И при всем этом, несмотря на самую энергичную поддержку правительства, дворянство продолжало разоряться. Земля переходила в руки богатых крестьян, купцов и более сильных крестьянских обществ. Вот данные, характеризующие распределение частной (не надельной) земли в 80-х и 90-х годах:

	1887 г.	1900 г.
Дворяне	68,25%	52,94%
Крестьяне	13,15%	19,50%
Купцы и мещане . . .	18,60%	27,56%

Своей основной цели правительство достигло. Бюджет начал сводиться без дефицита и даже с превышением доходов над расходами. Податной доход возрос с 701,8 милл. рублей в 1892 году до 1016,4 милл. рублей—в 1899 г. Большую роль в деле обогащения царского правительства сыграла винная монополия. При содействии иностранных займов в 1897 году финансовая реформа была закончена. В России вводилась золотая валюта. Ценою невероятных жертв русский крестьянин спас своего барина.

Какую политическую позицию заняли различные классы и группы населения России в связи с обнаружившейся картиной упадка сельского хозяйства и обострения противоречий между налогоплательщиками и государством?

О буржуазии и дворянстве особенно много говорить не придется. В своей массе оба класса были реакционны.

Причины, заставлявшие буржуазию не думать о перемене политического строя в 80-х годах, продолжали действовать и в течение 90-х. Это был все тот же упрямый факт, что царское правительство, по выражению М. Н. Покровского, «держало в руках кошелек буржуазии». Подрыв производительных сил пока еще мало беспокоил буржуазию, так как она усиленно пользовалась иностранным кредитом и прямой поддержкой своего правительства. И поскольку это правительство было действительно «своим», — а относительно министерства Витте в этом не может быть никаких сомнений — не было никакого смысла его менять.

Дворянство, как мы видели, в достаточной степени сосало государственную казну. Исторические традиции особенно крепко связывали его с самодержавием. Но при всем этом часть дворянства оказалась несколько «левее» буржуазии. Страшный кризис сельского хозяйства настолько потряс благосостояние помещиков, что даже все спасательные меры, принятые государством, не могли существенно изменить их положения. На этой почве зародилось очень слабое «оппозиционное» движение. Выразилось оно в том, что новому царю Николаю II некоторые земства (тверское, тульское, уфимское, полтавское, саратовское, тамбовское, орловское, курское и черниговское) подают «адреса» с намеками на необходимость создания совещательного народного представительства. Николай отнесся сурово к этим намекам, назвал их «бессмысленными мечтаниями» и строго-настрого запретил земствам заниматься подобными вещами. Дворянская «оппозиция» на этом успокоилась и выдохлась. Земства сыграли, однако, в дальнейшем большую роль своей довольно широко развернутой культурной деятельностью, и кой-какая искра оппозиционного недовольства продолжала тлеть в «Вольном Экономическом обществе».

Крестьянство имело все основания быть недовольным существующим строем. Но исторические слабости крестьянства общеизвестны. Классовая раздробленность, мелкособственническая психология, низкий уровень жизни, неграмотность делают крестьянство неспособным на самостоятельное организованное революционное движение. В связи с голодом в пострадавших местностях происходили волнения крестьян, но они вылились в дикие, стихийные «холерные» бунты, направленные против «ученых», «докторов», и ничего общего с революцией не имели.

Интеллигенция жила более активной и сознательной жизнью. Голод 1891 года всколыхнул ее и вновь обратил внимание на политические вопросы. Но благодаря социальной разнородности интеллигенции, ее движение, конечно, не могло быть единым. Оно разбилось на несколько течений, отражая те или иные классовые влияния. Проследить эти течения и дать их характеристику для нас очень важно, так как борьба этих течений уже в довольно ясной форме выражала борьбу различных классов, лишь несколько опережая ее практические совсем открытые проявления.

Следует отметить, что активнейшей частью интеллигенции являлся ее молодой отряд — студенчество. Все последнее десятилетие XIX века наполнено «студенческими волнениями», которые заставили правительство издать в 1899 году «временные правила», грозившие отдавать студентов в солдаты за участие в «беспорядках». У студентов были, между прочим, основания производить «беспорядки». Университетский режим 80-х годов не изменился к лучшему. Плата за учение была повышена. Число освобожденных от платы уменьшено. Общее количество студентов в то же время возросло с 8.000 в 1880 году до 14.000 в 1894 г. и продолжало расти и дальше. Состав студенчества все больше пополнялся, несмотря на все заграждения и процентные нормы, выходцами из более или менее «демократических» элементов. Неудивительно, что при этих условиях студенчество давало самый живой активный элемент для всех революционных организаций. Движение студенчества, как общей массы, не имело политического характера. Организовывались землячества, кассы взаимопомощи, а публикуемые требования были большей частью «академические».

Состояние политической идеологии различных групп интеллигенции рисуется в следующем виде.

Некогда могучее народничество, монопольно владевшее революционным движением, дошло до крайней степени разложения.

Правое его крыло, представляемое В. Воронцовым (В. В.), Николаем —оном, Кривенко, ничему не научилось. Яркая картина классовой диференциации крестьянства и развития капитализма не была ими понята. Они попрежнему стояли на той точке зрения, которая видела в общине ячейку нового порядка. И если они все же замечали, что община и старый уклад жизни крестьянства рушится, то ничего лучшего, чем лозунг спасения «устоев», выдвинуть не могли. Ни о какой революции, борьбе классов они не мечтали. «Главной задачей переживаемого момента» они считали «умственный подъем массы» и прямо приглашали к союзу не только с либералами, но и с государством. «Для обобществления производства у нас только три общественных союза, из которых каждый очень важен и без которых нельзя обойтись; это — община, земство и государство», — писал Кривенко. Это был самый умеренный верноподданнический либерализм без всякой примеси революционности. Характеристику этого правого крыла народничества мы разовьем более подробно в следующей главе.

Более левые народники из народовольческого лагеря не разделяли надежд своего правого крыла в вопросе о роли общины и возможности союза с государством. Они не могли отрицать, что капитализм имеет некоторый успех в России.

«Россия только покрыта горностаевой царской порфирой, под которой происходит кипучая работа набивания бездонных приватных карманов жадными приватными руками. Сорвите эту, когда-то пышную, а теперь изъеденную молью порфиру, и вы найдете вполне готовую деятельную буржуазию», — писал Михайловский.

Но из этого делался только тот вывод, что надо свергнуть самодержавие, чтобы не дать капитализму окончательно поглотить Россию. Вопрос о социа-

лизме отодвигался в неопределенную даль. Здесь тоже происходила смычка с либералами, только более решительного, более левого направления, граничащего с буржуазным демократизмом. Отход от социализма и поворот к буржуазному демократизму, очень умеренному при этом, — необычайно частое явление в это время. Такова была линия Драгоманова, Дебогория-Мокриевича, будущего мракобеса-белогвардейца Бурцева и др.

Степняк-Кравчинский в брошюрах «Чего нам нужно» и «Начало конца» призывал к союзу с конституционалистами, обращаясь к внеклассовому гражданскому чувству. Крестьяне и рабочие не могут быть, по мнению Кравчинского, опорой революции. Остается союз с либералами, которые не должны бояться социализма. «Наша программа есть именно программа передовой фракции русских либералов», — писал бывший террорист Кравчинский.

В России летом 1893 года возникла народническая организация, пытавшаяся связаться с земским либерализмом и толкнуть его на более решительные действия. Это была партия «Народного Права», организованная старыми народниками — Натансоном, Аптекманом и др. (Табл. 25). Близко к ней стояла редакция «Русского Богатства» во главе с Н. К. Михайловским и В. Г. Короленко. Партия издала брошюру «Насущный вопрос», в которой изложила свои политические взгляды. Старое народничество с его идеализацией крестьянства беспощадно критиковалось. Признавалась совместимость социализма с политической борьбой. Но о социализме говорилось мало. Главной задачей эпохи объявлялось завоевание политической свободы. Деятельность партии не успела широко развернуться. Уже в 1894 году она была ликвидирована полицией. Но тенденции к сближению народничества с различными оттенками либерализма и буржуазного демократизма остались и впоследствии проявлялись неоднократно. Земский либерализм пока сторонился и не хотел принять руки, протянутой бывшими революционерами. Позже, накануне революции 1905 года, союз революционеров в отставке с либералами стал реальностью.

На общем фоне измельчания и поправения народничества выделяется, как исключение, «группа народовольцев», действовавшая в Петербурге с 1891 года (М. С. Александров (М. С. Ольминский), Б. Л. Зотов, Н. Г. Белецкий, М. Г. Сущинский, А. А. Федулов). Это была действительно революционная группа, довольно мощная и хорошо законспирированная. Она имела свою типографию, выпускала прокламации, брошюры и свой орган «Летучий листок группы народовольцев». (Табл. 26).

Но эта группа была революционной лишь постольку и потому, что фактически в практике работы отошла от народничества и приблизилась к социал-демократии.

Группа вела работу исключительно среди рабочих и такими же методами, как социал-демократы. В практике работы группа сталкивалась и связывалась с социал-демократическими организациями. М. С. Александров фактически входил в брусневскую группу. В конце концов члены «группы народовольцев» в большинстве стали социал-демократами, в том числе и ее руководитель М. С. Александров (Ольминский), впоследствии принявший активнейшее участие во всей работе партии большевиков (с его именем связана вся идейная

борьба большевиков, начиная с периода «Искры» и кончая периодом гражданской войны).

Полной противоположностью шатаниям народников и их измене социализму явилась позиция социал-демократов. В брошюре «Задачи социалистов в борьбе с голодом» Плеханов дал необычайно яркую оценку момента и программу практической работы подлинно революционной партии. В страшном экономическом кризисе сельского хозяйства Плеханов видит пролог революции. Правительство, доведшее страну до полного разорения, не может долго сохранять власть. Французская пословица говорит: «Там, где нет ничего, король теряет свои права».

«Теперь пришло наше время». Россия ближе к революции, чем в 70-е годы, так как на сцену истории выступил единственно революционный класс — пролетариат.

Насчет характера революции Плеханов не обманывает себя. Он считает, что ближайшая революция будет политической (т.-е. буржуазной, как сказали бы мы сейчас). Но в отличие от народников Плеханов не забывает о социализме. Буржуазно-демократический характер революции не исключает того, что социалисты должны непрерывно работать над повышением классового самосознания пролетариата. Наоборот, именно в этом должна прежде всего заключаться их деятельность, чтобы к моменту революции пролетариат был настолько зрелым, чтобы не дать увлечь себя буржуазным политикам, а быть в состоянии проводить самостоятельную классовую линию. Политическая свобода имеет значение лишь как средство, как условие, облегчающее возможность дальнейшего классового развития.

Бодрой сознательной революционностью веет от брошюры Плеханова. В ней отразилось самосознание молодого класса, чувствующего, что он становится могучей общественной силой.

3) ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОДЪЕМ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 90-х ГОДОВ

В 90-х годах капиталистическое развитие России делает громадный скачок вперед.

Сознательная политика царского правительства в значительной степени способствовала этому скачку. Россия издавна должна была равняться по Европе и не раз чувствовала, что значит быть технически отсталой страной. Развитие капитализма становилось необходимым условием дальнейшего существования России, как великой державы.

Министр финансов Витте, всесильный руководитель экономической политики самодержавной России, отлично понимал это. «Переустройство экономического уклада огромного государства вновь по типу сельскохозяйственной страны было бы равносильно экономической катастрофе», — говорил он. «Никакого иного благосостояния, кроме происходящего на почве капиталистического развития, экономическая жизнь еще не видела». А отсюда и практические последствия—решительные меры к облегчению развития капитализма в России.

Царские чиновники уже давно прислушивались к голосу промышленников. Последним почти всегда было обеспечено влияние на решение вопросов,

имевших для них значение. Таможенный тариф, рабочее законодательство устанавливались и пересматривались при участии представителей торговли и промышленности.

Из мер, имевших особенное значение для развития капитализма в России, прежде всего надо отметить таможенный тариф. Последний был в России выше, чем где бы то ни было в мире. Защищаясь от иностранной конкуренции, русские промышленники без устали атаковали своего самодержца, требуя непрестанного повышения ввозных пошлин. Защита подобных требований иногда очень курьезна — «...воля вашего величества для нас священна, мы без ропота готовы ее исполнить, перенести потери, лишиться значительной части своих капиталов, лишиться всего и сделаться несостоятельными, но мы не можем без сострадания подумать о рабочих и ремесленниках, которые теряют сходные им занятия, не будут знать, куда им обратиться».

Дешевое, открытое лицемерие просителей, конечно, никого не обманывало. И без особых просьб домогания промышленников удовлетворялись.

Тариф 1891 года был исключительным по своей «покровительственности». Шульце-Геверниц писал о русском таможенном тарифе, что он «превосходит все, что когда-либо было сделано в Европе в смысле таможенной охраны». Увеличение пошлин было произведено в 164 случаях, в 11 случаях введены новые, оставлены без изменения ставки в 173 случаях и понижены в 11 случаях.

Пошлина на чугун поднялась с 7 коп. до 45—52 коп. за пуд, на листовое железо с 74 к. до 7 р. 20 к., на бумажную пряжу с 4 р. 81 к. до 7 р. 20 к. Ни одна страна не имела таких высоких пошлин. Естественно, что при таких условиях капитализму облегчался рост. «Это обстоятельство втеснило в краткий период каких-нибудь двадцати лет такое развитие, которое при других условиях заняло бы, быть может, шестьдесят лет и более», — писал Энгельс в письме к Николаю —ону в 1892 году. Действительно, система покровительства русской промышленности, помимо своего прямого назначения — защиты от иностранных конкурентов, имела еще то значение, что своей выгодностью привлекала в Россию иностранный капитал. Благодаря высокому таможенному тарифу и дешевизне рабочих рук норма прибыли в России была гораздо выше европейской. Поэтому иностранный капитал, который раньше приходил в Россию лишь в виде займов, начал проникать в промышленность. Одна за другой создавались иностранные акционерные компании, одно за другим вырастали предприятия-гиганты. К концу XIX века в России функционировало около 800 миллионов рублей иностранного капитала.

Но и в самой России имелся уже накопленный капитал в достаточных размерах, и накопление непрерывно росло с бешеной быстротой. Сумма вкладов в государственные сберегательные кассы и в кредитные учреждения в 1895 году равнялась 1 миллиарду рублей, а в 1900 году — полутора миллиардам. Капитал акционерных компаний равнялся в 1890 г.—500 миллионам рублей, в 1900 г.—1742 миллионам. Накоплению русского капитала очень помог маневр министра финансов Вышнеградского, который в 1887—89 годах перевел за границу часть государственных долгов, освободив около полутора миллиарда рублей, которые пошли на промышленность.

Очень важным фактором промышленного подъема было то, что правительство своими заказами создало рынок для крупной промышленности. Мы уже видели, в каком положении находились крестьянство и рабочий класс. Широкие народные массы имели слишком мало средств, чтобы образовать достаточно объемистый рынок для могучей промышленности, в особенности для металлургии. Правительство дало работу металлургии своими заказами необходимых материалов для постройки железнодорожной сети, вооружения и т. п. В течение 90-х годов в среднем проводилось каждый год около 2.000 верст железных дорог, тогда как аналогичная цифра в период оживленнейшего железнодорожного строительства для Германии была 1.496, для Франции—873 и для Англии—931. При этом правительство платило фабрикантам такие суммы, что последним была обеспечена громадная прибыль. Так, например, за пуд рельс, стоивший фабриканту 89 коп., правительство платило 1 р. 23 коп. Расцвет капитализма облегчался еще тем, что рабочая сила была необычайно дешева. В положении рабочего не произошло еще существенных перемен, а каково оно было в 80-е годы, мы уже знаем. Быстрая пролетаризация крестьянства обеспечивала капиталистам достаточную резервную армию безработных. Наконец, в промышленном подъеме 90-х годов немалую роль сыграла общемировая конъюнктура. Как раз в это время происходил промышленный подъем и в Западной Европе. Все это, вместе взятое, дало в результате стремительный скачок вперед русского капитализма.

Выплавка чугуна вместо 68,8 миллиона пудов в 1893 году достигла 177,5 милл. пудов в 1900 году. Производство готового железа и стали возросло за то же время с 57,5 милл. пудов до 121,8 милл. Средняя годовая выплавка чугуна в 80-е годы равнялась 33 милл. пудов; в 90-е—92 миллионам. В процентах рост производства чугуна в России за десятилетие 1890—1899 выражается цифрой 190. Аналогичная цифра для того же периода для Англии—18%, Франции—31%, Соединенных Штатов — 50%, Германии — 72%. Добыча каменного угля с 464,8 милл. пудов в 1893 году возросла до 853,1 милл. пудов в 1889 году. За период 1890—1899 г.г. увеличение добычи каменного угля выражается цифрой 131%. Аналогичная цифра для Англии—22%, Франции — 26%, Германии — 52%, Соединенных Штатов — 61%. Добыча нефти возросла с 226 милл. пудов в 1890 году до 525 милл. пудов в 1899 г. Процент увеличения—132. А в Соединенных Штатах—9. По добыче нефти Россия заняла одно из первых мест в мире.

Количество пудов переработанного хлопка с 8 милл. пудов в 1890 г. возросло до 16 милл. в 1899 г. Количество веретен возросло с $3\frac{1}{2}$ милл. до 6 милл. (увеличение на 76%, а в Европе аналогичная цифра—33%).

В абсолютных цифрах Россия еще очень далеко отставала от Европы, но по темпу, по быстроте развития она обгоняла ее, обгоняла и Соединенные Штаты, хотя «американский» темп развития вошел в поговорку. Общая производительность промышленности с 1.300 милл. рублей в 1887 г. возросла до 3.200 милл. рублей в 1900 г. Цифры эти не точны, но пропорция правильная. Число промышленных рабочих точно так же очень быстро

увеличивалось. Количество металлистов со 193.000 в 1890 г. возросло до 396.000 в 1900 г. Количество каменноугольных рабочих с 40.000 в 1890 г. возросло до 70.000 в 1898 г. Количественный рост промышленности сопровождался и качественным ее улучшением — ростом производительности и концентрацией. Число крупнейших предприятий (более 1.000 рабочих) за период 1890—1900 г.г. возросло на 141,5%, тогда как число средних (более 500 раб.) увеличилось на 97,2%, а число мелких (более 100) возросло только на 54,3%.

Некоторое представление о качественном росте русской промышленности может дать следующая таблица:

Годы	Количество предприятий	Стоимость продукции	Число рабочих
1887	30.888	1.334,5 милл. руб.	1.380.000
1897	39.029	2.839,1 » »	2.098.200
Увеличение в процентах	26,3%	112,8%	59,2%

Мы видим, что рост числа рабочих обгоняет рост количества предприятий, а рост стоимости продукции обгоняет рост числа рабочих. Это означает несомненное укрупнение предприятий и повышение производительности.

Еще в 1892 году Энгельс писал Николаю — ону: «Я решительно не вижу, чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались в чем-нибудь от того, что мы видим или видели в Англии, Германии, Америке». Тем более были верны эти слова для конца десятилетия.

Рабочее движение 90-х годов тоже далеко ушло вперед от рабочего движения 80-х годов. Промышленный подъем способствовал большему классовому сплочению и сознательности движения. Положение рабочего класса не претерпело существенных изменений. Жилищные, санитарные условия, условия труда в общем оставались такими же, как раньше. Кое-где замечалось повышение заработной платы, но оно было неустойчиво, далеко не всегда поспевало за вздорожанием жизни и не было, наконец, общим явлением. Голод 1891 г., бросивший массу крестьян в город, давал достаточно сырого человеческого материала для того, чтобы капиталисты чувствовали себя необязанными особенно дорожить рабочей силой. Рабочие должны были сами добиваться путем борьбы необходимых улучшений. И действительно 90-е годы в смысле реальных результатов рабочего движения дали гораздо больше, чем 80-е. Рабочий класс в это время все более становился особым классом, т.-е. терял связь с деревней. Не менее 85—90% фабричных рабочих работали постоянно на фабрике, не уходя в деревню на полевые работы. 40% фабричных рабочих были «потом-

ственными пролетариями», так как их отцы были рабочими. Об общем характере стачечного движения 90-х годов читаем у Ленина в «Что делать?»:

«Стачки бывали в России и в 70-х и в 60-х годах (и даже в первой половине XIX века), сопровождаясь «стихийным» разрушением машин и т. п. По сравнению с этими «бунтами», стачки 90-х годов можно даже назвать «сознательными» — до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение. Это показывает нам, что «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное, как зачаточную форму сознательности, и примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем борьбой. Стачки 90-х годов показывают нам гораздо более проблесков сознательности: выставляются определенные требования, рассчитывается наперед, какой момент удобнее, обсуждаются известные случаи и примеры в других местах и т. д. Если бунты были просто восстанием угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой тред-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, т.-е. сознания социал-демократического. В этом смысле стачки 90-х годов, несмотря на громадный прогресс по сравнению с «бунтами», оставались движением чисто стихийным».

Стачки начала десятилетия имели более стихийный неорганизованный характер, чем стачки второй половины 90-х годов. В известной степени они все еще содержали в себе крестьянские черты и часто приближались к типу «холерных» бунтов. Так, например, особенной стихийностью отличались волнения шахтеров Юзовки в 1892 году. Стачка окончилась страшным погромом. Были вызваны войска, и шахтеры усмирены оружием. Подобные волнения происходили в Астрахани, Царицыне, Саратове.

Большей организованностью, но не меньшей бурностью отличалось рабочее движение в Польше. В течение 1890—1893 г.г. в Польше произошел ряд массовых стачек, охвативших не менее 100.000 рабочих. В 1891 году бастовали горнорабочие Домброва и текстили Лодзи и Жирардова, в 1892 году — строительные рабочие Варшавы и опять Лодзь. Русские власти особенно сурово отнеслись к польским забастовщикам. Несмотря на выдержку рабочих, произошли столкновения с войсками, которые действовали, совершенно не стесняясь. Варшавский генерал-губернатор Гурко приказал лодзинским властям «не жалеть патронов», опережая больше чем на 10 лет знаменитый приказ Трепова. Последняя забастовка в Лодзи была связана с днем 1 мая. В следующем году 1 мая бастовало в Варшаве 10.000 рабочих. 1 мая 1894 года бастовали все рабочие Ченстохова и 3.000 рабочих в Домброве. Характерно, что стачки этого периода проходили в Польше при участии революционной организации «Союз польских рабочих» — явление не знакомое 80-м годам. Стачки польских рабочих имели успех. Был сокращен рабочий день, и лодзинские фабриканты просили даже правительство провести это сокращение в законодательном порядке, боясь конкуренции.

В Вильне происходило сильное движение среди еврейских ремесленников. Здесь власти благодаря более мирному характеру движения не прибегали к таким репрессиям, как в Польше. Наоборот, когда виленские рабочие, требуя сокращения рабочего дня, сослались на старый забытый закон 1785 года, власти даже стали на их сторону. Конечно, это было редким исключением. В 1893 году в России организованно прошел ряд стачек в Шуе. Стачки длились целую неделю. Рабочие добились сокращения рабочего дня с 13 ч. до 12 и отмены сверхурочных, сохраняя заработную плату без изменения. В том же году стачки были на Хлудовской мануфактуре в Рязанской губернии, в железнодорожных мастерских Ростова-на-Дону и в разных предприятиях Москвы и Петербурга. В 1894 году в Петербурге бастовали ткачи Воронина, Новое адмиралтейство, завод Семянникова. Ряд стачек происходил: в Москве, Шуе, Минске, Вильне, Тифлисе. В 1894 году в Петербурге бастовали рабочие Путиловского завода, сапожной фабрики, фабрики Торнтона и табачных фабрик Лаферма. Работницы Лаферма начали громить фабрику, но были разогнаны при помощи пожарных рукавов. В Москве бастовали Прохоровская мануфактура и чаеразвесочники. В Тейкове бастующими рабочими был убит директор-англичанин. В Ярославле бастовала Корзинкинская мануфактура. Здесь произошло столкновение с войсками, когда толпа рабочих хотела освободить арестованных товарищей. Солдаты Фанагорийского полка проявили себя верноподданными рабами Николая. Последний это отметил своей благодарностью «молодцам фанагорийцам». В Вильне бастовали рабочие фабрики Эдельштейна, при чем интересно, что забастовка была поддержана всеми рабочими города. В Белостоке бастовало около 20.000 рабочих из-за напечатания в «рабочей книжке» статей о наказуемости стачек. Это была уже не чисто экономическая стачка.

Высшей точки развития стачечное движение достигло в 1896 году. Об этом годе так, например, писал Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в своей прокламации: «Мы с гордостью можем сказать, что нам его стыдиться нечего. Этим годом начинается новая пора в жизни русского рабочего класса, этот год борьбы есть первый блеснувший луч после долгих мрачных лет каторжного труда и скотской, рабской жизни. Целый ряд почти непрерывных волнений и стачек, особенно же две огромные стачки ткачей и прядильщиков, следовавшие одна за другой, распространили славу о петербургских рабочих далеко за пределы России».

Действительно, в Петербурге в этом году происходили исключительные события. Поводом к стачке послужило нежелание фабрикантов оплатить те дни, когда не было работы из-за коронации Николая II. Рабочие требовали, чтобы им уплатили за прогул, в котором они не виноваты. На почве этого требования в мае бастовало 35.000 рабочих — ткачей и прядильщиков. В процессе забастовки были выдвинуты новые требования — о сокращении рабочего дня до 10 часов. Стачка тянулась более месяца и проходила необычайно спокойно, сдержанно, несмотря на провокацию полиции. Попытки убедить рабочих прекратить забастовку не привели ни к чему — они стойко держались своей линии. Продолжительность забастовки и ее организованность привлекли внимание общества. Сочувствие интеллигенции было явно на стороне забастовщиков. О стачке заговорила иностранная печать. Рабочие Англии и Германии оказали денежную помощь. Стачка окончилась лишь тогда, когда правительство объявило о созыве комиссии из фабрикантов и чиновников для решения вопроса о сокращении рабочего дня. Несмотря на мирный характер забастовки, около 1.000 участников было арестовано и выслано из Петербурга.

В Москве в этом году бастовали рабочие железнодорожных мастерских. В Западном крае бастовали ремесленники, в Риге и Либаве — механические заводы, в Одессе — табачные фабрики. В 1897 году снова бастовали петербургские ткачи, на этот раз к ним присоединились еще некоторые механические заводы. Рабочим надоело ждать решения правительственной комиссии, и они решили напомнить о своем существовании. Стачка была очень организована. Рабочие сами создали нечто вроде боевой стачечной кассы, посылали ходаков-агитаторов по фабрикам. Правительство, наконец, расшевелилось и под давлением рабочих издало закон 2/VI 1897 г., ограничивавший рабочий день для мужчин $11^1/_2$ часами. В то же время было увеличено количество фабричных инспекторов. Практической пользы от закона было немного, нарушения его карались очень легко (штрафом в 50 рублей), и в атмосфере царского бесправия трудно было добиваться его исполнения. Делая одной рукой уступку рабочим, правительство в то же время (в августе 1897 г.) усилило циркуляром министра внутренних дел систему преследований для стачечников, узаконив административную ссылку без суда. Но при всем этом, конечно, самый факт издания закона, ограничивавшего право эксплоатации пролетариата, приучил рабочих к мысли, что борьбой они могут многого добиться, и развивал их классовое сознание. Борьба действительно развивалась. Войска стреляли в рабочих в Ярославле, Домброве, Мариуполе. С невероятной жестокостью действовали казаки в Серпухове. Бурные беспорядки произошли в Орехово-Зуеве. В Иваново-Вознесенске в конце года началась всеобщая стачка. На Урале в течение нескольких месяцев рабочие казенного оружейного завода в Златоусте вели борьбу за 8-часовой рабочий день. В 1898 году много стачек происходило в связи с 1 мая. Таковы некоторые стачки в Петербурге, Коломне, Варшаве, Домброве, Литве, Латвии.

Из петербургских стачек надо особо отметить забастовки у Максвелля и Паля. Рабочие этих фабрик подвергались чрезвычайно усиленной эксплоатации. Хозяева применяли различные меры: выдавался недоброкачественный материал, усиленно штрафовали, урезывали зарплату. Возмущенные рабочие забастовали. Администрация и полиция решили во что бы то ни стало заставить рабочих стать на работу. Для этого решено было арестовать главарей. Ночью полиция явилась в фабричные казармы. Но рабочие решили не пускать полицию. Произошло настоящее побоище. Многие рабочие были избиты до полусмерти.

В том же году происходили стачки в Ярославле, в Костромской губернии, в Екатеринославле, в Брянске. В 1899 году войска стреляли в рабочих на улицах Риги, где забастовка работниц джутовых фабрик разрослась во всеобщую забастовку и увлекла рабочих на улицу. В Варшаве бастовало больше 20 тысяч рабочих. В Мариуполе произошли две крупные стачки, сопровождавшиеся столкновением с войсками.

Активное вмешательство полиции и войск в конфликты рабочих с хозяевами заметно росло в 90-е годы. Из общего количества всех стачек около четверти протекало при активной помощи властей хозяевам.

Подводя итог рабочему движению 90-х годов, отметим следующее. Общее количество стачечников за десятилетие равнялось 600—700 тыс. человек, при чем в первую половину бастовало около двухсот тысяч, во вторую — больше четырехсот. Цифры эти не совсем точны, так как полной статистики забастовок тогда не вели, но близки к истине, а пропорция безусловно правильна. Движение носило экономический характер. В отдельных случаях встречались политические требования. Создаваемые рабочими в процессе движения организации — стачечные кассы — преследовали исключительно экономические цели. Но все же по сравнению с прош-

лым десятилетием рабочее движение заметно классово выросло. Это видно, во-первых, из большей организованности движения и большего развития солидарности. Интересно проследить, как росло количество групповых стачек, охватывавших одновременно несколько предприятий. В 1895 г. — 41% бастовавших рабочих участвовали в групповых стачках, в 1896 г.—47%, в 1897—43%, в 1898—76%, в 1899—54%. В то же время важно отметить, что крупные предприятия были втянуты в забастовочное движение сильнее, чем средние и мелкие. Вот характерная таблица, указывающая, какая доля из различных разрядов промышленных предприятий принимала участие в стачечном движении:

Предприятия с числом	Принимало участие в стачках
До 20 рабочих	2,7%
От 21 до 50 рабочих	7,5%
» 51 » 100 »	9,4%
» 101 » 500 »	21,5%
» 501 » 1.000 »	49,9%
Свыше 1.000 »	89,7%

Революционизирующее влияние крупного производства было совершенно очевидно. Общий подъем классового рабочего движения сказался и в увеличении количества наступательных стачек с требованиями увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня. Правда, подобные стачки редко кончались успешно.

Но все же эти успехи были. И каждый успех имел громадное воспитательное значение. Борьба сплачивала пролетариат, приучала к совместным действиям и начинала противопоставлять его, как класс, буржуазии и самодержавному режиму.

и) ОТ ПРОПАГАНДЫ К АГИТАЦИИ

Подъем рабочего движения и общее оживление политической жизни создавали благоприятные условия для развития социал-демократии. Если в 80-е годы было еще много городов, в которых не было социал-демократических организаций, то в 90-е годы движение бурно распространяется вширь по провинции. Кружки саморазвития интеллигентской молодежи, стоявшие раньше вне политики, под влиянием событий 1891 года меняют свой характер, приобретают политическую окраску и в поисках платформы очень часто приходят к марксизму.

В Самаре социал-демократический кружок создался при близком участии В. И. Ленина. Приехав в Самару в конце 1889 года, Владимир Ильич сбли-

зился с молодым народником А. П. Скляренко, который пользовался большим влиянием среди местной молодежи. Владимиру Ильичу удалось обратить Скляренко в марксизм, и вместе с И. Х. Лалаянцем они организовали марксистский кружок, первый в Самаре. Кружку пришлось много бороться с видными народниками, жившими тогда в Самаре (В. Водовозовым, например), и если у старшего поколения молодые марксисты имели мало успеха, то зато молодежь находилась под их влиянием. Когда Ленин уехал из Самары, кружок не распался, продолжал свою работу и стал играть роль марксистского центра для всего Поволжья. Полиция разгромила кружок в конце 1893 года, но марксистская пропаганда после этого, конечно, не прекратилась. (Табл. 21.)

В Казани в это время существовало несколько кружков, которые постепенно эволюционировали к марксизму. Влияние Федосеева не стерлось и принесло свои результаты. Вначале движение еще не отделилось от народовольческого. Кружок Иолшина, Барамзина, Лалаянца и др. был кружком переходного типа и скоро был ликвидирован полицией. Основателем другого, более прочного и идейно оформленного кружка был Александр Митрофанович Стопани. Вокруг него сплотилась довольно сильная группа, которая повела пропаганду среди рабочих. Наладилась прочная связь с Пороховым заводом, Алафузовским, заводами Крестовникова и Рама, водяной мельницей и другими предприятиями. Выделился ряд сознательных рабочих-революционеров (Табейкин, Петров и др.), которые стали играть самостоятельную роль. Организация разрослась довольно широко. Существовали отдельные кружки: мусульманский, еврейский и женский. В 1894 году Стопани переехал в Ярославль, а некоторые другие руководители в Нижний. Кружок вскоре после этого был разгромлен полицией.

В Нижнем первый социал-демократический кружок был создан в 1891 году. В его организации главную роль играл уже известный нам П. Н. Скворцов. Большое значение имел приезд братьев Красиных, участников группы Бруснева, высланных из Петербурга. Организация была многочисленной, имела в своем составе рабочих Курбатовского и Сормовского заводов и других предприятий. Деятельность группы была широко развита и выражалась главным образом в углубленной пропаганде марксизма. Из группы вышли товарищи, игравшие потом большую роль в развитии движения: М. А. Сильвин и Ванеев — организаторы Питерского «Союза борьбы», Н. А. Вигдорчик — организатор I съезда партии, И. П. Гольденберг-Мешковский — впоследствии член ЦК большевиков. Во Владимирской губ. (Орехово-Зуеве, Иваново-Вознесенске) тоже велась работа в самом начале 90-х годов. Попавший сюда Н. Е. Федосеев придал работе широкий размах. Организация перешла к агитации, распространяла прокламации. Но полиция очень скоро арестовала руководителей, в том числе и Федосеева. Темп и размах работы понизились, но организация продолжала существовать. Выделившиеся из массы рабочие Штиблетов и Алекторский были уже в состоянии действовать самостоятельно. В Туле почва для работы была подготовлена еще в 80-х годах народовольцами. В начале 90-х годов работу начали высланные из Петербурга «брусневцы» — Мефодиев, Буянов, Руделев и др. Используя петер-

бургский опыт, они создают организацию, похожую по своему строению на брусневскую, и втягивают в нее около 50 рабочих. Группа была разбита арестами в течение 1892—1893 годов. Но оставшиеся не захваченными полицией продолжали работу и впоследствии составили новую организацию во второй половине десятилетия. В Ростове-на-Дону начало социал-демократической организации положили В. Я. Алабышев и А. Машицкий. Машицкий владел немецким языком и знал марксистскую литературу. Алабышев стал социал-демократом еще в Казани, откуда он прибыл. В их организацию вошли рабочие, уже подготовленные работой народников. Было создано несколько рабочих кружков, главным образом среди железнодорожников. В 1894 году число рабочих в организации дошло до 150. В их числе был П. А. Мосеенок, известный руководитель морозовской стачки. Под его руководством и здесь прошла большая железнодорожная забастовка, подготовленная работой кружков. Благодаря предательству одного рабочего организация была разгромлена, но не рассыпалась и во второй половине десятилетия разрослась еще больше. В Одессе пропаганда Д. Б. Рязанова дала богатые результаты. Под его влиянием окончательно оформились, как социал-демократы, Стеклов и Цыперович. После ареста Рязанова они создали социал-демократический кружок. Были привлечены рабочие. Из них наиболее яркими фигурами были И. М. Калашников и Л. П. Яковлев. Работа группы заключалась в углубленной пропаганде марксизма. Руководители считали, что им «придется ограничиться только созданием кружков и подготовкой сравнительно немногих сознательных рабочих, которые в момент революции могли бы стать во главе народных масс». В 1894 году организация была разгромлена. В Екатеринославе организаторами социал-демократической группы были Тейтельбаум, Мунблит и Точинский (известный по работе в Петербурге). Впоследствии в Екатеринослав приехали Г Мандельштам, пользовавшийся большой популярностью среди рабочих, А. Винокуров (ныне председ. Верхсуда СССР) и рабочий Норинский, высланный из Петербурга. Группа была чисто социал-демократической. Помимо пропаганды группа проделала первые опыты в области массовой агитации за улучшение положения рабочих. Работа развивалась, но в 1895 году группа провалилась. В Киеве в 1891 году организовался интеллигентской социал-демократический кружок. В его состав входили Ляховский, Эйдельман, Вигдорчик и др. Связь с рабочими долго не давалась, но в конце концов была налажена. Группа была хорошо законспирирована, и пропаганда велась с успехом. Работа приобрела широкий размах с прибытием Ю. Д. Мельникова, который, отбыв наказание в петербургской тюрьме, прибыл в Киев, успев завязать связи с брусневской группой. Все участники киевского движения единодушно отмечают выдающуюся роль Мельникова. Незаконный сын помещика, интеллигент по образованию, он ушел в рабочие, стал слесарем и соединил в себе теоретическую подготовку интеллигента с революционной выдержкой рабочего. В Киеве Мельников сильно двинул организацию вперед. Связи с рабочими разрослись. Было создано два центра: интеллигентский и рабочий. Отличная конспирация охраняла группу от жандармов. Мельников был арестован лишь в 1896 году. Киевская

организация стояла на прочном основании и, как мы увидим дальше, сыграла выдающуюся роль в развитии социал-демократического движения, в частности в созыве I съезда партии.

Очень сильно было развито движение в Польше. Здесь еще в 1889 году из нескольких рабочих кружков создался «Союз польских рабочих». Это была главным образом экономическая организация, ставившая своей целью облегчение стачечной борьбы. «Союзом» было создано много стачечных касс, объединивших до 6.000 рабочих. Аресты 1891 года ослабили «Союз», и в 1892 году он сошел со сцены. В следующем году уцелевшие социалистические группы Польши объединились в «Польскую социалистическую партию» (ППС). Новая партия была проникнута ярко выраженным националистическим духом. Вскоре от нее отделилось рабочее ядро, образовавшее самостоятельную группу — «Социал-демократию Польши и Литвы» во главе с Розой Люксембург. Новая группа стояла на платформе классовой борьбы и относилась отрицательно к идее национального освобождения Польши.

Таким образом в первую половину 90-х годов социал-демократическое движение очень сильно двинулось вперед. В ряде городов, где раньше работали лишь одиночки, или вовсе никакой работы не велось, были созданы социал-демократические организации. Народнические и народовольческие влияния становились все слабее. Рост движения по сравнению с 80-ми годами был очень заметен. Но в первые годы это был еще только количественный рост. Характер работы, заключавшийся главным образом в углубленной кружковой пропаганде, некоторое время оставался неизменным. Лишь ближе к середине десятилетия — в 1893—1895 годах — в социал-демократическом движении произошло качественное изменение, давшее толчок к дальнейшему бурному его развитию. Это изменение заключалось в перемене характера работы, в переходе от пропаганды к агитации.

Углубленная пропаганда основ марксизма сделала свое дело. Она сыграла большую роль в движении, подготовив известный кадр марксистской интеллигенции и классово-сознательных рабочих, но имела мало перспектив к дальнейшему развитию. Кружковый метод работы охватил ничтожное меньшинство рабочего класса, и было совершенно очевидно, что создать таким способом массовую политическую партию нельзя. Тов. Мицкевич в своих воспоминаниях рассказывает об одном марксисте из Нижнего (Скворцове?), который был ярым сторонником кружковой пропаганды и полагал, что ничего другого для развития рабочего движения не нужно. Этот марксист говорил, что он не может рабочего считать социал-демократом, прежде чем он не изучит всего Маркса; на брошюры, а тем более на листки он смотрел с презрением и считал их не только неполезными, но даже вредными; просто — все рабочие должны читать «Капитал». Ход развития рабочего движения он представлял так, что постепенно будет увеличиваться число рабочих, изучивших Маркса; они будут привлекать к этому изучению всех новых членов; со временем вся Россия покроется такими кружками, и у нас образуется рабочая партия.

Вряд ли стоит подробно доказывать всю необоснованность подобного взгляда. Воспитанные в кружках рабочие настолько высоко поднимались над

остальной массой, что очень часто теряли с ней всякую связь. В иных местах (в Вильне, например) развитие, полученное от революционной пропаганды, некоторыми рабочими использовывалось просто для того, чтобы добиться лучшего места в жизни для себя лично, и были случаи превращения подобных распропагандированных рабочих в маленьких хозяйчиков. Самое развитие, полученное в кружках, еще не означало, что рабочие выработали себе правильное классовое самосознание. Только непосредственное участие в повседневной борьбе рабочего класса могло его дать. Для этой эпохи как нельзя более верны слова В. И. Ленина, сказанные в 1920 г.: «Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит».

В кружковой учобе была значительная доля простого «культурничества», нередко смешанного с своеобразным просветительским идеализмом. Стоит внимательно вчитаться в знаменитые речи рабочих на маевке 1891 года, чтобы увидеть в них много сантиментальных слов о «правде», «истине», «знаниях»; в них не было еще ярких призывов к настоящей реальной борьбе с господствующими классами. Но для своего времени и одна кружковая пропаганда, дававшая передовым рабочим политические знания, была значительным шагом вперед и имела громадное значение, — но именно для определенного ограниченного промежутка времени. Новое время выдвигало новые задачи. Массовое движение пролетариата протекало стихийно, без руководства. Необходимо было дать ему это руководство. Создать политическую рабочую партию нельзя было, не разбив перегородки между замкнутыми кружками и остальными рабочими. Нужно было найти какой-то новый путь, который сблизил бы уже существующий кадр революционной армии с еще не затронутым пропагандой резервом. Старые методы работы для этого не годились.

Плеханов из далекой Швейцарии великолепно видел все это.

В известной брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» Плеханов исчерпывающе осветил вопрос и указал верный выход.

«Пропаганда, собственно так называемая, утратила бы всякое историческое значение, если бы она не сопровождалась массовой агитацией. Пропаганда сообщает правильные взгляды десяткам, сотням, тысячам людей. Но люди, обладающие правильными взглядами, только тогда становятся историческими деятелями, когда они имеют прямое влияние на общественную жизнь. А влияние на общественную жизнь современных цивилизованных стран немыслимо без влияния на массу, т.-е. без агитации... Следовательно, агитация необходима для всякой партии, желающей иметь историческое значение. Секта может удовольствоваться пропагандой в узком смысле слова. Политическая партия — никогда.

Если бы надо было еще выяснять взаимные отношения агитации и пропаганды, я прибавил бы, что пропагандист дает много идей одному лицу или нескольким лицам, а агитатор дает только одну или несколько идей, зато он дает их целой массе лиц, иногда чуть не целому населению данной местности. Но история делается массой. Следовательно, агитация есть цель пропаганды: я веду пропаганду затем, чтобы иметь возможность перейти к агитации». (Подчеркнуто нами. Ред.)

Социалистическая интеллигенция без массы еще не партия.

«История делается не кружками, а массами». «Пока мы готовим руководителей революционной армии, офицеров и унтер-офицеров революционной армии — сама эта армия создается неотвратимым ходом общественного развития».

Необходимо сплотить руководящий кадр с рабочей массой, поднять ее классовое сознание, дать ей организованное руководство. Агитация — насущная необходимость дня.

«Чем натянутее становится положение дел, чем более шатается старое общественное здание, чем быстрее приближается революция, тем важнее становится агитация. Ей принадлежит главная роль в драме, называемой общественным переворотом»

Плеханов дает не только общие указания. Далее он еще подробнее разбирает вопрос об агитации, останавливаясь на том, как надо подходить к массе и вести в ней работу.

Брошюра Плеханова оказала большое влияние на социал-демократов России. Но практика работы в России сама по себе толкала социал-демократов к агитации. Совершенно независимо от статьи Плеханова некоторые местные организации начали вести агитацию, увлекаемые рабочим движением. Многие стачки этого периода проходили при содействии революционных кружков. И если влияние последних было еще слабо, то все же некоторый сдвиг в этом направлении уже наметился. «Лучше поднять массу на один дюйм, чем одного человека на второй этаж», образно говорил Мельников.

Большой опыт в области агитации приобрел «Союз польских рабочих» в самом начале 90-х годов, играя активную роль в рабочем движении Польши. Наиболее резко переход к новой тактике совершился в Вильне. Удачные стачки ремесленников 1892—1893 г.г. поставили перед местной организацией вопрос о перемене форм работы. Руководители-интеллигенты — А. Кремер, Л. Мартов, Гожанский и др. — выдвинули новую позицию, требуя отказа от замкнутых форм работы и перехода к массовой агитации на почве повседневных нужд пролетариата. Новое направление встретило сильную оппозицию и как раз именно со стороны рабочих — членов пропагандистских кружков. От организации откололась небольшая группа во главе с рабочим А. Гордоном, которая стала бороться с новым течением. В «Письмах к интеллигентам» анонимный автор (Гордон) страстно обрушивался на новаторов и упрекал интеллигентов в том, что они нарочно хотят оставить рабочих малообразованными, чтобы сохранить за собой монополию руководства. Борьба обострилась до того, что работа организации совершенно разладилась. Сторонникам агитации пришлось усиленно защищать свою позицию. Они издали «Письма к агитаторам» С. Гожанского. Но этого оказалось мало. А. Кремер написал обстоятельную брошюру «Об агитации», Л. Мартов ее проредактировал. В рукописном виде брошюра начала распространяться среди рабочих. В ней взгляды сторонников агитации нашли свое обоснование.

«Мы пришли к заключению, что первые шаги русских социал-демократов были неверны и что в интересах дела тактика их должна быть изменена», пишут авторы, имея в виду период кружковщины. Они полагают, что движению грозит большая опасность благодаря отрыву распропагандированных одиночек от массы. Члены кружков обладают самыми отвлеченными познаниями, отлично знают, что творится на Западе, но очень плохо знакомы с положением своих близких товарищей, рабочих, и становятся чуждыми им. Кружки не могут воспи-

тать классово-сознательных революционеров и не могут революционизировать массу. Для этого нужна борьба.

«На почве возбуждения, вызываемого борьбой, рабочий более восприимчив к принятию таких идей, которые раньше ему самому казались бы бреднями». Задача сознательных революционеров сводится к агитации среди рабочих и к побуждению их к борьбе со своими хозяевами на почве мелких требований улучшения условий труда и быта. Это, конечно, не означает полного отказа от теоретической работы — надо уметь соединять агитацию с пропагандой. «Мы не признаем возможной ни одну из крайностей — ни оторваться от практической почвы и только учиться, ни агитировать в массе, не занимаясь в то же время теоретически. Лишь параллельная деятельность, восполнение одного другим дает действительную подготовку и вырабатывает прочные убеждения».

Брошюра имела большой успех, и скоро развал в виленской организации удалось ликвидировать. Значение брошюры, однако, не ограничилось виленским масштабом. В 1895 году брошюра была отгектографирована, в 1896 г. отпечатана за границей и получила широкое распространение в России, оформляя однородные настроения, сложившиеся в других организациях. Влияние ее в этот период было необычайно велико. Впоследствии экономисты использовали брошюру «Об агитации» для доказательства необходимости вести исключительно экономическую борьбу, отказавшись от политики. Но эта ссылка была совсем неосновательна. В брошюре действительно подробно обрисовывались цели и характер экономической борьбы пролетариата за свои насущные нужды. Но авторы отмечали, что пролетариат не может ограничиться экономической борьбой.

«Как бы ни было широко рабочее движение, — писали они, — успех его не будет обеспечен до тех пор, пока рабочий класс не станет твердо на почву политической борьбы. Достижение политической власти является главной задачей борющегося пролетариата. Но стать перед лицом рабочего класса эта задача может лишь тогда, когда экономическая борьба выставит перед ним явную невозможность добиться улучшения своей участи при данных политических условиях. Только тогда, когда поток рабочего движения встретится с политической силой буржуазии, только тогда настанет момент перехода классовой борьбы в фазис борьбы сознательно-политической».

«Роль партии, взявшей на себя задачу политического воспитания и организации народа, в этом отношении ограничивается тем, чтобы верно определить момент, когда борьба назрела настолько, чтобы перейти в борьбу политическую и подготовить в самой массе все элементы, необходимые для того, чтобы этот переход совершился с наименьшей тратой сил».

Если в брошюре все же заметно было, что авторы подробнее развивают вопрос об экономической борьбе, считая ее необходимым подготовительным этапом к политической, то это объяснялось тем, что экономическая борьба противопоставлялась прежде всего как борьба массовая старой кружковой работе. Именно благодаря этому брошюра сыграла большую роль в развитии движения, и ее слабые стороны начали выпячиваться только впоследствии.

В. И. Ленин впоследствии писал в «Что делать?»:

«Первые социал-демократы этого периода, усердно занимаясь экономической агитацией (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации»), не только не считали ее единственной своей

задачей, а, напротив, с самого начала выдвигали самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности».

Брошюра «Об агитации» не была единственной в своем роде. Выше мы уже говорили о брошюре Плеханова. Работы Ленина «Что такое «друзья» народа и как они воюют против социал-демократов?» и «О штрафах» тоже заключали в себе мысли о необходимости массовой агитации.

Перелом и борьба, подобные виленским, происходили во всех крупных организациях.

Вот как Тахтарев в «Очерках о рабочем движении в Петербурге» рисует этот период:

«Весной и в начале лета 1895 года уже громко раздается протест: «Довольно кружковщины». «У нас есть достаточное количество личностей, можно и пора перейти к агитации». После годичного мира опять начались пререкания. «К чорту кружки! Они создают лишь умственных эпикурейцев. Нужно взамен их собирать маленькие собрания из рабочих от разных мастерских данного завода, а также представителей от соседних фабрик. На этих собраниях нужно выяснять и обсуждать свое положение, записывать о положении дел там и здесь, собирать материалы... Надо, по примеру поляков, возможно шире распространять литературу, прямо раскидывая ее по мастерским», — так говорили одни, поддерживаемые социал-демократами интеллигентами, впоследствии положившими начало Петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Другие же продолжали держаться кружков. Споры продолжались все лето и затянулись до осени. Споры велись и среди интеллигенции, работавшей среди рабочих. Наконец, осенью 1895 года большинство пришло к такому соглашению: кружки можно сохранить, но тактику следует изменить сообразно назревшим потребностям времени. Надо начать агитацию, собирая рабочих соседних фабрик, а также устраивая собрания представителей разных рабочих районов. Надо на этих собраниях обсуждать общее и частное положение рабочего дела. Надо разбрасывать литературу в возможно большем количестве. Кружки остаются, но значение их изменяется. Весь смысл их отныне — служить школой для подготовки сознательных и образованных агитаторов. Вне этой задачи кружки не имеют значения. Для агитации необходимы агитаторы, для выработки последних — кружки. Значит кружки должны служить целям агитации».

Быстрое распространение новой тактики среди социал-демократических организаций находит свое объяснение в том, что сама жизнь выдвигала необходимость перехода на более широкий массовый базис. Движение росло, крепло. Близок уж был момент создания социал-демократической партии.

к) ПЕТЕРБУРГСКИЙ «СОЮЗ БОРЬБЫ А ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

Во второй половине 90-х годов марксизм и социал-демократия в России становятся серьезной общественной силой. Борьба идейных течений в это время обостряется благодаря более резкому выражению классовых противоречий. Старые добрососедские отношения между социал-демократическими и народническими организациями уступают место ожесточенной вражде. Резкий полемический тон Плеханова перестает быть исключением.

Быстро растет марксистская литература. Нарождаются новые литераторы. В 1894 году вышли в свет «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» Струве и «Что такое «друзья народа» и как они воюют

против социал-демократов?» К. Тулина (Ленина). Обе книги были направлены против народничества, как реакционного течения, и доказывали наличие капитализма в России. И если Струве ограничивался призывом «итти на выучку к капитализму», то Ленин кончал свою книгу призывом к распространению идей научного социализма в передовых слоях рабочего класса, к организации социал-демократической партии, которая преобразует теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу. Тогда, продолжает Ленин, «русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

В 1895 г. в Петербурге вышла легально изданная книга Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». В том же году был издан марксистский сборник «Материалы по вопросу об экономическом положении России», в который вошли статьи Плеханова, Ленина, Струве, Потресова. Сборник был сожжен цензурой, и только несколько сот экземпляров удалось спасти и распространить. В 1896 г. вышла книга Волгина (Плеханова) «Попытка обоснования народничества в трудах г. В. Воронцова». В конце 1896 г. в руки марксистов попала газета «Самарский Вестник». С весны 1897 года журнал «Новое Слово» стал марксистским, но через 8 месяцев был закрыт. В Риге в руках марксистов была газета «Деенс Лапа», в Грузии — «Квали».

Народники сдавали одну позицию за другой. Новое поколение интеллигенции становилось в ряды марксистов. В этой быстрой победе марксизма была и своя оборотная сторона. К марксизму примкнули некоторые элементы чисто либерального характера, так называемые «легальные марксисты» (Струве, Туган-Барановский, Булгаков и др.), с которыми пришлось впоследствии повести борьбу. Но на первых порах это еще не так остро чувствовалось, и триумфальное победное шествие марксизма, соответствуя подъему рабочего движения, создавало благоприятную обстановку, в которой могли вырасти такие организации, как питерский и провинциальные «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса», принявшие непосредственное участие в создании социал-демократической партии.

Питерский «Союз борьбы за освобождение рабчего класса» начинает новый период социал-демократического движения, когда социал-демократы приступают к практической массовой работе. (Табл. 27.)

«Разве эта организация, — писал Ленин о «Союзе борьбы», — не представляет из себя именно зачатка революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата, борьбой против капитала и против абсолютного правительства, — не устраивая никаких заговоров и почерпая свои силы именно из соединения социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу петербургского пролетариата?»

«Союз» сложился из людей, подготовленных предварительной углубленной пропагандой. Участие в его организации принимали следующие элементы.

Во-первых, группа рабочих, состоявших раньше в брусневской организации или находившихся под ее влиянием. Во главе их стоял известный нам В. А. Шелгунов. Во-вторых, интеллигентский кружок — тоже остаток брусневской организации. Этот кружок, состоявший главным образом из технологов и существовавший уж в 1892 г., носил почетное имя «стариков». Из участников назовем С. И. Радченко, Г. М. Кржижановского, В. И. Старкова. П. К. Запорожца, Н. К. Крупскую. В кружок «стариков» в 1894 г. вошел и В. И. Ленин, недавно приехавший в Петербург и имевший уже, как мы знаем, практический стаж социал-демократической работы. Кружок «стариков» вместе с упомянутой группой рабочих, которую он обслуживал пропагандистскими силами, и составил главное ядро будущего «Союза». К этому ядру постепенно примыкали некоторые другие социал-демократические группы. Из них наиболее крепко слился со «стариками» в 1895 г. небольшой кружок Л. Мартова. Этот кружок тоже по существу испытал на себе влияние брусневской организации, так как сам Мартов окончательно стал марксистом под влиянием Д. В. Страндена — члена брусневской группы. Вместе с Мартовым к «старикам» примкнули Гурвич (Дан), Ляховский, Гофман и др. В то время в Петербурге существовала еще группа «молодых» во главе с И. Черныше-вым. «Молодые» держались несколько обособленно и вошли в организацию уже позже, после первых полицейских разгромов, когда ряды «стариков» сильно поредели. В это же время в «Союз» влилась и группа студентов-медиков во главе с К. М. Тахтаревым.

Нетрудно убедиться, что состав «Союза» был очень квалифицирован в теоретическом и практическом отношении. Это были уже не социал-демократы 80-х и начала 90-х годов, далеко не отделавшиеся от народнических предрассудков и не шедшие дальше учобы. В. И. Ленин — признанный вождь группы — в это время уже написал свою работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», в которой обнаружил себя зрелым теоретиком-марксистом. Л. Мартов имел богатую практику работы в Вильне и, хотя заразился там в известной доле влиянием отсталых слоев пролетариата, все же представлял собою крупную марксистски образованную силу. Г. М. Кржижановский, Радченко, Старков и другие, проработав несколько лет в брусневской группе, тоже отшлифовались в достаточной степени. Рабочие, входившие в организацию, представляли собой верхушку тогдашнего пролетариата. В. А. Шелгунов нам уже знаком. Других рабочих — Бабушкина, Б. Зиновьева, Шаповалова — все участники движения характеризуют как редких, выдающихся людей. Из интеллигентской молодежи, вступившей в «Союз» после его полного оформления, многие потом играли видную роль в движении (Ленгник, Лепешинский, Горев).

Важно отметить, что организаторы «Союза», несомненно, были хорошо знакомы с работами Плеханова и других членов группы «Освобождение Труда». В. И. Ленин ездил за границу, виделся там с ветеранами движения и очень много беседовал с ними о характере работы в России, а также организовал транспорт нелегальной литературы. Связь с группой «Освобождение Труда» имела положительное значение для организаторов «Союза», усиливая их под-

готовку. Теоретическая и практическая подготовка членов «Союза» была необходимым условием, без которого его деятельность не могла бы развернуться широко и оказать влияние на провинциальные группы. Организация окончательно сформировалась осенью 1895 года, но в это время еще не имела определенного названия. В центр организации вошло 17 человек, в их числе те «старики», имена которых мы уже упоминали. Дан, Горев намечались как кандидаты. Большая часть членов центральной группы распределялась по районам. Непосредственно в центре оставалось бюро, в которое входили Ленин, Мартов, Старков, Ванеев и Кржижановский. Радченко был главным конспиратором и «техником» группы. Рабочие были организованы в кружки и непосредственно не входили в центральную группу, а связывались с ней через организаторов районов.

В своей практической работе «Союз» стал на новую линию. Здесь не было такой резкой борьбы, как в Вильне. Пропагандисты не застревали на общих вопросах и очень скоро перешли к массовой работе. Если Мартов в своих воспоминаниях рассказывает, что Ленин как будто немного холодно относился к идее о необходимости перехода от пропаганды к агитации, то это могло лишь показаться Мартову, так как для Ленина этот переход не был новостью, как для Мартова. Ленин шел дальше, его увлекала мысль создания настоящей политической партии с широкими революционными задачами. По отношению к этой цели переход к агитации являлся лишь предварительным этапом. Еще в 1894 г. после волнений на заводе Семянникова Бабушкин пишет о положении рабочих небольшую агитационную брошюрку, которая распространяется по заводу.

А в стачках 1895 года организация принимает уже самое деятельное участие. Когда осенью 1895 года началось брожение рабочих на фабрике Торнтона, и можно было ожидать забастовки, было устроено специальное совещание по этому вопросу. По предложению Ленина решили приступить к активной агитации. Выпустили листок с изложением требований рабочих, после чего началась забастовка. Еще один листок был выпущен во время ликвидации забастовки. С этих пор организация старается не пропустить ни одной более или менее крупной стачки, не выпустив листка и не связавшись тем или иным образом с забастовщиками. Решено было даже издавать рабочую газету. Группа народовольцев согласилась печатать ее в своей типографии. Первый номер «Рабочего Дела» — как думали назвать газету — был уже готов. Но в это время начались аресты. Провокатор, зубной врач Михайлов, выдал организацию. В ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. были арестованы главные силы — Ленин, Кржижановский, Старков, Ванеев, Запорожец, Шелгунов, Б. Зиновьев и др. С ними была захвачена и рукопись «Рабочего Дела».

Организация, однако, стояла на прочной основе. Оставшиеся продолжали начатое дело. В новое центральное бюро были выделены Радченко, Ляховский, Сильвин и Мартов. Они-то и дали организации название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». 15 декабря была выпущена прокламация от имени «Союза», в которой, заявляя о своем существовании, «Союз» указывал на безрезультатность арестов. «Арестами и высылками

не подавят рабочего движения; стачки и борьба не прекратятся до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса из-под гнета капитала». Через несколько дней был выпущен еще один листок с призывом продолжать борьбу с хозяевами.

Но тут подоспели новые аресты. В ночь с 4 на 5 января были схвачены Мартов, Ляховский, Бабушкин, Тахтарев и многие другие . «Стариков» осталось меньше половины. Организация наполнялась новыми элементами. После новых арестов летом 1896 г. в «Союз» вошла группа «молодых» и тахтаревцы. Но аресты продолжались. Руководство переходило к новым членам — Гореву, Потресову. Из видных «стариков» все время спасался от ареста Радченко, как хранитель печати и документов. В 1897 году состав организации почти совсем был обновлен.

Пока сохранялась преемственность (через Радченко, Горева, Крупскую и др.), направление работы не менялось.

«Союз» принял активное участие в знаменитых стачках ткачей 1896 и 1897 годов. Незадолго до начала стачек был выпущен первомайский листок, в котором положение русского пролетариата, экономическое и политическое, сравнивалось с положением западно-европейского пролетариата, и русский рабочий призывался к борьбе за свои права в рядах международного пролетариата. Листок имел успех и, как говорили многие, очень способствовал ускорению забастовки.

Когда стачка началась (в конце мая), представители забастовавших предприятий сами обратились к «Союзу» с просьбой о поддержке. Собраны были требования рабочих и отпечатаны в двух прокламациях 30 мая и 1 июня 1896 г. Проводились большие собрания рабочих, иногда по 100 человек. «Союз» способствовал распространению стачек на небастовавшие предприятия, готовя отдельные листки для специально намеченных предприятий. В стачке 1897 г. «Союз» тоже принял участие выпуском прокламаций, несмотря на то, что силы «Союза» были подорваны летними арестами 1896 г.

Своей практической работой «Союз» скоро приобрел большую популярность в рабочих массах. К нему шли за советом рабочие прежде, чем начинали стачку. Масса приучалась видеть в нем стойкого защитника своих интересов.

Вот как характеризует деятельность «Союза» К. М. Тахтарев в своих воспоминаниях:

«Надо заметить, что репутация «Союза» гремела по всему Петербургу, и о листках шли разговоры по всем фабрикам. Рабочие тех фабрик, где не было никого, кто бы имел сношения с «Союзом», молили всех богов, чтобы и к ним как-нибудь проникли «студенты» со своими листками.

Вот как сами рабочие описывают день первого появления листков на какой-нибудь фабрике. «Листки!»—слышится то шопотом, то вполголоса. Тут и там кучки, происходит чтение вслух. Кучки делаются все гуще и гуще. «Ловко!», «Так, так!», «Совершенно верно!» и другие возгласы прерывают чтение. «К директору! Послать к директору!» Но... посылать не приходится. Заводские ищейки уже все пронюхали и донесли кому следует. Начинается переполох. Мастера, директора, хозяин, — все приходит в движение. Посылаются гонцы во все стороны — к жандармам, в полицию, к фабричному инспектору. Впрочем, последние иногда даже предупреждают приглашение, ибо «Союз» потом усвоил обыкно-

вение рассылать листки по почте фабричным инспекторам, в жандармское управление и градоначальнику, иногда министрам.

На завод наезжали власти всех сортов. На глазах у рабочих фабричная инспекция и жандармский полковник производили исследования, пробовали тухлую некипяченую воду в баках, вешали гири, проверяли весы, меряли куски. Словом, эффект получался полный. Настроение у рабочих было самое радостное, особенно когда после всей этой встряски уничтожались уже совершенно очевидные злоупотребления.

Во время стачки обыкновенно рабочими посылался листок к директору через сторожа или какого-либо мелкого служителя. Рабочие воздерживались от единоличного разговора с заводскими или с полицейскими властями; и если их спрашивали: «Чего вам надо?», то обыкновенно все кричали: «Все, что надо, прописано, читайте сами». Если же власти задавали вопросы, на которые приходилось отвечать, то у рабочих выработался обычай: отвечающего окружала густая толпа, чтобы не видно было его лица, чтобы не могли его расчитать.

Я приведу еще рассказ одной знакомой, очень хорошо характеризующий то впечатление, которое производили листки и все следующие за ними передряги даже на пожилых и отупевших на фабричной работе рабочих. Моя знакомая как-то увидела у своей кухарки ее брата, рабочего с прядильной фабрики. Он был совсем не затронутый пропагандой и пожилых лет. Моя знакомая заговорила с ним о его работе и пр. И тут-то рабочий разошелся.

— Вы подумайте, какие у нас времена-то! — рассказывал рабочий. — Раньше мы работали, работали, свету не видели. Своими глазами видишь, как надувают, а что поделаешь? Теперь не то! Теперь как приедет инспекция да полковник да начнут везде нюхать — администрация-то на цыпочках заходит. Чудно! Прежде там и тут видишь прижимку, фальшь — внимания не обращаешь, привыкли! А теперь малый мальчишка пархатый, и тот везде все заметит да подметит. В «Союз»,' слышишь ли, говорит, надо дать знать.

— Кто же распространяет листки?

— Студенты, надо полагать. Дай, господи, доброго здоровья тем людям, которые эти листки печатают.

И рабочий истово перекрестился».

Что особенно важно, — в листках «Союза» уже встречались чисто политические лозунги: «Рабочие всех стран, соединяйтесь!», «Падут позорные цепи неволи» и т. п. Даже правительство в секретном циркуляре губернаторам отметило руководящую роль «Союза борьбы» в развивающемся рабочем движении и его стремление к политическому перевороту.

В 1897 году в деятельности «Союза», однако, наметился некоторый поворот. Новые люди принесли с собой новые веяния. Когда Ленин, Мартов и другие «старики» перед отправкой в ссылку получили несколько дней свободы и встретились со своими преемниками, они многого не одобрили в их деятельности. Новый уклон выражался в стремлении к отказу от политической борьбы и ограничению работы агитацией на почве экономических нужд рабочего класса. Следующий период развития нашей партии заполняет борьба между «политиками» и «экономистами». «Союз» успел сыграть свою положительную роль. Его деятельность 1895—1897 годов имела колоссальное значение для развития движения. Питерский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» дал образец взаимодействия социал-демократической организации и борющейся рабочей массы. По этому образцу старались равняться провинциальные организации, перенявши название «Союза». Наконец «Союз» через своих предста-

вителей — Крупскую, Горева и Радченко — принял непосредственное участие в подготовке и проведении I съезда РСДРП.

Значение «Союза» не ограничивается, однако, практической агитационной и организационной работой.

Сидя в тюрьме в 1896 г., Ленин написал проект программы социал-демократов и замечательную брошюру «Задачи русских социал-демократов», в которой прямо призывал к образованию политической рабочей партии.

Вот как тов. В. И. Невский характеризует значение брошюры.

«Мы с полным правом можем назвать: «Задачи русских социал-демократов» Ленина истинным манифестом нашей партии конца девяностых годов». («Очерки по ист. РКП», стр. 507.)

Действительно, «брошюра эта, поистине, может быть названа настоящим манифестом нашей партии в эпоху первого съезда, ибо здесь неизмеримо полнее, неизмеримо глубже и научнее выражены задачи, какие предстояло разрешить русской социал-демократии, и в первую голову здесь наиболее отчетливо и ясно поставлен вопрос о необходимости создания классовой партии пролетариата. Написанная на основании опыта работы «Петербургского Союза» 1894—1895 г.г., она дышит, кроме необыкновенной силы теоретической мысли, еще и всем пылом, страстью и драматизмом настоящей, доподлинной борьбы пролетариата... Отношение социал-демократии к буржуазии, роль классов в предстоящей революции и взаимоотношение их партий между собой, самостоятельный путь рабочего класса и руководящая роль его партии в предстоящей борьбе, роль пролетариата как гегемона в революции и создание пролетарской партии, отвечающей этой роли, — все нашло свое выражение в этой замечательной работе».

Мартов в это же время написал статью «Современное положение России», которая была издана группой «Освобождение Труда». Обе работы сближал одинаковый взгляд на необходимость политической борьбы для пролетариата. На почве этой позиции произошло сближение Ленина и Мартова с Плехановым, Аксельродом и Засулич вокруг славной «Искры» первого периода.

л) ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ «СОЮЗЫ БОРЬБЫ» И ДРУГИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЭТОГО ПЕРИОДА

Процесс создания организаций нового типа, подобных Питерскому «Союзу борьбы», происходил одновременно во всех крупнейших центрах России не с одинаковым темпом, но в одном и том же направлении.

В Москве во время деятельности «брусневцев» в 1891—1892 годах существовал интеллигентский марксистский кружок. В сентябре 1893 г. из кружка выделилось шесть человек с целью систематической пропаганды среди рабочих (А. Н. и П. И. Винокуровы, Е. И. Спонти, М. Н. Мандельштам, С. И. Мицкевич и С. И. Прокофьев). Связи с рабочими наладились очень скоро. Сами рабочие шли навстречу интеллигентам, требуя знаний. Работу свою пропагандисты поставили основательно. Переводили марксистскую литературу, и сами писали популярные брошюры. Уже довольно рано в группе обозначилось тяготение к злободневным вопросам, близким для рабочих. Пропагандисты интересовались бытом рабочих, собирали материал об условиях труда. В их работу вошли элементы агитации. Организация быстро росла. В апреле 1894 года группа оформилась как «Московский рабочий союз». (Табл. 28.)

В состав организации, как и в Питере, входили хорошо подготовленные ортодоксальные марксисты. Рабочие, примкнувшие к организации, тоже были лучшими рабочими своего времени, хорошо развитыми и классово-сознательными. Из них назовем Ф. Полякова, Бойэ, Хозецкого, Самохина, Карпузи (последний вышел из интеллигентской среды). Организационно «Союз» строился следующим образом. При заводах имелись низовые кружки (своего рода «ячейки»). Представители этих кружков составляли рабочий центр, бывший совещательно-информационным органом. Руководящие функции сохранялись за другим центром, в который входили и интеллигенты и рабочие. С образованием «Союза» работа развернулась еще шире. Были охвачены все крупнейшие предприятия Москвы. Создали специальный женский кружок. По мере роста организации работа стала все больше уклоняться в сторону агитации. Уже летом 1894 года «Союз» руководил стачкой у Цинделя и некоторыми другиим мелкими стачками. Представитель организации Спонти ездил в Вильну и там принимал участие в редактировании брошюры «Об агитации». По его возвращении «Союз» окончательно принял новую тактическую линию. В 1895 году была проведена маевка, собравшая около 250 человек; ко дню маевки выпустили три листка. Летом 1895 года обсуждался проект устава общей московской рабочей кассы. Проведена была стачка на Прохоровской мануфактуре. Но в августе «Союз» был разгромлен полицией — почти весь руководящий состав «Союза», интеллигентский и рабочий, был арестован. К зиме 1895 г. началось восстановление организации, а в январе 1896 г. создался новый центр. «Союз» рос в это время очень быстро, не хватало руководителей для создаваемых кружков. «Союз» имел библиотеку, центральную кассу и типографию, которая выпускала главным образом листки-агитки. С лета 1896 г. после коронации работа «Союза» становится все более массовой. Организация охватывает до 2.000 рабочих. Созываются большие сходки на открытом воздухе, в помещениях уже слишком тесно. Питерские стачки 1896 г. нашли живой отклик в Москве. Были распространены листки с призывом оказать поддержку питерским рабочим. Начались забастовки на отдельных предприятиях. Забастовка могла бы стать всеобщей, но новые аресты прервали организационную деятельность «Союза». С лета 1896 года провалы следуют непрерывно один за другим. Охранка через провокаторов подобралась к «Союзу» и «извлекала» во-время, кого ей нужно было. Больше всего страдали интеллигенты. Но организация не распадалась от арестов. Общий уровень рабочей массы был уже достаточно высок для самостоятельной работы, а арестовать всех рабочих полиция не могла. Организация росла. В конце 1897 года под влиянием питерского примера «Московский рабочий союз» переименовался в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и принял участие в I съезде партии. Типичные черты организации нового периода — массовость работы, агитация — обнаружились в «Московском союзе» не менее ярко, чем в Питерском, при чем и здесь работники не отказывались от политической агитации, когда она была возможна.

В Иваново-Вознесенске в 1895 году организовался по инициативе рабочего Отрокова «Рабочий Союз», выросший из

ряда кружков, начавших свою работу еще в начале 90-х годов. Общий характер кружковой работы в Иваново-Вознесенске в то время еще мало отличался от характера работы старых пропагандистских кружков. Руководители-интеллигенты даже не стали еще законченными марксистами и проявляли открытые симпатии к народничеству. Неудивительно, что при таких условиях программа «Союза» оказалась не вполне выдержанной. В ней содержались очень революционные мысли, напр.: «Местные «союзы» объединяются в рабочую партию, которая имеет свое правление и борется на политической почве. Рабочая партия поддерживает сношения с рабочими партиями всех стран». Но в то же время говорилось о возможности добиться социализма «без пролития крови». Застряла и лавристская фраза — «Возникновение такого кружка возможно при наличности хотя бы двух критически мыслящих личностей, желающих осуществить прогресс в человечестве». По мере роста организация все более склонялась на сторону новой тактики. В 1895 году была проведена маевка. В кружках чаще стали говорить о текущих нуждах рабочей массы. Отдельные члены «Союза» принимали участие в рабочих стачках. 1896 год, несмотря на провалы организации, оживил работу. Завязались связи с Москвой и Петербургом. В начале 1897 года в Иваново приехал старый рабочий-революционер Федор Афанасьевич Афанасьев и еще более способствовал укреплению организации. «Союз» принял деятельное участие во всеобщей стачке конца 1897 г. Причиной стачки послужило сокращение фабрикантами количества праздничных дней на основе закона 2/VI 1897 года.

Несмотря на то, что стачка была проиграна, авторитет «Союза» сильно поднялся в массах. Последовали новые аресты, но организация продолжала расти и выходить на путь массовой работы.

Процесс перехода социал-демократии на новые рельсы происходил и в других городах центральной России — Нижнем, Ярославле, Твери, Туле, Воронеже и т. д. Общий ход движения имел однородные черты во всех этих городах. Повсюду взаимодействие интеллигентских и рабочих кружков, первоначальная неоформленность взглядов и исключительно пропагандистская работа. В дальнейшем втягивание в массовую работу под влиянием объективных условий и примера других организаций, упрочение теоретической платформы и слияние с общим руслом социал-демократического движения. Развитие движения в менее значительных центрах было, конечно, медленнее и не так четко, как в Питере и Москве.

Отдельно следует остановиться на юго-западе России. Здесь условия были несколько иные, чем в провинциальных городах Севера. Юг России в это время претерпевал особенно быстрое капиталистическое развитие. Новые промышленные центры — Екатеринослав, Ростов, Одесса — росли поистине с американской быстротой. На фоне бурного промышленного подъема развивалось сильное революционное движение. Местные марксистские группы были сильны, поддерживали связь с группой «Освобождение Труда» и создавали крепкие организации. Особенно сильной была социал-демократическая организация в Киеве. Здесь после работы Абрамовича в конце 80-х годов продолжала существовать молодая пропагандистская группа

(Эйдельман, Чорба, Ляховский и др.). По мере роста группы в ней стали обнаруживаться стремления к переходу к агитации. Между сторонниками и противниками новой тактики, как в Вильне, происходила ожесточенная борьба, в результате которой произошел кризис организации. Сторонники агитации оформились как группа «Рабочее Дело». В составе «Рабочего Дела» работали испытанные, знающие революционеры—известный нам Ю. Д. Мельников, Тучапский, Вигдорчик, Эйдельман и др. Рабочие тоже выдвинули ряд выдающихся личностей как Рудерман, А. и С. Сонкины, Поляк и др. Работа группы все более развивалась в сторону агитации. В 1897 году под влиянием питерской стачки был выпущен листок, вызвавший много разговоров среди рабочих. Очень скоро под влиянием группы была проведена стачка, охватившая 1.200 рабочих. С ноября 1896 г. по декабрь 1897 г. было выпущено 16 прокламаций. Как и во всех других городах, раз начавшись, массовая работа развивалась все быстрее и быстрее. В январе 1897 г. группой издан был первый номер газеты «Вперед». 28 февраля — второй номер. В этой газете группа еще очень осторожно подходила к политической агитации. В «Рабочей Газете», которую группа начала издавать летом 1897 года, о необходимости политической борьбы говорится совершенно открыто и ясно. Такой же политический характер имела первомайская прокламация 1897 года. В это время группа деятельно готовила съезд и поддерживала сношения с крупными центрами России и с заграничными деятелями группы «Освобождение Труда». Киевская организация сдала экзамен на «аттестат политической зрелости». Очень интересно, что киевские социал-демократы за весь этот период своей деятельности не имели провалов, таких частых в то время в других городах. Киевские работники были очень умелыми конспираторами. На-ряду с группой «Рабочего Дела» в Киеве одновременно вела работу польская группа социал-демократов.

В начале 1897 года они слились и приняли название «Киевский Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Дальнейшая деятельность «Союза» заключалась в подготовке первого съезда партии.

Екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» сформировался к началу 1898 года. Приезжие социал-демократы — Петрусевич (из Киева), Лалаянц («Федосеевец») и др. — создали в 1897 г. довольно сильную организацию, хорошо связанную с рабочими. Одновременно существовала другая группа из местных работников. Потом создалась третья группа тоже из приезжих (из Западного края). Между группами существовали трения, лишь в 1898 году они объединились. Работа «Союза» имела экономический характер.

В Одессе арестованные Стеклов и Цыперович оставили товарищей, которые продолжали их работу. В 1895 году кружок перешел к массовой агитации, но довольно долго вел ее исключительно среди ремесленников. Поворот наметился только в 1897 году, когда провозглашен был лозунг: «Ни одного человека, ни одной книжки ремесленникам — все на заводы и фабрики». В это время в Одессе появился Поляк с «Рабочей Газетой» и связал Одессу с Киевом.

В Николаеве в 1897 году сформировался «Южно-Русский Рабочий Союз», организованный интеллигентским кружком, первоначально ставивший своей целью самообразование. В кружок этот входил молодой реалист Л. Бронштейн (Л. Д. Троцкий). «Союз» охватывал около 300 рабочих, имел кассу, библиотеку, устав и выпустил несколько прокламаций и два номера журнала «Наше Дело».

«Союз» стоял на прочной основе, вел широкую массовую работу, имел связи с Одессой и Киевом, но скоро был разгромлен полицией.

На западе России в это время (октябрь 1897 г.) сложилась большая социал-демократическая организация, имевшая серьезное историческое значение—«Всеобщий Еврейский Рабочий Союз» («Бунд»). В Западном крае среди еврейских ремесленников и полуремесленного пролетариата очень сильно было развито стачечное движение, которое протекало в организованных формах и часто вырывало крупные уступки у буржуазии. Социал-демократы Западного края в этой среде рано перешли к массовой работе. Не случайностью было то, что брошюра «Об агитации» создалась именно в Вильне, одном из центров еврейского ремесленно-рабочего движения. Виленская организация со времени перехода к агитации стала фактическим центром движения. Здесь издавалась литература на народно-еврейском языке и распространялась по периферии. Местные кружки привыкали смотреть на Вильну как на свой центр. Создавшееся положение было формально закреплено на виленском съезде 1897 г., где организации было дано имя. Никакой программы выработано не было, избран был центральный комитет (Коссовский, Мутнин (Глеб), Кремер). «Бунд» был самой крупной социал-демократической организацией того времени. Он сыграл большую роль на-ряду с киевским «Союзом борьбы» в созыве первого съезда РСДРП. Кремер был избран в ЦК РСДРП. Но полуремесленный характер «Бунда» оказал свое влияние на всю его деятельность. Уже на первом съезде «Бунд» проявил националистические черты и потребовал сохранения полной организационной самостоятельности, не желая сливаться с общероссийской партией. В дальнейшем «Бунд» большею частью занимал оппортунистическую позицию, солидаризуясь с меньшевиками. Но в конце 90-х годов, когда внутрипартийная борьба еще не обострилась, и когда главная задача заключалась в объединении разрозненных организаций, «Бунд» сыграл положительную роль.

В «Очерках по истории РКП» тов. Невский пишет о «Бунде»:

«Это была самая прочная организация социал-демократов того периода в России... отметить... огромное организационное влияние, какое имело еврейское рабочее движение на развитие социал-демократии в России, необходимо. В предыдущем изложении мы именно с этой целью наполняли изложение именами и указанием тех связей — имен и городов, — откуда являлись социал-демократы в русские города, и видели, что именно социал-демократы Западного края, социал-демократы евреи — из Гомеля, Витебска, Вильны, Минска разъезжались по русским городам. Они попадали особенно часто в Киев, Одессу, Харьков, Екатеринослав, Кременчуг, Елисаветград, Ростов-на-Дону и т. д., они, особенно во второй половине девяностых годов, приносили туда и уставы своих касс и свой опыт участия в этих кассах, а затем и свой стачечный азарт, и свой конспиративный и вообще организационный опыт и вносили в мирный пропагандистский темп русской работы определенную живую струю, «агитацию», и постепенно содействовали скорейшему переходу к массовой

работе и в русских городах. Они, эти социал-демократы, вообще очень много дали общероссийскому движению. Их опыт, их навыки работать, их выучка очень сильно подняли и организационные приемы русской работы... Будучи самой значительной организацией, «Бунд» был сам заинтересован в объединении русских товарищей». «Ему приходилось доставлять литературу русским организациям, ему приходилось переправлять беглецов за границу, ему приходилось постоянно сталкиваться с русскими рабочими и на юге и на западе России, у него, наконец, в общем была одна и та же цель и задача, что и у русских социал-демократов, и для того, чтобы все это разрешать и скорей и лучше, удобнее было иметь дело с единой общерусской организацией, а не с разрозненными группами. Вот почему «Бунд» так энергично работал и по созданию общероссийского объединения».

м) ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РСДРП

Стихийная тяга к объединению социал-демократических организаций разных городов существовала очень давно. Еще на рубеже 80-х и 90-х годов производились попытки к налаживанию регулярной связи между социал-демократическими группами.

Но первые попытки в этом направлении не были еще достаточно сознательны и теоретически продуманы. В них больше сказывалось инстинктивное стремление подпольщиков держаться ближе друг к другу и обмениваться опытом. Создание рабочей политической партии в этот период еще не ставилось как практическая задача.

Группа «Освобождение Труда», правда, еще в 80-е годы совершенно ясно поставила вопрос о создании социал-демократической партии, но на русской почве ее планы привились не сразу. Лишь к середине 90-х годов, в особенности после знаменитых петербургских стачек, сознание необходимости объединения разрозненных групп в единую партию мало-по-малу охватывает социал-демократические организации. Тов. Невский в статье «К двадцатипятилетию первого съезда партии» пишет:

«В середине и особенно в конце 90-х годов почти все крупнейшие социал-демократические организации пытались развить свою работу и вглубь и вширь и, завязавши связь с родственными организациями других ближайших городов, превратиться в более или менее крупный центр целой области или района. Это делали Петербург и Москва, когда организаторы группы Бруснева ставили своей задачей связать Москву и Петербург и затем связаться с Киевом, Тулой, Ригой, Ревелем, Нижним; это делала затем позже Москва, связавшись с Иваново-Вознесенском, Ореховым, Костромой, Тверью. Эти же задачи ставила и разрешала виленская социал-демократическая группа, которая, впрочем, была связана не только с ближайшими городами и местечками, но и с русскими крупнейшими городами — с Петербургом, Харьковом, Одессой. Из воспоминаний Даргольца видно, что одесская социал-демократическая организация пыталась завязать связи с иногородними социал-демократическими организациями и превратиться в центр одной большой социал-демократической организации целого района... Связаться с другими городами пытался и Николаев».

Очень интересна попытка витебских товарищей, разославших делегатов по разным городам России с целью ознакомления с иногородним опытом. Съехавшись вместе в 1897 году, эти делегаты составили нечто вроде конференции, обсуждавшей вопрос о единой организации. Но представление об этой единой организации было неясное. «Само собой разумеется, что назвать нашу группу «партия» никто и не думал. Это была просто формулировка теорети-

ческих и практических итогов нашей подготовительной работы», пишет тов. Виленский в своих воспоминаниях.

Несколько более определенны были цели московской организации. Мы читаем у М. Лядова:

«Весной 1895 года, после того, как московская организация окрепла настолько, что, выдержав ряд провалов, продолжала функционировать и все расширяться, она снова подымает вопрос об издании манифеста. Но теперь она уже ставит вопрос иначе. Теперь она уже знает о самостоятельном существовании целого ряда организаций, работающих в других местах. Теперь, по ее мнению, было бы желательнее издать этот манифест не от имени одной организации, а от имени всех наличных действующих организаций. Желательно, чтобы этот манифест был результатом коллективного опыта всех социал-демократов-практиков. Поэтому необходимо, чтобы манифест был выработан на съезде. Но этот съезд не должен ограничиться выработкой одного манифеста: он должен создать партию, а с этой целью нужно, чтобы он утвердил в качестве центральной организации одну какую-нибудь наиболее старую и опытную организацию».

Когда Плеханов в 1896 году в докладе международному социалистическому конгрессу говорил: «Основание в России единой и нераздельной социал-демократической организации должно составить главную цель наших усилий в ближайшем будущем» — он уже опирался не на теорию только, а на реальные факты действительности.

В. И. Ленин, как мы уже знаем, в это время писал в тюрьме программу социал-демократов. А в брошюре «Задачи русских социал-демократов» В. И. Ленин совершенно прямо ставил вопрос о создании партии.

«Практическая деятельность социал-демократов ставит себе, как известно, задачей руководить классовой борьбой пролетариата и организовать эту борьбу в ее обоих проявлениях: социалистическом (борьба против класса капиталистов, стремящаяся к разрушению классового строя и организации социалистического правительства) и демократическом (борьба против абсолютизма, стремящаяся к завоеванию для России политической свободы и демократизации политического и общественного строя России)... Русским социал-демократам предстоит масса дела по удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, по укреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по объединению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую социал-демократическую рабочую партию!»

Питерский «Союз борьбы», таким образом, в лице Ленина яснее других организаций представлял себе характер объединительной задачи.

Практическое дело объединения и организации первого съезда партии суждено было совершить киевской организации. Как и другие организации, киевские социал-демократы почувствовали необходимость в объединении, как только стали на почву массовой работы. У них существовали связи с Вильной, Петербургом, Москвой, Екатеринославом, Одессой. В этот период петербургская и московская организации были ослаблены арестами, другие провинциальные организации были слабее киевской. Киевская организация благодаря умелой конспирации мало пострадала от преследований полиции.

Летом 1896 года Н. К. Крупская выехала из Петербурга для переговоров с киевскими товарищами об издании общей газеты и созыве всероссийского

съезда. В Полтаве она встретилась с Тучапским, Саммером, Румянцевым. Соглашение было достигнуто. Весною 1897 года была произведена первая попытка созвать съезд в Киеве. Попытка оказалась неудачной, так как приехали только представители Петербурга и Москвы. Московский делегат оказался слишком молодым, и старые конспираторы, побоявшись ему довериться, объявили, что съезд не состоится. Москвич уехал ни с чем.

Оставшийся петербургский делегат (Гольдман-Горев) и киевляне — Вигдорчик («Рабочее Дело») и Петрусевич (польская группа)—образовали конференцию по подготовке съезда. Конференция приняла следующие решения: 1) созвать съезд и разослать перечень вопросов, которые будут обсуждаться, 2) организовать в Киеве общерусскую газету, 3) предложить местным организациям переименоваться в «Союзы борьбы» по примеру Петербурга.

В исполнение решений конференции группа «Рабочее дело» и «группа польских социал-демократов» слились и образовали Киевский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Новый «Союз» начал издавать «Рабочую Газету», для чего выделил особую группу. Задачей «Рабочей Газеты», которая должна была стать общерусской, была прежде всего подготовка съезда. «Рабочая Газета» совершенно определенно ставила вопрос о политической борьбе с самодержавием и о создании единой партии. Плеханов и Аксельрод, с которыми видался Тучапский, отнеслись доброжелательно к газете и прислали свои статьи. Последние не были напечатаны лишь потому, что полиция забрала их при обыске у Эйдельмана.

«Рабочая Газета» сыграла большую роль в подготовке съезда. При помощи ЦК «Бунда» в 1898 году съезд был созван. Съезд состоялся в Минске. На нем присутствовали: Эйдельман и Вигдорчик — от «Рабочей Газеты», С. И. Радченко — от Петербургского «Союза борьбы», А. А. Ванновский — от Московского «Союза борьбы», К. А. Петрусевич — от Екатеринославского «Союза Борьбы», П. Л. Тучапский — от Киевского «Союза Борьбы», А. Кремер, Мутник (Глеб) и Кац — от «Бунда». Работа съезда происходила 1—3 марта 1898 г. Было принято постановление, что организации «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», группы «Рабочей Газеты» и «Общееврейского рабочего союза в России и Польше» сливаются в единую организацию под названием «Российской социал-демократической рабочей партии». Слово «Российская» подчеркивало, что в организацию входят не только русские пролетарии, но и рабочие других национальностей, населяющие Россию. «Бунду» была предоставлена бо́льшая самостоятельность, — «Общееврейский рабочий союз в России и Польше» входит в партию, как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата». (Табл. 29.)

Но Центральный Комитет не получил больших прав:

«Местные комитеты выполняют постановления Центрального Комитета в той форме, какую они найдут более подходящей по местным условиям. В исключительных случаях местным комитетам предоставляется право отказаться от выполнения требований Центрального Комитета, известив его о причине отказа. Во всем остальном местные комитеты действуют вполне самостоятельно, руководствуясь лишь программой партии».

Программа партии, однако, не обсуждалась на съезде. Съезд ограничился лишь принятием организационных постановлений и изданием манифеста, извещавшего об организации партии и ее основных целях. Участники съезда сами не решились писать манифест, и эта задача выпала на долю Струве, так как Ленин и Мартов были в ссылке, а Плеханова считали оторванным от русской жизни.

Манифест I съезда является важным партийным документом того времени.

Манифест начинался с указания на развитие классовой борьбы пролетариата на Западе и отмечал, что в России тоже началось рабочее движение, направленное и против буржуазии и против царя.

Задача борьбы с абсолютизмом особенно ярко подчеркивалась манифестом. «Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она — основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частные улучшения и конечное освобождение». В этот период, когда среди социал-демократов все сильнее становился уклон в сторону ограничения задач пролетариата экономической борьбой, это утверждение имело особое значение.

Другой важной чертой манифеста было указание на то, что «нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только сам». Надежды на революционность буржуазии отвергались. «Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, и тем большие культурные и политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести дело завоевания политической свободы».

Манифест тут же связывал задачи политической борьбы с общими задачами рабочего класса. Свержение самодержавия — «необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата: созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплоатации человека человеком. Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма».

Касаясь организационной стороны движения, манифест отмечал, что первые шаги рабочего класса были разрозненными, а теперь пролетариат объединился в единую партию. Социал-демократическая партия продолжает дело старых революционеров и славной «Народной Воли», но действует иными средствами и путями, стоя на классовой пролетарской основе.

Манифест заканчивался возгласом: «Да здравствует русская, да здравствует международная социал-демократия!».

Очень интересно сравнить манифест 1898 года с такими партийными документами, как программа группы «Освобождение Труда» 1887 года и ленинская брошюра «Задачи русских социал-демократов» и проект программы 1896 г.

Некоторые основные мысли манифеста уже выражены были, но в несколько иной форме и не с такой агитационной резкостью в программе 1887 г. И там говорилось, что «низвержение абсолютизма должно быть... первой полити-

ческой задачей... даже для тех рабочих кружков, которые представляют собой теперь зачатки будущей русской рабочей партии». И там борьба за политическую свободу связывалась с социалистическими задачами, как необходимый предварительный этап. В программе 1887 г. имеется ссылка на политический разброд и уныние интеллигенции и на то, что «только через посредство этого класса (пролетариата) он (народ) может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества». Выражение манифеста гораздо определеннее и свидетельствует о большей зрелости движения. Но зато, с другой стороны, в манифесте отсутствует указание на неизбежность перехода политической власти к пролетариату, а это уже является шагом назад.

Другим слабым местом манифеста является отсутствие указания на возможных союзников пролетариата в его политической борьбе. Выражение — «нужную ему политическую свободу пролетариат может завоевать только сам», обращенное против буржуазии, — легко может быть понято как утверждение, что у пролетариата не будет союзников, т.-е. обращено также и против крестьянства.

Слабые стороны манифеста особенно ярко обнаруживаются при сопоставлении с ленинскими документами: проектом программы 1896 г. и брошюрой «Задачи русских социал-демократов». Последняя разобрана выше. И мы поэтому здесь ограничиваемся общим указанием, что основные положения о задачах политической борьбы и овладения властью у Ленина были развиты с гораздо большей полнотой, чем в манифесте.

Характерной чертой манифеста, отличавшей его от других партийных документов, было безоговорочное утверждение, что буржуазия не будет бороться за политическую свободу.

Ленин в «Задачах русских социал-демократов» отмечал, что «буржуазия боится полной демократизации политического и общественного строя и всегда м о ж е т вступить в союз с абсолютизмом против пролетариата».

Подводя итоги роли I съезда, следует прежде всего сказать, что партийное единство не было им фактически установлено.

Едва успел окончиться съезд, как Центральный Комитет был арестован. Аресты и разгромы разрушили также целый ряд местных организаций и типографию «Рабочей Газеты», объявленной центральным органом партии. А вскоре после этого партию постиг идейный кризис — развился «экономизм», и стала необходимой борьба с ним, которую и взяла на себя «Искра».

Первый съезд оставил много вопросов нерешенными. Программа была тогда насущной необходимостью. Полной идейной договоренности между социал-демократическими организациями по существу еще не было. Марксистское понимание задач партии только еще вырабатывалось. В некоторых вопросах съезд просто занял неправильную позицию. Слишком много уступок было сделано местным организациям, боявшимся централизации, и «Бунду». А организационный вопрос в это время имел не меньшее значение, чем программный.

Однако, несмотря на все свои недостатки, первый съезд имел колоссальное значение. Тот факт, что было провозглашено образование единой партии, сам по себе оказывал воздействие на движение. Местные организации стали называться «комитетами РСДРП».

«Рабочие на местах, читая прокламации и листки с заголовком РСДРП, знали теперь, что они не одиноки в борьбе за рабочее дело, что и в других городах выпускаются листки с таким же заголовком, что их организация не единственная, что в других местах существуют такие же организации, которые преследуют общую с ними цель и ведут борьбу тем же оружием. Манифест партии, попадая в какую-нибудь местную организацию, которая до этого времени очень мало задумывалась над принципиальными вопросами и была занята исключительно своей маленькой текущей работой, заставляет ее теперь горячо обсуждать его содержание, высказывать свое отношение к нему и под именем комитета партии сознательно становиться под общее идейное знамя.

Правда, съезду не удалось создать партию в собственном смысле этого слова, как нечто органически целое: местные комитеты остались такими же изолированными, не связанными друг с другом, какими были до съезда; разгромленная центральная организация не восстанавливается вновь, а восстановленные после провала местные комитеты не спешат съехаться опять, чтобы возобновить попытку первого съезда; на местах замечается еще больший страх перед партийной централизацией, которой именно и объясняют возможность такого общего и крупного провала; комитеты еще более уходят в свою скорлупу и зарываются исключительно в местную работу. И все-таки, несмотря на все это, первый шаг к партийному единству был сделан. Если не фактически, то в идее, в уме каждого работника партия уже существует, и он чувствует себя членом одного великого целого».

Так характеризует М. Н. Лядов послесъездовские настроения. Партийный съезд 1903 года с полным основанием принял название второго

ВОПРОСНИК-ПЛАН К IV ГЛАВЕ

БОРЬБА ЗА ИДЕЙНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГЕГЕМОНИЮ ПРОЛЕТАРИАТА В РОССИИ

А. ЛИБЕРАЛЬНОЕ НАРОДНИЧЕСТВО И БОРЬБА С НИМ РЕВОЛЮЦИОННОГО МАРКСИЗМА

I. Эволюция народничества (превращение прогрессивных буржуазных революционеров в идеологов мелкобуржуазных хозяйчиков).

1. Почему Ленин и Плеханов считали более необходимым в этот период вести борьбу с народничеством.
2. Социально-политическая обстановка 90-х годов.

II. Основные черты народнического мировоззрения.

1. Критика капитализма народниками и характер этой критики.
2. Община, кустари, артели как всеисцеляющее средство от всех бедствий капитализма, непонимание народниками капиталистической сущности этих спасительных, по их мнению, мер.
3. Притупление народниками классового сознания пролетариата и крестьянства; некоторые общие черты в исторических и экономических построениях у народничества революционного и народничества либерального.

III. Основные моменты критики либерального народничества у Плеханова и Ленина (критика капитализма, община, кустари, артели).

Прогрессивные черты народников, отмечаемые Лениным и игнорируемые Плехановым.

ЛИТЕРАТУРА:

Хрестоматия — Карпов и Флиднер, стр. 80—119 и 142—143. Плеханов, Хрестоматия Истпарта, стр. 72—77, 87—92.

IV. Политическая эволюция революционного народничества (какие практические задачи имели место в этих спорах).

1. Вспомните «Народную Волю» и ее взгляд на политическую борьбу.
2. Взгляд «Народной Воли» на крестьянство и либералов.
3. Критика этих взглядов «Народной Воли» у Плеханова (недооценка им революционной роли народничества; его замечания насчет крестьянства и возможности совпадения революции буржуазной и социалистической).

ЛИТЕРАТУРА:

Плеханов. Социализм и политическая борьба. Хрестоматия Истпарта, стр. 53—72.

Для подготовленных товарищей брошюру «Социализм и политическая борьба» целиком и послесловие к этой брошюре, написанное в 1917 г. после февраля.

V. Заключение.

1. Неисторический взгляд Плеханова на крестьянство как силу, якобы менее прогрессивную, чем городская буржуазная демократия. Неправильные выводы из факта Вандейского восстания крестьянства.
2. Важность и необходимость временного союза с либералами против народников и превращение Плехановым этого факта в универсальный тактический принцип на протяжении всей последующей борьбы (отсюда истоки меньшевизма).
   Зачатки будущей основной черты ленинизма в этот период — умение сочетать теоретический марксистский анализ с практикой.

ГЛАВА IV

БОРЬБА ЗА ИДЕЙНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГЕГЕМОНИЮ ПРОЛЕТАРИАТА В РОССИИ

А) ЛИБЕРАЛЬНОЕ НАРОДНИЧЕСТВО И БОРЬБА С НИМ РЕВОЛЮЦИОННОГО МАРКСИЗМА

Мы познакомились с тем, как развертывание капитализма в России привело — и не могло не привести — к развитию рабочего движения и к возникновению социал-демократических организаций. Несмотря на то, что наиболее видные и яркие представители публицистики того времени и общественные деятели либерального и народнического лагеря в течение долгого времени отрицали самую возможность появления у нас «рабочего вопроса» в таких формах и в таком значении, как в Западной Европе; несмотря на то, что народники упорно доказывали, что рабочий вопрос в России разрешается совсем иными путями, чем в Западной Европе, — рабочий вопрос стал в центре общественного внимания, и вскоре центром этого же внимания стало социал-демократическое движение, именно потому, что капитализм проникал в самые глухие углы и находил революционное свое выражение в различных оттенках социал-демократического движения. Однако «властителями дум» подавляющей части радикальной, демократической и революционной интеллигенции продолжали оставаться народники. За ними была слава общественных деятелей прошлого периода, за многими из них было революционное имя в прошлом. Успех их идеологии обеспечивался в течение долгого времени отсталостью хозяйственных условий страны. Народники имели возможность легально высказываться, тем более, чем больше они отказывались от революционного народничества и становились на путь либеральных реформ. К марксистам народники относились как к изменникам «великому делу». Они утешались тем, что марксизм не имеет глубокой почвы в наших условиях и способен проникать лишь в крупные промышленные центры, а так как у нас страна крестьянская по преимуществу, то, стало быть, никакого глубокого и прочного успеха — так думали народники — марксизм в нашей стране иметь не будет.

А тем временем передовая социал-демократическая мысль в лице Ленина и Плеханова не только сумела глубоко усвоить сущность революционного учения марксизма: эти два великана революционного марксизма сумели в конкретной русской действительности, в экономических условиях развития нашего хозяйства выделить такие черты, которые указывали на наличие в нашей

стране глубоких тенденций к нарастанию революционных элементов. Больше того: они сумели в первых же шагах рабочего движения уловить черты, которые направляли это движение по революционному пути, и сумели конкретно наметить практические шаги к превращению борьбы рабочего класса в революционное движение. И первые социал-демократические организации, как группа «Освобождение Труда», «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», наконец, I съезд партии, и первые документы, которые формировали социал-демократическую мысль того времени — две программы группы «Освобождение Труда», «Задачи русских социал-демократов», «Манифест I съезда партии», — все это этапы, через которые проходило развитие пролетарского движения, — этапы, на которых закреплялся предыдущий опыт, все более ярко оформлялась революционная мысль пролетарской партии.

Конечно, этот процесс был мучительным процессом, полным ошибок и противоречий. Развитие нашей партии шло в течение двух десятков лет по чрезвычайно трудному пути. Не даром В. И. Ленин писал, что «Россия, поистине, в ы с т р а д а л а марксизм». Едва ли есть какая-нибудь другая рабочая партия, которой пришлось бы выдержать такую борьбу с самого начала. Не нужно забывать, что нашей партии пришлось иметь дело с укоренившимися признанными авторитетами, в руках которых была почти вся журналистика того времени, а социал-демократам пришлось выступить по большей части в качестве молодых, малоизвестных людей, иногда почти юнцов (24-летний Ленин [1]). Такие «властители дум», как Н. К. Михайловский (табл. 30), часто вместо серьезных аргументов считали достаточным бросить презрительно по адресу этих молодых воинствующих марксистов: «молоко на губах не обсохло» и т. д.

Проследить эту борьбу с так называемым либеральным народничеством настоятельно необходимо для всякого изучающего историю нашей партии в ее первые моменты. Эта борьба имела исключительное значение в истории нашей партии в смысле выработки законченной революционной теории не только потому, что молодым русским марксистам пришлось оттачивать свое оружие, испытать и закалить свои силы в борьбе против признанных «отцов» и «столпов»

---

[1]) Зимой 1893 г. на рождестве Владимир Ильич приезжал в Москву, и вот что рассказывает об этом приезде сестра его Анна Ильинична: «В какой-то студенческой квартире на Малой Бронной улице, в доме Гирша, устроено было собрание, на котором выступал с докладом известный в это время писатель-народник В. П. Воронцов. Этот Воронцов доказывал в своих книгах, что в России невозможно развитие капитализма. Последствия показали, что это было совершенно неверно. Но в то время В. П. Воронцов считался видным ученым, студенты и другие образованные люди из народников верили ему. Поэтому, когда выступил двадцатитрехлетний Владимир Ильич против этого, уже лысого, почтенного писателя, многие смотрели на это выступление как на «мальчишескую дерзость». Но Владимир Ильич «смело и решительно, со всем пылом молодости и силой убеждения, но также вооруженный и знаниями, стал разбивать учение народников, не оставляя на нем камня на камне, и враждебное отношение к этой «мальчишеской дерзости» стало сменяться постепенно если не менее враждебным, то уже более уважительным отношением»... «Впечатление, произведенное речью Владимира Ильича, было громадное. О нем говорили, как о новой звезде, появившейся на горизонте, одни с удовольствием и удовлетворением, другие с завистью и оглядкой — что, мол, из этого будет. Многих из присутствовавших молодых товарищей Владимир Ильич тогда же переубедил и заставил их изучать Маркса».

народничества, но и потому также, что здесь, в этой борьбе, наметились в зародышевом, правда, еще виде два течения марксизма: революционное, которое впоследствии воплотилось в партию большевиков, и оппортунистическое, легшее в основу меньшевистской партии.

Группа либерального народничества сложилась в итоге крушения революционного народничества 70-х годов. В связи с переменой обстановки борьбы группа либерального народничества решительно изменила тактику в направлении полного отказа от бунтарских традиций и революционных путей, что не мешало ее представителям воображать, будто они продолжают дело своих предшественников.

Мы знаем, как В. И. Ленин определял основные черты народничества:

«Под народничеством, — писал он, — мы разумеем систему воззрений, заключающую в себе следующие три черты: 1) признание капитализма в России упадком, регрессом. Отсюда стремления и пожелания «задержать», «остановить», «прекратить ломку» капитализмом вековых устоев и т. п. реакционные вопли. 2) Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности. К русским экономическим отношениям не считают нужным применять выработанные современной наукой понятия о различных общественных классах и их конфликтах. Общинное крестьянство рассматривается как нечто высшее, лучшее сравнительно с капитализмом; является идеализация «устоев». Среди крестьянства отрицаются и затушевываются те же противоречия, которые свойственны всякому товарному и капиталистическому хозяйству, отрицается связь этих противоречий с более развитой формой их в капиталистической промышленности и в капиталистическом земледелии. 3) Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов. Отрицание этой связи, отсутствие материалистического объяснения этих социальных факторов заставляет видеть в них силу, способную «тащить историю по другой линии» (г. В. В.), «свернуть с пути» (г. Н. —он, г. Южаков) и т. д., и т. п.» (В. И. Ленин. Собр. соч., т. II, стр. 328—329.)

Что в этих рассуждениях народничества было, в общем, мало похожего на ход рассуждений представителей революционных учений 60-х—70-х годов, необходимо было доказать и доказано было В. И. Лениным. Только под знаком передовой революционной теории рабочего класса — марксизма — возможна была соответствующая критика утопических воззрений народничества. С этой-то группой либеральных народников, опасных еще тем, что они прикрывались авторитетом прошлого революционного движения, и повели борьбу русские марксисты.

а) ЛИБЕРАЛЬНЫЕ НАРОДНИКИ И ИХ ОТЛИЧИЕ ОТ НАРОДНИКОВ РЕВОЛЮЦИОННЫХ

Итак, мы познакомились с основными чертами теоретических воззрений народников. Они считали, что являются в этих воззрениях непосредственными продолжателями своих славных предшественников 60-х и 70-х годов. Но так ли это на самом деле? Так ли подходили к этим вопросам революционные народники 60-х—70-х годов? Нет, не так. Читатель помнит из первой главы, почему и как встал перед русскими революционерами 70-х годов этот вопрос. Веря в возможность для России, минуя капитализм, сразу войти в царство социа

лизма, воодушевленные преданностью народу, видя, что на Западе капитализм никакого освобождения трудящимся не принес, что он лишь заменил одну форму эксплоатации другой, они допускали, отнюдь не идеализируя нашей отсталости, возможность перенесения на русскую почву западно-европейской культуры и цивилизации без «язвы пролетарства», как тогда выражались. Эти рассуждения подкреплялись слабым развитием капитализма в России 60-х—70-х годов. Но, рассуждая так, революционные народники и не думали объявлять «регрессом», «несчастьем» для России развитие капитализма.

А народники 90-х годов?

«Как только, — пишет В. И. Ленин, — вопрос о капитализме в России был поставлен, очень скоро выяснилось, что наше экономическое развитие есть капиталистическое, и народники объявили это развитие регрессом, ошибкой, уклонением с пути, предписываемого якобы всей исторической жизнью нации, от пути, освященного якобы вековыми устоями, и т. д. и т. п. Вместо горячей веры просветителей в данное общественное развитие явилось недоверие к нему, вместо исторического оптимизма и бодрости духа — пессимизм и уныние, основанные на том, что чем дальше пойдут дела так, как они идут, тем хуже, тем труднее будет решить задачи, выдвигаемые новым развитием; являются приглашения «задержать» и «остановить» это развитие, является теория, что отсталость есть счастие России и т. д. С «наследством» все эти черты народнического миросозерцания не только не имеют ничего общего, но прямо противоречат ему. Признание русского капитализма «уклонением с пути», упадком и т. д. ведет к извращению всей экономической эволюции России, к извращению той «смены», которая происходит перед нашими глазами. Увлеченный желанием задержать и прекратить ломку вековых устоев капитализмом, народник впадает в поразительную историческую бестактность, забывает о том, что п о з а д и этого капитализма нет ничего, кроме такой же эксплоатации в соединении с бесконечными формами кабалы и личной зависимости, отягчавшей положение трудящегося, ничего кроме рутины и застоя в общественном производстве, а следовательно, и во всех сферах социальной жизни. Сражаясь со своей романтической, мелкобуржуазной точки зрения против капитализма, народник выбрасывает за борт всякий исторический реализм, сопоставляя всегда д е й с т в и т е л ь н о с т ь капитализма с в ы м ы с л о м докапиталистических порядков. «Наследство» 60-х годов с их горячей верой в прогрессивность данного общественного развития, с их беспощадной враждой, всецело и исключительно направленной против остатков старины, с их убеждением, что стоит только вымести дочиста эти остатки, и дела пойдут как нельзя лучше, — это «наследство» не только ни при чем в указанных воззрениях народничества, но прямо противоречит им». (В. И. Л е н и н. Собр. соч., т. II, стр. 331—332.)

Правда, народникам вообще принадлежит заслуга самой постановки вопроса «о судьбах капитализма в России» и связанных с ними вопросов положения трудящихся и в особенности крестьянства, н о р е ш а ю т о н и э т и в о п р о с ы н е п о д з н а к о м р е в о л ю ц и о н н о й т е о р и и — м а р к с и з м а, — к о т о р а я п о з в о л я л а у ч е с т ь к а к «п о л о ж и т е л ь н ы е», т а к и «о т р и ц а т е л ь н ы е» с т о р о н ы р а з в и т и я к а п и т а л и з м а и с т р о и т ь н а э т о м т а к т и к у п а р т и и, а, к а к г о в о р и т В. И. Л е н и н, в э т о м о т н о ш е н и и «н а р о д н и ч е с т в о... с т о и т н а т о ч к е з р е н и я м е л к о б у р ж у а з н о г о р о м а н т и з м а, з а м е н я я э к о н о м и ч е с к и й а н а л и з с е н т и м е н т а л ь н ы м и п о ж е л а н и я м и». (В. И. Ленин. Собр. соч., т. II, стр. 211.) И вот этот-то «сентиментальный анализ» дает нам другую характерную черту народничества 90-х годов.

«...Вторая черта народничества — вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п. Учение о самобытности России заставило народников хвататься за устарелые западно-европейские теории, побуждало их относиться с поразительным легкомыслием ко многим приобретениям западно-европейской культуры: народники успокаивали себя тем, что если мы не имеем тех или других черт цивилизованного человечества, то зато «нам суждено» показать миру новые способы хозяйничания и т. п. Тот анализ капитализма и всех его проявлений, который дала передовая западно-европейская мысль, не только не принимался по отношению к святой Руси, а, напротив, все усилия были направлены на то, чтобы придумать отговорки, позволяющие о русском капитализме не делать тех же выводов, какие сделаны относительно европейского. Народники расшаркивались перед авторами этого анализа и... и продолжали себе преспокойно оставаться такими же романтиками, против которых всю жизнь боролись эти авторы. Это общее всем народникам учение о самобытности России опять-таки не только не имеет ничего общего с «наследством», но даже прямо противоречит ему. «60-е годы», напротив, стремились европеизировать Россию, верили в приобщение ее к обще-европейской культуре, заботились о перенесении учреждений этой культуры и на нашу, вовсе не самобытную почву. Всякое учение о самобытности России находится в полном несоответствии с духом 60-х годов и их традицией. Еще более не соответствует этой традиции народническая идеализация, подкрашивание деревни. Эта фальшивая идеализация, желавшая во что бы то ни стало видеть в нашей деревне нечто особенное, вовсе не похожее на строй всякой другой деревни во всякой другой стране, в период докапиталистических отношений, находится в самом вопиющем противоречии с традициями трезвого и реалистического наследства. Чем дальше и глубже развивался капитализм, чем сильнее проявлялись в деревне те противоречия, которые общи всякому товарно-капиталистическому обществу, тем резче и резче выступала противоположность между сладенькими россказнями народников об «общинности», «артельности» крестьянина и т. п., с одной стороны, и фактическим расколом крестьянства на деревенскую буржуазию и сельский пролетариат — с другой; тем быстрее превращались народники, продолжавшие смотреть на вещи глазами крестьянина, из сентиментальных романтиков в идеологов мелкой буржуазии, ибо мелкий производитель в современном обществе превращается в товаропроизводителя. Фальшивая идеализация деревни и романтические мечтания насчет «общинности» вели к тому, что народники с крайним легкомыслием относились к действительным нуждам крестьянства, вытекающим из данного экономического развития. В теории можно было сколько угодно говорить о силе устоев, но на практике каждый народник прекрасно чувствовал, что устранение остатков старины, остатков дореформенного строя, опутывающих и по сю пору с ног до головы наше крестьянство, откроет дорогу именно к капиталистическому, а не какому другому развитию. Лучше застой, чем капиталистический прогресс — такова, в сущности, точка зрения каждого народника на деревню, хотя, разумеется, далеко не всякий народник с наивной прямолинейностью г-на В. В. решится открыто и прямо высказать это». (В. И. Ленин. Собр. соч., т. II, стр. 332—333.)

И наконец, последняя характерная черта народничества:

«...Отсутствие социологического реализма, кроме указанной в высшей степени важной ошибки народников, ведет также у них к той особой манере мышления и рассуждения об общественных делах и вопросах, которую можно назвать узко интеллигентным самомнением или, пожалуй, бюрократическим мышлением. Народник рассуждает всегда о том, какой путь для отечества должны «мы» избрать, какие бедствия встретятся, если «мы» направим отечество на такой-то путь, какие выходы могли бы «мы» себе обеспечить, если бы миновали опасностей пути, которым пошла старуха Европа, если бы «взяли хорошее» и из Европы и из нашей исконной общинности, и т. д. и т. п. Отсюда полное недоверие и пренебрежение народника к самостоятельным тенденциям отдельных общественных классов, творящих историю сообразно с их интересами. Отсюда то поразительное легкомыслие, с которым пускается народник (забыв об окружающей его обста-

новке) во всевозможное социальное прожектерство, начиная от какой-нибудь «организации земледельческого труда» и кончая «обмирщением производства» стараниями нашего «общества». (В. И. Ленин. Собр. соч., т. II, стр. 337.)

Таковы теоретические воззрения группы народников, сложившихся к 90-м годам, которых мы называем либеральными, в отличие от народников 60-х и 70-х годов, взгляды которых В. И. Ленин отделяет как «наследство». Как видит читатель, и ход и содержание мысли либеральных народников резко отличаются от этого революционного наследства 60-х—70-х годов. Поэтому, подводя итоги различия первых от вторых, В. И. Ленин пишет:

«Итак, хотя народничество сделало крупный шаг вперед против «наследства» просветителей, поставив вопрос о капитализме в России, но данное им решение этого вопроса оказалось настолько неудовлетворительным вследствие мелкобуржуазной точки зрения и сентиментальной критики капитализма, что народничество по целому ряду важнейших вопросов общественной жизни оказалось позади по сравнению с «просветителями». Присоединение народничества к наследству и традициям наших просветителей оказалось в конце концов минусом: тех новых вопросов, которые поставило перед русской общественной мыслью пореформенное экономическое развитие России, народничество не решило, ограничившись по поводу их сентиментальными и реакционными ламентациями, а те старые вопросы, которые были поставлены еще просветителями, народничество загромоздило своей романтикой и задержало их полное разрешение»...

«Покуда развитие капитализма в России и свойственных ему противоречий было еще очень слабо, эта примитивная критика капитализма могла держаться. Современному же развитию капитализма в России, современному состоянию наших знаний о русской экономической истории и действительности, современным требованиям от социологической теории народничество безусловно не удовлетворяет. Бывши в свое время явлением прогрессивным, как первая постановка вопроса о капитализме, народничество является теперь теорией реакционной и вредной, сбивающей с толку общественную мысль, играющей на руку застою и всякой азиатчине. Реакционный характер народнической критики капитализма придал народничеству в настоящее время даже такие черты, которые ставят его ниже того миросозерцания, которое ограничивается верным хранением наследства». (В. И. Ленин. Собр. соч., т. II, стр. 338, 330—331.)

Не только по своим теоретическим воззрениям народничество 90-х годов отличалось от «наследства». Либеральные народники пытались подвести итог тактическим взглядам народовольцев, которые, несомненно, гораздо ближе были к взглядам таких теоретиков «наследства», как Н. Г. Чернышевский и др.

На группе народовольцев и на ее деятельности мы останавливались выше. Основой ее тактики была, как известно, самоотверженная борьба незначительной группы интеллигенции за уничтожение «коронованного зверя», как метко в своих лекциях назвал эту тактику тов. Покровский. Эта политическая задача поглотила к концу все наличные силы народовольцев. 1 марта 1881 года, после целого ряда поражающих своей смелостью покушений, пал Александр II. Очень скоро революционеры-восьмидесятники должны были убедиться, что «борьба с коронованным зверем» отнюдь не означала еще борьбы с помещичье-крепостническим строем. Гибель Александра II вовсе не означала гибели самодержавия и всего строя насилия и гнета над трудящимися, и это било не только по тактике народовольцев, но и брало под сомнение всю их теорию. Мимо этого факта революционная мысль не могла, конечно, пройти.

Как же расценивалась народниками-либералами эта тактика народовольцев? Ход суждения был таков: интеллигенция 80-х годов повела отчаянную борьбу с самодержавием. Она рассчитывала этой борьбой зажечь широкое восстание масс крестьянства. Исходной точкой борьбы должна была явиться революционная инициатива группы интеллигенции. Тем не менее никакого совпадения революционной борьбы интеллигенции и крестьянского восстания не произошло. Где причины этого явления? Если крестьянство не поддержало революционных попыток народовольцев, то единственным объяснением этого является отсталость крестьянства. Оно должно еще подвергнуться значительной культурной обработке, прежде чем стать активно действующей революционной силой. А так как для этой обработки силы интеллигенции ничтожны, она должна слиться со всем обществом, предварительно вызвав в нем сочувствие к народным бедствиям. Эта теория «безнародности», как ее удачно назвал А. Н. Потресов, подкреплялась недавно пережитыми тяжелыми событиями, связанными с голодными годами. Крестьянство во многих местах под влиянием голода и болезней устроило целый ряд погромов над интеллигенцией, ушедшей в деревню помогать крестьянам. Эти погромы еще более усилили уверенность народников, что крестьянство не может быть активным деятелем общественного развития.

Поэтому один из видных вождей народничества Н. К. Михайловский призвал интеллигенцию отказаться от беспочвенных попыток «раствориться в сером сермяжном море». Центр тяжести своей деятельности либеральные народники переносят на интеллигенцию, общество, государственную власть. Сама крестьянская масса перестает совершенно играть какую-нибудь самостоятельную роль в общественном движении. Отсталое, пассивное крестьянство должно явиться, по мнению народников, лишь объектом культурного воздействия общественных сил.

Либеральное народничество 90-х годов продолжало считать себя «наследниками» полосы «хождения в народ», народников-бунтарей 70-х годов и героической группы народовольцев 80-х годов. Но, разумеется, уже самое беглое сравнение ушедшего в прошлое народничества и вновь народившегося давало оправдание нелестной их оценке в литературе марксистов 90-х годов, которые обозвали их «эпигонами» народничества, т.-е. выродившимися потомками.

б) ЛИБЕРАЛЬНЫЕ НАРОДНИКИ И ОБЩИНА

Революционное народничество 70-х годов

«при самом своем возникновении... обладало достаточной стройностью – исходя из представления об особом укладе народной жизни, оно верило в коммунистические инстинкты «общинного» крестьянина и потому видело в крестьянстве прямого борца за социализм»... (Н. Ленин. Собр. соч., т. I, стр. 189.)

Само общество или государство, как думало это народничество, не способно удовлетворить насущные интересы крестьянства:

«...русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т.-е. ниспровергнуть крепостников, оно только в состоянии произвести «мер-

зость», жалкий компромисс интересов либералов и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий их головой помещикам»... (Н. Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 194—195.)

Семидесятники рассчитывали произвести крестьянское освобождение силами и помощью крестьянского восстания. Несмотря на ошибочные теории, их относят к революционерам потому, что путь для освобождения крестьян они видели не в сделках с господствующими классами, а в революционной борьбе русского крестьянства. Читатель помнит, что эти ошибочные теории обязаны были прежде всего слабому еще классовому расслоению крестьянства, которое позволило семидесятникам в своих теоретических построениях исходить из понятия о крестьянстве как об однородном целом, одинаково терпящем страдания от гнета помещиков и царя и одинаково заинтересованном в уничтожении этого гнета.

Однако некоторые народовольцы гораздо более трезво смотрели на крестьянство. Они признавали несомненным наметившееся разложение общины. Только уничтожение самодержавия могло, по их мнению, привести к восстановлению общины, ибо было бы удалено основное препятствие свободному продвижению общины к социализму. Народовольцы уже исходят из оценки неоднородного, разложенного на слои и группы крестьянства, которое отстаивает различные политические и экономические интересы. Тем не менее в своих выводах они полностью держались старых утопий. Это было еще простительно народовольцам, но совершенно уже было непростительно либералам-народникам 90-х годов, которым общественная среда 90-х годов давала уже совершенно наглядные и очевидные примеры разложения русской общины: в пределах самой общины никакого общего владения не существовало. Наименее обеспеченные крестьяне под влиянием развития товарно-денежных отношений совершенно разорялись и превращались в батраков. Другие бросали свои наделы и уходили в города искать работу. Они готовы были охотнее подвергаться наказаниям за нарушение круговой поруки (она обязывала крестьян не оставлять без разрешения мира деревни) и пополнить собой ряды так называемых «бегунов», чем оставаться в общине и продолжать вести жизнь впроголодь без всякой надежды на изменение этих порядков. Иные искали выхода в отхожих и кустарных промыслах.

Этот общий развал крестьянской патриархальной жизни вызывался действием двух факторов: а) развитием капиталистических отношений в деревне, б) гнетом полицейско-крепостнических порядков самодержавия. Для одной группы крестьян община являлась орудием эксплоатации обезземеленного и необеспеченного, для другой — она превращалась в фактический источник крепостной зависимости от деревни и лишения самых элементарных прав свободного передвижения. Одни от общины получали привилегии экономической эксплоатации, другие же получали одну привилегию — «быть периодически выпоротым в волостном правлении», как остроумно замечает в одном месте Плеханов.

На-ряду с развитием капитализма в деревне последняя страдала от пережитков крепостничества, ведших к упадку крестьянское хозяйство. Дело в том, что для самодержавного государства крестьянство представляло одну из крупнейших сил, покрывавших огромные по сравнению с другими государствами расходы. Нужно было как-то организовать эту массу налогоплательщиков, чтобы обеспечить себе аккуратное и своевременное получение денег, — вот тут-то и стал вопрос об общине. Правительство великолепно понимало огромное значение для его финансовых мероприятий крестьянской общины, именно ее значение, как налогового аппарата. Поэтому оно всячески препятствовало распаду общины. Этим же целям служила круговая порука и частые переделы земель внутри общин.

Либеральное народничество, разумеется, с совершенно другими доводами выступало в защиту общины, но объективно эта защита шла навстречу политической программе государства. Таким образом совершенно неожиданно для себя либеральное народничество оказывало косвенную поддержку полицейским порядкам, и правительство поэтому не препятствовало открытой легальной проповеди этих либералов-народников через их журналы, газеты, брошюры и пр.

«Наши рыцари мещанства хотят именно сохранения «связи» крестьянина с землей, но не хотят крепостного права, которое одно только обеспечивало эту связь и которое было сломлено товарным хозяйством и капитализмом, сделавшими эту связь невозможной...

Реакционная мечтательность приводит к

«сочувствию мероприятиям, увековечивающим добрые старые порядки полукрепостного, полусвободного труда, — порядки, обладавшие всеми ужасами эксплоатации и угнетения и не дававшие никакой возможности выхода», — писал В. И. Ленин о либеральных народниках в своей замечательной работе: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». (Собр. соч., т. I, стр. 160.)

Итак, если для народников 70-х годов сохранение общины связывалось с задачей социалистического переворота через крестьянскую революцию, то для либеральных народников 90-х годов этих задач и в помине не имеется. Сохранение общины мыслится при посредстве различных мероприятий правительства и поблажек господствующих классов. В одном случае мы имеем точно выраженные революционные симпатии, в другом — либеральные.

в) ПОЧЕМУ МАРКСИСТЫ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ПОВЕСТИ БОРЬБУ С ЛИБЕРАЛЬНЫМ НАРОДНИЧЕСТВОМ

(Реакционность народнических рассуждений.)

Первоначальную борьбу с народничеством в России повела группа «Освобождение Труда» в лице ее вождя Г. В. Плеханова.

То была борьба литературная, по преимуществу — теоретическая. Наметившийся перелом во взглядах народников, настаивавших на объявлении открытой политической борьбы самодержавию, марксисты группы «Осво-

бождение Труда» использовали для того, чтобы привести революционную интеллигенцию к отказу от прошлых утопических взглядов на будущее развитие России и выработке правильных представлений о ближайших задачах социалистов. Это необходимо было сделать для того, чтобы революционое движение не блуждало в потемках. Выработка такого стройного теоретического взгляда на развитие России естественно увеличила бы силы русской революции; известно, что без стройной научной теории не может быть и согласованного с общественным развитием революционного движения.

Критика народнических теорий и тактики, как она была дана группой «Освобождение Труда», сыграла гигантскую роль в развитии социал-демократического движения.

Известно, как с гигантским ростом капитализма 90-х годов нарастало и рабочее движение. Как мы видели в прошлой главе, оно начало выступать не только под лозунгами борьбы за частичное улучшение своего экономического положения, но и как активный деятельный элемент общественного движения. Это явление стало настолько значительным, что лондонский международный конгресс, июля 1896 г. в специальном постановлении

«приветствует пробуждение русского пролетариата к самостоятельной жизни и от имени всех борющихся рабочих всех стран желает русским братьям мужества и непоколебимой бодрости в их тяжелой борьбе против политической и экономической тирании. В организации русского пролетариата конгресс видит лучшую гарантию против царской власти, являющейся одной из последних опор европейской реакции».

Самодержавное правительство отдавало себе ясный отчет в характере и значительности рабочего движения, и 2 июня 1897 г. оно, под давлением стачек питерских ткачей, сделало существенную уступку рабочему движению изданием указа о фабричном законодательстве.

Как же относились к этому движению народники? Либеральные народники, претендовавшие на звание единственных руководителей трудящихся, как по своим основным воззрениям, так в особенности по своей политической тактике, могли только повредить рабочему движению, свернуть его с революционного пути, но ни в какой мере не могли содействовать развитию классового самосознания русского рабочего класса. В самом деле: продолжая считать, что «человек будущего в России — это мужик», а рабочий класс является лишь продуктом неправильной политики государства, могли ли либеральные народники в какой бы то ни было мере облегчить рабочему классу его борьбу? Разумеется, нет, ибо все усилия этих народников обращались на призывы к обществу (т.-е. буржуазии) отказаться от губительной политики, вызывающей создание пролетариата, а вовсе не на организацию сил последнего для борьбы.

Что требовалось от революционной партии в России для руководства рабочим классом? Во-первых, надо было отказаться от ошибочного взгляда, будто рабочий класс создается неправильной политикой государства, и показать, что он есть результат развития капитализма в России, перестать видеть в его росте только «язву пролетариатства», понять его революционную роль. Его надо было организовать для борьбы как с самодержавием, так и с капитализмом.

Во-вторых, надо было отказаться от неправильных представлений о роли государства. В-третьих, надо было повсюду обнажать эксплоататорский характер капитализма, а буржуазию разоблачать, как класс, заинтересованный в этом эксплоататорском строе. Вместо романтических призывов к «обществу», т.-е. к буржуазии, а следовательно, и прикрывания ее эксплоататорской природы, надо было призывать рабочих к организации и единству.

Народники этих задач исполнить не могли. Вместо признания различий классов и их интересов, а следовательно, и признания необходимости стать на точку зрения защиты интересов наиболее способного к революционной борьбе класса — пролетариата — они развивали совершенно утопические проекты, смысл которых В. И. Ленин видит в том, чтобы «... прекратить классовую борьбу мерами, рассчитанными на всех, на примирение и объединение». По поводу одного из таких проектов, который должен был уничтожить бедствия крестьянства и рабочего класса В. И. Ленин писал: «...эти господа вполне становятся на почву современного общества (т.-е. становятся на почву капиталистических хозяйств, чего... они не сознают) и хотят отделаться починкой и штопанием его». (Собр. соч., т. I, стр. 156.) Другими словами, либеральные народники рассчитывали не на революцию, а на реформы сверху, выгодные якобы всем, т.-е. и рабочим и капиталистам.

Но либеральные народники не только не понимали сущности экономических перемен 90-х годов и очередных задач, поставленных перед революционером, они выступили в прямом смысле врагами самостоятельного рабочего движения. Так, знаменитая стачка петербургских ткачей 1896 г. (которая принудила правительство к уступке 2 июня 1897 г.) у главного столпа либерального народничества, Михайловского, вызвала, увы, лишь мысли о некультурности рабочих, нарушивших общественную тишину и спокойствие. Вот что, например, он пишет в «Русском Богатстве» за июль месяц в статье «Литература и жизнь»:

«Толпа на Невском..., в значительной мере состоявшая из фабричных..., многих заставила призадуматься своим поведением».

Как же помочь горю по мнению Михайловского?

« ...это дело общих государственных мероприятий, но и мы, приватные люди, свою хоть малую лепту внести можем, хотя бы в виде учреждений, подобных начинаниям Невского общества устройства народных развлечений»...

При всем уважении к «властителю дум» народничества надо согласиться, что это не язык вождя эксплоатируемых, а буржуазного культурника, рассчитывающего поднятием грамотности ликвидировать рабочее движение.

Либеральные народники оставались также верными себе, когда пытались определить роль самодержавного государства в строе русской жизни 90-х годов. Так, например, народнический журнал «Русское Богатство» за март 1901 г., т.-е. накануне массового студенческого, рабочего и крестьянского движения, в статье «Наша текущая жизнь» проповедует: «В свирепой борьбе классов» у правительства «есть цивилизаторская миссия»; дальше заявляет: «Мы никому

не уступим в признании необходимости твердой власти... Твердая власть имеет большое значение»... Эти рассуждения являлись отнюдь не случайным мнением. Они служили естественным завершением неправильных, реакционных взглядов на роль государства. Эти взгляды питались разочарованием в самостоятельном значении крестьянского движения, обязывавшем народников искать помощи в своих намерениях у государства. Вождь народничества, Н. К. Михайловский, считает правительство водворителем всеобщего мира и «счастья».

«Кто же возьмет на себя великий труд предотвращения исторических путей родины от повторения европейской борьбы? Очевидно, правительство. Оно обладает для этого нужными средствами и не менее нужным беспристрастием... правительству и только правительству предстоит в России роль водворителя всеобщего мира и счастья»...

Раз со счетов революционного движения сбрасывается народ, который некультурен и не подготовлен к борьбе, естественно обращение к обществу и правительству. Этим самым уже не только признается ограниченность сил самой интеллигенции — причина, из-за которой либер. народники считали нужным обращаться за помощью к обществу (прежние народники интеллигенции отводили более почетную роль), но развивается теория надклассового государства, способного творить волю всех. Отсюда — принижение роли интеллигенции в сравнении с народниками 70-х годов.

Рабочий класс, по мнению либеральных народников, устами Михайловского, признается низшим типом развития. Крестьянин стоит выше его. Классовая борьба, которая заразила рабочий класс, есть, по мнению Михайловского, «школа озверения».

Вот почему Ленин в книге «Что такое «друзья народа»?» подводя итог политическим требованиям народников, писал, что они отличаются «политическим лакейством», ибо «они возлагают свои упования на «правительство» и «общество», т.-е. на органы той самой буржуазии, которая повсюду сковала трудящихся». Либеральные народники вредны для революционного движения, ибо «они реакционны, они замазывают антагонизмы, толкуют не о борьбе, а о примирительной культурнической деятельности». (Ленин. Собр. соч., т. I, стр. 196.)

Надо иметь в виду, что 90-е годы носили в себе зародыш будущих отчаянных классовых боев, развернувшихся в последующие годы с огромной силой. Предстоящие битвы с самодержавием должны были встретить рабочий класс подготовленным, организованным в политическую партию с точно выработанной программой действий. При этих условиях основная задача революционеров заключалась в прояснении сознания рабочего класса. Его надо было на опыте, на примерах жизни воспитать в классовой ненависти к самодержавию и к буржуазии. Для этого надо было не притуплять классовых противоречий и звать— к единству с врагами, а организовать пролетариат для самостоятельной борьбы. Рабочий класс должен был быть признан главной руководящей силой революционного движения. От степени его участия в борьбе зависело разрешение задач экономических и политических в интересах как крестьянина, так и рабочего. Но так как либеральные народники этой огромной роли рабочего класса не признавали; так как задачу организации его сил они заменяли задачей уго-

варивания общества и государства; так как классового сознания рабочих они не воспитывали, а только притупляли,— марксисты 90-х годов вступили в борьбу с ними. Конечно, не только народники занимались притуплением классового сознания масс. Но именно народники обратили на себя основное внимание марксистов потому, что нужно же понимать то значение народничества, которое имело оно в прошлом революционного движения, и в том тормозе, которым оно могло быть для развития социал-демократического движения в 90-х годах, и именно, в силу своего прошлого значения и несмотря на либеральный характер, который оно к 90-м годам приобрело. Нужно было в первую очередь, в первую голову разбить «мнимых друзей народа», так как они были гораздо более опасны, чем открытые враги трудящихся.

Уже в характере полемики с народничеством наметились зародыши двух линий социал-демократии, проследить которые можно, хотя и не вполне отчетливо, в деятельности первых же марксистских групп и организаций.

г) КАК ЛИБЕРАЛЬНЫЕ НАРОДНИКИ КРИТИКОВАЛИ КАПИТАЛИЗМ

Марксисты признавали вполне установленным к 90-м годам факт укрепления капитализма в России. Еще группа «Освобождение Труда» в книгах «Наши разногласия», «Социализм и политическая борьба» разъясняла революционным народникам этот факт. Господство капитализма в экономике признавали и многие народники-либералы. Достаточно отметить тот общеизвестный факт, что в 90-х годах марксисты свои выводы строили на материалах, собранных народниками, которые делали из них, однако, неправильные заключения. Когда народник описывал экономику русской жизни, он вынужден был признавать победу капитализма. Марксистам оставалось отбросить реакционные утопические надежды народников и эти факты положить в основу социал-демократических выводов. «На-ряду с признанием капитализма в действительной жизни, народники... сетуют на неправильность этого пути, взывая к чувству господствующих классов, чтобы предотвратить крупно-капиталистическое развитие», писал В. И. Ленин. Для марксистов было поэтому вполне достаточно использование их материалов, их статистических справок и этими же материалами побивать народников.

«Марксисты доказывали на основе данных, собранных народниками, и земской статистики неправильность их выводов и устанавливали тот неоспоримый факт, что классовая борьба имущих и неимущих идет не только на фабриках и заводах, а и в самой глухой деревушке, и везде эта борьба есть борьба буржуазии и пролетариата, складывающаяся на почве товарного хозяйства». (Ленин. Собр. соч., т. I, стр. 152.)

Каковы же были основные черты подхода к капитализму у либерального народничества?

« ...Они хотят, — писал В. И. Ленин, — товарного хозяйства без капитализма, капитализма без экспроприации и без эксплоатации, с одним только мещанством, мирно прозябающим под покровом гуманных помещиков и либеральных администраторов. И они

с серьезным видом департаментского чиновника, намеревающегося облагодетельствовать Россию, принимаются сочинять комбинации такого устройства, когда бы и волки были сыты и овцы цели». (Там же, стр. 158.)

И литература народников и практические программы отмечают правильность этой характеристики Ленина. Они отнюдь не были против хозяйства товарного типа. Наоборот, исходным моментом для народников является товарное производство, но освобожденное от всех качеств, мешающих мелкому производителю-кустарю, крестьянину удержаться в условиях конкурентной рыночной борьбы. Народнические идеи именно потому получили широкое распространение, что их «источником является преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России» (В. И. Ленин).

Таким образом критика капитализма либеральным народничеством направлена на защиту интересов мелких буржуа, разоряемых конкуренцией и победным шествием капитализма. Именно поэтому В. И. Ленин видел сущность народничества в представительстве интересов производителей с точки зрения мелкого хозяйчика. В самом деле: мелкий хозяйчик вовсе не отвергает товарного хозяйства. На нем основывается его существование Втянутый в рыночные отношения, он не может не заметить, что крупное производство побеждает и подчиняет своему влиянию государственный аппарат. Но когда в неравной борьбе он падает разоренным, уничтоженным, он стремится заполучить поддержку общества или государства, чтобы самому избегнуть окончательного разорения и перехода в ряды пролетариата. Эти основные черты мелкого производителя отражали собой полностью народники 90-х годов. Они потому и были обозваны реакционерами, что критика капитализма велась ими под углом зрения интересов мелкого буржуа, хозяйство которого составляет неизмеримо низший тип по сравнению с крупно-капиталистическим.

С этой точки зрения — идеологов мелкого производителя — народники подвергли анализу все хозяйственные отношения города и деревни. Главными представителями этой экономической критики являлись Южаков, Николай—он, Кривенко и др. Трудами этой группы народников-экономистов являются — «Судьбы капитализма» В. В. и «Очерки пореформенного хозяйства» Николая —она и др. Основным тезисом этих книг является указание на искусственность русского капитализма, его бессилие развивать производительные силы. Побеждая мелкого производителя, разоряя деревню, капитализм подрывает свою собственную основу — внутренний рынок. Обнищалый крестьянин не может составлять покупательную среду капитализма. Капитализм России развился тогда, когда внешние рынки сбыта были значительно поделены между остальными капиталистическими странами.

Чтобы предупредить неизбежный развал хозяйства России, требовалось, по мнению народников, энергичное вмешательство государственной власти, которая должна взять решительный курс на поддержку крестьянского хозяйства кустарей, всячески поощрять артельные начинания. Эти меры придадут жизнь гибнущим формам, и Россия избавится от губительного пути капиталистического развития. Справедливость требует отметить, что не только государство,

по мнению народников, должно взять на себя почин поддержки гибнущих форм, но также «общество», не лишенное «патриотизма», и затем земство. Чтобы заполучить поддержку этого общества, они прибегали к приемам запугивания и устрашения примерами классовой борьбы в Западной Европе, точно так же, как в свое время поступали утописты Зап. Европы—Сен-Симон, Фурье и др., только у них эти приемы носили еще более жалкий характер, по мнению Плеханова.

«...Утопические идеи путешествуют от Запада к Востоку, всюду являясь предвозвестниками победы того самого капитализма, против которого они восстают и борются, но чем далее они добираются на Восток, тем более изменяется их историческое значение. Французские утописты были в свое время смелыми гениальными новаторами; немецкие оказывались гораздо ниже их; русские способны только пугать западных людей своим допотопным видом». (Г. И. Плеханов. Собр. соч., т. XII, стр. 111.)

Как Ленин, так в особенности Плеханов из сравнения идей наших народников с утопистами доказали, что в сороковых годах XIX столетия против Маркса немецкие утописты (в особенности Гейнцен) боролись точно такими же доводами и идеями, как в 90-х годах в России либеральные народники боролись с марксистами. Замечательно, что Гейнцен упрекал Маркса в том, что он проповедует идеи, которые обрекают «благородных людей» на бездействие вплоть до того времени, когда капитализм разорит немецких соотечественников. С таким же точно вздором выступил Михайловский в 90-х годах против русских марксистов.

Итак, признавая, что Россия вступила на капиталистический путь развития, народники считали этот путь неправильным. В самом капитализме они не видели никаких прогрессивных черт и ограничились лишь одним его осуждением. Устами Михайловского (примечания к соч. Гл. Успенского) они объявили, что «капитализм—зло и свинство» и выгоден лишь одним членам привилегированного общества. Но, признавая товарное производство (кстати, народники не занимались вовсе вопросом установления такого общества, где могут быть и нетоварные отношения), они рассчитывали, что последнее вовсе не обязательно должно превратиться в капиталистическое. В. В., например, пишет: «...товарное хозяйство способно к самостоятельной некапиталистической эволюции». Что касается кустарных промыслов, народники давали им оценку как «народному производству». Кустарничество, или, иначе, мелкое товарное производство, признается народниками плодом «естественного экономического развития России». Что же касается крупного производства, то оно «сплошь искусственно», как говорит Михайловский. Такое условное деление на «искусственное» и «естественное» экономическое развитие приводило к тому, что народники затушевывали основной факт капиталистической эксплоатации, которым были проникнуты кустарное производство и артели. Для 90-х годов считалось установленным, что независимой от капитала кустарной промышленности не было. Она была закабалена торговым и ростовщическим капиталом и превратилась в домашнюю систему производства. Достаточно указать на народнического исследователя Хоризоменова, на которого ссылается В. И. Ленин, пришедший к выводу, что

«...в Московской губернии 86,5% годовых оборотов кустарной промышленности дает домашняя система крупного производства, и только 13,5% принадлежат мелкой само-

деятельной промышленности... Во Владимирской губ. 96% годовых оборотов кустарной промышленности падает на долю домашней системы крупного производства и мануфактуры, и только 4% дает мелкая самостоятельная промышленность». (Ленин. Собр. соч., т. I, стр. 130.)

Здесь совершенно точно обозначен процесс закабаления кустаря скупщиком. При этих условиях народники, тем не менее, толкуют о «народной промышленности» и противополагают ее капиталистической. В. И. Ленин объясняет это тем, что «общая тенденция «друзей народа», как и всех российских либералов, — замазывать антагонизм классов и эксплоатацию трудящихся в России». (Собр. соч., т. I, стр. 131.) Все остальные элементы капитализма, когда в одних руках сосредоточиваются орудия производства и в руках других — его рабочая сила, были налицо при анализе кустарных и артельных хозяйств. При этих условиях реакционной утопией являлись помыслы о новых путях развития; когда «во всех областях народной жизни и промышленности идет глухая борьба интересов, надо не затушевывать их, а раскрывать ее». (Ленин. Собр. соч., т. II, стр. 18.)

Вот почему русские марксисты 90-х годов должны были подвергнуть решительной критике экономические теории народников. Она была направлена как по линии разоблачения народничества, как идеологии мелких хозяйчиков, так и по линии указаний на прогрессивность капитализма в его крупных формах. Эта прогрессивность устанавливалась в том, что капитализм объективно уничтожает отсталые хозяйственные формы и освобождает Россию от остатков крепостных отношений и от варварских отсталых форм капиталистической эксплоатации, тем самым расчищая путь для огромного подъема хозяйства, приобщения России к передовым странам, а затем, что особенно важно, создавая условия для подготовки рабочего класса к совершению социалистического переворота.

д) НАРОДНИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ

Как идеологи мелкобуржуазного производства, народники искали приемов и способов для того, чтобы остановить развитие крупного производства. Но в такой же мере, как мелкое производство не противоречит товарным отношениям, народническое прожектерство не противоречит капиталистическому способу хозяйствования. Народники желали лишь одного: товарного хозяйства без капитализма, и капитализма без эксплоатации. Такой капитализм, конечно, утопия. Общество, построенное на таких отношениях, где нет никакой эксплоатации, конечно, может быть построено в результате длительной, упорной и беспощадной классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Эта борьба требует организации сил рабочего класса, как руководителя и единственного до конца последовательного в своей борьбе. К этой организации сил рабочего класса и призывали русские марксисты 90-х годов. Либеральные же народники, увлеченные своими утопическими прожектами, скромно обращались на практике за помощью к «обществу» и государству, — «взывали к идеологам и политикам буржуазии» (Ленин). Вот почему надо было указать, что они «в состоянии сбить с толку социалистов, которые примут за союзников злей-

ших врагов пролетариата, в состоянии только затормозить борьбу за освобождение вместо того, чтобы способствовать усилению, выяснению и большей организации этой борьбы». (Ленин. Собр. соч., т. I, стр. 217.)

Каковы же те спасительные меры, которые, по мнению либеральных народников, предотвратят развитие капитализма и облегчат положение эксплоатируемых? В общих чертах эти меры сводятся к следующему. Предотвращение капитализма в России может быть произведено организацией и развитием производительных ассоциаций кустарного и артельного производства. Таковы «благодетельные начала политики, которые обезопасят Россию от повторения капиталистической культуры Запада, сохранят нас от вредных влияний Европы и дадут миру новые формы общежития», — как писал Михайловский.

В России к 90-м годам существовали различные производительные артели и ассоциации. Самый факт их существования уже свидетельствовал о глубочайших переменах в положении крестьянства. Неспособные обеспечить свое существование хозяйствованием на своих наделах, крестьяне искали спасения в артелях или уходили на промысла. Слабое развитие машинной техники помогало их существованию, и еще в 80-х годах были случаи, описанные проф. Туган-Барановским в его известной работе «Русская фабрика в прошлом и настоящем» [1]), когда кустари удачно конкурировали с фабрикой. Само собой разумеется, когда к 90-м годам русская буржуазия переносила на нашу почву передовую технику Европы, она без особой борьбы побеждала кустарей. Этой разорительной для мелкого предпринимателя работе капитализма помогла развернувшаяся постройка железнодорожной сети, которая позволяла капиталисту проникнуть в самые глухие уголки России, где до того пользовался на рынке безраздельным господством русский кустарь. Было бы ошибкой думать, однако, что артели создавались разорившимися крестьянами. Для этих целей у них не было средств, которые требовались в относительно большом количестве. Как легко установить по материалам бывшего «Вольно-Экономического общества», в 70-х годах артели создавались по преимуществу помещиками. Чтобы поднять свое падавшее благосостояние, эти помещики прибегли к артельным начинаниям. Если крестьянство и вовлекалось в артель, так только на условиях внесения большого денежного пая, который был под силу только хозяйственным, зажиточным мужичкам. Что же касается крестьян, не имевших средств, то в лучшем случае они принимались в качестве обычных рабочих, получали заработную плату и никакими правами, кроме права продавать свою рабочую силу, не пользовались. Чисто крестьянские артели создавались исключительно обеспеченными крестьянами, владевшими денежными достатками. В отчете об артелях, созданных в Тверской губернии, Тверское земство так и говорило о них — «ассоциации мелких капиталистов». Внутри этих артелей никакого «общинного духа» не было и в помине. У артелей существовали наемные рабочие, получавшие одну заработную плату. Сами участники артелей

---

[1]) Книга эта, вышедшая в марте 1898 года, сыграла огромную роль в деле борьбы с народниками.

далеко не были равны между собой. Тот, кто вносил больше средств, пользовался и бóльшими привилегиями, т.-е. получал больше прибавочной стоимости. Основательно изучивший характер этих артелей А. Потресов писал: «Артели стали повивальными бабками для отечественных предпринимателей, мелких, средних и крупных капиталистов». («Этюды русской интеллигенции». Статья «Артельная эпопея», стр. 37.)

Капиталистические порядки найма и пр. существовали не только внутри артели. Наилучше организованные, обладавшие большими средствами, такие артели существовали самостоятельно и, как таковые, сами выступали на рынок. Артели же менее обеспеченные, быстро разорявшиеся под влиянием капиталистической конкуренции, утрачивали свою самостоятельность и переходили во власть скупщиков, т.-е. представителей торгового капитала. В народнической литературе того времени сохранились любопытные замечания по части испорченности нравов членов артелей. Но эти сетования на порчу нравов были лишь благодушными укорами со стороны интеллигентов-народников. Эксплоатация внутри артелей, обман покупателей были такими же законными детищами капитализма, как наем рабочей силы, как неравенство артельщиков. В. В. в своей книге «Судьбы капитализма в России» писал:

«Как ни прославлялись с точки зрения блага артельные сыроварни, но должно признать, что рукою их основателя двигал враг народа — капитал... иначе не был бы возможен факт... громадной смертности крестьян Кудрявческой волости, зависящей от того, что дети их выкармливаются одним хлебом, а молоко все идет на артельные сыроварни»...

Страх мелкого хозяйчика потерять свою мнимую самостоятельность обязывал его выезжать на жизни и здоровьи собственных детей. Таким образом артель имела все черты капиталистической эксплоатации. Здесь был наем рабочей силы, эксплоатация, но только такая, которая свойственна отсталому мелкому производству. Так что за названием «артель», «ассоциация» обычно скрывалась своеобразная система получения доходов в зависимости от внесенных членами артели средств. Этими-то «артелями» и «ассоциациями», только потому, что недостаток средств не позволял им стать крупными капиталистически организованными предприятиями, и они зачастую влачили жалкое существование, народники думали победить капитализм. «Такова уже природа мелкого буржуа — против капитализма бороться капиталистическими приемами», — замечает Ленин.

Вот, примерно, перечень остальных мер, на которых настаивали народники: банк, аренда казенных земель, устранение препятствий, опутывающих сельскую общину, развитие артельной обработки сырья, дешевый кредит, артельная форма хозяйства, музеи, склады, комиссионные конторы. Излишне отмечать капиталистическую суть этих мероприятий при капитализме. Именно поэтому В. И. Ленин писал:

«Всмотритесь в эту программу, и вы увидите, что эти господа вполне и целиком становятся на почву современного общества (т.-е. на почву капиталистических порядков...

У «друзей народа»... не заметно пожеланий какого бы то ни было коренного изменения современных порядков. Они вполне удовлетворяются либеральными мероприятиями на данной почве»... (Собр. соч., т. I, стр. 156—163.)

Либеральными народниками в особенности выдвигалась идея создания «крестьянского банка», который субсидиями на проценты поможет мелкому хозяйчику стать на ноги. Стоит остановиться на этой мере, чтобы лишний раз вскрыть мелкобуржуазную душу народника. Сама идея банка была проповедью помощи зажиточному кулаку, ибо совершенно разоренному крестьянину какие бы то ни было выдачи банк производить отказывался. Когда же выяснилось, что разорение продолжалось, а банк своими операциями его ускорял, и кустари гибли, — народники объявили банк учреждением вредным, ибо он разлагает «народные устои жизни».

«Сельский банк, — писал Глеб Успенский («Из деревенского дневника»), — дает больше тому, у кого больше, и производит в деревне свои операции с тою же неизменностью, как и в городе, где, как известно, никакой общины не существует»...

Таким образом народническая защита мелкого производителя отнюдь не была революционной — она основывалась на сохранении капиталистических порядков, но только без действия сил крупного капитализма. Вся защита мелкого производства ограничивалась предложениями культурного характера, которые адресовались буржуазии и самодержавию. На этом пути, разумеется, разрешить важнейшие задачи, вставшие перед революционерами 90-х годов, народники не могли. Поэтому Ленин писал о подобного рода мероприятиях народников:

«...Подобные мероприятия обращаются у них в кроткие либеральные полумеры, прозябающие от щедрот филантропических буржуа и приносящие гораздо больше вреда отвлечением эксплоатируемых от борьбы, чем пользы от того возможного улучшения положения отдельных личностей, которое не может не быть мизерным и шатким на общей основе капиталистических отношений». (Собр. соч., т. I, стр. 157.)

е) НАРОДНИКИ О ПРИТУПЛЕНИИ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Важным пунктом решительной полемики марксистов с народниками был вопрос о притуплении последними классовых противоречий, которые существовали в России. Это притупление было возведено в целую систему и охватывало как область деревенских, так и городских отношений. К этому надо добавить замазывание классового характера русского государства, опиравшегося на помещиков и буржуазию.

«Итак, — спрашивал Ленин в 1894 г. народников, — в России нет и «внутренних противоречий»? т.-е., говоря прямо, нет эксплоатации массы народа кучкой капиталистов? нет разорения громадного большинства населения, обогащения кучки лиц? Мужику только еще предстоит быть оторванным от земли? А в чем состоит вся пореформенная история России, как не в массовой, невиданной нигде в такой интенсивности экспроприации крестьянства? Надо иметь большое мужество, чтобы заявлять во всеуслышание такие вещи, и г. Михайловский обладает этим мужеством». (Ленин. Собр. соч., т. I, стр. 119.)

Все эти рассуждения народников, конечно, вытекали из непонимания сущности классов и классовой борьбы. Мы видели уже, что когда народник брал артель, ассоциацию, он хвалил форму этой организации и совершенно игнорировал противоречивые отношения, сложившиеся внутри этих форм. Тем самым он отвлекался от самого главного, что характеризовало артель и пр. И уже ни в коей мере такой народник, не признавая этих противоречий, не мог призывать к борьбе с этими отношениями, воспитывать эксплоатируемых в духе классовой ненависти к эксплоататорам, а мог только запутать, затуманить сознание пролетариата, развивать у эксплоатируемых иллюзию общности интересов рабочего и капиталиста и питать надежду на милостивую помощь со стороны «общества».

А капиталисты представлялись народникам, как мы уже говорили, «образованными гуманистами», испытывающими даже нечто вроде отвращения к злому делу эксплоатации. Обращением к чувству и разуму этих людей можно будет, как писали народники, искоренить все бедствия, обрушившиеся на трудящихся. Такими в представлении народников были не одни только русские капиталисты.

«В Англии, — писал Н. К. Михайловский, — перед нами не два непримиримых враждебных лагеря, между которыми невозможно никакого соглашения, не два стада зверей, ежеминутно готовых ко взаимному истреблению... Под влиянием страха и благоразумного расчета, а частью искренних великодушных чувств, мыслящие люди (в другом месте Михайловский пишет «дирижирующие классы Англии») все более проникаются заботами о материальных, умственных и нравственных интересах рабочего класса»...

И вот русскому рабочему, который уже в 90-х годах своей героической борьбой с самодержавием привлек внимание всего мира, предлагается ждать милостей от «гуманной и культурной» русской буржуазии, открыто блокировавшейся с самодержавием. Путь борьбы с буржуазией, с этой точки зрения, конечно, ошибочен. Рабочему надо ждать пробуждения великодушного чувства капиталиста. По временам народники выступали с осуждением рабочих демонстраций. Да и вообще для либеральных народников рабочий класс являлся самым жестоким и антиобщественным порождением капитализма. Народник В. В. так прямо и писал: «Пролетариат не имеет зиждительной силы и не может на почве существующего строя выработать что-нибудь способное обновить мир, дать новое направление социальной жизни»...

Непонимание сущности классов и классовой борьбы приводило народников к непониманию роли государства вообще и русского самодержавия в частности. Государство для либеральных народников служило чем-то надклассовым, интересующимся заботами о всех классах населения, занятым лишь одной задачей — бороться с личным произволом отдельных членов в интересах целого. Государство могло взять на себя почин — уберечь мелкое производство от разграбления капиталистической буржуазией, но с тем, чтобы и волки были сыты и овцы целы. Дать поэтому правильный ответ

на вопрос — надо ли рабочему повести борьбу с самодержавием — народники не могли. Такие «друзья народа» действительно развивали вреднейшие реакционные идеи. Это приводило на практике к воспитанию эксплоатируемых в духе покорности и смирения до того времени, когда «разум и благоразумие» самодержавия восторжествуют, и оно начнет заботиться о благосостоянии униженных и оскорбленных. А отсюда вывод: русское правительство может стать оплотом в борьбе эксплоатируемых. Один раз, устами Кривенко, они заявили: «80-е годы облегчили народное бремя (различными мерами по сокращению ряда налогов. Ред.) и тем спасли народ от окончательного разорения»... История знает, что самодержавие сыграло решающую роль в крестьянском разорении. Постоянные голодовки именно тем и объясняются, что налоговым прессом самодержавие забирало последние крохи достатков крестьянина, обрекая его на голод, и ничего не сделало для того, чтобы рационально поставить защиту крестьянства от систематических голодовок. В угоду своим утопическим теориям эти народники решались преуменьшить роль государства в крестьянских бедствиях, тем самым они распространяли заведомо вредный обман среди эксплоатируемых. Правительство выставлялось как сила, заботящаяся о народном благополучии. Мудрено было бы тогда оправдывать активные выступления народа против этого самого «народолюбивого» правительства. В. И. Ленин по этому поводу писал, что это «одна из основных черт мещанства»... не понимать, что... «государство в буржуазном обществе не может не быть классовым государством»... (Собр. соч., т. I, стр. 174.)

Вот почему либеральное народничество объективно прикрывало и защищало самодержавие. Оно не разоблачало классовых антагонизмов, существующих и в деревне и в городе, и тем самым притупляло сознание и рабочих и разоренных крестьян.

«...постоянная и последовательнейшая тактика... — писал Ленин, — фарисейски закрывать глаза на невозможное положение трудящихся в России, изображать его только «пошатнувшимся», так что достаточно усилий «культурного общества» и правительства, чтобы направить все на истинный путь. Эти рыцари думают, что если они закроют глаза на тот факт, что положение трудящейся массы плохо не потому, что оно «пошатнулось», а потому, что она подвергается бесстыднейшему грабежу со стороны кучки эксплоататоров, что если они наподобие страусов спрячут головы, чтобы не видеть этих эксплоататоров, то эти эксплоататоры исчезнут». (Собр. соч., т. I, стр. 120.)

ж) ТРИ ВИДА КРИТИКИ ЛИБЕРАЛЬНОГО НАРОДНИЧЕСТВА

В 90-х годах марксизм, казалось, выступает единым фронтом против народничества. На самом деле эта критика отнюдь не была единой, — это обстоятельство сказалось очень скоро. В разгар самой полемики марксизму революционному — или, как тогда говорили, ортодоксальному — правоверному, в лице В. И. Ленина, пришлось отмежевываться от Струве и компании. На деле в струвистской критике народничества марксизм был только маской, под которой выступала буржуазия. С сущностью этой «критики» мы познакомимся ниже в главе

о «легальном марксизме», однако сейчас нельзя пройти мимо двух оттенков марксистской критики, которая сказалась и у революционных марксистов как на подходе к либеральному народничеству, так и на критике его (мы имеем в виду критику Ленина и критику Плеханова). В это время в силу задач, стоявших перед революционным марксизмом в обстановке 90-х годов, эти оттенки не имели значения; в настоящее же время остановиться на них, проследить сущность этих оттенков не только представляет огромный исторический лишь интерес: мы увидим впоследствии, как маленькие разногласия сказались уже очень скоро и в рядах ортодоксальных марксистов и отразились на делении партии рабочего класса на революционное и оппортунистическое крыло. Теперь на фоне всех документов этого периода, освещающих новым светом эту замечательную эпоху, было бы в р е д н о замалчивать, что уже в т о в р е м я отношение к отдельным вопросам у Ленина и Плеханова было различно и, как мы попытаемся доказать, н е с л у ч а й н о различно. Вот почему мы обязаны различать в 90-х годах, в сущности, три вида подхода к оценке народничества. По выражению Мартова в «Записках социал-демократа», в 90-х годах выступил против народничества легальный, подпольный и эмигрантский марксизм. Эти три вида марксизма были в сущности «зародышами» т р е х будущих тактик в революционной борьбе. Ниже мы останавливаем внимание на последних двух типах критики. Устанавливая основные моменты в их подходе к критике народничества, мы постараемся уяснить себе, имеют ли какое-нибудь отношение к будущему русскому большевизму и меньшевизму эти два типа критики народничества.

1) Как критиковал народников Плеханов

Можем отметить два значительных момента в борьбе Плеханова с народничеством: первый, когда стала оформляться группа «Освобождение Труда», и второй — 90-е годы. Мы почти не будем касаться характера критики Плехановым народничества, бакунизма и т. п. Здесь перед Плехановым стояла определенная задача, которую он выполнил мастерски, и в этом отношении он был и остается учителем не одного поколения марксистов, и написанное им не потеряло всей глубины и научной ценности до наших дней. Нужно иметь при этом в виду, что Плеханову необходимо было со всей резкостью разбить старую утопическую теорию, обосновать вопрос о необходимости политической борьбы для победы марксизма и подчеркнуть историческую роль пролетариата. Если Плеханов даже и перегнул при этом палку, — тогда это было вполне понятно; в 80-е годы «порода марксистов» была очень и очень редка, умами революционеров все еще владело народничество. Но Плеханов «проглядел» в народничестве—и это особенно сказалось в 90-е годы, когда вопрос о победе марксизма был почти решен, — его (народничества) «демократическую» и «положительную» сторону. И это было не только ошибкой одного Плеханова, но и всей группы «Освобождение Труда», вождем которой он являлся. Эта ошибка вовсе была не случайностью, она вытекала из слишком отвлеченного, неконкретного применения к российским условиям марксизма Плехановым, хотя сам Плеханов неоднократно отстаивал верную мысль, что для марксиста истина всегда конкретна.

В предисловии к первому тому собрания сочинений В. И. Ленина тов. Л. Б. Каменев совершенно правильно замечает:

«Плеханов блестяще изложил, обосновал и проиллюстрировал учение Маркса, но в нем не было той почвенной силы, тех глубоких корней, той громадной чуткости, той стихийной связанности с миллионами масс трудящихся России, которые дали возможность Ленину не оставаться т о л ь к о истолкователем марксизма, но превратили его в вождя русской революции и поставили во главе завоеванного трудящимися государства». (Собр. соч. В. И. Ленина, второе издание, т. I, стр. XXVII.)

Другими словами можно было бы сказать, что в своей общей теоретической формулировке марксистские положения, выдвинутые Плехановым против народничества, бесспорны, но конкретно к анализу содержания русского народничества их правильно применил только Ленин, и поэтому Ленин видит в народниках не только «утопистов», «реакционеров», но по ряду их требований он видит в них представителей мелких производителей, к которым должна чутко прислушиваться партия рабочего класса; с другой стороны, именно ш а б л о н н о е применение марксизма Плехановым к русским условиям не позволило ему, как это сделал Ленин, столь решительно выступить против б у р ж у а з н о й критики народничества легальными марксистами. Очень долго, как увидит дальше читатель, Плеханов это делал в довольно осторожной форме двусмысленными намеками, которые скорей дружески журили легальных марксистов, чем их бичевали; ниже нам станет ясно, в чем тут дело. Для Ленина важно было не только показать невежество и реакционность народнической идеологии, ему важно было уже в этот период попытаться ответить на вопрос о выдвигающихся силах предстоящей революции, и поэтому он, подобно Плеханову, не ограничивался только одной «академической» критикой народничества. В уже цитированном предисловии Л. Б. Каменева читаем: «В той постановке, которую дал вопросу о хозяйственном развитии и борьбе классовых сил России Владимир Ильич в середине 90-х годов, было очень много нового. В ней не было ничего академического. В. И. Ленин обвинял господствующую идеологию не в невежестве, не в неправильных научных приемах (т.-е. он обвинял их, конечно, и в том, но ни в этом был центр тяжести), а в политическом преступлении: в затушевывании крепостнических и капиталистических форм угнетения, господствовавших в русском хозяйстве, в дезориентировании этим путем революционной мысли и в искажении классового характера задач грядущей революции. В. И. Ленин подошел к самой господствовавшей в революционной среде идеологии с чисто классовой точки зрения. Это позволило ему вскрыть не только ее путаность и безысходность, но и ее классовые корни: это была идеология мелкой буржуазии, склонной, несмотря на всю революционную традицию, стоявшую за стеной наиболее призванных идеологов народничества, заигрывать даже с абсолютизмом.

Т е о р е т и ч е с к а я и п о л и т и ч е с к а я к р и т и к а н а р о д н и ч е с т в а в р а б о т а х В. И. Л е н и н а с е р е д и н ы 90-х г о д о в н а п р а в л е н а п р е ж д е в с е г о н а т о, ч т о б в ы д е л и т ь и о б р и с о в а т ь о с о б о е м е с т о в р о с с и й с к о й э к о н о м и к е и п о л и т и к е р а б о ч е г о к л а с с а, о п р е д е л и т ь е г о д а л ь-

нейшие пути и освободить его от влияния мелкобуржуазного, реакционного «социализма» революционеров старой манеры. Подобная классовая обстановка всей проблемы увязывала в работе В. И. Ленина сухие столбцы цифр с политической задачей по построению пролетарской партии и, переводя весь спор на язык активной политической борьбы, оказывала сокрушительное действие на народническую идеологию и энергично расчищала место для закладки идейного и организационного фундамента рабочей партии. Подобная классовая и действенная постановка проблемы вместе с тем провела резкую грань между критикой старой революционной идеологии, как она давалась Владимиром Ильичем, и критикой той же идеологии, как она давалась провозвестниками буржуазного развития России «тоже марксистами» — Струве, Туган-Барановским и Булгаковым». (Там же, стр. XXIII—XXVI.)

Чтоб понять, чем же объясняется этот академизм Плеханова, и позицию, занятую тов. Лениным, нужно вспомнить, как шло политическое формирование Плеханова и Ленина. Основной задачей, которая стояла перед революционным движением, начиная с 60-х годов, была борьба с самодержавием, которую революционеры 70-х годов рассматривали как борьбу за социалистическое начало и которая, на самом деле, была борьбой за буржуазную революцию. Что касается марксистов, то среди них, конечно, не было никаких разногласий по вопросу о характере предстоящей революции, но, как мы это попытаемся проследить, уже в этот период намечаются в зародыше два подхода к оценке этой буржуазной революции — ленинский и плехановский. Тов. Каменев совершенно правильно пишет, «что в ряде статей... в работах В. И. Ленина середины 90-х годов... читатель найдет первые попытки Владимира Ильича сформулировать отношение между рабочим классом и крестьянством в революции. Вдумчивый читатель несомненно заметит в этих первых попытках решение основной проблемы российской революции — борьбу двух тенденций»... «понимание того, что основой для победы пролетариата над этой монархией должно явиться крестьянское восстание против помещиков, было у Владимира Ильича, уже в 90-х годах глубже и определеннее, чем у кого бы то ни было из марксистов того времени, не исключая членов группы «Освобождение Труда». (Там же, стр. 30.)

Иное дело у Плеханова. Что предстоящая революция будет буржуазной революцией по своему содержанию, это считалось несомненным. Но путь этой революции Плехановым устанавливался общо, перенося почти чисто механически опыт буржуазных революций на Западе и для России. А между тем обстановка России 90-х годов, конечно, существеннейшим образом отличалась от обстановки, в которой происходили западно-европейские революции. Во всех критических работах Плеханова, однако, мы почти не находим при попытках конкретного анализа движущих сил русской революции учета своеобразия русской обстановки, тех «двух тенденций», которые уже в этот период намечались у В. И. Ленина. Плеханов в своих произведениях этого периода хотя еще не отводит целиком решающую роль буржуазии в предстоящей революции, но в своих сочинениях явно игнорирует роль мелкой буржуазии в лице крестьянства, несмотря на отдельные кое-где замечания о крестьянстве. Плеханов был

тысячу раз прав, когда доказывал народникам, что будущая наша революция связана с рабочим классом, как передовым классом. Но Плеханов забывал, что крестьянство может и должно явиться союзником пролетариата в борьбе за доведение до конца буржуазной революции. И из того, что «западно-европейское крестьянство оставалось равнодушным ко всяким отвлеченным правам и готово было предпочесть сибирские порядки английским», Плеханов делал вывод: «но в том-то и дело, что истинные, не буржуазные демократы, т.-е. демократы социалисты, обращаются не к крестьянству, а к пролетариату». Так Плеханов, бывший народник, бунтарь, разделываясь со своими старыми утопическими взглядами, разделывается с ними так, что не только беспощадно развенчивает все основные устои народничества, в особенности в отношении крестьянства, но становится на путь игнорирования роли крестьянства в предстоящей русской революции; можно было бы сказать, что вместе с водой Плеханов выплескивал также и ребеночка. Конечно, не трудно было бы объяснить кое-что в этих ошибках тем, что в 80-е годы прошлого столетия такие взгляды Плеханова были не чем иным, как законными в борьбе с реакционными утопиями народничества перегибами палки. Однако и в 90-х годах Плеханов продолжает держаться и постепенно развивать этот свой неверный анализ мелкой буржуазии и в то же время начинает преувеличивать роль крупной буржуазии в предстоящей революции, чем и объясняется его отношение как к народникам, так и к легальным марксистам; именно, дальнейшее развитие этих взглядов Плехановым едва не раскололо еще задолго до второго съезда ортодоксальных марксистов, группировавшихся вокруг «Искры». Этот подход Плеханова лишний раз доказывает, что не в 1906 году, когда на Стокгольмском съезде партии Плеханов вполне последовательно развивал меньшевистскую теорию относительно крестьянства, сложились его взгляды на этот вопрос. Корни этих взглядов упираются, несомненно, уже во взгляды Плеханова 90-х годов. Недаром на IV съезде партии Плеханов обвинял В. И. Ленина в народничестве и народовольчестве и бил на то, что хотя и «приятно встретить старых знакомых», но странно, как это марксисты считают возможным в 1906 году воскрешать старые народнические утопии, как отзывался Плеханов о взглядах большевиков и Ленина, потому что они взяли решительный курс на союз с крестьянством, на буржуазно-крестьянскую революцию. Мы считаем совершенно правильной оценку причин этой ошибки Плеханова в подходе в крестьянству еще в 90-е годы, данную тов. Батуриным.

«В старой «Искре»,— пишет Батурин,— сошлись два поколения русских социал-демократов.

Первое поколение, это — группа «Освобождение Труда», поколение «основоположников» русского марксизма. Оно числило за собой огромные заслуги, его авторитет стоял так высоко, что без его участия нечего было и думать об основании «Искры», как собирательницы партии.

Каково же было отношение первых русских марксистов к крестьянству? На это отношение наложили свою печать два обстоятельства: 1) что все они вышли непосредственно из рядов народников и 2) что в борьбе за свои новые, социал-демократические взгляды они должны были очень долго вести борьбу с народничеством.

Как собственный плачевный опыт «хождения в народ», так и позднейшая марксистская критика народнических утопий, связанных с общиной, как социалистической ячейкой, и ролью крестьянина, как носителя социализма, — приводили их к полной противоположности народнических взглядов на крестьянство. Антинародническое по преимуществу содержание их марксизма приводило их к антикрестьянскому направлению их с.-д. пропаганды. (Подчеркнуто нами. Ред.) Этот несомненный антикрестьянский уклон группы «Освобождение Труда» исторически не только может быть объяснен условиями появления на свет русского марксизма, но и оправдан теми конкретными задачами социал-демократической пропаганды, какие могли себе ставить первые русские марксисты.

Антинародническое устремление первых марксистов приводило их таким образом к отрицанию революционной роли крестьянства не только в социалистической, но и в буржуазной революции.

В противоположность такому безнадежному скептицизму к революционной роли крестьянства, их оценку рабочего класса, как будущего могильщика самодержавия, нельзя теперь назвать иначе, как утопической. В своей речи на международном социалистическом конгрессе в 1889 г. Плеханов, между прочим, заявил: «Задача нашей революционной интеллигенции сводится... по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия».

«Таково было отношение виднейшего представителя группы «Освобождение Труда» к крестьянству в конце 80-х годов. Все его блестящие литературные выступления в 90-е годы, насколько нам известно, не внесли в это отношение никаких существенных изменений. (Подчеркнуто нами. Ред.)

Так ошибался Плеханов в вопросах оценки народничества как представителей, как идеологов крестьянства, эта же ошибка привела его к переоценке роли русской буржуазии, в которой он видел более важных союзников в предстоящей революции, с которыми должен будет считаться рабочий класс, и отсюда его осторожный подход к «легальному марксизму», и отсюда то, что в то время, когда Ленин выступал против Струве в 1894 году, Плеханов начинает «стрелять» по Струве значительно позднее, когда молчать уже больше нельзя. Совсем другое дело у Ленина. «Для характеристики идейной политической позиции Ленина, — читаем мы у тов. Каменева, — уже в начале 90-х годов чрезвычайно характерно и показательно, что ему почти одновременно — на протяжении всего только нескольких месяцев — пришлось по основному вопросу о ходе дальнейшей эволюции России, а следовательно и о предпосылках революционного движения в России и о классовом характере последнего, выступить и против народников (Михайловского, Кривенко, Южакова) и против Струве. Так же, как разбор позиции народников в «Друзьях народа» представляет отмежевание пролетарского социализма от всех форм мелкобуржуазного реакционного утопизма, разбор книги Струве представляет резкое отмежевание пролетарского социализма от буржуазного течения, принужденного своеобразными общественными отношениями в России и ходом борьбы реакционного утопизма народников прикрываться марксизмом или заигрывать с марксизмом.

В этом расположении сил не трудно видеть предвосхищение всей позиции пролетарского социализма в России на грядущие десятилетия; если мы вспомним, что вся дальнейшая история формирования пролетарской партии и выковывания коммунистической идеологии представляет из себя историю непрерывной борьбы с мелкобуржуазным народничеством (впоследствии эсерством), с одной стороны, и с разнообразными маскировками под марксизм буржуазных течений (струвизм, экономизм, меньшевизм, ликвидаторство и т. д.), с другой стороны, мы имеем, что гениальная прозорливость Ленина позволила ему уже в самом начале его деятельности сделать из марксистского метода самое плодотворное употребление. Нельзя при этом не вспомнить, что даже ортодоксальнейший, авторитетнейший из марксистов того времени Г. В. Плеханов не проявил в тот момент того понимания и той готовности к борьбе «на двух фронтах» — и против народников и против «струвистов», — которые проявил Ленин. Эта позиция Плеханова на наш взгляд была не случайная, она связана с общей линией». (Подчеркнуто нами. Ред.)

Вот с этой-то точки зрения, как «зародыш» русского меньшевизма в оценке движущих сил русской революции, нас интересовали некоторые черты критики народничества у Плеханова: меньшевики, будущие последователи Плеханова, горячо отстаивали свои взгляды, опираясь именно на этот, абстрактный местами, анализ Плеханова. Насколько сам Плеханов впоследствии для обоснования своего оппортунизма использовал именно эти слабые стороны своей критики народничества против Ленина, против большевиков, против пролетарской революции, показывает один замечательный документ, настолько важный, по нашему мнению, для истории вопроса, что мы приведем его полностью. Мы имеем в виду знаменитое послесловие Плеханова к его брошюре «Социализм и политическая борьба», которое было написано им в 1917 году по приезде в Россию.

«Брошюра «Социализм и политическая борьба», вышедшая в 1883 г., была первым печатным выражением социал-демократических взглядов на русском языке.

«Если бы мне предложили указать главную мысль этой брошюры, то я сказал бы, что в ней я рекомендовал социалистическое учение Маркса и Энгельса, как своего рода нить Ариадны, способную вывести нас из лабиринта наших тогдашних политических и практических противоречий. Кроме того, опираясь на это учение, я доказывал, что Тихомиров и другие теоретики «Народной Воли» ошибались, считая возможным совпадение у нас момента низвержения старого порядка с моментом социалистического переворота. В течение некоторого времени эта вторая моя мысль была общепризнанной в нашей социал-демократической среде. Теперь у нас опять воскресает (смотри тезисы Ленина [1]) старое представление о возможности совпадения двух разных моментов. Наша экономическая действительность далеко еще не такова, чтобы представление это могло опереться на какие-нибудь объективные данные. Оно представляет собою идейный пережиток, унаследованный нами от эпохи, когда мы твердо держались субъективного метода социологии [2]).

[1]) Плеханов имеет в виду «Тезисы» В. И. Ленина, опубликованные им по приезде в апреле 1917 г., по поводу которых Плеханов разразился статьей: «О тезисах Ленина или почему бред иногда бывает интересен».

[2]) Так назывались идеалистические теории развития общества, у нас проводимые народниками Н. К. Михайловским и др.

В другой своей статье «Еще раз социализм и политическая борьба», помещенной в 1900 г. в первой книжке «Зари», я отстаивал ту мысль, что так как момент падения старого порядка не может совпасть у нас с моментом социалистического переворота, то наш рабочий класс совершил бы огромную политическую ошибку, если бы захотел изолировать себя от других классов общества, заинтересованных в завоевании и в упрочении политической свободы. Эта мысль тоже получила всеобщее признание по крайней мере в среде наших марксистов. Но уже в 1905 г. Ленин и его единомышленники стали всеми силами стремиться к изоляции «пролетариата и крестьянства». Теперь это стремление проявляется с новой силой. Почти излишне прибавлять, что оно отнюдь не может быть оправдано действительным соотношением сил в нашей стране и что здесь мы опять имеем перед собой один из старых идейных пережитков. Что он может наделать страшно много вреда, этого не видят только слепорожденные».

Что мы, следовательно, не ошибаемся в оценке взглядов Плеханова 90-х годов, когда у него начинала оформляться точка зрения «гегемонии буржуазии» в предстоящей борьбе, разъясняет и подтверждает в только что приведенном документе сам Плеханов.

2) Критика народничества у Ленина

(«Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов»)

Совершенно правильно отмечает Каменев в предисловии к первому тому собр. соч. Ленина:

«Поразительна та громадная чуткость, которая позволила Ленину в этой работе («Что такое «друзья народа». Ред.) наметить те тактические проблемы грядущей революции, которые впервые широко сказались здесь через 12 лет (1905 г.), а целиком развернулись лишь через 25 лет (1917 г.). Кто хочет понять основное зерно тактических идей Ленина, кто хочет понять корни революционной программы Ленина и 1905 и 1917 г.г., тот должен изучить данную работу Ленина, ибо в этой первой своей политической работе Ленин впервые уже наметил и подчеркнул те специфические классовые отношения в России, которые затем послужили твердым базисом для его идеи диктатуры пролетариата и крестьянства (1905 г.) и идеи революционного союза рабочих и крестьян (1917 г. и последующие годы».)

И действительно, сочинение Ленина «Что такое «друзья народа» (не получившее, правда, в 90-х годах массового распространения) дает в сжатом виде основные идеи русского большевизма. Установив, «что сущность народничества — представительство интересов производителей с точки зрения мелкого буржуа, — и что «социалистического» ровно ничего нет в требованиях, которые народники выставляют» — Ленин ставит вопрос:

«Как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам?»

И отвечает:

«И на этот вопрос нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса... Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т.-е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении.

Эти две стороны мелкобуржуазной программы следует строго различать, и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий, борясь против их реакционных сторон, не следует забывать об их демократической части».

Целый ряд требований народников должен быть поддержан поэтому рабочим классом, ибо хотя в этих требованиях не имеется ничего социалистического, и не они освобождают рабочих от эксплоатации и гнета капитала, они устранят, почистят этот

«гнет от усиливающих его средневековых ветошек, облегчив рабочему прямую борьбу против капитала, и потому в качестве демократического требования встретят самую энергичную поддержку рабочих»...

«В России остатки средневековых полукрепостнических учреждений так бесконечно еще сильны, они таким гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах, что нельзя не настаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всяких крепостнических учреждений, против абсолютизма, сословности, бюрократии. Рабочим необходимо со всей подробностью указать, какую страшную реакционную силу представляют из себя эти учреждения, как усиливают они гнет капитала над трудом, как унижающе давят на трудящихся, как задерживают капитал в его средневековых формах, не уступающих новейшим, индустриальным по эксплоатации труда, но прибавляющим к этой эксплоатации страшные трудности борьбы за освобождение». (Л е н и н. Собр. соч., т. I, стр. 199—203.)

И потому нужна «б о р ь б а р я д о м с р а д и к а л ь н о й д е м о к р а т и е й п р о т и в а б с о л ю т и з м а и р е а к ц и о н н ы х с о с л о в и й и у ч р е ж д е н и й»... (Подчеркнуто нами. Р е д.) Но в то же время социал-демократы должны рабочему внушить

«что борьба против всех этих учреждений необходима лишь к а к с р е д с т в о (подчеркнуто нами. Р е д.) для облегчения борьбы против буржуазии, что осуществление общедемократических требований необходимо рабочему лишь как расчистка дороги, ведущей к победе над главным врагом трудящихся... капиталом, который у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения». (Там же, стр. 203.)

Читатель не посетует за эту длинную выписку. Здесь, как правильно замечает тов. Каменев, дана не только формулировка марксизма, но и формулировка задач пролетарского социализма на русской почве. Уже из оценки народников видны пределы тем соглашениям, временным союзам, которые в общедемократических интересах должен производить рабочий класс. Несмотря на пользу, которую народники оказывают временами своими требованиями рабочему классу, никакого полного «объединения с ними, конечно, не может быть». Ленин настаивает на необходимости «самостоятельной организации рабочих в особую партию», которая в своих рядах не может терпеть и не должна терпеть мелкобуржуазных попутчиков рабочего движения.

Касаясь вопроса о характеристике русской буржуазии, В. И. Ленин вовсе не считает ее главной движущей силой наступающей революции; наоборот, буржуазия, которая склонна жертвовать своим демократизмом и вступать в сделки с самодержавием, заставляет рабочий класс взять под сомнение революционные возможности русской буржуазии. Ленин уверен, что общедемократические перемены России выведут русское крестьянство из состояния «забитого, загнанного люда, способного только на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест и борьбу». Поэтому п о д д е р ж к а к р е-

ст ьянства — «необходимое условие для победы рабочего класса».

А когда «среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции». Такими строками заканчивал свое произведение 24-летний Ленин. Нет сомнения, что здесь тоже в зародышевой форме выражена тактика русского большевизма, как она развернулась через 12 лет после выхода в свет этого сочинения в России. (Табл. 31.)

«Что такое «друзья народа» было первым и лучшим произведением, которое правильно поставило вопрос о борьбе с народничеством, освобождало мировоззрение от народнических утопий, срывало покров социалистичности с мелкобуржуазной сущности народничества и помогало оформиться, с одной стороны, революционным марксистам, с другой — буржуазным демократам.

3) РАЗЛОЖЕНИЕ НАРОДНИЧЕСТВА

Либеральное народничество подтачивалось тремя потоками, которые привели к разложению его как самостоятельной политической силы. Итогом этого процесса явился распад либерального народничества на две группы: одна группа, понимая, что никакой принципиальной разницы между требованиями народников и либералов не имеется, слилась впоследствии с последними в лице их политического органа «Освобождение»; другая группа попыталась применительно к новым экономическим отношениям воскресить революционное народничество и образовала впоследствии партию так называемых социалистов-революционеров (ПСР), про которую Плеханов правильно заметил, что у нее двойное название потому, что в ее революционности нет ничего социалистического, а ее социализм совсем не революционен. Этими тремя истоками разложения народничества являлись:

1. Широкое развитие массового рабочего движения, которым окрашены были 90-е годы. «Своей освободительной борьбой, как прекрасно выразился Плеханов, рабочий класс освежил нашу общественную жизнь, как освежает гроза застоявшийся воздух». Даже самых неумолимых скептиков это движение, налагавшее серьезный след на все общественное развитие 90-х годов, должно было привести к переоценке ценностей. Своими организованными выступлениями русские рабочие как бы наглядно отмечали ошибочность утопических представлений народников и показывали, что будущее революционное движение в России связано с их выступлениями.

2. Смелая и исчерпывающая критика народничества русскими марксистами, не оставившая камня на камне от народнических построек,—эта критика, которая велась такими блестящими марксистами, как Ленин и Плеханов, была для многих решающей на всю жизнь.

Марксизм давал правильные ответы на сложные вопросы, поставленные перед революционерами. Эти ответы получали полное подтверждение в ходе экономического развития России.

3. Было налицо огромное несоответствие политической программы народников с нуждами коренного переворота в полицейском строе России, которые вставали перед русскими революционными деятелями. Все настойчивее выдвигалась задача полного уничтожения царского самодержавия. А между тем народники замазывали этот вопрос и обращались к самодержавию как к силе, занятой, якобы, заботами о народном благополучии. Потеряв всякую веру в самостоятельное творчество масс, народники по необходимости искали поддержки своим планам в государстве, «обществе», буржуазии, т.-е. в главных виновниках разорения и страданий крестьянства.

Русская молодежь, как и многочисленные группы интеллигенции, очень быстро поэтому начала оставлять народников и перенесла свою деятельность в среду рабочего класса. Надо иметь в виду, что с этим явлением — с массовым переходом интеллигентной молодежи на сторону рабочего класса — марксизму пришлось считаться в последующие годы развития русской социал-демократии. Для 90-х годов этот переход служил явным доказательством отхода интеллигенции от народничества и ее попытки найти новую опору.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К V ГЛАВЕ

Б. «ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ» И БОРЬБА С НИМ РЕВОЛЮЦИОННОГО МАРКСИЗМА

I. Особенности общественно-политического положения России в этот период, вызвавшие приход буржуазии и широких слоев буржуазной демократии под знамя марксизма.

1. Бурное развитие капитализма и широкий размах рабочего движения.
2. Народничество с его реакционной критикой капитализма.
3. Необходимость для революционных марксистов указывать на прогрессивную роль капитализма для трудящихся.
4. Попытки буржуазии и буржуазной интеллигенции приспособить эту критику социал-демократии в своих интересах.

Заключение:

Не было ли со стороны Плеханова и Ленина оппортунизмом вступление в соглашение с либеральной буржуазией в этот период?

ЛИТЕРАТУРА:

Хрестоматия Истпарта, т. I, стр. 397—404.

II. «Легальный марксизм» и его сущность.

1. Взгляды Струве и компании на исторический процесс, с одной стороны, и революционный марксизм — с другой (объективизм вместо материализма).
2. Буржуазный характер критики народничества с выхолащиванием революционной сущности марксизма и приспособлением его к интересам буржуазии.
3. Притупление, а не усиление развития классовых противоречий в процессе развития капитализма, отказ от диктатуры пролетариата, как неизбежного этапа перехода к социализму.
4. Реформа вместо революции. Роль государства. Государство как организация порядка, а не организация господства.
5. Отношение Маркса к теории народонаселения, отношение к интеллигенции, вопросы марксистской философии.

ЛИТЕРАТУРА:

Хрестоматия Флиднер и Карпов, стр. 129, 136, 137, 149.

III. Характер ленинской и плехановской борьбы с «легальным марксизмом». Как складывается у В. И. Ленина уже в этот период взгляд на союз с либералами.

1. Почему Плеханов до 900-х годов не хотел выступить против Струве, либо выступал двусмысленно?
2. Как он относился к резкой критике Струве Лениным?
3. Попытки Плеханова обвинить Ленина в излишнем заигрывании с «легальным марксизмом», как причина, не давшая Плеханову возможности своевременно выступить против «легального марксизма».

ГЛАВА V

БОРЬБА ЗА ИДЕЙНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГЕГЕМОНИЮ ПРОЛЕТАРИАТА

Б) «ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ» И БОРЬБА С НИМ РЕВОЛЮЦИОННОГО МАРКСИЗМА

В предыдущей главе мы познакомились с мелкобуржуазной критикой капитализма народничеством. Мы видели, какими большими опасностями была чревата эта критика для растущего массового движения пролетариата и его формирующейся партии. Перед русским революционным марксизмом стала неотложная задача разбить народнические рассуждения, вскрыв перед массами их реакционную сущность. В процессе борьбы с народничеством, марксизм неожиданно нашел союзника в лице группы, о которой В. И. Ленин писал, что для нее «...разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму... Это были буржуазные демократы». (Собр. соч., т. VIII, стр. 474.) (Табл. 32.)

«Вот эта-то группа, известная под именем «легальных марксистов», вступила в союз с революционным марксизмом против народничества в литературе 90-х годов. «Легальный марксизм» был не чем иным, как борьбой за политическую гегемонию буржуазии, — борьбой, пользующейся марксизмом сперва в недостаточно ярко выраженном, как это будет ниже показано, а потом совершенно определенно выявленном ревизионистском его толковании и сперва направленном против народничества, а потом и против революционного марксизма [1]).

Такое выступление идеологов русской буржуазии под знаком марксизма на первый взгляд кажется почти что необъяснимым. В самом деле, как могло случиться, что русская буржуазия политически трусливая, реакционная, все время находящаяся в блоке с самодержавием, благодаря его покровительственной политике и архи-крепостническому отношению к «рабочему вопросу», дававшему ей возможность наживать миллионные барыши, — как могло случиться, что русская буржуазия нарядилась в марксистское облачение, как и для чего вдруг ей (русской буржуазии) понадобилось, выступая на обществен-

[1]) В своей книге «Легальный марксизм» тов. Ангарский пишет: «Под легальным марксизмом понимается то литературно-общественное течение буржуазной мысли, которое в 90-х годах прошлого столетия выступало против народничества, якобы под знаменем марксизма». (Н. Ангарский. «Легальный марксизм», вып. I (1876—1897 г.г.), издание «Недра», предисловие.)

ную арену, прибегать к подделке под марксизм? Чтобы найти объяснение этому, на первый взгляд непонятному, явлению, возвратимся несколько назад и вспомним, как шло формирование буржуазной идеологии в России.

а) ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ «ЛЕГАЛЬНОГО МАРКСИЗМА»

Еще в эпоху 60-х—70-х годов, как мы видели, политически трусливая буржуазия в силу определенных исторических условий устами своих идеологов, разночинной интеллигенции главным образом, держалась в теории довольнотаки прогрессивных взглядов. Этому обстоятельству способствовал один чрезвычайно важный момент: слабое развитие капитализма, с одной стороны, и резко выявленная классово-крепостническая политика самодержавия — с другой, толкнувшая тонкий слой этой интеллигенции в лагерь крайней оппозиции против царского правительства, при чем левое крыло этой интеллигенции, ее радикальная часть, пыталось использовать против самодержавия революционное настроение крестьянства и тот гнет, который терпело последнее благодаря эксплоатации помещиками и самодержавием. Между тем отсутствие спроса на техническую интеллигенцию, необходимую развивающемуся капитализму, возможность применить свои силы интеллигенту-разночинцу, став лишь «мерзавцем собственной души» на службе у самодержавия, еще более усиливали радикальное настроение всей интеллигенции. Но в политике такие настроения совсем не выражали нужд русской буржуазии, которая чувствовала себя более чем благополучно под сенью самодержавия, а крестьянство, несмотря на героические усилия радикальной части интеллигенции, не оказалось способным на самостоятельное свержение самодержавия.

Таким образом, не будучи связана непосредственно прочно с каким-либо классом, эта интеллигенция стала чувствовать себя вообще чем-то надклассовым, надсословным, только для того и рожденной, чтобы нести свободу угнетенным и обездоленным. Однако попытки на практике осуществить эту благую миссию потерпели, как мы уже знаем, полный крах.

Как реакция на эти настроения интеллигенции, после героической полосы деятельности «Народной Воли», наступили 80-е годы с их полосой мелких дел, непротивления злу насилием, на деле означавшей начало сближения с обществом, т.-е. с буржуазией, и решительный отход от старого революционного прошлого. Служилая интеллигенция все более и более начинает нащупывать почву для возможного сотрудничества с растущим молодым классом буржуазии, хотя внешне и продолжает оставаться под знаком народнической идеологии, все еще считающейся «самой революционной». Сам капитализм, развиваясь, начинает постепенно предъявлять требования на «умственный труд». Интеллигенция начинает чувствовать себя все менее и менее изолированной, и народнические «идеалы» начинают находить свое выражение в призыве к мелким, но полезным для «культурного прогресса» делам.

Максим Горький в книжке «Мои университеты», где замечательно описаны местами 80-е и начало 90-х годов, рассказывает об одной интересной беседе с В. Г. Короленко. Этот чуткий человек, один из интереснейших людей своего

времени, усиленно советовал Горькому перестать заниматься революционными бреднями и взяться за культурничество. Он говорил ему:

«Беритесь за черную легальную работу, за будничное культурное дело. Самодержавие — больной, но крепкий дуб, корень его ветвист и врос глубоко, нашему поколению этот дуб не вырвать, — мы должны сначала раскачать его, а на это требуется не один десяток лет легальной работы».

Так рассуждали даже лучшие люди эпохи. «Долг народу» уже не только не означал беспощадной борьбы с «обветшалым самодержавием», которое остается-де только добить, но исходил из того, что враг «ветвист и крепок» и поэтому нужно помаленечку да полегонечку. Но если так рассуждали «лучшие», то более «серая» интеллигентская масса делала все более реакционные выводы, уходя еще более вправо. Именно поэтому мы не удивляемся, когда читаем у В. И. Ленина в его брошюре «Задача русских социал-демократов» следующие строки, характеризующие русского интеллигента:

«Кто не знает, как легко совмещается на святой Руси превращение интеллигента-радикала, интеллигента-социалиста в чиновника... утешающегося тем, что он приносит пользу в пределах канцелярской паутины, чиновника, оправдывающего этой «пользой» свой политический индиферентизм, свое лакейство перед правительством кнута и нагайки».

Так шла эволюция взглядов некогда революционной интеллигенции.

Приближаются 90-е годы. Мы знаем уже, что основное отличие эпохи 90-х годов заключалось в том, что на-ряду с прямо-таки американским темпом развития капитализма, особенно во второй половине 90-х годов, в городе и неизмеримо более слабым развитием его в деревне в обстановке аграрной, в общем, страны продолжала господствовать народническая идеология, упорно державшаяся того взгляда, что в России капитализм наносное, неглубокое явление и что его легко можно миновать, устранить и заменить «народным производством», которое соответствует, якобы, духу и укладу жизни русского народа, крестьянства главным образом, чуждого психологии «товарного производителя». При чем чрезвычайно характерно и совсем не случайно то, что народники иногда с В. В., Николаем — оном во главе тоже пытались прикрывать свои рассуждения «марксизмом». «Друзьям народа» нужно было показать, что они будто бы опираются на «передовую теорию» освобождения трудящихся, что они не какие-нибудь «реакционные утописты», что либеральное народничество опирается и вытекает из м а р к с и с т с к о г о понимания общественного развития России.

Выше мы уже познакомились с содержанием народнической критики. Теперь остановимся подробнее на той стороне рассуждений народников, которая не была затронута в предыдущей главе, которую лучше разобрать в связи с «легальным марксизмом,» поскольку она также поможет выяснить причину «м о д ы» на марксизм в рядах буржуазии.

б) «МАРКСИСТСКИЕ» РАССУЖДЕНИЯ У НАРОДНИКОВ

Мы видели, что русские народники 90-х годов не «отрицали» капитализма вообще, как это делали их западно-европейские собратья — идеологи мелкой буржуазии. Последние, как известно, видели причину разорения и бедствий

народа трудящихся в крупном производстве, капиталистической технике и культуре и находили спасение в том, что звали назад, к «золотому веку» средневековья и идиллическим воспеваниям крепостнического хозяйства. Смешно, конечно, было на рубеже XX столетия выступать с такой защитой «народа» против буржуазной эксплоатации трудящихся. Народники поэтому старались показать, что они умеют отличить «капиталистический прогресс» от «капиталистической эксплоатации» [1]). Они строили свои марксистские рассуждения, примерно, так: для капитализма нужен рынок. Возьмем Россию: страна она крестьянская; положение массы крестьян из рук вон плохое; сможет ли такой крестьянин быть покупателем для складывающегося капитализма? И народник отвечает: конечно, нет. Следовательно, внутреннего рынка нет. Остается рынок внешний. Но этот последний, по мнению народников, давно занят странами более развитыми в капиталистическом отношении, и молодой капиталистической России с этими странами конкуренции не выдержать Какой же тогда капитализм без рынка? Вот, торжествующе заключали народники, именно, стоя на марксистской точке зрения, никак не докажешь возможность развития капитализма в России. Что от всех этих рассуждений народников не пахнет марксизмом, прекрасно показал в книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин. Важно, однако, сейчас другое. Ведь капитализм, вопреки всем даже «марксистским» рассуждениям народников, все-таки есть уже в России. «Что ж, — отвечают на это народники, — развитие это легко приостановить, задержать поддержкой кустарей, артелей, кредитом крестьянским банкам и всякими другими способами поощрения «народному производству».

Вот какие примерно рассуждения имели мы в бурную эпоху 90-х годов, когда вслед за развитием семимильными шагами капитализма бурно развивалось и рабочее движение. 90-е годы заставили о себе заговорить все общество, и «рабочий вопрос» начинал занимать исключительное внимание правящей клики.

в) РУССКИЙ МАРКСИЗМ И БОРЬБА С НАРОДНИЧЕСТВОМ

Совершенно естественно, что на долю русского марксизма выпала исключительная и в высокой степени оригинальная задача — не только опровергнуть несостоятельность «маркисистских» рассуждений народников «о судьбах капитализма в России», но и показать, что капитализм уже фактически завоевал себе почву, что он — «настоящее и будущее» в России, что явление это, вопреки мнению народников, не временное и не наносное, а глубокое и в высокой сте-

---

[1]) Марксистские рассуждения народников доходили прямо до смешного. В «Развитии капитализма в России» В. И. говорит:

«Особенно поразительна смелость г. В. В., превосходящая границы литературно допустимого. Изложивши свое учение и обнаружив полное незнакомство со вторым томом «Капитала»... г. В. В. тут же неотступно заявляет, что он «воспользовался для своих построений» именно теорией Маркса».

О г. Николае — оне, тоже «козырявшем» Марксом и кстати одном из переводчиков «Капитала», Плеханов в «Монистическом взгляде» писал:

«Г. Николай — он тоже считает себя марксистом. Он ошибается, он только побочный потомок великого мыслителя. Его миросозерцание представляет собою плод незаконного сожительства теории Маркса с г. В. В.».

пени прогрессивное и здоровое для России; при чем для революционного марксизма важно было подчеркнуть, что положение «народа» сможет улучшиться тем быстрее, чем быстрее и глубже пойдет у нас это развитие капитализма, чем быстрее ему удастся преодолеть все крепостнические остатки в деревне, которые господами народниками принимались за «устои народного производства» и которые на самом деле были опорой крепостнической политики самодержавия, лишь прикрываемой внешне «народной» оболочкой. Только быстро развивающийся капитализм и вызванная им ожесточенная, ничем не прикрываемая классовая борьба поможет указать «народу», где враг его бедствий и с кем нужно бороться для его освобождения. Так и подходил к этим вопросам революционный марксизм. Однако совсем не так к этим же вопросам подходили «легальные марксисты». Ниже мы подробно разберем воззрения «легального марксизма»; здесь же отметим, что, поскольку основная идея «легального марксизма» сводилась к борьбе за хозяйственное господство и политическую гегемонию буржуазии, критика народничества последними была использована лишь для провозглашения здравицы капитализму, с одной стороны, и всяческого затушевывания противоречий, которые несет это развитие, — с другой. При этом надо вспомнить, что вообще порода марксистов была тогда еще сравнительно редкой, что властителями дум были народники, что в глазах правительства народники 90-х годов, хотя тактика их, как небо от земли, отличалась от революционной тактики народников 70-х годов, были все еще воплощением революционеров и крамольников, чтобы понять, насколько еще покамест трудно было отличить «ортодоксов» (революционных марксистов) от «ревизионистов» («легальных марксистов»), и казалось, что все марксисты подходят так к критике народничества, как это делали «легальные марксисты» и первый среди них Петр Струве. Понятно, насколько буржуазии было выгодно, что вот появились люди, которые низвергают старые революционные кумиры, провозглашают здравицу капитализму и на все лады воспевают его прогрессивное значение, крупнейших идеологов народнического учения называют попросту утопистами и реакционерами-романтиками. И это несмотря на неслыханную эксплоатацию пролетариата и такую политику правительства, которая делает иностранную конкуренцию почти что невозможной, а русскую буржуазию господином положения на рынке, где можно «стричь» покупателя-крестьянина и рабочего, «как хошь». Ведь устами Струве в его произведении «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», первом легальном марксистском произведении, — «легальный марксизм» решительно призывал интеллигенцию похерить старые бредни, «пойти на выучку к капитализму» и не заниматься несбыточными планами о «штурме небес». Такое своеобразное революционное «учение» показалось русской буржуазии, конечно, более чем по вкусу. Правда, настоящие революционные марксисты и их сторонники в России капитализму петь гимны не собирались и не пели, как и не собирались итти и не пошли к нему на выучку. Но это буржуазии не касалось: ведь призыв «на выучку» шел со стороны Струве, книжка которого, как мы упоминали, легально изданная, имела широкое распространение, в то время как вышедшая несколько раньше

книга Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», отпечатанная нелегально на гектографе, была распространена лишь в какой-нибудь полсотне экземпляров совершенно нелегально и широкого распространения по тому времени, конечно, получить не смогла. Там буржуазия услышала бы совсем другие гимны. Она прочла бы там:

«Раздробленная единичная мелкая эксплоатация привязывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности уразуметь своей классовой солидарности, не дает возможности объединиться, поняв, что причина угнетения — не та или другая личность, а вся хозяйственная система. Напротив, крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, объединяет его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу. На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идеи об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, тогда русский р а б о ч и й, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет р у с с к и й п р о л е т а р и а т (рядом с пролетариатом в с е х с т р а н) прямой дорогой открытой политической борьбы к п о б е д о н о с н о й к о м м у н и с т и ч е с к о й р е в о л ю ц и и» [1]).

Полицейско-самодержавная обстановка не давала возможности революционному марксизму открыто выступать с такими произведениями, и поэтому, повторяем, такие речи до буржуазии покамест еще не доходили. А кроме того, основная задача революционного марксизма — борьба с народничеством — несколько прикрывала покамест различие между разными оттенками в марксизме.

Но «ухватилась» за марксизм не только русская буржуазия в лице группы своих идеологов; он оказался приемлемым также и для широких слоев интеллигенции, питавших до того к нему исключительное презрение. И поворот этот был резким и решительным. Это было время, — говорит в своих воспоминаниях Б. И. Горев, — когда «люди буквально в одну ночь становились марксистами». И если буржуазия при помощи искажения марксизма собиралась провозгласить свою гегемонию, то для широких слоев интеллигенции окончательный поворот от народничества к марксизму был прежде всего поворотом «на широкую дорогу» сотрудничества с буржуазией. Поэтому-то уже цитированный Горев продолжает: «Это увлечение (увлечение марксизмом. Р е д.), правда, не могло быть прочным, но в данный конкретный момент оно создавало вокруг марксизма благоприятную атмосферу».

И вот, в своеобразном сочетании такого рода условий и заключается успех марксизма, в особенности во вторую половину 90-х годов, среди буржуазии и широких слоев интеллигенции; при чем для интеллигенции такой марксизм, оправдывая сотрудничество с буржуазией, внешне не только не заставлял рвать с лучшими революционными традициями 60-х годов, но, наоборот, после реакции 80-х годов широко ставил вопрос о сближении с народом.

---

[1]) После выстрелов героических народовольцев не было, по справедливому мнению тов. Каменева, в русской истории последнего полстолетия XIX века более яркого, более мощного проявления ненависти к существующему порядку и презрения к примиряющимся с ним, чем этот раздавшийся из местного подполья голос.

Этим народом было уже не крестьянство, а рабочий класс; именно массовое выступление русского пролетариата решающе подействовало на тех, кто еще продолжал колебаться или стоять под знаком народничества. Как говорит Потресов, «жизнь поспешила красноречиво ответить на самые жгучие вопросы, поднятые в историческом споре... марксистов с так называемыми народниками... и знаменитая петербургская стачка 1896 года сделала то, чего не могли бы сделать целые фолианты». Но теперь это массовое движение интеллигенции расценивалось уже по-разному. Для одних это массовое движение было средством, при помощи которого можно покончить с самодержавием или вырвать у последнего конституцию, — словом, средством для создания максимально-благоприятной обстановки «капиталистическому прогрессу» и служению этому «прогрессу»; для другой же части интеллигенции, возглавляемой такими людьми, как Ленин и Плеханов, массовое движение было средством для полного освобождения трудящихся от всякой эксплоатации. Но обе части интеллигенции понимали, что, только опираясь на массовое движение пролетариата, можно добиться того, к чему они стремились. И поэтому временно обе эти группы привлекал марксизм. Потресов пишет:

«Интеллигенция пролетарского типа неуловимыми переходами сливается с интеллигенцией буржуазно окрашенной, с интеллигенцией, пустившей корни в почву нашей общественности... Их сближает, и это важно отметить, сознание собственной слабости и необходимость опереться на массы. Если левый фланг интеллигенции тяготеет к массам во имя широких социалистических перспектив, то правый — во имя ближайших конституционных требований. Но уже одна необходимость искать точку опоры в общественных низах наводит лак социалистических симпатий не только на одну «левую», а и на всю нашу интеллигенцию до правого фланга включительно». (Потресов. «Этюды», стр. 171—172.)

Следовательно, как в 70-х годах для разночинной интеллигенции российская обстановка облекала борьбу с царизмом в социалистическую окраску, хотя по сути-то дела речь шла о буржуазной революции, так и в 90-е годы развития рабочего движения и распространения марксизма для широких слоев либеральной интеллигенции марксизм был не чем иным, как новой попыткой под внешне социалистической окраской добиваться буржуазно-демократического переворота. И только трусливое и полное политическое ничтожество русской буржуазии не позволяло либеральной интеллигенции сказать об этом открыто, чтобы не дискредитировать себя в глазах рабочих масс — этой подлинно революционной силы, способной бороться до конца. Ленин писал в «Задачах русских социал-демократов»: «Только пролетариат безусловно враждебен абсолютизму и русскому чиновничеству, только у пролетариата нет никаких нитей, связывающих его с... органами дворянско-буржуазного общества, только пролетариат способен на непримиримую вражду и решительную борьбу с ним».

Для буржуазных критиков народничества открыто повернуть в сторону либерализма в политике означало с самого начала дискредитировать себя и отказаться даже на словах от своей якобы революционности. Это обстоятельство впоследствии при спорах с «легальными марксистами» не ускользнуло,

конечно, от внимания революционных марксистов. Мартов в свое время в статье «Всегда в меньшинстве» писал:

«Подобно тому как в 70-е годы демократическая идея настолько тесно связалась с идеей крестьянского социализма, что сделала невозможным для своих агентов при переходе в ряды буржуазии сохранить хотя бы тень демократической революционности, так точно и ныне демократическая идея так тесно сплелась с классовой борьбой пролетариата, что всякая попытка перейти открыто в лагерь буржуазного общества связана... с ослаблением самого демократизма, с потерей всякой революционности».

Таким образом уже 90-е годы показали, что там, где всерьез идет дело о борьбе с самодержавием за демократическую революцию, там можно и нужно опираться прежде всего на массовое движение пролетариата, ибо даже робкие потуги русской буржуазии и либеральных землевладельцев, известных позднее под именем «земской оппозиции», правительством всерьез не принимались.

Но давно известно, что где тонко, там и рвется. Раз марксизм, эта стройная теория революционного освобождения пролетариата от классового господства, понадобился значительным кругам русской интеллигенции только для того, чтобы отказаться от старых предрассудков и во главу угла поставить сотрудничество с капитализмом, — нужно было как-нибудь если не вытравить, то исправить или дополнить революционную сущность марксизма настолько, чтобы хотя внешне «свою якобы революционную невинность соблюсти и капитал приобрести», показав, что марксизм совсем даже не означает то, чем кончалась книжка Ленина «Что такое «друзья народа». И такое «исправление» марксизма нужно было произвести тем скорее и тем резче, чем скорее споры с народничеством подходили к концу, и интеллигенция, чего доброго, опять могла «повиснуть в воздухе». Впрочем, как мы увидим ниже, «основные вопросы будущей критики» были поставлены г.г. «легальными марксистами» устами Струве с самого начала борьбы с народничеством в его книжке «Критические заметки». Кроме того, поход «критиков против революционного марксизма» объясняется еще тем, что активность масс и необходимость их организации заставляла ясно ставить вопрос о том, как и кто должен эту активность использовать, каковы задачи растущего массового движения в предстоящей борьбе с самодержавием и кто должен стать во главе его. А для либеральной интеллигенции, конечно, не могло быть иного решения, как то, что все должно подчиняться интересам буржуазии. Раз так, нужно было поскорее освободиться от марксизма, «и с п р а в и в» его.

Мартов писал:

«Чем крепче была... зависимость общедемократической борьбы от классовой борьбы пролетариата, тем резче должно было проявиться возмущение демократической интеллигенции против ярма пролетарской идеологии, как только наступила пора размежевываться между союзниками.

Едва только замолк шум борьбы между марксизмом и народничеством, как появились первые ласточки борьбы против самого марксизма со стороны его вчерашних партизан. Настал период «критики марксизма», переживаемый нами до сих пор. Устранив социально-реакционного противника, мешавшего ей беззаветно работать над делом общественного прогресса, увлеченная марксизмом интеллигенция тотчас ощутила потребность отделаться от тех основных элементов нового учения, которые не вмещаются в рамки ее собственных социальных интересов... Марксизм понадобилось исправить и дополнить,

подвергнуть «критическому пересмотру», чтобы сделать его... годным к общению в салонах. Так начался поход критики... этот бунт радикально-демократической интеллигенции против добровольно — в интересах борьбы с реакцией — наложенного на себя ярма пролетарской идеологии».

Итак, этот «интеллигентский марксизм» с самого начала поставил себе целью превратить воинствующую теорию пролетариата в ручное руководство для оправдания вечности капиталистического строя. Но для этого нужно было прежде всего разбить народничество, а это было в интересах и революционной интеллигенции, и потому, сближая всех марксистов, этот марксизм создавал видимость «единства» и «общности взглядов». Как говорит тов. Ленин в «Что делать?», «ни для кого не тайна, что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности эти последние были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена «целости союза» [1]). (Подчеркнуто нами. Ред.)

На этом можно закончить характеристику обстановки и причин, побудивших значительные слои умеренно-либеральной интеллигенции отказаться от прежнего народнического мировоззрения и перейти к такому виду «марксизма», который не только нравился буржуазии, но не считался опасным некоторое время даже... для русского правительства. Тов. Ленин пишет (в «Что делать?»):

«Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или в начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста, внезапно пробивает себе дорогу в «подцензурную» литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь всякой направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него, до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени.

А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 128.)

г) ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ «ЛЕГАЛЬНОГО МАРКСИЗМА» В ЛИЦЕ ПЕТРА СТРУВЕ

Первым легальным произведением марксизма была нашумевшая книжка П. Б. Струве «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России». (Табл. 33 и 34.) Уже в предисловии к этой книге Струве писал, что, «примы-

---

[1]) В последнее время в литературе появился взгляд, по которому Ленин, якобы, вначале проглядел «легальный марксизм», и что застрельщиком в борьбе с «легальным марксизмом» был Плеханов, под влиянием которого и Ленин «взялся за оружие». Обращая внимание читателей на эту выдержку, мы в дальнейшем покажем фактическую и принципиальную несостоятельность такого взгляда.

кая по некоторым основным вопросам к совершенно установившимся в литературе взглядам и т. д., он (Струве) «ортодоксией» (т.-е. правоверным, не искаженным, революционным марксизмом. Ред.) не заражен». Уже это одно замечание заставляло революционных марксистов насторожиться. Анализ книги показывал, что именно признает, а что пытается «дополнять» — робко пока, больше намеками да кивками, — «исправлять» в марксизме Струве. В борьбе с народничеством у Струве, как только это можно было, оттенялась прогрессивная, культурная и т. д. миссия капитализма, и совершенно не только не заострялся вопрос о классовых противоречиях, которые приводят к революционному свержению капиталистического строя и замене его социалистическим и коммунистическим, но замазывалась, затушевывалась самая возможность, неизбежность развития таких противоречий. Струве доходил до явного извращения марксизма в вопросах государства, интеллигенции, философской части марксизма, в вопросах народонаселения, теории рынков. Не давалось в книге и настоящего марксистского анализа народничества. Чем предпочел Струве исправить или дополнить Маркса в «критикуемых» им (Струве) вопросах, мы увидим ниже, сейчас лишь отметим, что первым, кто обратил внимание на такой «марксизм» Струве, был именно В. И. Ленин. Ни Мартов, ни Плеханов вовсе не обратили внимания вначале на «струвизм», считали «вылазки» Струве не очень существенными.

Мартов пишет об этом:

«Меня тянуло в Питер начало литературного оживления, сказавшегося в появлении «Критических заметок» П. Б. Струве — этого первого систематического изложения «символа веры» русских марксистов. Приветствуя в книжке Струве беспощадную критику народнической идеологии (разрядка наша. Ред.), я и мои виленские друзья снисходительно относились к тем «ересям», которые книга заключала с точки зрения марксистской ортодоксии, к его кокетничанию с профессорской философской и профессорской экономической наукой и к усвоенному им там и сям тону государственного мужа. Пресловутый призыв «на выучку к капитализму» меня лично нисколько не коробил,— я его понимал в чисто социологическом смысле, отнюдь не приписывая автору мысли о политической гегемонии капитала в деле освобождения России». (Подчеркнуто нами. Ред.) (Мартов. «Записки социал-демократа», стр. 239.)

Следовательно, для Мартова критика народничества у Струве была беспощадной с точки зрения революционного марксизма, за что можно было «простить» все остальные ереси. Ниже мы увидим, как к этой критике относился В. И. Ленин. Что же касается Плеханова, то, по отзыву тов. Ваганяна, «долгое время Плеханов не обращал внимания на Струве и на иных «легальных марксистов». Даже позже, в эпоху «Искры», на неоднократные предложения Ленина ответить Струве, он отвечал отказом, ссылаясь на то, что он ничего нового по сравнению с тем, что говорили до того разного ро-

да ревизионисты, не говорит». (В. Ваганян. «Г. В. Плеханов», стр. 308.) Но даже выступив как-то скорее по поводу, чем против Струве в том же сожженном цензурой марксистском сборнике, где Ленин резко критиковал Струве, Плеханов занял, — по совершенно справедливому замечанию тов. Орловского (Воровского) в его «Очерке по истории марксизма в России», — довольно-таки неопределенную и, мы сказали бы, довольно двусмысленную позицию и «проглядел Струве» [1]) (выражение тов. Лядова.)

Отвечая Михайловскому в приложении к своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» по поводу Струве, Плеханов писал:

«Михайловский в своей статье поднял смешной шум по поводу слов г. Струве: «нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму». Михайловский хочет так изобразить дело, как будто эти слова обозначали: «отдадим же производителя в жертву, эксплоататору». Г-ну П. Струве легко будет показать тщету усилий Михайловского, да ее, вероятно, и теперь видит всякий внимательно прочитавший «Критические заметки». Но г. Струве все-таки очень неосторожно выразился, чем, вероятно, ввел в соблазн многих простаков и обрадовал нескольких акробатов. Вперед наука, скажем мы г. Струве, а г.г. акробатам напомним, как Белинский уже под конец своей жизни... высказал ту мысль, что культурное будущее России обеспечивает только буржуазия. У Белинского это была тоже очень неловкая угроза. Но чем была вызвана эта неловкость? Благородным увлечением западника. Таким же увлечением причинена, уверены мы, и неловкость г. Струве. (Разрядка наша. Ред.) Шуметь по ее поводу позволительно только тем, кому нечего возражать, напр., на экономические доводы этого писателя».

Однако мы знаем, что была причина «шуметь» против книги Струве не только народникам, но и ортодоксальным марксистам, и «шумел» — и «шумел» решительно — не кто иной, как Ленин. Мы сознательно останавливаемся более подробно на истории этого вопроса, ибо, как увидим, она имеет исключительно важное значение в истории нашей партии. Не случайно, что для Мартова, как и для Плеханова, «ереси» Струве были в общем только благородными увлечениями западника [2]).

Ленин уже с самого начала появления книжки Струве взял совершенно иной тон. И только благодаря ортодоксальной критике Струве, во-первых, и настоящей, действительно марксистской, а не «струвистской», критике народ-

---

[1]) На неопределенность позиции Плеханова в отношении к «легальному марксизму» указывал позднее и Мартов, объясняя это оторванностью Плеханова от России и незнакомством с истинным содержанием движения. Нам, однако, кажется такое объяснение причин «неопределенной» позиции Плеханова не совсем правильным. Ниже мы попытаемся дать другое, по нашему мнению, более верное освещение вопроса, тем более, что и сам Мартов, хотя и не был оторван от движения, занял такую же близкую к плехановской неопределенную позицию. (Мартов. «Общественное движение и умственное течение в период 1884—1905 г.г.» Изд. «Книга», стр. 84—85.)

[2]) Очень неловкую защиту Плеханова в этом вопросе интересующиеся найдут в полемике т. Ваганяна с т.т. Бубновым и Ангарским. (См. «Большевик» № 1/17 за 1925 г. Ст. т. Бубнова, ответ на нее Ваганяна в брошюре «Некоторые вопросы истории РКП», статья в № 11—12 «Большевика» (1925 г.) и ст. В. Ваганяна в журнале «Воинствующий Материалист» № 4 за 1925 г.)

ничества, во-вторых, произведенным Лениным, не только «благородные увлечения западника», но вся книжка Струве в целом была встречена в социалистически настроенных кругах интеллигенции заслуженно холодно, и этой холодной встрече книга обязана именно В. И. Ленину, бывшему уже тогда фактическим вождем революционного марксизма в России. Об этом опять-таки свидетельствует Мартов:

«Среди питерских друзей и знакомых я нашел более холодное отношение к литературному событию, каким было появление книги. Указанные выше тенденции ее подвергались более настойчивой критике».

Кем и какой критике, Мартов не называет, но под влиянием кого шла эта критика Струве, мы сейчас услышим от самого Мартова:

«В свою очередь друзья меня познакомили с питерской литературной новинкой, ходившей в хорошо отгектографированном виде. Это была состоявшая из трех частей брошюра «Что такое «друзья народа» (табл. 33) и как они воюют с с.-д.»; после академической полемики Струве от брошюры, исполненной желчных характеристик теоретической мысли и полемических тенденций эпигонов народничества, веяло подлинной революционной страстью и плебейской грубоватостью, напоминавшей о временах демократической полемики 60-х годов... брошюра обнаружила литературное дарование и зрелую политическую мысль человека, сотканного из материала, из которого делаются партийные вожди. Я интересовался личностью автора, но уровень конспирации стоял тогда так высоко, что мне ничего не удалось узнать кроме того, что брошюра вышла, повидимому, из группы «стариков». Только через год я услышал имя В. И. Ульянова». (Разрядка наша. Ред.) (Мартов. «Записки социал-демократа».)

Но Ленин был не только первым, начавшим поход против Струве, как против ревизиониста, для Ленина было не это важно, Ленин был «застрельщиком» в том отношении, что открыл в «благородных увлечениях» Струве типичную физиономию русского либерала, которого можно заставить полеветь только тогда, когда его беспощадно разоблачишь. Об этом опять-таки мы узнаем по свидетельству такого «беспристрастного» свидетеля, как Мартов. Там же, в «Записках с.-д.», Мартов описывает историю с организацией сборника, где марксисты должны были выступить вместе с легальной братией г. Струве.

«Побывав у Потресова... я узнал от него... «закулисы» литературного события, которым в то время были полны петербургские радикальные круги, — большого «Сборника материалов по экономическому положению России», в котором рядом появились статьи Плеханова... Тулина... и Струве. (Табл. 33.) Этот блок, представивший эмигрантский, подпольный и легальный марксизм, как единое политическое целое, был организован Потресовым после его удачи с выпуском в легальном издании книги Бельтова. Он рассказал мне, что Струве и окружавшие его «легальные марксисты» охотно шли навстречу членам кружка «стариков», с которыми Потресов свел их... Но что сами «старики» с юристом Ульяновым во главе проявили изрядную подозрительность к тенденциям Струве и, соглашаясь на совместное выступление, как будто боялись быть обманутыми. В конце

концов Ульянов получил возможность подробной критикой книги Струве подчеркнуть, поскольку это мыслимо было в легальной книге, действенно-революционный характер марксистской идеологии; Струве воспользовался представившимся случаем, чтобы в ответе своим народническим критикам, помещенном в том же сборнике, взять более боевую по отношению к капитализму ноту и сгладить впечатление, оставшееся у читателей от некоторых страниц его книги». (Л. Мартов. «Записки социал-демократа», стр. 260.)

И «старики» «с юристом Ульяновым во главе» действительно попали в цель. Под влиянием ленинской статьи «Экономическое содержание народничества и критика его у Струве», в основу которой был положен реферат, прочитанный ранее в присутствии Струве В. И. Ульяновым, когда Ленин назвал книжку Струве «отражением марксизма в буржуазной литературе», Струве понял, с кем имеет дело (хотя в сборнике этот подзаголовок был В. И. снят и помещен лишь при выпуске второго издания статьи в сборнике «За 12 лет», вышедшем после 1905 года).

И вот, под влиянием этой статьи Ленина, Струве взял совсем другой тон: вот что он писал «своим критикам» в этом сожженном сборнике:

«Пойдем на выучку к капитализму», это вовсе не означает, для меня по крайней мере, — «будем служить буржуазии, ибо капиталистические отношения подразумевают не одну буржуазию, но и ее антипода везде, а тем более у нас, нуждающихся в капиталистической выучке». (П. Струве. «На разные темы», стр. 116.)

Итак, не кому иному, как Ленину, дано было не только теоретически правильно подойти к сущности «струвизма», но и практически поставить вопрос об отношении революционных марксистов к струвизму и струвистам, т.-е. к либеральной буржуазии. Ввиду того, что эта критика Лениным легального марксизма имеет совершенно исключительный интерес, мы остановимся на ней со всей подробностью: начнем прежде всего с оценки Лениным струвистского подхода к народничеству, чтобы нам было ясней, что именно в Струве «проглядели» Плеханов и Мартов.

д) КРИТИКА ЛЕНИНЫМ СТРУВИСТСКОГО ПОДХОДА К НАРОДНИЧЕСТВУ

Прежде всего Ленин указал, что он собирается критиковать Струве как человек, «примыкающий» по всем (а не по некоторым только основным вопросам) к «совершенно определившимся взглядам», как писал в предисловии к своей книжке г. Струве. Далее Ленин считал, что Струве не прав, когда рассматривает спор народников и марксистов как продолжение споров славянофилов и западников.

«Бесспорно, — продолжает Ленин, — народники очень и очень повинны в квасном патриотизме самого низкого разбора... но сущность народничества лежит глубже, не в учении о самобытности и славянофильстве. ...Поэтому среди народников и были писатели (это были лучшие из народников), которые, как это признал г. Струве, не имели ничего общего со славянофильством, которые даже признавали, что Россия вступила на тот путь, что и Западная Европа.

С такими категориями, как славянофильство и западничество, в вопросах русского народничества никак не разобраться». (Разрядка наша.—Ред.) (Ленин. Собр. соч., т. II, стр. 68.)

И Ленин сразу нащупывает причину такого подхода у Струве. Ленин объясняет его тем, что Струве анализирует народников не как марксист-диалектик, а как профессор-объективист, который как бы поднимается «выше всяких определенных стран, исторических периодов, определенных классов» (т. II, стр. 96). А такая точка зрения, по мнению В. И. Ленина, «всегда рискует сбиться на точку зрения апологета» (т. II, стр. 65), т.-е. безоговорочного защитника тех фактов, на неизбежность которых он указывает. Иное дело — материалист, он не ограничивается указанием на необходимость того или иного ряда фактов, «он вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения... с другой стороны... материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывает при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной собственной группы». Ленин подчеркивает дальше, что такая профессорская критика народничества ни в коем случае не дает истинной физиономии народничества, что огульное обвинение народников в реакционности не то, что несостоятельно, но положительно вредно для марксиста. Объясняя конкретное значение, какое имеют споры с народниками и их место для практической деятельности русских марксистов, Ленин отвечает на вопрос, какие группы народники представляют:

«Народничество отразило тот факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно, противоположность интересов труда и капитала. Оно отразило этот факт через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя, отразило поэтому трусливо, уродливо, создав теорию, выдвигающую не противоречия общественных интересов, а бесплодные упования на иной путь развития, и наша задача исправить эту ошибку народничества, показать, какая общественная группа может явиться действительным представителем интересов непосредственных производителей». (Ленин. Собр. соч., т. II, стр. 68.)

Другими словами, спор с народниками В. И. Ленин рассматривал, вопреки П. Струве, не как спор с какими-то реакционерами, утопистами вообще — «носителями крепостнически-консервативной идеологии», а исключительно как спор о двух различных с классовой точки зрения подходах к критике капитализма в России.

«Все отличие народничества от марксизма состоит в характере критики русского капитализма», писал В. И. Ленин. (Разрядка наша.—Ред.)

«Понятно отсюда, что отвергать всю народническую программу целиком без разбора было бы абсолютно неправильно. В ней надо строго отличать реакционную и прогрессивную стороны. Народничество реакционно, поскольку оно предлагает мероприятия, привязывающие крестьянина к земле и к старым способам производства, ...поскольку они ждут не частичных улучшений, а перемены пути от «общества» и от воздействия представителей бюрократии. Против подобных пунктов народнической программы необходима, конечно, безусловная война. Но есть у них и другие пункты, относящиеся к самоуправлению, свободному и широкому доступу знаний к «народу», к «подъему» «народного» (сиречь мелкого) хозяйства посредством дешевых кредитов, улучшений техники, упорядочения сбыта и т. д. и т. д.».

«...Они не задержат, а ускорят экономическое развитие России по капиталистическому пути, ускорят создание внутреннего рынка, ускорят рост техники и машинной

индустрии улучшением положения трудящегося и повышением его уровня потребностей, ускорят и облегчат его самостоятельное мышление и действие... подобные общедемократические мероприятия прогрессивны». (Ленин. Собр. соч., т. II, стр. 155, 156 и 103 [1]).

То, что Струве эти столь важные обстоятельства проглядел, В. И. Ленин объяснял не тем, что иначе с марксистской точки зрения народников «беспощадно» не раскритикуешь, а тем, что в полемике Струве проводит не истинный, не революционный марксизм. А это потому, что с точки зрения марксиста Струве сбивается на точку зрения типичного представителя профессорской буржуазной науки, защитника буржуазного прогресса, готового к беспощадной критике всего, что стоит на пути буржуазного развития. Уже в этих замечаниях чувствуется, как Ленин подчеркивает основное различие между революционным и «легальным марксизмом». Уже здесь Ленин показал, что не всякий, кто клянется марксизмом, действительно стоит на точке зрения революционной теории; уже здесь Ленин отмежевывается, проводит резкую грань между буржуазным апологетом, которому выгодно использовать одну строку марксизма для критики различных мелкобуржуазных утопий революционной социал-демократией. Мы видели, с какой натяжкой можно было объяснить такие «благородные увлечения» Струве по части подхода к народникам необходимостью и полезностью перегиба палки для развенчания народничества до конца. Но целый ряд объяснений со стороны Струве «марксистских» вопросов, к критике народничества непосредственного отношения не имевших, свидетельствовал о либеральной душе Струве, показывал, куда он гнет, почему он так подходит к народничеству. Ни одна из его поправок к марксизму не ускользнула от взора Ленина, а была подвергнута уничтожающей критике.

Так государство, по мнению Струве, не есть орган классового господства, оно не является организацией господствующего класса, через которую последний проводит свою диктатуру, оно прежде всего «организация порядка». Для Струве, конечно, как для защитника буржуазии, такое толкование государства было более чем выгодным. Раз государство — организация порядка, то ведь с его помощью можно провести ряд реформ для улучшения положения рабочего класса и этим ослабить неизбежный приход «ненавистной диктатуры», т.-е. диктатуры пролетариата. При этом Струве, как мы ниже и покажем, искажал революционный марксистский взгляд по вопросу о реформах. Революционный

---

[1]) Такое же чисто «струвистское» непонимание истинной сущности народничества проявил впоследствии устами Потресова в статье, написанной в 1905—1906 г. против Ленина по поводу критики последним Струве за его подход к народничеству, русский меньшевизм.

«Иностранный читатель, который бы имел несчастье ознакомляться с Россией по Тулину, был бы, конечно, в праве сказать: «Очевидно, что русское общественное течение, которое известно под именем народничества, о плеяде идеологов которого я издавна так много наслышался, есть течение в среде русского крестьянства, кустарей или ремесленников...

Но мы-то, русские люди, мы знаем хорошо, что народнические течения и движение были характернейшим продуктом той «национальной» категории революционной России, которая называется интеллигенцией и которая представляет из себя пестрый конгломерат буржуазных и отщепенских деклассированных элементов. (Потресов. Этюды о русской интел. Стр. 262—263).

марксизм, как известно, и не думает отрицать пользы для рабочего класса от тех или иных реформ в пределах капиталистического общества, но революционный марксизм всегда подчеркивал перед массами, что реформы достигаются, что они есть результат не притупления, а именно успешной классовой борьбы, продукт революционного нажима масс на господствующий класс, что реформа нисколько не ослабляет и не исключает революции, что пролетариат классовой борьбой добивается таких реформ, которые помогают ему организоваться для окончательного революционного свержения власти капиталистов и установления диктатуры рабочего класса.

Но Струве, конечно, такие рассуждения были не по вкусу. Исказив марксистский подход к вопросу о реформах, он рассуждает так, что поскольку-де государство внеклассовое, оно «защищает всех», значит пролетариату вовсе незачем бороться за социалистический переворот, добиваться революционного свержения власти, раз этого можно достигнуть с помощью государства «мирным» эволюционным путем.

Позднее Струве это и высказал со всей откровенностью, предупредив таким образом на три десятка лет г.г. Макдональдов и других сторонников «конструктивного социализма» из II Интернационала, тогда же Струве получил достойнейшую отповедь от Ленина, который, между прочим, показал, как Струве, если бы он действительно стоял на последовательно марксистской точке зрения в критике народничества, понял бы, что таким подходом к вопросу о государстве он льет воду на мельницу народничества. А мы помним из предыдущей главы, что так именно на государство смотрели либеральные народники и отсюда делали свои реакционные выводы.

Ленин писал тогда:

«Ошибка автора тем более досадна, что именно российские народники, против которых он возымел такую хорошую мысль ополчиться, понятия не имеют о том, что всякая бюрократия и по своему историческому происхождению, и по своему современному источнику, и по своему назначению представляет из себя чисто и исключительно буржуазное учреждение, обращаться к которому с точки зрения интересов производителя в состоянии только идеологи мелкой буржуазии». (Ленин. Собр. соч., т. II, стр. 82.)

Так Струве своими отдельными формулировками лишний раз показывал, как он критикует народничество. Не то, чтобы «беспощадной», — мало-мальски последовательной критики, с точки зрения марксизма, Струве не давал да и не мог дать. Взяв «под сомнение» марксистское понимание государства, Струве начинает сомневаться насчет того, что переход от капитализма к социализму связан с «резким крушением», он находит, что Маркс видите ли, не во всех своих сочинениях проводил точку зрения неизбежности «резкого крушения», а уж последователи Маркса прямо исправляли его и борются за реформы.

Конечно, положение обязывало. Надо было марксизм сделать «реформистской теорией», — как же это возможно, если не вытравив его революционную душу — учение о государстве, диктатуре пролетариата. И. Ленин не пропускает и этого «благородного увлечения» «беспощадного критика».

«Никакого... исправления... ни важного, ни неважного не вносили «последователи Маркса» в его точку зрения», разоблачает Ленин струвистов.

«Борьба за реформы... нимало не исправляет учения о пропасти и резком падении, так как эта борьба ведется с открытой и определенно признанной целью — дойти именно до «падения», а что для этого необходим «целый ряд переходов» — одного фазиса борьбы, одной ступени ее в следующие — это признал и Маркс в 40-х г.г., говоря в «Манифесте», что нельзя отделять движения к новому строю от рабочего движения (и следовательно, от борьбы за реформы), выставляя сам в заключение ряд практических мероприятий». (Ленин. Собр. соч., т. II, стр. 99.)

На-ряду с этими вопросами Струве подходил также не по-марксистски к вопросу об интеллигенции. Так, он ограничивался только тем, что, взяв положение народников, будто интеллигенция — «бессословная» и бесклассовая величина, разбивал его, доказывая, что она будто бы растворяется в том или ином классе и поэтому представляет собой величину незначительную, «птичку-невеличку». Здесь опять, по выражению В. И. Ленина, сказывается «неортодоксальность» г. Струве. Что интеллигенция бессословной и бесклассовой не бывает, это, конечно, верно. Но этого мало. Нужно показать, куда конкретно, в условиях России, тяготеет эта «птичка-невеличка», нужно показать, какова роль интеллигенции в деле формирования идеологии того или другого класса; нужно, наконец, показать, с кем может пойти в данный период интеллигенция: с буржуазией или с пролетариатом, и какое это будет иметь значение. Раз Струве этого не делает, он, так сказать, под внешне формальным определением значения интеллигенции вообще и ее, якобы, ничтожности, незначительности, прикрывает ее переход в лагерь буржуазии. Далее Струве туманно намекнул на то, что философского обоснования марксизм еще не имеет и что вообще учение Маркса несколько односторонне, что нужен еще пересмотр фактов с точки зрения новой теории, и тогда, быть может, многие слишком поспешные обобщения и односторонности будут оставлены. Мы уже частично видели, какие «односторонности» Струве имел в виду, но по целому ряду вопросов, которые Струве пытался здесь же «исправлять» и «проверять», выглядывали то тут, то там «длинные уши» типичного «внеклассового» профессора, представителя «чистой», т.-е. буржуазной, науки. Так, в вопросах теории народонаселения Ленин критиковал «очередную поправку» Струве к Марксу, будто открытие Маркса, что «вообще каждому исторически особенному способу производства соответствует собственный закон возрастания народонаселения, имеющий только историческое значение», и что «абстрактный закон размножения существует только для растений и животных» — неверно, и будто правы те буржуазные экономисты, которые исправляют Маркса. А «исправление» сводилось к тому, что они становились на точку зрения попа Мальтуса. Точка зрения Мальтуса в вопросах народонаселения состоит в том, что все зло происходит будто бы оттого, что люди размножаются быстрее, чем добывают средства к существованию, и что поэтому бедности можно избегнуть при воздержании от деторождения; поэтому, дескать, положение трудящихся классов улучшится прежде всего, если уменьшится деторождение, а вовсе не от тех или иных изменений в экономическом и политическом устройстве общества. Словом, это типичное замазывание перед рабочим классом истинных причин его положения

г. Струве преподносил как «ценное дополнение к марксизму». Именно с такой теорией Струве подходил к вопросу о перенаселении и к вопросу о дифференциации (о расслоении) русской деревни. Такой подход Струве как буржуазного демократа, как либерала также вполне понятен. Как таковой, Струве одобрял и поддерживал такую политику правительства, которая имела целью опереться на крепкого крестьянина и его поддержку, хотя по тому времени так выступать означало — открыто поддерживать лишь тонкую кулацкую прослойку деревни против всего остального многомиллионного крестьянства. Здесь Струве бил в ту же точку — «отдать Россию на выучку капитализму».

Шаг за шагом разоблачал Ленин уже через несколько месяцев после выхода книги «Критические Заметки» «марксизм» Струве. В этой замечательной критике Ленина виден уже Струве не только 1894 года, но Струве последующих годов, «со ступеньки на ступеньку» скатывающийся к полной и откровенной защите буржуазно-капиталистических отношений, предательствующий и реакционный, когда дело зашло о борьбе пролетариата с буржуазией не на шутку. Ведь то, что Ленин констатировал у Струве не как «увлечение», а как симптомы буржуазного либерализма, очень скоро, через какие-нибудь 2—3 года, расцвело махровым цветом «новейшей критики» Маркса. И теперь для читателя вполне понятно, почему Ленин и его друзья так «холодно» встретили книгу Струве, как понятно и то, что именно Ленин еще в 1894 г. открыл струвизм прежде всего не только как какую-то разновидность теоретического ревизионизма, но и как о п р е д е л е н н ы й т и п р у с с к о г о л и б е р а л и з м а, к которому революционный марксизм должен н е м е д л е н н о выявить свое отношение.

И Ленин наметил это отношение — беспощадное разоблачение, никакой неопределенности или двусмысленности, — только при таком отношении либерала можно заставить «полеветь». И Ленин не ошибся, как мы видели. Беспощадная критика Ленина сделала свое дело. Струве «п о л е в е л» (на время), как показала его статья в сожженном цензурою сборнике [1]).

Неопределенная же позиция, занятая Плехановым, совсем, по нашему мнению, не вытекала из причин, на которые пытался опереться Мартов. Здесь было нечто другое. Ленин тоже видел, несмотря на суровую критику, в Струве будущего временного «союзника». Но содержание этих понятий «союз», «союзник» складывалось разно у Ленина и у Плеханова. Тем не менее, Ленин не ставил еще вопроса о разрыве со Струве. Во-первых, общий враг — народничество — еще не был разбит. Мы помним, что критика Лениным Струве относится к к о н ц у 1894 г о д а. И как «ортодоксам», так и «критикам» размежевываться было еще рано; во-вторых, для Ленина Струве, несмотря на суровый и решительный тон, с которым он подходил к нему, был либеральным «союзником», нуждавшимся лишь, по выражению Мартова, в «указании невыдержанности его позиции». И Ленин своей критикой показал, как нужно делать такие указания «либеральным союзникам». Неопределенность же позиции Плеханова, нам кажется, объяснялась именно тем, что он считал, что «либеральным

[1]) Впоследствии В. И. Ленин писал, что «толчок влево», данный тогда г. Струве, не остался совсем без результата, это ясно доказывает статья г. Струве в сожженном сборнике. Л е н и н, т. VIII, стр. 475.

союзникам» указания делаются несколько иначе, чем это произвел со Струве Ленин. Ибо Плеханов иначе представлял себе и содержание самого союза с либералами.

Недаром П. Б. Аксельрод пишет в приложении к своей переписке с Плехановым «о своих встречах с Лениным» как раз о том впечатлении, какое произвели на Плеханова и самого Аксельрода соответствующие места из статьи Ленина о Струве, где Ленин касался либералов.

«У вас, — говорил я (т.-е. Аксельрод. — Р е д.),—заметна прямо противоположная тенденция той статье, которую я писал для этого же самого сборника...

Вы отождествляете наши отношения к либералам с отношениями социалистов к либералам на Западе. А я как раз готовил для сборника статью под заглавием «Запросы русской жизни», в которой хотел показать, что в данный исторический момент ближайшие интересы пролетариата в России совпадают с основными интересами других прогрессивных элементов общества. Ибо у нас перед рабочими, как перед другими прогрессивными общественными элементами, на очереди одна и та же неотложная задача: добиться условий, допускающих развитие их широкой самостоятельности. Точнее говоря, это — задача свержения абсолютизма. Эта задача диктуется всем нам русской жизнью. Так как цензурные условия не позволяют определить эту задачу настоящим словом, то я характеризовал ее формулой — «создание условий для широкой общественной самодеятельности», требуемое русской жизнью».

Ульянов, улыбаясь, заметил в ответ: «Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль : «в ы, — г о в о р и т, — п о в о р а ч и в а е т е с ь к л и б е р а л а м с п и н о й, а м ы — л и ц о м». (Переписка Аксельрода и Плеханова, стр. 271.)

«Спиной к либералам» Ленин, конечно, и не думал становиться. Об этом говорит и вся ленинская критика и красноречивое свидетельство Мартова. Но зато в этих отзывах Плеханова и Аксельрода о статьях Ленина м ы, б е с с п о р н о, и м е е м з а р о д ы ш и т е х в з г л я д о в, к о т о р ы е в п о с л е д с т в и и р а з р о с л и с ь в о п п о р т у н и с т и ч е с к у ю т а к т и к у м е н ь ш е в и з м а и к о т о р ы е с в о д и л и с ь, к а к и з в е с т н о, к т о м у, ч т о б ы «р а д и б о г а л и б е р а л о в н е и с п у г а т ь», к а к в о в з г л я д а х Л е н и н а м ы в и д и м з а р о д ы ш и б у д у щ е й б о л ь ш е в и с т с к о й т а к т и к и. (Подробно мы на этом остановимся в заключительной части главы.)

Между тем форменный поход народников против марксистов еще более усилился. Апологетически-хвалебный по отношению к капитализму тон Струве подливал лишь масла в огонь. Народники уцепились еще более за ряд положений Струве и снова ринулись в атаку. В это время появляется настоящий перл революционной критики народнической теории с точки зрения Маркса — одно из лучших и бесспорно самое блестящее произведение эпохи критики народничества — книга Бельтова-Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». (Табл. 33.) Но критика эта отличалась от ленинской критики тем, что здесь главным образом ставились лишь общие вопросы марксистской теории.

Это в значительной мере объясняет также и тот совершенно исключительный прием, который встретила книга Плеханова.

Тов. Каменев прав, когда говорит в предисловии к первому изданию полного собрания сочинений Ленина, что:

«Книга Плеханова в поистине блестящей литературной форме раскрывала о б щ и е и с т о ч н и к и и широкие перспективы материалистического истолкования истории. Но только работа Ленина, применяя методы Маркса к конкретному материалу российского экономического быта, раскрывала до конца глубину экономического рабства русского пролетария и мужика и апеллировала от этого рабства к духу возмущения и восстания». (Н. Л е н и н. Собр. соч., т. I, стр. 3.)

Книга Плеханова заняла совершенно исключительное положение. Ею прямо-таки упивались. Нельзя не привести описания того впечатления, какое произвела эта книга. Так, Мартов пишет:

«В начале 1895 г. все русские марксисты были радостно взволнованы появлением плехановского «Монистического взгляда на историю». Это было настоящим сюрпризом для нас... В один прекрасный день я получил под бандеролью экземпляр «Развития монистического взгляда» Г. Бельтова. Я стал перелистывать книгу, которая захватила меня с первых страниц. Прочитав первую главу, я не сомневался. Автором книги мог быть только Плеханов». («Записки социал-демократа», стр. 245.)

В таком же, примерно, духе пишет т. Лядов:

«Легко понять, какое громадное впечатление должна была произвести эта книга с ее ясным, целостным мировоззрением, с резко выраженной революционной физиономией. Это впечатление усиливалось еще более вследствие контраста с общей умеренностью и бесцветностью всей тогдашней литературы. Но в первый момент широкая читающая публика была только ошеломлена; она прежде всего обиделась за своих признанных вожаков, за свои «унаследованные» традиции. Общее мнение было таково, что Бельтов только «ругается» и ругается грубо. Очень возможно, что, приняв такое решение, наша интеллигентская публика на этом бы и успокоилась, тем более, что народники-литераторы, убоясь полемики с таким сильным противником, как Бельтов, прекратили свои нападки по существу и стали только горько жаловаться на нанесенную им и их «устоям» обиду.

Но жизнь поторопилась иллюстрировать положения, выставленные в книге Бельтова». (Л я д о в. «Как начала складываться РКП», т. I, стр. 139.)

Между тем легальное распространение марксизма продолжало развиваться. Правда, совместное выступление легальных и революционных марксистов в сборнике «К характеристике нашего хозяйственного развития» не удалось (сборник был сожжен). Тем не менее началась полоса продолжительного сотрудничества в ряде «толстых журналов», которые удалось закрепить за собой марксистам. «Новое Слово», «Мир Божий», «Начало», «Научное Обозрение», «Жизнь», где были помещены, на-ряду со статьями г.г. Струве, Туган-Барановского, Булгакова, Бердяева и др. (табл. 34 и 35), статьи В. И. Ленина (писавшего под псевдонимами К. Тулин, В. Ильин), Плеханова (псевдонимы — Каменский, Кузнецов, Ушаков, Берсенев и Кирсанов), В. Засулич (псевдонимы — Иванов, Карелин), Л. Мартова (Егоров, Алексеев), Потресова (Старовер). Группе самарских марксистов (Маслов, Гвоздев, Португалов и др.) удалось даже соорудить ежедневную газету «Самарский Вестник». Среди сотрудников значилось и имя В. И. Ленина.

В этой же газете, кстати, впервые выступил М. Горький (А. М. Пешков). Газета, однако, вскоре была закрыта.

е) ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ ПЕРЕХОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ

Но чем ближе критика народничества подходила к концу, чем яснее чувствовалось, как народники сдают одну позицию за другой, тем более начинали фальшивить г.г. «легальные марксисты» со Струве и К° во главе. При чем чрезвычайно характерно, что, начав теперь уже поход против «ортотоксии», т.-е. против неперекрашенного, неподдельного марксизма, Струве в то же время поддерживает теснейщую связь с социал-демократами и, как известно, был даже автором «Манифеста I съезда партии», где усердно развивалась мысль Энгельса о том, что «чем дальше на Восток, тем буржуазия подлей» (Струве как бы наглядно иллюстрировал в дальнейшем на самом себе, что это значит). Окончательно г.г. «критики» подняли голову по выходе в свет «известной» книги Э. Бернштейна, германского социал-демократа и нынешнего союзника Каутского,—«Проблемы социализма», печатавшейся раньше в виде серии статей в германском соц.-дем. теоретическом журнале «Neue Zeit». В этой книге Бернштейн подверг ревизии (пересмотру) все основные положения революционного марксизма. Выводы, к которым пришел Бернштейн, были, конечно, те, которые нужны были буржуазии, а именно: что не революционного свержения капитала должны добиваться социал-демократы, а реформ и через реформы итти к социализму. Бернштейн формулировал свои выводы знаменитым «цель—ничто, движение—все», т.-е. нужна не борьба за социалистическую диктатуру, которой вся остальная политика с.-д. подчиняется как средству, а нужда борьба лишь за мелкие реформы, при помощи которых социалистической диктатуры можно и избежать. Эта книга была настоящим праздником для легальных марксистов и той группы интеллигенции, которая вокруг них группировалась. Впечатление, какое произвела в ревизионистских кругах эта книжка, можно сравнить с тем впечатлением, которое произвела в свое время книжка Бельтова-Плеханова «Монистический взгляд». В короткий срок книга выдержала целых три издания.

Собственно, почти все «проблемы», которые ставил Бернштейн в своей книге, были уже «поставлены» русскими «легальными марксистами», в частности Струве. Тем не менее «бернштейниада» оказала огромную услугу легальным марксистам. Ведь критика Маркса исходила теперь из недр самой выдержанной, самой революционной партии, какой тогда считалась в глазах всех русских марксистов германская с.-д., от одного из теоретиков этой партии. Вот, мол, даже идеологи германской с.-д. говорят то же, что и мы, легальные марксисты. Это было огромным моральным оправданием русского ревизионизма. «Крики против «ортодоксии» и «да здравствует свобода критики»... сделались сразу модными словечками... На с.-д. легла теперь трудная... задача борьбы с новым течением», писал об этом впоследствии В. И. Ленин в «Что делать?».

И если постепенно отстаивалась организованная группка критиков, то эта группка была встречена сплоченным ядром «твердо-каменных ортодоксов»,

которые в ответ на призыв Струве «против ортодоксии», устами В. И. Ленина отвечали: «Останемся под знаменем ортодоксии». Эта «критика критиков», отличаясь совершенно исключительным содержанием, сводилась к доказательству полной несостоятельности похода против Маркса ради его «углубления», вскрывала истинные причины такого похода и была полна революционного блеска и истинно пролетарского энтузиазма. Во главе этой кампании стояли Ленин и Плеханов.

Революционные марксисты, Ленин, Плеханов и другие решительно протестовали против обвинений «ортодоксов» в у з о с т и, в нежелании итти вперед, в восприятии Маркса на веру, одностороннем догматизме и т. д., — словом против всего того, что еще так недавно, как из рога изобилия, сыпалось против марксистов из народнического арсенала и что теперь, несмотря на явную обветшалость и изношенность, было взято на прокат легальными марксистами у разбитых наголову народников.

Плеханов писал:

«...Мы самым решительным образом протестуем против приписываемого «ортодоксальным», диалектическим материалистам «догматизма» и отвращения ко всякому дальнейшему развитию исповедываемого ими учения, ко всякой дальнейшей работе мысли. И мы думаем, что диалектический материализм еще далеко не сказал последнего слова, ему предстоит расти, развиваться и углубляться. Развиваться, но не искажаться и уничтожаться».

Еще резче высказался по этому поводу В. И. Ленин:

«Не будем верить тому, что «оротодоксия» позволяет брать что бы то ни было на веру, что «ортодоксия» исключает критическое претворение и дальнейшее развитие, что она позволяет заслонять исторические вопросы абстрактными схемами. Если есть ортодоксальные ученики, повинные в этих действительно тяжких грехах, то вина падает всецело на таких учеников, а отнюдь не на «ортодоксию», которая отличается диаметрально противоположными качествами».

Народники, конечно, сейчас же ухватились за этот поход против революционных социал-демократов со стороны Струве и К°, чтобы объявить о «кризисе» марксизма вообще. Михайловский и только что начинавший появляться в литературе будущий «мужицкий министр» при Керенском В. Чернов (Гарденин) на всякие лады смаковали ближайший неизбежный провал марксизма. Но ликования были преждевременны и напрасны! Революционная часть марксистов сразу нащупала, в чем сущность «кризиса» и где его причины. В открытом письме в редакцию журнала «Русская Мысль» Плеханов писал»:

«Как и всякому новому умственному течению, русскому марксизму пришлось с бою завоевывать себе право на существование, пришлось, прежде всего, выяснить свое отношение к старым направлениям, начать с полемики...

Но известно, что полемика, как и всякая острая борьба, имеет свойство объединять людей, у которых главное, что есть общего, — это общий противник. Когда этот первый полемический период нового направления закончился, начало постепенно выясняться, какая сравнительно пестрая компания боролась под одним знаменем, и вместе с тем явилась естественная потребность размежеваться».

Отсюда тогдашний «кризис» марксизма, о котором столько нашумели тогда открытые и замаскированные враги его.

Мы уже видели, почему против «общего врага» — народничества — буржуазным либералам нужно было выступать под марксистским знаменем. Только рабочий класс, а не буржуазия, был последовательным борцом за демократические свободы. И тот факт, что критика «русская» совпадала с «критикой» западно-европейской — «ревизионизмом», исходящим из рядов социал-демократии, был совсем даже не случаен. Дело в том, что не только на Западе, но и в России буржуазия стала классом настолько реакционным, что неспособна была последовательно бороться даже за права буржуазной демократии, что пролетариат вынужден взять на себя историческую роль гегемона-вождя в предстоящей буржуазно-демократической революции. Это обязывало партию рабочего класса находиться на страже против критических увлечений, очищать как свои собственные ряды от критиков, так и бороться с ними на идеологическом фронте. Но увлечения, а потом и скидывание с себя марксистского плаща отмечали еще следующий большой важности фактор, мимо которого ни в коем случае нельзя пройти. Этот фактор сам по себе означал рост политического самосознания, начало процесса политического самоопределения буржуазии; как раз вслед за этим вчерашние легальные марксисты и становятся во главе этого самоопределения; при чем через их идеологов процесс самоопределения идет так, что самоопределяющаяся либеральная буржуазия смыкается с западно-европейским оппортунизмом. Они усиливают друг друга, чтобы потом русский либерализм через этот союз с мелкобуржуазным крылом социал-демократии — «экономизмом», о котором речь ниже, уже окончательно нашел сам себя. Поэтому-то революционной социал-демократии нужно было бить и этот ревизионизм, как врага внутри рабочего движения, и самоопределяющихся либералов, как одновременно и помогающих этому врагу и стремящихся уловить в свои либерально-буржуазные сети марксистскую интеллигенцию и колеблющиеся элементы рабочего класса.

Ревизионизм в марксизме, в теории и на практике (бернштейниада, струвизм, экономизм), нужен был для самоопределяющейся буржуазии как помогающий своей теорией притупления классовых противоречий взять на буксир рабочий класс и вести его за собою как вообще, так и в борьбе за политические реформы, выгодные буржуазии, ибо именно в этом-то и заключается сущность «легального марксизма» как в его первоначальном виде, так и в период его решительного союза с западно-европейским ревизионизмом и продолжением дел последнего до логического конца — провозглашения гегемонии буржуазии. Вот в этом-то и была главная опасность «легального марксизма» для нарастающего пролетарского движения.

Свой поход Струве и компания старались обставить внешне как можно «грознее». Все свои «откровения» они старались дать в как можно более туманной форме, в надежде взять, так сказать, читателя на испуг прежде всего. Нужно помнить, что эти господа писали не в книжках, рассчитанных на узкий круг более или менее подготовленных читателей и специалистов, а главным образом в так называемых толстых журналах, рассчитанных на широкие круги читателей, на интеллигенцию и на более подготовленных сознательных рабочих. С одной стороны, они надеялись создать такой «профессорской» внешностью своих статей впечатление, будто люди что-то новое преподносят, будто люди

действительно «толкают науку вперед»; на самом деле под всей этой «страшной» шумихой скрывался старый идеалистический товар, несколько раз подвергавшийся марксистскому обстрелу и в конце концов бивший в одну точку: «Да здравствует капитализм, и да погибнет борьба пролетариата», если она пойдет к социализму через «ненавистную диктатуру».

Это обстоятельство, конечно, не ускользнуло от бдительного внимания ортодоксально-революционной критики [1]).

В уже цитированном письме в «Русскую Мысль» Плеханов писал:

«Как известно, за последние годы в нашу литературу хлынул небывалый поток «критической философии»... Вместе с тем наблюдается удивительное явление: после довольно-таки продолжительного периода, приучившего нашу научно-публицистическую литературу хотя и к образному, но простому языку, внезапно статьи в журналах, рассчитанных на самый широкий круг читателей, начали обставляться тяжеловеснейшей словесной артиллерией немецкой философии. Самые обыкновенные, иногда банальные мысли стали высказываться в такой неудобоваримой для мозгов обыкновенного рядового читателя форме, стали облекаться в такую филистерскую мантию, что профанам остается уподобиться той несчастной пташке, которую очковая змея одним своим взглядом окончательно лишает способности двигаться самостоятельно, чтобы затем с тем бóльшим удобством проглотить ее со всеми потрохами... И если г. П. Струве не заговорит... по крайней мере по-гречески, мы сочтем это за особую милость судьбы» [2]).

Нельзя, конечно, сказать, чтобы все дело сводилось к одной тяжеловесной фразеологии. Под флагом таинственных формул совершался весьма реальный поворот, весьма реальная перемена фронта, имевшая отнюдь не философский только, но и весьма существенный п о л и т и ч е с к и й смысл. Что здесь дело вовсе даже не в теории только, прекрасно показал Плеханов в статьях против Струве:

«Крайне ошибочно было бы воображать, — писал Плеханов, — что так называемая критика марксизма стремится удовлетворить какой-нибудь серьезной теоретической потребности. До «теории» г.г. «критикам» в сущности очень мало дела. Им нужно побороть или хотя бы только ослабить известную практическую тенденцию, р е в о л ю ц и о н н у ю т е н д е н ц и ю передового пролетариата. Их «критика» служит им оружием в «духовной борьбе» с этой тенденцией, и их аргументы имеют в их глазах цену лишь постольку, поскольку они помогают выставлять в неблагоприятном освещении ненавистное им понятие с о ц и а л ь н а я р е в о л ю ц и я.

Эта практическая цель оправдывает все теоретические средства». (П л е х а н о в, т. XI, стр. 252.)

Струве сердился за такой вульгарный, по его мнению, односторонний подход к «критической мысли» у ортодоксов, как бы совсем забыв, что̀ он сам еще

[1]) Кстати, еще в критике Струве в 1894 г. В. И. Ленин обратил внимание на эту манеру писания у Струве. Так, Струве осторожно «намекал» на необходимость, как он выразился, внести «коррективъ» в учение Маркса о революционном переходе от «капитализма к социализму», и что это, будто, «уже сделали некоторые последователи Маркса. И В. И. Ленин иронически замечает, что по-русски «внести коррективъ» означает и с п р а в и т ь, но никакие последователи Маркса такого и с п р а в л е н и я и не собирались делать, если, конечно, это не «последователи» Маркса типа Струве.

[2]) Таким образом «легальный марксизм» на каждом шагу чувствовал, что «ортодоксы», это — не Михайловский и К°, и тут «благородными увлечениями» уже не отделаешься. Получая удар за ударом, «легальный марксизм» все более и более выявлял вое буржуазное лицо.

так недавно писал в «Критических заметках» и в своих статьях против народников, когда он, по крайней мере, по видимости оставался марксистом. Теперь с видом невинного младенца, которого незаслуженно обижают, Струве в статье «Против ордотоксальной нетерпимости», поучал марксистов, что

«...должно всего более беречься тех грубых приемов, при помощи которых ортодоксальный марксизм поистине малярной кистью производит и разом окрашивает самые тонкие и сложные психологические явления в один цвет... классовой психологии» [1]). (С т р у в е. «На разные темы», стр. 217.)

Струве, впрочем, не скрывая, рассказывает, зачем ему понадобилось временное сотрудничество с марксизмом. Струве пишет:

«Вообще русское критическое движение в марксизме отличается от западно-европейского гораздо большей смелостью, решительно и без всяких примирительных оговорок и недомолвок порывая с теми положениями марксизма, которые оказываются в глазах представителей этого движения несостоятельными».

Поход против ордотоксии все более и более усиливался. Ряд внешних причин помог в этом отношении легальным марксистам. «Ортодоксы», конечно, вытеснялись из легальной печати. Журналы, издательства были к услугам Струве и К°, а главное—«ортодоксы», которые занимались пропагандой марксизма не в салонах, как г.г. «критики», а среди рабочих, арестовывались и высылались. Туман, которым окутывали свою критику г.г. «марксистообразные», по выражению Потресова, усилиями революционных марксистов стал все более и более рассеиваться. Наиболее полно физиономию свою выявил Струве. В статье, помещенной в так наз. «Архиве Брауна», под заглавием «Марксистская теория общественного развития», подвергая критике теорию Маркса, Струве, наконец, прямо заявил, что его интересует не материалистическое понимание истории во всей его полноте, а «только его специальное применение от капитализма к социализму». Марксистский метод можно применять к прошлому в его чистом виде, ибо можно критиковать как угодно прошлое, — что, дескать, нам до него? конечно, оно было плохо и т. д.,—но вот по части критики капитализма подход уже должен быть «немножечко» изменен; именно так обычно подходили к анализу капиталистического строя те из буржуазных идеологов, которые, «становились на точку зрения материалистического понимания истории». Так, французские историки Гизо, Минье и другие охотно признавали существование классовой борьбы во время феодализма и необходимость его революционного свержения, но категорически отказывались признавать классовую борьбу в капиталистическом обществе, так как капиталистическая цивилизация и культура, по мнению этих людей, постепенно изживали классовую борьбу. Такие рассуждения идеологов буржуазии были, конечно, фактически неверны, но зато с их точки зрения вполне последовательны. Ибо ясно, что

---

[1]) Чрезвычайно любопытно проследить на опыте наших дней, куда привела «сложная психология» этой честной компании. Струве, как известно, стал черносотенцем и министром «истинно-русского» освободителя России — барона Врангеля. Туган-Барановский умер министром украинского контр-революционного правительства пана гетмана, Булгаков стал каким-то «юродствующим во Христе» попом. Не лучше Бердяев, Франк и многие другие из этой группы легальных марксистов.

где есть классовая борьба, там она, несмотря на все усилия притуплять ее, усиливается и обостряется, приводя наконец к открытой схватке, т.-е. к революции. Что же Струве хочет внести, какую поправку он предлагает к «теории Маркса» в ее объяснении перехода от капитализма к социализму? Может быть, он тоже отрицает наличность классовой борьбы в капиталистическом обществе? Отнюдь нет. В чем же дело?

«Я уже оттенил, — пишет Струве, — то обстоятельство, что если социальное развитие совершится по формуле возрастания противоположностей (т.-е. Струве хочет сказать, что если развитие идет по линии обострения классовых противоречий. Ред.), то «общественный переворот» (т.-е. социальная революция. Ред.) необходимо должен представляться в виде политического переворота. Но это представление, лежавшее в основе знаменитого учения о диктатуре пролетариата, падает вместе с диалектическим ходом развития».

Значит, по Струве, развитие классовой борьбы идет по линии не усиления, а притупления классовых противоречий, и отсюда Струве торопится, конечно, сделать вывод о несостоятельности теории «диктатуры пролетариата». Почему же, по мнению Струве, можно считать, что «социальное развитие от капитализма к социализму идет по линии не усиления, а притупления классовых противоположностей»? На это Струве отвечает в статье «О международном конгрессе по вопросам охраны труда». По поводу изменившегося за 50 лет отношения радикальных буржуа к хлебным пошлинам и фабричному законодательству Струве делает следующий замечательный вывод:

«Теперь у социальных реформ потому много врагов и принципиальных противников, что все более и более распространяется и крепнет убеждение, что они вовсе не представляют из себя «жалкого штопания», а наоборот, являются лишь звеньями в той органической цепи форм, которая ведет от одной общественно-экономической формации к другой. Социально-политический радикализм окончательно сроднился с идеей эволюции, он привык мыслить и аргументировать эволюционно; наоборот, представители близорукого консерватизма все более и более попадают в сети пагубной веры в политические и социальные чудеса». (Подчеркнуто нами. Ред.) (Струве. «На разные темы»).

Вывод ясный: долой веру в «социальные и политические чудеса» — в социальную революцию, да здравствует благоразумное «штопание» — социальная реформа! Таковы были рассуждения г.г. «критиков». В момент писания этих статей промышленный подъем и расцвет как бы наглядно подтверждали правильность таких рассуждений. Но уж очень скоро жизнь поторопилась лучше всяких «теорий» показать, как идет «притупление» классовых противоречий. Особенно это ярко видно было в России. Наступивший продолжительный упадок промышленности, аграрное движение и политические стачки 900-х годов были лучшим ответом на «эволюционные упования».

Но Струве чувствовал себя, как рыба в воде. Он уже больше не останавливался только на вопросах теории; он начинает «пошаливать» и в политике, делая кое-какие практические выводы из своих «теоретических предпосылок». Для него, видите ли, совсем даже не доказано, что в предстоящей борьбе с самодержавием пролетариат будет занимать какое-то главенствующее, руководящее положение, что только пролетариат способен бороться до конца. «На мой

взгляд, — пишет Струве, — исторические задачи в России не таковы, чтобы «аннибалова клятва» [1]) нашего времени была связана исключительно и даже преимущественно с судьбами и интересами одного общественного класса, а прочие классы были бессильны, индиферентны и враждебны по отношению к содержанию этой клятвы». Так «легальный марксизм» доходил до своего логического конца. Несмотря на явную политическую дряблость буржуазии, несмотря на то, что ее взаимоотношения с самодержавием были совсем не таковы, чтобы можно было надеяться на революционные возможности буржуазии,— положение, конечно, обязывало. Связав себя с буржуазией, нельзя было всячески, как это только можно было, не раздувать революционных возможностей этой буржуазии и показать, что не пролетариат, а «общество», т.-е. буржуазия плюс интеллигенция (уже не внесословная, а связанная с «определенным классом»), займут «командные высоты», как сказали бы мы сейчас, а пролетариат, по удачному выражению М. Н. Лядова, будет лишь «кули революции», возьмет на себя черную работу.

Так в процессе самоопределения буржуазного либерализма последний, уже не мечтая, уже не прикрываясь марксизмом, прямо и определенно пытается поставить вопрос о гегемонии буржуазии в предстоящем осуществлении «аннибаловой клятвы», и как некогда в борьбе с народничеством, перед русским марксизмом опять стал вопрос резкого размежевания.

ж) ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ И С.-Д. ДВИЖЕНИЕ 90-х ГОДОВ

На сей раз дело шло об отмежевании от этой резко выраженной буржуазной идеологии.

Идее гегемонии буржуазии нужно было еще более отчетливо противопоставить идею гегемонии пролетариата в буржуазной революции, нужно было еще резче оттенить, что свободы пролетариат станет и будет добиваться д л я с е б я, а не для буржуазии. Взгляды легального марксизма становились тем более опасными для развивающегося социал-демократического движения, что ими начали заражаться молодые социал-демократы. Этому распространению в рядах молодых социал-демократов взглядов легального марксизма способствовало одно чрезвычайно важное внешнее обстоятельство. Дело в том, что «старики» к концу споров с «легальным марксизмом», по выражению Потресова, населяли «казенные квартиры» и предпринимали колонизацию северных и восточных пустырей нашего обширного «отечества» (попросту говоря, либо сидели в тюрьмах, либо отправлялись царским правительством в ссылку). «Молодые» же социал-демократы, под влиянием стачек и относительной успешности и популярности среди рабочих борьбы во имя мелких копеечных требований, начинали возводить именно эту борьбу в какой-то принцип, не умея связывать борьбу за повседневные нужды с политическими серьезными требованиями рабочего класса и все более и более сбиваясь на ту точку зрения, что пролетариат еще не дорос до понимания задач политической борьбы, что среди

[1]) «Аннибаловой клятвой» называли в подцензурной литературе задачу свержения царского самодержавия. Р е д.

рабочих нужно заниматься только тем, что им всем понятно, т.-е. борьбой за копеечку, а уж пусть себе там либералы занимаются политикой.

Такие взгляды нашли себе выражение в знаменитом «К р е д о» (Символ веры, «Верую») (табл. 36), написанном будущими деятелями контр-революции и белогвардейщины, а в то время «т о ж е» социал-демократами, Кусковой и Прокоповичем, как раз близко примыкавшим к Струве и К°, уже тогда определенным ревизионистам. В следующей главе нам подробно придется остановиться на этом документе. В нем так ярко, до конца, ставился вопрос об отказе от политической гегемонии пролетариата в пользу гегемонии буржуазии и об использовании буржуазией исключительно в своих целях массового движения, что Ленин писал в «Что делать?»: «Если не было бы «Кредо», стоило бы выдумать его» [1]). Нечего и говорить к каким опасным последствиям мог привести такой взгляд среди социал-демократов, как мил он был сердцу легальных марксистов, ибо — шутка ли сказать, о чем шла речь — во главу угла деятельности с.-д. ставилось принижение рабочего движения до целей и задач буржуазии и, следовательно, открытого провозглашения самими социал-демократами гегемонии буржуазии в предстоящей революции.

Но и здесь революционные марксисты оказались на-чеку. Как только до далекой ссылки дошла весть о «Кредо», все, как один, старые деятели движения выступили против него. Результатом этого явился знаменитый «П р о т е с т 17 с.-д.», написанный в основном В. И. Лениным. Вот как описывает историю составления этого документа один из подписавших его, тов. Лепешинский:

«Все с.-д. Минусинского уезда летом (кажется в июле 1899 г.) собрались по инициативе В. И., чтобы достойным образом реагировать на пресловутое profession de foi (изложение веры Е. Я.) так называемых «молодых» с.-д., на известный, ставший историческим документ под названием «Кредо». Получивши из Петербурга рукопись с этим «Кредо», Владимир Ильич взволновался, как охотник, почуявший близость очень крупной дичи. Он сейчас же составил себе план отповеди авторам «Кредо» и набросал п р о е к т протеста против этого нового символа веры. Было решено протест сделать коллективным... при чем я помню, как Владимир Ильич горячо доказывал многим из нас, что «Кредо» очень симптоматично, что прозевать этого явления нельзя». («На повороте», стр. 100—101.)

Так в исключительно трудной обстановке, даже из ссылки и тюрьмы шла неустанная борьба за идейную и политическую гегемонию пролетариата в России. Именно в этот период, по мнению тов. Каменева, у В. И. Ленина сложилась мысль, — поскольку все трудней и трудней становилась деятельность «ортодоксов» и эту деятельность, как только можно было, пытались заглушить господа легальные критики и «молодые» с.-д., — о создании за границей боевого органа марксизма, который мог бы широко развернуть вопросы революционно-марксистской идеологии и тактики. Только в 1900 г. удалось осуществить эту мысль, создав за границей знаменитую «И с к р у» и теоретический журнал «З а р я». Вскоре происходит окончательный, по выражению В. И. Ленина,

[1]) Потресов писал: «В получившем довольно обширную известность произведении, известном под именем «Кредо», в высшей степени рельефно и точно очерчены основные пожелания демократии: его автор с достойной внимания смелостью выговорил то, ч е г о д о с и х п о р не решается сказать просто и без ужимок большинство наших марксистообразных писателей».

«не только идейный, но и политический разрыв с легальным марксизмом». При чем не безынтересно отметить, что политический разрыв, как и начало систематической борьбы с легальным марксизмом, обязан был Ленину. Статья его «Гонители земства и Аннибалы либерализма» была провозглашением разрыва.

Мы проследили основные моменты возникновения и развития легального марксизма, мы видели, как с самого начала этот последний выявил себя, как «буржуазный, либеральный, профессорский подголосок, для которого марксизм был только средством в борьбе за гегемонию буржуазии против народнических утопий» (В. И. Ленин). Не было ли в таком случае ошибкой со стороны революционных социал-демократов того времени, что они вступили в союз с «легальным марксизмом» и тем самым прикрывали его своим авторитетом? Ведь мы видели, к чему привело соглашение с легальными марксистами не только для теории, но и для практики с.-д. движения. Ведь именно в этот период под безусловным влиянием легального марксизма начинает подымать голову оппортунизм в рядах самой с.-д. Примеры: «Кредо», о котором мы говорили, и зарождающийся экономизм. Так думали многие тогда, но такие рассуждения были неверны.

«Бояться временных союзов, хотя и с ненадежными людьми, — писал В. И. Ленин, — может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать. А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительным политическим союзом русской с.-д.».

«Разрыв вызван был, конечно, не тем, что «союзники» оказались буржуазными демократами. Напротив, представители этого последнего направления — естественные и желательные союзники с.-д., поскольку дело идет о ее демократических задачах, выдвигаемых на первый план современным положением России... А то бернштейнианство и «критическое» направление, к которому повально обратилось большинство «легальных марксистов», отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому тред-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов.

Естественно, что при таких условиях разрыв был необходим». (Л е н и н. Собр. соч., т. V, стр. 128—129. «Ч т о д е л а т ь?».)

Однако очень скоро обнаружилось, что не всеми революционными марксистами вкладывалось такое «ленинское» понимание «союза с либералами». Вышеназванная статья Ленина «Гонители земства», написанная в таком духе, вызвала значительные разногласия между Плехановым, с одной стороны, и Лениным — с другой, не вышедшие тогда, правда, наружу. Эти разногласия по вопросу о либералах «предвосхитили» будущие споры большевиков и меньшевиков. Когда знакомишься теперь с этими спорами, становится ясным, что уже с самого начала борьбы с «легальным марксизмом» наметилось два типа критики либералов, два подхода к ним. Ряд обстоятельств не позволил тогда обострить вопрос. На очереди стоял «очередной фронт», который объединил всех революционных марксистов, — борьба с начинающим пускать значительные корни

оппортунизмом в рядах молодой партии. Мы имеем в виду «экономизм», против которого отныне и начинается борьба революционного крыла партии.

Однако мы обязаны теперь проследить за этими разногласиями в вопросе об отношениях к либералам с точки зрения происхождения большевизма и меньшевизма.

з) ЛЕНИН И ПЛЕХАНОВ В БОРЬБЕ С «ЛЕГАЛЬНЫМ МАРКСИЗМОМ»

Статья Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма» была написана по поводу предисловия П. Струве (псевдоним Р. Н. С.) к записке графа С. Ю. Витте («Самодержавие и земство»), будущего усмирителя революции 1905 года. В этом предисловии Струве пытался обосновать тактику либералов в борьбе с самодержавием. Уже тогда ясно было, что Струве фальшивит, что всерьез либералы с самодержавием бороться не собираются; что все, что исключает «легальный, мирный и постепенный» темп приближения к конституционно-демократическому режиму, либералами не приемлется. Ленин немедленно выступил с резкой критикой этой позиции.

«В сущности мы можем, — писал В. И. Ленин, — видоизменяя известное изречение Маркса о революции 1848 г. и о русском революционном движении, сказать, что его прогресс состоит не в завоевании каких-либо положительных приобретений, а в освобождении от вредных иллюзий. Мы освободились от иллюзий анархизма и народнического социализма, от пренебрежения к политике, от веры в самобытное развитие России, от убеждения, что народ готов для революции, от теории захвата власти и единоборства с самодержавием геройской интеллигенции. Пора бы и либералам нашим освободиться от самой, казалось бы, несостоятельной теоретически и самой живучей практически иллюзии, будто возможно еще парламентерство с русским самодержавием, будто какое-нибудь земство есть зародыш конституции, будто искренним сторонникам этой последней можно исполнять свою Аннибалову клятву посредством терпеливой легальной деятельности и терпеливых призывов к смирению врага». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 69.)

Однако Ленин совсем и не думал отрицать за либералами, как представителями буржуазии в предстоящей бесспорно буржуазной революции, их определенной роли.

«Русские социал-демократы, — писал он, — никогда не закрывали глаз на то, что политическая свобода, за которую они прежде всего борются, принесет пользу прежде всего буржуазии. Восставать на этом основании против борьбы с самодержавием мог бы только социалист, погрязающий в худших предрассудках утопизма или реакционного народничества. Буржуазия воспользуется свободой, чтобы почить на лаврах, — пролетариату необходимо нужна свобода, чтобы развернуть во всю ширь свою борьбу за социализм. И с.-д. будет неуклонно вести освободительную борьбу, каково бы ни было отношение к этой борьбе тех или других слоев буржуазии. В интересах политической борьбы мы должны поддерживать всякую оппозицию гнету самодержавия, по какому бы поводу и в каком бы общественном слое она ни проявлялась. Для нас далеко не безразлична поэтому оппозиция нашей либеральной буржуазии вообще и наших земцев в частности. Сумеют либералы организоваться в нелегальную партию, — тем лучше, мы будем приветствовать рост политического самосознания в имущих классах, мы будем поддерживать их требования, мы постараемся, чтобы деятельность либералов и с.-д. взаимно пополняла друг друга. Не сумеют, — мы и в этом (более вероятном) случае

не «махнем рукой» на либералов, мы постараемся укрепить связи с отдельными личностями, познакомить их с нашим движением, поддержать их посредством разоблачения в рабочей прессе всех и всяких гадостей правительства и проделок местных властей, привлечь их к поддержке революционеров. (Подчеркнуто нами. Ред.) Обмен услуг подобного рода между либералами и с.-д. происходит и теперь, он должен быть только расширен и закреплен. Но, будучи всегда готовы на этот обмен услуг, мы никогда и ни в каком случае не откажемся от решительной борьбы с теми иллюзиями, которых так много в неразвитом политически русском обществе вообще и русском либеральном обществе в частности». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 68—69.)

Здесь нет еще расхождения с Плехановым, который писал в «Задачах социалистов в борьбе с голодом в России»:

«Мне скажут, пожалуй, что откровенное изложение наших взглядов несвоевременно, так как оно способно запугать либералов. На это я отвечу вот что: с нашей стороны нелепо было бы умышленно запугивать их; но если они испугаются нас как-нибудь невзначай, помимо нашей воли, то нам остается только пожалеть об их совершенно уж «несвоевременной» пугливости. Во всяком случае, мы считаем самым вредным родом запугиванья — запугиванье социалистов призраком запуганного либерала. Вред, приносимый таким запугиваньем, несравненно больше той пользы, которую могло бы принести убеждение г.г. либералов в нашей умеренности и аккуратности».

Тем не менее Плеханов был решительно недоволен, что Ленин выступил с такой статьей, он был решительно против помещения этой статьи. В письме к Аксельроду он так и пишет:

«Пересылаю тебе рукопись Петрова (псевдоним Ленина. Ред.). Необходимо, чтобы ты высказался об ее содержании, от твоего голоса будет зависеть судьба этой статьи».

Что же беспокоило в ней главным образом Плеханова? Плеханов говорит, что считает правильной принципиальную оценку, даваемую Лениным либералам, но не считает возможным третировать либералов в таких тонах, как это делает Ленин. Со стороны Плеханова это, однако, была увертка, ибо дальше он говорит, что статья «требует радикальной переработки» и что ее автор «еще совсем не отделался от некоторых элементов примитивного марксизма». Мы видели, что это был за «примитивный марксизм», и кто в сущности был его автором. Мы видели, как сам Плеханов не боялся «запугиванья». Характерно, что и Аксельрод, не соглашаясь с Плехановым, считая, что статью поместить нужно, делал это не потому, что соглашался с оценкой Ленина, а потому, что

«...статья показывает, что нам очень нужно было бы обстоятельно столковаться по целому ряду очень важных вопросов. А пока этого не сделано, должна быть свободная дискуссия».

Другими словами, Аксельрод считает, что вопрос о либералах еще не выяснен, хотя, кажется, и Аксельрод и Плеханов, как мы видели, давали по этому поводу в своих статьях исчерпывающий ответ. Такая неожиданная и странная «непоследовательность» со стороны «учителей» не прошла мимо внимания Ленина, и он, со свойственной ему одному исключительной ясностью, писал тогда:

«Вообще я вовсе не так уже упорен насчет смягчения частностей, но принципиально не могу только отказаться от мысли в нашем праве и (нашей обязанности) разнести Р. Н. С. за его политическое жонглерство».

Вопрос здесь был именно не в «частностях», а в принципе. Это впоследствии более откровенно признал и Плеханов, когда в одном из писем к Мартову писал, что «есть два подхода к либералам — «тулинский» и «бельтовский». Мы видели, что собой представлял «тулинский» подход; что же касается «бельтовского», то он, вопреки выше приведенному объяснению Плеханова, сводился к тому, что «боже, упаси запугивать». Недаром сам Плеханов и выступил против Струве не в 1894 г. как Ленин, а лишь в 1901 г. И здесь у Плеханова в его статьях против Струве имеются совершенно определенные намеки на этот осторожный «бельтовский» подход.

«Литературная известность г. П. Струве начинается с осени 1894 г.,— писал Плеханов,— когда вышла в свет его наделавшая много шуму книга «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России». В этой тяжеловесно написанной и местами наивной, но в общем все-таки дельной книге одновременно выступали, «обнявшись будто две сестры», и причудливо переплетаясь одна с другой, две теории: во-первых, теория Маркса и «ортодоксальных» марксистов, а во-вторых, теория Брентано и его школы. И это смешанное эклектическое содержание книги в значительной степени оправдывало как упреки, сыпавшиеся на ее автора со стороны некоторых «ортодоксальных» марксистов, так и ожидания, возлагавшиеся на него другими, не менее «ортодоксальными» последователями Маркса: упрекавших раздражал брентанизм, а люди, возлагавшие ожидания на г. П. Струве, надеялись, что эта буржуазная теория будет мало-по-малу побеждена в его взглядах присутствовавшим в них элементом марксизма. Пишущий эти строки принадлежал к числу ожидавших. (Подчеркнуто нами. Ред.). Его ожидания не были, правда, очень велики. Он никогда не считал г. П. Струве человеком, способным обогатить теорию Маркса значительным теоретическим вкладом, но он все-таки надеялся, во-первых, на то, что брентанизм г. Струве скоро будет побежден его марксизмом, а во-вторых, на то, что автор «Критических заметок» способен правильно понимать автора «Капитала». Теперь оказывается, что мы ошиблись в обоих случаях: марксизм уже теперь уступает во взглядах г. П. Струве свое место своему старому соседу — брентанизму, а, кроме того, наш «критик» обнаружил совершенное непонимание самых коренных, самых важных положений исторического материализма. В этом последнем отношении он очень далеко ушел назад, что объясняется, конечно, влиянием того же брентанизма».

Крайне характерно, что, написавши в 1901 г. такие строки, Плеханов в момент организации «Искры» рассуждал из чисто дипломатических соображений совсем иначе, сваливая вину за свое невыступление против Струве на Ленина и др., т.-е. как раз тех, кто выступал против Струве, при чем не менее характерно, что он обвинял «группу молодых» — Ленина, Мартова и Потресова — в том, что они «недостаточно четко намереваются разделаться со Струве и К°» и что он, Плеханов, во-время не выступил против Струве, что ему «не велено было стрелять», и он подчинялся. По этому поводу у Ленина сохранилась запись, где он, останавливаясь на этой «своеобразной манере» Плеханова выгораживать себя, говорит:

«Были «трения» по вопросам тактики журнала. Г. В. (Плеханов) проявлял всегда абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы и притом неискренность, именно неискренность. Наши заявления, что мы обязаны быть елико возможно снисходительны к Струве, ибо мы сами не без вины в его эволюции, мы сами, и Г. В. Плеханов в том числе, не восстали тогда, когда надо было восстать (1895—1897). Г В. Плеханов абсолютно не хотел признать своей, хотя бы малейшей вины, отделываясь явно негодными аргументами, отстраняющими, а не разъясняющими вопрос. В товарищеской беседе между будущими соредакторами эта... дипломатичность поражала крайне неприятно: зачем обманывать себя, говоря, что в 1895 г. ему, Г. В. Плеханову, будто бы было «приказано» (??) «не стрелять» в Струве, а он привык делать, что приказано? (Похоже на то!) Зачем обманывать себя, уверяя, что в 1897 г., когда Струве писал в «Новом Слове» о своей цели опровергнуть одно из основных положений марксизма, он, Г. В. Плеханов, не выступал против, ибо абсолютно не понимает (и никогда не поймет) полемики в одном журнале между сотрудниками? Эта неискренность страшно раздражала, тем более, что Г. В. Плеханов старался в спорах представить это так, будто мы не хотим беспощадной войны со Струве, будто мы хотим «все примирить» и пр.». (Ленинский сборн. № 1. «Как чуть не потухла «Искра».)

Теперь читатель видит, что все это были со стороны Плеханова только «ходы», долженствовавшие прикрыть «бельтовский» подход к либералам.

Что мы имели в итоге борьбы за идейную и политическую гегемонию марксизма в России в зародыше две тактики, два типа, два подхода с.-д., которые расходились в крупнейших вопросах отношения к крупной и мелкой буржуазии, давшие впоследствии большевизм и меньшевизм, — это теперь совершенно ясно.

Только очередные, более злободневные и важные задачи борьбы с разбродом и шатанием в рядах с.-д. отвлекли на время от открытых споров по этому вопросу, хотя, как мы увидим, они продолжались внутри редакции «Искры».

ВОПРОСНИК-ПЛАН К VI ГЛАВЕ

«ЭКОНОМИЗМ» И «ИСКРА». ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

I. Корни русского экономизма.

1. Экономические и социально-политические условия, питавшие «экономизм» и способствовавшие его развитию.
2. Состояние партии в этот период.

II. Принципиальные расхождения «искровцев» и «экономистов».

1. Преклонение «экономистов» перед стихийностью и принижение ими сознательности.
2. Игнорирование роли пролетариата как авангарда революции.
3. Отрицание роли интеллигенции в процессе формирования идеологии рабочего класса (научного социализма).
4. Значение передовой теории для роли передового класса.
5. Взгляды «экономистов» на соотношение между экономикой и политикой; критика этих взглядов «Искрой» (Лениным).

III. Тактические расхождения с «экономистами».

1. Постановка вопроса о «теории стадий».
2. Отношение «Искры» и «экономистов» к использованию пролетариатом оппозиционных групп.

IV. Расхождения с «экономистами» по организационным вопросам.

1. Партия как авангард рабочего класса или как регистратор мелочных экономических достижений.
2. Партия как организация профессиональных революционеров или как координация кружков.

V. Опасность «экономизма» для растущего движения рабочего класса, в особенности в связи с политическим оживлением среди других классов и групп.

1. Движение среди земской и либеральной буржуазии. «Освобождение».
2. Движение среди мелкой буржуазии. Партия эсеров.
3. Студенческие движения.

VI. Заключение: «Экономизм» как разновидность западно-европейского оппортунизма (русский тред-юнионизм).

В каком смысле Ленин говорит о связи «экономистов» с легальным марксизмом и в каком смысле можно их считать предтечами меньшевиков.

ЛИТЕРАТУРА:

Флиднер и Карпов, стр. 163—225 или:

Ленин. Собр. соч., т. I, стр. 368 со слов «...мы не знаем...» до стр. 374— «...до полной победы социализма».

Оттуда же, 344—351 стр.

То же, т. IV, стр. 5—10, 75—77, 36—39.

202—204.

« т. V, стр. 120—123, 134—138, 140—141 («...до самодержавия в особенности...»).

ГЛАВА VI

ЭКОНОМИЗМ И «ИСКРА»

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

а) ПОСЛЕ I СЪЕЗДА

Беспримерный темп роста русского хозяйства 90-х годов так же, как массовая волна рабочих выступлений в Петербурге и в Центральном промышленном районе этого времени, послужил базой для развития Пролетарского социализма.

Либеральному народничеству рост капитализма нанес непоправимый удар. На фоне этого роста русский марксизм разоблачает сущность этого направления мелкобуржуазной мысли.

В соответствии с этим расширяются задачи русских социал-демократов. Налицо уже имелся рабочий класс, эксплоатация которого отягощалась крепостническими порядками на фабрике и полнейшим политическим бесправием рабочих. Наличие такого рода условий выводило марксизм из «утробного» состояния, когда число его сторонников «измерялось единицами», и «социал-демократия существовала без рабочего движения».

Через «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса» «социал-демократия появляется на свет божий как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 267.)

Это стало возможным потому, что уже к середине 90-х годов налицо были условия для выдвигания «самых широких исторических задач социал-демократии вообще и задачи ниспровержения самодержавия в особенности». (Там же, стр. 141).

Ярким выражением этой деятельной полосы, обнимавшей собой борьбу за марксистскую теорию, социал-демократическую организацию и тактику, является I съезд РСДРП (1898 г.). Он выражал собой острую потребность в организации сил социал-демократов и в переходе от кружкового этапа к партии.

Как известно, почти все участники I съезда были арестованы. Такой же участи подвергся весь состав ЦК, выбранный на съезде. Почти одновременно наиболее активные деятели социал-демократического движения, работавшие в Петербурге, Москве, Киеве, Ростове, Одессе и т. д. в «Союзах борьбы

за освобождение рабочего класса», арестовываются и высылаются из центров рабочего движения в самые отдаленные уголки России (Сибирь, Якутская область, впоследствии в Нарымский край и пр.).

Этими арестами и ссылками социал-демократическое движение о б е с к р о в л и в а л о с ь. На смену старым испытанным деятелям выступила социал-демократическая молодежь, занявшая руководящее место в движении. Оставшись без опытного руководства и получив теоретическое воспитание главным образом на литературе легальных марксистов, эта молодежь в значительной степени отошла от пути своих предшественников — «стариков» (руководство экономической и политической борьбой рабочего класса, работа над созданием единой партии и т. д.).

Пробуждение рабочих масс и деятельная их работа по организации своих сил в социал-демократическую партию дали усиленный толчок и организации классовых противников. Особенно это относится к либеральной буржуазии, которая обстановку неокрепшей социал-демократической партии и роста движения пыталась использовать для упрочения своей гегемонии. В эпоху легального марксизма эта буржуазия делала очевидные попытки взять на буксир рабочее движение и установить свое влияние и руководство последним. Этим попыткам превратить рабочее движение в придаток мирного легального движения либералов «старики», в лице Ленина (см. его критику Струве), дали резкий отпор.

Воспользовавшись вынужденным уходом с поля битвы «стариков», деятели легального марксизма проводят либеральное влияние на социал-демократическое движение через политически неопытную, мало подготовленную, теоретически неокрепшую среду «молодых». В некоторых случаях им удалось даже стать во главе социал-демократических групп (напр. Бердяев и Водовозов в Киеве).

Проникновению буржуазной идеологии в социал-демократическое движение, кроме перечисленных причин, помогала разобщенность социал-демократических групп и организаций. Последние работали без всякой связи между собой, руководились групповыми уставами, без всякой программы. Отчет, представленный Амстердамскому социалистическому конгрессу в 1904 г., так характеризует социал-демократическое движение периода после I съезда:

«Каждая социал-демократическая организация работала на свой собственный лад, сношения между отдельными группами происходили в виде нерегулярных отчетов... и в очень редких случаях в виде взаимных услуг между соседними организациями. В полном соответствии с этой организационной расчлененностью партии наблюдался полнейший разброд в толковании программы и тактических вопросов. В вопросах тактики мы видим целую гамму различных оттенков — от чистого бернштейнианства до чистого революционизма».

Потребовалась долгая работа Ленина и «Искры», чтобы положить конец идейному и организационному хаосу в движении. А движение в этот период находилось, примерно, в таком состоянии: е д и н о г о ц е н т р а н е с у щ е с т в о в а л о в о в с е.

Из кружков и групп этого времени отметим следующие: «Рабочая Мысль»— кружок создался в октябре 1897 года, после ареста «стариков» — Ленина,

Мартова, Ванеева и др. по «С.-Петербургскому Союзу Борьбы». Во главе его стояли Тахтарев (Тара), умерший в 1925 г., Якубова, Лохов (Ольхин). Кружок назывался по имени своей газеты, которую он издавал. Газета пропагандировала борьбу за «экономические улучшения, борьбу с капиталом на почве защиты повседневных насущных интересов рабочих». Кружок — ярко экономистский. Ленин характеризует этот кружок: как «самый прямой и самый честный сторонник экономизма». (Ленин, т. V, стр. 130.) Затем группа «Самоосвобождение рабочего класса» — создалась в 1899 г. Она объединяла человек 20 и в полной мере соглашалась с «Рабочей Мыслью» по существенным вопросам социал-демократического движения. В выпущенном воззвании в марте 1899 г. группа считает, что рано объединять русских рабочих под знаменем социал-демократии, что организация масс должна происходить лишь «на почве... реальных интересов рабочих», что «рабочие должны, наконец, взять в свои руки собственное дело». Именно программу этой группы Ленин характеризует как попытку свести «роль социал-демократии до простого прислужничества рабочему движению» (там же, стр. 154). Группа «Социалист», создалась тоже, примерно, в 1899 г. Она выросла на почве недовольства крохоборческой проповедью экономистов. Как реакцию на экономические настроения, группа начала проповедь крайних террористических методов борьбы. Группа «Рабочее Знамя» выделилась из петербургской организации, которая стала склоняться к экономизму. Эта группа состояла из студентов-технологов и имела тесную связь с белостокской группой того же названия. Она проповедывала политическую борьбу. Полного единства тактики в группе не было. Именно поэтому некоторые члены перешли к «искровцам», другие — к эсерам. В числе членов этой группы находились: В. Ногин, А. Сольц, М. Лурье — будущие деятели большевизма. Группа прекратила свое существование в 1902 г., когда в итоге деятельности «Искры» восстанавливалась партия. (Табл. 37.)

Отметим еще ряд групп провинциальных, которые характерны тем, что они составили яркую оппозицию экономистам. Тем самым эти группы оказали большую помощь в образовании социал-демократической партии. «Южный Рабочий» — создалась в Екатеринославе в 1899 г. Руководителями были: Г. Наумов (А. М. Гинзбург), Лалаянц, Харченко, Розанов. Группа вела ярую борьбу с экономистами и выдвигала положение о необходимости сочетания экономической борьбы с политической борьбой против самодержавия. Эта группа весьма сочувственно тогда отнеслась к работе «Искры», хотя с организационными взглядами последней расходилась. Группа приняла деятельное участие в подготовке II съезда партии и участвовала в Организационной Комиссии по его созыву. Вскоре после съезда группа прекратила свое существование.

Группа «Рабочей Газеты». «Рабочая Газета» издавалась Киевской группой социал-демократии. Создалась 22 августа 1897 г. Эту газету I съезд партии намеревался превратить в центральный орган социал-демократической партии. Через эту газету В. И. Ленин впервые ознакомил социал-демократов с планом партийного строительства, который более подробно он развил впоследствии в брошюре «Что делать?». В том же Киеве одна группа социал-

демократов издавала газету «Вперед», которая доказывала, что одна экономическая борьба с предпринимателями—это и есть социал-демократическая политика.

Особо стоит отметить, что в январе 1902 г. создался «Северный Рабочий Союз», который пытался объединить разрозненные силы социал-демократов центральных губерний—Ярославской, Костромской, Владимирской. Создание этого Союза вызывалось весьма сильным стремлением в промышленных районах к объединению социал-демократии, ибо растущее рабочее движение не могло мириться с разбродом партии. «Северный Рабочий Союз» выработал программу, которая подверглась критике В. И. Ленина. Стоит также остановиться на группе Надеждина-Зеленского, возглавлявшего так называемую «Революционно-Социалистическую Группу «Свобода», создавшуюся в конце 90-х годов. Группа, как отмечает Рязанов (см. предисловие к XII тому сочинений Плеханова, стр. 5), пыталась «найти свой синтез между социал-демократами и социалистами-революционерами». Поэтому-то она на-ряду с правильными социал-демократическими мыслями допускала ошибочные эсеровские взгляды, что вызвало резкую критику этой группы со стороны «Искры» и В. И. Ленина. Однако «Свобода» выделялась из всех остальных групп с.-р. тем, что признавала рабочий класс главной силой революции, хотя вместе с тем его движение она пыталась сочетать с террором. На вопрос о терроре группа смотрела иначе, чем остальные с.-р. Она отрицала устрашающую роль террора, но зато выдвигала эксцитативную, возбуждающую, роль. Группа признается в том, что террором правительство «устрашить, дезорганизовать нельзя», но зато «Свобода» признает террор, «как средство» возбуждать рабочее движение, дать ему «сильный толчок». (Ленин, т. V, стр. 181.) Основной грех этой программы ясен: она недооценивает революционную активность масс. В сущности «Свобода» повторяет ошибки с.-р., которые активность класса заменяли отдельными выстрелами героев. Разнятся между собой они лишь тем, что с.-р. совершенно не верят в инициативу и деятельность народных масс,—группа же «Свобода» эту активность хочет вызвать «эксцитативным террором». Как и экономисты, «Свобода» принижала значение теории для рабочего движения. Как говорит В. И. Ленин, группа «Свобода» проявляет «бесконечную беззаботность насчет теории». (Ленин, т. V, стр. 263.)

Таким образом после I съезда партии таковой, как единого целого, не существовало. Больше того, по сравнению с I съездом, партия явно ушла назад. В. И. Ленин в статье «Наша ближайшая задача» [1]) писал: «Сделав этот громадный шаг вперед (речь идет о I съезде партии. Ред.), русская социал-демократия как бы исчерпала на время все свои силы и вернулась назад к прежней раздробленной работе отдельных местных организаций... Осуществить это объединение, выработать для него подходящую форму, освободиться окончательно от узкой местной раздробленности — такова ближайшая и самая насущная задача русских социал-демократов».

[1]) Одна из статей, предназначавшаяся для киевской «Рабочей Газеты». (См. Ленинский сборник № 3, стр. 19.)

Вот в общих чертах характеристика внутреннего состояния партии после разгрома «Союзов борьбы».

Теперь, чтобы в полной мере установить условия, вызвавшие в социал-демократическом движении такое течение, как «экономизм», обратимся к характеристике социально-экономической обстановки России того времени.

б) ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ В ПЕРИОД РАЗБРОДА И ШАТАНИЯ (1898—1903)

Чтобы поставить во взаимную связь «экономизм» с рабочим движением, надо знать фактическую картину промышленного развития России в эти годы, когда среди социал-демократов, как говорит Ленин, господствовали «разброд, распад и шатание». Надо иметь в виду, что истоки «экономизма» находятся в той поре промышленного подъема России, который, начавшись в начале 90-х годов, безостановочно развивался до первой трети первого десятилетия XX века. Этот подъем очень быстро превращал Россию из земледельческой страны по преимуществу в страну с очень мощной промышленностью.

Рост нашей промышленности за 90-е годы объясняет многое в тактике, во взглядах с.-д. «экономистов». К 90-м годам годовая производительность русской промышленности оценивалась в 1.300.000.000 рублей, а в 1900 г.— в 3.200.000.000 рублей. Русская металлургия за одно только десятилетие, 1887—1897 г.г., выросла на 176%, горнозаводское производство — на 152%, текстильное — на 104%. По выплавке чугуна Россия заняла 4-е место в мировом производстве. Железнодорожная горячка, охватившая Россию, привела к широкому развитию металлургической промышленности. С 1895 по 1900 г. было построено 30% всех существовавших до того времени железных дорог. По абсолютной длине наши железные дороги за это время обогнали французские, английские и германские, и русская железнодорожная линия заняла первое место после американской. За то же десятилетие, 1887—1897 г.г., число фабрик увеличилось на 72%, число рабочих — на 59%, а производительность, или общая товарная выработка, — на 112%.

Надо отметить также, что в круг промышленного развития вовлекались, хотя далеко не равномерно, самые отдаленные, оторванные от центров России окраины. Мы имеем в виду такие районы, как Сибирь, Кавказ, которые до того времени в промышленной жизни России играли сравнительно ничтожную роль. К середине 90-х г.г. промышленное значение этих окраин поднялось.

Но капиталистическое развитие идет не по прямой, а по зигзагообразной линии. За развитием следует застой, кризис, который вновь сменяется оживлением. Промышленное оживление России в этом смысле не составляло никакого исключения. И Ленин в брошюре «Задачи русских социал-демократов», изданной в 1897 году, как раз в момент общего подъема, писал:

«Мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность «процветает, торговля идет бойко, фабрики работают во-всю, и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные обще-

ства, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием промышленности». Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массу рабочих в ряды безработных и поставит таким образом перед всеми рабочими массами в острой форме те вопросы социализма и демократизма, которые давно уже встали перед каждым сознательным, каждым думающим рабочим. Русские социал-демократы должны позаботиться о том, чтобы этот крах застал русский пролетариат более сознательным, более объединенным, понимающим задачи русского рабочего класса, способным дать отпор классу капиталистов, пожинающих нынче гигантские барыши и стремящихся всегда сваливать убытки на рабочих». (Л е н и н. Собр. соч., т. I, стр. 359 — 360.)

Однако не очень многие из действовавших социал-демократов так отчетливо и полно выяснили для себя характер промышленного оживления и практические задачи социал-демократов, как это представлял себе Ленин. Можно сказать, что непонимание этого самым губительным образом отразилось на «социал-демократической» практике «экономистов», к оценке которой мы скоро перейдем.

в) РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Промышленный подъем середины 90-х годов имел то преимущественное значение, что рабочий класс стал многочисленнее, а европейская техника, применявшаяся на русских заводах и фабриках, приводила к большей концентрации рабочих на одном предприятии.

Для выяснения картины концентрации промышленности и рабочего класса приведем ряд фактов. К 1 января 1902 г. в 64 губерниях и областях существовало 17.819 заведений с 1.710.773 рабочими, подчиненных фабричному надзору, при чем на 236 фабриках, т.-е. на 1,3% всего их числа (с количеством рабочих более 1.000), работало 513.800 рабочих, т.-е. 30% общего числа рабочих. (П а ж и т н о в. «Рабочее движение в России», изд. «Новый Мир».)

676 крупных фабрик, т.-е. менее 4% общего числа фабрик и заводов, поглощают около половины всех рабочих [1]).

Так как этот промышленный подъем вызвал к жизни новую отрасль — производство средств производства, — то основной новой и типичнейшей характеристикой этого периода служит выступление на общественную арену рабочих-металлистов. Они вносили в рабочее движение наиболее характерные черты организованности. Выражением этой организованности явились наступательные стачки рабочего класса. Промышленный подъем для рабочего класса имеет то преимущество, что господствующие классы — в интересах безостановочного процесса производства — делают большие уступки стачечному напору рабочих. Приостановка промышленности вызывает для такого периода часто гораздо больший материальный ущерб, чем уступки рабочему классу. Таким образом почвой, питавшей наступательный характер стачечного движения 90-х годов, служит благоприятный факт промышленного процветания. Но, несмотря на эти основные черты, стачки носят во многих местах все еще

[1]) Эта небывалая концентрация промышленности накануне 1905 года превратила рабочий класс России в величайшую силу политической жизни страны. (И. С т а л и н. «О Ленине».)

оборонительный характер. Как раз в отраслях, наиболее чутко отражавших начало кризисного периода, рабочий класс подвергается нажиму. Буржуазия пытается переложить на его плечи всю тяжесть кризиса. Средством для этой цели является снижение заработной платы. Оборонительные стачки для рабочего класса служат средством удержания на прежнем уровне заработной платы и всех тех завоеваний, которые произведены в период подъема.

Каково же было соотношение оборонительных и наступательных стачек? Ответ на этот вопрос находим в статистических справках забастовочного движения, представленных российской делегацией международному конгрессу в 1900 г., и затем в правительственной статистике. Официальная правительственная статистика указывает, что за десятилетие, 1894—1904 г.г., из 100 стачек кончились победой рабочих 28%, взаимными уступками—21%. При этом надо иметь в виду, что, несмотря на тенденциозную характеристику стачек со стороны правительства, даже оно не оспаривает того факта, что 50% всех стачек не кончились поражением рабочего класса. В отчете международному конгрессу приводятся другие данные: с 1896 по 1900 год в 220 стачках приняло участие около 400.000 чел., при чем из 166 стачек успехом кончились 120 стачек, т.-е. $^3/_4$. На этих цифрах легко проверить заключение, приводившееся выше: такой широкий успех рабочего движения мог быть связан только с периодом подъема промышленности.

Этот успех внушал широким слоям рабочих, будто стачечное движение является единственным средством завоевания рабочим классом тех или иных улучшений. Эту уверенность рабочих разделяли и очень многие из социал-демократов, именно «экономистов».

Каковы были требования, предъявлявшиеся рабочим классом в этот период? За время с 1897 по 1904 г. мы имеем следующие, несколько округленные данные.

По какому поводу	Успех	Неуспех	Компромисс
За сокращение рабочего дня	24%	53%	23%
За увеличение заработной платы	18%	4%	42%
Против увеличения рабочего дня	63%	24%	13%
Против понижения заработной платы . .	47%	3%	23%

Эти данные выдают секрет тех извращенных, неправильных взглядов на экономическую борьбу, которые развивались экономистами. Логика этих утверждений была очень проста: раз стачечной борьбой, вовлекающей доподлинные массы рабочего класса, можно добиться таких (см. таблицу) существенных уступок от господствующих классов, то незачем сходить

с этой почвы борьбы. Эта уступчивость в области экономики очень скоро захватит собой и область политики. Рабочий класс такой постепеновщиной добьется реальных успехов. Логика, действительно, простая; в ней отсутствует, однако, очень важный момент: как закрепить прочность отвоеванного при другой экономической обстановке.

При этом надо также иметь в виду, что период промышленного подъема сопровождался огромным притоком новых деревенских слоев в ряды пролетариата. Эти слои сохраняли связь с землей и в очень малой степени были связаны с пролетарскими классовыми настроениями. Для такой отсталой, полукрестьянской массы гораздо ближе было понимание задач узко цеховых, узко экономических, и она далеко отстояла от понимания общеклассовых задач рабочего движения. Стачечное движение этого периода сохранило целый ряд фактов, весьма характерных для оценки степени сознательности этих полукрестьянских групп рабочих. Когда на текстильной фабрике в Гусе-Хрустальном, Владимирской губ., вспыхнула стачка, рабочие прежде всего отправились в церковь, чтобы отслужить молебен. Здесь же, на этом богослужении, рабочие дали клятву не выдавать друг друга и всем вместе поддерживать выставленные требования. В других местах рабочие, исчерпав все возможности для мирного улаживания конфликтов с предпринимателями, отправлялись к «властям предержащим»: полицеймейстерам, генерал-губернаторам [1]), к великому князю Сергею и т. д.

Этим группам рабочих еще не была ясна связь их положения на фабрике с общим строем политического бесправия. В своей наивной вере они допускали, что правительственные чиновники могут становиться на защиту их требований; то, что правительство является верным стражем капиталистов, фабрикантов и заводчиков и что его вмешательство ограничится лишь защитой интересов предпринимателей, — этого рабочие еще не понимали. Практика полицейских вмешательств в экономические конфликты освободила, однако, значительную часть рабочих от иллюзий. Рабочие начали понимать, что успешная борьба с капиталистами невозможна без политической борьбы с самодержавием.

На текстильных предприятиях больше, чем где бы то ни было, сохранились подобные отсталые представления рабочих. Здесь предприниматели, пользуясь неорганизованностью и слабой сознательностью рабочих, нарушали и без того крохотные рабочие права по фабричному законодательству и сохранили рабочий день в 10—13 час. при совершенно ничтожной оплате труда. Защита экономических прав на подобных предприятиях часто приводила к тем положительным результатам, что удавалось повышать общий материальный уровень рабочих и затем освобождать рабочих от крестьянских иллюзий насчет беспристрастности правительства.

---

[1]) Тем более, что в редких, исключительных случаях (в Иркутске и Красноярске в 1902 г.) такие хождения оканчивались некоторым успехом.

Завоевания рабочих по фабрично-заводскому законодательству, выразившиеся в сокращении рабочего дня на фабриках и заводах и в установлении праздничного и воскресного отдыха (например, закон 27 июня 1897 г. обязан стачечной волне 1895—1896 г. г.), постепенно сводились правительством на-нет.[1]) Уже правительственные циркуляры 5 января и 24 февраля 1898 г. отметили, что правительство уступая рабочим, выполняет лишь один тактический маневр— ослабить начавшееся возмущение рабочего класса. Несмотря на закон о сокращении рабочего дня, наблюдаются факты необычайной его продолжительности. Например, прокламация № 3 Киевского комитета говорит о «18-часовом рабочем дне среди портных при ничтожном вознаграждении». Система штрафов, пресловутые фабричные лавочки и т. п., вызывавшие такое возмущение среди рабочих первой половины 90-х годов, в общем и целом сохранились и для данного периода.

Период кризиса, начавшийся еще в конце 90-х годов, развернулся в полной мере в период 1900—1902 годов. Этот кризис очень тяжело отразился на положении рабочего класса. Во-первых, произошло сильнейшее сокращение количества предприятий. По данным одной только фабричной инспекции, с 1901 по 1903 г. закрылось в общей сложности 1.750 предприятий. Надо иметь в виду, что здесь дело идет о фабриках, подчиненных фабричному надзору. Это сокращение, которое даже по неофициальной статистике представляется грандиозным, вызвало огромную массу безработных. В Екатеринославской губ. в 1900 г. скопилось до 12.000 безработных, в Юзовке — 14.000, в Харькове — 16.000, в Одессе, Ростове и других местах приблизительно столько же.

Массовое скопление безработных неблагоприятно отразилось на стачечном движении рабочих, занятых на фабриках, ибо оно давало предпринимателям возможность выигрывать стачки. При малейшем стачечном упорстве заводчики выбрасывали на улицу рабочих и заменяли их безработными. К 1900 году стачками охватываются 22.389 рабочих, в 1901 г. — 32.218, в 1902 г. — 36.671, в 1903 г. — 86.522. Последний год служит началом нового подъема рабочего движения, предвестника революционного движения 1905 года.

Под давлением начавшегося возбуждения правительство в середине 1900 года опубликовало ряд указов об обществах взаимопомощи рабочих, пострадавших от увечий, фабричных старостах и т. д. Ленин все эти мероприятия оценил как начинание, единственной целью которого являются уступки «пролетариату, пробудившемуся к сознательной классовой жизни», который выступил «как настоящий, как главный, как единственно непримиримый враг нашего полицейского самодержавия». (Ленин. Собр. соч., т. IV, стр. 248.)

Это время полно самых ярких примеров организованного выступления рабочего класса, которое направлялось по линии борьбы со всем строем самодержавия. Это время дало возможность пролетариату испытать на практике все сильные и слабые стороны пролетарского средства борьбы — массовой стачки.

[1]) По мнению Ленина, законы «3 июня 1886 г. и 27 июня 1897 г. — главные фабричные законы в России; оба являются вынужденной уступкой, отвоеванной русскими рабочими у полицейского государства».

г) ОППОЗИЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Самодержавие с его полицейскими порядками было враждебно не только по отношению к рабочему классу. «Земские начальники и телесное наказание крестьян, взяточничество чиновников и обращение полиции с городским «простонародьем», борьба с голодающими и травля народного стремления к свету и знанию, выколачивание податей и преследование сектантов, муштровка солдат и солдатское обращение со студентами и либеральной интеллигенцией» (Ленин, т. V, стр. 165), — вот чем повседневно характеризовался самодержавно-полицейский режим. В основе этой «системы бесчинства», как называл ее Ленин, лежало противоречие экономического развития России в сторону капитализма с полицейско-самодержавной надстройкой. Это развитие вызывало стремление новых классовых сил и интересов видоизменить политический порядок таким образом и в такой степени, чтобы он не служил препятствием для капиталистического развития. Это и создавало оппозиционное самодержавию движение, охватившее самые разнообразные классы.

Но в то время, как рабочий класс становился в противоречие со всем строем самодержавия и удовлетворение своих социальных нужд находил в крахе всей самодержавной системы, — имущие классы выступали только против отдельных «неудобных» сторон царизма, намереваясь приспособить его к нуждам времени посредством кое-каких реформ. Перед рабочим классом все яснее вырисовывалось, как единственный исход, насильственное низвержение самодержавия. Остальные классы такой способ борьбы отвергали и предпочитали пока мирную легальную оппозицию. Между рабочим классом и этой оппозицией находилось очень много промежуточных прослоек, по-разному определявших тактику борьбы с самодержавием. Но основными силами общественной борьбы эти прослойки, конечно, не могли являться. Они по необходимости должны были распределиться по своим политическим симпатиям и интересам между двумя классами, претендовавшими на гегемонию в общественной борьбе, — между рабочим классом и между буржуазией. Какова же фактическая история этого оппозиционного движения в 1899, 1900, 1901, 1902 г.г.?

д) ЗЕМСКАЯ ОППОЗИЦИЯ. ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ»

Либерально-оппозиционное движение охватывало собой две группировки: а) элементы помещичьего либерализма, сгруппированные вокруг земских учреждений, и б) прослойку квалифицированной буржуазной интеллигенции, объединенной вокруг журнала «Освобождение» (Струве) и ставшей на путь формирования политических нужд русской промышленной буржуазии.

1. Помещичий либерализм

Земское движение в период борьбы народовольцев проявляло себя лишь тем, что отдельные губернские объединения обращались к Александру II с петициями о необходимости некоторых политических уступок, чтобы ослабить начавшееся возбуждение «общества». В середине 90-х годов движение земств получает толчок, вызванный воцарением Николая II. Земства к этому времени

приурочили ряд довольно скромных заявлений о необходимости введения некоторых «вольностей». Многие земские деятели были уверены, что Николай II откроет своим царствованием «новую политическую эру». Очень скоро, однако, они убедились в неосновательности этих ожиданий. Именно к этим земцам, организовавшим депутацию для выражения своего верноподданичества и преданности престолу, Николай II обратился с знаменитой фразой, ставшей потом исторической: «Передайте всем земцам, что я не потерплю никаких бессмысленных мечтаний» [1]).

Высший пункт земского движения падает на начало 900-х годов. К этому времени особенно обострился политический кризис страны. Рабочее движение превратилось в огромную политическую силу; начались волнения среди крестьян; волновалось студенчество и т. д. Под влиянием этого возбуждения увеличилась оппозиционность земцев. Устраивались банкеты, съезды; выносились горячие резолюции, убеждавшие Николая II изменить политику и не доводить страну до «кровавых событий». Две причины питали помещичий либерализм. Во-первых, самодержавие всяческими мерами оказывало покровительство русской промышленности. Таможенная политика самодержавия, оберегавшая русскую промышленность от иностранной конкуренции, приводила к тому, что продукция отечественной промышленности продавалась на рынке по очень высоким ценам. Русские промышленники — заводчики, были превращены в монополистов выработки и сбыта товаров, тем самым они могли назначать цены втридорога. Этим покровительством растущей в своих требованиях и аппетитах промышленной буржуазии очень сильно задевался помещичий карман, и виной этой «несправедливости» являлись — в глазах помещиков — не только крупные заводчики, но и самодержавие. Такова одна из причин помещичьего либерализма. Вторая причина заключалась в том, что к 900-х годам обострился кризис сельского хозяйства. Крестьянство разорялось. Голод следовал за ним всюду. Началось всеобщее озлобление крестьянства. Временами оно принимало форму бунтов, со всеми теми сторонами, которые свойственны движению голодных людей. Помещики, однако, объясняли крестьянское движение не тем, что крестьяне лишены достаточных земельных наделов. Такое объяснение (малоземельем или безземельем) задевало прежде всего самих помещиков, должно было потребовать конфискации некоторого количества земель, принадлежащих «благородным дворянам».

---

[1]) По этому поводу в ходу была песенка:

Депутатам от селений,
Русских сел и городов
Царь без дальних размышлений
Посылает пару слов:
«Вас за ваши поздравленья
От души благодарю;
Чувств покорных изъявленья
Любы русскому царю,
Но я вам сказать обязан, —
Знайте это, господа:
Конституциею связан
Я не буду никогда.
Представительных собраний
Я с пеленок не люблю
И бессмысленных мечтаний
Ни за что не потерплю».

Причину движения эти «культурные помещики» видели в том, что крестьяне благодаря монопольному положению промышленников на внутреннем рынке переплачивают на всех товарах и таким образом беднеют. Крестьянский вопрос становился в центре внимания земцев не потому, что они желали оказать помощь крестьянам, а потому, что этот вопрос бил по карману помещиков (разорявшийся, обнищавший вконец крестьянин не мог всегда оставаться арендатором помещичьей земли) и угрожал их существованию в деревне.

Помещичий либерализм был, разумеется, далек от решительной борьбы с самодержавием. Но тем не менее в некотором смысле это движение становилось в противоречивые отношения с царизмом. На основе своей программы земцы, однако, не могли объединить сколько-нибудь значительные массы сторонников. Земское движение поэтому составляло скорее всего подсобную силу, которую можно было использовать в борьбе с самодержавием, но не способную объединить оппозиционные элементы для самостоятельной борьбы с самодержавием.

2. Либерализм промышленной буржуазии

Более существенной оппозиционной группой являлась группа «Освобождение». Она основана была бывшими «легальными марксистами» во главе со Струве. Журнал этой группы стал выходить в 1901 г., как раз в момент кризиса промышленности и организованного выступления рабочего класса. Группа приспособилась к умеренному движению земцев и намечала объединение других оппозиционных течений. Весьма характерно, что группа возглавлялась бывшими «легальными марксистами», которые, как известно, еще в 90-х годах попытались переделать на новый лад «такую общественную теорию, которая выражала собой стремления сознательного западно-европейского пролетариата, и... приспособить ее к умственным нуждам русской буржуазии» (Плеханов). В 1901 г. эта группа приступает к изданию журнала «Освобождение», вокруг которого объединяет на определенных политических лозунгах русскую либеральную буржуазию и часть демократической интеллигенции. «Освобожденцы» объединились на почве весьма умеренных политических требований. Руководящей линией «освобожденцев» являлось сознание того, что «в более или менее близком будущем правительственная власть будет поставлена в необходимость приступить к серьезной политической реформе». Иными словами: общественное возбуждение 900-х годов принудит самодержавие к уступкам, и либеральной буржуазии к моменту «политической реформы» надо организоваться с целью использования этих уступок прежде всего в интересах буржуазии. Группа «Освобождение», — как она заявляла в первом номере журнала того же названия — объединяет всех, «кто не имеет возможности найти исход возмущенному чувству ни в революционной, ни в классовой борьбе», иными словами «Освобождение» объединяет так называемое «бессословное общественное мнение». «Наш орган, — писало далее «Освобождение», — не будет революционным, но он будет требовать... замены произвола самодержавной бюрократии правами личности и свободы».

Единственный лозунг, выброшенный «Освобождением», в котором выявилась вся ее политическая программа, сводился к тому, чтобы созвать представителей земств и крупных городов для выработки конституции. Все вопросы общественной жизни — политические и экономические, — которые выдвинулись в 1900 году, «Освобождение» отказывается разбирать вплоть до созыва «съезда земских и городских дум, т.-е. известной части земельных собственников и капиталистов». (Мартов. «Программа русских либералов». «Искра» № 23 от 1 августа 1902 г.) А так как правом выбора на съезд пользуются только эти учреждения, то не возникало сомнений, что в итоге этого «земского собора» должно было получиться соглашение либеральной буржуазии с монархией. Это соглашение имело в виду две цели: подновить монархию таким образом, чтобы в России создалась сильная власть, способная оградить буржуазию от опасности, угрожающей ей усиливающимся рабочим и крестьянским движением, и обеспечить буржуазное влияние на политический строй в России.

Либеральная группа «Освобождение» в период до 1902 г. выступает с очень куцой политической программой. Она надеется, что политические перемены будут совершены без революции, через земский съезд. Сама она открещивается от тех, кто призывает к революционной борьбе, ибо все еще продолжает считать рабочее и крестьянское движение в России «неважным политическим фактором». В 1903 году группа «Освобождение» убедилась в ошибочности своих расчетов. Рабочее движение имело в качестве руководителя уже организованную рабочую социал-демократическую партию; земельный вопрос продолжал служить основой все возраставшего и обострявшегося крестьянского движения; зашевелилась мелкая буржуазия города, студенчество. «Освобожденцы» увидели, что само царское самодержавие без угрозы народной революции вовсе не склонно к уступкам и что организованная сила рабочего и крестьянского движения может далеко уйти в своих политических притязаниях и в своих успехах. Под влиянием общественного подъема начинается «смена вех» «освобожденцев». В этом году создается «Союз Освобождения», который вырабатывает новую политическую программу. Эта последняя идет уже далеко вперед по сравнению с программой «Освобождения». Легко доказать, что полевение «освобожденцев» произошло под давлением начавшейся политической борьбы с самодержавием со стороны рабочих, крестьян и мелкой буржуазии и что без «смены вех» либеральная буржуазия осталась бы без всякого влияния на начавшийся подъем, сигнализировавший неминуемую близость революции. Теперь «Союз Освобождения» пытается объединить уже не только «образованных буржуа» и «передовых дворян», но также «разночинцев и крестьян». В соответствии с демократизацией состава политического объединения буржуазии («Союз Освобождения») находятся новые требования и лозунги, которые «Освобождение» периода 1901 года не выставляло. В этой программе выставлены требования: учредительного

собрания, всеобщего избирательного права, принудительного отчуждения части помещичьей земли и т. п.: М. Н. Покровский в «Очерках революционного движения в России» (стр. 134) так оценивает программу «Союза Освобождения». «Парламентское правительство, с правильной двухпалатной системой и с всеобщей подачей голосов». Поворот влево «Союза Освобождения» приводил к большему усилению его влияния на общественное движение. В некотором смысле создавалась опасность, что «Союз» сумеет стать во главе революционного движения наиболее политически отсталых мелкобуржуазных слоев, пробудившихся для борьбы.

А так как этот «Союз» не раз делал попытки мирного разрешения конфликта с самодержавием путем сделки, то перед революционным движением возникла задача: не дать умеренной группе конституционалистов взять на буксир эти слои, так как дальше соглашения с самодержавием эта группа никогда не шла.

е) КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Охваченное стремительным темпом капиталистического развития крестьянское хозяйство быстро разлагалось. В глухие деревенские местности перенеслась классовая борьба, принимавшая формы стихийных выступлений. Главной основой крестьянского движения того времени являлось, во-первых, малоземелье крестьян при наличии крупного помещичьего землевладения, во-вторых, кабальные отношения, сохранившиеся в деревне и воскрешающие времена крепостного права.

О степени крестьянской нужды в земле может служить характеристика распределения земель, данная В. И. Лениным в написанной в этот период брошюре «К деревенской бедноте».

«Всех земель в Европейской России, и крестьянских надельных и земель в частной собственности, — считалось около 240 миллионов десятин... Из этих 240 миллионов в руках крестьян, т.-е. в руках более чем 10 миллионов дворов, находится 131 миллион надельных земель... Из 109 миллионов десятин земли у частных владельцев 7 миллионов десятин находится в руках удела, т.-е. в частной собственности членов царской фамилии. Царь со своей семьей — первый из помещиков, самый крупный помещик на Руси. У одной фамилии больше земли чем у полумиллиона крестьянских семей... 92 миллиона десятин земли принадлежит меньше, чем полумиллиону семей частных собственников..., а 16 тысяч семей имеет каждая больше 1.000 десятин земли, — всего у них 65 миллионов десятин. Какие необъятные количества земли собраны в руках крупных землевладельцев — это видно еще из того, что немногим менее тысячи семей (924) владеют каждая больше, чем десятью тысячами десятин земли, и у всех их двадцать семь миллионов десятин! Одна тысяча семей имеет столько же, сколько 2 миллиона крестьянских семей». (Ленин. Собр. соч., т. IX, стр. 330—331.)

Огромная нужда крестьян в земле дополнялась тем, что все с большей и большей трудностью они могли арендовать помещичьи земли.

Беспрерывное повышение арендных цен так же, как и массовое обезземенивание крестьянства, служат характерными чертами экономического положения деревни 900-х годов. Промышленный кризис 900-х годов не позволял

этому крестьянству искать в городе спасенья от нужды, а между тем в самой деревне крестьянство обрекалось на медленное голодное вымирание.

Огромнейшую роль в крестьянском разорении сыграло, кроме помещика, и самодержавие. Бюджетные расходы государства основывались на грабеже крестьянства — самой многочисленной налоговой силы. К 1902 году правительство имело неслыханный для других государств государственный долг, выражавшийся в 6.498 миллионах рублей. Проценты по погашению этого долга выколачивались из скудных средств крестьянского хозяйства. Все острее крестьянство чувствовало недовольство сохранением порядков, напоминающих крепостное право, и поднималось против них.

«В России, — писал В. И. Ленин, — крестьяне все вместе, и богатые и бедные, остаются еще во многом попрежнему крепостными. Все они составляют низшее, черное, податное сословие. Все они закрепощены полицейскими чиновниками и земскими начальниками. Все они очень часто работают попрежнему на барина за отрезные земли, за водопой, за выпас, за луга, точь в точь, как работали на барина при крепостном праве». (Ленин. Собр. соч., т. IX, стр. 356.)

Недостаток земли так же, как и азиатские порядки, — главная причина крестьянского движения. К 1903 году оно приняло значительные размеры и охватило собой юг, юго-восточную и центральную часть России. Выступления крестьян как бы наглядно показывали всю недостаточность реформы 1861 г. Нарастала новая волна крестьянского движения, более широкого и массового, чем в 60-х годах, — движения за землю и волю (больше покамест за землю), против крепостников-помещиков.

Предвестником этой волны явились крестьянские движения конца 90-х годов, о которых правительственный циркуляр от 17 июля 1898 г. писал:

«В южных и юго-восточных губерниях усилились крестьянские беспорядки..., проявляющиеся в систематических потравах помещичьих полей, лугов, с выгоном скота под караулом вооруженных палками, кольями и вилами людей... Нередко крестьяне целыми деревнями совершают нападения на экономии и усадьбы крупных землевладельцев и производят раздел хозяйственных и жилых построек».

Циркуляр предлагает «положить предел своеволию крестьянского населения и принять самые решительные меры для их предупреждения и подавления».

Широкое движение в конце 90-х годов охватило собой Бессарабию, Киевскую, Подольскую губ., область войска Донского, Центрально-земледельческий район. Оно выливалось в формы убийств земских начальников, управляющих имений, избиения помещиков, разгрома самих имений и пр. 7 мая 1898 г. крестьяне Золотой Балки, Херсонской губ., в количестве 200 человек, вооруженные вилами, пришли освобождать загнанный скот и произвели полный разгром имения.

Вскоре форма поджогов помещичьих имений, раздела имущества экономий становится в этом движении преобладающей.

Вот, например, Воронежская губерния. В 1901 году оттуда писали: «...у нас в воздухе висит что-то зловещее: каждый день на горизонте зарево пожаров, по земле стелется кровавый туман, дышится и живется трудно, точно перед гро-

зой. Мужик угрюмо молчит, а если заговаривает иногда, то так, что мороз по коже пробирает». Из Тамбовской губернии писали в этом же духе: «... происходит какая-то пугачевщина... надо уехать, пока совсем не повесили на воротах».

Большое стихийное движение в 1902 году началось в Полтавской и Харьковской губерниях. Здесь наблюдалась необычайная земельная теснота. Крестьянский надел выражался в полутора десятинах на душу. Помещики в аренду сдавали землю лишь на условиях отработки. Приток рабочих, выброшенных промышленным кризисом обратно в деревню, увеличивал земельную нужду. Начавшееся здесь движение дало толчок крестьянским выступлениям соседних губерний. В общей сложности здесь было разгромлено более ста имений. Подавленное военной силой движение тем не менее служило примером для многих других губерний. Например, на Украине, когда крестьяне предлагали добровольно согласиться на их требования, они прибавляли: «Бачили, що вам було у Полтаві». До полутора тысяч человек было отдано под суд, а на непокорное население царские генералы наложили контрибуцию в сумме 800 тыс. рублей.

В тех местах, где сильно было развито безземелье, крестьянское движение выражалось иногда в стачках. Например, в Саратовской губернии, в селе Турках Балашовского уезда, крестьяне сами не ходили работать к помещику и избивали соглашавшихся. В очень многих местах Саратовской губ. крестьяне миром постановляли об отъезде помещиков и о переходе земли по льготным ценам в их пользу.

Эпидемию поджогов дают губернии Воронежская, Херсонская, Екатеринославская. Это как раз местности с огромным малоземельем, недостатком лугов и пахотных угодий. В этих местностях выступления крестьян очень часто жестоко подавлялись казаками.

Особо стоит отметить крестьянские выступления, начавшиеся на юго-востоке, — в Ставропольской и Кубанской областях и в особенности в Гурии на Кавказе. На Кубани была проведена стачка сельскохозяйственных рабочих, в которой участвовало более 10 тысяч человек, а в Гурии движение носило вполне организованный характер. Здесь были выставлены как экономические, так и политические требования. Объясняется это наличием довольно крепкой социал-демократической организации, принимавшей живейшее участие в движении. Итоги борьбы в этой местности поэтому и были особенно благоприятны. Многие помещики оставили совсем свои поместья, а остальные согласились удовлетворить крестьянские требования относительно форм аренды, выгодных для крестьян арендных цен и других более мелких льгот.

В тех районах — в особенности в черноземной полосе, — где вся земля находилась во владении помещиков, ибо она представляла в этих районах большую ценность, разгромы имений и поджоги были прямо-таки массовым явлением. Крестьянское движение 900-х годов направлялось против помещичьего землевладения и крепостничества; но нельзя все-таки сказать, чтобы оно было сознательным. Крестьяне продолжали еще жить монархическими иллюзиями. Они думали, что царь им поможет бороться и что он даже горой стоит за их интересы. Вот, например, с какими речами обращались крестьяне к офицерам карательных отрядов (случай на мельнице Трепке): «У нас нет ни ступни земли, пусть нам дадут есть, а то возьмем все сами».

На предложение офицера разойтись, ибо иначе он применит вооруженную силу, крестьяне кричали: «Брешешь, стрелять не смеешь, царь не велел».

Когда были даны несколько залпов, крестьяне продолжали уверять друг друга, что офицер жестоко поплатится перед царем.

В иных случаях крестьяне проявляли еще большую наивность. Например, в селе Борщевке Араловской волости Тамбовской губернии крестьяне миром составили приговор: «просить казначейство отобрать от помещицы Ниенчинной и наследников Лебедевой принадлежащие им земли для передачи крестьянам». Приговор был отправлен по адресу, и крестьяне с часу на час ожидали приезда кого-нибудь из казначейства для нарезки земли.

К движению крестьян правительство вначале относилось как к движению, вызванному «злонамеренными агитаторами». Оно мобилизовало все средства, чтобы покончить с последними. Верная служанка царя — церковь — тоже взялась за дело. Правительствующий синод отправил попам циркуляр, где говорилось: «в некоторых местах дорогого нашего отечества злонамеренные люди... возмущают народ... предлагаем священникам всех приходов, в коих есть опасность возникновения смут... предупредить оные на основании слова божия». Чтобы положить предел «покушениям на чужое добро» предлагалось обращаться с амвона к пастве на эту тему как можно чаще.

Однако размеры движения заставили правительство в 1902 г. отнестись к нему посерьезнее. В 1902 г. было создано особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности и для выяснения помещичьих настроений. Помещики, получив наглядные уроки надвигающейся крестьянской революции, в этих совещаниях заявляли: «необеспеченный крестьянин опаснее пролетария»; и еще: «не городские, не фабричные и даже не столичные беспорядки опасны для государства,—опасность для спокойствия государства «г л я д и т и з д е р е в н и»; «вся Россия встрепенулась от ужаса и очевидности экономического неблагоустройства громадного большинства населения»; «разрешение аграрного вопроса является самым неотложным государственным мероприятием настоящего времени».

Настроение помещиков передалось и правительству.

Когда Плеве сменил убитого Сипягина, он в речи заявил: «Превыше всех забот нашего времени является задача упорядочения крестьянского вопроса».

Так уже в этот период царское правительство искало опоры против беспорядков в «крепком мужичке».

Под давлением массового движения крестьянства самодержавное правительство 26 февраля 1903 г. издает указ, предлагающий местам, охваченным движением, «п р и н я т ь б е з о т л а г а т е л ь н о меры к отмене стеснительной для крестьян круговой поруки». Но, конечно, этот указ, хотя и был некоторым шагом вперед по пути искоренения крепостничества в деревне, шел мимо основных нужд и требований крестьянского движения. Глубочайшие основы этого движения, так резко выявившиеся в феврале 1902 года, не были уничтожены, они продолжали действовать и дальше.

ж) СТУДЕНЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

К 900-м годам студенческое движение усилилось в необычайной степени. Побудительной причиной являлось общественное возбуждение, начавшееся «под напором растущего рабочего движения» (студенческая прокламация 1902 года). Чем сильнее действовал самодержавный пресс, тем в большей мере студенчество выходило из рамок одних академических интересов, и его движение окрашивалось в политические цвета.

Студенческая масса отражала собой классовое деление России, и по классовой линии она определяла свои политические симпатии. Все чаще и чаще студенчество связывается с различными политическими партиями, существовавшими в России.

Правительство закрывало беспокойные университеты; десятками и сотнями заточало студентов в тюрьмы и, наконец, разрешилось историческим приемом борьбы со студенческой крамолой — отдачей непокорных в солдаты. Это только подлило масла в огонь. Скоро учащиеся всех высших учебных заведений организовали всеобщую стачку студентов, охватившую до 30.000 чел. Необходимость придать организованный характер таким выступлениям принудила студентов организовать ряд всероссийских съездов, где были созданы группы по руководству студенческим движением. Эти группы создались по принципу коалиции различных партийных организаций, существовавших среди студентов.

«В нашей среде происходит партийная диференциация, — читаем мы в прокламации объединенной студенческой организации, — «академисты», «академисты-политики», «академисты-конституционалисты», демократы, освобожденцы, социалисты-революционеры и социал-демократы, — вот в общих чертах существующие группы. Тот самый прогресс в развитии классовых противоречий, который вызвал в последнее время образование различных политических партий, привел к образованию этих организаций в студенческой среде». (Сборник «1905 г. в Петербурге». Вып. 1-й, стр. 311. ГИЗ.)

Объяснение характера студенческого движения конца 90-х годов и начала 900-х мы находим в прокламации «Объединенной социал-демократической организации студентов Петербурга», изданной в марте 1905 года:

«Итак, имея (объективно) политическое значение, движение 1899 г. было (субъективно) сознательно академическим по своим целям и по своим средствам. Следующее движение 1901 года, протекавшее под лозунгом таким же академическим — «долой временные правила 1899 г.», столкнуло студенчество непосредственно с самодержавием, которое отстаивало правила варварской сдачи в солдаты и, с другой стороны, с задачами расширения движения. Студенчество вышло из узких академических стен на улицу, прибегло к демонстрации — к форме борьбы политической, и, встретившись на ней с пролетариатом, вступило, еще само того не сознавая, уже на революционный путь: академическое по целям движение применило средства политической борьбы. 1901/02 учебный год должен был неизбежно довести дело развития политического сознания студенчества до его логического конца. И мы видим, что в 1902 г. лозунги движения становятся уже политическими — «долой самодержавие», «свобода слова, печати, собраний» и т. д. Всероссийский студенческий съезд того же года окончательно закрепляет результаты эволюции студенческого сознания: «студенческое движение, есть движение политическое» — так начинается его манифест. Уже в 1901—1902 годах образовались реакционные студенческие группы защитников «самодержавия,

православия и народности», которые, вступая в союз с академической и общей полицией, играя на шкурных интересах индеферентной массы, почти повсюду проявляли корпоративную по своему существу форму борьбы — забастовку. И вот, начиная с конца 1902 года, продолжаясь и до сих пор, идет процесс изменения студенческого самосознания. Студенчество сначала в лице своих передовых элементов, а потом все глубже в массах начинает переходить от взгляда на свое движение как на особую самодовлеющую силу к политической деятельности в рядах существующих политических партий, дифференцируясь по ним сообразно своим политическим взглядам. И второй студенческий съезд 1903 г. признал процесс диференциации студенчества наиболее характерным моментом его современной политической жизни. Внешним проявлением этого процесса явилось разложение прежних «союзных советов» и им подобных организаций общереволюционного направления без ясной социально-политической программы и образование взамен их ряда партийных групп — с.-д., эсеров или «чистых радикалов», «демократов» и т. д.

Таким образом, даже не вдаваясь в детали, можно видеть, насколько изменился характер студенческого движения со времени 1899 г. и насколько иное значение имеет теперь всеобщая студенческая забастовка.

Тогда, как раньше она была единственным и самостоятельным движением, теперь она лишь отраженное следствие общенародного революционного движения, сливающееся с ним и существующее в зависимости от него...». (Сборник «1905 г. в Петербурге». Вып. 1-й. ГИЗ.)

з) СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Бурному темпу развития промышленности соответствовало столь же быстрое формирование классов и их политических представительств — партий. Общественное движение получило подходящую питательную среду в хозяйственном развитии 90-х годов. Деятельно организовывались, подготовляя себя к решительному участию в борьбе с самодержавием, силы либеральной буржуазии, мелкобуржуазной демократии и интиллигенции. 90-е годы кладут конец общественной спячке. Мы уже познакомились с движением среди либералов. Сейчас перейдем к характеристике попыток партийного оформления мелкой буржуазии. Общие политическое оживление, разброд и шатание в рядах социал-демократии, движение крестьян вливает уверенность в расстроенные ряды народников, которые к концу 90-х годов возрождают свою деятельность, организуясь в партию социалистов-революционеров.

Что собой представляло эсеровское движение?

В 90-х годах либеральные народники своей политикой и тактикой оттолкнули от себя элементы революционного народничества, которые объединились в специальные группы. Так как эти группы были сплошь (за единичными исключениями) составлены из выходцев из мелкой и средней буржуазии, им трудно было примкнуть к рабочему движению и в частности к марксистам того времени.

Чтобы отделиться как от либеральных народников, так и от марксистов они называли себя кружками народовольцев, подчеркивая тем самым свою близость к русским революционерам 70-годов. Эти группы продолжали существовать бесформенно до конца 90-х годов, когда новые политические и экономические отношения обязали их к программным переменам. Из числа этих групп отметим заграничный союз с.-р., состоявший из молодых народников во главе с Житловским, созданный в 1899 г. в Берне и издававший газету

«Русский Рабочий». Рабочую партию «Политического освобождения России», созданную в 1897 г. в Минске и возглавлявшуюся тогда Радионовым и др. Одновременно с группой народовольцев в России создаются в некоторых местах объединения эсеров. Например, в 1896 г. в Саратове создается союз эсеров, который объявляет себя сторонником старого народничества. Такие же объединения, под теми же названиями, создаются в Москве, Полтаве, Харькове, Петербурге, Воронеже. Вначале они стоят на платформе отрицания террористической борьбы. Это единство в вопросе о терроре, а также трудность существования разрозненными группами приводит к съезду перечисленных организаций в Воронеже в августе 1897 г. Здесь впервые эсеры пытаются формулировать свою программу. Программа констатирует глубокие экономические изменения, происходящие в России, и при характеристике этих перемен применяется марксистская терминология. Но здесь же мы видим путаницу в определении «трудовых слоев», которые стоят за социализм. Под эти слои, оказывается, подходят и интеллигенция, и крестьяне, и ремесленники, и рабочие. Тем не менее с опубликованной программой не были согласны многие союзы эсеров, которые обвиняли инициаторов и участников съезда в полном переходе к марксистам. Эти отдельные группы и союзы в своих взглядах отличались крайней пестротой. Отмечая недовольство заграничной аграрной социалистической лигой, в печатных выступлениях они обнаруживают свое полное согласие с западно-европейским ревизионизмом и настаивают на том, что только крестьяне являются оплотом социалистического движения в России.

В то же время «Рабочая партия освобождения России», руководимая ставшим впоследствии знаменитым лидером эсеровского движения Гершуни, заявляет свое неверие в социалистические идеалы и весь смысл существования эсеров видит в террористической борьбе с самодержавием. Другие, как, например, «Союз с.-р.», выдвигают идею ориентации на рабочее и крестьянское движение. Некоторые совершенно отрицают (например группа старых народовольцев) за крестьянством способность к самостоятельной борьбе и находят спасение в сочетании террора с рабочим движением. В 1900 г. собирается в Харькове съезд южных групп эсеров, обвиняющий заграничных и северных эсеров в отходе от народничества. Все эти попытки объединения заканчиваются в 1901 г. выработкой договора между отдельными союзами, которые создают центральный орган — «Революционная Россия», руководимый М. Гоцем [1]) и В. Черновым. Теоретическую разработку вопросов эсеровского движения берет на себя «Вестник русской революции» под редакцией Тарасова. Вопрос о терроре в этом органе сразу получает преобладающее значение. Однако создание объединений не уничтожило дробности организаций. Только в 1905 г. на первом съезде эсерам удалось более или менее прочно связать отдельные союзы. Когда началось движение в рабочем классе и крестьянстве и выяснилось, что это движение опередило собой разброд и кустарничество руководителей, эсеры выступили с горячей проповедью террора. В сущности этой про-

[1]) Покойным. Принявший впоследствии участие в борьбе с Советской властью. Абрам Гоц — родной брат М. Гоца, сын известного чаеторговца (Гоц, Высоцкий и К⁰).

поведью они отвлекали внимание от действительных нужд революционного движения.

Социал-демократия повела с эсерами решительную борьбу, разоблачая перед массами антисоциалистическую природу этой партии.

Надо сказать, что террор начался стихийно среди учащейся молодежи, без всякого фактического содействия эсеров. Этого не оспаривали и сами эсеры. Вот, например, в прокламации № 5, изданной в С.-Петербурге 15 сентября 1902 г., подписанной эсерами, читаем: «за 1901—1902 г.г. было 7 террористических покушений на Боголепова, Победоносцева, два на Трепова, на Сипягина, Валя, Оболенского. Из этих дел только последнее произведено боевой организацией (подчеркнуто нами. Ред.). Остальные шесть — личные действия отдельных лиц».

Первым актом явился выстрел Карповича в Боголепова, а потом Лаговского в Победоносцева.

2 июля 1902 г. Балмашев убивает Сипягина. 26 июля 1902 г. Кочура стреляет в харьковского губернатора Оболенского. 6 мая 1903 г. совершается удачный террористический акт на уфимского генерал-губернатора Богдановича. 4 февраля 1905 г. с.-р. Каляев убивает бомбой великого князя Сергея Александровича [1]).

Руководителем террора являлась боевая группа, созданная Гершуни при «Союзе политического освобождения России». По специальному договору с ЦК эта группа получила название «Боевой организации партии с.-р.». Совершая террористические акты, партия выпускала прокламации, начинавшиеся словами: «По делам вашим воздастся Вам».

Боевая группа существовала совершенно независимо от всей партии. По уставу в партии сохраняется «строгое идейное единство и не менее строгое организационное разделение». На этой основе и создалась группа, имевшая свой устав, свою касту, создавшая свою дисциплину, выделившая своих вождей. На этой почве полного отрыва боевиков от масс и создались условия, при которых департамент полиции через Плеве ввел в центральную боевую группу знаменитого провокатора Азефа. Азеф вошел в доверие к Гершуни и к ЦК с.-р. еще задолго до того времени, как он занялся предательством. Отличаясь большими организаторскими талантами, он после ареста Гершуни в 1904 г. занял место руководителя боевой организации. Усилиями Азефа проваливается первоначальный план убийства Плеве, террористические акты против Трепова в Киеве, Петербурге и т. д.

Успех, которым пользовались эсеры в некоторых кругах рабочих, в значительной мере объясняется тем, что единой социал-демократической партии еще не было. «Искра» только подготовляла почву для объединения, а действовавшие в России практики — «экономисты» своей уродливой программой деятельности отталкивали наиболее революционную молодежь.

---

[1]) Мы уже указывали, что самые талантливые террористы из молодежи вышли из социал-демократической среды, такими были: Балмашев и Каляев, Карпович, Сазонов и известный Б. Савинков.

Отчет, который был представлен большевиками Амстердамскому конгрессу, устанавливал, что трудность борьбы с эсерами заключалась в том, что они выступали весьма активными проповедниками беспощадной борьбы с самодержавием.

Социал-демократия на втором съезде партии в августе 1903 г. так определила свое отношение к эсерам: «Это — буржуазно-демократическая фракция, которая теоретически и практически противодействует усилиям социал-демократов сплотить рабочих в самостоятельную политическую партию, стараясь, наоборот, удержать их в состоянии политической бесформенной массы, способной служить лишь орудием либеральной буржуазии... Они особенно вредны тем, что под маской социализма преследуют буржуазные тенденции».

Главной опорой партия эсеров считала тогда «социалистическую интеллигенцию», «молодежь» и «пролетариат». В брошюре, изданной в 1902 г., так и пишется: «Рабочие в союзе с социалистической интеллигенцией служат главной опорой партии».

Вся тактика партии сводится «к разрушению существующего строя», при чем деятельность партии покоится «на принципе заговора». Сильным средством, «диктуемым нашим революционным прошлым и настоящим, является политический террор, заключающийся в уничтожении наиболее вредных и влиятельных при данных условиях лиц русского самодержавия». Так, постепенно, террор для эсеров превращался в единственное средство борьбы, все остальные средства рассматривались только в связи с террором.

и) ЭСЕРЫ И КРЕСТЬЯНСТВО

Обосновывая свою программу помесью из рассуждений либерального народничества и западно-европейского оппортунизма в особенности в аграрном вопросе (Герц, Давид. и др.) эсеры наибольшую путаницу развили в вопросе о крестьянстве. Надо отметить, что до начала крестьянского движения 1902 года эсеры не выставили никакой программы в крестьянском вопросе и только в августе 1902 года они выпустили манифест с изложением своего взгляда на это движение. Крестьянские события застали, таким образом, их самих совершенно врасплох. В этом манифесте эсеры отказываются признать, что предстоящая русская революция является буржуазной. Движение крестьян в пользу передела, прирезки и пр. было, по их мнению, движением за осуществление «полусоциалистического идеала». Так заявляли эсеры. Увеличение крестьянского землевладения, которое наступит, является победой социализма, а лучший способ полной победы над капитализмом является организация кооперативов, коллективного землевладения при наличии буржуазной власти (демократическая республика); чтобы прикрыть наличность капиталистических отношений в деревне они объединили разнообразные социальные группы крестьянства в одно бесформенное понятие «трудовое крестьянство». Не поняв содержания крестьянской революции, эсеры не могли указывать правильных путей борьбы и вносили лишь путаницу в ряды борющихся. Они обманывали крестьян, уверяя их, что наступающая революция принесет полное освобождение от

эксплоатации, которая существует. В. И. Ленин, критикуя эту часть взглядов эсеров, считал

«...нечестным и недостойным относиться к мужику как к подопечному и скрывать от него, что он может добиться в настоящее время и немедленно только полной отмены всех следов и остатков крепостничества, только очищения пути для более широкой и более трудной борьбы всего пролетариата против всеего буржуазного общества». (Ленин. Собр. соч., т. IV, стр. 135.)

Ленин указывал также, что партия, которая подобно эсерам гонится за дешевенькой популярностью и эффектами, неизбежно потерпит политический крах. Партия эсеров мыслила себе социализм при наличии крестьянского землевладения, которое существует на почве товарных отношений. Именно поэтому эсеры, отличаясь редкой беспринципностью, объявили в своей программе демократические требования (удовлетворение крестьянской нужды в земле, ряд демократических свобод и пр.) социализмом. Между прочим, пытаясь защитить мелкое землевладение от упадка и разорения, эсеры выставили ряд требований об организации отхода, о стеснении крестьян пользованием землей. Эти меры Ленин называл игрой на руку «полицейских ограничений». Так же, как их предшественники, эсеры считали остатки общины залогом безболезненного перехода к социализму, замазывая таким образом истинное содержание общины, и Ленин, подводя итоги эсеровским взглядам, дает им такую характеристику:

«Конечную цель социализма они только затемнили, смешав социализацию земли с ее буржуазной национализацией, спутав примитивную крестьянскую идею о мелком уравнительном землепользовании с учением современного социализма о переходе всех средств производства в общественную собственность и об организации социалистического производства. Их представление о пути, ведущем к социализму, бесподобно характеризуется заменой классовой борьбы развитием кооперации. В оценке данного момента аграрной эволюции в России они забыли мелочь, — остатки крепостничества, давящие нашу деревню». (Ленин. Собр. соч., т. IV, стр. 135.)

Такова была идеология мелкобуржуазной партии социалистов-революционеров, которая, пользуясь положением дел социал-демократии, пыталась охватить своим влиянием растущую активность масс.

к) ДЕМОНСТРАЦИИ 900-х ГОДОВ

Конец 90-х и первые годы 900-х годов рабочего движения ознаменовываются новой формой массовой борьбы — демонстрацией. Как раз на эти годы падает затяжной промышленный кризис, действие которого разрушало иллюзии прочности достигнутых экономических успехов рабочего движения. Демонстрации служили выражением политических тенденций, которые пробились в рабочем классе. Инициаторами демонстраций в первое время обыкновенно являлись студенты, но главной силой выступлений были рабочие. На декабрь 1899 года падают две демонстрации в Петербурге, ставшие знаменитыми благодаря массовому участию в них рабочих, закончившиеся зверскими расправами полицейских. Эти расправы дали толчок ко всеобщему возмущению студенчества, вылившемуся во всероссийскую студенческую забастовку. В по-

следней участвовало до 30.000 студентов. 9 февраля 1901 года в Харькове студенты организуют демонстрацию, в которой участвуют местные рабочие, выбросившие красное знамя и политические лозунги. 23 февраля 1901 года огромные размеры приобрела демонстрация на почве студенческих беспорядков в Москве. 4 марта 1901 г. происходит знаменитая демонстрация студентов Питера, которая заканчивается массовым избиением участников на Казанской площади. Характерной особенностью этих демонстраций является инициаторская роль студенчества и его руководство участвующими в демонстрациях рабочими. Однако рабочие чаще идут на улицу под влиянием стихийных политических настроений, чем под влиянием сознательного призыва социал-демократических партий. Но уже с 1901—1902 г.г. наступает резкая перемена. Рабочие демонстрации все более и более вытесняют студенческие демонстрации, сами становятся организаторами и главными участниками последних. Все чаще и чаще демонстрации руководятся социал-демократическими комитетами «искровского» направления, которые оправились и стали на ноги.

Первого мая 1902 года рабочие демонстрации происходят в Киеве, в Москве, в Сормове, Саратове, Тифлисе, Баку, Ростове, Харькове (участвовало более 5.000 человек). Эти демонстрации проходят при исключительном участии рабочих под яркими лозунгами политической борьбы с самодержавием и социально-экономических требований: 8-часовой рабочий день и т. д. На этот же год падает знаменитая Обуховская оборона [1]), начавшаяся на почве увольнения рабочих, участвовавших в демонстрациях первого мая. Геройская борьба обуховцев вызвала во многих городах России демонстрации солидарности. Особо надо выделить знаменитую политическую стачку 1902 г. в Ростове. Она началась на почве экономических требований и вылилась во всеобщую политическую стачку с митингами, с народными собраниями и пр. Эта стачка была настолько грандиозна, что местная полиция ничего не могла поделать с демонстрациями и митингами в течение нескольких дней. Ростовская стачка — поворотный пункт в истории рабочего движения в России. К 1903 году такие же стачки начинаются в Баку, Елисаветграде, Керчи, во многих городах Украины и, наконец, стачка в Одессе. Эти стачки и демонстрации сметали с дороги политического развития рабочего класса «экономистов», зубатовцев и всех, кто пытался свернуть движение с революционного пути.

Сам рабочий класс стихийно прорывает рамки узко экономической борьбы. А между тем, рабочее движение, выходя на улицу, сливается со студенческими демонстрациями. Отдельные рабочие поддаются увлечению борьбы эсеров и становятся активными деятелями последней.

Политическое настроение, направленное неверной рукой, грозило превратить рабочий класс из самостоятельной силы в придаток буржуазно-демократического движения. Увлечение террором означало собой расходование сил рабочего класса в интересах мелкобуржуазного движения и его подчинения нуждам последнего.

---

[1]) См. брошюру Д. Б. Рязанова «Обуховская оборона».

Таким образом события начала 900-х годов не столько предшествовали «Искре», сколько развивались во время ее работы и притом при значительном участии и влиянии «Искры» и «искровцев». В дальнейшем, характеризуя взгляды «Искры», мы остановимся на ее отношении к этим событиям. Нам важно было только оттенить обстановку для того, чтобы еще ярче подчеркнуть опасность «экономизма» для пролетарского движения, особенно в такую пору. Об этом периоде, характеризуя общеполитическое и экономическое состояние России, Г. В. Плеханов писал:

«Полицейскому государству сочувствуют теперь разве только в полицейских участках».

А между тем, в этих условиях всеобщего возбуждения социал-демократия оставалась разрозненной на кружки, и становилась ясной тенденция к изоляции социал-демократии. Практика же «экономистов», отдававших руководство политической борьбой либералам, придавала этой тенденции конкретную очевидность: Рабочий класс должен служить придатком, хвостом социальной борьбы с самодержавием и ни в коем случае не играть самостоятельной политической роли. В этом смысле перед русским марксизмом встала та же самая задача, которая выдвигалась в период легального сожительства ортодоксов и либералов в 90-х годах. Этот союз, известный под именем легального марксизма, включал в качестве необходимого условия

«полную возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 129.)

Таким образом обстановка 900-х годов пробудила, как мы видели, активность разных классов. Зашевелились либералы, получила толчок мелкая буржуазия города — студенчество в особенности, и, что самое главное, это, конечно, начавшееся крестьянское движение. Все говорило за то, что назревшие противоречия могут найти исход, и, притом в ближайшем времени, лишь в революции. В этих условиях пробуждения классовых сил лишь один рабочий класс занимал особое место как единственно последовательный и заинтересованный в полной ликвидации самодержавия. Это обязывало рабочее движение искать опоры в организации своей пролетарской партии для руководства движением. А между тем мы видели, что представляла собой партия рабочего класса в этот период. Больше того, преобладавшие в партии в этот период «экономисты» не проявляли чуткости к растущим задачам рабочего и социал-демократического движения. Они продолжали отстаивать давно пройденную ступень движения и тем самым бессознательно подчиняли движение рабочего класса руководству либеральной буржуазии, а социал-демократию из авангарда революционных сил превращали в придаток освобожденцев. Лишь в резком, решительном и бесповоротном преодолении «экономизма» можно было подготовить и партию и рабочий класс к исполнению своей исторической миссии — быть гегемоном в общественной борьбе. На решительную борьбу с «экономизмом» и «экономистами» выступила «Искра».

Но прежде чем перейти к деятельности «Искры», разберем основные взгляды и сущность самого «экономизма».

л) «ЭКОНОМИЗМ» И ЕГО СУЩНОСТЬ

> Третий период подготовляется в 1897 году и окончательно выступает на смену второго периода в 1898 году. Это период разброда, распада, шатания. (Ленин, Собр. соч., т. V, стр. 267.)

Мы уже частью знакомы с широко развившимся с конца 90-х годов среди социал-демократов течением, известным под именем «экономизма».

Русский «экономизм» имел три оттенка. Они отражались: 1) группой Кусковой и Прокоповича, авторов «Кредо»; 2) группой ленинградских «молодых» социал-демократов, издававших свою газету — «Рабочая Мысль», и 3) группой заграничных деятелей, входивших в заграничный «Союз социал-демократов» и издававших свой журнал — «Рабочее Дело». Были еще некоторые оттенки «экономистов», хотя бы, скажем, в юго-западной части России. Но взгляды последних могут быть отнесены к этим трем разветвлениям. Несмотря на различие оттенков у этих трех групп, все они сходились на идее, что рабочее движение не должно втягиваться в политическую борьбу, и что последняя должна быть предоставлена либеральной буржуазии.

Марксизм группы «Освобождение Труда» еще в 80-х годах заявил, что «революционное движение в России победит, как рабочее движение, или не победит совсем». Русские экономисты отрекаются от этой традиции основателей социал-демократии и тем самым отрекаются от самой блестящей идеи первых социал-демократов. Помимо их желания, вопреки бесспорной искренности некоторых «экономистов», такая проповедь приводила к подчинению рабочего движения буржуазной политике и превращению его в придаток русского либерального движения.

Вся борьба ортодоксального марксизма с «экономистами» сводилась к тому, чтобы поднять до высоты прежнего значения великую идею группы «Освобождение Труда» — о пролетариате-гегемоне.

По словам Ленина, «экономизм» характеризуется «в принципиальном отношении» опошлением марксизма и беспомощностью перед современной «критикой», этой новейшей разновидностью оппортунизма; в политическом отношении — стремлением сузить или разменять на мелочи политическую агитацию и политическую борьбу непониманием того, что, не взяв в свои руки руководства общедемократическим движением, социал-демократия не сможет свергнуть самодержавие; в тактическом отношении — полной неустойчивостью... в организационном отношении — непониманием того, что массовой характер движения не только не ослабляет, а, напротив, усиливает нашу обязанность создать крепкую и централизованную организацию революционеров, способную руководить и подготовительной борьбой, и всяким неожиданным взрывом, и, наконец, последним решительным нападением». Прежде чем мы перейдем к разбору взглядов экономистов, посмотрим, какие же элементы рабочего класса составляли опору «экономизма», что способствовало его развитию. Из кого эти рабочие рекрутировались. Какие отрасли промышленности питали главным

образом эту отсталую идеологию рабочего движения. Главную основу такой группы составляли пришельцы из деревни, еще в слабой степени вываривщиеся в фабричном котле. Лишенные всех условий для организации самостоятельного, по типу мелкого хозяйчика, хозяйства, эти крестьяне, подгоняемые нуждой и голодом, уходили в город, где промышленный подъем спасал их от верной гибели. Многие случаи из стачечной борьбы рабочих не оставляют никакого сомнения в характере социального состава тогдашнего рабочего и весьма характерны для городских новичков. Весь несложный арсенал приемов протеста деревни полукрестьянин приносил с собой на фабрику. Когда на Кремгольмской мануфактуре получилось сообщение о правительственном законе 27 июня 1897 г., рабочие отслужили благодарственный молебен в честь петербургских рабочих, отбоевавших им эти права. Здесь же настойчиво выдвигалось желание послать приветственную телеграмму царю «за то, что царь-батюшка стоит за бунтовщиков». Рабочие Брянского завода, живя в нищете, скопом, со слезами на глазах умоляли заводчика сделать им надбавку. И на-ряду с этим нередки случаи всеобщих разгромов, устраиваемых стачечниками. Например, в Сормове (1899 г.) стачка очень скоро вылилась в неорганизованный бунт, сопровождавшийся расправой с администрацией, поломкой машин. Очень часто при начале стачки рабочие служили молебен, а чтобы «народ не изменял друг другу, все обязывались целовать крест». Все описанные случаи как раз характерны для крестьянской среды, сохраняющей трепетную веру в царя-батюшку, мало доверчивой к себе самой, призывающей в помощь бога, заменяющей единство интересов класса первобытной верой в силу молитвы и богослужения.

Но не только такая полукрестьянская среда чуралась политики; были очень значительные слои высоко оплачиваемых рабочих казенных заводов, которые тоже поддерживали эти настроения. Эти государственные заводы были единственными, где сравнительно высоко оплачивали рабочий труд. Но — что еще важнее — эти заводы обладали тем преимуществом, что имели постоянные, мало подвергавшиеся рыночным переменам заказы, и таким образом рабочие, нанятые на эти заводы, не так подвергались случайностям застоя и кризиса. Выгода удержания за собой прибыльных и постоянных мест развивала консервативные черты аполитизма, боязни политики: рабочие знали, что политический протест грозил высылкой, заменой протестующего каким-нибудь беглецом из деревни. Именно потому эти группы рабочих весьма охотно шли навстречу тем проповедникам, которые учили рабочих заниматься только экономической борьбой.

Среди рабочих аполитизм питался также эпохой промышленного подъема. В этот период стачки приводили почти во всех случаях к выигрышным результатам. Очень скоро таким опытным путем рабочие приходили к выводу, что в самом деле экономическая борьба составляет главнейший оселок борьбы. Долго такие настроения, конечно, питаться не могли. Подъем не вечен, а следовательно, не вечны и настроения, его породившие. Когда при кризисах промышленники открыли поход против всех завоеваний рабочих, достигнутых ими в период подъема, рабочие убеждались в ошибочности «экономических» предста-

влений и становились в ряды сторонников организованной политической борьбы.

Всего прочнее экономические взгляды укрепились в среде ремесленного пролетариата юго-западной части России. Ремесленник всего менее склонен был к политической борьбе и всего более к защите мелких экономических нужд. Известно, что в 1895 г. среди еврейских рабочих пользовалась большим успехом брошюра Гордона «О поворотном пункте в еврейском рабочем движении», где защищалась та мысль, что для рабочих нет более важной задачи, как защита своих повседневных нужд. Первомайская речь, произнесенная среди ремесленников, помещенная в брошюре, отмечает: «Мы свою программу, свою тактику, и свою борьбу приспособили к массе...». «Наше движение стало более материалистическим... потому, что все наши надежды, все ожидания опираются не на веру во всемогущество наших идей и теорий, но основаны на потребностях массы...» «Масса борется за кусок хлеба, и поэтому пролетариату для его «экономического освобождения» вовсе не обязательно умственное развитие...»

Мы видели среду, которая наиболее поддавалась агитации экономистов. Посмотрим же, чем были эти экономисты сами по себе.

Обратимся к структуре «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса» 90-х годов. На каждом заводе существуют кружки. Из этих кружков создается группа, куда выделяется по одному или по два представителя. Эта группа связана с другой центральной организационной группой, состоящей из 15—20 чел. Вот эти-то последние и составляют собою «Союз борьбы». Совершенно очевидно, что заводские кружки вовсе не состояли из одних только марксистов. Очень часто в центральные группы выделялись народовольцы и люди самых разнообразных взглядов. Когда в декабре 1897 г. были арестованы все руководители Петербургского «Союза борьбы», тогда из центральной группы должны были выделиться новые люди для руководства. По крайней мере для Петербурга остается бесспорным, что новые руководители явились после провала руководящей группы во главе с Лениным из молодых деятелей. Эти новые люди, — в значительной степени случайные, со взглядами крайне туманными и неопределенными. При наличии полукрестьянских настроений среди рабочих, при том успехе, какой имели в это время чисто экономические стачки, идеи «экономизма» получили благоприятную почву и расцвели пышным цветом. Кружковщина, как метод деятельности, уступила место широкой агитации. Но, тем не менее, традиции кружков носились еще в воздухе. Этот тип культурного, занятого только своим образованием рабочего, вышедшего из кружков, прямо-таки поражал интеллигентов своей начитанностью. Некоторые интеллигенты даже трусили, когда сталкивались с ними, чувствуя, что рабочие больше знают, чем они. Были такие рабочие, как, например, Богданов, у которого была собственная библиотека в 800 томов, или другой, у которого была библиотека в 1.000 томов. Такие рабочие значительно выделялись из рабочей среды. Среди них было немало отходивших от массовой работы и отдававшихся только одной культурной деятельности, чуждых политике. Таких рабочих можно часто и теперь встретить в России. Прошедшие школу культурничества в кружках 90-х

годов, они в период Февральской и Октябрьской революций оставались чуждыми и далекими этому движению. Одним словом, культурник, «эпикуреец мысли», как говорит Плеханов, созданный в кружках, защитник старых, отжитых форм кружковщины мог явиться и являлся часто одним из защитников «экономизма».

Выше мы отмечали, плодом какого марксизма явилось учение «экономистов». Марксизм, процветавший в либеральных журналах, из которого выхолащивалась, как говорит Ленин, революционная сущность, все содержание которого было направлено на борьбу с теориями, отрицавшими прогрессивность капитализма, и на попытки политического формирования русского либерализма — вот этот-то ревизионизм, это опошление марксизма наиболее полно восприняли «экономисты». Идеи «экономистов» поэтому и поражают своим поверхностным восприятием марксизма. Они полностью покоятся на вульгарном, упрощенном понимании научного социализма и места экономической борьбы в классовой борьбе пролетариата. Марксизм в их понимании получал такой смысл: рабочим — экономика, буржуазии — политика, а такой марксизм как нельзя более выгоден либеральной буржуазии.

«Экономизм» в развернутом виде являлся встречным течением политических стремлений русской прогрессивной буржуазии. Поэтому «экономисты» названы либеральными политиками рабочего движения, цель которого сводится к защите экономических прав, к борьбе с отдельными предпринимателями, а не со всем строем капиталистических отношений.

Выше мы уже приводили характеристику «экономизма», данную В. И. Лениным. Разберем ее теперь по пунктам.

Это направление характеризуется им, во-первых: «в принципиальном отношении — опошлением марксизма и беспомощностью перед современной критикой». Остановимся на этой стороне «экономизма», ибо она обнимает собой борьбу «Искры» за ортодоксию, за чистоту революционной теории. Русские «экономисты» в своих взглядах не были новы или оригинальны. Являясь продолжателями легального марксизма, они составляли особую ветвь международного оппортунизма в рядах социал-демократии. К 900-м годам оппортунизм свивает себе прочное гнездо в международном рабочем движении; в Германии — в виде бернштейниады, во Франции — в виде мильеранизма и т. д. Общими корнями этого явления считается попытка буржуазии в разнообразных условиях и на разнообразной программе осуществить свое буржуазное влияние на рабочий класс в мировом масштабе. Чтобы наилучше оказывать такое влияние, оппортунисты не должны были выделяться из рядов социал-демократии, наоборот, под прикрытием «единой» социал-демократии, оппортунисты должны были вести дело разложения рабочего движения так, чтобы наименование партии оставалось лишь вывеской, а существом ее работы была буржуазная политика. Оппортунисты поэтому старались не выступать против марксизма целиком, а выступали главным образом против революционных сторон пролетарского учения, при чем делалось это под видом «дополнения», «исправления» марксизма, после чего марксизм становился учением безобидным с точки зрения интересов

буржуазии. Доказывали, например, ошибочность теории классовой борьбы, неизбежности диктатуры пролетариата, устанавливали отсутствие противоположностей между либерализмом и социализмом. Одним словом, социал-демократия из партии социальной революции должна превратиться в партию социальных реформ. Вот — знамя оппортунизма и политический смысл всех исправлений. Понятно, что сохраниться в рядах партии оппортунисты могли лишь при условии предоставлений им прав свободы и критики. Без этой свободы они становились вне рядов социал-демократии. Этот лозунг оппортунисты сделали своим знаменем. Представители воинствующего материализма, ортодоксы, революционные марксисты объявлялись «сектантами», «певцами духовной узости», «людьми междоусобной брани» и т. п. за то, что они хотели предотвратить возможность буржуазного искажения и опошления марксизма.

Точно так же, когда «Искра» выступила с планом объединения социал-демократов, экономисты устами «Рабочего Дела» немедленно заявили: «Для прочного объединения нужна прежде всего свобода критики». Они буквально повторили лозунг («свобода критики») своих западно-европейских собратьев и, как помнит читатель, своих российских предшественников в лице «легальных марксистов» Эту «свободу критики» Ленин характеризует как «свободу внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов» (Ленин, т. V, стр. 122). В. И. Ленин выдвинул против «экономистов» в связи с этим требованием два обвинения:

«1. «Рабочее Дело» берет под свою защиту оппортунистическое направление в международной социал-демократии вообще.

2. «Рабочее Дело» требует свободы оппортунизма в русской социал-демократии». (Там же, стр. 123.)

Недаром за лозунг «свободы критики» Бернштейн очень хвалил русских «экономистов». Как некогда с «легальным марксизмом», «Искра» повела решительный бой с «экономистами» за чистоту марксистской теории, за ортодоксию.

В основе этой борьбы лежали мотивы объединения партии на программе социалистической революции, организационного единства, гегемонии пролетариата в общественной борьбе. Недаром «экономисты» негодовали против «сектантской непримиримости», против «наложения оков на свободную мысль» и пр. со стороны «Искры».

«Без революционной теории не может быть революционного движения», отвечал на это В. И. Ленин. Без «целостной и продуманной теории мы имеем лишь эклектизм и беспринципность», продолжает он. Излишне отмечать, что борьба «Искры» против русских «критиков» уже из социал-демократического лагеря за ортодоксальную теорию явилась прямым исполнением заветов Маркса и Энгельса рабочему движению. Эти учителя рабочего класса признавали, что рабочее движение должно вести борьбу на трех фронтах: экономическом, политическом и теоретическом. Силу немецкого рабочего движения Энгельс в 1874 г. выводил, между прочим, и из того преимущества, что оно уделяло огромное внимание вопросам теории. Наоборот, медленное развитие английского рабочего движения Энгельс приписывал также и равнодушию к теории, наблюдавшемуся в Англии.

Непримиримая борьба «Искры» за теорию, за марксизм, принесла огромную пользу рабочему движению, поставив его на революционные рельсы. Большевизм, так чутко до последних дней реагирующий на всякие отклонения от революционной теории, продолжает славную традицию «Искры».

В тесной связи с вопросом о значении теории и о ее роли в рабочем движении стояли и принципиальные вопросы о стихийности и сознательности, об отношении между субъективными и объективными факторами, о роли социалистической интеллигенции в момент формирования рабочим классом своей революционной идеологии, о значении вождей и т. д. и т. д.

Чтобы получить опору в рабочем движении, «экономисты» приспособлялись к запросам отсталых групп, постоянно ссылаясь на роль «середняков» и на необходимость пошире захватить движение. Что за этим скрывалось? Не желание поднять рабочее движение до уровня социалистической сознательности, а лишь желание принизить его, что и было показано В. И. Лениным. Он обвинял поэтому «экономистов» в нежелании вести вперед рабочее движение и в прислужничестве ему. Под флагом большой роли, которую нужно отвести стихийному элементу развития, «экономисты» боролись против руководства партийной организации, используя в этих целях демагогические приемы травли руководителей, теоретиков, интеллигенции. «Рабочая Мысль» в одном из номеров писала: «Такой живучести рабочее движение обязано тем, что рабочий сам берется, наконец, за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей. Под видом чисто рабочего движения «экономисты» выступали также против нерабочей интеллигенции, «хотя бы она была и социалистическая». Роль интеллигенции в истории русского марксизма особенно колоссальна на протяжении того периода развития, когда рабочий класс стихийно подымался на борьбу. В этот момент, от того, какой идеологией будет пропитано стихийное рабочее движение — революционной или либеральной, зависело, как пойдет последующее формирование пролетарского движения. «Стихийность, — говорил В. И. Ленин, — есть первый элемент сознательности». Никакой стихийности вообще не существует, а сознательность бывает либо пролетарская, либо буржуазная. И вот, поскольку самостоятельно рабочий класс не был в состоянии дойти до социалистического сознания, роль революционной интеллигенции сводится к роли той бациллы, которая заражает рабочее движение революционным сознанием. К этому и сводился вопрос о соотношении стихийности и сознательности в момент формирования рабочего движения как движения революционного. В этот период, как уже знает читатель, рабочее движение легче всего заразить всякими чуждыми ему буржуазными и мелкобуржуазными идеями, при чем подчинение чуждым идеологическим влияниям могло происходить не только потому, что рабочий класс только еще вырабатывал формы сознательной классовой борьбы, но еще и потому, что, как говорил В. И. Ленин, «наблюдался большой недостаток со стороны масс, идеологов, руководителей». Принижение «экономистами» роли сознательного элемента в период формирования рабочим классом своей социалистической идеологии означало не только полное непонимание ими всей значительности поставленной проблемы, но и подчинение рабочего движения буржуазной идеологии, «буржуазной сознательности».

В связи с этим нельзя пройти мимо одного из течения, пережитого в этот период шатания и разброда среди марксистов, которое вошло в историю общественного движения под именем махаевщины. Один из членов польской социалистической организации ППС Махайский (умер в 26 г.) дал имя этому течению. Обычно под этим именем имеют в виду прививаемую рабочему классу принципиальную ненависть к интеллигенции. Но это вовсе не значит, что носителями махаевщины являются рабочие. Очень часто и даже, пожалуй, чаще всего, в особенности вначале, глашатаями этого нового слова были именно интеллигенты. В чем же состояло оно? Будучи в ссылке в Иркутске, Махайский написал критический труд о марксизме «Умственный рабочий» (впоследствии вышел в переработанном виде под этим названием легально), где подверг критике взгляды Маркса на происхождение прибавочной стоимости и стремился доказать, что Маркс, якобы, умышленно затушевал в «Капитале» тот факт, будто интеллигенция является особым эксплоататорским классом [1]). Пропаганда его в условиях ссылки имела некоторый успех, при чем Махайский использовал факт лучшего материального обеспечения некоторых ссыльных интеллигентов, демагогически доказывая на этом факте отсутствие единства интересов марксистской интеллигенции и рабочих. Эту его пропаганду впоследствии подхватили и использовали некоторые группы анархистов, среди которых у Махайского были верные поклонники в ссылке (например Гурари [2]), Лозинский.

В оправдание своей узости, своего оппортунизма экономисты указывали, что «политика всегда послушно следует за экономикой», что нельзя отвлекать «экономическую борьбу рабочих политическими идеалами». Раз рабочее движение не идет по линии политики — в этом повинны «объективные, материальные условия», совлечь с которых нельзя, изменить которых нельзя «никаким идеологам».

Это объяснение означало собой попытку свалить на якобы отсутствие условий, на влияние материальной среды свое собственное «раболепство перед стихийностью».

Побольше — означал собой этот упрек — обращайте внимания на свои недостатки — «вождей движения» и поменьше ссылайтесь на «объективные» причины стихийности рабочего движения, «ибо всякое умаление роли» сознательного элемента, роли социал-демократии означает тем самым совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет, усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих» (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 147).

---

[1]) Махайский в 1902 г. распространял первомайские прокламации, в которых объяснял, что революционная интеллигенция, в том числе и марксистская, добивается политической свободы только для того, как он писал, «чтобы занять места царских чиновников». Между прочим, когда жандармы произвели обыск у иркутских ссыльных и нашли несколько десятков экземпляров свеже отпечатанного литографическим способом «Умственного рабочего», они не конфисковали этот сборник, считая его очень полезным для разложения ссылки.

[2]) Гурари привлекалась по делу группы «Самоосвобождение», но в ссылке примыкала скорее к анархистам.

Стихийность движения рабочих масс представляет собою, как говорит В. И. Ленин, зачаточную форму сознательности. Например, стачки 90-х годов в России сравнительно со стачками 70-х годов — вполне можно назвать «сознательными, до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение». Но сознательность этих стачек еще не социал-демократическая, которая предполагает борьбу в интересах всего рабочего класса не против отдельных сторон капиталистической системы, а против всего строя в целом.

Подобная сознательность наступает тогда, когда рабочий класс охватывается передовой идеологией — научным социализмом, — представителем которой является партия.

«Экономисты» не уклонялись от политики, но это была политика, приспособленная к стихийности массового движения. Отказываясь ставить общие задачи рабочего класса, отказываясь сочетать данную борьбу с конечной целью рабочего движения, «экономисты» во имя так называемой «реальной политики» боролись с социал-демократической партией, обвиняя ее в «догматизме», «доктринерстве» и пр.

Что означала собой эта так называемая «реальная политика», которую выдвигали «экономисты»? Борьба за злободневные экономические интересы рабочего класса, на которой настаивали «экономисты», была по существу борьбой за реформы, отнюдь не устранявшие корней капиталистической эксплоатации. Собственно говоря, против такой борьбы рабочего класса буржуазия во всей Западной Европе не возражает. Ярким примером могут служить английские тред-юнионы, которые в 80-х годах даже усиленно насаждались самой буржуазией. Буржуазия возражает лишь против такой борьбы рабочего класса, которая направлена против капитализма в целом, а также и против такой борьбы, в которой рабочий класс хочет играть руководящую роль, а не служить орудием в руках буржуазии.

От того, что экономисты выдвинули идею «придать самой экономической борьбе политический характер», дело, конечно, нисколько не менялось. Идея эта означала собой борьбу за улучшение положения рабочего класса через правительственное законодательство. Такая борьба, хотя она и шире экономической борьбы с отдельными предпринимателями, не отрицает капиталистических порядков и отношений. Такая борьба просто выгодна буржуазии, ибо она не просвещает рабочий класс и не использует экономических столкновений, «чтобы поднять рабочих до социал-демократического политического сознания». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 177) Поэтому такая борьба может быть названа либеральной политикой рабочего класса, а «экономисты», проповедывавшие ее, — проводниками буржуазного влияния на рабочий класс.

«Экономисты» замыкались в вопросах экономической борьбы потому, что последняя, как им казалось, решает все задачи рабочего класса. «Политика всегда послушно идет за экономикой, и в общем итоге политические оковы разбиваются попутно», писала «Рабочая Мысль». Иными словами, «экономисты» формулируют здесь теорию политического воздержания в революционном смысле слова. Незачем, мол, вмешиваться в политическую борьбу. Те экономические реформы, которые будут добыты рабочим классом, гарантируют изменение

этой «политики». При таком взгляде естественно отпадает необходимость революционной борьбы пролетариата. Кроме того, при таком взгляде рабочий класс воспитывается на иллюзии о возможности через реформы мирно врастать в социализм. Это не что иное как вариация бернштейниады, проповедывавшейся в свое время «легальными марксистами», и особенно ярко формулированной в уже известном «Кредо»: «рабочим — экономика, буржуазии — политика». «Экономика, реформы, мирное врастание», — все эти положения образуют собой систему особой политики рабочего класса, при которой он не борется за свои конечные цели и остается подчиненной либерализму силой.

Поэтому «экономисты» характерны не отрицанием политики вообще, а проповедью политики либерального движения.

Ниже мы покажем, как не только буржуазия, но и правительство, когда оно пыталось в этот период направить рабочее движение в русло полицейского социализма, в сущности делало как раз то самое дело, о котором говорили «экономисты», с одной только разницей: «экономисты», конечно, бессознательно, не понимая этого, вели рабочий класс по гибельному пути, а правительство и правительственный агент Зубатов, пожиная плоды этой их деятельности, проводили свою работу вполне обдуманно, рассчитывая на положительные для самодержавия результаты такого направления рабочего движения. А теперь посмотрим как же «экономисты» обосновывали свои тактические взгляды.

м) ТАКТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ «ЭКОНОМИСТОВ».

Выше мы отмечали, какие социальные группы и классы пришли в движение под давлением рабочих выступлений.

Люди, претендовавшие на звание социал-демократических деятелей, так или иначе должны были определить тактику рабочей партии по отношению к оппозиционным группам. Эта тактика должна была дать ответ на вопрос — должен ли выступить рабочий класс как гегемон, как руководитель социальной борьбы с самодержавием, или эту борьбу должна возглавлять какая-то иная сила.

Передача гегемонии в руки буржуазии объективно вытекала из позиции всех оттенков «экономизма»; в этом был объективный (и наиболее важный) вред «экономизма», но субъективно защитниками гегемонии буржуазии «экономисты» в общем, конечно, не были. Лишь «Кредо», этот наиболее последовательный и цельный вывод из позиции «экономистов», превратило в прямую идею политическую гегемонию буржуазии. Заграничный орган русских либералов и земцев «Освобождение», руководимый Струве, очень часто (например в №№ 3, 4 и др.) выступал с резкой критикой тех ортодоксальных социал-демократов (Ленина, Плеханова, Аксельрода и др.), которые допускали в своей агитационной работе упоминание о социалистических идеалах русского рабочего класса. «Освобождение» называло эти заявления «грубейшей бестактностью, нарушающей общую почву сочувствия». Эти заявления, по мнению «Освобождения», вызовут естественное намерение либералов «отка-

заться от материальной поддержки голодных стачечников»... Для создания общей политической платформы борьбы против самодержавия либералы требовали, чтобы деятели рабочей партии отказались от самостоятельной борьбы и ни одним словом не заикались о социалистической сущности рабочего движения. Ортодоксальные марксисты дали резкий отпор этим притязаниям русской буржуазии. Что же касается «экономистов», то всю свою тактику они основывали как раз на том, чтобы рабочее движение не только не помышляло о самостоятельной политической борьбе, идущей вразрез с чаяниями либералов, но по возможности вообще отвлекали его от политики, выходящей за рамки повседневных мелких интересов рабочего класса. Вот в этом-то смысле русский либерализм в «экономистах» и нашел самых желанных союзников для своей убогой приспособленческой политической программы.

Политическую агитацию, по мнению «экономистов», можно начать тогда, когда «сами рабочие, самопроизвольно, без участия «революционной бациллы» (интеллигенции) начнут борьбу с самодержавием». Больше того: «рабочий класс должен изгонять из своей среды всех, зовущих его на политическую борьбу, с такой же решительностью, как он изгонял из своей среды провокаторов». Такие заявления в сущности являлись недоверием к политической борьбе русского рабочего класса. Они воспроизводили все замечания «Кредо», которое, пыталось теоретически обосновать либеральную политику рабочего движения и сущность которой сводилась к тому, что социал-демократам не следует «организовывать самостоятельной рабочей партии, а участвовать в радикальной или либеральной оппозиционной деятельности всех других не-рабочих слоев общества». Аполитизм и отказ от самостоятельной классовой политики, которые русская буржуазия хотела привить рабочему движению, были полностью восприняты «экономистами». Свое подчинение теориям либеральной политики «экономисты», конечно, выдавали за продукт социально-экономических условий России и своеобразного состояния рабочего класса. По письмам «экономистов», которые были опубликованы в «Вademекуме» [1]), легко проследить основные черты политического мировоззрения «экономистов». Вот что они писали:

«Утопично думать, что при свержении самодержавия изменится политическое положение рабочих». Это утверждение основывается на том, что самодержавие стало выразителем господства буржуазии, и что для последней весь строй его отношений, за исключением некоторых «мелочей и частностей», служит политическим идеалам организованного государственного правления.

«Пропагандировать рабочим свержение самодержавия... значит подвергать их величайшей опасности, какая только возможна в истории. Пока нет среди них сознания своих интересов, пока нет выработанной на практике стойкости и организованности, призыв к свержению самодержавия повлечет за собой... побоища, кровавое море».

---

[1]) «Вademекум — путеводитель, издан был группой «Освобождение Труда». В нем собраны были документы, разоблачающие «экономистов».

Откровенные «экономисты» выбалтывали основную сущность своих воззрений до конца; они основывались на страхе перед будущей революцией, где рабочий класс выступает гегемоном. Их страшат надвигающиеся классовые битвы, и последние им рисуются только в виде «кровавого моря побоищ». Страх запуганных либералов перед началом народной революции «экономисты» выдают полностью. Свои либеральные взгляды они подкрепляют ссылками на отсутствие сознательности в рабочем классе. «Говорить о свержении самодержавия и всем прочем... значит стучаться в закрытые сердца рабочих и не найти в них желанного отклика»..., продолжают утверждать «экономисты». И когда через несколько лет, в 1903 г., рабочий класс России выступил застрельщиком русской революции, он этим самым показал цену всем подобным утверждениям.

По мнению «экономистов», все социал-демократы, которые, выяснив истинную сущность «Кредо», стали разоблачать «экономистов» (например группа «Освобождение Труда», «Искра»), являются вовсе не социал-демократами, а продолжателями традиции политических идеологов радикальной русской интеллигенции.

«Отдаленные цели революции (т.-е. социализма. Ред.), развиваемые с.-д., носят идеалистический характер и имеют мало общего с интересами пролетариата... они могут служить хорошим средством для привлечения отдельных лиц из интеллигенции... эмигранты (группа «Освобождение Труда») теоретизируют, ибо недостаточно знают условия жизни русского пролетариата... образование рабочей партии не есть программа рабочего движения, а программа продолжающегося движения среди русской революционно-демократической интеллигенции. Для группы «Освобождение Труда» мысль о рабочем движении в России теснейшим образом связывалась с революционными традициями революционной интеллигенции... Ближайшими последствиями подобной постановки задачи будет возмущение рабочих против «ига интеллигентов» и выступление рабочей мысли в защиту своей самостоятельности от опеки интеллигенции»... [1]).

Чем же должно ограничиться рабочее движение? Какие цели оно должно себе поставить?

В письмах, опубликованных Плехановым в «Вадемекуме», «экономисты» дают ответ и на этот вопрос.

«Рабочим мы можем говорить только об ограничении капиталистической эксплоатации... У современных рабочих очень мало общих требований, которые могли бы их объединить... Огромная масса рабочих очень мало интересуется политикой и преследует одни лишь профессиональные цели... если интеллигенция хочет успешно работать в пролетариате, то только на их нуждах надо строить свою программу.. непроизводительная трата времени толковать рабочей массе в России о капитализме, самодержавии, политике, поэтому бессмысленны мечты о создании партии... Эти идеи можно развивать в кружках, но

---

[1]) Когда после второго съезда РСДРП начались бунты меньшевиков против партийных решений, они устами Троцкого и Аксельрода почти слово в слово повторили некоторые из этих замечательных рассуждений «экономистов».

отнюдь их нельзя включать в программу агитационной работы... Бельгийские кооперативы кассы взаимопомощи и пр.— вот идеал»...

Л. Мартов, боровшийся тогда вместе с Лениным и Плехановым против «экономистов», остроумно заклеймил эту точку зрения в «Гимне новейшего русского социализма»:

ГИМН НОВЕЙШЕГО РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА [1])

Нарцисса Тупорылова (Л. Мартова)

Грозные тучи нависли над нами,
Темные силы в загривок нас бьют,
Рабские спины покрыты рубцами,
Хлещет неистово варварский кнут.
Но потираючи грешное тело,
Мысля конкретно, посмотрим на дело:
«Кнут ведь истреплется, скажем народу
Лет через сто ты получишь свободу».
Медленным шагом,
Робким зигзагом,
Тише вперед,
Рабочий народ.

Жаждет копейки наш серый рабочий,
Нам ли к свободе его призывать.
Наших сподвижников тусклые очи
Заревом крови не должно смущать,
В битве безумной погибнут бесследно
Те, кто увлекся сияньем идей.
Гибели их будет вторить победно
Хохот презрительный трезвых людей.
Не увлекаясь,
Приспособляясь,
Тише вперед,
Рабочий народ.

В нашей борьбе самодержца короны
Мы не коснемся мятежной рукой,
Кровью народной залитые троны
Рухнут когда-нибудь сами собой.
Вашей политикой нас не прельстите,
Вы, демагоги трудящихся масс,
О коммунизмах своих не твердите,
Веруем... в мощь вспомогательных касс.
Коли возможно,
Но осторожно,
Шествуй вперед,
Рабочий народ.

В вышеприведенном отрывке из «Вademекума» прямая постановка вопроса о тактике. Рабочие не должны участвовать в политической борьбе, они должны участвовать в кооперативах, кассах, вести одну профессиональную борьбу (прибавка копейки на рубль). Более смелые задачи, например вопрос о социализме и самостоятельной рабочей партии, могут ставиться на обсуждение среди избранных, в кружках, но они ни в каком случае не могут быть вынесены в рабочие массы или — как «экономисты» заявляют — в «практику агитационной работы»...

Это — развернутая система либерального рабочего движения, которая в Западной Европе усердно развивалась критиками Маркса, например Бернштейном, с той только разницей, что если

[1]) С Плехановым, Мартовым и многими другими меньшевиками впоследствии случилось «маленькое несчастье»: то, что они так жестоко осмеивали в этот период, они впоследствии возвели в перл принципиальной марксистской выдержанности.

в Германии эта критика тогда ограничивалась областью литературы, во Франции вступлением Мильерана в буржуазное министерство, то в России эта критика пыталась построить все рабочее движение и социал-демократию по образцу бернштейновских идеалов. Главный смысл этих идеалов заключается в том, чтобы доказать необходимость», и возможность мирного преодоления капиталистической системы без революции, без «побоищ», без «кровавого моря».

Такой откровенный оппортунизм был дан группами «Кредо» и «Рабочей Мыслью». Не прикрытый ничем, оппортунизм этих групп мог вызвать лишь отрицательное отношение к себе со стороны революционных социал-демократов. Рабочий класс, в котором все больше и больше ощущалась потребность политических выступлений против самодержавия, от этих оппортунистов отворачивался, если бы не появилась группа, которая в менее откровенной форме продолжала дело этих «экономистов». Такая группа создалась за границей в лице «Рабочего Дела» — руководимая Мартыновым, Кричевским, Иваншиным.

В письме к Н. К. Крупской, опубликованном в первом «Ленинском сборнике» (стр. 75), Ленин так характеризовал «рабочедельцев»: что по отношению к «экономистам» «у них тактика примирительного отношения, тактика прикрывания крайностей экономизма, тактика защиты экономизма от прямой борьбы против него, тактика «свободной критики», т.-е. свободной критики марксизма со стороны всяческих прямых и переодетых идеологов буржуазии»... Здесь дается исчерпывающая характеристика роли «Рабочего Дела». «Экономисты» в «Кредо» и «Рабочей Мысли» с большой прямолинейностью выдвигали вопросы отказа от борьбы с самодержавием, об организации самостоятельной рабочей партии и передаче политической борьбы в руки либеральной буржуазии и т. д., «Рабочее Дело» своей проповедью дало систему менее прямолинейного оппортунизма, хотя его «теория стадий» служила перепевом идеи «экономистов» о необходимости не заражать рабочее движение политическими требованиями [1]).

Когда в 1900 г. была основана «Искра», заграничная газета социал-демократов и «Заря», теоретический журнал,— главная борьба на страницах этих органов велась с «Рабочим Делом». Надо было свести счеты с беспринципным эклектизмом примиренцев за границей, чтобы теоретически разоблачить «экономизм», отмежеваться от русских бернштейнианцев и создать единую, централизованную партию социал-демократов. Эту историческую работу взяла на себя «Искра», которая объединила вокруг себя самые талантливые, самые выдержанные элементы русского марксизма.

Прямая, незамаскированная проповедь оппортунизма в рядах социал-демократии была бы легче обезврежена и преодолена, если бы не появилась

---

[1]) В № 4 «Искры», в статье «С чего начать», В И. Ленин писал:

«Гордо поднимает голову направление беспринципного эклектизма, подделывающееся под каждое новое «веяние» не умеющего отличать запросов минуты от основных задач и постоянных нужд движения в его целом... Такое направление свило себе гнездо в «Рабочем Деле».

группа, которая в менее откровенной форме продолжала дело старых «экономистов». В этом смысле группа «Рабочего Дела», руководимая Мартыновым, Кричевским и Иваншиным, которая не столь откровенно, проповедывала отказ от политической борьбы, была более опасной, замазывая основные разногласия между «экономистами» и революционным крылом социал-демократии. «Рабочедельцы» явились создателями так называемой «теории стадий». По этой теории рабочее движение укладывается в рамки отдельных стадий, переходных ступеней, этапов, и к этим-то стадиям должна приспособляться деятельность социал-демократической партии. Эти стадии социал-демократического рабочего движения формулированы были «Рабочим Делом» в такой последовательности и строгой постепенности: 1) сперва партия ведет чисто экономическую агитацию, 2) потом на почве экономической борьбы выставляются политические требования, которые имеют наибольшие вероятия быть осуществленными, 3) затем агитация должна охватить собой борьбу за всю программу политических требований, 4) когда пройдены отмеченные ступени, партия ведет в рабочем классе политическую агитацию вне зависимости от экономической борьбы пролетариата, 5) наконец, венцом работы социал-демократической партии является вмешательство в политическую борьбу других общественных классов против самодержавия, к которой она обязывается как передовой отряд угнетенных классов. Характерно, как мотивировал необходимость этой теории постепеновщины один из ее творцов, Кричевский:

«Что сказали бы об учителе, который начал бы преподавать высшую математику ученикам, не знающим четырех арифметических действий... Постепенность является необходимым педагогическим приемом».

Иными словами, партия у авторов «теории стадий» фигурирует в роли п е д а г о г а, а рабочий класс — в роли ш к о л ь н и к а. Здесь помимо всего прочего искажается действительная роль партии в рабочем движении. Рабочий класс в роли «н е п о д г о т о в л е н н о г о ш к о л ь н и к а» нужен был экономистам для того, чтобы свалить с себя обвинение в оппортунизме, неверии в политические силы и способности масс, а их собственный хвостизм представлялся им как законное отображение действительных настроений в рабочем классе.

По «теории стадий» «рабочедельцев» уже совершенно не отрицается политическая борьба. Да и мудрено было в 900-х годах, в момент стихийных политических выступлений рабочего класса, отрицать совершенно такую борьбу. «Теория стадий» выдвинута «экономистами» как уступка политическим тенденциям, чтобы сохранить за собой некоторое влияние в рабочем движении. Но знамя экономистов — борьба за реформы, за постепеновщину на почве мелких экономических нужд, на почве «пятачка», т.-е. все та же либеральная политика рабочего класса, сохраняется этой «теорией стадий» целиком. Поэтому и об этой теории можно сказать, что она, видоизменяя мотивы, повторяет чистейших «экономистов» из «Рабочей Мысли» и даже «Кредо» почти слово в слово.

н) ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВЗГЛЯДЫ «ЭКОНОМИСТОВ»

Итак, по мнению «экономистов», основной деятельностью социал-демократов должна явиться борьба за мелкие улучшения экономического положения. Таким образом социал-демократы участвуют в политической борьбе лишь как фланг либеральной оппозиции. Если такова социал-демократическая тактика «экономистов», то совершенно естественно, что в области организационных задач «экономисты» должны были выдвинуть систему воззрений, отвечающих оппортунистической тактике. «Экономисты» и в этом вопросе просто повторяли и развивали взгляды «Кредо»: разговоры о создании самостоятельной рабочей партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву. Но так как рабочую политику, хотя и особого либерального типа, экономисты все же ведут, то организационными ячейками социал-демократии должны, по их мнению, явиться мирные легальные организации, как, например, профсоюзы, кооперативы, кассы взаимопомощи. По этой мысли выходило, что нет надобности строить организации социал-демократии даже в виде ячеек; марксисты полностью растворяются в массовых беспартийных организациях, которых к тому же еще и не было в то время. Экономисты смешивают таким образом массовые организации и социал-демократическую партию и не признают последнюю самостоятельной величиной.

В № 1 «Рабочей Мысли» в передовице писалось:

«Пусть рабочие идут в борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя, для своих детей, пусть помнят, что каждая победа, каждая пядь, отбитая у врага, есть пройденная ступень лестницы, ведущей к их собственному благополучию». (Подчеркнуто нами. **Ред.**)

Здесь выражается призыв не к интересам, общим всему рабочему классу. Это — защита благополучия рабочих данной группы. Такие урезанные задачи вовсе не требовали организации партии рабочего класса. Они могли быть выполнены в легальных организациях, которые руководятся мирными приемами борьбы с отдельными предпринимателями. Весьма любопытны эти иллюзии легальной работы. «Рабочая Мысль» нападала на тех социал-демократов, которые звали рабочий класс к политической борьбе. Во имя чего, спрашивала «Рабочая Мысль», выдвигается эта задача? Парламент в условиях политического режима России есть вещь отдаленная. Сейчас существует собрание фабрикантов, городские управы, городские думы и т. д. и почему-то в этих реально существующих организациях рабочих не призывают участвовать. Нет сомнения, что иллюзии о возможности легальной мирной работы могли развиться в среде полулиберальной интеллигенции, ибо сами рабочие в этих «реальных организациях» участия не принимали. Эта мысль об использовании легальных возможностей как первоочередной задачи социал-демократов означала собою отвлечение внимания рабочего класса и социал-демократии от действительных задач рабочего класса — от создания централизованной политической партии.

Ленин в брошюре «Что делать?» дает исчерпывающую критику кружков, перед работой которых преклонялись «экономисты»:

«Возьмите наиболее распространенный в последние годы тип кружка социал-демократов и присмотритесь к его работе. Он имеет «связи с рабочими» и удовлетворяется этим, издавая листки, в которых бичуются фабричные злоупотребления, пристрастное к капиталистам поведение правительства и полицейские насилия; на собраниях с рабочими беседа не выходит обыкновенно или почти не выходит за пределы тех же тем, рефераты и беседы по истории революционного движения, по вопросам внутренней и внешней политики нашего правительства, по вопросам экономической эволюции России и Европы и положения в современном обществе тех или иных классов и т. п. представляют из себя величайшую редкость; о систематическом приобретении и расширении связей в других классах общества никто и не помышляет. В сущности идеалом деятеля рисуется в большинстве случаев для членов такого кружка нечто, гораздо более похожее на секретаря тред-юниона, чем на социалиста — политического вождя. Ибо секретарь любого, например, английского тред-юниона всегда помогает рабочим вести экономическую борьбу, организует фабричные обличения, разъясняет несправедливость законов и мероприятий, стесняющих свободу стачек, свободу выставления сторожевых постов (для предупреждения всех и каждого, что на данном заводе стачка), разъясняет пристрастность третейского судьи, принадлежащего к буржуазным классам народа, и пр. и пр. Одним словом, всякий секретарь тред-юнионов ведет и помогает вести «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством». И нельзя достаточно настаивать на том, что это еще не социал-демократизм, что идеалом социал-демократа должен быть не секретарь тред-юниона, а народный трибун, умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, умеющий обобщать все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплоатации, умеющий пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать перед всеми свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять всем и каждому всемирно историческое значение освободительной борьбы пролетариата». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 183 — 184.)

«Экономисты», любившие повторять выражение: «желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, которая идет сейчас», пассовали перед трудностями огромных задач, стоявших перед социал-демократией. Любопытно, что рабочие, писавшие в «Рабочую Мысль», не раз в своих корреспонденциях совершенно правильно указывали главный недостаток социал-демократической работы. Вот выдержки из этих писем:

«Надо ставить мелкие притеснения, испытываемые рабочими со стороны хозяина и чиновников, в связь с общим насилием царской власти...»

«Рабочий знает, кто сидит на его заработках, ох, как знает, нужно только, чтобы с первого же слова сердце его забилось сильнее, и он не удержится, чтобы не сходить к соседу и передать ему, как клокочет его кровь и разрывается сердце при виде такой тьмы человеческих насилий...»

Здесь рабочие, непосредственно знающие настроение масс, совершенно отчетливо выражают недовольство уродливой политикой, проповедывающейся «Рабочей Мыслью». В № 8 «Рабочей Мысли» рабочий пишет:

«Огня больше. Дайте простор агитации и публицистике. Располагая фактами и сообщениями из разных мест, сотрудники должны делать сводки, указывать, как слагается общее насилие царской власти из этих частных хозяйских, чиновничьих и жандармских притеснений. Пусть в наличности мало сил для этого. Не бойтесь, ставьте цель

и вы увидите, как скоро она будет достигнута, вы увидите, что рабочий не простой рабочий, а еще и честный человек, у которого есть долг гражданина и самоотверженность интеллигента».

«Рабочее Дело» тоже полно такого рода замечательными письмами. В № 6 «Рабочего Дела» помещена корреспонденция рабочего из Петербурга:

«Отдельные кружки, отдельные революционеры, не объединенные, не составляют единой сильной дисциплинированной организации..., а только с возникновением такой организации станет возможной правильная и успешная борьба с такой громадной силой, как русское самодержавие».

Таким образом передовики-рабочие на собственном опыте приходили к мысли о необходимости расширить круг вопросов, которые ставятся перед рабочими движениями, и организоваться в единую партию. Это означало, что у рабочих созрела гигантская нужда в подобного рода организации рабочего класса, что экономисты плетутся в хвосте движения и что дальнейшая работа экономистов чревата опаснейшими последствиями для развития рабочего движения и социал-демократии. «Искра» во-время пришла со своим планом социал-демократической тактики и социал-демократической организации.

о) ОПАСНОСТЬ «ЭКОНОМИЗМА» ДЛЯ РАБОЧЕГО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В самых сжатых чертах вспомним, почему при формировании русской социал-демократии пришлось пройти через период принципиальной и теоретической борьбы с экономистами.

Литературная полемика с народниками сопровождалась созданием первых марксистских кружков. Вся социал-демократическая работа тогда основывалась на выработке подготовленных рабочих-передовиков. Когда от этой кружковой пропаганды перешли к агитационной практике, последняя была извращена деятелями «экономического» направления. Переход к фазе социал-демократической работы, сочетающей и легальные и нелегальные средства борьбы и экономические и политические приемы, охватывающей своим влиянием не только рабочий класс, но и все недовольные оппозиционные элементы, мог быть совершен только путем ожесточенной борьбы с «экономистами». Без преодоления «экономизма» нельзя было приступить к основным задачам, поставленным самой жизнью перед русскими социал-демократами: так же, как кружковщина стояла на пути широкой массовой работы социал-демократии 90-х годов, так и «экономизм» в последующие годы стал на пути организации русской социал-демократии.

В условиях необычайного общественного возбуждения 900-х годов, тактика «экономистов» могла привести к идейному и политическому подчинению части рабочего класса русской либеральной буржуазии. Борьба с «экономистами» означала поэтому борьбу за развернутую народную (рабоче-крестьянскую) революцию против всего строя самодержавных порядков под гегемонией рабочего класса.

Самодержавие находилось в противоречии не с одним только рабочим классом. Крестьянство, как и другие элементы общества, испытывало тяжелый

гнет самодержавия и тем самым становилось в оппозицию, а часть его все более проникалась революционными настроениями. Поскольку «экономисты» ограничивались тред-юнионистской политикой, постольку они отрицали необходимость установления социал-демократического влияния на эти элементы. Тем самым облегчалось подчинение их гегемонии русской буржуазии. Русские марксисты, разоблачая оппортунизм «экономистов», добивались установления гегемонии рабочего класса и его идеологии на все революционное движение России 900-х годов.

Многие склонны были приписывать «экономистам» отказ от всякой политики. Разумеется, как мы уже видели выше, это в корне неверно. Тактические и организационные воззрения экономистов составляли тип политики, конечно, ничего общего с социал-демократической политикой не имеющей, политики либеральной буржуазии по отношению к рабочему движению. Не только в России, но и всюду в Западной Европе такой тип политики пользуется самым большим почетом среди господствующих классов. У нас, в России, не только буржуазия, как это было показано в главе «О легальном марксизме», но даже самодержавие не прочь было охватить своим влиянием рабочее движение, лишь бы оно не выходило из рамок полупрофессиональной борьбы. Политическим исполнителем этого намерения явился уже известный нам охранник Зубатов. Остановимся несколько подробнее на этой попытке самодержавия, поскольку на ней можно проследить, насколько идеи Зубатовщины были близки и опирались на идеи экономистов, в впоследствии и меньшевиков и какие глубокие корни эта тред-юнионистская политикм на русский лад могла бы пустить если бы не встретила своевременный решительный отпор со стороны революционной социал-демократии.

п) «ПОЛИЦЕЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»
(ЗУБАТОВЩИНА)

Бурное развитие рабочего движения принудило самодержавие стать на путь «полицейского социализма». Опасность, которой чреват был переход рабочего класса от экономической борьбы к политическим выступлениям, объясняет нам этот поворот правительства. Полицейский социализм ставил себе задачу — затушевать в рабочем классе сознание единства, которое существует между самодержавием и тяжелыми условиями эксплоатации на фабрике и заводе, и затем доказать возможность мирными, легальными способами добиться существенных изменений в положении рабочих.

Еще в конце 90-х годов в ряде докладных записок, например шефа жандармов Святополк-Мирского, одесского градоначальника Шувалова, министра внутренних дел Сипягина и др., указывалось на необходимость уничтожения губительных условий эксплоатации, открытия мест развлечений для того, «чтобы бороться с массой беспорядков, волнений и вообще дикой необузданностью рабочих». Но к 900-м годам начальник Московского охранного отделения Зубатов развил в стройную систему вмешательство царского правительства в рабочее движение с целью руководства этим движением и в ряде случаев добился сравнительно крупных успехов. Его программа, как говорит

М. Н. Покровский, заключалась в том, чтобы в рабочей массе исполнять то же самое, что и революционные агитаторы, но «только с обратным знаком, — не против царя, а в пользу царя». Во имя этого агенты Зубатова на рабочих собраниях даже заявляли, что царь для помощи рабочим не остановится перед отнятием фабрик и заводов. Деятельнейшими сотрудниками Зубатова явились шпионы, часть малосознательных рабочих, а в Западном крае — многие работники бундовской организации, которые поддались тонко продуманной проповеди Зубатова и его агента — полковника Васильева, с целью посеять среди рабочих недоверчивое отношение к социал-демократам. Зубатов открывает легальные общества рабочих, принуждает предпринимателей к уступкам рабочим и пр. Под прикрытием этой работы Зубатов сеял разврат в рабочем движении, разлагая его, внося недоверие к революционной интеллигенции, т.-е. к социал-демократам, иллюзию о доброжелательном государе-батюшке и т. д. Наиболее важными пунктами деятельности Зубатова явились Москва, Вильна, Одесса. Большую помощь Зубатову в Москве оказали либеральные профессора — Озеров, Ден, Мануйлов, Виленц, Ремизов, Игнатьев, Вормс, Езерский, Ануфриев и пр., которые лекциями и участием в собраниях помогали охранке влиять в нужном направлении на рабочих. К 1901 году зубатовцы открыли «Общество взаимопомощи рабочих механического производства». Через некоторое время такие же общества начали открываться по другим отраслям производства — коробочников, кондитеров, пуговичников, текстилей, типографов, картонажников и пр. Чтобы обеспечить руководителям более легкий путь влияния на эти общества, создан был совет, в который входили представители образованных обществ. На середину 1902 года падает наибольшая активность зубатовцев. Они руководили забастовками на Гужоне, Мусси, Даниловской мануфактуре, устраивали собрания рабочих по районам. Движение в пользу организации обществ быстро перекинулось на уезды Московской губ., потом на близ расположенные губернии — Ярославскую, Владимирскую, Рязанскую. Когда движение приняло такие размеры и начало переходить за первоначально намеченные рамки, официальные круги Москвы изменили к нему свое отношение. Сами же вожди зубатовских обществ по прямому наущению охранного отделения попытались от задач экономической борьбы перейти к организации вечеров-танцулек, выпивок и пр. Рабочие начали быстро оставлять зубатовские организации, и к 1903 году последние в Москве разложились.

В Минске Зубатов вмешался в дела арестованных революционеров и сумел войти в доверие ко многим из них. Он сам докладывал департаменту полиции что «разговоры с арестованными дали прекрасные результаты, — не только сломлено злобное настроение в отношении правительства, но люди решились переменить свои взгляды, свою тактику».

Через этих распропагандированных деятелей он добился создания «еврейской независимой рабочей партии», которая повела борьбу с «Бундом» под лозунгами «легальная борьба за хлеб и знание», «никаких политических целей и задач». Эти «независимцы» боролись с Бундом демагогическими приемами. Например, 1 мая 1903 года в своей прокламации они писали: «Господа социал-демократы... вы выводите рабочих на выстрелы». Нет ничего удивительного, что, пользуясь покровительством местного охранного отделения и полиции,

«независимцы» преуспевали в своей работе. В союзе с властями независимцы провели ряд забастовок, вызывавших бурю недовольства среди местных капиталистов.

Раньше при организации обществ полиция писала, что деятельность руководителей «вполне совпадает с видами правительственных органов». Но когда через эти общества рабочие начали выступать со своими задачами, не предусмотренными Зубатовым, они были распущены распоряжением погромщика Плеве.

В Одессе зубатовцы приступили к организации в момент промышленного подъема — в конце 1903, начале 1904 г. Здесь рабочие были более сознательны, ибо промышленность здесь была крупнее, чем в Минске. С первых же шагов эти организации не могли замкнуться в задачах экономической борьбы. В марте 1903 г. зубатовцы руководили забастовкой на чугуно-литейном заводе Рестеля. В июле этого же года Одесса была охвачена всеобщей забастовкой, которая совершенно смела зубатовцев. Правительство объясняло этот поворот дел тем, что руководители обществ позволили себе много лишнего. Поэтому вождя одесских зубатовцев Шаевича правительство выслало в Вологду. Да и самого Зубатова после этой забастовки сняли с поста московской охранки и выслали под надзор. Причина всеобщей забастовки, разумеется, не в том, что руководители-зубатовцы организовали стихийный напор недовольства рабочих вместо того, чтобы его тушить. Она заключается в том, что в 1903 году политические мотивы начинают окрашивать собою рабочее движение, и что влияние «Искры» чувствуется уже в поступи рабочего класса.

Познакомившись вкратце с фактической стороной «зубатовщины», — можно теперь остановиться на том, в чем же именно идеи экономизма шли навстречу потребностям полицейского социализма.

Совершенно очевидно, что гигантская задача борьбы с самодержавием могла быть исполнена таким классом, который меньше всего заинтересован в соглашении с ним и в уступчивости. Этим классом мог быть один только рабочий класс России. Между тем «экономисты» считали вреднейшей утопией призывы рабочего класса к борьбе с самодержавием и всячески затуманивали на этот счет рабочее сознание.

«Рабочая мысль» так прямо в № 4 и ставила вопрос: «н е н а д о с р е д и р а б о ч и х р а з ж и г а т ь б у й н ы е ж е л а н и я с б р о с и т ь г н е т у щ е е и г о с а м о д е р ж а в и я». Это означало отход «экономистов» от самой важной задачи, поставленной историческим развитием перед рабочим классом и социал-демократией.

Задачи борьбы с самодержавием так же, как превращение пролетариата в гегемона общественной борьбы, требовали создания с и л ь н о й д и с ц и п л и н и р о в а н н о й ц е н т р а л и с т с к о й о р г а н и з а ц и и. Для этого нужно было преодолеть тот период партийной истории, когда социал-демократия существовала в форме кружков, а в методах и приемах работы существовал хаос, разброд и кустарничество. Между тем «экономисты» выступили поклонниками этого кустарничества и хаоса, идейного «разброда и шатания» и пытались его увековечить. Партия в лучшем случае представлялась «экономистам» в форме организации кружков, существовавших на основе

своих кружковых уставов, единственной задачей которых является регистрация мелочных экономических достижений рабочего класса. Такое узаконение кустарничества и отсталости не могло приблизить социал-демократию к выполнению своих задач. Рабочее движение, значительно выросшее к 900-м годам, обратилось к активной политической борьбе вне всякого воздействия со стороны социал-демократов. Очень многие рабочие стали даже переходить под идеологическое влияние чуждых пролетарскому социализму групп. Даже официальные органы «экономистов» отмечали эту опасную для социал-демократии тенденцию. В № 8 «Рабочей Мысли» один из рабочих корреспондентов писал:

«Может быть вам покажется смешным, что рабочие зачитывали до дыр народовольческую брошюру Кравчинского «Подпольная Россия» и жили вместе с ее героями, забывая всякие опасности и заботы настоящего».

Это письмо служит прекрасным образчиком широких политических настроений, существовавших среди рабочих.

Когда начались массовые студенческие выступления в Петербурге, в университетские помещения явились представители заводов, чтобы ознакомиться с характером требований студентов. Студенческому комитету одного из высших учебных заведений была передана записка от рабочих, которая весьма показательна:

«Мы, — гласила записка, — очень интересуемся из-за чего вы бунтуете, а понять не можем». Записка делает упрек студентам за то, что они не выпустили к рабочим листовок с разъяснением причин волнений. А в Киеве, когда в 1900 году начались демонстрации студентов, даже комитет «экономистов» вынужден был констатировать в прокламации «необычайный интерес рабочих масс к студенческим беспорядкам».

Положение России 900-х годов властно требовало крупных политических реформ, и более передовые, революционные, чуткие к голосу революции рабочие массы шли навстречу надвигающимся битвам. Это легко проследить на характере празднования 1 мая того времени. Во многих городах рабочие по собственному почину бросали работу и выходили на улицу. Харьковский механический завод в 1900 г. 1 мая бросил работу и увлек за собой рабочих булочного, типографского и других производств. 5.000 чел. устроили грандиозную демонстрацию по Конной улице. Когда полиция арестовала 150 чел. демонстрантов, толпа отказалась разойтись, пока все арестованные не были выпущены.

Разброд среди социал-демократов несколько обнадежил народовольческие группы. Они пытались использовать ревизионизм «экономистов», чтобы подчеркнуть полную несостоятельность марксизма. Ю. Стеклов, в брошюре «В ссылке и эмиграции» пишет об этом переходном периоде, когда началось усиление народничества. В своей агитации они так говорили:

«Вот, мол, до чего доходит ваш марксизм. Вот на что разменялось героическое движение. Разве это революционеры, разве это социалисты? А ведь они исходят из тех же марксистских утверждений. Да, в сущности говоря, они единственно настоящие

марксисты. Марксизм, социал-демократия — это и значит умеренность, крохоборчество, борьба за пятачок»...

«Экономисты», отказываясь от политической борьбы, давали народникам основание для заключения:

«Значит, эту борьбу должны взять на себя мы, наследники героического прошлого»... «Не подлежит сомнению, что политическая узость, проявленная значительной частью с.-д. в конце 90-х годов, была одним из факторов, способствовавших возрождению левого народничества и образованию партии социалистов-революционеров... Никогда бы партия эсеров не выросла так быстро и не увлекла в свои ряды стольких рабочих, если бы не политические промахи наших марксистов в период экономического направления». (С т е к л о в. «Борцы за социализм», т. II, стр. 292—293).

Так правильно заключает Ю. Стеклов.

Организовавшись в 1900 г. социалисты-революционеры, в своем манифесте писали, что в «деревне хотя и необходима революционная деятельность, но по тактическим соображениям (мы) будем стремиться концентрировать свои наличные силы в городах, главным образом ввиду большей культурности городского рабочего населения сравнительно с сельским и большей продуктивности работы в этой среде».

Очень много рабочих, разочаровавшись в постепеновщине «экономистов», переходили к террору, тем самым «благородное самопожертвование поднимающегося класса направлялось по ложному пути», писал Плеханов. Между прочим, в числе перешедших на сторону эсеров и увлекшихся террором в значительной степени под влиянием крохоборческой тактики «экономистов» и принижения ими задач борьбы социал-демократии были будущие виднейшие террористы партии эсеров — Б. Савинков, В. Балмашев, Е. Сазонов и Ив. Каляев.

Усиление этих вредных тенденций было приостановлено, когда на сцену борьбы организованно выступили ортодоксальные социал-демократы. Главную заслугу в этом деле сыграла «Искра», не оставившая в полемике с «экономистами» камня на камне от всех их теоретических, тактических и организационных взглядов.

Заканчивая характеристику экономизма, Ленин писал:

«Это — период разброда, распада, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью, с одной стороны, в произведениях г.г. Струве и Прокоповича, Булгакова и Бердяева [1]), с другой стороны — у В. И — на и Р. М. и у Б. Кричевского и Мартынова [2]). Но брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России, влияя в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и в других слоях населения. Сознательность же руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного подъема; среди социал-демократов преобладала уже другая полоса — полоса деятелей, воспитавшихся почти только на одной «легальной» марксистской литературе, а ее было тем более недостаточно, чем большей сознательности требовала от них стихийность массы. Руководители не только оказывались позади и в теоретическом отношении («свобода критики») и в практическом («кустарничество»), но пытались защищать свою отсталость всякими выспренними доводами. Социал-демократизм принижался до тред-юнионизма

[1]) «Легальные марксисты» в первый период своей деятельности.

[2]) Представители «экономизма».

и брентанистами легальной и хвостистами нелегальной литературы. Программа «Кредо» начинала осуществляться, особенно когда «кустарничество» социал-демократов вызвало оживление революционных не социал-демократических направлений». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 268.)

Из всего сказанного видно, насколько для господствующих классов выгоден известный тип политики рабочего класса, политики, которая ограничивается борьбой за смягчение капиталистической эксплоатации, а не ведет политической борьбы со всем эксплоататорским строем. Вот этот-то тип политики профессиональной, или тред-юнионистской, на русской почве и развивали русские экономисты [1]). На борьбу с этим направлением для организации борьбы рабочего класса на революционно-марксистских началах и создалась «Искра».

р) «ИСКРА»

К 1900 году, после четырехлетнего пребывания в ссылке возвратились Ленин и несколько деятелей Петербургского «Союза борьбы» — Мартов, Потресов и другие. В это время разрабатывался в узком кругу товарищей вопрос о создании руководящего центра российской социал-демократии. Известно, что еще в середине 90-х годов Ленин через «Рабочую Газету», издававшуюся в Киеве, изложил в ряде статей план организационного и идейного оформления складывавшейся партии. В этих статьях В. И. Ленин не предрешает вопроса, где должен находится организующий центр — в России или за границей. В начале 900-х годов мысль о заграничном центре берет у него верх. В мае 1900 г. в Пскове организуется совещание при участии Ленина, Мартова, Потресова, С. Н. Радченко; на совещании участвовали также

---

[1]) Вот, например, характерный документ одной созданной Зубатовым социал-демократической организации. В Вильне при помощи Зубатова и жандармского полковника Васильева была организована еврейская независимая рабочая партия бундовкой Марией Вильбушевич. Выдержка из воззвания этой «ЕНРП» показывает, как близки были идеи зубатовцев к идеям «экономистов».

«Мы полагаем:

а) что никакая теория не настолько могущественна и неопровержимо верна, чтобы давать право своим приверженцам вести бессознательную массу за собой к цели, которой масса не понимает,

б) что еврейский рабочий класс в настоящий момент требует хлеба и знаний, и что эти требования должны быть удовлетворены,

в) что преступно приносить в жертву материальные интересы рабочего класса таким политическим целям, которые в настоящее время ему еще чужды,

г) что рабочий, как всякий человек, имеет право быть сторонником, какой ему угодно политической партии...».

« ...2) Партия (евр. нез. раб.) в целом не выставляет политических вопросов и касается политических вопросов в той мере, поскольку они затрагивают повседневные интересы рабочих».

« ...4) Организация партии демократическая, т.-е. управляется снизу, а не сверху».

(В. Астров. «Экономисты» — предтечи меньшевиков», «Экономизм и рабочее движение в России на пороге XX века», стр. 124—125).

Туган-Барановский и Струве. На совещании Ленин набросал план работ будущей «Искры», которая должна была находиться в тесном блоке с группой «Освобождение Труда» за границей. После совещания Ленин и Потресов выехали за границу, и в декабре 1900 г. в Штутгарте, в Германии, выходит первый номер «Искры» (табл. 39); последняя скоро была переведена в Мюнхен. Газете оказали деятельную помощь германские социал-демократы Дитц, Леман и Клара Цеткин. Она набиралась деятелем социал-демократии Блюменфельдом. Он же вместе с Н. Бауманом ввез в Россию первый номер «Искры» в чемодане с двойным дном. Газета выходила от имени революционной организации «Социал-демократ». В редакцию «Искры» входили Ленин, Плеханов, Мартов, Потресов, Засулич и Аксельрод.

«Искра» и «Заря» по мысли инициаторов должны были явиться не только литературным учреждением, но и центром, вокруг которого должна была складываться русская социал-демократическая партия. В письме к X, опубликованном в первом ленинском сборнике, Ленин так определил роль этой группы:

«Как литературное предприятие оно должно мобилизовать все лучшие литературные силы... как иное оно должно теперь же утилизировать имеющиеся... силы».

Это место, как правильно отмечает редакция Ленинского сборника № 1, намекает на то, что «Искра» по плану Владимира Ильича должна была быть не только литературным предприятием, но и практически организующим центром партии. Ленин был не только инициатором этого объединения, но и самым последовательным и самым блестящим деятелем его. Остальные литературные силы отводили «Искре» далеко не ту роль, какую отводил ей Ленин. В своих интересных воспоминаниях об этом периоде Н. К. Крупская пишет:

«Они (т.-е. Засулич, Плеханов, Аксельрод) первое время не придавали особого значения «Искре», совершенно не дооценивали той организаторской роли, которую она могла сыграть и сыграла. Их гораздо больше интересовала «Заря». «Глупая ваша «Искра», говорила вначале шутя Вера Ивановна. Это, конечно, была шутка, но в ней сквозила известная недооценка всего предприятия». (Ленинский сборник № 3, стр. 37.)

«Искра» вызвала сопротивление со стороны русских оппортунистов, которые противились созданию единой крепкой социал-демократической партии.

Группа «Рабочего Дела» усмотрела в характере пропагандистской и агитационной работы «Искры» и «Зари» попытки противопоставления маленькой литературной группы всему социал-демократическому движению. Устами Кричевского «Рабочее Дело» в № 10 заявило, что

«Искра» переворачивает вверх ногами отношение, которое нормально должно существовать между партийной газетой и партийной организацией... «Социал-демократическая партия вырастает не на «заговорщической основе», а «только снизу, из местных организаций и объединений... Газета не может создавать партийную организацию, наоборот, последняя создает газету»...

Другой редактор «Рабочего Дела» Мартынов в том же № 10 писал:

«...а если бы план «Искры» был приведен в исполнение, он привел бы к полному вытравлению следов складывающейся у нас Российской социал-демократической рабочей партии».

А «Бунд», против националистических уклонов которого «Искра» с первых же номеров повела решительную борьбу через свой центральный комитет, высокомерно и самодовольно заявил, что он весьма сомневается в принадлежности к социал-демократической партии литераторов, группирующихся вокруг «Искры», ибо «других данных, кроме заголовка на их издании, покамест не существует». (Письма ЦК Бунда в редакцию «Искра», 8—10 сентября 1901 г.)

Буквально все оппортунисты, с которыми повела борьбу «Искра», придерживались заявления Мартынова, что «Искра» должна «органически войти в партию, а не противопоставлять себя ей как верховная инспекция». («Рабочее Дело», № 10.)

Почему «Искра» вызвала против себя недовольство «рабочедельцев», «экономистов», «бундовцев» и других? Потому, что каждым своим номером «Искра» действительно создавала вокруг себя партию, переносила в ряды местных организаций элементы принципиальной социал-демократической устойчивости, поднимала рабочее движение до уровня социал-демократической политики и совсем кругом идей экономистов вела решительную борьбу. Современник этой борьбы Лядов М. Н. так резюмирует роль «Искры»:

«Отмежевывались от нее те не пролетарские элементы и торопливо группировались под свои собственные знамена... «Искра» доказала, что пролетариат может бороться за общенародные требования, не отказываясь, не затушевывая своих классовых задач... Другими словами, «Искра» на деле доказала возможность и необходимость для русского пролетариата итти... в авангарде русской революции... «Искра» выяснила пролетариату эту роль и тем... способствовала образованию массового социал-демократического движения... В настоящем смысле слова, партийная жизнь... в местных организациях... начала складываться по мере признания отдельными организациями идей, тактики и организационного плана «Искры». «Искра» постепенно завоевывала одну позицию за другой и параллельно с этим вытесняла кустарничество, кружковщину и идейный разброд, выражавшийся в преклонении перед беспринципностью в теории и стихийностью в практической работе...» («Как начала складываться РКП», стр. 432—433, изд. 1924 года.)

Если таков был итог блестящей работы «Искры» и «Зари», нет ничего удивительного в том, что для тех практиков, высшим социал-демократическим идеалом которых являлись аполитическое рабочее движение, гегемония буржуазии в политической борьбе, кустарничество и разброд в социал-демократической организации, весь строй идей «Искры» и «Зари» был не по душе.

c) ВОПРОС О РОЛИ ТЕОРИИ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

Так как под видом «свободы критики» «экономисты» пытались исказить, принизить, опошлить не только практику рабочего движения, не только организационные принципы революционной пролетарской партии, не только ее тактику, но и самые основы марксизма, самые основы революционной теории, то пришлось прежде всего обратить внимание на то, чтобы выяснить перед рабочим классом роль теории, роль продуманной до конца пролетарской идеологии [1]).

---

[1]) В. И. Ленин писал в «Что делать?»:

«Свобода — великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается в современном употреблении слова «свобода критики». Люди,

«Экономисты», упростив цели рабочего движения, тем самым должны были отказаться от задач создания социал-демократической партии. Все попытки ускорить создание единой партии объявлялись ими продуктом вредного переноса на русскую почву опыта западно-европейского рабочего движения. А ссылка на различие социальных и политических отношений России и Запада, казалось, полностью говорила в пользу «экономистов». На самом же деле и здесь, как и во всех других воззрениях, они последовательно проводили бернштейнианство в рядах социал-демократии. Именно потому, что проповедь «экономистов» ничего общего с пролетарским социализмом не имела, а являлась в своем чистом виде буржуазным либерализмом в рабочем движении, она встретила, с одной стороны, решительную критику со стороны «Искры», а с другой — не менее решительную похвалу со стороны русских либералов. Когда усилилось влияние на практику рабочего движения «экономистов», журнал русского либерализма «Освобождение», руководимый Струве, писал в № 9:

«Либерализм и социализм никоим образом нельзя отделять друг от друга или даже противопоставлять один другому: по своему основному идеалу они тождественны и неразрывны. Социализм не угрожает опасностью либерализму, как этого опасаются многие; он приходит не разрушать, а исполнить заветы либерализма».

Разумеется, если под социализмом понимать идеал «экономистов», а под социал-демократией то же самое, то «Освобождение» ничего не преувеличивает и не искажает в этой выписке. «Экономисты» действительно явились не разрушать, а исполнять заветы либерализма. Здесь оценка дана исчерпывающая. Но к счастью эта оценка социализма со стороны либералов оправдывалась практикой и идеологией «экономизма», но отнюдь не революционной социал-демократии. Когда последняя выступила с пропагандой идей о пролетариате-гегемоне в русской революции, либералы группы «Освобождение» вынуждены были изменить свое мнение о социализме и запеть другую песню.

«Экономисты» решительно восстали против требования «Искры» при создании партии руководиться теоретической марксистской непримиримостью и последовательностью ее членов. «Экономисты» отрицали всякую роль теории в классовой борьбе пролетариата и боролись против ортодоксальной марксистской интеллигенции. Так как ортодоксальная марксистская интеллигенция являлась той силой, которая способна была дать рабочему классу в разработанном виде революционную теорию борьбы, помочь ему в выработке и усвоении этой теории, так как «экономисты» прямо пренебрегали теорией научного социализма, относительно которого их духовный вождь Бернштейн был того мнения, что социализм как наука невозможен, то «Рабочая Мысль» так и ставит вопрос — «рабочее движение в той мере становится классовым и само-

---

действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений, на-ряду со старыми, а замену последних первыми. А современные выкрикивания «Да здравствует свобода критики» слишком напоминают басню о пустой бочке». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 122—123.)

стоятельным», в какой оно вырывает из рук руководителей это движение». «Искра» поэтому должна была выступить с решительной критикой этих взглядов и подчеркнуть важную роль социал-демократических вождей и теоретиков в рабочем движении.

«Там, где общественные отношения не стоят на одном месте, — писал Плеханов,— задача передовых личностей, а следовательно и передовых партий, заключается прежде всего в содействии тому чрезвычайно важному по своим практическим последствиям процессу, благодаря которому сознание массы приходит в соответствие с ее положением... революционеры обязаны содействовать росту революционного сознания в массе, обязаны стать акушерами ее революционной мысли... без наших рассуждений понятны и доступны массе именно ее ближайшие экономические интересы... нет такого рабочего, который не понимал бы, что высокая заработная плата лучше низкой...» (Плеханов, т. XII, стр. 76).

В другом месте, возвращаясь к оценке Парижской Коммуны в статье «Мартовские Иды» Плеханов высказывал приблизительно те же мысли. (Там же, стр. 335.)

«Искра» и «Заря» почти в каждом номере возвращались к мысли об исключительном значении теории. Уже в первом номере «Искры» было объявлено, что последние годы требуют «зоркого внимания к теоретической стороне революционного движения пролетариата». Как раз к 900-м годам в Западной Европе так же, как и в России, усилилась критика марксизма, его теория объявлялась несостоятельной, и политический смысл этой «критической» полосы заключался в том, чтобы вытравить революционное содержание из рабочего движения. Ленин писал тогда, развивая мысль Энгельса, о том, что «социализм с тех пор, как он стал наукой, требует, чтобы с ним обращались, как с наукой, т.-е. чтобы его изучали».

«Без революционной теории не может быть и революционного движения... для русской социал-демократии значение теории усиливается тремя обстоятельствами... в о-п е р в ы х, тем, что наша партия только еще складывается, только еще вырабатывает свою физиономию и далеко еще не закончила счетов с другими направлениями революционной мысли, грозящими совлечь движение с правильного пути;... в о-в т о р ы х, социал-демократическое движение международно по своему существу. Это означает, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран... в-т р е т ь и х, национальные задачи русской социал-демократии таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 135.)

Выдвигая на передний план роль теории в социал-демократическом движении, «Искра» была верна заветам Маркса и Энгельса, которые в этом движении различали три фронта борьбы: «политический, экономический и теоретический».

Без такой теоретической борьбы происходит подчинение рабочего класса буржуазной идеологии и гибель для революционного движения. Почему же именно происходит это подчинение? На это Ленин отвечает:

«По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает неизмеримо большими средствами распространения. И чем моложе социа-

листическое движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить не социалистическую идеологию... рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология, тем не менее, стихийно всего более навязывается рабочему». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 150.)

Так ставила «Искра» вопрос о роли теории в социал-демократическом движении. Эта роль придает принципиальную устойчивость партии и тем самым служит противоядием, предохраняет ее от влияния чуждой идеологии. Борьба за чистоту теории диктовалась не только специальными задачами, которые должны были быть разрешены складывавшейся партией. Создание партии могло произойти после окончательного разоблачения русского «экономизма», ибо, как говорит Плеханов,

«представители узкого и грубого «экономизма» в нашем движении ищут себе теоретической поддержки на западе в воззрениях тех «критиков» марксизма, знаменосцем и глашатаем которых выступил Бернштейн». (Плеханов. Собр. соч., т. XII, стр. 519.)

т) ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВЗГЛЯДЫ «ИСКРЫ»

«Создание крепкой, стройной, единой и нераздельной организации русских социал-демократов составляет теперь самую насущную изо всех стоящих перед нами ближайших практических задач. Отсутствие такой организации уже нанесло нам много вреда... Мы должны... иметь нравственное мужество громко высказать сознанную нами горькую истину: жизнь далеко опередила нас. Это большая беда для такой партии, которая, подобно нашей, хочет и должна руководить самыми передовыми течениями жизни», писал Плеханов в статье «Что же дальше». (Т. XII, стр. 165.)

«Если в... борьбе за политическую свободу — наши рабочие, в среде которых уже пробуждается классовое самосознание, выступят вассалами других, чуждых им, партий, то от этого не выиграет никто, кроме буржуазии. Пусть же идеологи буржуазии и стараются направить рабочих на этот путь. Мы, социал-демократы, постараемся повести их по-другому.

Наша партия, не имеющая решительно никакой склонности к самоубийству, возьмет на себя почин борьбы с абсолютизмом, а следовательно, и гегемонию в этой борьбе»... (Плеханов. «Еще раз социализм и политическая борьба», т. XII, стр. 101.)

«Нам надо позаботиться только о том, чтобы... оппозиционные слои нашего общества не подчинили нас своему влиянию и руководству. (Там же, стр. 100.)

Выписки эти можно и дальше увеличить, но и приведенные ярко оттеняют позицию «Искры» первого периода. В борьбе с самодержавием единственным непримиримым врагом может явиться только рабочий класс, хотя против самодержавия поднялась оппозиция и других классов. Рабочий класс должен стать гегемоном этой борьбы и распространять свое влияние на все оппозиционные круги русского общества. Полный успех этой борьбы связан с созданием социал-демократической партии, которая должна отстаивать интересы рабочего движения в целом, а не отдельных его частей.

Таким образом мысли об организации партии находятся в прямой зависимости от намеченного пути развития русской революции, или, как говорит Плеханов:

«Русская социал-демократическая партия возьмет на себя инициативу в борьбе с абсолютизмом, и она нанесет ему смертельный удар, опираясь на более или менее энергичную, прямую или косвенную поддержку всех тех элементов, на которые давит теперь тяжелое неуклюжее здание неограниченной монархии». (Плеханов. Собр. соч., т. XII, стр. 66.)

Этой основной политической задаче были подчинены взгляды на характер и тип строительства Российской социал-демократической рабочей партии, отстаиваемые «Искрой». В первоначальном виде, однако, организационные взгляды «Искры», как это отмечает в предисловии к «ленинскому сборнику» № 3 Л. Б. Каменев, были развиты Владимиром Ильичем Лениным еще в 1899 году, в статьях, предназначенных для «Рабочей Газеты». Четыре статьи Ленина: «Письмо к редакторской группе», «Наша программа», «Наша ближайшая задача», «Насущный вопрос», опубликованные в «Ленинском сборнике № 3» (стр. 7—33), не оставляют на этот счет никакого сомнения.

Тов. Каменев совершенно прав в замечании, что от «блестящего памфлета Плеханова (тов. Каменев имеет в виду «Вademекум») работы Ленина отличаются глубокой связью с практическими задачами подлинного рабочего движения, как оно развивалось в России, и наличностью глубоко продуманной положительной программы воссоздания революционной пролетарской партии, целиком воплощенной в 1900—1903 г.г.».

В самом деле. В «Письме к редакционной группе» Ленин возражает против «очень оптимистических взглядов», будто «в полемике против бернштейниады и ее русских отражений (Ленин имеет в виду «экономистов». Ред.) нет особенной нужды». В. И. Ленин приводит ряд фактов, в том числе и известное заявление Бернштейна о согласии с ним «большинства русских социал-демократов».

В статье «Наша программа» В. И. Ленин, предвидя будущие вопли «рабочедельцев» о том, что «мы хотим превратить социалистическую партию в орден «правоверных», преследующих «еретиков», предсказывает, что «русская социал-демократия встанет во главе всех борцов за демократию и тогда она станет непобедимой».

В статье «Наша ближайшая задача» В. И. Ленин набрасывает положение будущей организации партии:

«Русская социал-демократия сделала много для критики старых и новых социалистических теорий»; она не ограничилась одной критикой и теоретизированием; она доказала, что ее программа не висит в воздухе, а идет навстречу широкому стихийному движению в народной среде, именно в фабрично-заводском пролетариате; ей остается теперь сделать следующий, особенно трудный, но зато и особенно важный шаг: выработать приспособленную к нашим условиям организацию этого движения»...

Какие же вопросы стоят перед революционной социал-демократией на-первых порах?

«Два главных вопроса выдвигаются при постановке такой задачи с особенной силой: 1) как совместить необходимость полной свободы местной социал-демократической деятельности с необходимостью образовать единую — и, следовательно, централистическую — партию? 2) как совместить стремление социал-демократии стать революционной партией, которая ставит главною своею целью борьбу за политическую свободу, с тем, что социал-демократия решительно отказывается «звать рабочих на баррикады» (по верному выражению П. Б. Аксельрода) или вообще навязывать рабочим тот или иной «план» атаки на правительство, сочиненный компанией революционеров?

Русская социал-демократия имеет полное право считать, что теоретическое решение этих вопросов она дала. Дело идет теперь о практическом решении этих вопросов. Такое решение не может быть дано отдельным лицом или отдельной группой — его может дать только организованная деятельность всей социал-демократии. Мы думаем, что в настоящее время самая насущная задача состоит в том, чтобы взяться за решение этих вопросов, и что для этого мы должны поставить своей ближайшей целью организацию правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии. «Без такого органа местная работа останется узким «кустарничеством»... Образование партии, если не организовано правильное представительство этой партии в известной газете, останется в значительной степени одним словом». И здесь намечаются основы тактики, программа работы: в заговоры мы не верим, от единичных революционных предприятий разрушить правительство мы отказываемся; практическим лозунгом нашей работы служат слова ветерана германской социал-демократии Либкнехта: учиться, пропагандировать, организовать, и центральным пунктом этой деятельности может и должен быть только орган партии.

В последней статье «Насущный вопрос» В. И. Ленин, развивая настойчиво те же мысли о необходимости создания центрального органа партии как организующего центра, почти в тех же выражениях, как впоследствии в «Что делать?», отстаивает необходимость довести революционную организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства, так, чтобы отдельные члены партии или отдельные группы членов специализировались на отдельных сторонах партийной работы... Уже приведенные выдержки названных четырех статей Ленина, написанных им в ссылке, подтверждают вывод т. Каменева, что Владимир Ильич приехал в 1900 г. за границу и вступил в переговоры с группой «Освобождение Труда», имея вполне до конца и всесторонне продуманный организационный план восстановления и работы партии на ряд ближайших лет [1]).

Вот почему, когда Владимир Ильич Ленин уже в первом номере «Искры» в статье «Насущные задачи нашего движения» (Собр. соч., т. IV, стр. 13) набра-

---

[1]) «Рабочая Газета» должна была быть, по постановлению I съезда центральным органом партии. Известно, однако, что весь материал, подготовленный к выходу органа, был арестован вместе с типографией. Попытки Бунда восстановить газету под редакцией Владимира Ильича не увенчались успехом. Ред.

сывал первоначальный организационный проект будущей социал-демократической партии, систематизированный им впоследствии в более развитом виде в замечательной работе «Что делать?», он только продолжал работу, начатую еще в период «Рабочей Газеты». В. И. Ленин писал:

«Оторванное от социал-демократии рабочее движение мельчает и необходимо впадает в буржуазность. Ведя одну экономическую борьбу, рабочий класс теряет свою политическую самостоятельность, становится хвостом других партий... Поэтому перед пролетариатом выдвигается задача организации сильной политической партии для решительной борьбы с самодержавием, ибо «без такой организации пролетариат не способен подняться до сознательной классовой борьбы, без такой организации рабочее движение осуждено на бессилие и... ему никогда не удастся исполнить лежащую на нем великую историческую задачу освободить себя и весь русский народ от его политического и экономического рабства». (Ленин. Собр. соч., т. IV, стр. 14.)

Здесь же намечается план

«выдвижения политических вождей», «подготовка людей, посвящающих революции не одни свободные вечера, а всю свою жизнь», «подготовка организации настолько крупной, чтобы в ней можно было провести строго разделенный труд между различными видами работы». Создание такой организации с кадром профессиональных революционеров, со строгим разделением труда... имеет то решающее значение, что только ею рабочий класс может подняться во главе демократических элементов и сбросить иго самодержавия; и, наконец, только при крепкой организованной партии отдельная стачка может превратиться в политическую демонстрацию, в политическую победу над правительством. «При крепкой организованной партии восстание в отдельной местности может разрастись в победоносную революцию». (Там же, т. IV, стр. 15.)

«Работа над созданием крепкой дисциплинированной партии» — так определяет «Искра» первоочередную задачу для местных социал-демократов. Но как должна строиться эта организация? На какой основе восстановить партию? Кого в ней объединить? Всякий ли, считающий себя социал-демократом, может быть принят в партию? В этих вопросах «Искра» неизменно руководилась великим организационным принципом Лассаля, который был изложен последним в письме к Марксу, — «Партия укрепляется тем, что очищает себя». Этот лассалевский принцип стал организационным лозунгом «Искры».

Вот почему, когда оппортунисты увидели в централистских стремлениях «Искры» опасность для своей кустарнической работы и покушение на «свободу критики», Плеханов объяснял им:

«Когда говорят, что социал-демократия должна обеспечить своим членам полную свободу мнений, то забывают, что политическая партия совсем не академия наук... Свобода мнений в партии может и должна быть ограничена именно потому, что партия есть союз, свободно составляющийся из единомышленников. Как только единомыслие исчезает, расхождение становится неизбежным. Навязывать партии во имя свободы мнений таких членов, которые не разделяют ее взглядов, значит стеснять ее свободу выбора и мешать успеху ее действий[1]). (Плеханов, т. XII, стр. 455.)

[1]) Разрядка Плеханова.

Здесь ставится вопрос об организации будущего состава партии. Тот, кто во имя так называемой «свободы мнений» пожелает войти в партию для пропаганды оппортунистических взглядов, должен встретить закрытые двери партии, ибо это единственный путь, обеспечивающий партии «с в о б о д н ы й в ы б о р п у т и р а б о т ы».

«Любители товарищеской полемики» охотно распространяются... на тему о «с в о б о д е м н е н и й». «Социал-демократия не может ограничивать права критики», говорят они. И это, конечно, верная мысль, но применяется она в данном случае совершенно неправильно... Если бы социал-демократия с презрением выбросила из своих рядов г. Б е р н ш т е й н а, то этот факт, последствия которого наверное были бы для нее очень полезны, нисколько не помешал бы ей оставаться в е р н е й ш е й з а щ и т н и ц е й с в о б о д ы м ы с л и и с л о в а. Свобода мысли и слова обеспечивается вовсе не тем, что люди противоположных мнений мирно уживаются в рядах одной и той же партии, а тем, что законы страны дают в с е м п а р т и я м право думать все, что они хотят, и говорить все, что они думают. Выбросив из своих рядов г. Бернштейна или какого-нибудь другого ревизиониста, договорившегося до буржуазных теорий, немецкая социал-демократия отнюдь не посягнула бы этим на непререкаемое право этого господина критиковать какие ему угодно воззрения. Она только воспользовалась бы своим собственным правом принимать в свою среду только людей, признающих ее собственные взгляды». (П л е х а н о в, т. XII, стр. 454—555.)

Именно поэтому, когда редакционная группа «Искры» (Плеханов, Ленин, Мартов, Аксельрод, Засулич, Потресов) выпустила коллективное объявление об издании «Искры», она писала:

«Идейное объединение русских социал-демократов еще надо выработать, для чего необходимо, по нашему мнению, открытое и всестороннее обсуждение основных принципиальных и тактических вопросов, поднятых современными «экономистами», бернштейнианцами и «критиками», п р е ж д е ч е м о б ъ е д и н я т ь с я... м ы д о л ж н ы с н а ч а л а р е ш и т е л ь н о и о п р е д е л е н н о р а з м е ж е в а т ь с я. Иначе наше объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд и мешающей радикальному устроению». (Л е н и н. Собр. соч., т. IV, стр. 8.) [1]).

---

[1]) «Объединение революционеров н е с о с т а в л я е т н е о б х о д и м о г о у с л о в и я и х у с п е х а... в революционном деле д о б р а я с с о р а и н о г д а б ы в а е т л у ч ш е х у д о г о м и р а, и... о б ъ е д и н е н и е р е в о л ю ц и о н н ы х с и л п о л е з н о н е в с е г д а, а т о л ь к о п р и и з в е с т н ы х у с л о в и я х». (П л е х а н о в, т. XII, стр. 104.)

«Кроме тех принципов, которые... представляют собой формулировку и обоснование конечной цели социализма, существуют еще те принципы, на которые опирается тактика борьбы за эту цель. Люди, не согласные между собою в этих последних, не могут итти вместе, как бы ни было велико их единомыслие в том, что касается общих положений социализма... единомыслие по вопросу о конечной цели не может считаться условием д о с т а т о ч н ы м для объединения практических борцов под знаменем одной партии... классовая борьба пролетариата с буржуазией предполагает развитие классового самосознания рабочих. Поэтому нельзя считать истинными сторонниками классовой борьбы таких людей, которые навязывают рабочей партии тактику, не только не развивающую это самосознание, но прямо затемняющую его. При этом почти все равно, почему именно эти люди придерживаются такой вредной тактики — потому ли, что они обманываются сами или же потому, что им хочется обмануть других. Главное дело в том, что они в своей практической политике стремятся повернуть назад движение пролетариата. С такими людьми... революционная социал-демократия не может иметь ничего общего...» (П л е х а н о в, т. XII, стр. 127—128.)

В вопросе о составе будущей социал-демократии в группе «Искра» на первых порах не было споров. Как раз «экономисты», которые под давлением «Искры» все более и более отодвигались от практического руководства местными организациями их направления, пошли навстречу объединительным попыткам «Искры», но выставили как непременное условие восстановления партии «свободу критики», свободу вхождения в партию всех, стоящих на платформе защиты интересов рабочего класса. Не всякий, стоящий на последней платформе, может явиться, по мнению «Искры», социал-демократом. Социал-демократом может явиться лишь тот, кто в теории является последовательным марксистом, а на практике отстаивает интересы рабочего движения в целом. Тот, кто подлаживается под интересы отсталых групп рабочего класса, тот, кто ближайшую борьбу рабочего класса с господствующим классом — экономическую—упрощенно объявляет единственной и решающей для социал-демократической практики, предает интересы рабочего класса в целом.

Сама организация социал-демократии должна быть строго централизованной и конспиративной. Прежние революционные группы («Земля и Воля», «Народная Воля») исходили из несостоятельных теоретических посылок об общине и крестьянстве и тем самым обрекали свое дело на гибель, но они дали великий пример объединения своих сил, позволивший даже при неправильных теоретических воззрениях и при громадной трудности работы в условиях полицейского государства делать подлинные чудеса. Организационный опыт этих революционных групп должен быть, по мнению «Искры», использован русской социал-демократией.

Русские критики и бернштейнианцы обвинили «Искру» за эти взгляды в «народовольчестве». Ленин по этому поводу писал:

«Нам это обвинение, разумеется, было только лестно, ибо, какого же порядочного социал-демократа не обвиняли «экономисты» в народовольчестве? Вызываются эти обвинения недоразумениями двоякого рода — во-первых, у нас так плохо знают историю революционного движения, что называют «народовольчеством» всякую идею о боевой централизованной организации, объявляющей решительную войну царизму. Но та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а землевольцами... Таким образом видеть в боевой революционной организации что-либо специфически «народовольческое» нелепо и исторически и логически, ибо всякое революционное направление, если оно действительно думает о серьезной борьбе, не может обойтись без такой организации. Не в том состояла ошибка народовольцев, что они постарались привлечь к своей организации всех недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием. В этом состоит, наоборот, их великая историческая заслуга. Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества. (Разрядка наша. Ред.). И только самое грубое непонимание марксизма... могло породить мнение, что возникновение массового стихийного рабочего движения избавляет нас от обязанности создать такую же хорошую орга-

низацию, какая была у землевольцев, создать еще несравненно лучшую организацию революционеров. Напротив, это движение именно возлагает на нас эту обязанность, ибо стихийная борьба пролетариата и не сделается настоящей «классовой борьбой» его до тех пор, пока эта борьба не будет руководима крепкой организацией революционеров. Во-вторых... многие неправильно понимают ту полемику против «заговорщического» взгляда на политическую борьбу, которую вели всегда социал-демократы... Мы восставали и всегда будем, конечно, восставать против сужения политической борьбы до заговора, но это, разумеется, вовсе не означало отрицания необходимости крепкой революционной организации...» (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 228—229.)

Г. В. Плеханов также выставлял как организационный идеал социал-демократии централизованную организацию революционеров 70-х годов. (См. статью «Новое вино в старых мехах», т. XII, стр. 121.)

Таким образом «Искра» отстаивала форму организации максимально централистическую, дисциплинированную, сильную конспиративной техникой. Конечно, эта идея «Искры» со стороны «экономистов» подверглась таким же нападкам, как и вообще вся работа «Искры». Такая организация должна сильнейшим образом отличаться от массовых рабочих организаций, ибо

« ...политическая борьба социал-демократии гораздо шире и сложнее, чем экономическая борьба рабочих с хозяевами». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 209.)

«Организация рабочих должна быть, во-первых, профессиональной; во-вторых, она должна быть возможно более широкой, в-третьих, она должна быть возможно менее конспиративной... Наоборот, организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности... Перед этим общим признаком членов такой организации должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов, не говоря уже о различии отдельных профессий тех и других. Эта организация необходимо должна быть не очень широкой и возможно более конспиративной». (Там же, т. V, стр. 210.)

«Без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей, — без членов, «профессионально занимающихся революционной деятельностью», не может быть создана крепкая организация революционной социал-демократии». (Там же, т. V, стр. 220.)

«Без «десятка» талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса...» (Там же, т. V, стр. 217.)

Особенно же В. И. Ленин отстаивал «престиж революционера» и его революционное достоинство.

«Основной наш грех в организационном отношении, — писал он, — что мы своим кустарничеством уронили престиж революционеров на Руси».

«Дряблый и шаткий в вопросах теоретических, с узким кругозором, ссылающийся на стихийность массы в оправдание своей вялости, более похожий на секретаря тред-юниона, чем на народного трибуна, не умеющий выдвинуть широкого и смелого плана, который бы внушил уважение и противникам, неопытный и неловкий в своем профессиональном искусстве — борьбе с политической полицией. — Помилуйте! Это не революционер, а какой-то жалкий кустарь». (Там же, т. V, стр. 222.) [1]).

[1]) Зато с какой любовью относится всегда Ленин к таким профессиональным революционерам, как Бабушкин или Свердлов! Ленин сам был лучшим типом профессионального революционера. Ред.

1. Разделение труда в организации

Требуя от профессионального революционера, чтобы он обладал широким пониманием задач партии, был стойким и выдержанным в вопросах теории, энергичным и смелым в постановке плана борьбы и работы, внушал бы уважение своим противникам, изучил все способы борьбы с врагом, Ленин проводил в то же время взгляд на необходимость в целях экономии сил целесообразного использования способностей каждого товарища и придания стройности организации, определенного разделения труда.

«Активное участие самой широкой массы в нелегальной литературе, — писал он, — не уменьшится, а вдесятеро у с и л и т с я от того, что «десяток» профессиональных революционеров централизуют конспиративные функции этого дела. Так и только так мы добьемся того, что чтение нелегальной литературы, сотрудничество в ней, отчасти даже и распространение ее п о ч т и п е р е с т а н у т б ы т ь к о н с п и р а т и в н ы м д е л о м, ибо полиция скоро поймет нелепость и невозможность судебной и административной волокиты по поводу каждого экземпляра из разбрасываемых тысячами изданий. И это относится не только к печати, а и ко всем функциям движения вплоть до демонстрации. Самое активное и самое широкое участие в ней массы не только не пострадает, а, напротив, много выиграет от того, что «десяток» испытанных, профессионально вышколенных, не менее нашей полиции, революционеров централизуют все конспиративные стороны дела, подготовление листков, выработку приблизительного плана, назначение отряда руководителей для каждого района города, для каждого фабричного квартала, для каждого учебного заведения и т. п... централизация наиболее конспиративных функций организацией революционеров не обессилит, а обогатит широту и содержательность деятельности целой массы других организаций, рассчитанных на широкую публику и потому возможно менее оформленных и возможно менее конспиративных: и рабочих профессиональных союзов, и рабочих кружков самообразования, и чтения нелегальной литературы, и социалистических, а также демократических кружков во **всех** других слоях населения и пр. и пр.». (Л е н и н. Собр. соч., т. V, стр. 221.)

В партии достаточно было невыявленных еще организаторских талантов, которые могли бы взять на себя эту с е р ь е з н у ю и в а ж н у ю задачу правильной организации, правильной расстановки людского материала, распределения его по организации. Надо было о р г а н и з о в а т ь эти силы. Поэтому В. И. Л е н и н писал:

« ...Для того, чтобы собрать воедино все эти мелкие дроби и для того, чтобы не раздробить вместе с функциями движения самого движения, и для того, чтобы внушить исполнителю мелких функций ту веру в необходимость и значение его работы, без которой он никогда не будет работать — для всего этого необходима именно крепкая организация испытанных революционеров». (Там же, т. V, стр. 223).

2. О демократическом централизме «Искры»

Организация партии, отстаиваемая «Искрой», должна была действовать в условиях самодержавного произвола. Чем более препятствий было расставлено по пути организации социал-демократической партии, тем централистичнее, тем более конспиративной должна она быть [1]). В таких условиях п р о-

[1]) Задолго еще до этого в цитированной уже статье «Насущный вопрос» для «Рабочей Газеты» Ленин писал:

«Против маленьких групп социалистов, ютящихся по широкому русскому подполью, стоит гигантский механизм могущественнейшего современного государства, напрягающего

ведение широкого демократического принципа было бы прямо вредно. Теперь это совершенно ясно, а тогда это надо было доказывать. «Экономисты» вопрос о демократизме в организации выдвигали как принципиальный. Он действительно был принципиальным вопросом. Но «экономисты» просто прикрывали им свою боязнь централизованной партии. На II съезде партии, где мы увидим уже новую расстановку фигур, меньшевики (а в месте с ними и т. Троцкий) изображают себя ярыми сторонниками «демократического принципа» в организации против, якобы, «заговорщиков»-большевиков.

По мнению Ленина,

«всякий согласится, вероятно, что «широкий демократический принцип» включает в себя два следующие необходимые условия: во-первых, полную гласность и, во-вторых, выборность всех функций. Без гласности смешно было бы говорить о демократизме и притом такой гласности, которая не ограничивалась бы членами организации».

Ленин приводит примеры демократической организации — немецкую социалистическую партию, где

«все делается открыто, вплоть до заседаний партийного съезда, но никто не назовет демократической организацией—такую, которая закрыта от всех не-членов покровом тайны. Спрашивается, какой же смысл имеет выставление «широкого демократического принципа», когда основное условие этого принципа неисполнимо для тайной организации? «Широкий принцип» оказывается просто звонкой, но пустой фразой...» Не лучше дело обстоит с выборностью. «В странах с политической свободой это условие подразумевается само собой... Всеобщий (в буквальном смысле слова) контроль за каждым шагом человека партии на его политическом поприще создает автоматически действующий механизм, дающий то, что называется в биологии «выживанием наиболее приспособленных». «Естественный отбор» полной гласности, выборности и всеобщего контроля обеспечивает то, что каждый деятель оказывается, в конце концов, «на своей полочке», берется за наиболее подходящее его силам и способностям дело, испытывает на себе самом все последствия своих ошибок и доказывает перед глазами всех свою способность сознавать ошибки и избегать их. Попробуйте-ка вставить эту картину в рамки нашего самодержавия! Мыслимо ли у нас, чтобы все... контролировали каждый шаг революционера-конспиратора? Чтобы все они выбирали из числа последних того или другого, когда революционер обязан в интересах работы скрывать от 9/10 этих «всех», кто он такой... «Широкий демократизм» партийной организации в потемках самодержавия, при господстве жандармского подбора, есть лишь пустая и вредная игрушка...». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 231.)

Партия создается на основе строгой конспиративности и централизованности, ибо к этому она обязывается самодержавным государством. Сверн у тый демократизм таким образом вырастает из естественных условий политической жизни России. Он в известный период облегчает дело организации партии и тем самым помогает охватить своим влиянием и руководством рабочий класс. Важно для рабочего класса — выступление партии на арену политической борьбы и руководство соци-

---

все силы, чтобы задавить социализм и демократию. Мы убеждены, что мы сломим, в конце концов, это полицейское государство... но, чтобы вести систематическую борьбу против правительства, мы должны довести революционную организацию до высшей степени совершенства». («Ленинский сборник». № 3, стр. 26.)

альной борьбой рабочего класса. Партия оказывается способной на это при полицейских преследованиях царского режима, при свернутом демократизме организации; тем самым свернутый демократизм партийной организации находит свое оправдание. Между тем,

«широкий демократический принцип облегчает только полиции широкие провалы и увековечивает царящее в ней кустарничество, отвлекает мысль практиков от серьезной настоятельной задачи—вырабатывать из себя профессиональных революционеров — к составлению подробных «бумажных» уставов «о системах выборов». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 233).

Именно поэтому «Искра» осуждает этот принцип и требование его объясняет тем, что

«только за границей, где нередко собираются люди, не имеющие возможности найти себе настоящего живого дела, могла кое-где, и особенно в разных мелких группах, развиться эта «игра в демократизм». (Там же, т. V, стр. 233.)

На местах, в России, комитеты быстро усвоивали на опыте работы необходимость полного претворения в жизнь организационных взглядов «Искры». Комитеты один за другим так именно и перестраивали свои организации, и число сторонников «Искры» неудержимо росло. Каким же путем можно было создать такую организацию партии, которая немедленно стала бы играть огромную роль в политической жизни России? Как покончить с кустарничеством в работе местных организаций и перейти на путь широкой партийной и политической жизни? С чего начать?

3. Газета — организующий центр

«Искра» на эти вопросы устами Ленина дает такой ответ:

«Живую политическую работу можно начать в наше время принижения социал-демократических задач исключительно с живой политической агитации, невозможной без общерусской, часто выходящей и правильно распространяемой газеты». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 252.)

Такая общерусская газета даст возможность воспитываться целому кадру руководителей борьбы, ибо «воспитаться такие руководители могут исключительно на систематической, текущей оценке всех сторон нашей политической жизни, всех попыток протеста и борьбы различных классов и по различным поводам».

Постановка общерусской политической газеты, по мнению «Искры» (№ 4, «С чего начать»), является «исходным пунктом деятельности — первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основной нитью, держась которой мы могли бы неуклонно углублять и расширять эту организацию...».

Газета должна быть общерусской, т.-е. такой, которая бы отражала не местные, а общерусские интересы.

При этом мы должны помнить, что социал-демократия не только отстаивает экономические интересы рабочего класса. Задачи ее гораздо шире, если она хочет стать организующим центром для политического движения всей страны.

«Без политического органа немыслимо в современной Европе движение, заслуживающее название политического. Без него абсолютно неисполнима наша задача сконцентрировать все элементы политического недовольства и протеста, оплодотворить им революционное движение пролетариата... Мы должны пробудить во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть политических обличений. У людей, способных и готовых обличать, нет трибуны, с которой они могли бы говорить, нет аудитории, страстно слушающей и одобряющей ораторов, потому что они не видят нигде в народе такой силы, к которой бы стоило труда обращаться с жалобой на «всемогущее» русское правительство... Мы в состоянии теперь и мы обязаны создать трибуну для всенародного обличения царского правительства: такой трибуной должна быть социал-демократическая газета». (Ленин. Собр. соч., т. IV, стр. 37.)

Таким путем оппозиционное движение в России будет под постоянным наблюдением, воздействием и руководством социал-демократии. Следовательно, политическая аудитория для деятельности социал-демократии начинает расширяться. Преимущество этого шага заключается в том, что социал-демократия будет не соподчиненной силой, а гегемоном общественной борьбы. Но одной пропагандой и агитацией не исчерпывается роль общерусской газеты в таких условиях:

«Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. Одна уже техническая задача — обеспечить правильное снабжение газеты материалами и правильное распространение ее — заставляет создать сеть местных агентов единой партии, — агентов, находящихся в живых сношениях друг с другом, знающих общее положение дел, привыкающих регулярно исполнять дробные функции общерусской работы, пробующих свои силы на организации тех или иных революционных действий.

Эта сеть агентов будет остовом именно такой организации, которая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну, достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное разделение труда, достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах при всяких поворотах и неожиданностях вести неуклонно свою работу, достаточно гибкой, чтобы уметь, с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своею силой неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой — чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения». (Там же, т. IV, стр. 36—37—38.)

Ленин, когда перед социал-демократией вставала сложная задача, любил повторять, что:

«Все искусство политики в том и состоит, чтобы найти и крепко-крепко уцепиться за такое именно звенышко, которое всего важнее в данный момент, которое всего более гарантирует обладателю звенышка обладание всей цепью». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 253) [1]).

[1]) Почти в тех же словах Ленин на XI съезде партии говорил о необходимости организовать торговлю и промышленность как звено, за которое надо ухватиться. Ред.

В плане восстановления партии через общерусскую политическую газету «Искра» явилась тем звеныш ком, которое гарантировало «обладание всей цепью». Грандиозный план организации социал-демократической партии мог быть выполнен через «звенышко» — «Искру», через политическую газету. В момент, когда понижалась социал-демократическая работа, «Искра» на примерах из самых разнообразных областей русской жизни учила пониманию подлинного социал-демократизма. Через принципиальную борьбу с группами, принижавшими социал-демократическое знамя заодно с «экономистами»,— к подъему рабочего движения до социал-демократической политики; от кустарничества — к выработке организации руководителей рабочего класса; от кружков — к созданию единой централизованной партии — таков был путь «Искры».

Когда подводишь итоги этой огромной работе, видишь, как шаг за шагом оправдывалась на опыте громадная роль «Искры» в деле выработки теоретической устойчивости в социал-демократической партии, как ее определяли инициаторы. И главным инициатором этой работы явился В. И. Ленин. Были моменты, когда «чуть не потухла «Искра». Ее пламя поддерживал заботливее всех Ленин.

у) ТАКТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ «ИСКРЫ»

1. Отношение к рабочему классу

По мнению «экономистов», политические задачи рабочего класса социал-демократия должна ставить лишь тогда, когда стихийное движение рабочих само выдвинет эту форму борьбы («теория стадий»). Мы помним также, какое содержание наиболее последовательные «экономисты» вкладывали в политическую борьбу рабочего класса.

В противовес этой тактике «Искра» выставила тактику широкой социал-демократической борьбы.

«Сущность тактики «Искры» и «Зари», — писал Плеханов, — заключается в том, что социал-демократия, как передовой отряд пролетариата, пользуется всяким столкновением рабочих с предпринимателями для возможно более полного и всестороннего развития их классового самосознания. Между тем, как наши «экономисты» проповедывали теорию так называемых «стадий» и утверждали, что речь о политике можно будет завести с рабочими только тогда, когда политические требования возникнут в их головах сами собою, без помощи «революционной бациллы» [1]), социал-демократы, защищавшие противоположный способ действия, доказывали, что экономическое столкновение рабочих с предпринимателями всегда сопровождается и не может не сопровождаться у нас выступлениями полицейских разбойников на защиту священных прав капитала, и что наша партия безусловно обязана... поддерживать рабочих в их неизбежной борьбе с этими разбойниками и пользоваться этой борьбой как незаменимым средством политического воспитания пролетариата». (Плеханов. Статья «Недавние стачки», т. XII, стр. 436.)

«Искра» расширяет борьбу рабочего класса. В то время как «экономисты» тянутся в хвосте отсталых групп рабочих, а борьбу передовых групп оставляют в стороне от своего влияния, «Искра» свою тактику строит на том, чтобы рабо-

[1]) «Революционной бациллой» называли в то время привнесение марксистской интеллигенцией в сознание рабочего класса идей социалистической, политической революционной борьбы. Ред.

чее движение в целом поднять до уровня социал-демократической политики. Может ли вообще социал-демократия служить сознательной и передовой выразительницей рабочего класса, если она не использует все случаи стихийной борьбы рабочих для развития его классового самосознания? Без этого социал-демократия утрачивает свое значение как партия и превращается в профессиональный союз. Ошибочность взглядов «экономистов» бросается в глаза, если их попытаться мотивировать интересами рабочего класса. Последний, как известно, состоит из самых разнообразных групп.

Рабочие отдельных отраслей промышленности различаются по степени понимания своих классовых интересов. Какова же должна быть роль партии по отношению к отдельным группам? Если партия является авангардом рабочего класса, она ни в коем случае не может ограничиваться защитой интересов наиболее отсталой его части. А между тем к этому ограничению сводились все рассуждения «экономистов». Раз в рабочем классе имеются и отсталые, и средняцкие, и передовые элементы, раз одни группы уже встали на путь политической борьбы, а другие «слепы и глухи по отношению к таким вопросам», то впереди какого слоя рабочих должна находиться социал-демократическая партия? На это «Искра» устами Плеханова отвечает:

«Иное дело — весь рабочий класс, а иное дело — социал-демократическая партия, представляющая собою лишь передовой и в вначале очень малочисленный отряд рабочего класса. Если рабочий класс данной страны, взятый в его целом... еще не созрел для перехода к политической борьбе, то из этого вовсе не следует, что момент именно такой борьбы еще не настал для партии, задавшейся целью политического воспитания этого класса. Для партии момент политической борьбы наступает каждый раз, когда она встречает повод для политической агитации, а у нас в России поводы для такой агитации встречаются никак не реже, чем поводы для агитации на экономической почве. (Плеханов, т. XII, стр. 62.)

Это определение роли партии само по себе уже отвечает на вопрос о задачах партии по отношению к рабочему классу. Она использует каждый случай для того, чтобы поднять классовое самосознание рабочих, чтобы развить в нем сознание противоположности его интересов интересам буржуазии и самодержавия. В меру выполнения этих задач — социал-демократия выступает, как передовой отряд рабочего класса. От первоначальных противоречий рабочего класса — экономических — социал-демократия идет к развитию его политического самосознания.

«Экономической «агитацией,—писал Ленин,—она (партия) пользуется для предъявления правительству не только требования всяких мероприятий, а также (и прежде всего) требования перестать быть самодержавным правительством. Кроме того, она считает своей обязанностью предъявлять правительству эти требования, не только на почве экономической борьбы, а и на почве всех вообще проявлений общественно-политической жизни. Одним словом, она подчиняет борьбу за реформы, как часть целому, революционной борьбе за свободу, за социализм» (Ленин, т. V, стр. 168).

Когда стихийный протест рабочих поднимается до уровня политического протеста, остальные группы поднимаются до уровня интересов передовых групп рабочего класса, которые руководятся социал-демократической политикой Так как рабочий класс выступает последовательным и непримиримым

борцом против самодержавия и поэтому рабочий класс должен быть передовым борцом за демократические преобразования, он должен вмешаться во все случаи общественного недовольства самодержавием, которое существует в различных классах населения, и повсюду развивать идеи необходимости революционной борьбы. Когда «Искра» развила в этом смысле тактику партии, тактику активного вмешательства рабочих в общественную борьбу, то «экономисты» выдвинули против нее два обвинения: а) «Искра» отступает от самостоятельного классового характера рабочего движения, б) «Искра» пытается растворить рабочее движение в политическом движении русской оппозиции. На эти обвинения «Искра» отвечала:

«В чем же выразится классовый характер нашего движения... вот именно в том, что организуем все эти всенародные обличения мы, социал-демократы; в том, что освещение всех поднимаемых агитацией вопросов будет даваться в неуклонно социал-демократическом духе, без всяких потачек умышленным и неумышленным искажениям марксизма; в том, что вести эту всестороннюю политическую агитацию будет партия, соединяющая в одно неразрывное целое и натиск на правительство от имени всего народа, и революционное воспитание пролетариата наряду с охраной его политической самостоятельности, и руководство экономической борьбой рабочего класса, утилизацию тех стихийных столкновений его с его эксплоататорами, которые поднимают и привлекают в наш лагерь новые и новые слои пролетариата». (Разрядка наша. Ред.) (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 192.)

Только таким путем рабочее движение будет застраховано от опасности превратиться в хвост либерального движения, и рабочий класс сможет выполнить свою роль гегемона революции.

2. Отношение «Искры» к оппозиционным элементам

Оппозиционное движение было широко развито в России; оно питалось тем, что в России подавлялись всякие попытки к демократизации политического строя, и многие классы и группы вступали в силу этого в оппозицию к самодержавию. Изучение корней оппозиционного движения и причин его доказывало, что самодержавная система теряет социальную опору. Хотя ни одна из оппозиционных групп не в состоянии была подняться до понимания революционных задач борьбы с самодержавием, тем не менее и в этом урезанном виде оппозиционное движение имело свое значение для народившейся революции. По отношению к нему «Искра» должна была определить свою политическую тактику. Устами Плеханова она заявила тогда:

«Нам нечего бояться сближения с оппозиционными слоями нашего общества; нам надо позаботиться только о том, чтобы они не подчинили нас своему влиянию и руководству». (Ленин. Собр. соч., т. XII, стр. 100.)

Это и служило содержанием тактики «Искры» по отношению к оппозиционным элементам. Так как различные слои населения объединены недовольством самодержавием, то социал-демократия должна направить это недовольство под свое руководство. Этим она сумеет: а) сыграть роль авангарда, б) революционизировать требования недовольных.

« ...мы гордимся тем, что «Искра» пробуждает политическое недовольство во всех слоях населения... Но как передовой борец за демократию, социал-демократия должна... руководить активной деятельностью различных оппозиционных слоев, разъяснять им общее политическое значение их частных профессиональных столкновений с правительством, привлекать их к поддержке революционной партии, должна вырабатывать в своей среде таких вождей, которые бы умели политически влиять на все и всякие оппозиционные слои. Всякий отказ от этой роли, в какие бы пышные фразы... он ни облекался, равносилен новой защите «отсталости» социал-демократов, отсталости от подъема демократического общенародного движения, равносилен передаче руководящей роли в руки буржуазной демократии»... (Ленин. Собр. соч., т. IV, стр. 78.)

Постановка вопроса здесь совершенно точная. Социал-демократия — авангард рабочего класса — использует всяческие проявления общественного протеста, чтобы своим вмешательством придать революционный характер этим протестам, ибо что касается политической борьбы, то именно «классовая точка зрения» требует, чтобы пролетариат подталкивал всякое демократическое движение вперед...

«...Тот не социал-демократ, кто забывает... что мы обязаны перед всем народом излагать и подчеркивать общедемократические задачи, не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о своей обязанности быть впереди всех в постановке, обострении и разрешении всякого общедемократического вопроса». (Там же, т. V, стр. 186).

В № 4 «Искры», в статье «С чего начать», Ленин особенно подчеркивал необходимость сохранять свою собственную позицию, не сливать свою тактику с тактикой оппозиции и постоянно на самых разнообразных фактах повседневной политической борьбы воспитывать боевые качества пролетарской партии.

«Мы должны уметь при всяких обстоятельствах, при всяких поворотах и неожиданностях вести неуклонно свою работу... Сегодня перед нами встала сравнительно легкая задача поддержать студентов, демонстрирующих на улицах больших городов. Завтра встанет, может быть, более трудная задача, например поддержать движение безработных в известном районе. Послезавтра мы должны оказаться на своем посту, чтобы принять революционное участие в крестьянском бунте. Такую степень боевой готовности можно выработать только на постоянной деятельности, занимающей регулярное войско».

На конкретных примерах вмешательства социал-демократии в политические протесты либералов Ленин показал, как надо понимать гегемонию рабочего класса и его авангарда — партии — в движении. Когда начались земские выступления, Ленин высмеивал утопию всех оппозиционных кругов, которые полагают, что при самодержавии возможно свободное земство. Последнее при полицейском государстве — уродик, но тем не менее, так как земское движение направлено против самодержавного гнета, социал-демократия его использует. Этим вмешательством рабочий класс получает необходимое политическое воспитание, и самому оппозиционному движению придается более решительный ха-

рактер. В статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» («Заря» №№ 2—3. Собр. соч., т. V, стр. 29—66) Ленин выясняет сущность этой тактики по отношению к оппозиции. Она сводится к четырем мотивам: 1) использование социал-демократией всякого оппозиционного протеста, 2) борьба с иллюзиями либералов, будто можно при соглашении с самодержавием добиться радикальных политических перемен, 3) вмешательство рабочего класса для того, чтобы придать революционный характер выступлениям оппозиции, 4) социал-демократическая пропаганда в рабочем классе, разъясняющая противоположность интересов последнего интересам буржуазии.

Эта же тактика повторяется старой «Искрой» при каждом случае выявления недовольства русскими оппозиционными классами.

3. Отношение «Искры» к крестьянству и к крестьянскому движению

Особо надо остановиться на отношении «Искры» к крестьянству. Громадную роль крестьянства в революционной борьбе «Искра» доказывала с первых же номеров. Еще перед началом крестьянского движения 1902 года «Искра» выяснила принципиальное отношение со стороны социал-демократии к крестьянству. Достаточно сказать, что «Искра», организовавшись в ноябре 1900 года, уже в № 3 (апрель 1901 года), помещает статью В. И. Ленина «Рабочая партия и крестьянство». Все последующие номера «Искры» отводят крестьянскому вопросу большое место.

Главнейшую причину крестьянского движения «Искра» устанавливала в том, что «крестьяне остались низшим сословием, подлежащим розге, платящим особые подати, не смеющим свободно распоряжаться своей землей, свободно поселиться в любой местности государства».

Крепостнические порядки, отягощающие положение крестьянства, посаженного на четвертной или нищенский надел, сохраняют кабалу отработки. Вот корень крестьянского недовольства против них и нужно было вести, по мнению «Искры», беспощадную борьбу, ибо они неизмеримо ухудшают положение крестьянства. Раскрывая перед крестьянством содержание ближайшей революции, «Искра» не обманывала его иллюзиями насчет возможного благосостояния мелкого хозяйства в капиталистическом обществе, чем занимались эсеры. Каким же все-таки путем добиться, чтобы крестьянину были ясны ближайшие цели борьбы, чтобы он мог знать цену врагам и друзьям, чтобы крестьянин не обманывался насчет выбора путей борьбы и способов борьбы. Эти вопросы «Искра» ставит почти с первого номера. «От роста сознательности крестьянства зависит в громадной степени ход и исход... русской революции», — писал В. И. Ленин в уже упомянутой статье, в № 3 «Искры».

Эту сознательность крестьянства можно поднять, выяснив зависимость его положения от общих полицейских порядков, показав крестьянину, что рабочий класс борется «за интересы всего народа», всячески поднимая доверие к нему со стороны крестьянства. Нельзя таким врагам, как самодержавию и помещикам, наносить удары мимолетные и разрозненные. Они цели не достигнут. Нужно соединить движение крестьянства с давно ведущим борьбу рабочим классом. Тогда день победы революционной партии над полицейским правитель-

ством будет приближаться с нежданной, негаданной быстротой. «Искра» использовала факты полицейского произвола, чтобы на них выяснить крестьянам корни их «крестьянских бедствий». Вот примеры: когда начался голод, «промышленный кризис», когда десятки и сотни тысяч крестьян не находят занятий, во время новой голодовки миллионов крестьян, правительство создало совещание по делам крестьянского сословия, которое 8 июля 1901 г. издало закон о передаче казенных земель в Сибири дворянам, которые, как гласил указ, являются желательными в правительственных видах землевладельцами в Сибири. «Искра» выяснила на этом факте тесную связь дворянства с царем и полную враждебность интересам народных масс. Когда напуганное голодом правительство в 1901 г. привлекало голодных к общественным работам на железных дорогах, оно издало ряд указов, угрожавших недовольным высылкой на родину и отбиранием заработанных денег. «Настоящие каторжные правила», писал об этих указах В. И. Ленин и «Искра». Эти указы помогли раскрыть настоящую природу царских мероприятий по улучшению участи масс. «Искра» использовала также факты гонения на земство правительственных агентов. «Искра» пыталась связать движение крестьянства с общедемократическим движением в стране, вождем которого должен был выступить русский рабочий класс. «Чтобы разрешить задачи революции, — писала «Искра», — мы выдвинем требование об учреждении крестьянских комитетов». Так «Искра» уже в этот период намечает лозунг, который имел в 1905 году громаднейшее революционное значение. Таким образом «Искра» признает крестьянство наиболее близким, наиболее революционным для рабочего класса союзником. Когда меньшевики свернули к экономизму, они отвернулись также и от крестьянства, считая либералов главной революционной силой. Большевики же, продолжая линию старой «Искры», вопрос о крестьянстве углубляли и перешли в 1905 году к завершению позиции старой «Искры», намеченной в свое время еще программой группы «Освобождение Труда», — к тактическому лозунгу «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства».

ф) ОТ «ИСКРЫ» КО II СЪЕЗДУ ПАРТИИ

Три года напряженнейшей работы «Искры» и «Зари» оставили глубокий след в развитии социал-демократического движения. Никогда до этого времени социал-демократия не тратила столько средств и сил на подготовку к созданию социал-демократической партии. То, что происходило при подготовке I съезда партии, не может, конечно, итти ни в какое сравнение с работой «Искры» по подготовке II съезда партии. Впервые вопросы марксистской теории, социал-демократической тактики и организации получили исчерпывающее освещение и разрешение в обстановке народившегося массового рабочего движения и оппозиционных выступлений русского общества. Тем самым была расчищена почва для выработки идейной принципиальной устойчивости в рядах социал-демократии. Та борьба, которую «Искра» и «Заря» вели против западно-европейского и русского бернштейнианства, имела то ближайшее последствие, что на ее почве были разоблачены критики и «экономисты» как проводники буржуазного влияния в рабочее движение. Последнее оберегалось от чуждых влияний, и расчища-

лась дорога отодоксальной социал-демократии как авангарду рабочего движения. Именно поэтому русский рабочий класс превратился в силу, которая в 1905 г. сыграла всемирно-историческую роль в русской революции. Рабочему классу была выяснена эта роль еще задолго до революции огромной работой «Искры» и «Зари». Все политические группы, которые в борьбе с самодержавием выставляли «соглашательские», урезанные лозунги, как, например, либералы, или направляли эту борьбу по неправильному пути индивидуального террора, как, например, эсеры, были разоблачены еще в подготовительный период русской революции 1905 г. «Искрой» и «Зарей».

Чтобы стать передовой выразительницей интересов рабочего класса, социал-демократия должна была выяснить перед ним задачи его движения и общие цели его борьбы. Успешное завершение этого дела требовало организации сил социал-демократии в централизованную и дисциплинированную партию. Работа «Искры» в этом отношении сыграла исключительную роль. Строительство партийной организации, план которого развивался «Искрой», был выяснен всем местным социал-демократическим комитетам за три года до II съезда. Тем более жизненным, тем более полным, тем более отвечающим интересам складывающейся партии оказывался этот план, что лишь среди одних «экономистов» он встречал возражения; местные же комитеты на основе этого плана перестроили свои организации и тем подготовили реальную возможность созыва II съезда партии. Когда это произошло, «Искра» получила возможность в извещении об образовании организационного комитета по созыву II съезда писать:

«В настоящий момент перед русской социал-демократией стоит громадная задача, которая не по плечу никаким местным комитетам. Она может быть выполнена коллективными силами всех русских социал-демократов, сплоченных в одну централизованную дисциплинированную армию».

Трехлетней работой, «Искра» подготовила этот момент объединения сил социал-демократии в «одну централизованную дисциплинированную армию», т.-е. партию.

С этими заслугами перед русским рабочим движением и социал-демократией «Искра» предстала перед II съездом партии.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К VII ГЛАВЕ

ВТОРОЙ СЪЕЗД ПАРТИИ

I. Предсъездовская обстановка.

1. Партия в итоге борьбы «Искры» с «экономизмом».
2. Изживание широкими рабочими и партийными массами иллюзий «экономизма» под влиянием подъема рабочего движения (Ростовская стачка, Обуховская оборона и др.).
3. Потребность в руководстве растущим движением. Попытка создания партии в России и за границей. Причины неудач этих попыток.
4. Образование ОК и созыв съезда.

ЛИТЕРАТУРА:

Хрестоматия Карпов и Флиднер, стр. 219—225.
Ленин. Собр. соч., т. IV, стр. 202—204.
Его же, т. V, стр. 308—309.
Хрестоматия Истпарта, т. II, глава — «Об экономическом кризисе начала 900-х г.г.»,

II. Состав съезда и характеристика основных течений на нем.

III. Программные и тактические вопросы на съезде.

1. История создания искровской программы и ее авторы.
2. Разногласия по программным вопросам внутри «Искры»; значение этих разногласий для характеристики последующего раскола.
3. Расхождение по программным вопросам на съезде.
4. Вопросы «демократии» и «диктатуры» на съезде. Большевистская постановка этих вопросов на съезде Плехановым.
5. Отношение к либералам и эсерам.

IV. Организационные вопросы на съезде.

1. Какое значение имели разногласия между Лениным — Плехановым, с одной стороны, и Мартовым, Троцким, с другой, — по вопросу о формулировке § 1 устава.
2. Вопрос об автономизме и централизме (вопрос о месте Бунда в партии).
3. Значение борьбы за реорганизацию центров (ЦО, ЦК, Совет).

V. Заключение.

Общие итоги съездовской работы. II съезд и его значение в истории партии.

ЛИТЕРАТУРА:

Хрестоматия Карпов и Флиднер, стр. 225—281, или Хрестоматия Истпарта, т. II, стр. 453—507.

Протоколы II съезда партии (изд. 1924 года «Прибой»), стр. 156 и дальше — речи Г. В. Плеханова и Посадовского.

ГЛАВА VII

ВТОРОЙ СЪЕЗД ПАРТИИ

а) ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ОБСТАНОВКА И ЗАДАЧИ СЪЕЗДА

Основной задачей II съезда было принятие устава, программы, организации во всероссийском масштабе партии. В этом отношении он, строго говоря, был первым съездом, поскольку I съезду, как мы знаем, такого объединения создать не удалось. На таком понимании задач II съезда с некоторыми оговорками сходились все — от Плеханова до Акимова [1]). Однако осуществление этих задач съездом понималось по-разному различными группировками в партии. Съезду предшествовала огромная борьба между революционным крылом партии, возглавлявшимся «Искрой», и правым — «экономистами» («Рабочая Мысль», «Рабочее Дело») по вопросу о роли и задачах партии. И те и другие имели на этот счет совершенно определившиеся взгляды.

Можно было заранее сказать, что на съезде будут бороться две совершенно определенные точки зрения, в духе которых и велась соответствующая подготовительная работа к съезду. При чем, как мы увидим ниже, экономисты пытались приспособить свои позиции к новым настроениям в рядах русской социал-демократии. Однако эта эволюция ничуть не затрагивала основной хвостистской тенденции экономизма.

Что же из себя представляла партия накануне второго съезда и какое из этих двух течений имело шансы на успех? Единого центра, как уже знает читатель из предыдущего, как в России, так и за границей тогда не было. Существовал целый ряд различных объединений. Например, по районам уже известный «Северный Союз» социал-демократов, Сибирский союз с.-д.; на юге — комитеты, группировавшиеся вокруг органа «Южный Рабочий» и т. д. [2]). Зачастую вместе со сторонниками «Искры» в эти объединения входили «экономисты» — и наоборот. Существовали отдельные комитеты в городах, сочув-

---

[1]) Последний в брошюре, посвященной работе съезда, писал: «Съезду предстояло решить два кардинальных вопроса: выработать программу партии и создать ее организацию». (Акимов. «К вопросу о работах второго съезда РСДРП», Женева, стр. 7.)

[2]) Более подробно см. протоколы II съезда, статью т. Лепешинского.

ствовавшие то «Искре», то «экономистам». Наконец, иногда существовали параллельно в одном и том же городе комитет сторонников «Искры» и комитет сторонников «экономистов». Такая картина была в таком крупном центре как Петербург. Словом, это была типичная картина «разброда и шатаний».

Со времени I съезда был сделан целый ряд попыток к объединению, к которым «Искра», однако, относилась очень и очень осторожно, помня, что «прежде чем объединиться, нужно размежеваться», т.-е. нужно точно зафиксировать разногласия и преодолеть хвостистские настроения, которые имели еще значительный успех в партии благодаря деятельности «экономистов». Первая попытка к объединению была проделана в апреле 1900 года за границей. Заграничными центрами тогда были: формально — группа «Освобождение Труда», с одной стороны, и «экономисты» — с другой, вместе входившие в «заграничный союз социал-демократов». Фактически же тон задавали «экономисты», бывшие в большинстве. Они группировались вокруг редакции журнала «Рабочее Дело», во главе которого стояли Мартынов и Кричевский. Естественно, что попытка к объединению по сути дела была попыткой признания «экономизма» позицией всей партии и окончилась полнейшей неудачей. Сторонники группы «Освобождение Труда» ушли со съезда и вышли из состава союза, образовав новую заграничную группу «Социал-Демократ». В стороне от обеих боровшихся групп стояла группа «Борьба».

Эта группа чрезвычайно характерна для всего этого периода кустарничества. Группа также поставила своей задачей достигнуть объединения партии и по возможности примирить враждующие фракции. В состав ее входили т.т. Рязанов, Невзоров (Стеклов), Смирнов [1]). Они считали себя всегда сторонниками «Искры». Сам т. Стеклов в статье, посвященной этому периоду, пишет, что никаких мало-мальски серьезных принципиальных разногласий у них с «Искрой» не было. Объединение и примирение враждующих фракций, однако, не удалось, и группе, казалось бы, оставалось только влиться в «Искру». Нужно было пока не примирять, а разбивать и добивать дряблые, вредные теории и принципы. Так и делала «Искра». Так, казалось бы, должны были поступать и те, кто сочувствовал «Искре». Но не тут-то было. И «Борьба», не имея никаких разногласий, продолжает вести самостоятельное существование, работая «независимо и обособленно».

Еще одна попытка к объединению была сделана в июне 1901 г. К этому времени «экономизм» явно начал клониться к упадку. Революционная социал-демократия за границей пополнила свои ряды такими людьми, как Ленин, Мартов и Потресов. И «экономисты», хотя и остававшиеся в «Союзе» в большинстве, почувствовав, что положение резко меняется не в их пользу, обнаружили склонность к примирению. На состоявшемся в Женеве совещании различных групп была выработана платформа для подготовки будущего съезда. На этом совещании присутствовали представители «Рабочего Дела» (Кричевский и Акимов), «Искры» (Мартов), «Бунда» (Косовский), «Борьбы» (Смирнов,

---

[1]) Впоследствии меньшевик.

Стеклов) и группы «Социал-Демократ» (Кольцов). На этом совещании в общем восторжествовала точка зрения л е в ы х, и единогласно была принята резолюция о том, что

«между представленными организациями не существует таких разногласий по принципиальным и тактическим вопросам, которые служили бы препятствием для совместной работы в пределах единой организации». (Л е п е ш и н с к и й. Вступительная статья к протоколам II съезда РСДРП. Изд. «Прибой», 1924 г., стр. 109.)

Это соглашение было принято после принципиальной договоренности по следующим пунктам:

«1) Отрицательное отношение ко всяческим попыткам внесения оппортунизма в классовое движение пролетариата («экономизма», бернштейнианства и мильеранизма). 2) Ближайшей политической задачей рабочего класса в России является низвержение самодержавия, как необходимое предварительное условие его полного социального освобождения. 3) В деле осуществления этой задачи РСДРП стоит во главе всех угнетенных слоев нации. 4) В круг деятельности с.-д. входит: а) руководство борьбой пролетариата как экономической, так и политической; б) поддержка оппозиционных слоев; в) пропаганда идей научного социализма и борьба с противниками революционного марксизма. 5) Тактика с.-д. сводится к следующим положениям: а) низвержение самодержавия как ближайшую политическую цель, с.-д. не должна упускать из виду во всех сферах своей организационной и агитационной деятельности; б) агитация должна вестись не только на почве повседневной борьбы труда с капиталом, но и на основе общего положения пролетариата и трудящихся масс вообще — в государстве и обществе; в) содержание агитации должно быть подсказано не теорией стадий, а общим социально-политическим положением рабочего класса и с.-д. программой; г) необходимость критики тех течений, которые возводят в принцип элементарность и узость низших форм социалистической деятельности; д) средства с.-д. борьбы определяются соображениями политической целесообразности и соответствия приемов борьбы с необходимостью сохранения за движением классового характера». (Там же, стр. 109.)

Принятые постановления так и остались на бумаге. «Экономисты» продолжали старую политику. И съезд, хотя и состоялся, показал, что с «экономистами» социал-демократии не по пути. Теперь уже происходит окончательный р а з р ы в. «И с к р а» и «С о ц и а л-Д е м о к р а т» о б р а з о в а л и н о в у ю о р г а н и з а ц и ю «З а г р а н и ч н у ю л и г у с о ц и а л-д е м о к р а т о в», а «э к о н о м и с т ы» з а к р е п и л и с ь в «С о ю з е р у с с к и х с.-д.», от которого и были на съезде делегатами Акимов и Мартынов. Эти два «центра» и повели борьбу за охват своим влиянием русской части партии. Так обстояло, в общих чертах, с борьбой за партию за границей.

Как же шла эта борьба в России? В России эту борьбу выносили на своих плечах знаменитые а г е н т ы «И с к р ы», как назывались ее ответственные уполномоченные. Это были высококвалифицированные, выдержанные типы «профессиональных революционеров». Достаточно назвать среди них таких людей как покойный тов. Ногин, В. П., Лепешинский, П. Н., Литвинов, Лядов, М. Н., Землячка, С. И. Гусев, О. Пятницкий и др. (Табл. 40.).

Их работа вначале сводилась главным образом к созданию стойкого ядра, связанного с массами, и постепенному затем завоеванию местного «центра» — комитета. При чем решено было вопроса о съезде не ставить до завоевания большинства комитетов. Поэтому-то «Искра» и относилась так осторожно к вопросу

о съезде, боясь, что созванный слишком рано он не сможет создать настоящую революционную партию.

Вести работу приходилось в ужасающей обстановке. Помимо засилия «экономистов», которые с боем отстаивали каждую пядь своих позиций, приходилось опасаться предательства в собственных рядах, провалов, кончавшихся срывом работы и необходимостью начинать все заново.

Тов. Лепешинский пишет, что «средний» период работы «искровцев» в России продолжался приблизительно 5—6 месяцев. Охранка зорко следила за «искровцами». Ей иногда удавалось проникать очень глубоко во внутренние дела и узнавать их настолько хорошо, что, например, охранник Меньшиков сумел «своей работой» провалить весь «Северный Союз РСДРП». И все же, несмотря на такие прямо-таки каторжные условия, удается поставить работу на местах в направлении, благоприятном для «Искры». И если в некоторых местах русские комитеты еще не объявляли себя открытыми сторонниками «Искры», то определенно сочувствовали ей. Лишь один Воронежский комитет, где работала Лидия Махновец (Брукэр), сестра Акимова, остался «верным до конца» «экономистам». Резкий поворот к «искровству» на местах в российских организациях происходит в течение 1902 года в непосредственной связи с подъемом массового революционного рабочего движения. К 1902 году промышленный кризис, начавшийся еще в 1900 году, достигает своего апогея. Рабочие массы переносят величайшие лишения от массовой безработицы, понижения заработной платы, ухудшения условий труда. На этом фоне стачечное движение приобретает новую окраску. «Безработица пробудила рабочих от апатии и бросила их на путь борьбы... Всюду и везде нарастают психологические предпосылки революционных взрывов», пишет тов. П. Лепешинский («От кружковщины к партии». См. протоколы II съезда РСДРП в изд. Истпарта). На самых «патриархальных» до того предприятиях настроение было настолько нервное, что прокламации производили впечатление спички, попавшей в пороховой погреб. Рабочие понимают, что в условиях кризиса и безработицы экономические стачки сами по себе мало помогут, и мы видим, как экономическая стачка в 1902 году явно начинает перерождаться в политическую.

Тов. К. Шелавин в своих лекциях («Коммунистический университет на дому». Изд. «Прибой») приводит интересную таблицу, рисующую место политических стачек за 1896—1903 г.г. Политическая стачка по отношению к экономической составляет:

1896	год	ок. 0,8%
1897	»	» 0,8 »
1898	»	» 3,6 »
1899	»	» 5,4 »
1900	»	» 10,5 »
1901	»	» 1,6 »
1902	»	» 13,7 »
1903	»	» 22,0 »

Стачечное движение этого периода тов. Лепешинский (Протоколы, 102 стр.) характеризует следующим образом:

«Характерно то, что стачки рабочих все чаще и чаще осложняются моментом перехода мирной забастовочной картины в картину «действия», где фигурируют озверелые казаки, героические эпизоды борьбы рабочих, пули, нагайки, беспощадная расправа с пленниками...»

и дальше

«...нередки уже случаи — и чем дальше, тем все чаще и импозантнее они становятся, — когда стачки приобретают характер активной политической борьбы...».

Прекрасно рисует эволюцию рабочего движения в этот период корреспонденция с Урала, помещенная в № 38 «Искры»:

«...И мучительным долгим путем вырабатывается в сознании рабочего убеждение, самопроизвольное, или под влиянием неведомыми путями распространяющихся идей: «Если не могут нам помочь царь небесный и земной, так остается нам самим о себе помышлять. Не просить, а требовать! Не жаловаться, а бороться! И бороться не стачками — на Михайловском заводе рабочие забастовали, но управление закрыло завод, и рабочие разбрелись, кто куда, в поисках работы...». «Не нужно экономической борьбы. Нужна революция», — писал осужденный на каторгу Киселев в своем письме ко всем рабочим, и эти слова выражают все более и более распространяющееся убеждение все большей массы».

В целом ряде городов прокатывается полоса демонстраций. Обуховская оборона, знаменитая Ростовская стачка — эти славные предтечи демонстрационной полосы надвигающегося пятого года — все это даже глухого должно было убедить в необходимости политической борьбы, в несостоятельности «экономизма». «Огромные демонстрации—митинги в Ростове-на-Дону, доходившие до 30.000 участников с неизменными политическими требованиями, окончательно открыли глаза даже самым крохоборам-«экономистам», — пишет тов. Шотман («Пролетарская Революция» № 11 за 1922 год). О том, нужна ли в первую очередь политическая борьба или экономическая, споров у нас почти не было. Да и трудно было не убедиться в необходимости политической борьбы в то время, когда вся Россия начала бурлить, и со всех концов необъятной страны раздавался все громче и громче крик — «Долой самодержавие». Под давлением политического оживления в рабочих массах, под влиянием критической работы «Искры» и ее агентов российские организации рвут с «экономизмом» и признают «Искру» руководящим органом.

Необходимо, однако, отметить, что несмотря на это всеобщее признание «Искры», огромное большинство местных организаций и местных работников не обладало еще в этот период достаточной теоретической зрелостью, достаточной марксистской закалкой. Во многих случаях мы видим примеры неустойчивости колебаний в сторону «экономизма» даже в определенно «искровских» комитетах.

Пример такой незрелости дает программа «Северного Союза РСДРП», подвергнутая Лениным обстоятельной критике в письме Н. Н. к С. С—ц (Н. Н.—В. И. Ленин; С. С.—Сев. Союз. В. И. Ленин, т. V, стр. 284—292). О диктатуре пролетариата программа «Северного Союза» не упоминала. Не был также достаточно четко поставлен вопрос об отношении между стихийностью и сознательностью в рабочем движении. А ведь «Северный Союз» руководился правовер-

ными «искровцами» — впоследствии большевиками, — искренно желавшими размежеваться с «экономистами». Во многих других комитетах дело в отношении социал-демократической сознательности обстояло еще хуже. Тов. Лебедев («Пролетарская Революция» № 3/15 за 1923 г.) рассказывает о Саратовской организации того периода:

«В то время мелкобуржуазная природа эсеров, вполне очевидная для руководителей нашей партии, далеко не была ясна не только рабочей массе, но даже и многим сознательным представителям ее. Программные различия были не особенно велики (!). ...Некоторые из товарищей пошли еще дальше и считали возможным объединиться с ними (эсерами)...».

Партийному активу, работавшему на местах, предстояло еще пройти долгую и хорошую идейную социал-демократическую выучку. «Размежевание» между «экономистами» и «искровцами» было произведено, но это было еще размежевание лишь «начерно». Это в значительной степени объясняет нам последующий раскол между «искровцами», бывшими в начале работ II съезда партии едиными. Так или иначе, «Искре», однако, удалось объединить фактически партию под своим руководством. Работа партийных организаций на местах поднялась по сравнению с временами кустарничества «экономистов» на огромную высоту. Расширяются связи партии с рабочей массой. В Питере, как сообщает тов. Шотман, «связи», кружки были почти на каждом заводе и фабрике. Улучшается «техника», комитеты выпускают огромное количество агитационной литературы. Партийные организации становятся во главе массового рабочего движения, начинается работа в деревне, широко развертываются социал-демократические организации среди учащейся молодежи. Начинается также работа в армии. Необходимость съезда ощущается в России все сильнее.

Если провалы срывали зачастую работу, то, с другой стороны, отсутствие единого и выдержанного руководства начинало давать себя чувствовать. Все чаще и чаще трудно было охватить нарастающее движение. Все это растущее движение в низах заставляло партию на местах следить за тем, чтобы, несмотря на слабое руководство движением, глубина его могла соответствовать размаху вширь. Ясные лозунги и четкость требовалась теперь от партии еще и потому, что это движение среди крестьянства и рабочего класса находило внушительный отклик и среди остальных классов буржуазии и интеллигенции. Мы знаем, что в городах происходило значительное студенческое движение и нарастали некоторые оппозиционные настроения в рядах буржуазии. Именно в этот период создается попытка образования П. Струве буржуазной партии, приведшей к организации за границей группы «Освобождения» (впоследствии из этих элементов организовались партии к.-д. (конституционно-демократическая) и октябристов). Затем окончательно образовалась партия социалистов-революционеров, которая, правда, имела свой первый съезд лишь в 1905 году, но фактически сложилась в этот период. Эти партии и группы, конечно, претендовали на руководство движением, и социал-демократия должна была четко оттенить в глазах масс политическую физиономию эсеров и «освобожденцев». Таким образом потребность съезда на местах была более, чем насущной. Вначале такие «съездов-

ские» настроения на местах пытались использовать в своих интересах «экономисты». Именно поэтому к идее съезда очень осторожно относились многие «искровцы», хотя и сознавали острую необходимость оформления партии. На это обстоятельство нужно обратить серьезное внимание для анализа будущих разногласий между меньшевиками и большевиками. Если бы съезд был созван даже в результате работы «экономистов», то и тогда «Искра» безусловно получила бы если не перевес, то значительное число голосов и на этом съезде; но в том-то и заключалась «искровская» тактика, которую потом задним числом оспаривали меньшевики: сначала полностью парализовать «экономистские» настроения, размежеваться с ними до конца, а потом уж, покончив с кустарничеством в собственных рядах, создать партию на началах централизма, позволившего пролетариату быть действительно гегемоном движения.

Питерский комитет, где «экономисты» все еще играли видную роль, принял участие в марте 1902 года в «конференции» (участники не сочли все-таки возможным объявить себя съездом) в Белостоке, на которой присутствовали представители заграничного и ЦК «Бунда», «Экономистский», «Заграничный союз с.-д.», «Южный Союз», Екатеринославский и Питерский комитеты. От «Искры» был Дан. Согласно полученным директивам, Дан старался как можно «скромней» организовать деятельность конференции и повести борьбу за действительный созыв съезда на основе организационных принципов «Искры», как они были развиты в вышедшей вскоре книге В. И. Ленина «Что делать?». Никаких положительных решений конференция не приняла, ограничившись выборами Организационного комитета от присутствующих организаций для созыва съезда партии. Однако выбранному Организационному комитету ничего сделать не удалось. Он был почти целиком арестован.

В ноябре 1902 года состоялась вновь конференция в Пскове, на которой присутствовали представители Питера, «Искры» и «Южного Рабочего». Приглашенный представитель «Бунда» не явился. Тут же был создан новый «Организационный комитет», который кооптировал в свой состав т.т. Г. Кржижановского, Ф. Ленгника, П. Красикова (Павловича), П. Лепешинского и А. Стопани. Часть этих товарищей была вскоре арестована, но Организационный комитет продолжал свою работу [1]). В № 32 «Искры» объявлялось о конструировании Организационного комитета, который вскоре после небольшого инцидента, вызванного недоразумением, пополнился представителем «Бунда»; объявление ОК призывало все комитеты сгруппироваться вокруг него для созыва съезда. «Искра» со своей стороны приветствовала этот призыв ОК и подчеркивала, что ОК правильно поступил, не навязывая себя, так сказать, не-

[1]) Впоследствии «бундовцы» пытались доказать, выступая против «Искры», будто Псковская конференция параллельно начала вести ту же работу, какая уже до нее наладилась Белостокской, чем вносила дезорганизацию; но на II съезде в своем докладе Организационный комитет отвел это обвинение. Белостокская конференция объявила, что в случае ареста выбранного ОК каждый участник конференции продолжает дело ОК по созыву съезда. На этом основании представитель Питерского комитета Краснуха и взял на себя инициативу созыва новой конференции, которая и состоялась в Пскове и привела к созданию ОК.

принуждая насильно группироваться вокруг него местным комитетам, а лишь предлагая им свои услуги. Тем самым ОК давал возможность комитетам свободно высказаться и выявить свое отношение к вопросу о съезде. Уже очень скоро подавляющее большинство комитетов и организаций партии горячо откликнулось на призыв ОК, обещая полную поддержку и соглашаясь на выработанные им нормы организации съезда и представительства на нем. Лишь один Воронежский комитет, как докладывал ОК на съезде, «выпустил длинное заявление, суть которого заключалась в том, что Организационный комитет есть не что иное, как интрига «Искры». Видя, что он имеет безусловное доверие партии, Организационный комитет энергично взялся за работу, и летом 1903 года был созван II съезд партии. Съезд начался в конце июля в Брюсселе, но затем, под несомненным давлением русского правительства, бельгийская полиция стала выживать делегатов, и съезд в полном составе переехал в Лондон, где продолжал и закончил свою работу. Всего на съезде присутствовали представители 27 организаций в количестве 57 человек с 44 решающими и 14 совещательными голосами [1]). (Табл. 41.).

---

[1]) Вот полный список делегатов: 1) от группы «Освобождение Труда»: Г. В. Плеханов (1 гол.) и Л. Дейч (1 гол.); 2) от организации «Искры»: Мартов (Ю. О. Цедербаум) (2 гол.); 3) от заграничного комитета «Бунда»: Гофман (Коссовский) (1 гол.), Гольдблат (Медем) (1 гол.); 4) от ЦК «Бунда»: Либер (Гольдман) (1 гол.), Юдин (И. Айзенштанд) (1 гол.) и Абрамсон (К. Портной) (1 гол.); 5) от «Лиги револ. соц.-демокр.»: Ленин (В. И. Ульянов) (2 гол.); 6) от заграничного союза русских соц.-дем.: Мартынов (Пикер) (1 гол.) и Акимов (Махновец) (1 гол.); 7) от группы «Южный Рабочий»: Попов (В. Розанов) (1 гол.) и Егоров (Е. А. Левин) (1 гол.); 8) от Петербургского комитета раб.: А. Шотман (Горский) (1 гол.); 9) от Петербургской раб. орган.: Брукэр (Лидия Махновец) (1 гол.); 10) от Московского комитета: Белов (Л. С. Цейтлин) (1 гол.) и Сорокин (Н. Бауман) (1 гол.); 11) от Харьковского комитета: Иванов (Е. Левина) (1 гол.) и Медведев (П. Николаев) (1 гол.); 12) от Киевского комитета: Павлович (П. А. Красиков) (1 гол.) и Степанов (раб. Андрей) (1 гол.); 13) от Одесского комитета: Осипов (Залкинд—«Землячка») (1 гол.) и Костич (С. Зборовский) (1 гол.); 14) от Николаевского комитета: Махов (Калафати) (2 гол.); 15) от Крымского союза: Панин, он же М. С. Макодзюб, он же Антон, он же Антонов (2 гол.); 16) от Донского комитета: Гусев (Драбкин, С. И.) (1 гол.) и Царев (Аркадий Локерман) (1 гол.); 17) от Союза горнозаводских рабочих: Львов (Мошинский) (2 гол.); 18) от Екатеринославского комитета: Леонский (Леонов — А. Виленский) (1 гол.) и Орлов (Малкин) (1 гол.); 19) от Саратовского комитета: Лядов (М. Н. Мандельштам) (1 гол.) и Горин (В. Ф. Галкин) (1 гол.); 20) от Тифлисского комитета: Карский (Топуридзе) (2 гол.); 21) от Бакинского комитета: Русов (Кнуньянц) (2 гол.); 22) от Батумского комитета: Беков (А. Зурабов) (2 гол.); 23) от Уфимского комитета: Фомин (В. Крохмаль) (1 гол.) и Муравьев (рабочий, фигурировавший за границей под фамилией «Петухов») (1 гол.); 24) от «Северного Союза»: Ланге (А. М. Стопани) (1 гол.) и Дедов (Лидия Книпович) — «Дяденька» (1 гол.); 25) от Сибирского союза: Посадовский (В. Мандельберг) (1 гол.) и Троцкий (Л. Д. Бронштейн) (1 гол.); 26) от Тульского комитета: Герц (Д. И. Ульянов) (1 гол.) и Браун (рабочий Степанов) (1 гол.).

Лица с совещательным голосом: 1) от ред. «Искры»: П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Старовер (А. Н. Потресов); 2) от ОК: Штейн (Е. Александрова), Фишер (Роза Гальберштадт); 3) от ПСД: Варшавский (Варский) и Ганецкий; 4) от «Бунда»: Вольф (А. Кремер). Прочие: Саблина (Н. К. Крупская), Кольцов (Гинзбург), Глебов (Б. Носков, агент ЦК), Страхов, Юдин, Костров (Жордания).

Съезд имел всего 37 заседаний и работал около месяца. Свыше половины вопросов, поставленных в повестке дня, съезд разработать не успел, ограничившись только принятием резолюций по этим вопросам. Всего на повестке дня стояло свыше 20 вопросов [1]).

Итак, как видно из повестки дня, центр тяжести съезда был в вопросах программных и организационных. И принятие тех или иных решений по этим вопросам означало торжество революционного или оппортунистического крыла партии.

В частности для «Искры» — вопрос созыва съезда и разрешения им программных и организационных вопросов был вопросом окончательного закрепления ее принципов, сложившихся в результате трехлетней беспощадной борьбы с хвостистскими и интеллигентскими шатаниями. Тем самым съезд в случае принятия этих принципов предрешал и их дальнейшее революционное развитие. Это важно подчеркнуть, поскольку меньшевики впоследствии для оправдания своего разрыва с традициями старой «Искры» говорили, что последние были годны только для данного периода, что теперь наступил новый этап и т. д. По сути дела, как будет показано ниже, меньшевики, разорвав со старой «Искрой», чтобы уйти дальше, повернули лишь назад... К «экономизму».

Для Ленина и его единомышленников II съезд являлся моментом, который должен был организационно закрепить итоги всего предыдущего периода борьбы. В. И. Ленин в своей книге, посвященной II съезду партии, «Шаг вперед — два шага назад» пишет поэтому:

«В чем же состояла главная задача съезда? В создании действительной партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой». Что именно в этом направлении съезд должен был работать, это было предрешено трехлетней деятельностью «Искры» и ее признанием со стороны большинства комитетов». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 310.)

---

[1]) Вот полностью повестка дня съезда. (См. протоколы II съезда РСДРП, стр. 4. Изд. «Прибой» 1924 г.).

1. Конституирование съезда. Выборы бюро. Установление регламента съезда и порядка дня. Доклад Организационного комитета и выбор комиссии для определения состава съезда. 2. Место «Бунда» в Российской социал-демократической рабочей партии. 3. Программа партии. 4. Центральный орган партии. 5. Делегатские доклады. 6. Организация партии. 7. Районные и национальные организации. 8. Отдельные группы партии. 9. Национальный вопрос. 10. Экономическая борьба и профессиональное движение. 11. Празднование первого мая. 12. Международный социалистический конгресс в Амстердаме 1904 г. 13. Демонстрации и восстания. 14. Террор. 15. Внутренние вопросы партийной работы: а) постановка пропаганды, б) постановка агитации, в) постановка партийной литературы, г) постановка работы в крестьянстве, д) постановка работы в войске, е) постановка работы среди учащихся, ж) постановка работы среди сектантов. 16. Отношение Российской социал-демократической рабочей партии к «социалистам-революционерам». 17. Отношение Российской социал-демократической рабочей партии к русским либеральным течениям. 18. Выборы Центрального Комитета и редакции центрального органа партии. 19. Выборы совета партии. 20. Порядок оглашения решений и протоколов съезда, а равно и порядок вступления в отправление своих обязанностей избранных должностных лиц и учреждений.

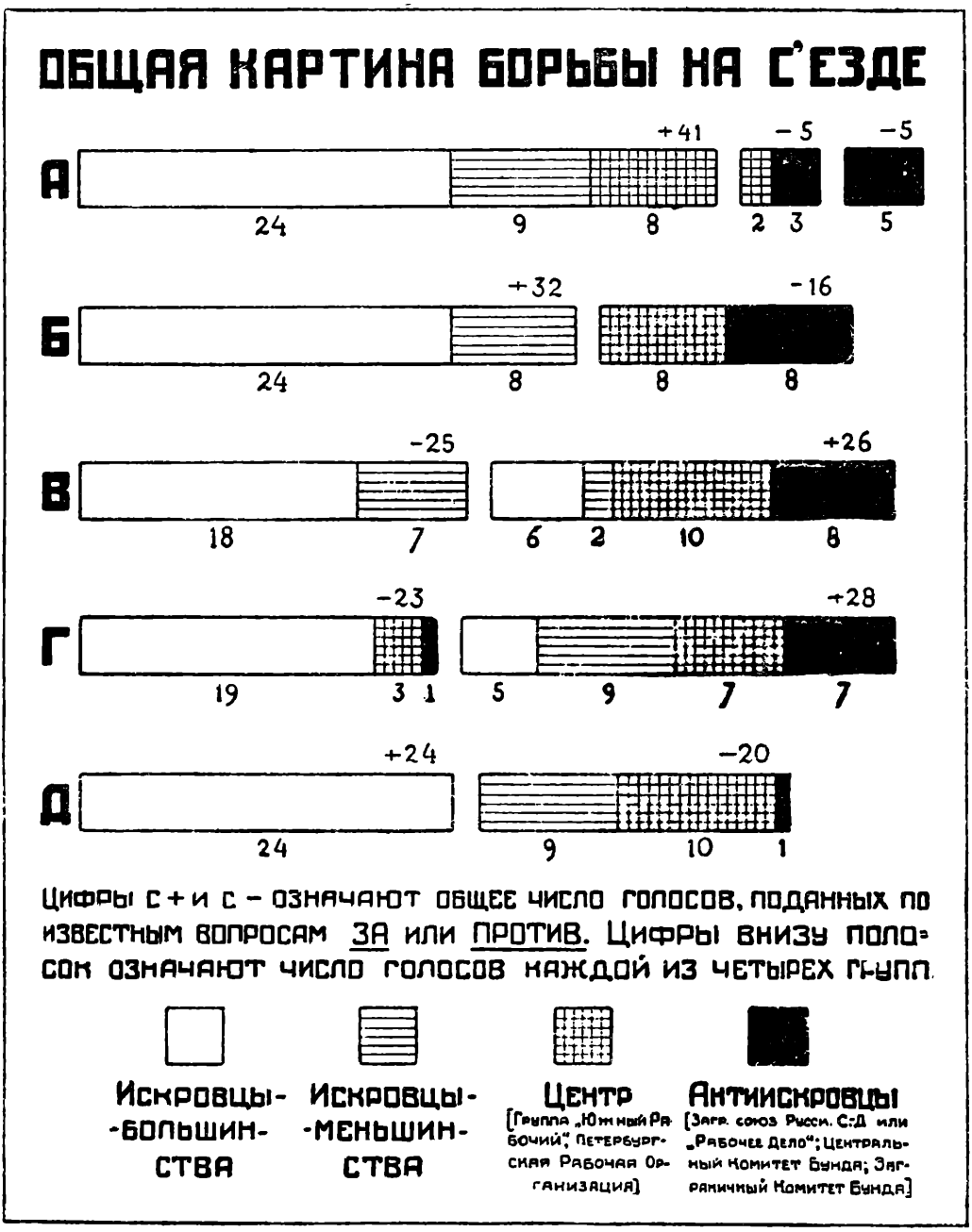
Обстановка на съезде была безусловно благоприятной для «Искры». Ее преобладание на съезде и в партии было обеспечено. «Воспитательные» задачи заключались в том, чтобы окончательно обработать неустойчивых, колеблющихся еще вроде представителей «Южного Рабочего» и совершенно изолировать на съезде оппортунистическое меньшинство, состоявшее из бундовцев и «экономистов». Но, как говорил Плеханов, «сила обязывала». Ясно было, что меньшинство использует малейшие разногласия, малейшую трещинку в рядах сторонников «Искры». Ясно было, что как меньшинство, так и «колеблющиеся» безусловно пойдут за той частью «искровцев», которая сделает хотя бы самое малюсенькое отступление от принципов «Искры» [1]).

Так оно, как известно, впоследствии и случилось. И когда В. И. Ленин наглядно иллюстрировал это меньшевикам, взяв результаты голосования по основным вопросам съезда, взяв также поведение оппортунистов при обсуждении «мелких вопросов», меньшевики отделывались сердитой бранью, не зная, что ответить по существу, ибо сами теперь повторяли «поведение» «экономистов» на съезде. А между тем, стоит проследить эти данные, чтобы убедиться, что большевикам удалось получить большинство на съезде по вопросам о центральных учреждениях партии только потому, что к моменту их обсуждения часть оппортунистического крыла ушла со съезда («Бунд» и «экономисты»). С другой стороны, «искровцы» меньшинства получили большинство по вопросам об уставе потому, что из 26 полученных ими голосов — 18 принадлежали «антиискровцам» и «болоту». Предвидя только в случае раскола «Искры» возможность некоторого успеха, антиискровцы пока прощупывали почву на всяких мелочах. Это было безусловно исходным пунктом сплочения оппортунистов на съезде. И нужно отдать им справедливость — они держали себя довольно ловко. Они чувствовали, что на съезде, если только «Искра» останется единой, им предстоит полный провал: нужно как-нибудь ловким маневром, ловким ходом уйти демонстративно со съезда с неподмоченной репутацией, чтобы сохранить хоть какое-нибудь влияние в рядах партии. Поэтому они поступали так: во-первых, старались заниматься всякими передержками, подменой правильной постановки вопроса такой, чтобы она выглядела как можно уродливей, чудовищней. Они рассчитывали, что это дискредитирует в глазах рядовых членов партии «Искру», которая, воспользовавшись на съезде своим большинством, якобы, не занималась деловым обсуждением вопросов, не считалась с меньшинством, а «командовала», «диктаторствовала» и т. д. Словом, это был типичный прием, которым впослед-

---

[1]) Ленин пишет:

«Искровская программа и направление должны были стать программой и направлением партии, искровские организационные планы должны были получить закрепление в организационном уставе партии, но само собой разумеется, что такой результат не мог быть достигнут без борьбы: полнота представительства на съезде обеспечила присутствие на нем и таких организаций, которые вели решительную борьбу с «Искрой» («Бунд» и «Рабочее Дело»), и таких, которые, признавая «Искру» руководящим органом на словах, на деле преследовали свои особые планы и отличались неустойчивостью в принципиальном отношении (группа «Южного Рабочего» и примыкающие к ней делегаты некоторых комитетов). При таких условиях съезд не мог не превратиться в арену борьбы за победу искровского направления». (Там же.)



ствии так широко пользовались меньшевики против большевиков, — прием, унаследованный ими от своих учителей — «экономистов» и заключающийся в том, чтобы при отсутствии возражений по существу брать прежде всего на «испуг», запугать неискушенного, непосвященного в истинную суть вопроса [1]).

[1]) Например, по вопросу о «Бунде» Мартынов говорил так: «Мы должны бороться против вредной тенденции «Бунда» к национальному обособлению еврейского пролета-

С другой стороны, мелочными придирками, поправками и поправочками (Акимов пытался внести к программе 21 поправку и требовал предоставления себе слова для защиты каждой из них), чтобы затянуть как можно дольше съезд, мешать его деловой работе и по возможности создать раздраженную нервную обстановку. Ибо решения съезда были, конечно, им заранее известны, нужно было лишь довести свою «оппортунистическую миссию до конца». Так был обставлен уход со съезда бундовцев. Ленин пишет:

«Уход «Бунда» из партии показал воочию правильность наших соображений: если «Бунд» не хотел итти вместе с нами... то было бесполезно и бессмысленно «делать вид», что мы идем вместе, и только затягивать съезд» (как затягивали его бундовцы). (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 313.)

Выше мы видели, что̀ имели в виду сделать «затягиванием» съезда. Также был обставлен и уход «рабочедельцев». Этой же цели служили длиннейшие и бесплоднейшие речи Мартынова, Либера и К°, отнимавшие у съезда иногда целые заседания и, как уж видел читатель, добившиеся того, что из-за недостатка времени съезд многих вопросов не успел обсудить. Это были «погудки на один лад».

Чтобы покончить с характеристикой оппортунистической группы на съезде, стоит еще остановиться на так называемом инциденте с Организационным комитетом.

Дело было вот в чем. Возник вопрос о приглашении на съезд группы «Борьба». Эту чисто литературную, по ее собственным заявлениям, группу не было никакого смысла приглашать специально на съезд. Один из делегатов (А. Стопани — Ланге) так и говорил: «Если на съезд допустить группу «Борьба», то мы должны будем допустить на съезд всякого издателя, всякого автора, выпустившего книгу или брошюру». (Протоколы, стр. 35.) Мартынов и К° сейчас же ухватились за это, и начались разговоры на тему о том, что нужно в интересах представления всех оттенков партии на съезде пригласить... и т. д. Тогда Организационный комитет, который формально еще не был съездом распущен, как выполнивший свою задачу созыва съезда, в своем заседании против одного голоса т. Павловича (Красикова) постановил пригласить Рязанова с совещательным голосом. Свой протест т. Павлович доложил съезду, и тогда ряд членов Организационного комитета обвинил его в нарушении партийной дисциплины, так как-де Организационный комитет постановил не доводить о мнении Павловича до сведения съезда. Сейчас же вся «рабочедельская» и бундовская делегация, как один, поддержали большинство Организационного комитета против Павловича.

Инцидент был исчерпан, но чрезвычайно характерно, что эти все «мелочи» обнаружили ту группу, которая так же сплоченно выступала сначала против всей «Искры», как потом против «искровского большинства». Но еще полней эта группировка задолго до «знаменитого вопроса» о первом пункте устава выявилась при обсуждении первого пункта порядка дня — вопроса о «Бунде» и вопросов программно-тактических.

риата, но не против «Бунда» вообще» (Протоколы, стр. 64). Как будто кто-нибудь думал ставить вопрос о «Бунде» вообще. Бундовцы, конечно, сейчас же ухватились за «эту формулировку» Мартынова: Либер, Гофман и другие начали говорить, что прения приняли странный характер, что решают вопрос, существовать или не существовать «Бунду» и т. д.

б) ВОПРОС О «БУНДЕ» НА СЪЕЗДЕ

Согласно решению первого съезда «Бунд» должен был входить в партию, пользуясь автономией (самостоятельностью в решении) в ряде вопросов, связанных со специфическими условиями жизни еврейского пролетариата, созданными главным образом тяжелым правовым положением еврейских трудовых масс при царском правительстве. Во всех отдельных вопросах основной линии партии — и тактической и организационной — «Бунд» безусловно должен был подчиняться единому партийному центру. На самом же деле, фактически «Бунд» продолжал вести совершенно самостоятельное от РСДРП существование замкнутой организации и смотрел на себя как на «особую от РСДРП партию». Если это и было терпимо в период кустарничества, то сейчас, конечно, партия должна была этому положить конец. Между тем, «Бунд» требовал от съезда окончательного закрепления такого своего положения в партии. Он требовал конкретно следующего: признания за ним звания единственного представителя всего еврейского пролетариата. В случае принятия съездом такого постановления, все еврейские с.-д. (независимо от территории) рабочие обязаны были состоять только в «Бунде», работу среди них должен был вести только последний. «Бунд» понимал, как отнесется съезд к подобному требованию, несовместимому с принципами организации единой партии пролетариата в России независимо от национального происхождения.

Но, чтобы по возможности придать этому требованию наиболее «невинную форму», «Бунд» выдвинул проект переустройства партии на началах федерации, т.-е. союза отдельных частей партии. Однако это привело лишь к обратным результатам, так как выдвинутый проект был лишь плохо скрываемой попыткой внесения в ряды партии элементов мелкобуржуазного национализма. Корни такого национализма «Бунда» лежали в условиях мелкобуржуазного, ремесленного, главным образом, пролетариата, среди которого «бундовцам» пришлось работать. «Бундовцы», однако, считали, что федерацию они выдвигают только потому, что последняя будто бы более демократична по принципу, чем централизм, а они, «бундовцы», дескать, за наиболее демократический принцип построения партии. Но что на самом деле здесь дело было не в «демократии», видно из того, как считались с ней «бундовцы» и что проводили у себя в организациях. Когда докладчику «Бунда» Либеру был задан вопрос, почему в уставе «Бунда» проходит такой яркий централизм, который давал, например, возможность центральному комитету даже отводить делегатов, выбранных на съезд, и каково вообще мнение «Бунда» насчет возможности проведения так называемых «принципов демократии» в местных комитетах, — последний ответил:

«На основании практического опыта мы находим невозможным ввести принципы демократизма, предлагаемые и отстаиваемые некоторыми нашими товарищами». (Протоколы, стр. 139.)

Таким образом сами «бундовцы» лучше других показали, что, выдвигая «федерацию», они меньше всего заботились о «демократических принципах», и что здесь речь шла о проведении совсем других требований. Сущность этих требований — и через них истинную физиономию «Бунда» — показал на съезде Мартов.

В своем содокладе о «Бунде» он говорил:

«В основе проекта («бундовского». Р е д.) лежит предположение, что для еврейского пролетариата нужна самостоятельная политическая организация, которая представительствовала бы национальные интересы в рядах Российской социал-демократии. Независимо от вопроса об организации партии на федеративных или автономных началах, мы не можем допустить, чтобы та или другая часть партии могла представительствовать групповые, профессиональные или национальные интересы каких-либо слоев пролетариата. Национальные различия, ввиду общих классовых интересов, играют подчиненную роль. И какой вид приняла бы наша организация, если бы, например, в одной и той же мастерской рабочие разных национальностей думали прежде всего о представительстве своих национальных интересов?». (Протоколы, стр. 56.)

Так «бундовцы» через «демократический принцип» федеративной организации партии просто пытались классовую борьбу пролетариата подменить «национальной».

Но сами «бундовцы» настаивали на том, что их требования есть логическое продолжение того, что наметил еще первый съезд и что сейчас партия должна окончательно закрепить [1]). Они всячески хотели подчеркнуть, что автономия, которая дана была I съездом «Бунду», существенно и с принципиальной стороны отличалась от обычной самостоятельности применительно к местным условиям, предоставляемой в работе любому местному комитету центральными учреждениями партии, если только последние не ударяются в мелочную опеку. Так, Либер говорил, например:

---

[1]) Чрезвычайно характерно, что «бундовцы», которые настаивали на реализации постановлений I съезда, боролись в ОК за то, чтобы вообще «похерить» I съезд и считать II съезд партии учредительным, а не очередным, при чем грозили в противном случае даже выйти из ОК: так обычно оппортунисты считаются с партийными постановлениями, когда им это выгодно для прикрытия своих п р а в ы х дел; но когда заходит речь о действительном проведении в жизнь постановлений партии, тогда начинаются оговорки. «Бунд» в данном случае хотел убить двух зайцев. Если бы съезд согласился считать себя учредительным, «Бунд» получил бы возможность свой «бундовский» вопрос заменить генеральной дискуссией по вопросу о месте национальных частей партии в РСДРП. Такая постановка была бы «Бунду» весьма и весьма на руку, ибо она подчеркивала бы недостаточность того, что наметил в этом вопросе первый съезд, и, главное, оправдывала бы чаяния «Бунда» в глазах масс, который-де «первый» выдвинул этот вопрос. Раз это не удалось, «Бунд» уже меняет линию и требует восстановления прав об автономии, данных первым съездом и якобы узурпированных вторым. На самом деле, как мы видели выше, узурпировал-то их сам «Бунд».

Читатель видит, что в конечном счете все это било в одну точку: в з я т ь с ъ е з д «н е м ы т ь е м, т а к к а т а н ь е м».

«К чему говорить об автономии «Бунда», как подчиненной одному центру организации? Ведь не дадите же вы автономии «какому-нибудь» Тульскому комитету?».

И Ленин на это ответил:

«Ошибаетесь, т. Либер, мы безусловно и непременно дадим автономию и «какому-нибудь» Тульскому комитету, автономию в смысле свободы от мелочного вмешательства центра, при чем, разумеется, обязанность подчинения центру остается». (Протоколы, стр. 84.)

Вот к чему в общем сводился вопрос о «Бунде». Совершенно естественно, что решение съезда могло быть только одним: резкое осуждение мелкобуржуазного национализма в рядах социал-демократии, чем бы он ни мотивировался. «Бундовцы» знали это. И вот начинается — при помощи остальных оппортунистов съезда — кампания. Вопрос о «Бунде» стоял на повестке дня первым. Этим самым съезд подчеркивал, что вопрос «Бунда» — особый, из ряда вон выходящий. Именно поскольку съезд не учредительный, а очередной, и, следовательно, работает на основе уже установленных принципов, он не имеет права менять их, если это не вызывается обстоятельствами, так как, вообще говоря, съезд партии, как верховная организация, в праве решать и пересматривать все, что составляет жизнь партии. Но раз съезд находит, что для перемены основ партии нет никаких поводов, он всякий вопрос, посягающий на последние, рассматривает в первую очередь. К числу таких вопросов съезд отнес и вопрос о «Бунде». «Бундовцы» же хотели поставить свой вопрос после обсуждения программы и устава, чтобы тем самым подчеркнуть, что съезд все-таки учредительный и поэтому раньше обсуждает вопросы в общепрограммной постановке и уже потом выносит по ним конкретные решения. Тогда в этом порядке такое же решение будет вынесено и о месте национальных с.-д. организаций в общероссийской партии. И этим способом «бундовцы» пытались провести вопрос о федерации и по возможности умалить значение I съезда, который наметил основные штрихи организационных планов «Искры». Искровцы поняли этот «ход» «Бунда», и он получил надлежащую оценку.

«Товарищ Мартов, — говорил на съезде Плеханов, — соглашаясь с Акимовым, допускал, что есть некоторая нелогичность при постановке вопроса о «Бунде» на первое место. Такой нелогичности в сущности нет. Есть нелогичность только кажущаяся, — нелогичность, создаваемая положением дел. Одно из двух: или наш съезд очередной, или он учредительный. Если съезд очередной — в чем не может быть ни малейшего сомнения, — то жизнь партии должна итти по тому руслу, которое уже проложено I съездом. Если же предлагают жизнь партии коренным образом изменить, то прежде всего надо решить вопрос, согласны ли мы на это. Перед нами стоит дилемма: автономия или федерация! Разногласие прежде всего организационное. Но ведь и всякое количественное различие постепенно переходит в различие качественное». (Протоколы, стр. 31. Речь Плеханова.)

Антиискровцы, конечно, целиком поддерживали «Бунд». Правда, не все это делали открыто. «Бунд», этот оплот «экономизма», был, конечно, очень близок сердцу Акимова, и последний готов был мириться с централизмом «Бунда», так как он совмещался с его мелкобуржуазной идеологией. Так поддерживали «бундовцев» «экономисты». Что же касается представителей «бо-

лота», «центра», то стоит остановиться на одной из самых характерных фигур этого течения — Махове, с которым нам еще придется встретиться. Когда голосовалась резолюция о «Бунде», он воздержался от голосования, хотя принципиально для него вопрос был ясен, и он согласен был с резолюцией — типичная оппортунистическая увертка! С одной стороны, вопрос ясен, и с ним соглашаются, но именно поэтому, с другой стороны, принимается решение, не соответствующее интересам партии, а воздерживаются только потому, что голосовать против неудобно, — даже «экономисты» на это не пошли, — а рвать со своими друзьями справа все-таки неохота.

Но еще ярче встанут перед нами эти группировки, когда мы перейдем к анализу программно-тактических вопросов, здесь мы убедимся в том, что не мелочи только связывали оппортунистическое ядро против «искровцев». Но прежде, чем перейти к анализу программных вопросов на съезде, необходимо остановиться на истории выработки программы партии внутри самой «Искры», так как эта история проливает яркий свет на причину будущих разногласий среди «искровцев».

в) ФАКТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПРОГРАММЫ И ЕЕ АВТОРЫ

Проект программы, выработанный редакцией «Искры» и «Зари» еще задолго до съезда, был принят последним единогласно при одном воздержавшемся— Акимове. Возражения против принципиальной части программы исходили на съезде со стороны Акимова, Мартынова, Либера и др., главным образом — «антиискровцев». Акимов, правда, со всей определенностью обосновал свои оппортунистические возражения после съезда, выступив с отдельной брошюрой под названием «К вопросу о работах второго съезда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Но так гладко обошлось с обсуждением программы только на съезде. Было бы ошибочным отсюда делать вывод, что и с выработкой программы обстояло также гладко. В процессе создания программы внутри самой «Искры» обнаружились настолько серьезные разногласия, что на этот раз она, действительно, едва-едва «не потухла». Анализ этих разногласий по материалам, которые опубликованы в настоящее время Институтом Ленина, позволяет судить, насколько серьезной была борьба внутри самой «Искры». Эти разногласия лишний раз констатируют, насколько «Искру» объединяла не столько общность взглядов на сущность революционной тактики с.-д. в России, сколько борьба с «экономизмом» и вообще с тем идейным разбродом и шатанием внутри с.-д., которым характеризовался весь третий период с.-д., с которым нужно было обязательно покончить. «Искровцы» это чувствовали: недаром Плеханов писал в одном письме к Засулич, что «открытая полемика между Фреем (Лениным) и мною имела бы то неудобство, что подала бы повод к толкам о расколе между «ортодоксами», а такие толки теперь очень для нас невыгодны и даже прямо опасны». («Ленинский сборник», № 2, стр. 94.)

Ниже мы увидим, что был случай, когда Плеханов даже прямо угрожал расколом. Что же касается В. И. Ленина (из-

лишне отмечать, что разногласия были между В. И., с одной стороны, и Плехановым главным образом, но в сущности между всей остальной частью редакции «Искры» — с другой), то только, как говорит т. Каменев, «в интересах единства» группы «Искры» и сохранения единого фронта с Плехановым против социалистов-революционеров и «экономистов», В. И. воздержался от... выступления». («Ленинский сборник» № 2, стр. 13.) На этих разногласиях мы останавливаемся со всей подробностью потому, что они проливают свет на фактические причины раскола и будущего тактического расхождения большевиков с меньшевиками. Эти же разногласия в сущности являлись развитием тех двух подходов, тех двух типов социал-демократии, которые мы в зародыше наблюдали уже в период борьбы с народничеством и «легальным марксизмом». Вот почему так важно было в предыдущих главах подробно остановиться на «зародышевых» разногласиях, которые тогда, конечно, имели минимальное значение, но которые целиком проливают свет, как было сказано, на «происхождение» большевизма и меньшевизма.

Кто же был фактическим автором программы, и по какой линии шли разногласия как в редакции, так и затем после ее опубликования различными с.-д. группами и на самом съезде? До сих пор почти нигде история выработки программы нашей партии не освещалась. О ней упоминается в истории РСДРП Мартова немногим больше полустранички, но, по совершенно справедливому замечанию т. Каменева, «Мартов в этих строках исказил одинаково и роль Ленина и роль Плеханова в составлении программы». Ниже мы полностью приведем эти строки, чтобы читатель видел, как пишется лидером меньшевиков история партии. В настоящее же время можно установить вполне определенно, что автором теоретической части программы был Плеханов, автором аграрной — Ленин. Вся теоретическая часть программы была принята, несмотря на возражения В. И. Ленина и против него. После окончательного принятия программы «Искрой» Ленину дано было право выступить в печати с критикой программы, но он отказался по причинам, о которых мы уже выше упоминали. Что автором программы является именно Плеханов, мы узнаем из следующего свидетельства самого Ленина. В статье, написанной в 1920 году «К истории вопроса о диктатуре», он пишет:

«Программа РСДРП, составленная в 1902—1903 году редакцией «Зари» и «Искры», или, вернее, составленная Г. В. Плехановым и проредактированная, видоизмененная, утвержденная этой редакцией...». (Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 380.)

Но на это есть и другие указания.

Документально теперь установлено следующее: первый проект программы был написан Плехановым в декабре 1901 года. На совещании редакции «Искры» в Мюнхене этот проект подвергся резкой критике Ленина и был снят Плехановым благодаря поддержке Ленина Мартовым и Аксельродом. Все возражения в общем сводились к указаниям на абстрактность, теоретичность и оторванность

программы от специфически русских условий развития. В начале 1902 года Ленин выдвинул свой проект программы, против которого на сей раз резко обрушился Плеханов. Он писал, что, по его мнению, общая часть «совсем не годится». Затем в письме к Засулич, не выдвигая по существу ни одного довода [1]), писал, что проект Ленина «в полном смысле слова невозможен», что он «не сделает чести группе «Освобождение Труда» и, наконец, в письме к Аксельроду он добавляет, что «если проект Фрея (Ленина) будет принят», то он, Плеханов, вынужден будет заявить, что все-таки считает его неудовлетворительным. Выйдет что-то вроде нового раскола: в предупреждение его лучше воспрепятствовать принятию». («Ленинский сборник», № 2.)

Тут же Плеханов выдвигал свой новый проект с рядом незначительных поправок из числа тех, которые ему были сделаны в Мюнхене. Но это были исправления второстепенного характера, — в основном проект остался такой же. В дальнейшем обсуждению подвергались оба проекта — ленинский и плехановский. Видя, что дело принимает очень серьезный и опасный для единства «Искры» оборот, В. И. Засулич постаралась создать особую комиссию для возможного согласования обоих проектов, но Плеханов ультимативно требовал принятия своего проекта. Да и комиссия, состоявшая из членов редакции «Искры», поддерживала больше проект программы Плеханова. В конце концов и был принят «комиссионный», а по существу плехановский проект программы.

г) СУЩНОСТЬ РАЗНОГЛАСИЯ ВНУТРИ «ИСКРЫ»

В чем же заключались разногласия по общетеоретической части программы, чем ленинский проект отличался от плехановского. Тов. Каменев отмечает:

«Во-первых, большей категоричностью и жесткостью характеристики основных тенденций капитализма и социальной механики подготовки пролетарской революции и, во-вторых, большим вниманием к специфически-русским условиям развития капитализма и пролетарской борьбы». («Ленинский сборник.», № 2, стр. 12.)

Об этом же вспоминает и т. Троцкий, стоявший тогда очень близко к редакции «Искры», бывший ее активным сотрудником и деятелем:

«Об острых разногласиях между Плехановым и Лениным по вопросу о теоретической части программы я узнавал лишь постепенно... Разногласия шли по линии большей жесткости и категоричности в характеристике основных тенденций капитализма, концентрации производства, распада промежуточных слоев, классовой

---

[1]) Тов. Троцкий пишет: «Насколько вспоминаю, по рассказам Мартова и Засулич, первоначальный набросок Ленина, противопоставленный наброску Плеханова, встретил со стороны последнего очень резкую оценку в высокомерно-насмешливом тоне, столь отличавшем в таких случаях Георгия Валентиновича. Но Ленина этим нельзя было, конечно. ни обескуражить, ни испугать. Борьба приняла очень драматический характер», (Л. Троцкий. «Ленин и старая «Искра», стр. 12.)

диференциации и пр. — на стороне Ленина и большей условности и осторожности в этих вопросах — на стороне Плеханова. Программа, как известно, изобилует словами «более или менее» — это от Плеханова». (Троцкий. «О Ленине», стр. 12.)

Сам В. И. Ленин формулировал свое несогласие с проектом Плеханова так:

«Самым общим и основным недостатком, который делает этот проект неприемлемым, я считаю весь тип программы, именно: это не программа практически борющейся партии... Это скорее программа для учащихся (разрядка наша. Ред.) (особенно в самом главном отделе, посвященном характеристике капитализма) и притом учащихся первого курса, на котором говорят о капитализме вообще, а еще не о русском капитализме» (разрядка наша. Ред.). («Ленинский сборник», № 2, стр. 65.)

Кроме того В. И. был недоволен недостаточно революционным тоном в целом ряде мест программы. Чрезвычайно характерно, что это относилось также и к вопросу о крестьянстве. Он протестовал против слишком абстрактных, недостаточно четких формулировок; так, он писал:

«Мы не можем и не должны выбирать наиболее абстрактные формулировки, ибо мы пишем не статью против критиков [1]), а программу боевой партии, обращающейся к массе кустарей и крестьян. Обращаясь к ним, мы должны сказать Klipp und klar [2]), что капитал «делает их слугами и данниками», «разоряет» их, «вытесняет» их в ряды пролетариата. Только такая формулировка будет верным изображением того, чему тысячи примеров знает каждый кустарь и каждый крестьянин, и только из такой формулировки будет вытекать неизбежно вывод: единственное спасение для вас — примкнуть к партии пролетариата». («Ленинский сборник», № 2, стр. 72.)

По поводу Плехановского проекта В. И. Ленин прямо писал, что «это — не язык революционной партии, а язык «Русских Ведомостей» (либеральная профессорская газета того времени. Ред.).

Но, на-ряду с требованием революционных формулировок, могущих облегчить понимание необходимости союза с рабочим классом элементов мелкой буржуазии, В. И. Ленин требовал не менее четких формулировок содержания революционной борьбы самого пролетариата. Здесь уже во всяком случае никакие неясности недопустимы.

«Обязательно сначала отгородить себя от всех, выделить один только единственно и исключительно пролетариат, а потом уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает». («Ленинский сборник», № 2 стр. 132.)

И в другом месте:

«Чем больше в практической части нашей программы проявляем мы «доброты» к мелкому производителю (например к крестьянину), тем «строже» должны быть к эти ненадежным и двуличным социальным элементам **в принципиальной** части программы, ни на иоту не поступаясь своей точкой зрения. Вот, дескать, ежели примешь эту нашу точку зрения, — тогда тебе и «доброта» всякая будет, а не примешь, — ну тогда уже не прогневайся». (Там же, стр. 83.)

---

[1]) В. И. Ленин имеет в виду ревизионистов.

[2]) Твердо и ясно.

По поводу этого замечания В. И. Ленина Засулич наивно писала: «Над миллионами-то. Попробуй-ка позаботься, чтобы приняли, зови».

Конечно, В. И. Ленин и не думал отгонять от себя «миллионы»: ниже мы увидим, что это относилось как раз к «обвинителям» Ленина. Но здесь дело было вот в чем. Под видом «узости» Ленина, «непонимания» и «нежелания» признавать революционную роль мелкой буржуазии, Плеханов, а затем и комиссия «топили» специфическую роль пролетариата в общем «недовольстве» всей «трудящейся эксплоатируемой массы», попросту говоря, смазывали роль пролетариата как гегемона и отличие его революционности от революционности остальных классов и групп. Протестуя против обвинения себя в «узости», указывая, что мнимая революционность авторов формулировок программы — и Плеханова и комиссии — благодаря своей туманности может только послужить лазейкой для оппортунизма, Ленин писал:

«Я вполне разделяю мысль В. Дм. (Засулич), что у нас возможно привлечение в ряды социал-демократии гораздо большей доли мелких производителей и гораздо раньше (чем на Западе), — что для осуществления этого мы должны сделать все от нас зависящее, — что это «пожелание» надо выразить в программе «против» Мартыновых и К°.

Со всем этим вполне согласен... Приветствую, — подчеркиваю это во избежание недоразумений. Но не надо же перегибать лук в другую сторону, как делает В. Дм. (Засулич)! Не надо же «пожелание» смешивать с действительностью... Желательно привлечь всех мелких производителей, — конечно. Но мы знаем, что это особый класс, хотя и связанный с пролетариатом тысячью нитей и переходных ступеней, но все же особый класс...

Обязательно сначала отгородить себя от всех, выделить один только, единственно и исключительно пролетариат, — а потом уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает.

У нас в России дьявольские муки «трудящейся и эксплоатируемой массы» не вызвали никакого народного движения, пока «горстка» фабрично-заводских рабочих не начала борьбу, классовую борьбу. И только эта «горстка» гарантирует ее ведение, продолжение, расширение. Именно в России, где и критики (Булгаков) обвиняют социал-демократов в «крестьянофобстве» и социалисты-революционеры кричат о необходимости заменить понятие классовой борьбы понятием «борьбы всех трудящихся и эксплоатируемых»... именно в России мы должны сначала самым резким определением одной только классовой борьбы, одного только пролетариата отгородить себя от всей этой швали, — а потом уже заявлять, что мы всех зовем»...

А комиссия «расширяет», позабывши отгородить!! И обвиняет меня в узости за то, что я требую предпослать расширению «эту отгородку»?! Ведь это подтасовка, господа!». («Ленинский сборник», № 2, стр. 132—133.)

Таким образом, если стать на точку зрения комиссии, можно было бы подумать, что В. И. Ленин был как бы за чисто «рабочую» программу, в то время как Плеханов оттенял и роль «средних слоев» — крестьянства и т. д. Теперь мы видели, что на самом деле это не так. Толкования Плеханова и комиссии давали место «лазеечности», поскольку само выражение «диктатура пролетариата» заменялось «диктатурой трудящихся и эксплоатируемых», здесь, как мы сейчас увидим, ясно не обозначалась ни истинная роль революционности пролетариата, ни истинная роль революционности остальных трудящихся, если не считать, что между борьбой пролетариата и борьбой остальных масс комиссией ставился знак равенства, что, конечно, не так.

Ленин же и не думал отрицать роль «союзников», — в особенности крестьянства, — мы это знаем уже из подхода В. И. к критике народничества и с еще большей очевидностью убедимся в этом, когда остановимся на разногласиях в связи с аграрной программой. Но Ленин требовал, чтобы роль гегемона — пролетариата, как мы уже отмечали выше, была указана со всей исчерпывающей полнотой и ясностью; иначе получилась бы двусмысленность: в самом деле, разве борьба пролетариата и борьба крестьянства это одно и то же, хотя и тот и другое «эксплоатируемые и трудящиеся»? Вот и проводите это отчетливо к программе, чтобы и пролетариату было отведено свое место, и остальные «трудящиеся» понимали, почему и как лишь в рабочем классе они имеют верного и надежного вождя в своей борьбе.

Это, конечно, прекрасно знала и комиссия и Плеханов, но такой четкости в программе они не дали.

«Партия революционного класса, — писал Ленин, — только в той форме и может выразить условную революционность других классов, чтобы изложить перед ними свое понимание их бедствий и средств исцеления от их бедствий, чтобы выступить в своем объявлении войны капитализму не только от своего имени, но и от имени всех «бедствующих и нищенствующих» масс. Отсюда уже само собой следует, что кто примет это учение, тот должен будет прийти к нам. Было бы просто смешно, если бы мы вздумали еще особо указать это в программе и заявить, что, вот, если такие-то ненадежные элементы перейдут к нашей точке зрения, то и они будут революционны. Это было бы лучшим средством разрушить веру в нас как раз у тех половинчатых и дряблых союзников, которым и без того нехватает веры в нас». («Ленинский сборник», № 2, стр. 82 — 83.)

Как же мыслил себе построение программы В. И. Ленин? Собственно проект программы, предложенный (выдвинутый) В. И. Лениным, был только видоизмененным проектом, над которым он работал еще с 1895 года. Когда В. И. сидел в тюрьме (1895—1896 г. г.), он работал над программой партии. Первоначальный проект был написан им жидким молоком между строк какой-то книги и в таком виде был передан на волю. Уже здесь мы находим взгляд В. И. на то, как должна строиться программа партии. Таким образом, приехав за границу, В. И. Ленин был уже достаточно подготовлен, и сопоставление разногласий внутри «Искры» из-за программы с тем, что писал Ленин в 1895—1896 годах, позволяет судить, что уже в этот период у него складывались взгляды весьма близкие к тем, которые он отстаивал во время разногласий своих в редакции «Искры».

В самом деле, в этом проекте В. И. Ленин пишет:

«Программа разделяется на три главные части. В первой части излагаются все воззрения, из которых вытекают остальные части программы. В этой части указывается, какое положение занимает рабочий класс в современном обществе, какой смысл и значение имеет его борьба с фабрикантами и каково политическое положение рабочего класса в русском государстве.

Во второй части излагается задача партии (разрядка В. И.) и указывается, в каком отношении она находится к другим политическим направлениям в России. Здесь

говорится о том, какова должна быть деятельность партии и всех сознающих свои классовые интересы рабочих и как следует им относиться к интересам и стремлениям других классов русского общества. 3-я часть содержит практические требования партии. Эта часть подразделяется на три отдела. 1-й отдел содержит требование общегосударственных преобразований, 2-й отдел — требования и программу рабочего класса. 3-й — требования в пользу крестьян». (Ленин. Собр. соч., т. I, стр. 413.)

Как видит читатель, это как раз то, что Ленин отстаивал в старой «Искре». Впоследствии в своих комментариях к проекту программы РСДРП Плеханов писал:

«Заботливо и не без «ортодоксального» умысла оттенили мы в нашем проекте роль социал-демократии как передового отряда рабочей армии и вместе ее руководителя». (Ленин. Собр. соч., т. XII, стр. 228.)

Теперь видно, что этот «ортодоксальный умысел» обязан больше, чем кому бы то ни было, Ленину. К сожалению до конца, как мы уже говорили, этот «умысел» Ленину провести не удалось.

Вот к чему сводились разногласия по общетеоретической части программы, как это теперь можно документально установить. И теперь читатель видит, как должен выглядеть Мартов, активнейший участник этой знаменитой дискуссии в «Искре», когда он в своей «Истории РСДРП» описывает программные разногласия в таком неправильном виде:

«Вскоре после появления «Что делать?» напечатан был в № 21 «Искры», выработанный ее редакцией проект программы РСДРП. Первоначальный набросок проекта, составленный Лениным, подвергся суровой критике со стороны Г. Плеханова ввиду того, что давал такую схему развития капиталистического общества и его противоречий, ведущих к социальной революции, которая годилась для любой страны и не оттеняла особенностей исторического развития России, еще не закончившейся в ней борьбы буржуазного способа производства с сословно-крепостническими пережитками... Новый проект, написанный самим Плехановым и устранявший этот схематизм, стремился учесть результаты только что закончившейся теоретической полемики среди западно-европейских социалистов (имеется в виду бернштейниада. Ред.) о тенденциях и темпе капиталистического развития и об условиях осуществления социализма». (Мартов. «История Российской социал-демократии», стр. 68—69.)

Ведь здесь, что называется, ни одного верного слова: 1) читатель видел, что первый проект был представлен не Лениным, а Плехановым, 2) этот проект был взят Плехановым обратно именно из-за тех его черт, которые Мартов приписывает Ленину, когда именно последний совершенно справедливо упрекал за них Плеханова, и был поддержан... Мартовым; только впоследствии Мартов перешел на сторону Плеханова. Об этом можно прочесть даже у меньшевистских редакторов «Переписки Аксельрода и Мартова», хотя это, конечно, вытекает и из приведенных нами документов.

Переходим теперь к разногласиям в аграрной программе.

д) РАСХОЖДЕНИЕ ПО ПОВОДУ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ

Сущность разногласий в аграрной программе сводилась, как это отмечает т. Каменев [1]), к двум основным пунктам: во-первых, к объему тех «отрезков», которые должны быть возвращены крестьянству, другое — к лозунгу национализации земли,—лозунгу, ставшему основным в революции 1905 года и после нее решительно осужденному меньшевиками. В этих разногласиях, как и в разногласиях по теоретической части программы, стояло тогда по одну сторону большинство редакции, по другую сторону... один т. Ленин. Мы не будем во всех подробностях давать анализ расхождения, это будет и лучше и удобнее сделать в одной из следующих глав, специально посвященной аграрному вопросу, — в главе о революции 1905 года; здесь же важно будет отметить, что эти разногласия целиком и полностью ставят уже те вопросы, которые встанут перед нами в 1905 году, являясь таким образом как бы прологом к ним. «Отрезки», как известно, являлись центральным пунктом аграрной программы, принятой на II съезде. Идея «отрезков» принадлежала Ленину. В чем же заключалась сущность этого проекта, выдвигаемого Лениным?

е) ЛЕНИНСКИЙ ПРОЕКТ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ

Идея отрезков возникла у В. И. Ленина еще в 1894 году на основании изучения конкретных условий состояния русской деревни и включена им в свой проект программы 1896 года.

У Мартова в «Записках с.-д.» по этому поводу читаем такие места:

«...кажется, Кржижановский сообщил нам о «выдумке Ильича» [2]), которую тот ему сообщил в переписке во время заключения в «Предварилке». «Выдумка» состояла в формулировании такого положительного требования в области аграрной политики, которое, удовлетворяя земельную тяжбу крестьян и тем давая социал-демократии возможность приобрести в крестьянском движении опору, в то же время не рисковало при своем осуществлении затормозить ход экономического развития. Речь шла о знаменитых «отрезках», т.-е. о требовании передачи крестьянам всей земли, которою они владели до великого грабежа 19 февраля 1861 года. Основным аргументом Ульянова было, что на «отрезных» землях преимущественно держатся кабальные отношения в деревне и что, стало быть, возвращение этих земель хотя и увеличит площадь крестьянского землевладения, но устранит главный фактор, мешающий развитию капитализма в земледелии. «Выдумка» после подробных дебатов, в конце концов, нам понравилась, и мы сочли ее достойной обсуждения в партии. Позже я целиком воспринял ее — задолго до введения ее в партийную программу, — хотя временами во мне возникало сомнение, не правильнее ли было бы со стороны партии, не смущаясь временным и частичным (разрядка Мартова) регрессом производительных сил, который явился бы результатом осуществления «чернопередельческой» крестьянской программы, т.-е. захвата всех помещичьих земель, стать на почву такого передела в надежде, что могучий толчок,

---

[1]) «Ленинский сборник», № 3.

[2]) «Ильичем» уже тогда звали близкие товарищи В. И. Ленина. Мартов в примечании пишет, что «В. И. Ульянова в дружеском кругу звали еще «стариком» и Ляпкиным Тяпкиным». На вопрос о происхождении второго прозвища товарищи мне разъяснили: он у нас до всего своим умом доходит».

который этим переворотом был бы дан всему народному хозяйству, быстро бы сгладил следы этого регресса». (М а р т о в. «Записки социал-демократа», стр. 331—332. Изд. «Красная Новь», 1924 г. Москва.)

Так ясно и четко формулировал этот взгляд В. И. Ленин еще в 90-х годах, и Мартов к нему вполне присоединялся, при чем тогда был не чужд идее «черного передела» и понимания его прогрессивной роли для России. Ниже мы увидим, как Мартов впоследствии отошел от этих своих взглядов на «черный передел» и что послужило причиной такого отхода. Здесь важно отметить, что с самого начала никто не понимал в устах Ленина «отрезки» как м а к с и м у м того, что в своих аграрных требованиях способны выдвинуть с.-д., а глядел на отрезки, как на «п е р в ы й ш а г». Отрезки в основном сводились таким образом к возвращению отнятой у крестьян в результате «великой освободительной реформы 1861 г.» в пользу помещиков около 50% крестьянской земли, при чем, как известно, была отнята лучшая земля и была отнята так, что помещичья земля так или иначе вклинивалась, смешивалась с землей крестьянства; затем многочисленные, абсолютно необходимые для хозяйства угодья — выгоны, выпасы и т. д. — остались за помещиками. Все это было сделано для сохранения в несколько прикрашенном виде крепостничества, так как крестьяне, очутившиеся в таком безвыходном положении, вынуждены были прибегать к помощи помещика, который «шел им навстречу» лишь при условии «отработков» совершенно непосильных «кабальных» сделок, ставивших крестьян в старое положение «раба своего господина».

Вопрос, ставший тогда перед социал-демократами, заключался в следующем: как согласовать такое кажущееся противоречие в с.-д. программе, если принять требование возвращения отрезков? Программа говорит о неизбежности вытеснения мелкой собственности крупной, а в то же время в ней выставляется требование, которое ведет к тому, чтобы в деревне «раздробить» крупную помещичью собственность, крупные имения и насадить мелкую путем дробления земли. На этом м н и м о м противоречии и пытались играть господа «экономисты» и К°, критикуя аграрную программу Ленина. На самом деле здесь дело обстояло так. Какую цель ставили себе своей аграрной программой с.-д.? Действительно ли она отступала от основных положений марксизма и давала нечто принципиально другое? Конечно, нет. На это В. И. Ленин отвечает:

«Центральным фактом и в области аграрных порядков в России мы признаем классовую борьбу. Мы строим всю свою аграрную политику (а следовательно) и аграрную программу на неуклонном признании этого факта, со всеми последствиями, вытекающими из него. Наша главная ближайшая цель — расчистить дорогу для свободного развития классовой борьбы в деревне, классовой борьбы пролетариата, направленной к осуществлению конечной цели всемирной социал-демократии, к завоеванию политической власти пролетариатом, к созданию основ социалистического общества. Объявляя классовую борьбу своей руководящей нитью во всех «аграрных вопросах», мы тем самым решительно и бесповоротно отделяем себя от столь многочисленных в России сторонников половинчатых и расплывчатых теорий: «народнической», «этико-социологической», «критической», «социал-реформаторской» и как их еще там звать!». («Ленинский сборник», № 3, стр. 360.)

Таким образом и в аграрной программе революционное крыло социал-демократии в России отнюдь не собиралось сходить с обычной точки зрения

революционно-марксистского понимания развития. Весь вопрос заключался в том, какие конкретно мы можем выдвинуть требования для русской деревни, для выяснения аграрного вопроса в России. В. И. Ленин отвечает и на это:

«Чтобы расчистить дорогу для свободного развития классовой борьбы в деревне, необходимо устранить все остатки крепостного порядка, которые теперь прикрывают зачатки капиталистических антагонизмов внутри сельского населения, не дают им развиться... «Остатки старого крепостного порядка» страшно еще велики в нашей деревне. Это факт общеизвестный. Отработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчинение вооруженному розгой привилегированному землевладельцу, бытовая приниженность, делающая крестьянина настоящим варваром, — все это не исключение, а правило в русской деревне, и все это является, в последнем счете, прямым переживанием крепостного порядка. В тех случаях и отношениях, где царит этот порядок и поскольку он еще царит, врагом его является все крестьянство как целое. Против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться классом, именно классом не капиталистического, а крепостного общества, т.-е. классом-сословием». (Там же, стр. 328, 360.)

«Поскольку сохраняется еще в нашей деревне этот свойственный крепостному обществу классовый антагонизм «крестьянства» и привилегированных землевладельцев, постольку рабочая партия, несомненно, должна быть на стороне «крестьянства», должна поддерживать его борьбу и подталкивать его на борьбу против всех остатков крепостничества. Мы ставим в кавычки слово «крестьянство», чтобы отметить наличность в этом случае не подлежащего никакому сомнению противоречия: в современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом. Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это — противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой жизни. Это не сочиненное, а живое диалектическое противоречие. Поскольку в нашей деревне крепостное общество вытесняется современным (буржуазным) обществом, постольку крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую, мельчайшую). Поскольку сохраняются еще крепостные отношения, постольку «крестьянство» продолжает еще быть классом, т.-е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества. Это «поскольку-постольку» существует в действительности в виде крайне сложного сплетения крепостнических и буржуазных отношений в современной русской деревне...»

«И вот, не делая себе иллюзий насчет возможности процветания или даже сносного существования мелких производителей в капиталистическом обществе (каковым все более и более становится Россия), мы требуем полной и безусловной, не реформаторской, а революционной отмены и уничтожения пережитков крепостничества, мы признаем крестьянскими те земли, которые отрезало у них дворянское правительство и которые по сию пору продолжают держать их в фактическом рабстве. Мы становимся, таким образом, в виде исключения и в силу особых исторических обстоятельств, защитниками мелкой собственности, но мы защищаем ее лишь в ее борьбе против того, что уцелело от «старого режима» и лишь под условием отмены тех учреждений, которые задерживают преобразование патриархальной, застывшей в своей неподвижности, забитости и заброшенности обломовки, под условием создания полной свободы передвижения, свободы обращения земли, полного уничтожения сословных делений». (Там же, стр. 327. 328, 360, 361.)

Мы привели эти выписки, чтобы была ясна не только несостоятельность обвинений в «оппортунизме», узости, «мелко-собственнической идеологии», но чтобы подчеркнуть также, в чем, по мнению В. И. Ленина, гвоздь аграрного вопроса в России. Гвоздь аграрного вопроса в России вплоть до октября 1917 г. — это крепостничество в деревне,

не устраненное куцой реформой 1861 года. Именно остатки крепостничества, прикрываемые «общинным духом», отсталостью крестьянства и другими «народными устоями», якобы соответствующими укладу жизни русского народа, мешали свободному развитию производительных сил и классовой борьбы в деревне, служили источником обогащения помещиков и неслыханной эксплоатации всего крестьянства. Вот к устранению этих остатков и должны были направиться в первую очередь аграрные требования партии рабочего класса. Но здесь возникает еще одно на первый взгляд странное недоразумение. Дело в том, что в проекте аграрной программы ни разу не упоминается о сельскохозяйственном пролетариате и требованиях, которые выдвигает наша партия в его защиту. Что же это, — забыли о нем составители программы или действительно отступили от «ортодоксии»? Недоразумение это, однако, совершенно исчезнет, если мы вдумаемся в разъяснения, какие давал В. И. Ленин по поводу аграрной программы.

«Чтобы читатель нагляднее представил себе неизбежность сложного решения аграрного вопроса, мы попросим его сравнить в этом отношении рабочий и крестьянский отделы программы. В первом из них все решения чрезвычайно просты, понятны даже совсем мало посвященному и совсем мало думавшему человеку, «естественны», близки, легко осуществимы. Во втором, наоборот, большинство решений чрезвычайно сложны, «непонятны» с первого взгляда, искусственны, маловероятны, трудно осуществимы. Чем объяснить это различие? Не тем ли, что составители программы в первом случае трезвенно и деловито размышляли, а во втором сбились и запутались, впали в романтизм и фразеологию. Такое объяснение надо правду сказать, было бы, чрезвычайно просто, детски просто...»

И дальше В. И. Ленин поясняет, что за такое объяснение могут ухватиться только «оппортунисты», которые совершенно не поняли того, какую цель преследует «рабочая» часть программы и какую «крестьянская», — почему действительно «так проста» первая часть и так «сложна» вторая.

«Общественно-экономические отношения в области крупного капиталистического производства, — продолжает Ленин, — стали и все более становятся до такой степени прозрачными, ясными, упрощенными, что ближайшие шаги вперед намечаются сами собой, напрашиваются сразу и с первого взгляда. Наоборот, вытеснение крепостничества капитализмом в деревне до такой степени запутало и усложнило общественно-экономические отношения, что над решением ближайших практических вопросов (в духе революционной социал-демократии) надо очень подумать, и «простого» решения — можно заранее с полной уверенностью сказать — выдумать не удастся...»

И здесь В. И. Ленин дает совершенно исчерпывающее, как он сам выражается, «принципиальное» различие между «рабочей» и «крестьянской» программой:

«В обоих отделах мы излагаем не нашу конечную цель, а наши ближайшие требования. В обоих мы должны поэтому оставаться на почве современного (буржуазного) общества. В этом состоит сходство обоих отделов, но их коренное отличие состоит в том, что рабочий отдел содержит требования, направленные против буржуазии, а крестьянский — требования, направленные против крепостников-помещиков... В рабочем отделе мы должны ограничиться частичными улучшениями данного буржуазного порядка. В крестьянском — мы должны стремиться к полному очищению этого данного порядка от всех остатков крепостничества, или иначе: в рабочем отделе мы безусловно ограни-

чимся рамками программы-минимум, в крестьянском отделе мы можем и должны дать программу-максимум». («Ленинский сборник», № 3, стр. 330, 331, 332.)

Таким образом все, что относится к «рабочей» программе, включает и с.-х. пролетариат, аграрная же программа рассчитана исключительно на крестьянство целиком как на класс, борющийся против помещиков и крепостников. Но в таком случае возникал еще один вопрос: являются ли «отрезки» программой-максимум? А как же полное уничтожение дворянско-помещичьей собственности, а как же конфискация земель, разве только при социализме станет она возможной, и наш помещик, лишившись «отрезков», все-таки останется господином положения в деревне? Неужели это выдается за программу-максимум для крестьян у революционной социал-демократии? Ленин знал и предвидел подобные возражения. Ленин и не думал «отрезки» считать программой-максимум, он так прямо и заявлял, что «отрезки» это — «первый шаг» к реальному, практическому осуществлению социал-демократических требований, выдвинутых еще в свое время группой «Освобождение Труда». Настоящей же крестьянской программой-максимум с.-д. уже тогда, в 1902 году, как писал Ленин в цитированной статье «Аграрная программа русской социал-демократии», является национализация земли. Это место затем по причинам, о которых мы будем говорить ниже, Ленин снял, и статья вышла в «Заре» в том виде, в каком она приводится в IX т. Собр. соч. В. И. Ленина. Только в настоящее время мы имеем возможность проследить эти взгляды В. И. Ленина в их неурезанном, неизмененном виде, поскольку в «Ленинском сборнике» она приводится полностью. Но вместе с тем национализация земли уже тогда выдвигалась Лениным не «на любой случай», а как лозунг восстания, ибо только полная окончательная победа над самодержавием позволяла пролетариату осуществить лозунг национализации. Следовательно, для В. И. Ленина «отрезки» были, так сказать, «прологом» к национализации, и наша аграрная программа 1905 года явилась только логическим завершением программы 1903 года. Об этом совершенно определенно читаем у В. И. Ленина:

«Наша аграрная программа, рассчитана поэтому практически, главным образом на непосредственно ближайшее будущее, на период до падения самодержавия. Политический переворот в России во всяком случае и неизбежно поведет за собой такие коренные преобразования самых отсталых наших аграрных порядков, что нам тогда непременно придется пересмотреть нашу аграрную программу». («Ленинский сборник», № 3, стр. 334.)

И дальше В. И. показывает, в каком направлении нам придется пересматривать нашу аграрную программу в случае революционного переворота. Ленин пишет:

«...Национализация земли. Это требование, если понимать его в буржуазном, а не в социалистическом смысле, действительно «идет дальше» требования вернуть отрезки, и в принципе мы вполне разделяем это требование. В известный революционный момент мы не откажемся, разумеется, его выдвинуть. Но теперешнюю свою программу мы соста-

вляем не только и даже не столько для эпохи революционного восстания, сколько для эпохи политического рабства, для эпохи, предшествующей политической свободе. И в такую эпоху требование национализации земли гораздо слабее выражает непосредственные задачи демократического движения в смысле борьбы с крепостничеством. Требование учредить крестьянские комитеты и вернуть отрезки непосредственно разжигает данную классовую борьбу в деревне, и потому оно не может подать повода ни к какому эксперименту в духе государственного социализма. Наоборот, требование национализации земли отвлекает до известной степени внимание от самых рельефных проявлений и самых сильных переживаний крепостничества. Поэтому наша аграрная программа может и должна быть выдвинута сейчас же как одно из средств подтолкнуть демократическое движение в крестьянстве. Требование же национализации выдвигать не только при самодержавии, но и при полуконституционной монархии было бы прямо неправильно, ибо при отсутствии вполне уже упрочившихся, глубоко укоренившихся демократических политических учреждений это требование гораздо скорее отвлечет мысль к нелепым экспериментам государственного социализма, чем даст толчок «свободному развитию классовой борьбы в деревне».

«Вот почему мы думаем, что максимум нашей аграрной программы на базисе современного общественного строя не должен итти дальше демократического пересмотра крестьянской реформы. Требование национализации земли, будучи вполне правильным с принципиальной точки зрения и вполне пригодным для известных моментов, является нецелесообразным политически в данный момент». («Ленинский сборник» № 3, стр. 352—353.)

Таким образом принципиально для В. И. Ленина вопрос о национализации уже в этот период был решен положительно. Только практически, как лозунг, он был, по его мнению, еще несвоевременен и постольку — ненужен. В сущности уже здесь мы имеем во всех рассуждениях В. И. Ленина канву большевистской аграрной программы; тем более важно проследить доводы остальной части редакции «Искры» против программы и установить, в какой связи эти рассуждения находятся с эволюцией к меньшевизму этой части редакции.

ж) КРИТИКА ЛЕНИНСКОЙ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ ВНУТРИ «ИСКРЫ»

Мы уже говорили, что именно по вопросу о национализации разгорелись наиболее жаркие прения среди «искровцев». Это тем более характерно, что национализации, как лозунга дня, В. И. Ленин и не собирался еще выдвинуть. На «отрезках» же в общем сходились все: следовательно, имелось в виду именно «будущее время». Ленин показал и доказал, как и когда национализация вытекает из требования «отрезков»; нельзя, так сказать, выдвигая «отрезки» в ленинском истолковании, отрицать национализацию. Остальная часть редакции смотрела иначе [1]).

Редакцией было так сформулировано несогласие с Лениным по вопросу о национализации:

---

[1]) Говоря о разногласиях внутри «Искры», мы остановимся только на вопросе о национализации земли, поскольку это действительно, как уже тогда выразился Плеха-

«Национализацию земли, как требование, не предшествующее непосредственно социализации всех средств производства, социал-демократия не может признать, а потому все относящиеся сюда страницы выкинуть и оставить (и усилить) характеристику этой меры как реакционной в данный момент и как излишней в качестве выделенной части социалистической конечной цели». («Ленинский сборник» № 3, примечание к стр. 362—363.)

А к этому Аксельрод добавил впоследствии при дальнейшем обсуждении программы: «Национализация земли и как лозунг в о с с т а н и я теперь антиреволюционна». (Там же, стр. 385.)

Итак, большинство редакции «Искры» стояло на точке зрения принципиально противоположной той, которую развивал Ленин, и считало, что 1) национализация земли мыслима только в связи с национализацией всех средств производства, что, следовательно, эта мера не буржуазная, а социалистическая, и поэтому вставлять ее в программу-минимум, значит — сеять только ненужные и вредные иллюзии о возможности «социализма» в буржуазном обществе, 2) с точки зрения тактической она не могла быть лозунгом восстания.

В дальнейшем большинство редакции «Искры» в процессе обсуждения программы обязательно ставит вопрос о национализации лишь для того, чтобы подчеркнуть ее реакционный характер: «Надо больше и рельефнее отметить реакционный характер требования национализации земли в данный момент в России». А в том месте, где Ленин говорил, что при известных условиях возможна и национализация, что это как раз и будет лозунгом восстания в настоящей на манер великой французской буржуазной революции, редакция предлагала изменить это место так: «...национализацию земли мы принимаем только как непосредственный пролог к социализации средств производства». (Там же, стр 387.) Это, по существу дела, было то же самое, чего требовало большинство редакции в начале обсуждения вопроса; но чрезвычайно характерно, что на этот раз Плеханов, самый непримиримый в вопросе о национализации, стоял за то, чтобы места в статье Ленина, касающиеся национализации, оставить. Нужно отдать справедливость Плеханову, что он, желая лучше оставить вопрос о национализации в таком виде, как этого требовало большинство редакции, чем вовсе выбросить все относящееся к вопросу о национализации, оказался очень и очень дальновидным и последовательным в развитии своих взглядов.

Мы уже цитировали места, где Ленин говорит, что «отрезки» будут в нашей аграрной программе лишь д о падения царизма, а затем неизбежно аграрная программа будет пересмотрена, — в каком направлении, мы также видели. Мы знаем также, почему Ленин сразу не вносил в программу вопроса о национализации. И Плеханов, конечно, сразу схватил, в чем дело. Он сразу почуял, куда бьет Ленин. Поэтому сразу нужно было отрезать все возможные пути для введения национализации в нашу программу. Он требовал устранения этого замечания Ленина на счет пересмотра в будущем, находя, что программа «отрезков» целиком и полностью выражает революционные требования с.-д. в аграрном вопросе.

нов, «гвоздь» — центральный пункт разногласий, на остальных же вопросах, имеющих несравнимо меньшее, хотя и важное, значение, мы останавливаться вовсе не будем». (Подробнее смотри «Ленинские сборники» № 2 и № 3.)

Ленин предпочел лучше совсем выкинуть вопрос о национализации, чем ставить его в таком совершенно неприемлемом для него и для всего духа программы виде, но зато цитированное примечание оставить. Плеханов впоследствии, чтобы еще больше дискредитировать идею национализации, писал в своих «Комментариях к программе РСДРП», что «национализация земли защищается у нас...» «Московскими Ведомостями» [1])... Социалисты могут защищать ее только по недоразумению». (Плеханов. Собр. соч., т. XII.)

А Мартов в своей «Истории РСДРП» писал:

«Возможность выставить требование экспроприации всей помещичьей земли, о чем поднимался вопрос и в редакции «Искры» и среди русских практиков, не допускалась большинством «искровцев», которые опасались, что, выставляя или только поддерживая это требование, социал-демократия будет способствовать развитию в крестьянских массах иллюзий о завоевании себе прочного хозяйственного положения в капиталистическом обществе». (Мартов. «История РСДРП», стр. 69.)

Но в таком случае возникает вопрос — был ли Ленин, так сказать, «оригинален», выдвигая национализацию как лозунг восстания и пока что по чисто тактическим соображениям заменяя его «отрезками»? Ведь он неоднократно подчеркивал, что продолжает в этом отношении только то, что довольно определенно наметила еще группа «Освобождение Труда». А между тем, как мы видели, члены последней не только резко осуждали национализацию, но высказывали взгляды прямо-таки противоположные. Как же так? Или Ленин, может быть, в целях популяризации, боясь высказать их впервые от своего лишь имени, пытался прикрыться авторитетом группы «Освобождение Труда»? Выдвигая идею национализации, В. И. Ленин последовательно отстаивал то, что высказывал марксист Плеханов, в свое время. В 90-х годах, возвращаясь к этому вопросу, Плеханов видел в выдвижении лозунга национализации наше отличие, как с.-д., от обычных буржуазных либералов и демократов. И в брошюре «Социализм и политическая борьба» и в «Наших разногласиях» и в особенности в брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом» Плеханов, как и Ленин, расшифровывал, что̀ означало требование группы «Освобождение Труда» о радикальном пересмотре аграрных отношений. И вот что писал тогда Плеханов о принципиальной возможности национализации:

«Мы думаем, что в общем русское крестьянство отнеслось бы с большей симпатией ко всякой мере, имеющей в виду так называемую национализацию земли. При возможности сколько-нибудь свободной агитации в его среде оно отнеслось бы с сочувствием и к социалистам, которые не замедлили бы, разумеется, внести требования такого рода мер в свою программу». («Социализм и политическая борьба».)

В брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом» (1892 г.) Плеханов писал:

«Положим, что на Земском Соборе заговорили об увеличении крестьянских наделов. Буржуазные представители надеются все уладить незначительными прирезками. Но со-

[1]) «Московские Ведомости» — самая реакционная газета того времени. Ред.

циал-демократы и тут не оставляют их в покое. Они добиваются полной экспроприации крупных землевладельцев и обращения земли в национальную ценность».

Плеханова не смущало и то, что национализация будет связана с «дроблением» земельной собственности; он говорил:

«Ну, а если крестьяне, отняв земли у крупных землевладельцев, переделят их между общинами? И в том не вижу я беды». («О задачах социалистов в борьбе с голодом».)

Наконец, Плеханов указал тогда же, когда удобнее всего тактически выдвигать требования национализации.

Но тогда, спросит читатель, в чем же дело? Ведь Ленин, можно сказать, почти что бил Плеханову челом его же добром. Ведь Ленин в данном случае только развивал то, что Плеханов проповедывал, еще начиная с 80-х годов, как только он усвоил суть марксизма. Совершенно верно. Но ошибки Плеханова в этом вопросе, как и остальных членов редакции, находившихся под влиянием Плеханова, временами колебавшихся, шатких, но в общем остававшихся «верными» Плеханову, заключались, во-первых, в шаблонизации развития России по известному им трафарету Запада даже тогда, когда этого делать не следовало, когда это было неправильно. Во-вторых, противопоставлять Россию Западу — «заграница» тогда, когда для этого не было основания. Мы разберем эти ошибки подробнее, когда коснемся аграрного вопроса в революцию 1905 г., иначе нам теперь пришлось бы сделать значительное отклонение в сторону. Сейчас же скажем только, что в первом случае большинство редакции, во-первых, не различало, вопреки указаниям Ленина, условий, в которых находился «Запад», уже переживший буржуазную революцию, где, конечно, лозунг национализации был реакционен, потому что означал отдачу в руки контр-революционного буржуазного государства земли, в то время, как Россия такой революции еще не знала, и поэтому лозунг «национализация» означал для нее беспощадное выкорчевывание восставшим революционным народом оплота царизма — помещика. Во-вторых, свои взгляды большинство редакции «Искры» и Плеханов защищали, исходя из неправильного понимания исторического процесса в России и классовой природы русского государства: это было в сущности либеральное понимание, на него впоследствии целиком опирался меньшевизм [1]).

После этого ознакомления с разногласиями внутри «Искры» нам станет понятно, что именно эти разногласия — действительные предпосылки, больше того — ключ к пониманию причин раскола. Нам теперь понятно, что Ленин имел в виду, когда говорил, что дело не в том или другом пункте устава, что из-за одного пункта устава договориться всегда можно будет, что сами по себе взятые «уставные» разногласия — маленькие, что не нужно только на них настаивать, возводить в принцип и т. д. Он желал этим подчеркнуть, что дело идет о том, кто кого съест в партии, т.-е.

---

[1]) В настоящее время этих взглядов на развитие исторического процесса в России и на царизм продолжает держаться т. Троцкий. (См. вступительные статьи к его книге «Пятый год» и его полемику с тов. Покровским, в которой прав, безусловно, т. Покровский.)

победит ли революционное крыло настолько, что ему удастся преодолеть неустойчивую, еще неоформившуюся, но имеющую все данные, чтобы стать оппортунистической, часть партии, или же «шатающимся», «колеблящимся» удастся «маленькими» разногласиями повести партию по пути разброда, неустойчивости, как это случилось с меньшевиками, — к «соглашательству». Несомненно, что ход обсуждения и разногласия по программным вопросам уже тогда открыли глаза Ленину на многие будущие споры о «кооптации» и о «составе» редакции,— все это вытекало из итога той дискуссии, какая имела место в «Искре»:

«Нельзя сомневаться в том, — пишет т. Каменев, — что именно история радикального обсуждения этой статьи — вместе с ходом обсуждения проекта программы — убедила Владимира Ильича в нежизнеспособности такого состава редакции «Искры», при котором Плеханов — почти наверное и при любом разногласии — имел за себя еще двух членов редакции — П. Аксельрода и В. Засулич. При шестичленном составе редакции это положение становилось тормозом дальнейшего ведения дела. Мысль Ленина об изменении состава редакции «Искры» ведет свое начало, несомненно, от рассмотренного конфликта. А предложение об изменении состава редакции и ограничении ее тройкой (Плеханов, Ленин, Мартов) было, как известно, ближайшим поводом к расколу «искровцев» и созданию «большинства» и «меньшинства» на II съезде партии. Этим определяется и значение конфликта по поводу статьи Ленина в истории партии. Однако далеко не только этим».

Отношения внутри редакции «Искры» в период обсуждения программы настолько обострились, что Мартов в специальном письме, которое мы приводим почти полностью, с большой опаской обращается к Аксельроду с просьбой повлиять на дальнейший ход «истории» в смысле ее ликвидации.

«Обстоятельства, — пишет Мартов, — которыми сопровождается обсуждение аграрной статьи Ленина, заставляет меня писать это письмо и таким образом сделать попытку повлиять на дальнейший ход развития «внутренних отношений» в нашей коллегии, которые в настоящий момент дают основания к самым неприятным опасениям. Свое письмо я имею в виду сообщить А. Н. (Потресову), который, как надеюсь, выразит свою солидарность с ним, и затем показать Вере Ивановне Засулич, к которой, по существу, оно обращено в такой же мере, как и к вам и к Льву Григорьевичу (Дейчу), которому прошу показать его.

Дело вот в чем. В Цюрихе мы сообща разбирали статьи Владимира Ильича и выработали формулировку тех поправок и изменений, которые мы все считали необходимым условием для того, чтобы статья могла пойти как редакционная. Владимир Ильич, соответственно сделанным мной на полях замечаниям, изменил статью. При просмотре ее в новом виде я счел себя лично удовлетворенным сделанными реформами, но, не полагаясь на свое личное впечатление, как человека, который всех меньше был недоволен большинством соответствующих мест в первоначальном тексте, я не высказался окончательно, предложил послать статью Г. В. (Плеханову) и вам с тем, чтобы вы выразили свое отношение и, буде то или другое изменение покажется недостаточным, чтобы предлагалась всей коллегии голосовать определенно — формулированная новая редакция критикуемого места (процедура та же, что проделана с программой). Только таким образом можно было надеяться на то, что редакционное обсуждение не будет означать бесконечной волокиты. Так и было сделано.

Полученные теперь замечания Георгия Валентиновича (Плеханова) придали всему вопросу о редакционном обсуждении статьи Ленина совершенно иной вид. Вы видели и читали эти замечания, и, надеюсь, не будете протестовать против моих слов, если я скажу, что характер их необыкновенный в практике нашего коллегиального обсуждения статей, принадлежащих членам коллегии. По моему мнению, замечания написаны не только в высшей степени резко, но местами даже как будто бы умышленно резко, без всякого соображения с тем, что та или другая фраза должна звучать просто о с к о р-

бительно. Читая замечания, выносишь впечатление, что они написаны не для мотивировки того или другого предложения редакционных изменений, а для «поучения» автора. Не буду говорить о том, что многие замечания по их смыслу могут относиться только к первоначальному тексту статьи, и являются анахронизмом по отношению к тексту измененному (имею право высказать это предположение), ибо в этих случаях Г. В. (Плеханов) дважды прибавил: «согласен с замечанием Берга (Мартова)», тогда как писанные моей рукой на полях замечания, на которые он ссылается, суть не мои замечания на измененный текст, а мною записанная в Цюрихе формулировка наших общих указаний автору, которые он, по мере разумения, принял во внимание... Не буду останавливаться на вопросе, возможно ли ставить себе целью добиться от автора статьи, являющейся комментарием к принятой редакцией программе, чтобы он не только устранил все те отдельные положения, ясно выражающие его индивидуальные взгляды на вопрос, которых не разделяет большинство (что мы потребовали от автора), но и чтобы он те взгляды, с которыми все согласны, выражал и защищал совершенно так, как их защищал бы каждый из нас на месте его! (А между тем, к этому сводится, в сущности, «мораль» большинства замечаний Г. В. Плеханова.) Остановлюсь только на одном вопросе: что предлагает нам вотировать Г. В. (Плеханов)? В одном месте — предложение поручить автору «радикально переделать» одну страницу; в другом месте — сделать стилистическую поправку. Прошу вас и В. Ив. (Засулич) подумать: уместно ли предлагать нам обращаться с товарищем по редакции, как с учеником, которому поручают переделать написанное сочинение и представить новый текст для новой, столь же усердной критики? Уместно ли предлагать нам вотировать определенные стилистические улучшения в статье соредактора? (Разрядка наша. Ред.). Отчего бы тогда спор между критиком и автором по вопросу о том, какова орфография какого-нибудь слова в его статье, не предложить вотировать нам, т.-е. навязать свое толкование орфографии? В высшей степени печально, что после $1^1/_2$-годовой совместной работы, в течение которой ни разу ни один автор из коллегии не подвергался и в отдаленной степени подобному третированию, ему подвергается теперь со стороны Г. В. (Плеханова) автор статьи, при чтении которой Г. В. (Плеханов) перед всеми нами очень одобрительно отозвался о важнейшей ее части. Неужели мы можем согласиться установить отныне такого рода редакционное обсуждение статей соредакторов, при котором каждая фраза и каждое слово будут подвергаться такой специфической фильтровке и каждое даже стилистическое улучшение, относительно которого критик не сможет столковаться с автором, будет вотироваться коллегией, чтобы быть навязанным автору quand meme? (Во что бы то ни стало. Ред).

Я не представляю себе возможности такой процедуры даже для таких статей, которые должны выражать коллегиальное мнение par exellence (преимущественно). Я вспоминаю, что при обсуждении в Мюнхене первого проекта программы, представленного Г. В. (Плехановым), попытка (моя и Фрея) (Ленина) именно таким образом вотировать и изменять проект по отдельным фразам побудила Г. В. (Плеханова) тотчас же взять обратно проект. А, между тем, если по отношению к чему-либо можно считать до известной степени неизбежным такой прием, то уж, конечно, всего скорее по отношению к программе, которая, являясь без подписи и имея в виду приобрести подпись целой партии, должна быть до известной степени безличной». («Ленинский сборник» № 3. Письмо 105. 15/V—1902 г., стр. 423—427.)

Мартов дальше подробнее характеризует поведение Плеханова по отношению к Ленину в связи со статьей об аграрной части программы, и прямо замечательно, что он не находит иного объяснения такому поведению, как «личное» раздражение Плеханова [1]).

[1]) Чрезвычайно характерно, что Ленин с самого начала отделил личные отношения от деловых. В письме от 14 мая 1902 года Ленина Плеханову мы читаем:

Результатом усилий Засулич, Аксельрода и др. было «извинительное» письмо Плеханова Ленину, где первый дипломатической фразой все сводил к тому, что «оба погорячились». Плеханов пишет:

«Пользуюсь случаем сказать Вам, дорогой В. И., что Вы напрасно на меня обижаетесь. Обидеть Вас я не хотел. Мы оба несколько зарвались в споре о программе, вот и все. Когда-нибудь, когда мы с Вами увидимся, мы поговорим об этом с глазу на глаз «по душе» (это здесь главное) и тогда, — если Вы захотите быть беспристрастным, — Вы сами увидите, что у меня тоже были некоторые основания считать себя обиженным. А теперь отложим это частное дело в интересах другого, гораздо более важного общего дела. Поверьте одному: я глубоко Вас уважаю и думаю, что на 75% мы с Вами ближе друг к другу, чем ко всем другим членам «коллегии», на остальные 25 — есть и разница, но ведь 75 втрое больше 25, и во имя единомыслия следует позабыть о разногласии... И теперь-то нам затевать междоусобие просто немыслимо. Поэтому еще раз не сердитесь на меня, а если хотите, чтобы я дал Вам какое-нибудь удовлетворение, напишите мне, я сделаю все, что могу, чтобы не раздражать товарища, который так полезен делу, и которого я, поверьте этому, уважаю от всей души». («Ленинский сборник», № 3, стр. 430.)

Однако уже из письма к Засулич, написанного на следующий день, читатель ясно увидит, что дело совсем не в том, что «погорячились», а в серьезнейших принципиальных расхождениях. Этим письмом Плеханов фактически звал к расколу, ибо читатель помнит, к чему могла бы привести открытая дискуссия внутри «Искры» в то время.

Вот, что Плеханов писал в этом письме:

«Я предлагаю вот что: пусть В(ладимир) И(льич) печатает свою статью без изменений, но пусть мне будет предоставлено право высказать в моей программной статье мой взгляд на отрезки.

Согласитесь, что это мое священное право. Я понимаю, что Вам теперь неприятно быть посредницей, но что же делать. Если бы дело не было перенесено в Лондон, то не было бы нужды в этих бесконечных переговорах». («Ленинский Сборник», № 3. Письмо 107, стр. 432 [1]).

К чести В. И. нужно отметить, что он сейчас же ухватился за «раскаяние» Плеханова, чтобы только избежать разрыва. Он пишет:

«Большой камень свалился у меня с плеч, когда я получил Ваше письмо, положившее конец мыслям о «междоусобии». Чем неизбежнее казалось нам это последнее, тем тяжелее были такие мысли, ибо партийные последствия были бы самые печальные.

Я буду очень рад поговорить с Вами при свидании о начале «истории» в Мюнхене, — не для того, конечно, чтобы ковырять старое, а чтобы выяснить себе, что было обидно для Вас тогда. Что я не имел и в мыслях обидеть Вас это Вы, конечно, знаете». («Ленинский сборник», № 3. Письмо 108, стр. 433.)

«Получил статью с Вашими замечаниями. Хорошие у Вас понятия о такте в отношениях к коллегам по редакции. Вы даже не стесняетесь в выборе самых пренебрежительных выражений, не говоря уже о «голосовании» предложений, которых Вы не взяли труда и формулировать, и даже «голосовании» насчет стиля. Хотел бы знать, что Вы скажете, когда я подобным образом ответил бы на Вашу статью о программе. Если Вы поставили себе целью сделать невозможной нашу общую работу, то выбранным вами путем Вы очень скоро можете дойти до этой цели. Что же касается не деловых, а личных отношений, то их Вы уже окончательно испортили или, вернее, добились их полного прекращения. («Ленинский сборник», № 3, стр. 422.)

[1]) Речь здесь идет о переезде редакции «Искры» в Лондон. Ред.

Мы со своей подробностью остановились на итогах борьбы внутри «Искры» к моменту II съезда, чтобы было видно, особенно в свете переписки всех редакторов, что не только для Ленина, но и для остальных ясно было, что «Искра» не однородна, что «Искра» неизбежно должна куда-то повернуть, как-то измениться, и это, конечно, чувствовалось тем острей, чем ближе был конец борьбы с «экономистами» и на очередь выдвигался вопрос — как и что дальше? [1]).

з) КРИТИКА ИСКРОВСКОЙ ПРОГРАММЫ ГРУППОЙ «БОРЬБА»

Из других течений, критиковавших программу «Искры» до съеда, стоит остановиться на группе «Борьба» [2]).

В специальной статье, озаглавленной «Ортодоксальное буквоедство», посвященной книге Рязанова, Плеханов так характеризовал эту критику: «Рязанов выдает себя за ортодокса, но занимается он просто-напросто б у к в о е д с т в о м, при чем... по временам очень сильно удаляется от ортодоксальной точки зрения... Увесистым плодом, б о л е е или менее «ортодоксального» буквоедства Рязанова явились три сотни печатных страниц, решительно никому, кроме самого Рязанова, да разве еще его группы, не нужных и решительно ни на что не пригодных, кроме разве служения очень ярким примером того, что иное дело к р и т и к а, а иное дело б у к в о е д с т в о». (П л е х а н о в. Собр. соч., т. XII, стр. 381.) Это, конечно, было очень резко по форме. Но Плеханов совсем не коснулся целого ряда вопросов по существу, а между тем дело было в том, что в своих требованиях по аграрному вопросу группа выдвинула национализацию земли и критиковала «Искру» за ее оппортунистические «отрезки». В своих предыдущих сочинениях Плеханов высказывал себя решительным сторонником национализации. Это рассматривалось, как мнение всей группы «Освобождение Труда»; «отрезки» же выдвинул Ленин, ни слова не говоря о возможной замене «отрезков» национализацией в своей статье об аграрной программе (почему это — мы уже знаем), — поэтому группа «Борьба» и считала, что группа «Освобождение Труда» сделала шаг назад под влиянием Ленина.

И характерно, что Плеханов — несмотря на то, что, защищая национализацию, Невзоров (Стеклов) все время цитировал Плеханова и противопоставлял его Ленину, — ни словом не упомянул о разногласиях внутри «Искры», отделавшись следующим замечанием:

«Ему (т.-е. Рязанову), изволите ли видеть, хочется доказать, что прародительница русской социал-демократии, группа «Освобождение Труда», стояла на правильной точке зрения до тех пор, пока не была введена в искушение змием-искусителем Лениным. Он сожалеет об ее грехопадении, но вместе с тем дает понять, что признает существование смягчающих ее вину обстоятельств и, — буде она, раскачавшись, восстанет против змия, — готов даже стереть главу оного. Он рекомендует нашей партии отклонить проект

[1]) Из этой же переписки читателю становится ясно, насколько меньшевики, в особенности Аксельрод и Мартов, пытались разыгрывать «казанских сирот», «невинных младенцев», когда по вопросу о составе редакции кричали, что-де Ленин хочет командовать, Ленин подбирает «своих людей», Ленин вводит в партию режим «осадного положения».

[2]) Здесь собственно представляет интерес критика этой группой (т. т. Рязановым и Стекловым) аграрной части программы (т. Стекловым)

программы, выработанный редакцией «Зари» и «Искры», и принять старый проект группы «Освобождение Труда» с соответствующими изменениями. Он, как видно, считает свое предложение крайне лестным для этой группы и надеется, что она станет его поддерживать. Такая «музыка» была бы очень приятна Рязанову. Но мы не имеем ни малейшего желания услаждать его слух» [1]). (Плеханов. Собр. соч., т. XII, стр. 372—373.)

Увы, что бы сказали т. т. Рязанов и Невзоров (Стеклов), если бы знали тогда, чему действительно собирался «учить» группу «Освобождение Труда» змий-искуситель — Ленин:

Но в таком случае — не была ли права «Борьба», выдвигая уже тогда лозунг национализации и тем самым отгораживая себя от всяких кривотолков, не должна ли «Борьба» быть признана родоначальницей революционной программы партии? Положительный ответ на этот вопрос промелькнул даже как-то в партийной литературе последнего времени. Но, как видит читатель, ознакомившись с историей аграрной программы, такой взгляд совершенно неверен и не только потому, что вопрос о национализации ставился тогда уже В. И. Лениным, но выдвигать национализацию как лозунг дня он считал тогда совершенно несвоевременным. Впоследствии об аграрной программе II съезда т. Ленин писал так:

«Основной ошибкой аграрной программы 1903 г. было... отсутствие точного представления о том, из-за чего может и должна развернуться аграрная борьба в процессе буржуазной российской революции, каковы те типы капиталистической аграрной эволюции, которые объективно возможны при победе тех или иных общественных сил в этой борьбе...

Программа 1903 г. ставит вопрос, поставленный еще в 1885 году: именно вопрос о борьбе крестьянских и помещичьих интересов в момент того пересмотра аграрных отношений, который всеми социал-демократами признавался за неизбежный. Но решается этот вопрос в программе 1903 г. неверно, ибо вместо того, чтобы противопоставлять последовательно крестьянский и последовательно юнкерский способ осуществления буржуазного переворота, программа искусственно конструирует нечто среднее. Правда, здесь надо принять во внимание, что отсутствие открытого массового движения не позволило тогда решить вопрос на основании точных данных, а не на основе фраз или невинных пожеланий или мещанских утопий, как решали его эсеры. Никто не мог с уверенностью сказать наперед, насколько расслоилось крестьянство под влиянием частичного перехода помещиков от отработков к наемному труду. Никто не мог учесть, как велик слой сельско-

---

[1]) Вообще чрезвычайно характерно, что даже на II съезде «критики» Мартынов, Акимов и К° видели в Ленине носителя «оппортунистического» начала, а в Плеханове— «ортодоксального». Так, критикуя программу, они сказали, что ее главный недостаток в том, что она пропитана мыслями из «Что делать?» Ленина, что, так сказать, с тех пор, как группа «Освобождение Труда» «связалась» с Лениным, они явно идут назад, а не вперед. Плеханов по этому поводу сказал, между прочим: «Вообще тов. Акимов удивил меня своей речью. У Наполеона была страстишка разводить своих маршалов с их женами: иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен. Тов. Акимов в этом отношении похож на Наполеона — он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявляю больше характера, чем наполеоновские маршалы; я не стану разводиться с Лениным и надеюсь, что и он не намерен разводиться со мной. (Тов. Ленин, смеясь, качает отрицательно головой.) (Протоколы II съезда.)

хозяйственных рабочих, создавшийся после реформы 1861 г., насколько обособились их интересы от интересов разоренной крестьянской массы». (Курсив наш. — Ред.) (Ленин. Собр. соч., т. IX, стр. 474—475.)

и) ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ НА СЪЕЗДЕ

Против принципиальной части программы на съезде выступал Мартынов, поддержанный Акимовым. После своей длинной речи с цитатами из Маркса, Каутского и др., по остроумному выражению одного из делегатов съезда покойного тов. Горина (Галкина) [1]), — «на всех языках, кроме разве испанского», — Мартынов вносил одну маленькую поправку к проекту. У «Искры» значилось: «Растет число и сплоченность пролетариев и обостряется их борьба с их эксплоататорами». Мартынов хотел формулировать так: «Растет число, сплоченность и сознательность пролетариев, и обостряется борьба рабочей массы с эксплоатацией». (Протоколы II съезда, стр. 103, 104.)

И вот ради этого длиннейшие, скучнейшие речи на тему о том, что только этой «поправкой» гарантируется пролетариату невозможность «опеки» со стороны интеллигенции над ним, которую, по мнению Мартынова, проповедывал в своем «Что делать?» Ленин. Так вновь воскрешались споры с «экономистами» о стихийности и сознательности. А главное — здесь брали под обстрел «гвоздь», сущность теоретической части программы — вопрос о диктатуре пролетариата, вопрос об относительном обнищании пролетариата и вопрос о роли и месте рабочей партии в капиталистическом обществе. Это со всей откровенностью и высказывал Акимов. Мартынов пытался отгородиться от Акимова; он говорил на съезде:

«До этого пункта (т.-е. по вопросу о стихийности и сознательности) [2]) мы сходимся во взглядах с т. Акимовым, но выводы мы делаем из них различные. Я не отрицаю ни теории обнищания, ни диктатуры пролетариата». (Протоколы II съезда, стр. 117.)

Но здесь, конечно, Акимов только последовательнее Мартынова. Это был последний бой, который давали «экономисты» «искровцам», и Акимов доводил его до конца.

Мы бы, конечно, не останавливались так подробно на рассуждениях Мартынова, и в особенности Акимова, если бы впоследствии, как мы увидим, эти рассуждения полностью не повторяли меньше-

---

[1]) Умер в 1925 г.

[2]) Такой подход со стороны оппортунистического крыла съезда не ускользнул, конечно, от «искровцев». Плеханов блестяще ответил Мартынову в его же тоне:

«Я хочу обратить ваше внимание вообще и т. Мартынова в частности, что он перевел спор на ту почву, на которой спорить неудобно, на которой спор становится непроизводительной тратой сил. Замечание, сделанное им против программы, имеет в виду одну фразу в одном из произведений одного из редакторов проекта программы. Предположим даже, что эта фраза была неудачна, то и тогда, следовательно, это доказывало бы, что все остальные наши идеи превосходны. Прием тов. Мартынова напоминает мне одного цензора, который говорил: «дайте мне «Отче наш» и позвольте мне вырвать оттуда одну фразу, и я докажу вам, что его автора следовало бы повесить».

вики и до наших дней, — и притом не одни только русские меньшевики.

Мартынову и Акимову отвечали также Плеханов и Ленин и ряд делегатов съезда «искровцев», из которых следует остановиться на выступлении т. Карского (Топуридзе), делегата от Тифлиса.

Последний сказал:

«Для меня является совершенно непонятным, каким образом только один пролетариат, рабочий класс, в своей повседневной борьбе, в борьбе за свои ближайшие интересы мог доработаться до создания стройной философской системы — научного социализма, охватывающего всю философию социального развития. Для меня является совершенно непонятным, каким образом та часть общества, поле зрения которой ограничено и замкнуто в известных рамках, не охватывающих все разнообразие общественных явлений, в состоянии выполнить такую задачу. В таком положении находится рабочая масса, которая своими силами, на основании знакомства только с собственным положением, не может создать теорию научного социализма. Она могла быть создана на известной стадии развития капитализма гением, изучившим и уяснившим себе законы этого развития. Этот переворот в социальной философии мог совершить только тот, который стал на точку зрения пролетариата и в то же время имел возможность построить свое здание на изучении условий современного капитализма исторически. В этом смысле, конечно, теория социализма привнесена в рабочий класс извне. И странно слышать против этой точки зрения возражения. Но мне кажется, что на несогласных с нами оказывает влияние известное представление о «стихийности» и о «стадиях». Конечно, кто защищает «стихийность», тот тем самым защищает стихийную выработку теории социализма, и наоборот.

В связи с вышеуказанным вопросом безусловно находится другой вопрос — о противопоставлении партии рабочему классу. Тов. Акимов полагает, что партия не должна быть поставлена выше рабочего класса. Такая постановка вопроса мне кажется и неправильной и неуместной. Из среды рабочего класса выделяется борющаяся, сознательная сила — партия, которая является носительницей и проводником социалистических идеалов, и, как таковая, партия не может не стоять выше «рабочего класса» постольку, поскольку сознательная часть является руководителем бессознательной и малосознательной». (Протоколы II съезда, стр. 116—117.)

Ничего нового в этих словах, конечно, не было. Это была популяризация ленинского «Что делать?». Но чрезвычайно характерно, что уже очень скоро меньшевики — и Плеханов не последний среди них — забыли эти свои рассуждения и повторяли против «Что делать?» те же выводы, что и «экономисты». Замечательную ответную речь, направленную не против одних только «экономистов», произнес тов. Ленин.

«Все мы знаем теперь, — закончил он, — что «экономисты» согнули палку в одну сторону, и для выпрямления палки необходимо было согнуть палку в другую сторону, и я это сделал. Я уверен, что русская с.-д. всегда будет с энергией выпрямлять палку, изгибаемую всяческими оппортунистами, и что наша палка будет всегда поэтому наиболее прямой и наиболее годной к действию». (Протоколы II съезда, стр. 122.)

к) КРИТИКА АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ «ИСКРЫ» НА СЪЕЗДЕ

Еще резче столкнулось левое крыло съезда с оппортунистами по вопросам аграрной программы. Проследить прения по аграрной программе тем более важно, что на них впервые «центр», формально, как мы видели, считавший себя сторонником «Искры», начал склоняться к оппортунистическому меньшинству съезда, а его

отдельные последователи так выступали, как, пожалуй, не пытался выступить и «сам» Акимов. Так как специально вопросы тактики на съезде не обсуждались, а в пункте порядка дня об отношении с.-д. к другим партиям съезд ограничился принятием двух резолюций, не успев из-за недостатка времени обстоятельно разобрать вопрос, чрезвычайно интересно проследить также выступления, в которых на-ряду с критикой программы подходили так или иначе и к тактическим вопросам. Мартынов, как и в теоретической части программы, против «принципов» ее, конечно, ничего не имел, но он недоволен, его не удовлетворяют выводы из этих «принципов». Он против «отрезков» и выкупных платежей потому, что ему кажется, что здесь «Искра» отходит от марксизма и становится на какую-то «этическую» точку зрения. «Искра» хочет заняться, по мнению Мартынова, «исправлением какой-то исторической несправедливости вместо того, чтоб исходить из реального состояния деревни». Здесь Мартынов хотел бы убить двух зайцев: 1) доказать, что принципиальные основы «искровской» программы противоречат выводам, которые слишком недостаточны и мизерны, 2) что эти практические требования не реальны. В таком же духе выступали представители центра — Егоров, Махов и старый знакомый Либер. Все они жаловались на «мизерность» требований «Искры». Это обстоятельство чрезвычайно важно подчеркнуть. Типичная оппортунистическая манера! Лучше всего казаться на словах как можно левее, хотя ни капельки не веришь в практическое осуществление своих проектов. Так Мартынов, критикуя «искровскую» аграрную программу, писал:

«Ввиду того, что аграрная часть нашей программы еще очень долго будет иметь сравнительно малое практическое значение, она открывает широкое поприще для революционной фразеологии».

Вчера еще не веря в «практическое» значение аграрной программы, называя «романтизмом» рассуждения «Искры» о роли крестьянства, он сегодня сразу круто левеет. «Искра» мало требует. Нужно больше. Но все эти «вчерашние» доводы Мартынова, неоднократно им высказываемые, как уже видел читатель, были давным-давно разбиты «Искрой». В самом деле. Еще в статье «Аграрная программа с.-д.»., которую мы уже неоднократно цитировали, В. И. Ленин писал о рассуждениях Мартынова насчет того, будто «Искра» собирается исправлять «несправедливости»:

«Это рассуждение кажется таким благовидным только с первого взгляда. Разные ведь бывают исторические несправедливости. Есть такие, которые остаются, так сказать, в стороне от главного исторического потока, не задерживая его, не мешая его течению, не препятствуя углублению и расширению пролетарской классовой борьбы. Такие исторические несправедливости действительно неумно было бы браться исправлять... Ни одна социал-демократическая партия не вздумает ставить в свою программу исправление такой несправедливости, хотя ни одна в то же время не уклонится от своего долга протестовать против этой несправедливости и клеймить за нее все господствующие классы. И если бы мы мотивировали требование вернуть отрезки тем и только тем, что вот-де была совершена несправедливость, — давайте исправим ее, тогда это было бы пустозвонной демократической фразой. Но мы мотивируем наше требование не нытьем по поводу исторической несправедливости, а необходимостью отменить остатки крепостничества и расчистить дорогу

для классовой борьбы в деревне, т.-е. очень «практической» и очень настоятельной необходимостью для пролетариата.

Мы видим здесь пример д р у г о й исторической несправедливости, именно: такой, которая н е п о с р е д с т в е н н о продолжает з а д е р ж и в а т ь общественное развитие (которое не выброшено историей в сторону от нашей столбовой дороги, а стоит поперек дороги) и классовую борьбу. Отказываться от попытки исправить т а к и е исторические несправедливости, значило бы «защищать кнут на том основании, что это кнут исторический». Вопрос об освобождении нашей деревни от гнета остатков «старого режима» — один из самых злободневных вопросов современности, выдвигаемый всеми направлениями и партиями (кроме крепостнической), так что ссылка на запоздание вообще неуместна, а в устах Мартынова просто забавна. «Запоздала» русская буржуазия с в о е й, собственно, задачей смести все остатки старого режима — и исправлять этот недочет мы должны и будем до тех с а м ы х пор, пока он не будет исправлен, пока не будет у нас политической свободы, пока положение крестьянства будет питать недовольство во всей почти массе образованного буржуазного общества... Ну, а затем еще «запоздали», конечно, те русские социал-демократы, которые по принципу тащатся в хвосте движения и занимаются только вопросами, «сулящими осязательные результаты»: с в о и м з а п о з д а н и е м д а т ь определенную директиву и в аграрном вопросе эти «хвостисты» дают только сильнейшее и вернейшее оружие в руки революционных не социал-демократических направлений»... («Ленинский сборник» № 3, стр. 349—350.)

Подобно Мартынову выступил и представитель «центра» Махов, который вообще находит, что от «искровской» программы веет демагогией и авантюризмом. Но оказывается, что демагогия и авантюризм в «искровской» программе только потому, что «с крестьянами хотят оперировать, как с чем-то единым по составу, а так как крестьянство уже давно расслоено на классы, то выставление единой программы неизбежно ведет к тому, что программа становится в целом демагогической и при проведении в жизнь сделается авантюрой».

Тов. Ленин в своей книге «Шаг вперед, два шага назад» говорит:

«Теоретическим подтверждением этого глубокомыслия является обычная утрировка и упрощение вульгарного марксизма: искровцы будто бы с крестьянами хотят оперировать, как с чем-то единым по составу; а так как крестьянство уже давно (?) расслоено на классы, то выставление единой программы неизбежно ведет к тому, что программа становится в целом демагогической и при проведении в жизнь сделается авантюрой» (202). Тов. Маховы «выбалтывают» здесь истинную причину отрицательного отношения к нашей аграрной программе со стороны многих социал-демократов, готовых признавать «Искру» (как принял ее и сам Махов), но совершенно не продумавших ее направление, ее теоретическую и практическую позицию. Именно вульгаризация марксизмав применении его к такому сложному и многостороннему явлению, как современный уклад русского крестьянского хозяйства, вызывала и вызывает непонимание этой программы, а вовсе не расхождение по отдельным частностям. И на такой вульгарно-марксистской точке зрения быстро сошлись лидеры «антиискровских» элементов (Либер и Мартынов) и «центра» — Егоров и Махов». (Л е н и н. Собр. соч., т. V, стр. 329—330.)

Когда же Плеханов в своем ответе Махову заметил, что никакой особой беды нет, если крестьяне захотят произвести черный передел, последний заявил:

«Я полагаю, что если иметь в виду всю крестьянскую массу, и притом не тот или иной класс в этом крестьянстве, а именно всю массу крестьянства в целом — а только о таком крестьянстве и идет речь в нашей аграрной программе, — то она не поймет ни общего требования национализации земли, ни требования, изложенного в пункте третьем, не поймет, конечно, в социал-демократическом духе. Но она поймет его в мелко-

буржуазном духе, будет стоять за национализацию земли и за раздел ее. «Что за беда,— говорит Плеханов, — если крестьяне захотят поделить всю землю, то это уже будет революция, и не мы будем ей противиться, а если они потребуют возврата выкупных и прочих платежей и разложат их по карманам, то эти суммы ведь пойдут на улучшение их хозяйства, и беды от этого большой не будет». Я не знаю, конечно, что называть бедой. Но революция эта, если ее можно так назвать, будет нереволюционной. (Посадовский. Прошу занести это выражение в протокол.) Я сказал бы правильнее, что это будет уже не революция, а реакция (смех), революция вроде бунта. Эта революция отбросит нас назад, и только лет через 20 мы вернемся к современному положению... Я вижу, многим товарищам не нравится точное определение числа лет, и потому я могу сказать в более неопределенной форме. Подобная революция отбросит нас назад, и потребуется известное время для того, чтобы вновь притти к тому положению, которое мы теперь имеем. А мы теперь имеем гораздо больше, чем во время французской революции (иронические аплодисменты), мы имеем социал-демократическую партию. (Смех.) Раздел земли и возвращенных сумм выкупных и других платежей, окажет то же влияние, которое оказала бы конфискация фабрик и заводов и раздел их между пролетариатом или, даже еще хуже, между всем народом». (Протоколы II съезда, стр. 190—191.) [1]).

Ленин пишет по поводу этого выступления:

«Да, такая социал-демократическая партия, которая рассуждала бы по-маховски или имела бы центральные учреждения, опирающиеся на Маховых, действительно заслуживала бы только смеха». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 332.)

Такова была истинная «революционность» и «левизна» «антиискровского» крыла съезда — будущей опоры меньшевиков. Всех их — от «экономистов» и «Бунда» до формально «искровского» «Южного Рабочего» сближала борьба с «Искрой», борьба с преобладанием революционного крыла в РСДРП, и только единая фаланга «искровцев» способна была противостоять этому течению.

л) ТАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ НА СЪЕЗДЕ

1) Вопрос о терроре. 2) Либералы. 3) Эсеры. Вопрос о соглашениях.

Как уже упоминалось выше, в порядке дня съезда не было специально тактических вопросов, но как бы «случайно» почти все «киты» революционной тактики стояли перед съездом, и ему пришлось высказаться по ним. И вот тут-то и сказалось, насколько прав был Ленин, когда требовал при обсуждении программы четкости и ясности формулировок, чтобы быть «подкованным на все четыре ноги», чтобы туманной и неясной формулировкой не давать лазейки для оппортунизма. В первый раз основные вопросы тактики — вопрос о терроре, вопрос о демократии, всеобщем избирательном праве и т. д. стояли перед съездом во время обсуждения вопроса о сроке парламента. Каким должен

---

[1]) Кстати этот же самый Махов, когда обсуждался вопрос об отношении с.-д. к оппозиционным и революционным движениям, выступил с такой репликой: «Что значит поддерживать оппозиционное и революционное движение? Если это значит способствовать развитию, то я решительно против: у нас единственный революционный класс — пролетариат, остальные так себе: сбоку припека (общий смех)... Да, сбоку припека, и хотят только попользоваться. Я против того, чтобы их поддерживать. Мы будем вытаскивать для них каштаны из огня». (Протоколы II съезда, стр. 209—210.)

быть будущий демократический парламент России — годичным или двухгодичным? Вопрос как будто бы детальный, отнюдь не принципиальный, но один из делегатов, т. Посадовский, совершенно правильно заметил, что речь идет здесь совсем даже не о деталях:

«Мы не сходимся по основному вопросу: нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии. Я решительно высказываюсь за последнее. Нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были бы подчинить выгодам нашей партии. (Восклицания: «И неприкосновенность личности?»). Да и неприкосновенность личности».

«Как партия революционная, — продолжал он, — стремящаяся к своей конечной цели — социальной революции, мы исключительно с точки зрения скорейшего осуществления этой цели, с точки зрения выгоды нашей партии должны относиться к демократическим принципам. Если то и другое требование будет невыгодно нам, мы его не будем вводить». (Протоколы II съезда, стр. 156.)

После этого слово взял Плеханов, который произнес свою знаменитую, ставшую исторической, речь, которую мы приводим целиком:

«Вполне присоединяюсь к словам т. Посадовского. Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе, в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что salus populi — suprema lex [1]). В переводе на язык революционеров это значит, что успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. (Курсив наш.—Ред.) Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежащих к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила salus revolutiae—suprema lex [2]). И на эту же точку зрения мы должны были бы стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент... то нам следовало бы стараться сделать его «долгим парламентом», а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два два года, а если можно, то через две недели». (Рукоплескания, на некоторых скамьях шикание. Голоса: «Вы не должны шикать». Плеханов. «Почему же нет? Я очень прошу товарищей не стесняться». Егоров встает и говорит: «Раз такие речи вызывают рукоплескания, то я обязан шикать».) (Подчеркнуто нами. — Ред.). (Протоколы II съезда, стр. 156—157.)

---

[1]) Благо народа — высший закон.

[2]) Успех революции — высший закон.

То, что Плеханов считал правильным в о ж и д а н и и р е в о л ю ц и и, партия большевиков осуществила, когда революция стала фактом; яркие, революционные марксистские мысли Плеханова испугали его самого больше других в 1917 году.

И странное дело, сейчас же «болото» съезда зашевелилось: по окончании речи, когда раздались аплодисменты, и «тоже искровец», представитель шатающегося центра — Егоров, начал шикать, произошло следующее. Егоров взял слово и объяснил, в чем была, по его мнению, ошибка Плеханова и почему он шикал, а другой представитель «болота», все время шедший в головном отряде оппортунистов, «бундовец» Гольдблат тоже «углубил» Плеханова следующими словами: «Если быть логичным, то, исходя из слов Плеханова, требование всеобщего избирательного права надо вычеркнуть из нашей программы». (Протоколы II съезда, стр. 157.)

Другое столкновение произошло по вопросу о либералах, но здесь уже картина была другая. Боролось уже не правое крыло съезда, возглавляемое Мартыновым и компанией, с левым, возглавляемым «Искрой», а «искровцы большинства» во главе с Лениным и Плехановым боролись с «искровцами меньшинства», возглавляемыми Мартовым и Потресовым.

По вопросу о либералах было внесено две резолюции: одна — Плеханова — гласила:

«Принимая в соображение: а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом; б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; но что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения всюду, где бы ни проявились эта ограниченность и недостаточность, — второй очередной съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии настоятельно рекомендует всем товарищам обращать в своей пропаганде внимание рабочих на антиреволюционный и противопролетарский характер того направления, которое выразилось в органе г. П. Струве».

Другая резолюция — Старовера — гласила:

«Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия — самостоятельная политическая партия пролетариата, — исходя из того положения своей программы, которое гласит, что партия «поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка», не отказывается вступать и, если к тому представится надобность, вступит при посредстве своих центральных учреждений во временные соглашения с либеральными или либерально-демократическими течениями, при том, однако, условии: а) что эти течения ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону российской социал-демократии; б) что они не выставят в своих программах требований, идущих в разрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание, и в) что своим лозунгом борьбы они сделают всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право».

Подробный разбор обеих резолюций тем более важен, что в них в сущности находит уже отражение будущий спор, — две позиции по существеннейшему вопросу тактики об отношении к либералам, разделившему меньшевиков и большевиков.

В «Шаг вперед, два шага назад» В. И. Ленин пишет, что, к сожалению, этот вопрос не получил должного освещения на съезде. Жизнь, однако, очень скоро подкрепила правильность характеристики данной В. И. Лениным староверовской резолюции как шагу к оппортунизму в вопросах тактики. В то время как плехановская резолюция определяла принципиальное и тактическое отношение русской социал-демократии к либералам, отнюдь не ставя конкретных условий, при которых возможно то или иное практическое соглашение или временный союз с либералами, — решить это можно было только в каждом отдельном случае в зависимости от конкретной обстановки, — староверовская резолюция, отнюдь не давая анализа классового содержания русского либерализма, тут же на съезде, главным образом, занималась выработкой «конкретных условий соглашения с либералами».

В. И. Ленин по этому поводу пишет:

«Она (староверовская резолюция. (Р е д.) не дает то, что надо (анализа классового содержания либерализма), и дает то, чего не надо (предписание «условий»). На партийном съезде вообще нелепо вырабатывать конкретные «условия» временных соглашений, когда нет налицо даже определенного контрагента — субъекта таких возможных соглашений... Но в самих «условиях», выработанных староверовской резолюцией, был ряд противоречий, свидетельствующих, насколько резолюция не выясняет, а запутывает вопрос и под видом «левизны» в требованиях социал-демократии по отношению к либералам оставляет лишь лазейку для оппортунизма своей двусмысленностью» [1]).

Так оно впоследствии с меньшевиками, как известно, и случилось: «левая» староверовская резолюция истолковывалась именно в таком смысле, что раз-де мы стоим перед буржуазной революцией, то в ней заинтересована в первую голову буржуазия, она, а не пролетариат, должна быть вождем революции, пролетариат же должен ее всячески поддерживать, помогать ей и сам лишь подталкивать и притом подталкивать осторожно, чтобы «не запугать», словом, быть «кули революции», как мы уже знаем еще из главы о «легальном марксизме». Так за «левой резолюцией» Старовера скрывался уже на II съезде старый знакомый... «легальный марксист». Вопрос опять сводился все к тому же: г е г е м о н и я б у р ж у а з и и или г е г е м о н и я п р о л е т а р и а т а. На II съезде покамест еще туманно устами Старовера, а в 1905 году совершенно откровенно и в своих резолюциях и в своей деятельности меньшевики ответили на этот вопрос — г е г е м о н и я б у р ж у а з и и. Достойное детище «легального марксизма» — меньшевизм свято хранил основной завет «отцов». Вот почему В. И. Ленин в своей книжке «Шаг вперед, два шага назад» и подвергает староверовскую резолюцию обстоятельнейшему разбору. Соглашение с либералами резолюция Старовера допускала при трех условиях. Первое условие гласило: «либеральные или либерально-демократические течения должны ясно и недвусмысленно заявить, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону российской

[1]) «Оппортунист, — пишет В. И. Ленин, — по самой своей природе уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к благим и невинным пожеланиям».

социал-демократии». Таким образом первое староверовское условие заведомо вводило в заблуждение рабочий класс, считая, что достаточно заявления либералов на словах, чтобы партия и рабочий класс этим либералам верили.

«Это абсурд, — пишет В. И. Ленин, — и если представители такого течения даже «и заявили об этом ясно и недвусмысленно» (предположение совершенно невозможное), то мы, партия пролетариата, обязаны были бы не верить их заявлениям. Быть либералом и становиться решительно на сторону социал-демократии — одно исключает другое».

Второе староверовское условие возможности соглашения с либералами заключалось в том, что эти соглашения допускались, если либералы «не выставят в своих программах требований, идущих в разрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание». Владимир Ильич и здесь разоблачает двусмысленность и просто нелепость такого условия для соглашения в староверовской резолюции. Он пишет:

«Не бывало и быть не может таких либерально-демократических течений, которые бы не выставили в своих программах требований, идущих в разрез с интересами рабочего класса и не затемняющих его (пролетариата) сознания».

И дальше Владимир Ильич объясняет, как нужно относиться к требованиям либералов, которые идут в разрез с требованиями рабочего класса. Здесь Владимир Ильич развивает еще то, что он говорил об отношении к либералам в период спора о «легальном марксизме».

«Из того факта (факт выдвижения либералами требований, идущих в разрез с требованием пролетариата.— Ред.), — пишет В. И. Ленин, — следует выводить необходимость «разоблачать ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии», но отнюдь не допускать временных соглашений».

Читатель помнит, что именно так ставил вопрос В. И. Ленин в период спора с Плехановым и Аксельродом об отношении к либералам. Наконец, третье «условие» староверовской резолюции обязывало либералов сделать лозунгом своей борьбы всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право. И это условие для соглашения Владимир Ильич считает совершенно неправильно поставленным. Он пишет:

«Временные и частные соглашения неразумно было бы объявлять ни в каком случае недопустимыми с такими либерально-демократическими течениями, которые выставили бы лозунг цензовой конституции, «куцой» конституции вообще... связывать себе руки запрещением наперед временного соглашения хотя бы с самыми робкими либералами было бы политической близорукостью, несовместимой с принципами марксизма». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 412.)

Как видит читатель, три «левых» староверовских условия, как условия конкретного временного соглашения с либералами, были, конечно, совершенно неприемлемы для последних и, главное, противоречили обычному принципу, допускающему временное соглашение с буржуазной демократией; либо марксизм заведомо устранил допустимость соглашения с буржуазией, но тогда об этом нужно было бы заявить ясно и отчетливо, чего не делала староверов-

ская резолюция, хотя это и было бы совершенно неправильно, либо этими условиями по сути дела бралась под сомнение способность пролетариата руководить движением либералов. Вот почему, подводя итоги староверовской резолюции, В. И. Ленин пишет:

«Она страдает политической расплывчатостью теоретической и тактической позиций... она смешивает два вопроса: 1) разоблачение «антиреволюционных и противопролетарских» черт всякого либерально-демократического течения и обязательность борьбы с этими чертами и 2) условие временных и частных соглашений с любым из таких течений». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 412.)

В защиту резолюции Старовера выступил Мартов, голосовали за нее также и Аксельрод и Мартов; они так в сущности «защищали» ее, как в свое время защищал свою позицию Плеханов по отношению к либералам, когда речь шла об отношении к «легальным марксистам» Струве и компании. Читатель помнит, что Плеханов упрекал тогда Ленина в том, что он слишком жесток, что нужно мягче, ведь либералы — будущие союзники, и потому-де надо оставить в стороне все излишние резкости и ставить вопрос «по-деловому». А Ленин на это отвечал:

«Союзники — союзниками, но мы сначала четко отгородим себя от них тем, что вскроем их сущность в русской обстановке, а потом, когда речь зайдет о конкретном соглашении, будем говорить с ними, насколько они возможны, чего мы требуем, что поддерживаем и т. д.».

Мартов на съезде говорил так:

«Я высказываюсь за резолюцию Старовера — против резолюции Плеханова и Ленина. Первая ставит вопрос на деловую почву, в то же время оттеняя наш принципиальный антагонизм с либералами. Вторая, давая правильную формулировку нашего принципиального отношения к буржуазии, кончает мизерным выводом: надо разоблачать одного литератора. Но не будет ли это — итти «на муху с обухом»? Съезд представителей русского пролетариата сводит свое отношение к либеральной буржуазии на отношение к одному писателю».

На эту речь Плеханов отвечал так:

«Наша резолюция имеет в виду не «Освобождение», а определенное либеральное течение, органом которого служит «Освобождение». Другого же течения нет. Отношение рабочих к этому направлению должно быть ясно и определенно. В резолюции Старовера как раз нет общего принципа, и обращается главным образом внимание на возможное соглашение, как будто такое соглашение стоит на очереди, чего еще нет». (Протоколы II съезда, стр. 330.)

Так Плеханов по-революционному обосновывал свою резолюцию об отношении к либералам. Ленин обращает внимание на этот плехановский подход к резолюции об отношении к либералам и подвергает критике мартовское выступление. Ленин пишет:

«Что касается до возражений «меньшинства» против резолюции Плеханова, то единственный довод т. Мартова гласил: «Резолюция Плеханова «кончает мизерным выводом: надо разоблачать одного литератора. Не будет ли это итти на «муху с обухом»? (стр. 358). Довод этот, в котором отсутствие мысли прикрывается хлестким словечком — «мизерный вывод», — дает нам новый образчик претенциозной фразы. Во-первых, резолюция Пле-

ханова говорит о «разоблачении перед пролетариатом ограниченности и недостаточности освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявились эти ограниченность и недостаточность». Поэтому чистейшими пустяками является утверждение т. Мартова (на съезде Лиги, стр. 88 протоколов), что «все внимание должно быть обращено на одного Струве, одного либерала». Во-вторых, сравнивать господина Струве с «мухой», когда речь идет о возможности временных соглашений с русскими либералами, значит приносить в жертву хлесткости элементарную политическую очевидность. Нет, г. Струве не муха, а политическая величина, и он является таковой не потому, чтобы он лично был очень крупной фигурой. Значение политической величины дает ему его позиция, — позиция единственного представителя русского либерализма, хоть сколько-нибудь дееспособного и организованного либерализма, в нелегальном мире. Поэтому говорить о русских либералах и об отношении к ним нашей партии и не иметь в виду именно г. Струве, именно «Освобождения» — значит говорить, чтобы ничего не сказать». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 412—413.)

«Имя Струве ничего не говорит рабочим», — поддерживал т. Костров Мартова...

Каким рабочим «ничего не говорит имя Струве» (и имя «Освобождения», названного в резолюции т. Плеханова рядом с именем г. Струве)? Таким, которые до последней степени мало знакомы, или вовсе не знакомы, с «либеральными и либерально-демократическими течениями» в России. Спрашивается: в чем должно состоять отношение нашего партийного съезда к таким рабочим: в том ли, чтобы поручить членам партии знакомить этих рабочих с единственным определенным либеральным течением в России, или в том, чтобы умалчивать о мало знакомом для рабочих имени по случаю собственно их малого знакомства с политикой?

Русский рабочий не может в настоящее время ознакомиться на практике с сколько-нибудь откровенными политическими тенденциями нашего либерализма иначе, как по «Освобождению». Легальная либеральная литература негодна тут именно в силу ее туманности, и мы должны как можно усерднее (и перед возможно более широкими массами рабочих) направлять оружие своей критики против «освобожденцев», чтобы в момент грядущей революции русский пролетариат мог настоящей критикой оружия парализовать неизбежные попытки г. г. «освобожденцев» урезать демократический характер переворота.

Таким образом можно отметить, что уже на II съезде мы сталкиваемся не только с организационным, но также и с элементами тактического оппортунизма меньшевиков, являющегося продолжением оппортунистических воззрений «легального марксизма».

Этим можно бы закончить историю программных и тактических вопросов на съезде. Мы видели, что последующие разногласия, особенно разногласия, ставшие перед партией в 1905 году, расколовшие ее на два лагеря — большевиков и меньшевиков, фактически две политические партии, — можно более чем нащупать уже на втором съезде. «Оппортунизм» не только в организационных вопросах проскальзывал в рядах «искровского» меньшинства уже на II съезде. Но, как говорил В. И. Ленин еще в «Что делать?», «физиономию оппортунистов можно будет выявить только на практической деятельности; а так как таким экзаменом для русских меньшевиков и был 1905 год, то вполне

понятно, что то, что возможно было лишь в зародыше во 2-м году, сложилось в стройную систему в открытой борьбе» [1]).

Переходим теперь к центральному пункту расхождения в рядах «Искры»— к организационным вопросам: «уставу и выборам центральных партийных органов».

м) ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ НА СЪЕЗДЕ

Устав партии и § 1 о том, кто может считаться членом партии.

Вопрос об уставе партии, в частности о «знаменитом» пункте 1, послужил поводом к расколу среди «искровцев» и началу фактического объединения оппортунистической части съезда с меньшинством «искровцев», возглавляемым Мартовым и Аксельродом и отныне составлявшим единое правое крыло съезда. Разбор этих разногласий покажет, что по сути дела здесь был не спор о толковании того или иного пункта, — иначе спор был бы более чем незначительным, — а спор по поводу всей суммы организационных принципов старой «Искры» по вопросу о роли и значении, а следовательно, и построении партии, при чем меньшевики повернули решительно назад к «экономизму», в то время, как большевики отстаивали взгляды старой «Искры». Что именно в этом была «суть дела», показала вся последующая борьба меньшевиков с большевиками по организационным вопросам; но и прения на съезде дают достаточно материала для таких выводов.

Поэтому в двух словах вспомним, что собой представляли организационные взгляды «Искры». У Ленина в «Шаг вперед, два шага назад» по этому поводу читаем:

«Основные идеи, которые «Искра» стремилась положить в основу партийной организации, сводились в сущности к следующим двум. Первая — идея централизма — принципиально определяла способ решения всей массы частных и детальных организационных вопросов. Вторая — особая роль идейно руководящего органа, газеты — учитывала временные и особые нужды именно русского социал-демократического рабочего движения в обстановке политического рабства, при условии создания первоначальной операционной базы революционного натиска за границей. Первая идея, как единственно принципиальная, должна была проникать собой весь устав, вторая, как частная, порождаемая временными обстоятельствами места и образа действия, выражалась в кажущемся отступлении от централизма, в создании двух центров — ЦО (Центрального Органа. — Ред.) и ЦК (Центрального Комитета. — Ред.)... Оставалась только в сущности редакционная работа для того, чтобы сформулировать параграфы устава, который должен был воплотить в жизнь именно эти идеи, если признание «Искры» не оставалось на бумаге, не было только условной фразой». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 336—337.)

---

[1]) «Течение политической мысли, которое зародилось в недрах РСДРП в начале 900-х годов, организационно закрепилось на II съезде партии (1903), тактически обособилось и под конец вполне оформилось в отдельную большевистскую партию». (Н. Жордания. «Большевизм». Изд. ЦК СДРП Грузии. Берлин. 1922 г.) Так пишет о происхождении большевизма крупнейший вождь меньшевизма — участник II съезда партии.

И Ленин, поскольку для него, конечно, «признание» «Искры» не было фразой, в своем докладе съезду об уставе и дал в обработанном виде эти организационные взгляды «Искры».

«Основной идеей устава, — говорит В. И. Ленин, — является разделение функций. Поэтому, например, деление на два центра не есть результат разделения этих центров по месту (Россия и заграница), а логическое следствие разделения по функциям. Центральному Комитету принадлежит функция практического руководства, Центральному Органу — идейного руководства. Для объединения же деятельности этих двух центров, для избежания разрозненности между ними и отчасти для разрешения конфликтов необходим Совет, который вовсе не должен носить характер чисто третейского учреждения». (Протоколы II съезда, стр. 141.)

Такое сложное, по виду, построение руководящих органов партии вызывалось исключительно той обстановкой полицейского режима, в которой приходилось работать партии. Нельзя было, если только не стоять на формальной точке зрения, оставить все руководство за одним из учреждений — Центральным Комитетом, скажем, — который должен был работать в России, всегда находился под угрозой провала, что грозило партии остаться вовсе без руководителей. ЦО находился за границей, но, конечно, не мог взять на себя практическое руководство партией, поскольку был слишком далек от России. И только такое разделение функций между ЦК и ЦО, всегда согласовываемых Советом, обеспечивало партии здоровое руководство. Никаких отступлений от принципов «Искры» здесь, конечно, не было. Совершенно естественно, что в легальной обстановке необходимость такой сложной конструкции центрального аппарата партии отпадала, и руководство партией, как это мы видим в наши дни, переходило к одному ЦК. Здесь, следовательно, не имелась в виду какая-то мелочная опека всей партии по отношению к отдельным организациям, а речь шла о принципиальном характере руководства партией. Только «триединый» ЦК мог идейно и практически управлять партией. Ленин говорил на съезде:

«Параграфы устава, касающиеся отношений между Центральным Комитетом и местными и определяющие сферу компетенции Центрального Комитета, не могут и не должны перечислять все пункты, в которых Центральный Комитет компетентен. Такое перечисление и неудобно и невозможно, потому что немыслимо предвидеть все возможные случаи, и, кроме того, неперечисленные пункты как будто бы не будут подлежать компетенции Центрального Комитета. Необходимо предоставить Центральному Комитету самому определить сферу своей компетенции, потому что во всяком местном деле могут быть затронуты общепартийные интересы, и необходимо предоставить Центральному Комитету возможность вмешаться в местные дела, вопреки, быть может, местным интересам, но в целях общепартийных». (Протоколы II съезда, стр. 141.)

Вот основные принципы устава, как их выдвинул и обосновывал Ленин. Как в отношении центральных органов нельзя было вдаваться в детализацию, но можно было наметить линию поведения, так и в отношении обязанностей отдельных членов партии невозможна была детализация — здесь важна была лишь «искровская» четкость постановки вопроса. Считая, что членом партии может быть всякий, кто разделяет ее программу, обязательно входит в партийную организацию, Ленин сверху донизу охватывает партию одним принципом централизма. Следовательно, нельзя

было критиковать принципиально одно из звеньев устава, не задевая в то же время всей цепи. Против устава в целом, однако, «искровское» меньшинство не выступало. Это взяли на себя пока наши старые знакомые — «экономисты» и «бундовцы» — Акимов, Либер и К°. Акимов, конечно, — за сужение деятельности ЦК. Если ЦК дать такие права, как предполагает Ленин, — это может, по мнению Акимова, привести к расколу. Так, например, нельзя разрешить ЦК вводить или отводить членов местных комитетов. И Акимов тут же пояснил, что он этим думает. Пусть только сами комитеты пользуются правом менять свой состав. Конечно, со стороны Акимова это было вполне последовательно, ибо, как истый «хвостист», он не понимал, что интересы партии в целом важней и выше местной колокольни, и могут быть случаи, особенно в условиях царской полицейщины, когда такое право ЦК спасает организацию. Затем резкой критике подверг устав «бундовец» Гольдблат. Он назвал устав «чудовищным» и повторил доводы Акимова о том, будто ленинский устав приведет к «уничтожению» местных организаций, ибо он насквозь проникнут стремлением предоставить центру неограниченную власть, право неограниченного вмешательство во все, и что местным организациям останется лишь одно — «повиноваться безропотно тому, что будет приказано свыше» [1]).

Чрезвычайно характерно, что, совершенно не поняв идеи, положенной в основу устава, выдвинутого «Искрой», одна часть оппортунистов, например Акимов вместе с «бундовцами», обвиняла Ленина в том, что устав недостаточно демократичен; другая же часть правых, и в особенности «центр» (группа «Южного Рабочего» — Попов, Егоров и др.), считала, что устав недостаточно «централистичен», что-де у Ленина только на словах деление центральных органов «на-трое», а на самом деле всем будет заправлять Совет: поэтому, дескать, лучше, если съезд точно установит, — кто же, в конце концов, будет руководить. Эти замечания, повторяем, чрезвычайно характерны. Позднейшая поддержка всеми оппортунистами Мартова показала, в каком духе они хотели бы «исправить» устав партии; пока же важно отметить, что «хвостисты» всегда могут быть то «демократами», то «централистами», то кем угодно. Именно так впоследствии действовали против большевиков меньшевики [2]).

Стоит еще остановиться на выступлении Либера против устава в целом. Либер находил, что устав, предложенный Лениным, и есть, употребляя выражение т. Л. Троцкого, «организованное недоверие», что-де Ленин слишком

---

[1]) Читатель помнит, какой демократизм в организационных принципах был у самого «Бунда». У Ленина по этому поводу читаем:

«Смеялись над «Бундом», который, вопя против нашего централизма, сам у себя представляет центру еще более определенно очерченные неограниченные права (хотя бы, например, вводы и исключения членов, даже недопущения делегатов на съезд»). («Шаг вперед, два шага назад», стр. 345.)

[2]) «Смеяться будут, — писал Ленин, — разобрав дело, над воплями меньшинства, которое кричит против централизма и против устава, когда оно в меньшинстве, и сейчас же, опирается на устав, когда оно пробралось в большинство». («Шаг вперед, два шага назад», стр. 345.)

перегибает палку для ликвидации распада и шатаний в партии и что отделением «идейного руководства» (ЦО) от «практического руководства» (ЦК) Ленин лишь «отрывает теорию от практики, против которой воевал в «Что делать?». Ленин, конечно, и не думал разрывать руководство партией, но чрезвычайно характерно, что, назвав ленинский проект «организованным недоверием», Либер совершенно не понял, что вкладывал в эти слова т. Троцкий. Блестящий ответ Либер получил тогда от т. Троцкого.

«Либер говорил, что устав есть, употребляя мое выражение, «организованное недоверие». Это верно. Но это выражение было употреблено мною по отношению к предложенному представителями «Бунда» уставу, который представлял «организованное недоверие» со стороны части партии ко всей партии. Наш же устав представляет «организованное недоверие» со стороны партии ко всем ее частям, т.-е. контроль над всеми местными районными, национальными и другими организациями».

Мы остановились на этих выступлениях «хвостистов» по всему уставу партии, чтобы затем показать, как мартовцы, хотя и говорили, что они, кроме пункта первого, поддерживают весь устав, на самом деле в таком же духе, как и Акимов и К°, выступали против организации партии.

Закончив общее обсуждение устава, съезд перешел к разбору обнаружившегося еще в съездовской комиссии разногласия по первому пункту устава о том, кого можно считать членом партии. Формулировок было две: ленинская и мартовская.

Ленинская формулировка: «Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

Мартовская формулировка: «Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций».

Суть разногласия совершенно неожиданно для себя вскрыл Егоров, который, конечно, за более «демократическое» толкование Мартова. Ленинская формулировка, говорил он, «суживает» дорогу в партию, в то время, как мартовская ее «расширяет». (Протоколы II съезда, стр. 220.) После этого слово получил Аксельрод, который выступил с критикой ленинского понимания партии. Ошибочность такого понимания, по мнению Аксельрода, заключалась в смешении понятий «партия» и «организация». Аксельрод сослался на опыты «Земли и Воли» и «Народной Воли», когда многие, горячо сочувствуя этим организациям, состоя фактически членами этих партий, не входили в их организацию. Этот же принцип, по мнению Аксельрода, следовало еще более строго провести в наших рядах, иначе Аксельрод опасался, что очень многим из-за формулировки Ленина будет закрыт доступ в партию. А кто «эти очень многие», для которых ленинская формулировка являлась рогаткой при приеме в партию, узнаем из того же выступления Аксельрода, когда он прямо сказал, что ленин-

ская формулировка закрывает доступ в партию «профессорам, гимназистам и тем или иным кружкам интеллигентской молодежи». Мартов горячо поддерживал это выступление Аксельрода, указав, что это, собственно, и есть то широкое толкование», какое придает понятию партии он, Мартов.

Он говорил:

«Пусть будут множественные организации, они должны расти как грибы. Они не смогут вступить в партийную организацию, но без них нельзя обойтись в партии. Чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше. Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет объявлять себя членом партии». (Подчеркнуто нами. — Ред.).

Это выступление послужило сигналом к разгоревшемуся на съезде бою между самими «искровцами». Такие взгляды были полнейшим возвращением назад к «хвостизму», ибо здесь уже было дело не в том или ином толковании пункта устава, а в растворении партии — этого авангарда рабочего класса — во «множественных организациях», что ничего общего с организационными взглядами «Искры» не имело. Насколько чуждо такое толкование понятия «партия» организационным взглядам «Искры», прекрасно показал на съезде Плеханов, выяснив, что, собственно говоря, принцип построения партии по схеме Мартова — Аксельрода есть принцип анархический, мелкобуржуазный, в последнем счете засоряющий партию неустойчивыми интеллигентскими и мелкобуржуазными головами.

Приводим полностью эту замечательную большевистскую речь Плеханова:

«Я не имел предвзятого взгляда на обсуждаемый пункт устава. Еще сегодня утром, слушая сторонников противоположных мнений, я находил, что «то сей, то оный на бок гнется». Но чем больше говорилось об этом предмете и чем внимательнее вдумывался я в речи ораторов, тем прочнее складывалось во мне убеждение в том, что правда на стороне Ленина. Весь вопрос сводится к тому, какие элементы могут быть включены в нашу партию. По проекту Ленина, членом партии может считаться лишь человек, вошедший в ту или другую организацию. Противники этого проекта утверждают, что этим создаются какие-то излишние трудности. Но в чем заключаются эти трудности? Говорилось о лицах, которые не захотят или не смогут вступить в одну из наших организаций. Но почему не смогут? Как человек, сам участвовавший в русских революционных организациях, я скажу, что не допускаю существования объективных условий, составляющих непреодолимое препятствие для такого вступления. А что касается тех господ, которые не захотят, то их нам и не надо. Здесь сказали, что иной профессор, сочувствующий нашим взглядам, может найти для себя унизительным вступление в ту или другую местную организацию. По этому поводу мне вспоминается Энгельс, говоривший, что, когда имеешь дело с профессором, надо заранее приготовиться к самому худшему (смех). В самом деле, пример крайне неудачен. Если какой-нибудь профессор египтологии (на том основании, что он помнит наизусть имена всех фараонов и знает все требования, которые предъявлялись египтянами быку Апису) сочтет, что вступление в нашу организацию ниже его достоинства, то нам не нужно этого профессора. Говорить же о контроле партии над людьми, стоящими вне организации, значит играть словами. Фактически такой контроль неосуществим. Аксельрод был неправ в своей ссылке на семидесятые годы. Тогда существовал хорошо организованный и прекрасно дисциплинированный

центр, существовали вокруг него созданные им организации разных разрядов, а что было вне этих организаций, — было хаосом, анархией. Составные элементы этого хаоса называли себя членами партии, но дело не выигрывало, а теряло от этого. Нам нужно не подражать анархии семидесятых годов, а избегать ее. (Разрядка наша. Ред.) Сторонники проекта Мартова говорят, что право называть себя членом партии имеет большое нравственное значение. Но я с этим не могу согласиться. Если где и полезно вспомнить пример семидесятых годов, то именно в этом случае. Когда Желябов заявил на суде, что он не член Исполнительного Комитета, а только его агент четвертой степени доверия, то это не умаляло, а увеличивало обаяние знаменитого Комитета. То же будет и теперь. Если тот или другой скажет, что он сочувствовал нашей партии, но не принадлежал к ней, потому что, к сожалению, не мог удовлетворить всем ее требованиям, то ее авторитет только возрастет.

Не понимаю я также, почему думают, что проект Ленина, будучи принят, закрыл бы двери нашей партии множеству рабочих. Рабочие, желающие вступить в партию, не побоятся войти в организацию. Им не страшна дисциплина. Побоятся войти в нее многие интеллигенты, насквозь пропитанные буржуазным индивидуализмом. Но это-то и хорошо. Эти буржуазные индивидуалисты являются обыкновенно также представителями всякого рода оппортунизма. Нам надо отдалять их от себя. Проект Ленина может служить оплотом против их вторжений в партию, и уже по одному этому за него должны голосовать все противники оппортунизма». (Разрядка наша. Ред.) (Протоколы II съезда, стр. 226—227.)

Речь произвела огромное и совершенно исключительное впечатление на съезде. Отвечал Плеханову ставший отныне одной из первых скрипок «мартовцев» т. Троцкий. Но речь Троцкого была еще более ярким обоснованием «хвостизма» меньшинства. Троцкий не соглашался с Плехановым, что мартовская формулировка может привести к оппортунизму. Троцкий говорил, что «...оппортунизм создается более сложными или определяется (более глубокими причинами), чем тот или иной пункт устава, — он вызывается относительным уровнем развития буржуазной демократии и пролетариата». Конечно, те или иные пункты устава сами по себе не есть еще оппортунизм. Но и при помощи устава нужно всячески преграждать в партию доступ оппортунизму. Раз мартовская формулировка (а этого ведь не опроверг Троцкий) — шаткая, и через нее оппортунизм может войти в партию благодаря доступу неустойчивых, шатающихся элементов, — ссылка на то, что «оппортунизм создается более глубокими причинами, чем устав», является только фразистым затушеванием той роли, которую играют в партии организационные моменты.

Но именно такой характер спора, когда ясно было, что вопрос о двух формулировках сводился к вопросу: за организационные принципы «Искры» или назад — к «хвостизму» «экономистов», и обеспечил формулировке Мартова успех среди «антиискровского» меньшинства съезда[1]).

---

[1]) Впоследствии Мартов, желая затушевать причины поддержки со стороны «хвостистов» на съезде, «кивал» по адресу Ленина, что-де за его устав голосовала «Брукер», «позабыв», что формулировка Мартова прошла голосами всей остальной акимовско-либе-

Прежде всего меньшинство упрекало Ленина в том, что он якобы смешивает понятия «партия» и «организация», при чем первую сводит только к узкому кругу заговорщиков. За этот последний довод особенно ухватились Мартынов и К°, а после съезда еще резче и настойчивее его стала оттенять меньшевистская новая «Искра» («Искра» без Ленина). Но это было только очередной попыткой затушевать сущность спора. Еще на съезде в своем докладе Ленин определенно подчеркнул: «Не надо думать, что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров. Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов и оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных и кончая весьма широкими, «свободными». Но, ставя так вопрос об организациях, облекающих партию, Ленин тем самым не растворял в них партию, а наоборот, еще резче оттенял ее роль как авангарда класса. Он говорил:

«Мартов считает, что заговорщицкую организацию должна облекать социально-демократическая партия. Это неверно. Не партия должна облекать заговорщицкую организацию... а революционный класс, пролетариат, должен облекать партию, включающую в себя и заговорщицкие и незаговорщицкие организации».

Таким образом, по Ленину, взаимоотношения класса и партии вполне ясны. Партия, это — передовой отряд, тесно связанный со своим классом: наоборот, по Мартову, партия... попросту растворяется в своем классе: тот же «хвостизм», который еще совсем недавно развивали «экономисты». Ленин так изобразил схематическую структуру партии и тех организаций класса, которые так или иначе соприкасаются с ней:

«1) организация революционеров; 2) организации рабочих, возможно более широкие и разнообразные (я ограничиваюсь, — писал Ленин, — одним рабочим классом, предполагая само собою разумеющимся, что известные элементы других классов тоже войдут сюда при известных условиях). Эти два разряда составляют партию. (Подчеркнуто нами. Ред.) Далее 3) организация рабочих, примыкающих к партии; 4) организация рабочих, не примыкающих к партии, но фактически подчиняющихся ее контролю и руководству; 5) неорганизованные элементы рабочего класса, которые отчасти тоже подчиняются, по крайней мере, в случаях крупного проявления классовой борьбы, руководству социал-демократии».

«Вот как, — продолжал Ленин, —приблизительно представляется дело с моей точки зрения. Наоборот, с точки зрения т. Мартова, граница партии остается совершенно неопределенной, ибо «каждый стачечник» может «объявить себя членом партии». Какая польза от этой расплывчатости? Широкое распространение «названия»? Вред ее — внесение дезорганизующей идеи о смешении класса и партии». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 356. «Шаг вперед, два шага назад».)

Но несостоятельность мартовского толкования партии с точки зрения революционных принципов «Искры» и его фактический возврат в этом вопросе к «экономизму» сказались на примере с тем, каковы должны быть взаимоотно-

---

ровской компании. Но характерно, почему Брукер голосовала за Ленина, а Акимов — за Мартова.

Брукер говорила:

«Я стою за ту формулировку, по которой все члены должны войти в одну из организаций. Что же касается демократизма, то, конечно, как таковой, он не может пугать».

шения у партии с такой организацией рабочего класса, как, скажем, профсоюзы. По формулировке Мартова все члены союза, поскольку они работают под контролем и руководством партии, могут объявить себя и членами партии. Другими словами, союзы могут объявить себя составной частью партии. Но это означало бы сознательно сузить размер с.-д. движения до размеров того или иного цехового движения и ослабить солидарность всех рабочих на почве своих профессиональных интересов, поскольку менее сознательные рабочие вообще не желали бы пока «вмешиваться в политику». Это означало бы ослабить и партию и профсоюзы и фактически поставить все построение партии на тред-юнионистских началах английского образца, где, как известно, «рабочая партия» представляет собою лишь чисто механическое сочетание всех тред-юнионов в так называемой «рабочей партии». Но мы знаем, что именно потому в ней и сидят так крепко макдональдовщина, беспринципность, реформизм. Ленин говорил:

«Партия должна и будет стараться пропитать своим духом, подчинить своему влиянию цеховые союзы, но именно в интересах этого влияния она должна выделять вполне социал-демократические (входящие в социал-демократическую партию) элементы этих союзов от невполне сознательных и невполне политически активных, а не смешивать те и другие, как хочет тов. Аксельрод». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 354. «Шаг вперед, два шага назад».)

Таким образом ссылка на то, что с.-д. есть партия класса и потому не должна сама в себе, так сказать, закупориваться, совершенно несостоятельна. Как раз обратное: именно потому, что с.-д. есть партия класса, она должна, — если только мыслит себя не в хвосте своего класса, а в авангарде — непосредственно в свои ряды включать только передовую сознательную и дозревшую до понимания задач и целей движения пролетариата в целом часть рабочего класса. Иначе партия, под тем или иным соусом «растворенная», рассыплется и обречена на оппортунизм и «хвостизм». Никакими словами «о пролетариате и его интересах» или запугиванием группой, будто бы намеренной заняться «опекой над пролетариатом» и т. д., не прикрыть этой истины. Ленин эту мысль горячо отстаивал:

«Мы, партия класса, — писал он, — и потому почти весь класс (а в военное время, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии как можно плотнее; но было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии при капитализме подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии. Ни один еще разумный социал-демократ не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная сознательности неразвитых слоев) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс. Только обманывать себя, закрывать глаза на громадность наших задач, суживать эти задачи — значило бы забывать о различии между передовым отрядом и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда поднимать все более и более обширные слои до этого передового уровня. Именно таким закрыванием глаз и забвением является стирание разницы между примыкающими и входящими, между сознательными и активными — и помогающими». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 351. «Шаг вперед, два шага назад».)

Наконец, действительно ли рабочих могла отпугнуть ленинская формулировка первого пункта устава? Неужели так-таки чурается, не привык рабочий класс к организации и к дисциплине? Уже Плеханов доказал в своей речи, что рабочий «не боится дисциплины, а боится ее тот, кто вообще с трудом переваривает обстановку дисциплинированного коллектива, — именно мелкобуржуазный интеллигент, который всем укладом своей жизни и деятельности чужд в общем коллективизму». Поэтому Мартов облегчает доступ в партию не рабочим, а именно такого типа интеллигентам, для которых само по себе вхождение в партию не так сложно и страшно, как режим, к которому обязывало высокое звание члена партии. Мартовское толкование члена партии устраняло эту рогатку, и потому облегчало доступ в партию не столько рабочим, сколько растворяло ее в интеллигентско-профессорской гуще. Излишне говорить, какими опасениями для партии было чревато такое «растворение». Влияние этих элементов не замедлило бы сейчас же сказаться на тактике партии. Из аргументов меньшевиков видно, что они клонили именно к этому. Поэтому В. И. Ленин, подводя итоги споров с Мартовым, писал:

«Формула т. Мартова либо останется мертвой буквой, пустой фразой, либо она принесет пользу главным образом и почти исключительно «интеллигентам, насквозь пропитанным буржуазным индивидуализмом» и не желающим входить в организацию. На словах формула Мартова отстаивает интересы широких слоев пролетариата, на деле эта формула послужит интересам буржуазной интеллигенции, чурающейся пролетарской дисциплины и организации... Не случайность... что именно защитники формулы Мартова должны были выдвинуть примеры профессоров и гимназистов! Не поборники широкой пролетарской борьбы выступили в спорах о § 1 против поборников радикально-заговорщической организации, как думали т.т. Мартынов и Аксельрод, а сторонники буржуазно-интеллигентского индивидуализма столкнулись со сторонниками пролетарской организации и дисциплины». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 358. «Шаг вперед, два шага назад».)

Таким образом смешно и думать, что расхождение на съезде было только по первому пункту устава. Расхождение было в связи с начавшимся поворотом в сторону «хвостизма» наименее устойчивой части «Искры», которая, как мы видели еще на примере программных разногласий внутри редакции «Искры», не занимала устойчивой позиции, часто склоняясь к шатким формулам Плеханова. Ленин сразу понял, как далеко смогут завести эти разногласия, если только «меньшевики начнут тут же продолжать распоясываться». Ленин понял, что это принесет пользу только оппортунистическому ядру съезда, а потому, чтобы все же не давать козырей в руки Акимову и К°, несмотря на серьезность и глубину разногласий, Ленин, дипломатически ничуть не замазывая разногласий, как это любили делать меньшевики, ухватился за второе выступление Аксельрода и сказал:

«...по поводу любезного предложения Аксельрода «сговориться». Я охотно последовал бы этому призыву, ибо вовсе не считаю наше разногласие таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть партии. От плохого пункта устава мы еще далеко не погибнем». (Протоколы II съезда, стр. 230.)

Повторяем, Ленин, конечно, отлично понимал серьезность разногласий, но в интересах деловой работы съезда, как она протекала сначала, т.-е. под идейным и фактическим руководством «Искры», в интересах партии, Ленин старался внешне ослабить впечатление от разногласий внутри «искровцев», которые так радовали сердца Акимова и Либера. Этот штрих мы приводим также и для того, чтобы показать несостоятельность доводов меньшевиков, не сумевших возражать по существу и потому сводивших все к... «честолюбивым», «диктаторским» и т. д. замыслам Ленина.

Вот сущность разногласий по организационным вопросам на съезде. Как видит читатель, их огромное значение прежде всего в том, что к «хвостизму» и «экономизму» повернула и часть «искровцев», которая отныне и возглавляет «правую оппозицию» на съезде. Эта «оппозиция» была собственно вначале в большинстве, и, как известно, именно благодаря такому блоку победила формулировка Мартова. Таким образом вся дальнейшая работа съезда находилась под угрозой неожиданно выросшего влияния «правого крыла». Уход со съезда «Бунда» и «рабочедельцев», которым все-таки еще не удалось настолько повлиять на «искровцев» меньшинства, как это удалось им сделать позднее, опять восстановил влияние революционного крыла «искровцев». И это понимал больше, чем кто бы то ни было, Ленин. Даже позднее, когда Мартов и К° целиком съели «меньшинство» и стали задавать тон в новой «Искре», Ленин с поразительной чуткостью, чтобы только спасти единство партии на «искровских» началах, писал в брошюре «Шаг вперед, два шага назад»:

«Я сказал уже на съезде и повторял потом не раз, что вовсе не считаю наше разногласие (по § 1) таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть партии... Само по себе это разногласие, хотя оно и вскрывает принципиальные оттенки, никоим образом не могло вызвать такого расхождения (фактически, — если говорить без условностей, — того раскола), которое создалось после съезда. Но всякое маленькое разногласие может сделаться большим, если на нем настаивать, если выдвинуть его на первый план, если приняться за разыскание всех корней и всех ветвей этого разногласия. Всякое маленькое разногласие может получить огромное значение, если оно послужит исходным пунктом поворота к известным ошибочным воззрениям и если эти ошибочные воззрения соединятся, в силу новых и добавочных расхождений, с анархическими действиями, доводящими партию до раскола». (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 346.)

Но для меньшевиков это как раз и было открытым поворотом к «старым ошибочным воззрениям», т.-е. к «экономизму», и они «настаивали» на «маленьких разногласиях», правда, стараясь изобразить все дело так, что всему виной — непримиримость Ленина.

Перейдем к последнему пункту порядка дня — выборам в ЦО, ЦК и Совет партии.

н) ВЫБОРЫ В ЦО И ЦК. КОНЕЦ СЪЕЗДА

Если еще во время прений об уставе на съезде создалась нервная обстановка, то в неизмеримо большей степени эта обстановка накалилась к моменту выборов в центральные учреждения партии. Хотя «антиискровцы» («Бунд» и «рабочедельцы», кроме Брукер) ушли со съезда, нужно сказать, что это не

спасло съезд от напряженной нервной атмосферы в работе. «Кружковые» и «интеллигентские» тенденции «искровского» меньшинства сказались здесь еще больше, чем во время дебатов об уставе. В чем же была сущность споров? Так как по уставу ЦО фактически был руководителем партии и ЦК был, главным образом, практическим центром в России, нужно было, конечно, выбрать в них наиболее зрелых, политически выдержанных, словом, «л у ч ш и х т о в а р и щ е й». Никакими «кружковыми» или «личными» симпатиями здесь, само собой разумеется, руководствоваться нельзя было. Этого, к сожалению, как мы видели, не наблюдалось в полной мере в редакции старой «Искры», в которой кружковые и личные симпатии играли большую роль. Частые инциденты, недоразумения тормозили работу партии. Зачастую имели место недоговоренность, компромиссы, мало удовлетворяющие и ту и другую сторону. Это было ясно, как мы теперь знаем, для всех членов старой редакции. Все знали, что после съезда должны произойти какие-то изменения. Все чувствовали, что старая редакция непрочна и что быть в своем старом составе руководителем ЦО не сможет. Больше того: еще перед съездом стоял вопрос о кооптации 7-го члена редакции, так как иначе работа при частой разбивке голосов на две равные части становилась невозможной [1]). Но редакция из шести или семи членов была слишком громоздка для ЦО партии. Такая коллегия могла оказаться неработоспособной, и потому еще задолго до съезда намечалась гораздо меньшая коллегия. Ленин еще задолго до съезда заявил, что он будет требовать на съезде свободного выбора редакции, независимо от тех или иных персональных комбинаций, при чем Ленин думал выступить с подробным обоснованием своего требования на съезде. Мартов тоже был за меньшую коллегию, сам выдвигая идею «троек» (три в ЦО и три в ЦК), и Ленин с такой постановкой вопроса соглашался. И вот в таком именно духе и было внесено предложение о выборах в ЦО и ЦК одним из делегатов, т. Русовым. Последний говорил:

«Мы стоим, товарищи, перед решением важных вопросов общепартийной жизни, созданием центров партии. Вся наша громадная работа на съезде, выработанная нами программа и устав сводятся на ничто, если мы не выберем дееспособной коллегии. Но прежде чем приступить к самым выборам, нам надо решить самый способ выборов. Лучшим способом я бы счел выбор д в у х троек, как в ЦК, так и в редакцию ЦО». (Протоколы II съезда, стр. 296.)

---

[1]) У Л. Троцкого в его книге «О Ленине» читаем:

«Самый острый для Ленина вопрос состоял в том, как организовать в дальнейшем центральный орган, который должен был играть, по существу, одновременно и роль центрального комитета. Ленин считал невозможным сохранить старую шестерку. Засулич и Аксельрод во всяком спорном вопросе становились на сторону Плеханова, и тогда, в лучшем случае, получалось трое против трех. Ни та, ни другая тройка не согласилась бы на удаление кого-либо из коллегии. Ленин хотел меня ввести седьмым, чтобы затем из семерки, как широкой редакции, выделить более узкую редакционную группу в составе Ленина, Плеханова и Мартова. В этот план Владимир Ильич вводил меня постепенно, ни словом, впрочем, не упоминая о том, что он предложил меня седьмым членом редакции, что это предложение принято всеми, кроме Плеханова, в лице которого весь план натолкнулся на решительное сопротивление. Включение седьмого уже само по себе означало в глазах Плеханова майоризацию (подавление большинством. Р е д.) группы «Освобождение Труда»: четверо «молодых» против трех «стариков». (Стр. 33—34.)

Очень серьезное и деловое предложение, выражавшее, как будто, мнение всех «искровцев». Но не тут-то было. Сейчас же послышались голоса со стороны мартовцев, почему в ЦО «тройку», а не «шестерку», ведь съезд уже утвердил, что «Искра» остается ЦО. Значит, тем самым съезд утверждал и старую редакцию. Это было совершенно неверно. Съезд действительно утвердил газету «Искра» как ЦО, но это вовсе не значило, что съезд утвердил также и старую редакцию. И чтобы не играть в прятки, один из делегатов, т. Муравьев, совершенно правильно поставил вопрос о причинах невозможности утверждения старой редакции. Во-первых, ввиду громоздкости (6 чел.), а также ввиду тех трений, которые обнаружились внутри «Искры» на самом съезде, что, конечно, в дальнейшем могло парализовать работу. Свою речь он закончил так:

«По моему мнению, для большинства съезда в настоящий момент вполне ясно видно, что такие шероховатости, несомненно, существуют. И именно ввиду этого я присоединяюсь к предложению, что редакция должна быть выбрана съездом в составе трех лиц, путем тайной подачи голосов». (Протоколы II съезда, стр. 297.)

Все, что говорил т. Муравьев, было совершенно верно и вытекало из действительного положения дел внутри «Искры». Тогда меньшевики — Мартов, Троцкий и др. — сейчас же подняли шум по поводу замечания т. Муравьева насчет «шероховатости», пытаясь перенести на «личную» почву, — желание съезда вмешаться задним числом во внутренние дела старой редакции. Конечно, все это было чистейшей уверткой. Никто и не думал вмешиваться в старые внутренние взаимоотношения искровской коллегии, хотя все знали о «шероховатостях». Тем не менее, чтобы еще более усилить впечатление, что съезд копается в каких-то дрязгах, Мартов от имени большинства редакции (Аксельрод, Засулич, Потресов и Мартов) сделал следующее заявление:

«После того, как т. Муравьев прямо поставил вопрос о внутренних отношениях в бывшей редакции «Искры», для устранения которых нужно сведение редакции до трех лиц, я и другие три редактора «Искры» считаем, что более удобно будет обсуждать этот вопрос в наше отсутствие. Мы поэтому уходим с собрания, рассчитывая, что в наше отсутствие товарищи смогут высказаться об этом вопросе более свободно и непринужденно». (Протоколы II съезда, стр. 297.)

Это было неслыханным оскорблением съезда. Никакие «антиискровцы» не позволили бы себе выступать с подобными заявлениями. На съезде поднялся страшный шум. Тогда, чтобы предотвратить большой инцидент, грозивший серьезными последствиями для партии, и вместе с тем сгладить вопрос о временном выходе членов старой редакции из зала заседания, Плеханов и Ленин тоже вышли, сделав следующее заявление:

«Как председатель я не позволил бы говорить здесь о внутренних делах редакции. Но я согласен, что присутствие наше может стеснять съезд, я думаю, что и остальные члены редакции уйдут. Мы также уходим». (Протоколы II съезда, стр. 297.)

Этим самым заявлением Плеханов и Ленин отвели «очередной ход» Мартова, подчеркнув, что дело ни в коем случае не в «личностях», а в определенной необходимости подбора работоспособного будущего ЦО.

Таким образом карты меньшевиков были биты; попытки запугать делегатов съезда и свести столь важный принципиальный вопрос к «дрязгам» и «интригам» — совсем в духе Брукер или Акимова — не удались.

И тем не менее меньшевики продолжали такую же политику. После того, когда съезд все же высказался за предложение т. Русова о выборе «троек», меньшевики рассматривали решение выбрать «тройки» как вотум «недоверия» к тем из редакторов, которые выбраны не будут. Это было прямо-таки издевательством над съездом. Больше того, Мартов со своей «кружковой психологией» дошел до того, что заявил по поводу принятия предложения т. Русова:

«Отныне старой «Искры» не существует, и было бы последовательнее переменить ее название». (Протоколы II съезда, стр. 305.) Как будто старая «Искра» исчерпывалась только 6 членами редакции? Это уже была чистейшая акимовщина. Акимов, когда еще только шла речь об утверждении «Искры» ЦО партии, заявлял, что-де утверждают собственно не «Искру», а «имена», и т. Троцкий, еще не скатившийся к меньшевикам, дал единственно правильный ответ Акимову по вопросу о том, что означает утверждение «Искры» партийным органом.

Троцкий говорил:

«Тов. Акимов спрашивает, что утверждаем мы в «Искре», раз мы не утверждаем редакции, — имя?

Я, товарищи, хотя и присутствую здесь как делегат Сибирского союза, но имею честь принадлежать вместе с тем к организации «Искры». Членов этой организации, как и ее идейных сторонников, вообще называли и называют «искряками». Это не просто имя — это направление. Направление, которое сплотило определенных лиц, направление, которое заставило всех стать к нему в определенную позицию. И это было тем важнее, что «Искра» выступила в моменты идейной смуты в наших собственных рядах... И если «Искра» была для нас руководящим органом в эпоху партийной смуты, то, признав ее теперь центральным органом, мы лишь формулируем теперь ее победу, — победу нашего направления. Не имя утверждаем мы, т. Акимов, а знамя, знамя вокруг которого фактически сплотилась наша партия». (Протоколы II съезда, стр. 132.)

Кажется ясно, что дело совсем не в лицах. А к концу съезда т. Троцкий заявляет уже совсем другое: «съезд поступит лучше с нравственной и политической стороны только тогда, если будет голосовать за всю «шестерку». Что же касается Мартова, то он прямо заявил, что он видит в этом ограничение того доверия, которое было принято в начале съезда, и дальше от имени своего и еще трех редакторов ультимативно подчеркнул, что так как выбирают трех лиц, то они в такой новой редакции участия не примут. Что партийная дисциплина кой к чему обязывает даже таких людей, как Мартов, и что вообще бросаться такими заявлениями на съезде, который должен ликвидировать разброд и кустарничество — опасно, — это Мартова не касалось.

Мартов и Троцкий получили должную отповедь со стороны т. Гусева, который в своей речи сказал:

«Нервное возбуждение и страстная атмосфера, созданные здесь при обсуждении вопроса о выборах членов редакции, привели к тому, что на устах революционеров раздаются такие странные речи, которые находятся в резкой дисгармонии с понятием партий-

ной работы, партийной этики. Основной довод, на который стали противники выбора троек, сводится к чисто обывательскому взгляду на партийные дела. Если вы не выбираете Ивана Ивановича, видного деятеля партии, вы выражаете ему недоверие и этим наносите ему оскорбление. Ведь вы не знаете, твердят нам, может ли такой-то и такой-то выполнять функции того или другого партийного учреждения, ведь вы не можете разобраться во внутренней жизни тех организаций, где раньше работало данное лицо, как же можете вы тут выбирать? При таких обстоятельствах отстранение этих лиц есть недоверие, высказанное им съездом, совершенно незаслуженное и потому недопустимое. И это говорят не только молодые революционеры, но и такой бывалый революционер, как т. Дейч. (Всеобщее движение, протесты, угрожающие крики.) Становясь на эту не партийную, а обывательскую точку зрения, мы при каждом выборе будем стоять перед вопросом: а не обидится ли Петров, что не его, а Иванова выбрали, не обидится ли такой-то член бывшего ОК, что не его, а другого выбрали в ЦК? Куда же, товарищи, нас это приведет? Если мы собрались сюда не для взаимно приятных речей, не для обывательских нежностей, а для создания партии, то мы не можем никак согласиться на такой взгляд. Мы стоим перед вопросом выбора должностных лиц, и тут не может быть вопроса о недоверии к тому или иному невыбранному, а только вопрос о пользе дела и соответствии выбранного лица с той должностью, на которую он выбирается. Вот почему я настоятельно обращаю внимание товарищей — не дать себя ввести в заблуждение обывательски-нежными речами о недоверии к невыбранным, а при всех своих выборах, так же, как и при всех поступках, стоять на точке зрения интересов партии, интересов общего дела. Я удивляюсь, как именно т. Троцкий, а не кто иной, нападает на выбор троек. Не он ли на предварительных собраниях защищал с пеной у рта принятый порядок дня? И ни словом не упомянул о такой ереси в нем, как выбор троек». (Протоколы II съезда, стр. 300—301.)

В чем здесь было дело, вскрыл Мартов. Дело, по его мнению, совсем не в создании той или иной рабочей коллегии, а в том дело, что в партии создался режим «осадного положения», который нужно ликвидировать, а ленинский проект его усилит. А так как-де Ленин хочет влиять на ЦК, чтобы продолжать этот режим, а большинство редакции этого не желает, то отсюда, следовательно, и все расхождения. Мартову будущий партийный централизм и партийная дисциплина представляются «режимом осадного положения», от которого можно найти спасение только... в старой кружковщине и кустарничестве. Съезд спокойно выслушал это заявление Мартова. А затем слово для ответа получил тов. Ленин, который сказал:

«Исправляя заявление Мартова о частном характере двух троек, я не думаю, однако, затрагивать этим утверждения того же Мартова о политическом значении того шага, который мы сделали, не утвердив старой редакции. Напротив, я вполне и безусловно согласен с т. Мартовым в том, что этот шаг имеет крупное политическое значение — только не то, какое приписывает ему Мартов. Он говорил, что это есть акт борьбы за влияние на ЦК в России. Я пойду дальше Мартова. Борьбой за влияние была до сих пор вся деятельность «Искры» как частной группы, а теперь речь идет уже о большем— об организационном закреплении влияния, а не только о борьбе за него. До какой степени глубоко мы расходимся здесь политически с т. Мартовым, видно из того, что он ставит мне в вину это желание влиять на ЦК, а я ставлю себе в заслугу то, что я стремился и стремлюсь закрепить это влияние организационным путем. Оказывается, что мы говорим даже на разных языках. К чему была бы вся наша работа, все наши усилия, если бы венцом их была все та же старая борьба за влияние, а не полное приобретение и упрочение влияния? Да, т. Мартов совершенно прав: сделанный шаг есть несомненно крупный политический шаг, свидетельствующий о выборе одного из наметившихся теперь направлений в дальнейшей работе нашей партии. И меня нисколько не пугают страшные слова об «осадном

положении» в партии, об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» и т. п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создавать «осадное положение», весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как «осадное положение» для столь многочисленных источников политической расплывчатости. Против расплывчатости именно и нужны особенные, хотя бы и исключительные законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для таких законов и таких мер». (Протоколы II съезда, стр. 307.)

Мартынов и Либер могли радоваться. Лучше они бы и сами никогда не сказали. Устами Мартова говорили неудержимые «экономисты» и «бундовцы».

После прекращения прений были избраны трое: Плеханов, Мартов и Ленин. Но Мартов немедленно отказался, и Ленину и Плеханову предоставлено было право кооптировать третьего члена редакции, после чего съезд перешел к выборам ЦК.

Меньшевики пытались оттянуть выборы, чувствуя неизбежный провал и прибегая поэтому к излюбленному «хвостистскому» методу засорять съезд всякими мелочами, только затягивающими его работу. Опять посыпались обвинения, совсем как в свое время со стороны «Бунда», что на съезде создалось, якобы, чисто случайное большинство, которое пользуется своим положением и давит на съезд. На что Ленин тотчас же ответил:

«Нас упрекают, что существует компактное большинство. Последнее ничего худого собой не представляет». (Протоколы II съезда, стр. 312.)

ЦК был выбран также тайным голосованием в составе трех человек. Затем, согласно уставу, Совет партии, состоящий из 5 человек, из которых два места получил ЦК, два—ЦО, а пятый выбирался съездом. Пятым был избран Г. В. Плеханов.

После этого, разобрав ряд текущих дел, съезд закончил свою работу небольшой речью Плеханова, напомнившего, что постановления съезда обязательны для всех членов партии. Но уже очень скоро «компактное меньшинство», по остроумному выражению т. Павловича (Красикова, П. А.), показало, насколько оно считает для себя обязательными постановления съезда и как намерено их проводить в жизнь. Под предлогом необходимости освобождения партии от режима «осадного положения», это меньшинство пыталось, в соответствии с новыми условиями, повернуть назад к «экономизму» и кустарничеству. Застрельщиками в этой борьбе явились Мартов, Дан и в особенности ставший отныне играть первую скрипку среди меньшевиков т. Троцкий. Эту попытку мы разберем в следующей главе, а сейчас подведем некоторые итоги работам II съезда и тому значению, какой имел для нашей партии этот съезд. II съезд, несмотря на то, что ему не удалось преодолеть полностью «кустарнические» настроения, все же сыграл совершенно исключительную роль. Он прежде всего создал партию. Он принял программу, создал единую организацию «с центральными руководящими органами». Дружно осудил национализм и федерализм в рядах партии («Бунд») и целиком под знаком старой «Искры» осудил «экономизм». Теперь перед молодой, правда, но уже испытанной в борьбе партией стояла задача — суметь положить конец попыткам воскресить «экономизм» на новый лад.

ВОПРОСНИК-ПЛАН К VIII ГЛАВЕ

БОРЬБА С ОРГАНИЗАЦИОННЫМ ОППОРТУНИЗМОМ МЕНЬШЕВИКОВ. У ИСТОКОВ ТРОЦКИЗМА

I. Послесъездовская обстановка.

1. Отказ меньшевиков от работы.
2. Фракционное оформление меньшевиков, прикрываемое криками «заговорщиков» и «бонапартизмом» большинства.
3. Съезд Заграничной Лиги.
4. Выход Ленина из редакции «Искры» и поворот Плеханова к меньшевикам.

II. Троцкий — идейный вдохновитель меньшевизма.

1. Брошюра Л. Троцкого «Наши политические задачи и их значение для споров между большевиками и меньшевиками».
2. Попытка теоретически обосновать организационный оппортунизм.
3. Фактический возврат к «экономизму».

III. II Интернационал и его роль в период споров после II съезда партии.

IV. Позиция меньшинства после овладения центральными партийными органами и борьба с этой позицией большинства.

1. Необходимость созыва III съезда и борьба против него меньшинства.
2. Образование Бюро Комитетов Большинства (БКБ).

ЛИТЕРАТУРА:

Л е н и н. Собр. соч., т. IV, стр. 315—318, стр. 157—174, 318—323.
» » » т. V, стр. 511—520.
» » » т. V, стр. 295—301.
Б у х а р и н. «К вопросу о троцкизме», стр. 11—21.

ГЛАВА VIII

БОРЬБА С ОРГАНИЗАЦИОННЫМ ОППОРТУНИЗМОМ МЕНЬШЕВИКОВ. У ИСТОКОВ ТРОЦКИЗМА

а) ПОСЛЕСЪЕЗДОВСКАЯ ОБСТАНОВКА

Второй съезд партии в основном закончился победой «большинства». Меньшевики, однако, не примирились с этим, и съезд стал лишь исходным пунктом полуторагодового периода ожесточенной внутрипартийной борьбы, в которой значительно размежевались и оформились два крыла — две фракции российской социал-демократии.

Насколько слабы были еще элементы партийности в российском социал-демократическом движении, настолько непартийные формы кружковой склоки принимала и эта борьба. Бойкот, всесторонняя дезорганизация партийной работы, циничные нарушения партийной дисциплины, личные клеветнические выпады, — такими средствами меньшинство боролось за руководство партией.

Немедленно же после съезда меньшевики начали бешеную полемику против решений съезда по организационным вопросам. «В партии осадное положение! Бюрократический централизм! ЦК призван проводить усиленную охрану! Казарменный режим! Нас заезжают!..» — истерически кричали меньшевики в подпольных рукописных брошюрах, письмах в местные комитеты, на всякого рода собраниях. Еще ЦК не успел как следует приступить к работе, а на сцену уже появились «факты» о всяческих «заезжаниях» бедных овечек — меньшевиков.

«Ни единого факта,—пишет тов. Ленин,—превышения власти или злоупотребления властью не доказал т. Мартов по отношению к редакции ЦО, когда мы с Плехановым были в редакции... Как ни вертится теперь Мартов в своем «Осадном положении»,— остается совершенно неопровержимым, что ровно ничего, кроме «дряблого хныкания», в воплях об осадном положении не было. (Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 432—433. «Шаг вперед, два шага назад».)

Нужно сказать, что вопли о «бюрократическом централизме», которыми меньшевики пытались загипнотизировать партию, действовали сначала на многих «неискушенных». Об этом лучше всего свидетельствует рассказ тов. М. С. Ольминского-Галерки, ставшего одним из наиболее видных большевистских полемистов в партийной борьбе 1904 г.

«Передо мною совсем еще недавно (по особым обстоятельствам) стоял вопрос: куда примкнуть, — пишет тов. Ольминский. — Со сторонами я мог познакомиться только по печатным источникам и проникся сильнейшим предубеждением против большинства за его бюрократизм, бонапартизм и практику осадного положения. Я готов был растерзать Ленина за его фразу об осадном положении и кулаке. Оставалось примкнуть к меньшинству. Но вот беда: я не мог найти в печати указания на такие общие принципы, которые по своей ясности, важности и неотложности оправдали бы революционный образ действий по отношению к съезду и его постановлениям. Легко смотреть на решения съезда можно только в том случае, если видеть в нем не съезд, а своз, как выражается Рязанов. Но принять взгляд Рязанова я по совести не мог. Оставалось выбирать одно из двух.

П е р в о е: подвергнуть себя тирании осадного положения, подчиниться требованию «слепого повиновения», «узкому толкованию партийной дисциплины», возведению принципа «не рассуждать» в руководящий принцип; признать за высшими учреждениями «власть приводить свою волю в исполнение чисто механическими средствами» и т. д. (См. протоколы съезда Лиги, предисловие Дана и Лесенко, стр. VI.)

В т о р о е: стать под знамя восстания, помочь разрывать уже сорганизованную партию, и не в силу расхождения в основных принципах, а из-за недовольства деталями устава и способом его применения.

Ни туда, ни сюда. Положение трагическое.

Читаю дальше протоколы съезда Лиги: «Циркуляр ЦК...» и т. д. Читаю и негодую: «Вот он, дезорганизаторский бюрократизм: не успели обносить мундиров, а уже строчат циркуляры». Ищу бонапартизма в содержании циркуляра и узнаю, что ЦК обратился к Лиге с приглашением помочь преобразованию Лиги с целью: а) допустить в нее бывших «борьбистов», «рабочедельцев» и т. п., б) образовать по городам секции Лиги «с большей или меньшей автономностью».

Дезорганизаторское третирование (см. Аксельрода) и... желание облегчить доступ в партийные организации представителям всех социал-демократических течений. Требование слепого повиновения и... автономия секций. Тут что-то не так... В новом уставе Лиги об автономии секций ни слова: кто же были эти бонапартисты, помешавшие провести принцип автономии? Во всяком случае, если ЦК допускает «борьбистов» и «рабочедельцев», то и мне не запретят «рассуждать». Так рассеялся один из кошмаров, давивших меня после прочтения предисловия к протоколам съезда Лиги. Я начал понимать, какое большое место в речах и статьях меньшинства занимает беллетристика. Чтобы определить, насколько новые беллетристы верны заветам реалистической школы в искусстве, я решил поближе познакомиться с тем, как проводятся на практике принципы бюрократизма, бонапартизма и осадного положения. И то ли уж неудачи меня преследовали, только я узнал многое, а гильотины все-таки в работе у «большинства» не видал, Робеспьеров не встречал, требования слепого повиновения не слыхал. Осмеливался даже почтительно рассуждать, — и ничего, жив.

Скажу яснее. Я заявил, что, оставляя пока про себя, как не относящуюся к делу, свою оценку действий большинства и меньшинства на съезде и после съезда, я не вижу в настоящее время оснований к революционному образу действий против учреждений, избранных съездом. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы встретить самое лучшее товарищеское отношение со стороны большинства, чтобы получить работу по своим силам и вкусу, без всяких ненужных стеснений. По личному опыту и по наблюдению я убедился, что страшные слова: бюрократизм и т. д. — по меньшей мере недоразумение». (Г а л е р к а и Р я д о в о й. «Наши недоразумения».)

Не было недостатка и в совершенно уже неопрятных личных выпадах против В. И. Ленина, которого меньшевики изображали как какого-то единоличного партийного «диктатора».

«Можем ли мы поддерживать такое положение дел, которое связывает всю судьбу партии и, следовательно, судьбу русского пролетариата и русской свободы с судьбой

одного лица, как бы мы ни верили в его ум, талант и энергию?» — спрашивает с трагической миной Ф. Дан в своем «подпольном» письме [1]).

Вот до чего доходили полемические красоты меньшевистской литературы. «Самодержец, Швейцер, бюрократ, формалист, сверхцентр, односторонний, прямолинейный, упрямый, узкий, подозрительный, неуступчивый»... — перечисляет Ленин небольшую долю тех лестных эпитетов, которыми осыпали его меньшевики. А т. Лепешинский («На повороте») рассказывает о таком случае: «Нужно было выдумать что-нибудь позабористее, посочнее, оглушительнее... и вот он (Мартов) выкраивает такую даже фразу: «Сегодня нечаевщина, а завтра дегаевщина»... Не даром же у Вл. Ильича, когда он пробежал глазами этот новый перл полемических красот Мартова, лицо искривилось презрительной усмешкой, и он реагировал на мартовское остроумие одной только фразой:

«Ну, теперь довольно... пора от Мартова отмежеваться... нужен карантин... ни в какую полемику я с ним больше не вступаю»...

б) БОЙКОТ ЦЕНТРОВ

Меньшевистский бойкот избранных II съездом партии центральных учреждений начался, в сущности, уже на самом съезде — отказом от участия в выборах ЦК и отказом Мартова и Попова войти в редакцию «Искры». Уже этот отказ «внес сразу атмосферу д р я з г и в партийную борьбу партийных оттенков». (Л е н и н. «Шаг вперед».) После съезда бойкот развертывается махровым цветом. Начинается «всеобщая стачка генералов»: не избранные съездом редакторы, а с ними и бывшие сотрудники «Искры» категорически отказываются сотрудничать в ЦО. За стачкой литераторов следует отказ оппозиции передавать ЦК денежные, транспортные и т. п. связи и различные общепартийные предприятия. Ряд партийных работников отказывается от выполнения порученных им функций. Дело доходит до того, что «примыкающие к меньшинству элементы не находили возможным... надписывать конверты для отправки партийной литературы». (См. «Комментарий к протоколам съезда Лиги».) Меньшевики рассылали по комитетам «своих людей», пользуясь связями старой «Искры», чтобы перенести свою агитацию бойкота на места. Дезорганизующее влияние бойкота на молодую, только что создавшуюся партию не замедлило сказаться. «Достаточно указать на то, что благодаря нелегальному противодействию меньшевиков центральная касса партии, которая имела все основания ожидать значительного притока средств с организацией партии, очень скоро оказалась в положении хронического финансового кризиса». (Л я д о в. «Доклад большевиков Амстердамскому конгрессу».)

в) ЛЕНИН И ПЛЕХАНОВ ПЫТАЮТСЯ УБЕДИТЬ ОППОЗИЦИЮ

Партийное большинство в лице Плеханова и Ленина делало целый ряд попыток уговорить, образумить закусившую удила оппозицию, ввести борьбу в партийные рамки. Ленин обращается к меньшевикам с убеждениями, преду-

[1]) Помещено в брошюре М а р т о в а «Борьба с «осадным положением» в РСДРП».

преждает, указывает на неизбежность раскола при взятых меньшевиками методах борьбы. Ленин приводит выдержки из своего письма к одному из меньшевиков:

«...Отказ от редакции Мартова, отказ от сотрудничества его и других литераторов партии, отказ работать на ЦК целого ряда лиц, пропаганда идеи бойкота или пассивного сопротивления, — все это неминуемо приведет, даже против воли Мартова и его друзей, приведет к расколу партии. Если даже Мартов будет удерживаться на лояльной почве (на которую он так решительно встал на съезде), то другие не удержатся, — и указанный мною исход будет неизбежен»... (Ленин. Собр. соч.,т. V, стр. 427. «Шаг вперед, два шага назад».)

Редакция ЦО неоднократно предлагает бывшим редакторам и сотрудникам свои страницы для выяснения разногласий.

«...Новая редакция (т.-е. Плеханов и я), — пишет В. И. Ленин, — приглашает сотрудничать всех старых редакторов, приглашает, конечно, сначала без «формализма», словесно. Получает отказ. Тогда мы пишем «бумажку» (бюрократы!) к «уважаемым товарищам» и просим сотрудничать вообще и в частности излагать свои разногласия на страницах редактируемых нами изданий. Получаем «формальное» заявление о нежелании принимать никакого участия в «Искре». Целые месяцы никто из не-редакторов и не работает в «Искре»... (Ленин. Собр. соч., т. IV, стр. 321. «Почему я вышел из редакции «Искры».)

Как далеко шла уступчивость большинства, видно из того, что сейчас же после съезда Ленин и Плеханов дали свое согласие на кооптацию четырех бывших редакторов — с тем лишь условием, что одним из двух представителей ЦО в Совет партии явится обязательно представитель партийного большинства — условие, гарантирующее проведение линии II съезда [1]). Вот как Ленин объясняет этот свой шаг:

«...согласие на него (условие) означало (со стороны меньшинства) молчаливое признание ошибки на съезде, желание мира, а не войны, желание быть ближе к нам с Плехановым, чем к Акимову с Мартыновым, чем к Егорову с Маховым. Уступка по части «кооптации» принимала таким образом личный характер, а отказываться от личной уступки, которая должна устранить раздражение и установить мир, не стоило». (Ленин. Собр. соч., т. V, «Шаг вперед, два шага назад».)

И только тогда, когда ясно стало растущее расхождение, когда меньшевики полностью показали свою «нелойяльность» в партийной борьбе, — Ленин и Плеханов взяли назад свое согласие на кооптацию.

«Никто не осмеивал так остроумно, как Плеханов, всей нелепости требования «кооптировать» в партийную редакцию большинство таких людей, которые прямо заявляют о своих новых и растущих несогласиях! Да где же это видано на свете, чтобы **до выяснения** в печати перед партией новых разногласий партийное большинство в центральных учреждениях само превращало себя в меньшинство»... (Ленин. Собр. соч., т. V, «Шаг вперед, два шага назад».)

Все попытки большевистских вождей предупредить раскол остались гласом вопиющего в пустыне — и по очень простой причине. Дело в том, что вся меньшевистская кампания против центров вовсе

[1]) Это условие меньшевики отвергли.

не была «стихийной». Криками о «случайности» большинства на партсъезде, об «осадном положении» и т. п. меньшевики прикрывали свое полное фракционное обособление.

г) ФРАКЦИОННОЕ ОБОСОБЛЕНИЕ МЕНЬШЕВИКОВ

«Во всех наших действиях, планах и переговорах мы обязательно и безусловно должны помнить интересы, стремления и настроение оппозиции, объявившей себя солидарной с нами» (выделено нами. — Ред.),— пишет Аксельрод Потресову и Мартову 24 сентября. Ясно, что во всех своих дезорганизаторских действиях оппозиция не имела в виду — и не могла иметь — интересы целого, партии, а преследовала лишь цели фракционные. А как относились меньшевики к таким понятиям, как партия, партийная дисциплина, к решениям высшего органа партии — ее съезда, прекрасно рисует такой разговор между Ф. Даном и Плехановым:

«Во время нашей беседы я (Плеханов), обсуждая требования, предъявленные меньшевиками, выразил ту мысль, что они противоречат духу некоторых постановлений съезда. В ответ на это вы спросили меня, неужели я могу говорить об этих постановлениях без улыбки авгура. Вопрос этот так неприятно поразил меня, что я прекратил переговоры с вами»... [1]).

Именно с этой циничной улыбкой авгура (жреца), знающего, что он обманывает, меньшевики смотрели на партию, ее единство, ее интересы. При таком отношении всякие призывы к партийному долгу могли, конечно, вызвать в ответ лишь издевательство. Меньшевиков «упрекали в том, что они (напутав на съезде) сделали щель в нашей посудине; они отвечали на упрек тем, что всеми силами старались совершенно разбить треснувшую посудину»... (Ленин. «Шаг вперед, два шага назад».)

Фракция меньшевиков была в этот период уже вполне организационно оформлена. Она имела свой негласный центр — «бюро меньшинства» — в составе Мартова, Дана, Аксельрода, Троцкого и Потресова, имела свою фракционную дисциплину, строгое разделение труда, свои денежные средства и транспортные связи, готовилась выпускать свой литературный орган [2]). Имела меньшевистская фракция и вполне разработанный план кампании.

Между 15 и 20 сентября 1903 г. в Женеве состоялось трехдневное совещание меньшевиков. В совещании этом участвовали 17 человек, в том числе Мартов, Засулич, Потресов, Троцкий, Дейч, Инна, Смидович-Леман, Крохмаль и др. Это совещание, по всей видимости, и выделило упомянутое уже «бюро меньшинства». Это же совещание приняло резолюцию [3]), заключающую в себе подробно разработанную программу действий оппозиции. Авторами резо-

---

[1]) Плеханов. Приложение к № 15 «Дневника с.-д.», цитировано по книге В. Ваганяна «Плеханов».

[2]) Газета «Крамола». Издание ее не осуществилось ввиду перехода в руки меньшевиков «Искры».

[3]) См. приложение № 1.

люции явились Троцкий и Мартов. Первый написал программную — мотивировочную, часть, второй — практические директивы.

Исходя из того, что «систематическая идейная борьба обычно применяемыми внутри партии средствами для нас (меньшевиков.—Ред.) теперь немыслима, ибо формальная победа тенденции «осадного положения», фиксированная в определенном искусственно подобранном личном составе ЦК, редакции ЦО, а следовательно, и Совета, означает не что иное, как по возможности полное упразднение внутрипартийной идейной борьбы и замену ее административными мероприятиями», — резолюция эта ставит перед оппозицией задачу «вести организованными силами практически-организационную борьбу с применением всех мер, которые, не ставя нас вне партии и не компрометируя ни самой партии, ни идеи (!) ее центральных учреждений, могут в возможно близком времени привести нас к такому изменению состава высших учреждений партии, которое обеспечивало бы ей возможность свободно работать над идейным и организационным воспитанием партии» (выделено нами. Ред.). Итак, резолюция признает целью борьбы — завоевание центров. Для достижения этой цели все средства хороши. Дальше в резолюции следует целый ряд конкретных мероприятий. Сюда входят: «организаторская» работа в местных организациях с целью добиться с их стороны давления на центры партии; отказ от выполнения заданий ЦК; бойкот ЦО; «агитация на почве критики работ съезда». Резолюция предусматривает также создание литературной группы с такими задачами:

«1) Образование литературного центра, который впредь до завоевания центральных учреждений партии... группировал бы «оппозиционные» элементы в партии. 2) Пропаганда тех тактических и организационных идей, которые отделили «оппозицию» от «большинства» и литературную борьбу с тенденцией «ежовых рукавиц» и «осадного положения». 3) Обслуживание агитационных нужд местных организаций как соответственным издательством, так и содействием организации литературного дела для комитетов».

Полное фракционное обособление «меньшинства», таким образом, налицо. Меньшевики решительно рвали с партией.

К счастью, эта разлагающая партию работа имела успех главным образом лишь за границей, среди эмигрантских верхушек партии. Основное ядро партии было здорово. Подавляющее большинство местных организаций оказалось на стороне решений II съезда партии и решительно осудило дезорганизаторскую деятельность меньшевиков. Но условия нелегальной работы были таковы, что «заграница» играла огромную роль в деле руководства партии. Этим объясняется тот факт, что меньшевикам удалось в конце концов вопреки воле партии завоевать центральные учреждения партии и на целый год затормозить ее положительную работу.

д) СЪЕЗД ЛИГИ

Внутрипартийная борьба достигла наивысшего напряжения на II очередном съезде «Заграничной Лиги русской революционной социал-демократии», происходившем через два месяца после II съезда партии (с 25 по 30 октября 1903 г.).

На партийном съезде преобладали практические работники местных организаций. Этот факт главным образом создал ленинское большинство на съезде. Обратное положение было за границей, где оторванная от практической партийной работы эмигрантская интеллигенция почти сплошь пошла за меньшевиками. Этот эмигрантский съезд, обиженные решениями партийного съезда, меньшевики, избрали местом своего реванша.

Характерна предшествующая этому съезду переписка. II съезд партии признал Лигу единственной заграничной организацией партии (§ 13 устава). Вновь избранный ЦК обратился ко всем членам Лиги с циркуляром, в котором извещал о том, что им начата работа по составлению нового устава Лиги на основе решений съезда, и приглашал администрацию Лиги к участию в этой работе. Меньшевистское большинство Лиги сочло этот циркуляр «бюрократическим» покушением на права «автономной» Лиги. В этом духе составлен ответ на циркуляр ЦК за подписью 19 членов Лиги. Еще красочнее «открытое письмо» по этому поводу члена администрации Лиги Л. Дейча.

«Товарищи, — пишет Дейч, — мы ни в коем случае не должны предоставить ему (ЦК) выработку нового устава для Лиги»... «В т а к о й работе, по приглашению ЦК, я считаю себя не в праве принять участие».

Письмо явилось прямым объявлением войны, открытым призывом к нарушению партийной дисциплины.

Ответом на циркуляр ЦК явился ускоренный созыв съезда Лиги, где члены Лиги намеревались с а м и в ы р а б о т а т ь с е б е у с т а в.

«Такая странная амбиция способна была взорвать хоть какой миролюбивый ЦК», — справедливо замечает по этому поводу т. В. Ваганян. (См. книгу: «Г. В. Плеханов».) Но ЦК, наоборот — и это характерно для его дальнейшего поведения — отказался представить свой проект устава Лиги и этим как бы молчаливо признал анархические претензии большинства Лиги.

Съезд Лиги с первого же заседания являл картину самого беззастенчивого сведения счетов с большевистской частью партии. Для закрепления своего большинства меньшевики перевесом 2 голосов без всякого законного основания лишили права голоса двух большевиков — членов Лиги, находившихся в России и передавших свои мандаты. Единственным делегатом Лиги на II съезде партии был Ленин. Он и должен был сделать доклад о съезде. Однако Мартов потребовал для себя и получил благодаря «своему» большинству «корреферат» (содоклад). Это требование Мартов мотивировал таким образом: «Я предчувствовал, что, став на той политической позиции, которую теперь представляет Ленин, невозможно дать верную, ясную и осмысленную картину того политического события, каким является съезд партии». Сам Мартов, однако, — в полную противоположность Ленину — дал в своем «корреферате» вместо «верной, ясной и осмысленной» картины съезда лишь ряд сплетен и личных клеветнических выходок по адресу Ленина и Плеханова. Особенно «хлесткие» места мартовского доклада сопровождались дружными аплодисментами и криками меньшевиков. Атмосфера создалась скандальная. Большевики вынуждены были покинуть заседание, подав протест против «недостойного» поведения Мартова. После ухода большевиков оставшиеся приняли резо-

люцию, призывавшую к борьбе против большевистского «бюрократического централизма» и выражавшую порицание большинству партийного съезда. Больше половины съезда ушло на споры об уставе Лиги. Меньшевики явно возвращались к временам кустарничества, выдвигая анархический принцип: «мы сами себе составим устав», отвергая право ЦК вводить в организацию новых членов, присваивая Лиге, вопреки постановлению партсъезда, право самостоятельного издания и распространения литературы.

В каких тонах проходило на съезде Лиги обсуждение устава, лучше всего видно из следующей сценки:

«Плеханов. ...На вопрос тов. Дейча я отвечу вопросом же. Он спрашивает: если не утвердят устава, будет ли Лига считаться существующей? Я же его спрошу: можно или нет продолжать существовать, если устав не получит утверждения? (Можно, конечно, можно!) На основании какого же устава? На основании того устава, который ЦК находит не соответствующим интересам партии? Если бы я так поступал, я бы поступал не как член партии...

Мартов. Тов. Плеханов спрашивает: как быть, если ЦК не утвердит устава? Я его спрошу: как быть, если ЦК не утвердит передовой статьи т. Плеханова в «Искре»? Так и будет — и передовая статья останется, и устав наш останется, а тем паче — организация»...

Лига таким образом была превращена в «неприступную» крепость бойкотирующей оппозиции для борьбы с центральными учреждениями партии — со своим издательством, со своим транспортом, — всячески огражденную от влияния ЦК.

«Ага, господа законопослушные, вы не согласны с этим, — пишет тов. Лепешинский (статья «После съезда» в «Протоколах II съезда РСДРП». Изд. Истпарта), — в таком случае не угодно ли итти на раскол. Мы же готовы на все...» — таков был смысл всех выступлений партийной оппозиции в Лиге».

Все это, конечно, не могло быть молчаливо допущено ЦК. Присутствовавший на съезде представитель ЦК Ф. Ленгник предъявил Лиге требование об утверждении ее устава ЦК и изменении ряда пунктов в соответствии с уставом партии. Лига отказалась обсуждать заявление представителя ЦК. Тогда т. Ленгник объявил заседание съезда незаконным [1]) и предложил «всем, подчиняющимся постановлению ЦК», удалиться со съезда. Большевики покинули съезд, провожаемые криками: «Долой полицию! Долой жандармов! Вы немецкие шуцманы!» (полицейские). Действия представителя ЦК Ленгника были впоследствии утверждены советом партии.

е) ПЛЕХАНОВ ИДЕТ К МЕНЬШЕВИКАМ С БЕЛЫМ ФЛАГОМ

После съезда Заграничной Лиги произошли события, сыгравшие огромную роль в истории раскола. Это — разрыв Плеханова с Лениным [2]), фактический переход первого на сторону меньшевиков, кооптация бывших редакторов «Искры» в редакцию ЦО и выход Ленина из редакции.

[1]) Интересно, что предложение о роспуске съезда Лиги исходило от «революционно разошедшегося» Плеханова. См. об этом подробнее у Тахтарева — «Рабочее движение в ПБ». «Прибой» 1924 г., стр. 192.

[2]) Однако сам Ленин склонен был первые шаги Плеханова рассматривать, как добросовестное примиренчество.

30 октября 1903 г., в день последнего заседания съезда Лиги, Плеханов заявил Ленину и Ленгнику о необходимости, по его мнению, пойти на уступки меньшевикам. Ленин, не желая становиться поперек дороги возможному (хотя и очень непрочному) миру в партии, вышел 1 ноября из редакции «Искры». 2 ноября Плеханов пригласил к себе Засулич и Потресова и заявил им о полной своей капитуляции. Вот как Мартов описывает это совещание (письмо к Аксельроду от 4 ноября):

«Плеханов пришел к нам с «белым флагом». После эпизода с Советом [1]) на следующий день, т.-е. в день вашего отъезда, Плеханов пригласил Веру Ивановну и Александра Николаевича и заявил, что «coup d'état [2]) не удался и что он решился немедленно сделать все уступки, лишь бы избежать открытого раскола. Он предлагает нам: кооптацию всех в редакцию без всяких условий, кооптацию нескольких в ЦК, два места в Совете, узаконение Лиги»...

Оппозиция формулировала в ответ свои требования в официальном письме, где требовала восстановления старой редакции, определенного количества мест в ЦК, двух мест в Совете партии и признания законности съезда Лиги. Требования оппозиции были отправлены в Россию для выяснения мнения членов ЦК. Плеханов тем временем продолжал переговоры с меньшевиками, предлагая им, независимо от ответа ЦК, «вести (вместе с ним!) в «Искре» войну против ЦК» (см. прилагаемое в конце книги письмо Мартова).

25 ноября ЦК ответил оппозиции «ультиматумом», где соглашался на кооптацию четырех бывших редакторов в ЦО, предоставление одного места (вместо двух требуемых меньшевиками) в Совете партии представителю оппозиции и кооптацию в ЦК двух представителей оппозиции по выбору ЦК. Условием ставилось подчинение Лиги постановлениям ЦК. 26 ноября Плеханов «единогласно» кооптировал в редакцию «Искры» четырех бывших редакторов «Искры» (Мартова, Аксельрода, Засулич и Потресова).

С № 53 «Искра» становится меньшевистской.

Выяснение причин, исторических корней поворота Плеханова к меньшевикам представляет исключительную важность для правильного понимания истории нашей партии.

На первый взгляд этот поворот, после столь блестящих, вполне большевистских его выступлений на II съезде партии, после столь решительного поведения на съезде Лиги, кажется внезапным и неожиданным. На самом деле он не был вполне неожиданным (ведь недаром же меньшевики мобилизовали все свои усилия, чтобы оторвать Плеханова от Ленина). Читатель помнит, как на II съезде Плеханов остроумно отвечал на эти усилия Акимова. Но это остроумие Плеханова на II съезде не могло ни прикрыть разногласий, какие были между Лениным и Плехановым, ни уничтожить тот факт, что уже к тому времени Ленин становился вождем живого революционного движения, живой революционной практики в России.

---

[1]) Т.-е. после принятия Советом резолюции об одобрении действий Ленгника на съезде Лиги. Заседание Совета было 1 ноября. Ред.

[2]) Государственный переворот. Ред.

Ко времени II съезда Плеханов уже 23 года провел в эмиграции, совершенно оторванный от русской революционной почвы, от рабочего движения, от рабочей массы, встречаясь лишь с отдельными верхушечными представителями российского революционного движения на всякого рода съездах и конференциях.

Эта оторванность не могла не наложить своих тяжелых следов на Плеханова. В России Плеханов работал еще в «пропагандистский» и притом народнический период, на заре массового рабочего движения.

Как помнит читатель, серьезные разногласия между Лениным и Плехановым имелись уже при выработке проекта программы партии. Проект программы В. И. Ленина должен был удовлетворять тому требованию, которое он сам формулировал словами:

«Партия русского пролетариата должна в своей программе самым недвусмысленным образом изложить обвинение русского капитализма, объявление его войны русскому капитализму».

Проект же Плеханова В. И. Ленин обвинил в том, что

«этот проект дает не программу пролетариата, борющегося против весьма реальных требований весьма определенного капитализма, а программу экономического учебника, посвященного капитализму вообще».

«Один из наиболее сильных теоретиков марксизма во всем мире, — пишет тов. Лепешинский в своих воспоминаниях («На повороте»),— ...человек с огромной силой диалектического ума, с остроумием и изысканным сарказмом, напоминающим иногда сарказм Маркса, со своим революционным темпераментом патентованного «забияки» — Плеханов был еще на высоте своего величия и своей завидной репутации. А все-таки... А все-таки уже и в тот период его апогея славы проскальзывали некоторые признаки постепенного процесса омертвения его революционной мысли. Он заметно выдыхался. Как Антей, оторванный от земли, он терял свой революционный вес»...

«Превалирование теории над практикой, выработавшееся в результате этого обстоятельства, нашло благоприятную почву для своего развития, когда пропагандист-теоретик Плеханов оказался в среде вождей Второго Интернационала, этих сынов «органического» периода развития капитализма. И, подобно всем этим вождям, Плеханов оказался неприспособленным к наступившей новой эпохе обостренных классовых конфликтов и массовой революционной борьбы».

«Но быть вождем армии практиков, действующих на местах по своим подпольям, чутко улавливать назревающие лозунги дня, набрасывать смелой рукой программу партийной работы на ближайший период — на это он уже был неспособен».

Быть может, наиболее ярко освещает положение дел такой штришок, приводимый Н. К. Крупской в ее воспоминаниях:

«Когда мы переехали в Женеву, я пробовала показывать Плеханову корреспонденции и письма, и удивляло меня, как он на них реагировал: точно почву он под ногами терял, недоверие у него какое-то появлялось на лице, никогда не говорил он потом об этих письмах и корреспонденциях. Особенно недоверчиво стал он относиться к письмам из России после II съезда. (Разрядка наша. Ред.). Меня это вначале даже обижало как-то, а потом стала думать, что это вот отчего. Давно он уже уехал из России, и не было у него того мерила, вырабатываемого опытом, которое дает возможность определить удельный вес каждой корреспонденции, читать многое между строк». («Ленинский сборник» № 3, стр. 40.)

Читатель не должен упускать из виду того обстоятельства, что Плеханов никогда в сущности не придавал организационному вопросу того исключи-

тельного значения, какое этот момент имел в глазах Ленина [1]). Тов. Мартынов в своей брошюре «Великий пролетарский вождь» рассказывает о беседе своей с Вл. Ильичем в 1901 г., которая показывает, какое огромное значение придавал Ленин организационному вопросу:

«...В конце беседы Ленин обращается ко мне с вопросом: «Ну, а как вы относитесь к моему организационному плану?» Тут я сразу ощетинился. — «В этом пункте я с вами совершенно не согласен... Вы предлагаете внести в партию какую-то военную дисциплину: ни у нас в России, ни в Западной Европе ничего подобного не видали социал-демократы». Владимир Ильич, прищурив глаз, усмехнулся и ответил мне: «Вы только в этом пункте со мной не согласны, а в этом вся суть, и разговаривать нам с вами, значит, больше не о чем».

Такое значение Ленин придавал организационному моменту потому, что он строил партию, которая способна была бы в завтрашний исторический день повести массы в бой. Вот этого-то заостренного понимания организационного вопроса не видно у Плеханова. Не даром колеблется он, какую из формулировок § 1 устава предпочесть — ленинскую или мартовскую.

Речи Плеханова по организационным вопросам построены на доводах формально юридических, «логических», на доводах целесообразности «вообще», но нет у Плеханова той принципиальной практической постановки вопроса, которую давал Ленин.

После всего вышесказанного должно быть ясно, что поднятая меньшевиками на съезде Лиги отчаянная шумиха явилась для Плеханова серьезным испытанием. Он испугался вставшего перед партией призрака раскола. Настроения оторванной от революционной работы эмигрантщины показались ему настроением подлинной партии, и Плеханов, по выражению т. Лепешинского, «сдрейфил». Плеханов действительно перешел к меньшевикам «с белым флагом».

Никоим образом нельзя согласиться с мнением В. Ваганяна, что

«...по вопросам организационным Плеханов никогда не переходил на точку зрения «организационного оппортунизма» своих коллег по новой фракции и вплоть до эпохи борьбы с ликвидаторством был последовательным сторонником большевистских взглядов на партийное строительство».

Не что иное, как именно «оппортунизм в организационных вопросах» представляют на деле рассуждения Плеханова о недопустимости для ЦК права раскассирования организаций («централизм или бонапартизм»), по поводу которых сам же В. Ваганян пишет:

«Все эти пустяки, выдуманные Плехановым, были использованы для того, чтобы прикрыть борьбу с централизмом за автономизм, которую на деле вели меньшевики». Также оппортунистично, наконец, самое отрицание того факта, что, кроме программы и тактики, «оппортунизм и анархизм могут проникнуть в организацию и по другому не менее широкому пути — организационному». (Ваганян. «Плеханов», стр. 425.)

Решение Плеханова о кооптации не было единичным политическим актом, отдельным временным маневром.

Это была полная капитуляция без всяких условий, это был переход на политическую позицию противника.

[1]) Однако в годы ликвидаторства Плеханов убедился, что оппортунизм очень легко просачивается и через организационные формы.

ж) НОВАЯ «ИСКРА»

По уходе Ленина из редакции и после кооптации «четверки» «Искра» делает крутой поворот и становится органом меньшевистской фракции. Уже в № 52 «Искры», вышедшем под единоличной редакцией Плеханова, идет редакционная статья «Чего не делать». В ней Плеханов — вчера еще «непримиримый» воинствующий Плеханов — призывает к «миролюбию, мягкости, уступчивости» по отношению не только к меньшевикам, но и откровенно «антиискровским» элементам.

«...Не подлежит никакому сомнению, — пишет он, — что в настоящее время нам не следует быть резкими по отношению к товарищам, некогда склонявшимся к «экономизму»... У нас, правда, и теперь еще есть о чем поспорить со многими из них: разногласия не вполне исчезли. Но теперь эти разногласия так несущественны, что горячиться и ссориться из-за них совсем не стоит».

Эта статья была по достоинству оценена в партийных организациях. В одном из документов этого времени мы читаем:

«Еще не высохли чернила, которыми Ленин писал и учил о том, какой большой вред приносят партии ее внутренние враги — ревизионисты, оппортунисты и экономисты,— как пошли в «Искре» писать о тактичности, мягкости, миролюбии, снисходительности по отношению к этим внутренним врагам. Экономисты стали бывшими, экономистами в кавычках, товарищами, не вполне ортодоксальными, но подающими большие надежды... Можно ли так радужно смотреть на будущее экономистов?..» «Как же объяснить исторический поворот, новый курс «Искры»? — спрашивают далее авторы письма. — Мы думаем, так. Если пишут и стараются реабилитировать экономизм, хвостизм, если ради этого грешат против истины..., то дело ясно. Вчерашние экономисты, «хвостисты» — совсем не Веньямины, за которых их выдают, а пресловутые казанские сироты. Это — волки в овечьей шкуре... Экономисты вошли в партию, чтобы сломить ее изнутри... Они решили самое «Искру» пропитать своим духом и ядом.

...Ревизионисты могут себя поздравить с блестящей победой: они обошли и приручили, наконец, одного из самых непримиримых и энергичных противников»... (Ответ на письмо ЦО представителей Уфимского, Сев.-Уральского и Пермского к—тов. Сборн. Истпарта. «Как рождалась партия большевиков», стр. 288—290.)

Но главный-то смысл статьи Плеханова был в том, что Плеханов в сущности призывал к мягкости и уступчивости по отношению к меньшевикам, которых сам же он вчера называл анархическими индивидуалистами.

На первых порах новая «Искра» не решалась открыто порвать с основными принципами и традициями «искровства» — принципами и традициями революционной социал-демократии. Напротив, сам Ленин, по их словам, не понимал «настоящего» «искровства», сами же они являлись истинными его носителями. Но долго так продолжаться не могло.

«Логическая связь между направлением старой «Искры» и организационной утопией Ленина, которую вполне разделял до кооптации и т. Плеханов, была настолько очевидна, что пытаться отрицать это было бы для редакции равносильно подписанию себе смертного приговора». (Лядов. Доклад большевиков Амстердамскому конгрессу в 1904 г.», стр. 77. Изд. Свердл. университета 1924 г.)

Поэтому очень скоро меньшевики переходят к пересмотру своих собственных прежних воззрений, к ревизии самого «искровства». В меньшевистской

«литературе этих дней» особенно заслуживают внимания фельетоны П. Б. Аксельрода в №№ 55 и 57 «Искры». В глазах Аксельрода, давшего, по мнению Мартова (см. в его «Истории Российской с.-д.») «более глубокую критику причин и содержания нового партийного кризиса», вся деятельность «Искры» сводится к созданию в партии бюрократизма.

«В период борьбы с наследством из эпохи экономизма, — пишет Аксельрод, — создалась организационная утопия, теоретическая сущность которой является подчинением всего светского общества небольшому духовному ордену. Торжество бюрократического централизма в партийной организации явилось результатом борьбы революционной социал-демократии с экономизмом».

Аксельроду вторит Мартов, по мнению которого «...ко времени партийного съезда «искровское» направление уже задерживало развитие нашей партии». («Борьба с «осадным положением» в РСДРП».)

Новая редакция дала обещание, что помещаться в «Искре» будут лишь статьи принципиального характера. Но «принципиальность» статей определяла сама далекая от беспристрастия меньшевистская редакция, и «Искра» превратилась в сплошной букет полемических красот, личных нападок, инсинуаций и т. п. Эти полемические приемы вызвали даже официальный протест наборщиков партийной типографии, где печаталась «Искра» [1]).

Подводя итоги деятельности старой «Искры», В. И. Ленин дал яркое сопоставление ее с новой «Искрой»:

«Старая «Искра», — пишет Ленин, — учила истинам революционной борьбы. Новая «Искра» учит житейской мудрости: уступчивости и уживчивости. Старая «Искра» была

---

[1]) Протест этот вынесен был по поводу напечатания в № 58 «Искры» такого меньшевистского «изделия»:

«КРАТКАЯ КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

(Устав-максимум «твердых».)

§ 1. Партия делится на заезжателей и заезжаемых.

Примечание. Группы или лица, кои неспособны быть заезжаемыми, но также неспособны заезжать, упраздняются вовсе.

§ 2. Заезжатели вообще заезжают. Что же касается заезжаемых, то оные преимущественно бывают заезжаемы.

§ 3. В интересах централизма заезжатели бывают разных степеней доверия. Заезжаемые уравнены в правах.

§ 4. Для обжалования уже воспоследовавших заезжаний учреждается Совет. Впрочем, последний заезжает и самостоятельно.

§ 5. Иерархия сия увенчивается Пятым, права коего по заезжанию ограничены лишь естественными законами природы.

§ 6. ЦО заезжает мерами духовного вразумления. В случае закоренелости вразумляемых передает оных в руки ЦК.

§ 7. Тогда ЦК поступает.

§ 8. Заезжаемые делают взносы в партийную кассу на расходы по заезжанию, а равно и по пропаганде.

§ 9. В свое время все члены партии — и заезжатели и заезжаемые — делают революцию.

Примечание. От сей повинности увольняются заезжаемые.

органом воинствующей ортодоксии. Новая «Искра» преподносит нам отрыжку оппортунизма — главным образом в вопросах организационных. Старая «Искра» заслужила себе почетную нелюбовь и русских и западно-европейских оппортунистов. Новая «Искра» «поумнела» и скоро перестанет стыдиться похвал, расточаемых по ее адресу крайними оппортунистами. Старая «Искра» неуклонно шла к своей цели, и слово не расходилось у нее с делом. В новой «Искре» внутренняя фальшь ее позиции неизбежно порождает — независимо даже от чьей бы то ни было воли и сознания — политическое лицемерие. Она кричит против кружковщины, чтобы прикрыть победу кружковщины над партийностью. Она фарисейски осуждает раскол, как будто бы можно было представить себе какое-либо другое средство против раскола в сколько-нибудь организованной партии, кроме подчинения меньшинства большинству. Она заявляет о необходимости считаться с революционным общественным мнением и, скрывая похвалы Акимовых, занимается мелким сплетничеством про комитеты революционного крыла партии. Какой позор! Как они осрамили нашу старую «Искру»! (Л е н и н. Собр. соч., т. V, стр. 481—482. «Шаг вперед, два шага назад».)

Но чем же заменила новая «Искра» в своем идейном багаже традиции старой «Искры»? На это с полной категоричностью отвечает экономист Акимов:

«Новая «Искра»,—пишет он,— в каждом своем номере повторяет целые фразы и мнения из статей Кричевского и Мартынова и даже schlagwort'ы (лозунги.—Р е д.) из литературы так называемых «экономистов», но я считаю некорректным и вредным для дела, когда «Искра», делая это, в то же время делает вид, что изменилась не она, а так называемые «экономисты». Я, однако, уверен, что наши общие друзья из «твердых» не преминут доказать сопоставлениями и цитатами «сродство душ» нового «искризма» с так называемым «экономизмом». Кажется, только в э т о м о д н о м (выделено нами. Р е д.) так называемые «экономисты» сходятся с «твердыми». (А к и м о в. «К вопросу о работах II съезда партии». Женева, стр. 68.)

И Акимов в этом вопросе о «сродстве душ» новой «Искры» с «экономизмом» безусловно был прав.

з) ИСТОКИ ТРОЦКИЗМА. ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ РАЗНОГЛАСИЙ

Довольно стройное теоретическое обоснование меньшевизма дал Л. Д. Троцкий в своей брошюре «Наши политические задачи», явившейся ответом на книжку Ленина «Шаг вперед, два шага назад». С этого момента Троцкий становится идейным вдохновителем и трубадуром меньшевизма.

Л. Д. Троцкий незадолго до II съезда партии вернулся из сибирской ссылки, где он перед своим отъездом защищал в организационных вопросах точку зрения В. И. Ленина; поэтому В. И. Ленин обратил на него внимание. Он считал его ценным для партии товарищем, имея в виду, главным образом, его публицистические, литературные способности. Он так и окрестил его — «Перо». Ленин рекомендовал Троцкого в качестве «пера» и Плеханову. Однако Плеханов отнесся к Троцкому свысока, как вообще Плеханов относился к очень многим молодым товарищам, даже к рабочим [1]).

---

[1]) Н. К. Крупская вспоминает:

«Даже если рабочий попадал к Плеханову, он уходил от него со смешанным чувством. Его поражал блестящий ум Плеханова, его знания, его остроумие, но как-то оказывалось, что, уходя от Плеханова, рабочий чувствовал лишь громадное расстояние между собой и этим блестящим теоретиком; но о своем заветном, о том, о чем он хотел рассказать, с ним посоветоваться, он так и не смог поговорить. А если рабочий не согла-

Перед съездом партии Троцкий был ближе к Ленину. Ленин пользовался им, по выражению Д. Б. Рязанова, как «дубинкой» по отношению к остальным членам редакции «Искры», в которой Троцкий стал близким сотрудником. Однако на II съезде партии Троцкий выступил с такими формулировками против Ленина, которые не были случайными и в дальнейшем были закреплены Троцким в целом ряде литературных произведений. Троцкизм, таким образом, оказывается довольно давнишнего происхождения, и с полным правом мы можем отнести его начало ко II съезду партии.

Троцкий выступил, как мы уже видели, в защиту § 1 устава в формулировке Мартова. Он высмеивал Плеханова и Ленина, будто бы они хотят создать уставные заклинания против оппортунизма. Отвечая Плеханову на его указания, что сторонники мартовской точки зрения защищают интеллигентский индивидуализм, Троцкий заявил, что формула Ленина бьет не интеллигенцию, а гораздо больше рабочих; но в дальнейшем он как раз доказал обратное, а именно — что его больше всего интересует этот вопрос потому, что формула Ленина может «стеснять в правах состояния тех интеллигентских одиночек, которые стоят на почве партийной программы и в одиночку оказывают услуги партии под руководством ее организации». Троцкий спрашивал:

«Неужели член ЦК должен будет отвечать каждой такой социал-демократической одиночке, проживающей в городе Пензе: «Прежде чем реализовать твои минимальные права как члена партии, тебе надлежит связать себя с такими же одиночками в Самаре и Калуге. Ибо ныне выдумана формула для удавления твоего интеллигентского индивидуализма». (Протоколы II съезда.)

Мы уже видели, насколько далеко это от того, что предлагал В. И. Ленин.

Эту защиту якобы обиженной Лениным интеллигенции Троцкий возобновляет в еще более «хвостистской» форме после съезда и в цитированной уже нами ранее брошюре «Наши политические задачи».

Когда Ленин в своей книге «Шаг вперед, два шага назад» характеризовал разницу между интеллигенцией и пролетариатом, совершенно правильно указывая, что «интеллигенция, как особый слой современных капиталистических обществ, характеризуется в общем и целом именно индивидуализмом и неспособностью к дисциплине и организации», этого было достаточно, чтобы «задеть за живое» Л. Д. Троцкого, который назвал Ленина «вождем реакционного крыла нашей партии».

«Значит, по новой философии Ленина, — писал Л. Д. Троцкий, — едва успевшего истоптать пару башмаков после написания брошюры «Что делать?», пролетарию достаточно пройти «школу фабрики», чтобы давать интеллигенции, играющей пока в его партии руководящую роль, уроки политической дисциплины. По этой новой философии всякий, кому идеальная партия не рисуется «как огромная фабрика», кому — наоборот — такое представление кажется «чудовищным», всякий, кто не верит в непосредственную политически воспитательную силу машины, тот «сразу выдает психологию буржуазного интеллигента», от природы неспособного различать между отрицательной стороной фабрики — «дисциплиной, основанной на страхе голодной смерти», и ее положительной стороной — «дисци-

---

шался с Плехановым, пробовал изложить свое мнение, Плеханов начинал раздражаться: «Еще ваши папеньки и маменьки под столом ходили, когда я...». («Ленинский сборник» № 3. Н. Крупская. «Из воспоминаний». Стр. 40.)

плиной, основанной на совместном труде, объединенном условиями высоко развитого технического производства».

«Мы утверждаем, что русский пролетариат, в котором мы едва начали развивать политическую самодеятельность, неспособен еще, к несчастию для себя и к счастию для г.г. кандидатов в «диктаторы», давать уроки дисциплины своей «интеллигенции», сколько бы фабрика ни упражняла его в совместном труде, объединенном условиями высоко развитого технического производства». Нисколько не боясь проявить «психологию буржуазного интеллигента», мы заявляем далее свою полную солидарность с той мыслью, что «техническое подчинение рабочих однообразному ходу орудий труда» (дисциплина, основанная на совместном труде, объединенном условиями высоко развитого технически производства) и характерное для фабрики образование целого рабочего организма из индивидуумов обоих полов и различнейших возрастов создает казарменную (казарменную, а не сознательно-политическую) дисциплину, которая превращается в настоящий фабричный режим».

Мы видим здесь не только непонимание роли пролетариата в создании дисциплинированной партии; Л. Д. Троцкий здесь выступает так, как мог бы выступить любой «экономист» в вопросах стихийности и сознательности в пролетарском движении.

«Какое негодование, — возмущается Троцкий, — охватывает вас, когда вы читаете эти безобразные, распущенно-демагогические строки. Пролетариат, тот самый пролетариат, о котором вам вчера еще говорили, что он «стихийно влечется к тред-юнионизму», сегодня уже призывается давать уроки политической дисциплины, и кому? Той самой интеллигенции, которой, по вчерашней схеме, принадлежала роль — извне вносить в пролетариат и его классовое, его политическое сознание. Вчера он еще ползал во прахе, сегодня он уже вознесен на неожиданную высоту. Вчера еще она была носительницей социалистического сознания, сегодня уже на нее призываются шпицрутены фабричной дисциплины.

И это марксизм. И это социал-демократическое мышление. Поистине, нельзя с бо́льшим цинизмом относиться к лучшему идейному достоянию пролетариата, чем это делает Ленин. Для него марксизм не метод научного исследования, налагающий большие теоретические обязательства, нет, это... половая тряпка, когда нужно затереть свои следы, белый экран, когда нужно демонстрировать свое величие, складной аршин, когда нужно предъявить свою партийную совесть». (Разрядка наша. Ред.)

Ленин должен был доказывать тогда Троцкому, что он совершенно не понял мыслей, изложенных в книге «Что делать?», не понял строения партии.

Троцкому глубоко чужда была та идея, что свою диктатуру пролетариат не может осуществить иначе, как через свой наиболее классово-сознательный, преданный и дисциплинированный авангард — пролетарскую партию («сильная, властная пролетарская организация»). В главе «Диктатура над пролетариатом» Троцкий цитирует письмо представителей трех большевистских комитетов:

«...И надо сказать не только о России, но и о всемирном пролетариате, что ему необходимо подготовлять и подготовляться к получению (!!!) сильной, властной организации... Подготовка пролетариата к диктатуре — такая важная организационная (!!!) задача, что ей должны быть подчинены все прочие. Подготовка состоит, между прочим, в создании настроения (!) в пользу сильной, властной пролетарской организаций, выяснении всего значения ее. Можно возразить, что диктаторы (!!!)

являлись и являются сами собой. Но так не всегда было, и не стихийно, не оппортунистически должно быть в пролетарской партии». (Разрядка Троцкого.)

Как видим, Троцкий не жалеет подчеркиваний и восклицательных знаков, цитируя письмо большевистских комитетов. И дальше идет такая реплика Троцкого:

«Во всяком случае авторы документа имеют мужество открыто заявить, что диктатура пролетариата рисуется им как диктатура над пролетариатом: не самодеятельный рабочий класс, взявший в свои руки судьбу, а «сильная, властная организация», господствующая над пролетариатом, и через него над обществом, обеспечит переход к социализму».

Такую идею Троцкий отождествляет с «диктатурой над пролетариатом».

Как же Троцкий представлял себе диктатуру пролетариата и роль партии?

По мнению Троцкого, «судьбу общества» берет в свои руки «самодеятельный рабочий класс», противопоставляемый им «сильной властной пролетарской организации». Еще на II съезде партии т. Троцкий говорил:

«Его (Акимова) пугает диктатура пролетариата, как якобинский акт. Он забывает, что эта диктатура будет возможна лишь тогда, когда социал-демократическая партия и рабочий класс... будут наиболее близки к отождествлению»... (Разрядка наша. Ред.)

Итак: 1) об осуществлении диктатуры пролетариата у Троцкого было весьма мирное, отнюдь не революционное представление (недаром особое возмущение Троцкого вызывали слова Ленина о том, что «якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ» [1]). 2) Представление Троцкого о сущности партии пролетариата является чисто «хвостистским».

Нет ничего удивительного, что с Троцким поспешил солидаризироваться... откровенный ревизионист, «экономист» Акимов.

Из этой «хвостистской» постановки вопроса о роли партии вытекают и организационные взгляды Троцкого.

Споры против организационных взглядов Ленина, принятых большинством на II съезде партии, Троцкий продолжал и после II съезда. В цитированной выше брошюре «Наши политические задачи» он выступает уже с совершенно определенным меньшевистским обоснованием почти всех коренных вопросов борьбы рабочего класса. Он обвиняет большевиков в том, что они являются «экономистами» наизнанку, что у них партийная организация «замещает» собою партию, ЦК замещает партийную организацию и, наконец, «диктатор» (речь идет о Ленине.— Ред.) замещает собою ЦК. Троцкий обвиняет большевистские комитеты в том, что они выдают свои собственные решения за решения передовых масс, «в то время, как народ безмолвствует». Троцкий обрушивается на «организационный фетишизм» В. И. Ленина:

«Вся наша задача целиком лежит в области политической тактики. Мы, так называемое «меньшинство», не выставляем самостоятельных органи-

[1]) «Шаг вперед, два шага назад».

зационных задач и думаем, что самые неотложные из них разрешаются попутно, в процессе политической борьбы. В этом смысле мы, действительно, проявляем «оппортунизм в организационном вопросе», нужно только иметь в виду, что противостоящий нашему оппортунизму организационный ригоризм есть не что иное, как оборотная сторона политического тупоумия.

Итак, мобилизация пролетариата вокруг основных лозунгов революции — таково содержание нашей непосредственной подготовки к надвигающимся событиям.

Сейчас я не знаю другой подготовки, кроме этой. Но зато эту я знаю и вижу во всей ее сложности, трудности, колоссальности. Вернее сказать: всякая иная подготовка приложится к этой».

Основным организационным принципом Троцкого является, таким образом, — плыть по течению. Организация «приложится»... Понятно после этого отношение Троцкого к организационному плану Ленина:

«Крайне примитивные, занимавшие ничтожное место в общей сумме идей, внесенных «Искрой» и «Зарей», но игравших несомненно прогрессивную роль, организационные «планы» автора «Что делать?» выступают через три года у его эпигона, автора «Шаг вперед», как яростная попытка помешать социал-демократии стать социал-демократией»...

Ниже мы еще увидим, в чем заключалась и «политическая тактика» Троцкого.

Со всем пылом обрушивается Троцкий на ленинскую проповедь о необходимости суровой партийной дисциплины: «Ничто не может быть жальче фигуры «вождя», пытающегося заворожить несогласных занять горизонтальное положение противников повторением слова «дисциплина», бросает он по адресу В. И. Ленина.

Меньшинство проводит «всеобщую стачку генералов», меньшинство вконец подрывает партийную дисциплину, Троцкий «подводит базу», дает «теоретическое оправдание» этой дезорганизаторской работе.

Еще недавно боровшийся вместе с Лениным против кустарничества «экономистов» Троцкий подвергает теперь «уничтожающей» критике ленинский план построения централизованной партии... Идея централизма для Троцкого-меньшевика — нищенская мысль. «Те элементы нашей партии, которые воспитались в эпоху краха «кустарничества», пришли к поразительно нищенской мысли, что в основу работы должна лечь идея централизма... Положение дел в партии в результате деятельности «Искры» рисуется Троцкому каким-то сплошным кошмаром... «Где-то наверху, высоко-высоко, кто-то кого-то куда-то заточает, сменяет, кого-то душит, кто-то себя кем-то провозглашает, — в результате на комитетской вышке торжествующе появляется флаг с надписью: «ортодоксия, централизм, политическая борьба»...

Партия — авангард пролетариата, должна быть монолитной, иначе она не может выполнить свою роль авангарда.

Партия же, построенная «по Троцкому», развивается «путем изживания наиболее прогрессивных программных, политических и организационных оттенков и течений». Такую же борьбу «оттенков и течений» внутри социализма Троцкий представляет себе и по установлении диктатуры пролетариата.

Посмотрим теперь, как представляет себе Троцкий задачи политической тактики.

«Да, повторяем мы, какая же разница с практикой столь беспощадно осужденного «экономизма»? И — еще хуже — не подошли ли мы в нашей политической работе к преданной анафеме программе «Credo» гораздо ближе, чем к ней подходили сами «экономисты»? Комитеты «руководят» (хотя, как мы уже говорили, они все более и более разучиваются этому искусству) примитивными проявлениями экономической (стачки) и политической (полустихийные демонстрации с неопределенными революционными лозунгами) борьбы пролетариата и, кроме того, в той или другой форме «ходят во все классы общества» — чаще всего в форме прокламаций... Это все»...

Так изображает Троцкий тактику В. И. Ленина. Он обвиняет большевиков в том, что «во внешней политике эти методы (большевистские.— Р е д.) проявляются в попытках давить на другие общественные организации отвлеченною силою классовых интересов пролетариата, а не реальною силою пролетариата, сознавшего свои классовые интересы».

Что же предлагает со своей стороны Троцкий? В главе «Что же делать» он развертывает картину политической кампании поистине замечательную.

«Если съезд деятелей по техническому образованию имеет политическое значение, его, разумеется, надо использовать... Но как использовать? О с т а в а я с ь в п р о л е т а р и а т е, н е у х о д я о т н е г о.

...Комитет вырабатывает резолюцию, формулирующую требования, предъявляемые к съезду петербургскими рабочими. Резолюцию эту один из членов комитета подробно разбирает с пропагандистами и агитаторами. Те пускают ее в оборот далее по всем ячейкам организации. Подсчитывают голоса.

...Листы с собранными крестами, число поднятых рук — все это передается комитету.

...Открывается съезд. Петербургский комитет предъявляет ему резолюцию, формулирующую сознательные требования 500, 1.000, 5.000 петербургских рабочих.

...Как бы ни реагировал съезд на голос сознательного пролетариата, усилия комитета не пропали даром. Те рабочие, которые вовлечены во время кампании в дело «давления» на радикальную демократию, уже тем самым о т д е л е н ы от нее» (стр. 40).

А вот другой «пример»:

«Протест рабочих против поведения правительства во время голода... получит политическое значение, если нарастающей волной прокатится по всей России, собирая тысячи и десятки тысяч протестующих пролетарских голосов... Призвать к этому массовому протесту студенчество и «честных граждан» будет дальнейшим шагом политически мыслящего и политически бодрствующего центра, сплотившего вокруг себя все живые силы партии. Следующим шагом будет протест революционного пролетариата против рабьего молчания либеральной прессы, которая даже перед лицом великого народного несчастья не осмеливается переступить цензурные запреты. Далее может последовать призыв ко всем общественным организациям, постоянным и временным, господствующих классов — так или иначе формулировать свое отношение к правительственной тактике. Наконец (!), протест революционных масс, если эти общественные организации, прежде всего земства и думы, остаются безмолвными.

Это и е с т ь п у т ь к п о л и т и ч е с к о м у п р о т и в о п о с т а в л е н и ю б о л е е с о з н а т е л ь н ы х с л о е в п р о л е т а р и а т а о р г а н и з а ц и я м г о с п о д с т в у ю щ и х к л а с с о в в с а м о м п р о ц е с с е о б щ е д е м о к р а т и ч е с к о й б о р ь б ы с ц а р и з м о м. Именно на этом пути мы можем придать классовый характер нашей политической борьбе». («Наши политические задачи». «От педагогики к тактике», стр. 48.)

Итак, с т а ч к и и д е м о н с т р а ц и и — «п р и м и т и в н ы е п р о я в л е н и я» б о р ь б ы п р о л е т а р и а т а. В ы с ш и е п р о я в л е н и я,

это — петиции и протесты по адресу общественных организаций либеральной буржуазии. Вместо непосредственной борьбы с самодержавием, где пролетариат увлекает за собой остальные слои населения, выступает авангардом, гегемоном в революционной борьбе, вместо этого — моления и поощрения по адресу либералов.

Вдохновенные планы Троцкого воплотились вскоре в поистине великолепном меньшевистском «плане земской кампании». План этот получил достойную оценку Вл. Ильича. Но об этом — в следующей главе.

Таким образом Троцкий со времени II съезда променял революционные принципы ленинской тактики, выдержанную организационную линию на прикрашенные меньшевистскими рассуждениями теории «экономистов». Защита явно нереволюционных позиций не могла не отразиться на дальнейшей судьбе троцкизма.

и) СОВЕТ И ЦК НА СЛУЖБЕ «МЕНЬШИНСТВА»

Переход редакции ЦО в руки меньшевиков повлек за собой «меньшевистское перерождение» и Совета партии. Против двух представителей ЦК — Ленина и Ленгника — выступала сплоченная тройка представителей ЦО и «пятого» члена совета — Плеханова. Увлеченный своей навязчивой идеей, что единства партии можно добиться лишь «изничтожением» зловредного упрямца — Ленина, Плеханов далек был от «нейтралитета». В результате — полными хозяевами в Совете были меньшевики, и все, без исключения, предложения большевиков отклонялись без всяких попыток договориться.

«Владимир Ильич, — пишет т. Лепешинский [1]), — всегда шел в Совет, как на Голгофу. Он очень хорошо знал, что его там будут распинать: Мартов всласть покуражится, Плеханов непременно изобразит из себя Юпитера-громовержца... И в конце концов вся новоискровская тройка с прорывающейся наружу или еле сдерживаемой улыбкой торжествующих победителей станет майоризировать его и Ленгника по всем пунктам»...

Совет партии стал, таким образом, верным орудием «кооптационной» политики меньшинства. Целью этой политики было, как мы уже видели, овладение партийными центрами и завоевание большинства в местных организациях.

Очередной задачей для меньшевиков являлось завоевание последней оставшейся еще в руках большевиков крепости — Центрального Комитета, где «окопался» кооптированный в ЦК после выхода из редакции Ленин.

И вот 28 января Совет все тем же большинством 3 против 2 принимает такую резолюцию:

«Совет партии, сожалея о распрях, существующих теперь в Российской социал-демократической рабочей партии, глубоко убежден: 1) что существование этих распрей обусловливается тем, что ЦК по своему составу представляет лишь одну часть партии, и 2) что для их устранения необходимо изменение его состава путем кооптации лиц, принадлежащих к так называемому «меньшинству» партийного съезда или солидарных с ним».

---

[1]) «На повороте».

Не ограничиваясь этим, Совет тут же принимает ряд мер, фактически превращающих меньшевистский ЦО во второй, параллельный ЦК, практический центр партии. Редакции ЦО предоставляется право самостоятельно распоряжаться находящейся в партийной экспедиции литературой. В руки ЦО таким образом передана важнейшая функция Центрального Комитета — транспорт и распространение литературы. Редакции ЦО, далее, предоставляется право рассылать по местам своих «литературных» агентов. Наконец, ЦО разрешено иметь отдельную от общепартийной кассу.

Как действовал Совет в своей усердной службе меньшевистским дезорганизаторам, лучше всего видно из эпизода с Бакинским комитетом. После ареста части членов и отъезда остальных единственным наличным членом комитета остался меньшевик М. Он решил воспользоваться положением, чтобы ввести в комитет «своих». Вопреки предложению представителя ЦК, рекомендовавшего двух хорошо известных товарищей, М. произвел «единогласно» (с легкой руки Плеханова, очевидно) такую кооптацию: на вопрос, кто такие кооптированные члены, М. ответил, что один из них—местный житель, которого ему рекомендовала его, М., знакомая, ни в какой организации не участвующая... остальные двое — приезжие, рекомендованные двумя лицами, состоящими в организации. Позже М. заявил, что рекомендацию этих двух лиц можно рассматривать как рекомендацию организации, так как фактически она состоит только из этих двух лиц (!).

Представитель ЦК не мог, конечно, признать комитета, составленного из совершенно случайных и неизвестных людей. К тому же один из старых членов комитета, вышедший из тюрьмы, заявил протест против подобной «кооптации». Вся история могла бы кончиться для наших «героев кооптации» не совсем приятно... но тут приходит на помощь своими «разъяснениями» Совет партии: оказывается, член комитета, если он имел несчастье попасть под арест (хотя бы на сутки) считается выбывшим; комитеты партии вовсе не обязаны принимать в свой состав кандидатов, предлагаемых ЦК; все кооптационные махинации бакинских меньшевиков получили санкцию Совета. Меньшевики могут спокойно вести свою «организаторскую» (см. прилагаемую резолюцию женевских меньшевиков) работу: вмешательство зловредного ЦК для них теперь не страшно...

Вскоре Совету пришлось «оградить» меньшевиков от большинства партии еще в одном вопросе. Лишенные возможности защищать партию в «Искре», большевики организуют свое фракционное издательство партийной литературы под видом «издательства В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина». Не успела еще выйти (в половине августа) первая брошюра этого издания — «Долой бонапартизм» Галерки — как уже 1 сентября опубликовывается такое «разъяснение» Совета:

«Совет партии разъясняет товарищам, что партийной литературой является только такая, которая издана за ответственностью и от имени одной из партийных организаций. Поэтому и заголовок РСДРП не может ставиться на изданиях, выпускаемых отдельными членами партии. Совет просит всех товарищей ввиду неодиократных уже нарушений этого само собой разумеющегося во всякой партии правила принять во внимание его решение».

Здесь интереснее всего, что вся партийная практика до сего момента целиком противоречила этому «само собой разумеющемуся» правилу — и ни с чьей

стороны не вызывала протестов. Достаточно назвать брошюры Троцкого — «Доклад сибирской делегации», Акимова, Рязанова, вышедшие как их частные издания и снабженные партийным заголовком.

Кроме того, как остроумно указывает покойный тов. Воровский (Орловский) в своей брошюре «Совет против партии», постановление Совета противоречило § 1 устава в принятой съездом формулировке Мартова.

«Дело в том, что такая постановка вопроса была бы убедительна только тогда, когда бы всякий член партии был в то же время и членом организации, ответственной за него и связывающей и его ответственность. Но у нас ничего подобного нет.

...По существующему уставу, член партии является, так сказать, вольнопрактикующим революционером, состоящим только под «руководством» организации... Это независимое существование члена партии, по необходимости, предполагает и столь же независимое право на самостоятельное выражение его «партийного» мнения». (П. Орловский. «Совет против партии».)

Меньшевики из Совета пришли, таким образом, в столкновение со своими же собственными «принципиальными» требованиями на партийном съезде. Но принесение «принципов» в жертву «кооптационным» соображениям стало не редкостью в практике меньшевистских фракционеров.

Красочная история произошла в связи с посылкой делегации РСДРП на международный социалистический конгресс в Амстердаме. Совет партии сконструировал делегацию на конгрессе таким образом, что из восьми членов делегации «большинство» имело только одного делегата — Ленина. При таких условиях Ленин «счел для себя недопустимым ехать на конгресс, где ему не будет дана возможность выявить полностью точку зрения большевиков, где вряд ли ему удалось бы отстоять свои взгляды при подавляющем большинстве меньшевиков в русской делегации» [1]). Поэтому Ленин передоверил свои полномочия т.т. Красикову и Лядову. Но тут Совет партии решительно воспротивился допущению в состав делегации большевистских представителей.

Ленин перенес вопрос в Международное Социалистическое Бюро. Последнее предоставило российской делегации уладить вопрос полюбовно, предложив Лядову и Красикову в случае упорства делегации обратиться вторично непосредственно в Бюро. Лишь после этого делегация «во избежание скандала» приняла в свою среду большевиков. Свою обиду меньшевики излили в «протоколе», составленном делегацией на конгрессе. «Обращение т. Ленина, — пишут меньшевики в «протоколе», — компрометирует РСДРП в глазах остальной международной социал-демократии».

«Удивительная щепетильность, — пишет по этому поводу т. Орловский. — Вносить в партию раскол и деморализацию, дезорганизовать положительную работу... превратить высшие партийные учреждения в орудие мелочной кружковой борьбы — это не компрометирует партии. Подтасовывать представительство партии на международном конгрессе, вышибать из рядов делегации несогласномыслящих... — это не компрометирует партии, это не роняет ее престижа. Но горе тому, кто дерзнет сорвать маску с этого лицемерного

[1]) Лядов. «Доклад большевиков Амстердамскому конгрессу». Предисловие.

благополучия, кто осмелится намекнуть, что делегация РСДРП — обман, что в ней есть все, кроме представительства рабочего движения, что такой недостойный маскарад — позор для уважающей себя политической партии! Горе ему!..» (П. О р л о в с к и й. «Совет против партии».)

«Кооптационным» интриганством исчерпывалась вся деятельность Совета партии со времени кооптации меньшевиков в редакцию «Искры». Скоро меньшевиками был теми же путями захвачен и Центральный Комитет. Все три центра вместе с заграничными кружками образовали единый заговор против истерзанной склокой партии, против ее левого, революционного крыла.

к) МЕНЬШИНСТВО ЗАВОЕВЫВАЕТ ЦК

После «единогласной» кооптации Плехановым меньшевистского состава редакции последняя через Плеханова повела атаку на Центральный Комитет. Плеханов обратился в ЦК с открытым письмом под заглавием «Теперь молчание невозможно», где в достаточно прозрачной форме требовал от ЦК лишения Ленина доверия, лищения его звания заграничного представителя ЦК, — словом, требовал «ликвидировать» Ленина.

Плеханов писал:

«Деятельность ваших заграничных представителей была до сих пор насквозь пропитана духом той политики, которую я назвал в своем фельетоне политикой бонапартизма, политикой мертвой петли, туго затягиваемой на шее нашей партии. Наиболее видным и последовательным носителем принципов этой политики являлся и является Л е н и н»...

Далее Плеханов намекал, что такая политика ЦК приводит к тому, что из России идут более чем неутешительные вести...

«Прервите же вы ваше молчание, — взывал Плеханов к ЦК. — Скажите нам прямо и решительно: как понимаете вы централизм, что думаете вы о «бонапартизме», или, короче, одобряете ли вы политику Ленина?»...

Письмо Плеханова попало на благодарную почву и вызвало вскоре столь желанный меньшевиками отклик в виде знаменитой июльской (1904 г.) декларации ЦК, означавшей полную сдачу позиций «меньшинству».

Дело в том, что в составе ЦК давно уже было «не все благополучно». В числе трех избранных II съездом партии в ЦК большевиков находился Б. Н. Глебов-Носков, с самого же начала борьбы занявший колеблющуюся «примиренческую» позицию. Вскоре после съезда Лиги Носков, за спиною своих товарищей большевиков, повел «сепаратные» переговоры с представителями оппозиции. Вот что пишет 17 ноября 1903 г. Л. Мартов П. Аксельроду:

«Неожиданно я получил от Бор. Ник. (Носкова) запрос, чтобы я изложил ему с в о е мнение о нынешнем положении дел. Я ответил ему, указав, что после всего происшедшего либо ему надо уйти, либо добиться, чтобы ЦК пошел на уступку».

Редакция «Писем Мартова и Аксельрода» делает здесь такое примечание:

«Ответ ему (Носкову) Мартова подчеркивал, что после ультра-«твердых» шагов ЦК и Совета партии ел век, действительно стоящий на точке зрения примирения, должен или добиться отмены этих шагов, или уйти из ЦК».

Носков оказался действительным примиренцем. Переговоры его с меньшевиками продолжались. Мартов в своей брошюре «Борьба с «осадным положением» в РСДРП» сообщает:

«...Между наиболее внушавшим оппозиции доверие членом ЦК и членом «оппозиции» состоялось свидание, на котором последний постарался убедить товарища из ЦК в преступном легкомыслии шага, на который толкает эту коллегию Ленин. Ему удалось это сделать, и товарищ из ЦК обещал, что он добьется... чтобы поход против Лиги был прекращен и чтобы были приняты три члена «меньшинства» в ЦК.

Очень скоро товарищ из ЦК мог уведомить члена оппозиции, что набег на Лигу будет взят назад... Добиться кооптации «меньшинства» в ЦК товарищу не удалось, но он уверял, что будет добиваться всеми силами, чтобы и это препятствие к совместной работе было устранено. Он заявил, что убедился в опасности принятой первоначально тактики, уверял, что надеется на свое влияние в ЦК, чтобы столь разгоревшийся в партии конфликт ввести в рамки чисто литературного спора по организационным вопросам, и просил вернуть ЦК текст его «ультиматума». Член оппозиции ответил, что последнюю просьбу выполнить нельзя, но что документ останется в партийном архиве и оппозиция не станет его оттуда извлекать, — словом, что этот эпизод из нашей «войны» мы готовы предать забвению».

Мы видим уже из этого рассказа Мартова, как неизбежная логика беспринципного примиренчества заставляла Глебова-Носкова скатываться в меньшевистское болото, отказываться от своей принципиальной позиции, ставить себя фактически в зависимость от оппозиции.

Открытые разногласия в ЦК начались в феврале 1904 г. по вопросу о созыве III съезда. 28 января представители ЦК внесли в Совет партии следующую резолюцию:

«Совет партии, убедившись, что ЦК не в силах прекратить абсолютно ненормальные и дезорганизующие отношения внутри партии, создавшиеся после II съезда и продолжающиеся более пяти месяцев, постановляет созвать III съезд партии».

Совет эту резолюцию тремя голосами против двух отклонил и вместо нее принял резолюцию Мартова против съезда. При обсуждении вопроса в ЦК, большинством одного голоса принята была резолюция против съезда. Носков предъявил тогда Ленину требование — отказаться от агитации за съезд, угрожая в противном случае своим выходом из ЦК. Ленин, считая такую постановку вопроса недопустимой, обратился с письменным запросом об их мнении ко всем остальным членам ЦК.

Вскоре после одного из очередных провалов положение сложилось таким образом, что в ЦК из 9 человек остались, кроме Ленина, лишь трое представителей большинства — Глебов-Носков, Ленгник и Кржижановский. Эта тройка в отсутствие Ленина принимает (в июле 1904 г.) примиренческую декларацию, долженствующую, по ее мнению, привести партию к миру [1]). Декларация устанавливает, что «основная задача — обеспечение партийного единства — требует, чтобы политика ЦК в сфере внутрипартийной жизни сообразовалась с целью умиротворения и слияния «большинства» и «меньшинства» в цельную организацию»... Далее ЦК признает «неоспоримую высоту ЦО во всем, что касается защиты и выяснения основных принципов ме-

[1]) Имеется целиком в сборнике «Как рождалась партия большевиков», стр. 198.

ждународной социал-демократической программы и тактики». ЦК обещает «придерживаться прежнего своего постановления о предоставлении каждому члену партии той или иной функции, исключительно в зависимости от его социал-демократической работоспособности и независимо от того, «причисляет ли он себя к «большинству» или к «меньшинству». Как увидим, обещание это было немедленно же нарушено грубейшим образом. Единственный нормальный и здоровый путь прекращения внутрипартийной склоки — созыв съезда — ЦК признает «серьезной угрозой единству нашей партии». Агитацию за съезд ЦК посему запрещает. Зато предполагается новая попытка келейных кружковых соглашений за спиной партии — созыв односторонней конференции с меньшинством, без участия большинства партии.

Принятое ЦК постановление было опубликовано не целиком. Но едва ли не более интересны «секретные» его пункты:

«Пункт 12. Установить за границей между т.т. Глебовым и Лениным следующие отношения: а) т. Глебову поручается заведывание всеми делами ЦК за границей, как то: сношение с ЦО, посылка людей в Россию, касса, экспедиция, типография, разрешение к печати в партийной типографии различных произведений и пр.; б) тов. Ленину поручается обслуживание литературных нужд ЦК. Печатание его произведений наравне с произведениями остальных сотрудников ЦК происходит каждый раз с согласия коллегии ЦК».

Как видит читатель, установленное ЦК разделение труда между его представителями за границей — Лениным и примиренцем Глебовым (Носковым) — прямо великолепно: «зловредный дезорганизатор» Ленин сведен на роль технического сотрудника ЦК и отдан всецело под контроль «благоразумного» Глебова. Далее Глебову поручается «произвести реорганизацию постановки технического дела за границей», отстранить ведущих эту работу Бонч-Бруевича и других «ленинцев», принять партийную кассу от т. Лядова и т. д.

Но раз решив проделать «примирительную» комедию, ЦК не может уже остановиться и, забыв собственные тут же данные обещания, постановляет: «распустить Южное бюро ЦК ввиду несогласованности настоящей его деятельности с деятельностью ЦК» [1]).

«Несогласованность» работы Южного бюро с деятельностью ЦК выразилась в том, что бюро это осмелилось «свое суждение иметь» и агитировало за III съезд. Чисто «бонапартистский» поворот ЦК вызвал огромное возмущение целого ряда местных комитетов и выражение с их стороны недоверия ЦК:

«Глебов и К° предали дело своих недавних политических союзников, но, конечно, и сами потом были вышвырнуты пинком из лагеря торжествующих победителей. Мавр сделал свое дело и может уходить», — пишет тов. Лепешинский. (Статья «После съезда» в «Протоколах II съезда РСДРП». Изд. Истпарта.)

Примиренцы пошли к меньшевикам «с открытым сердцем». Далеко не такое было настроение «меньшинства». Вот что писал Мартов П. Аксельроду:

«Этот молодец (нижегородец Николай) еще привез с собой 2.500 руб. и обещает еще доставать. Ввиду «соединения касс», состоявшегося в форме образования комиссии

---

[1]) Выделено всюду нами. Ред.

с Л. Гр. (Дейчем), стал вопрос: «показывать» ли эти деньги. Мы решили, что пока дело соглашения так непрочно, показывать нет смысла, лучше давать комиссии деньги понемногу».

Глебов-Носков оказался совсем в плачевном положении.

«С ЦО и Лигой, — пишет он, — отношения еще не определились. После нашего заявления они, надо сказать, обнаглели, и их аппетиты растут. Положение наше здесь очень трудное: заграница в руках Лиги, частные источники в руках ЦО, и потому мы в долгу, как в шелку. Сжимаемый нуждой (на шее до 9.000 долгу), я принужден думать о каком-нибудь исходе. Поэтому я обратился к меньшинству с предложением наметить мне проект желательных для них реформ».

Меньшевики же, использовав в своих целях примиренчество Глебова, явно торжествовали. Вот как отзывается о примиренческих героях один из видных «новоискровцев»:

«Наконец-то мы виделись с шантрапой... Официально кооптировать сейчас не могут, а предлагают фактическую (неофициальную) кооптацию трем лицам из меньшинства (Попову, Фомину, Фишеру). Разумеется, мы с Х. тотчас же согласились, и отныне меньшевистская оппозиция официально упраздняется. Точно гора свалилась с плеч. Предстоит на-днях собрание всего ЦК вместе с нами, и затем мы назначаем конференцию наиболее близких комитетов... мы, конечно, вполне уверены, что овладеем ЦК и направим его как нам желательно» [1]).

А большевики? Большевикам ничего не оставалось, как поднять знамя открытой борьбы за III съезд партии.

л) БОРЬБА ЗА III СЪЕЗД

Уже с февраля 1904 г., как мы видели, началась большевистская кампания за созыв III партийного съезда, вызвавшая бешеное противодействие меньшевистско-примиренческих центров. В борьбе против съезда, который, как это великолепно понимали меньшевики, выскажется за большевистскую политику, были использованы все средства, вплоть до раскассирования агитирующих за съезд организаций (Южное бюро), неопубликования резолюций за съезд, подтасовывания цифр высказавшихся за съезд организаций. (См. об этом в сборнике «Как рождалась партия большевиков», брошюру Воровского «Совет против партии», главу «Арифметика на службе примиренства».)

Между тем обстановка властно требовала от большинства партии решительных действий. В России явно надвигалась революция. Рабочие массы, в особенности в крупных промышленных центрах, бурлили, волновались, требовали руководства. Партия держала экзамен, от которого зависел успех и характер революции, роль в нем рабочего класса. Сумеет ли партия стать во главе масс в качестве единственного и общепризнанного их руководителя? — Это зависело от состояния самой партии.

---

[1]) Не обошлось без «примиренчества» и в лагере меньшевиков. Именно, на путь примиренчества встал осенью 1904 г. т. Троцкий, не сходивший, как известно, формально с этого пути в различных его видах и вариантах до самой революции 1917 года. (См. об этом в приложении письмо Мартова Аксельроду от 20 октября 1904 г. и примечание 7 к нему.)

А партия была в плачевном состоянии. Она не имела, прежде всего, руководящего центра. Правда, социал-демократические организации пользовались в большинстве случаев значительным идейным влиянием на рабочую массу. Но почти всюду рядом с большевистскими комитетами действовали меньшевистские группы, независимые от комитета и в изобилии снабжавшиеся ЦК работниками, литературой, средствами. Эти группы всячески дезорганизовали работу, всеми средствами дискредитировали комитеты в глазах рабочих. По каждому вопросу рабочие массы получали совершенно различные лозунги, различную тактику, различную оценку момента, хотя все это преподносилось от имени единой Российской социал-демократической рабочей партии.

Этот разнобой вызывал раздражение среди рабочих, недостаточно разбиравшихся в принципиальной сущности разногласий. Сплошь да рядом рабочие кружки прямо требуют, чтобы листки, например, доставлялись им лишь от одной из с.-д. организаций. Расхождение между обеими частями партии давно уже вышло за пределы «кооптационной» склоки и даже за рамки вопросов организационных. В отношении к происходившей в этот период земской «банкетной» кампании (см. пред. главу) сказались глубокие т а к т и ч е с к и е разногласия.

При таких условиях партия, конечно, не могла выполнить свою роль авангарда нарастающей революции. Созыв съезда, который бы положил конец раздирающей партию склоке, становился настоятельной и срочной необходимостью. А для этого большевикам необходимо было прежде всего создать свой организационный центр

В августе 1904 года в Женеве состоялась созванная Вл. Ильичем конференция 22 большевиков, в большинстве недавно приехавших из России. В числе этих 22 были т.т. Ленин, Крупская, А. А. Богданов («Рядовой»), Луначарский («Воинов»), Ольминский («Галерка»), Лепешинский («Олин»), Лядов, Десницкий (Строев), Мария Розенберг («Зверь»), Воровский (П. Орловский), Землячка, Бонч-Бруевич, Величкина, Гусев, Красиков. Конференция эта приняла резолюцию-воззвание «к партии», которая давала оценку сложившегося в партии положения, большевистскую программу борьбы за единство партии и призывала партийные организации к немедленной подготовке III партийного съезда. Эта резолюция стала платформой всей большевистской фракции. (Табл. 42.)

Обращение 22-х выдвигает прежде всего положение, что партия стоит перед наличием колоссального революционного подъема, который обязывает ее руководить все нарастающим движением рабочего класса, а к этой именно роли партия не подготовлена благодаря дезорганизаторской работе группы заграничников-литераторов.

«Тяжелый кризис партийной жизни все затягивается. Ему не видно конца. Смута растет, создавая все новые и новые конфликты, положительная работа партии по всей линии стеснена ею до крайности. Силы партии, молодой еще и не успевшей окрепнуть, бесплодно тратятся в угрожающих размерах.

А между тем исторический момент предъявляет к партии такие громадные требования, как никогда раньше. Революционное возбуждение рабочего класса возрастает, усиливается брожение и в других слоях общества, война и кризис, голод и безработица со стихийной неизбежностью подрывают корни самодержавия. Позорный конец позорной войны не так уже далек; а он неминуемо удесятерит революционное возбуждение, неминуемо столкнет рабочий класс лицом к лицу с его врагами и потребует от социал-демо

кратии колоссальной работы, страшного напряжения сил, чтобы организовать решительную последнюю борьбу с самодержавием.

Может ли наша партия удовлетворить этим требованиям в том состоянии, в каком она находится теперь? Всякий добросовестный человек должен без колебания ответить: нет».

Обращение 22-х не скрывает существующих разногласий, не затушевывает их. Но оно считает, что сущность происходящей борьбы — «в конфликте кружковщины и партийности», что под именем «меньшинства» сплотились элементы, стремящиеся вернуться к «допартийным формам организации».

«Положение, — читаем мы в воззвании, — стало невыносимым, невозможным; затягивать его дальше прямо преступно. Первым средством выйти из него мы считаем полную ясность и откровенность в партийных отношениях. Среди грязи и тумана нельзя уже найти верную дорогу. Каждое партийное течение, каждая группа должны открыто и определенно сказать, что они думают о нынешнем положении партии и какого выхода из него они хотят. С этим предложением мы и обращаемся ко всем товарищам, к представителям всех оттенков партии. Практический выход из кризиса мы видим в немедленном созыве III партийного съезда. Он один может выяснить положение, разрешить конфликты, ввести в рамки борьбу. Без него можно только ожидать прогрессивного разложения партии. Все возражения, выставляемые против созыва съезда, мы считаем безусловно несостоятельными.

Нам говорят: съезд поведет к расколу. Но почему? Если меньшинство непримиримо в своих анархических стремлениях, если оно готово скорее итти на раскол, чем подчиниться партии, то оно фактически уже откололось от нее, и тогда оттягивать неизбежный и формальный раскол более чем неразумно, — скованные одною цепью, обе стороны все более и более бессмысленно растрачивали бы все свои силы на мелкую борьбу и дрязги, нравственно истощаясь и мельчая. Но мы не допускаем возможности раскола. Перед действительной силой организованной партии анархически настроенные элементы должны будут и, мы думаем, сумеют склониться, потому что самостоятельной силы они по самой своей природе образовать не могут».

Таким образом обращение 22-х вовсе не считает положение безнадежным. Товарищи эти признавали, что перед ними болезнь, но это была болезнь роста партийности, а не упадка ее в рядах социал-демократии. Эта болезнь роста вызывала сопротивление элементов кружковщины.

«Некоторые выдающиеся деятели наиболее влиятельных из прежних кружков, не привыкшие к тем организационным самоограничениям, которых требует партийная дисциплина, склонны по привычке смешивать с общепартийными интересами свои кружковые интересы, которые в кружковый период действительно могли зачастую совпадать с ними,— целый ряд таких деятелей стал во главе борьбы за кружковщину против партийности (часть бывшей редакции «Искры», часть бывшего Организационного комитета, члены прежней группы «Южный Рабочий» и др.)».

Обращение 22-х намечало и конкретные шаги к изживанию этой болезни роста. Новый партийный съезд по мысли этих товарищей должен был обеспечить:

«I. Переход редакции ЦО в руки сторонников партийного большинства.

II. Точное регулирование отношений местной заграничной организации (Лиги) к общерусскому центру, ЦК.

III. Гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы».

Конец обращения дышит верой в новые молодые силы, способные заменить и оживить старое.

«У нас рождается партия, — говорим мы, видя рост политического сознания передовых рабочих, видя активно выступающие в общепартийной жизни комитеты. У нас рождается партия, у нас множатся молодые силы, способные заменить и оживить старые, теряющие доверие партии литературные коллегии; у нас все более становится революционеров, которые выдержанное направление партийной жизни ценят выше, чем любой кружок прежних вождей. У нас рождается партия, и никакие уловки и проволочки не удержат ее решительного и окончательного приговора.

Из этих сил нашей партии черпаем мы уверенность в победе». (Ленин. Собр. соч., т. VI, стр. 610—615.)

Надо ли говорить, что этот документ привел в движение всех меньшевиков. Дело дошло до того, что стали брать под подозрение принадлежность к партии подписавших его. В одной из тогдашних карикатур т. Лепешинского этот момент очень удачно воспроизведен в сцене участка, где должностными лицами, действующими с пристрастием, изображены: т.т. Г. Плеханов, Л. Мартов, Л. Д. Троцкий и Ф. Дан. (Табл. 44.)

Как ни старались, однако, меньшевики опорочить шаги, предпринятые большевиками к установлению партийности, к созданию партии рабочего класса, которая могла бы преодолеть кружковщину, тяга к единству под знаменем революционной социал-демократии была настолько сильна со стороны всех почти без исключения пролетарских организаций, что комитеты сами, используя права, предоставленные им уставом партии, начали это объединение. Большую роль в деле объединения сыграло «Бюро Комитетов Большинства» (БКБ). (Табл. 43.)

В ноябре 1904 г. на трех конференциях — Северной (Петербургский, Московский, Нижегородский, Северный, Тверской и Рижский комитеты), Южной (Одесский, Николаевский, Екатеринославский) и Кавказской (Бакинский, Тифлисский, Батумский, Имеретинско-Мингрельский) было избрано Бюро Комитетов Большинства. В состав его вошли т.т.: Землячка, Богданов-Рядовой, Лядов, Гусев, Литвинов, Рыков, П. П. Румянцев, «Зверь» [1]) и пр.

Конференция северных комитетов предъявила ЦК ультиматум, где указывала, что за съезд высказалось уже большинство старых и наиболее значительных организаций и требовала в двухнедельный срок прямого ответа — готов ли ЦК взять на себя немедленный созыв съезда. Срок ультиматума по просьбе представителя ЦК удлинен до месяца, но и через месяц ЦК никакого ответа не дал. Тогда БКБ официально выступило как самостоятельный организатор съезда.

Из письма т. Гусева из Петербурга от 20 января 1905 г. видно, какое раздражение на местах вызывала такая «болотная» политика примиренческого ЦК:

«Не знаю, — пишет т. Гусев, — много ли у нас найдется в партии мерзавцев, которые открыто посмели бы отрицать необходимость экстреннейшего съезда. Отхлещите-ка хорошенько всю примиренческую сволочь за их позорную близорукость, за то, что они,

[1]) О составе БКБ см. «Пролетарская Революция», № 3 за 1922 г., стр. 62, № 5 (40), стр. 39, № 7 (42), стр. 12.

накануне великих событий и в момент, когда война начала проявлять свои тяжелые результаты, говорили, что «ничего не случилось нового, что съезду нечего будет обсуждать и решать». Попали пальцем в небо, угадали, можно сказать, момент»...

Члены БКБ в конце января 1905 г. предприняли объезд комитетов для обследования их и подготовки к съезду. Местные комитеты горячо приветствовали твердое руководство со стороны БКБ, которое было в этот момент как нельзя более необходимым. После 9 января движение оживилось чрезвычайно, комитеты же были слабы, не имели достаточного количества работников и литературы. Вот как описывает положение после 9 января в цитированном уже письме т. Гусев:

«Работы — целые Монбланы... не знаешь, с чего прежде всего начать, за что ухватиться. Нужно и то, и другое, и третье: кружки растут, как грибы, целыми сотнями; новых пропагандистов и агитаторов — конца нет; со всеми нужно поговорить, всякого выслушать, иначе мы обижаемся и идем к меньшинству, где достаточно сил, чтобы и дело делать, и болтать; солдаты требуют листков, рабочие требуют листков; крик «литературы» стоит над всем Питером, а листков выпускается 10 тысяч в день, когда необходимо минимум 100 тысяч, литературы на складе — 20 ф. (?!), когда ее нужно 20 пудов»... «Правда, теперь предложение услуг со всех сторон огромное, но все народ молодой, неопытный, неизвестно, насколько верный и т. д.»

Работа по подготовке съезда была сильно затруднена всяческими ухищрениями меньшевиков.

«А ухищрений со стороны меньшевиков сорвать работу съезда было много. Решать вопрос о съезде могли только члены комитетов, т.-е. те несколько человек, назначенных центром или кооптированных назначенными, которые хранили партийную печать. Наши большевистские комитетчики, работая активно в массах, подвергались все время риску быть арестованными, выйти из строя. Немедленно после такого ареста являлись присланные из-за границы меньшевики, объявляли себя комитетом и, не успев завязать хоть какие-нибудь связи с рабочей массой, слали в «Искру» заготовленную там резолюцию против съезда. Образовался кадр комитетчиков-гастролеров, которые, проведя резолюцию в одном комитете, немедленно перекочевывали в другой, чтобы провести и там ту же резолюцию». (Л я д о в. «Третий съезд РСДРП» — «Пролетарская Революция», № 3 за 1922 г., стр. 64.)

Никакие ухищрения, однако, не могли уже задержать объединения партии. Объезд комитетов показал, что партия, подлинная партия, ее основные рабочие организации были на стороне большевиков. В марте уже 21 комитет из числа 28, имевших право решающего голоса на съезде, высказались за созыв съезда и послали за границу своих делегатов.

Одновременно с организацией практического организационного центра большевистская фракция поставила издание своего собственного еженедельного литературного органа — «Вперед» — первой русской большевистской газеты. «Вперед» был объявлен органом Бюро Комитетов Большинства. В редакцию его вошли т. т. Ленин, Воровский, Ольминский и Луначарский. Большевистской газете удалось хорошо наладить связи с местными организациями. Каждое мало-мальски заметное событие в российском революционном движении немедленно находило свой отклик на страницах «Вперед».

Выход газеты в огромной степени поднял настроение местных организаций, дал им возможность быстро и правильно ориентироваться в обстановке.

Горячее, восторженное отношение большевистских комитетов к выходу своего органа — после долгого вынужденного молчания большевиков — отражается в письме т. Гусева из Петербурга от 24 января 1905 г.:

«Прежде всего о нашем новорожденном. Совсем ведь красавец вышел. Правда, я видел только два номера и от обоих (особенно от 2-го) буквально в восхищении: перечитал все по нескольку раз. Совсем в свою покойную мать «Искру», только несравненно лучше, шире, сильнее... Теперь ни на секунду не может возникнуть сомнения в том, что победа будет за партией, а не за кружком заграничников литераторов-дезорганизаторов. Партия возродится, этому лучшая гарантия «Вперед»... («Пролетарская Революция», № 3 за 1922 год, стр. 169.)

С выходом «Вперед» действительно прекращается период разброда. С этого момента можно говорить о цельной, здоровой большевистской партии. «Вперед» сильно поднял влияние и авторитет большевиков. «Самый факт выпуска органа подействовал оживляюще — примиренцы стали отвердевать», — пишет тов. Крупская. («Пролетарская Революция», № 6 (41), стр. 23.)

4 марта 1905 г., когда работа по подготовке съезда была уже почти закончена, ЦК под влиянием революционных событий в России и того факта, что вся партия явно была за немедленный созыв съезда, согласился, наконец, на съезд 12 марта был образован Организационный комитет из представителей БКБ и ЦК, который и докончил работу по созыву съезда. Между Бюро Комитетов Большинства и ЦК был заключен договор о совместном созыве съезда, первый пункт которого гласил: «Организационный комитет из представителей ЦК и БКБ немедленно организует III партийный съезд независимо от той или иной резолюции по созыву съезда со стороны Совета». Совет партии в ответ принял постановление, объявляющее съезд н е п а р т и й н ы м, постановления его — не подлежащими выполнению, а участников съезда — состоящими в н е п а р т и и. Этот бессильный скрежет не мог, конечно, ничего у ж е изменить.

В н е п а р т и и оказалась кучка дезорганизаторов.

Партия же, собравшись на III съезд, перешагнула через эти разрушительные попытки.

м) МЕЖДУНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ БЮРО II ИНТЕРНАЦИОНАЛА И РАСКОЛ РСДРП

Заметную роль в развитии внутрипартийной борьбы сыграло вмешательство вождя «ортодоксов» II Интернационала Каутского. Письмо его «Неизвестному» (М. Лядову) сильно укрепило позицию меньшевиков против блестящей книжки Ленина «Шаг вперед, два назад». Каутский, в то время вождь «ортодоксальной» социал-демократии, уже тогда проявлял подчас известную «лазеечность», некоторые колебания в сторону реформизма — предвестники будущего поворота к социал-предательству. Эти колебания в свое время дали повод Плеханову резко выступить против мягкотелости Каутского в его борьбе с Бернштейном, «ревизовавшим» Маркса. Эти же колебания проявились в его отношении к разногласиям внутри нашей партии после II съезда. К а у т с к и й прежде всего не понял принципиальной сущности борьбы, н е п о н я л, ч т о

организационные разногласия — лишь начало размежевания двух противоположных мировоззрений, размежевания между революционной и оппортунистической частями партии. Организационный вопрос он рассматривает как вопрос чисто технический.

«То противоречие, — пишет Каутский [1]), — о котором идет дело в России, есть противоречие между условиями открытой и тайной организации, и лишь случайно (разрядка наша. Ред.) это противоречие с внешней стороны сходно с тем противоречием, которое существует между пролетарской дисциплиной и индивидуализмом интеллигенции», «Не следует преувеличивать значения вопроса об организации... Я не вижу здесь ни принципиальной противоположности между потребностями пролетариата и интеллигенции, ни противоположности между демократией и диктатурой, а просто вопрос целесообразности».

Каутский, в сущности, разделяет фальшивую позицию Аксельрода, который заявил в своих фельетонах в «Искре», что он... «не в состоянии понять, что за штука такая «оппортунизм в организационном вопросе».

И в то же время Каутский всей силой своего авторитета становится на сторону меньшевиков.

«Наоборот, при тайной организации последняя (строжайшая дисциплина и теснейшая замкнутость) невозможна. Здесь каждой отдельной организации приходится предоставить широкую автономию. Всякая формальная централизация мешает активности, увеличивает для организации опасность быть открытой и усиливает опустошения, которые влечет за собой всякий провал»... «Поэтому, если бы мне на Лондонском съезде пришлось выбирать между Мартовым и Лениным, то я, на основании нашего немецкого опыта, высказался бы решительно за Мартова»... «И — наконец — ответственность за начало этого злополучного раздора пала бы на Ленина». (Письмо Каутского «Неизвестному».)

Насколько зарождающийся большевизм был при своем возникновении чужд, непонятен и враждебен II Интернационалу в лице всех его фракций, видно из того, что даже Роза Люксембург — красная Роза — не понимала тогда еще большевистской теории партии как авангарда класса, ведущего в бой массы, и высказалась за меньшевистские организационные принципы против большевистских. Вмешательство Каутского и Розы Люксембург было целиком использовано меньшевиками и сильно повредило большевистскому делу.

Меньшевики, имевшие большие связи во II Интернационале, постоянно «обрабатывали» заграницу. В каком стиле велась эта обработка, рассказывает впоследствии т. Н. К. Крупская в своем письме от 12/II 1905 г.:

«Ты вот удивляешься эпитетам, которыми мы тут их награждаем, но как же их не ругать ..... за все их выходки... Так, например, почтеннейший Павел Борисович (Аксельрод) рассылает немцам письма такого содержания: «Д. т. Наши партийные разногласия приняли, наконец, ужасающий размер. Группа Ленина издает еженедельную газету «Вперед» якобинского направления»... Павел Борисович осведомил всех немцев, что группа «Вперед», это неофициальная, отколовшаяся от партии группа, состоит из молодых студентоо и отставших литераторов»... На основании этого Vorstand сделал распоряжение, чтобы немцы все деньги пересылали Аксельроду... А в Париже Дейч клялся французам, что

[1]) См. письмо Каутского «Неизвестному» в статье Ц. Фридлянда «Два документа». «Печать и Революция», № 3 за 1925 г.

за меньшинство 40 организаций (в том числе Архангельский комитет, Мурманская группа), порукой чему служило «честное слово революционера Дейча». А французы уши развесили»... («Пролетарская Революция», № 4 (39) за 1925 г., стр. 25.)

Такая «обработка» привела после 9 января 1905 года к новому, уже вполне официальному, вмешательству немецкой социал-демократии в борьбу фракций внутри РСДРП. По настоянию меньшевиков, Бебель обратился к обеим фракциям с предложением третейского суда. Условием являлось прекращение фракционной полемики и подчинение третейскому суду. Меньшевики немедленно воспользовались немецким предложением для новой попытки срыва партийного съезда. Меньшевистский Совет партии опубликовал 10 марта воззвание «к членам съезда, созываемого Бюро Комитетов Большинства», в котором призывает «сделать серьезный шаг к прекращению партийного кризиса», так как разногласия не столь существенны, чтобы их решать на съезде. В качестве этого шага Совет предлагал принять приглашение правления германской социал-демократии для содействия умиротворению нашей партии и признать предложенного правлением в председатели третейской комиссии Бебеля «наиболее призванным выполнить эту миссию». («Пролетарская Революция», № 7 (42) за 1925 г., стр. 31.)

Большевики, конечно, раскусили значение этих предложений.

«Конечно, брать немцев в третейские суды не приходится, — пишет 7/II 1905 г. Н. К. Крупская. («Пролетарская Революция», № 4 (39) за 1925 г., стр. 16.)—Хотя они и наши учителя, но в наших русских делах ничего не смыслят и в конце концов будут судить на основании слов Аксельрода, Дана, Старовера, которые с ними знакомы и поддерживают постоянные сношения. Цель — при помощи третейского суда заткнуть рот большинству, или же, если большинство откажется от третейского суда, лишить большинство всякой помощи со стороны немцев и вообще международной социал-демократии. Недурно»...

В таком духе и был составлен вежливый, но твердый ответ. Бюро Комитетов Большинства благодарило немецких социал-демократов, «давших новое яркое и живое проявление международной солидарности борющегося за социализм пролетариата», но заявило в то же время, что там, где идет вопрос о принципах, неуместен суд, что «только партия, в лице своего съезда, в силах и в праве решить вопрос. Она выяснит способы объединения и объединенного действия в происходящей революционной борьбе». («Пролетарская Революция», № 1 (36) за 1925 г., стр. 66) [1]).

н) ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы так подробно остановились на втором съезде партии потому, что как в подготовке к этому съезду, так и на самом съезде и вскоре после него вскрылась суть тех «мелких разногласий», которые после из оппортунизма в органи-

[1]) Инцидент с предложением Бебеля дал повод большевистскому фракционному карикатуристу Омену (Лепешинскому) выступить с карикатурой, где Ленин и Бебель изображены в виде щедринских «мальчика в штанах» (Бебель) и «мальчика без штанов» (Ленин). (Табл. 45.) Надпись на карикатуре: «Мальчик в штанах. Иди, милый драчунишка, сюда, я тебя помирю с твоими камрадами...

Мальчик без штанов: На-тко выкуси»...

«Владимир Ильич от души хохотал над этой карикатурой», — рассказывает тов. Лепешинский.

зационном вопросе к моменту третьего съезда (как это и предсказывал В. И. Ленин) переросли в оппортунизм и в вопросах тактических. Правда, меньшевики упорно стремились замазать политическое значение этих разногласий, они упорно поддерживали в своих речах и статьях того времени ту мысль, что перед нами не идейная борьба за ту или иную систему политических мирозоззрений, а борьба лиц. На одном из собраний, организованных меньшевиками 2 сентября 1904 г. в Женеве, на котором присутствовало около ста человек (существует печатный отчет об этом собрании), Плеханов уверял, что «продолжать политику так называемого большинства значило организовать в партии гражданскую войну, упорную и крайне вредную для нашего дела, борьбу между почти равными силами». Он спрашивал: «Какой смысл может иметь идейная борьба? Говорят, что это была бы борьба с оппортунизмом. Какой же Мартов оппортунист, какой оппортунист Аксельрод или Старовер? Когда Каутский услышал, что их называют оппортунистами, то он расхохотался. Обвинение их в оппортунизме совершенно бессмысленно, а между тем этим обвинением прикрывалась партийная борьба»... История впоследствии показала, что если это и была «братоубийственная борьба», то это была борьба между братьями, один из которых впоследствии оказался предателем пролетарской революции, а другой — в лице большевизма — уже тогда предвидел эти предательские черты своего «брата» и пытался приостановить их развитие, уменьшить их вред, если нельзя было совершенно их уничтожить.

Мы не рассматриваем в первой части настоящего учебника перерастания этих разногласий в организационном вопросе в разногласия тактические и программные. Эти разногласия мы рассмотрим в связи с революцией 1905 г. во второй части настоящей работы. Мы поставили себе здесь задачу показать, что это была не борьба между Лениным и Плехановым, между Лениным и Аксельродом, Мартовым и Старовером, а это была борьба за пролетарскую дисциплинированную партию, борьба, в которой мы укреплялись и закалялись идейно, очищали свои собственные ряды от оппортунистических, колеблющихся, шатких элементов, уходивших к меньшевикам.

Мы рассмотрели историю нашей партии до III съезда, ее теоретические, тактические и организационные принципы. Мы видели, как с первых моментов ее зарождения — начиная еще с группы «Освобождение Труда» — через всю последующую историю красной нитью проходит стремление создать отдельную классовую партию пролетариата, пролетариата-гегемона, пролетариата, идущего во главе всех недовольных, пролетариата, организующего союз с крестьянством. Мы видели, как развивались те основные положения, которые положены были в основу создания партии большевиков в главных документах по истории партии, — документах, которые характеризовали этапы движения от первой и второй программы группы «Освобождение Труда» — через «Задачи русских социал-демократов» В. И. Ленина — через манифест РСДРП I съезда партии — к программе, принятой на II съезде партии, — к оформлению большевистских элементов, создавших кадры будущей ВКП (б).

С другой стороны мы видели, как уж с самого начала организации РСДРП в рядах ее выделяется другая группа талантливых представителей ее правого

крыла, которые имеют несомненные заслуги в прошлом революционном и социал-демократическом движении. Эта группа людей, имеющая в своих рядах талантливых литераторов, публицистов и ораторов, фактически борется против создания пролетарской партии, построенной на централистических началах, которые представляют себе партию как совокупность самых разнообразных течений и групп в рабочем классе и в прослойках, в той или иной степени сочувствующих рабочему движению. Мы проследили, как большевизм на втором съезде, отвергая такое растворение рабочего класса в демократической интеллигенции, предъявляет требование партийности ко всем без исключения, стремится пронизать этой партийностью весь аппарат партии — сверху донизу, создать партийную дисциплину для всех без исключения.

На протяжении всей дальнейшей истории мы не раз убеждались, что только такая и так организованная партия способна была стать «авангардом авангарда», способна была противостоять могущественному полицейскому аппарату царского самодержавия, преодолеть колебания «справа и слева», руководить пролетариатом в первой революции, сохранить за ним на протяжении долгих лет реакции основные кадры революционной пролетарской партии, усилить эти кадры в период нового подъема революции, не растерять их в период империалистической и гражданской войн, мобилизовать, собрать их и подготовить к победоносной пролетарской революции в Октябре. Впоследствие мы увидим, как все эти факты были тесно связаны с существованием такой централизованной организации, такой партийной дисциплины, какую создала партия большевиков. Конечно, мы победили потому, что мы руководились правильной теорией ленинизма; но мы не должны забывать, что неотъемлемой частью ленинизма с самого начала было и остается учение об организации централизованной рабочей партии. Самым тонким образом разработанные теории меньшевиков не спасли их от крушения, между прочим потому, что они никогда не умели понять значения тех организационных принципов, которыми руководились мы на протяжении всего времени существования нашей партии.

Можно ли было избежать создания меньшевистской партии? В предисловии к сборнику «За 12 лет» в сентябре 1905 г. В. И. Ленин указывал, что

«...во всех капиталистических странах пролетариат неизбежно связан тысячами переходных ступеней со своим соседом справа — с мелкой буржуазией. Во всех рабочих партиях неизбежно образование более или менее ярко обрисованного правого крыла (разрядка наша. Ред.), которое в своих взглядах, в своей тактике, в своей организационной «линии» выражает тенденции мелкобуржуазного оппортунизма. В такой мелкобуржуазной стране, как Россия, в эпоху буржуазной революции, в эпоху первых зачатков молодой рабочей с.-д. партии эти тенденции не могли не проявиться гораздо резче, определеннее, ярче, чем где бы то ни было в Европе». (Ленин. Собр. соч., т. VIII, стр. 486—487.)

Ленин и сплоченная вокруг него группа большевиков с самого начала отстаивали принципы централистически построенной рабочей партии, идею гегемонии пролетариата в предстоящей революции, стремление к диктатуре пролетариата и к союзу пролетариата с крестьянством — основные идеи большевистской партии, начиная от создания «Союза борьбы», через «Что делать?» —

ко II съезду партии и «Шагу вперед»... Мы видели также, что в тактике партии основные идеи большевизма Ленин почти один отстаивал, начиная с выпуска своей ранней работы «Что такое «друзья народа»... и до принятия программы партии, где он фактически один отстаивал революционные идеи группы «Освобождение Труда» против авторов программы группы «Освобождение Труда» и творцов этой группы.

В том же предисловии к сборнику «За 12 лет» В. И. Ленин, подводя итоги борьбы за 12 лет — с 1895 по 1907 г., — отмечал, что перед нами уже фактически тогда складывались две партии.

«Бросая общий взгляд на борьбу двух течений в русском марксизме и в русской социал-демократии за 12 лет (1895—1907), нельзя не прийти к выводу, что «легальный марксизм», «экономизм» и «меньшевизм» представляют из себя различные формы проявления одной и той же исторической тенденции. «Легальный марксизм» г. Струве (1894) и ему подобных был отражением марксизма в буржуазной литературе. «Экономизм», как особое направление социал-демократической работы в 1897 и следующих годах, фактически осуществил программу буржуазно-либерального «кредо»: рабочим—экономическая, либералам — политическая борьба. Меньшевизм — не только литературное течение, не только направление с.-д. работы, а сплоченная фракция, которая провела в течение первого периода русской революции (1905—1907 годы) особую политику, на деле подчинявшую пролетариат буржуазному либерализму». (Ленин. Собр. соч., т. VIII, стр. 486.)

К 1905 году мы имеем уже не два крыла одной партии, а две партии. То обстоятельство, что в 1905 году процесс образования этих двух партий пошел быстрым темпом, объясняется исключительно тем, что в революции 1905 года все основные классовые противоречия, скрытые до этого, обнаружились во всей полноте перед рабочим классом. Все основные вопросы революции встали во всей своей обнаженности, во всей полноте. Пролетариат должен был определить свое отношение к этим вопросам, и ответы, которые давали большевики и меньшевики на эти вопросы, получились разные, порой совершенно непримиримые.

Партию большевиков и тогда и после (и теперь) упрекали и упрекают в нетерпимости к инакомыслящим, в излишней склонности к полемике. Эта страстность большевиков объяснялась, как мы видели, вовсе не личными качествами (как это пытались тогда объяснить, например, т.т. Троцкий, Плеханов и другие меньшевики) [1]), а тем, что здесь затрагивались основные, коренные интересы рабочего класса. Ленин неоднократно давал исчерпывающий ответ на эти упреки. В 1907 г. Ленин писал:

«За излишнюю склонность к такой полемике и с «экономистами», и с «бернштейнианцами», и с меньшевиками упрекали революционных социал-демократов бесчисленное число раз. И теперь эти упреки — самый ходкий товар у «примиренцев» внутри с.-д. партии, у «сочувствующих» полу-социалистов вне ее. У нас очень любят говорить о том, что чрезмерную склонность к полемике и к расколам имеют русские вообще, с.-д. в частности, большевики в особенности. У нас любят также забывать о том, что чрезмерную склонность к перескакиванию от социализма к либерализму порождают условия капиталистических стран вообще, условия буржуазной революции России в частности, условия жизни и деятельности нашей интеллигенции в особенности. С этой точки зрения очень

[1]) Плеханов уверял, будто Ленин «чувствует себя хорошо только во время партийных междоусобий». (Отчет о собрании 2 сентября 1904 г. Женева.)

небесполезно посмотреть на то, что было десять лет тому назад, какие теоретические разногласия со «струвизмом» намечались уже тогда, из каких небольших (на первый взгляд небольших) расхождений произошло полное политическое размежевание партий (разрядка наша. Ред.) и беспощадная борьба в парламенте, в целом ряде органов печати, на народных собраниях и т. д.»

Поэтому-то мы и рассмотрели так подробно эти разногласия в первой части нашего учебника.

III съезд партии должен был подвести итоги не только борьбы в организационном вопросе, революция 1905 г. уж поблескивала своими зарницами, гремели первые раскаты революционной грозы, надо было со всей ясностью поставить вопросы тактики предстоящей революции, надо было положить конец организационному хаосу и собрать силы большевиков. Это была задача III съезда партии.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Резолюция совещания меньшевиков в Женеве

Антонов, он же Антон-Марк Саулович Макадзюб (на II съезде и в с.-д. литературе — М. Панин); в сентябре 1903 г. жил в Давосе в санатории; присланной им копии резолюции в бумагах Аксельрода не сохранилось, но из писем М. С. Макадзюба (от 21/IX — 1903 г.) и Л. Г. Дейча (от 20/IX—1903 г.) видно, что речь идет о резолюции, принятой жившими в Женеве меньшевиками после трехдневного обсуждения вопроса на собраниях, в которых участвовало 17 человек (Мартов, Засулич, Потресов, Троцкий, Дейч, И. Г. Смидович-Леман, В. Н. Крохмаль и др.); резолюция эта содержала «выработанную оппозицией программу действия». Повидимому, это была именно та резолюция, которую мы приводим ниже; она представляет несомненный интерес для историка русской с.-д., так как до сих пор в литературе нет аутентичных документов, освещающих позиции и планы меньшинства в этот период — между концом II съезда и сентябрьскими переговорами с представителем ЦК — Ленгником. Вот эта резолюция:

«Принимая во внимание, что на II съезде нашей партии, явственно и — в ряде вопросов — победоносно выступила тенденция резко изменить прежнюю тактику «Искры» и над идейно-воспитующим и идейно-организующим влиянием газеты поставить юридически закрепленную власть новой редакции;

принимая во внимание, что тенденция эта воплотилась в учреждении определенным образом составленного Совета, который является лишь передаточным механизмом административной власти новой редакции «Искры» и орудием ее опеки над ЦК, низводя таким образом последний до роли простого служебно-технического аппарата;

принимая во внимание, что такой метод действий должен расколоть партию на замкнутую односторонне подобранную центральную организацию, с одной, и на широкую разрозненную массу социал-демократических работников, с другой стороны, и тем скомпрометировать самую идею единой боевой строго централизованной партии,—

мы признаем необходимым в интересах сохранения и развития единства нашей партии вести энергическую принципиальную борьбу с охарактеризованной выше тенденцией уродливого централизма, подготовляя общественное мнение партии к III съезду.

Но принимая во внимание, что систематическая идейная борьба обычно применяемыми внутри партии средствами для нас теперь немыслима, ибо формальная победа тенденции «осадного положения», фиксированная в определенном искусственно подобранном личном составе ЦК, редакции Ц. Органа, а следовательно, и Совета, означает не что иное, как по возможности полное упразднение внутрипартийной идейной борьбы и замену ее административными мероприятиями;

принимая во внимание, что такая организация высших учреждений партии приспособлена, как это и формулировалось на съезде, для строгого проведения тактики «осадного положения», вступлением к которой явился разрыв с теми игравшими до съезда руководящую роль литературными и практическими силами, которые на съезде боролись против нового курса, ближайшим применением которого могут быть лишь приемы отлучения, исключения и разжалованья взамен более сложной, но единственно положительной работы систематического организационного и идейного воздействия, —

мы считаем для себя нравственно и политически обязательным вести организованными силами практически-организационную борьбу с применением всех мер, которые, не ставя нас вне партии и не компрометируя ни самой партии, ни идеи ее центральных учреждений, могут в возможно близком времени привести нас к такому изменению состава высших учреждений партии, которое обеспечивало бы ей возможность свободно работать над идейным и организационным воспитанием партии.

I. Для достижения поставленной нами цели должны применяться все средства, которые, не ставя нас вне партии, расширяли бы сферу нашего влияния и способствовали проведению в сознание членов партии наших взглядов.

II. Ввиду того, что одной из причин, обусловивших торжество дезорганизаторских тенденций на съезде, является слабость местных комитетов и малая сознательность их членов, мы должны взять на себя организаторскую работу на местах и через посредство местных организаций воздействовать на центральные учреждения партии в целях их преобразования.

III. Работая на местах, члены оппозиции отказываются от занятия должностных мест при ЦК до тех пор, пока его состав не подвергнется указанн[ым] выше изменениям, которые гарантировали бы его работоспособность и способность к развитию этого учреждения в действительного вождя партии (зачеркнуто: минимальной гарантией в этом отношении представляется прием в ЦК двух лиц из оппозиции).

IV. Агитация на почве критики работ съезда должна ставить себе практической задачей: 1) выражение со стороны комитетов отрицательного отношения к политике «осадного положения» и к тем практическим шагам, которые как съезд, так и ЦК и ЦО приняли в духе этой политики; 2) борьбу со всякими тенденциями партийных центров, направленными к подавлению свободы действий или мнений отдельных членов и организаций или к укреплению в организации партии (зачеркнуто: семейно) узко-кружкового начала; 3) разоблачение неработоспособности (зачеркнуто: и несамостоятельности) созданных съездом партийных учреждений, поскольку она будет проявляться в их политике, и давление со стороны мест[ных] комитетов в целях вынуждения к изменению состава этих учреждений.

V. По отношению к ЦО в теперешнем его виде оппозиция предпринимает бойкот, выражающийся в отказе от всякого сотрудничества, от (зачеркнуто: активного) содействия по доставке материала и т. д.

Примечание. Этот бойкот не исключает пользования ЦО как официальным партийным учреждением для печатания в нем резолюций, писем в редакцию, опровержений и т. д., равно как и выполнения обязанности членов партии присылать в ред. ЦО все выходящие на местах листки, отчеты и пр.

VI. Бойкот с ЦО снимется лишь по восстановлении старого состава редакции «Искры» или же после того, как ЦК даст возможность бывшей редакции «Искры», [как] отдельной группе выполнять те задачи в области партийной литературы, которые не по силам теперешней редакции «Искры» или отвергаются ею с точки зрения политики «осадного положения».

VII. Коллегия бывших редакторов (зачеркнуто: и сотрудников) «Искры» образует литерат[урную] группу, которая обращается к ЦК, добиваясь от него разрешения самостоятельно издавать брошюры и листки по всем вопросам агитации, пропаганды и организационной работы. Группа ставит своей специальной задачей: 1) образование литературного центра, который впредь до завоевания центр[альных] учреждений партии (вставлено: или изменения теперешних обстоятельств) группировал бы «оппозиционные» элементы в партии; 2) пропаганду тех тактических и организационных идей, которые

отделили «оппозицию» от «большинства», и литературную борьбу с тенденцией «ежовых рукавиц» и «осадного положения»; 3) обслуживание агитационных нужд местных организаций как соответственным издательством, так и содействием организации литературного дела для комитетов.

VIII. В случае, если ЦК не будет разрешено образование такой группы, она ищет выхода: а) в образовании из себя литерат[урной] группы при каком-либо мест[ном] комитете, b) в рассылке своих произведений частным образом по отд[ельным] комитетам для издания их на месте, с) в издании своих произведений вне партийной фирмы.

IX. В случае, если произвольное и явно незаконное толкование центр[альными] учреждениями своих прав поставит нас — против нашей воли — в нелегальное положение в партии, оппозиция открыто протестует против тактики центр[альных] учрежд[ений], отказывается в повиновении незаконным постановлениям и продолжает свою работу (в с т а в л е н о: апеллируя к буд[ущему] съезду).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Ю. О. Мартов — П. Б. Аксельроду

20 окт[ября] 1904 г. Женева.

Дорогой Павел Борисович!

Посылаю вам переданное мне Плехановым письмо известного вам финляндца [1]. Как вы увидите, несмотря на наш «грубый» ответ, они не перестают ухаживать за нами. Мы с Плех[ановым] думаем, что надо пока ответить, что формальный ответ будет сообщен Советом, когда он соберется; Совету придется, вероятно, ответить, что, согласно первоначальному решению, до опубликования резолюций конференции мы не можем занять определенного положения к состоявшемуся «соглашению».

Ввиду того, что Леонид [2] вас не убедил, мы подождем до вашего приезда, чтобы совместно потолковать о предложении ЦК.

Вчера уехал в Россию Борис (Носков). От Ивана Ник[олаевича] [3] было письмо о проезде через границу; от Натальи Ивановны — еще нет. Вернулся нижегородец Николай [4], который прислал сюда 4.000 рублей (о чем вам говорила Нат[алия] Ив[ановна]). Этот молодец еще привез с собой 2.500 руб. и обещает еще доставать. Ввиду «соединения касс», состоявшегося в форме образования комиссии с Л. Гр. (Дейчем), стал вопрос: «показывать» ли эти деньги? Мы решили, что пока дело соглашения так непрочно, показывать нет смысла, лучше давать комиссии деньги понемногу. В этом смысле состоялось соглашение с Николаем, который из России привез впечатление, что ЦК «двуличен», почему и стоял за то, чтобы ему не слишком «класть палец в рот». С Николаем установлено так, что об его «капитале», из которого он теперь же выдал 500 рублей Льву Григорьевичу в комиссию, знают только Блюм, я и Мартын. Имейте это в виду. Но, с другой стороны, имея в виду, что у нас есть «запас» в 6.000 рублей, можете уже не бояться выдавать «комиссии» немецкие деньги [5]. Комиссия сама понемногу развивается; в нее, вместо Бориса (Носкова), введен Мих. Ал. [6], и она может понемногу превратиться в наш администрат[ивный] центр.

С Троцк[им], после очень бурной переписки, которая — если б дать ему волю — кончилась бы полным разрывом моих с ним отношений, наступило «успокоение»: он начал даже писать для «Искры» и, видимо, «смягчился» [7]. Относительно «Социал-Демократа» [8] предстоит еще много «смут». Надеждин, после ознакомления с № 1, заявил, что он никуда не годится, что мы не можем вести газеты, почему и потребовал себе единоличного редакторства. Мы говорили с ним очень решительно и убедили попытаться составить вместе, не предрешая будущего, №№ 2 и 3, а там видно будет. Вероятно, не сойдемся.

Что говорит о «С.-Д.» публика, и что вы сами о нем скажете?

До скорого свидания. Жму руку.

Ю. П.

1. Конни Цилиакус, лидер финских «активистов». Переписка касалась отношения с.-д. к заключенному на «парижском совещании» соглашению.

2. Леонид — в то время партийный псевдоним Иосифа Федоровича Дубровинского; один из виднейших большевиков-примиренцев (о нем см. «Материалы для биографического словаря русских с.-д.», т. I); покончил жизнь самоубийством в ссылке в 1913 г. О каком предложении ЦК идет речь — установить не удалось.

Известно лишь, что этому предложению большое значение придавали и Мартов и Плеханов; в бумагах П. Б. Аксельрода сохранились рекомендательные записки, с которыми приехал к нему Дубровинский, от Мартова и от Плеханова; в своей записке Мартов писал:

«15/X—1904.

Дорогой Пав[ел] Бор[исович]! Податель сего письма — Леонид — объяснит вам смысл и цель проектируемого заявления. Надеюсь, что вы столкуетесь.

Жму руку. **Ю. П.»**

Еще более настойчив был Плеханов, который писал:

«Женева, 15 октября 1904 г.

Дорогой Павел!

Говорят, что ты недоволен постановлением Совета насчет политики ЦК; не знаю, чем именно ты недоволен, но скажу тебе, что если ты не доверяешь подателю, то ошибаешься. Мы все сделаем большую, непоправимую ошибку, не поддержав его, а с ним мы сокрушим ленинцев. Пишу тебе наскоро эти строки. Он у меня. Еще раз советую: не заражайся недоверием к подателю.

Привет твоим. Твой **Г. П.**

3. Иван Николаевич — в то время псевдоним Вл. Ник. Розанова; Наталья Ивановна — Е. М. Александрова.

4. Нижегородец Николай — Николай Ипатьевич Редкозубов. Комиссия, о которой идет речь ниже, — созданная за границей из представителей ЦК, редакции «Искры» и администрации Лиги особая комиссия, в руки которой должно было перейти заведывание всеми техническими делами и предприятиями партии за границей. Решение о создании комиссии принято на состоявшемся 14 октября 1904 г. в Женеве совещании членов редакции «Искры» (Плеханов, Засулич и Мартов), 2-х представителей ЦК (Носков-Глебов и, повидимому, перед тем приехавший за границу Дубровинский — «Леонид»), 4-х членов администрации Лиги (Дейч, Дан и Г. Смидович-Леман) и И. С. Блюменфельда (сведения из письма Дейча к Аксельроду от 14/X—1904 г.). В состав этой комиссии вошли: Глебов, замененный затем М. А. Сильвиным — от ЦК, Блюменфельд — от редакции «Искры» и Дан — от Лиги (письмо Дана от 5/X—1904 г.).

5. После Амстердамского конгресса германская с.-д. ассигновала некоторую сумму денег (какую — точно установить не удалось) на помощь РСДРП. Деньги были получены Аксельродом через Бебеля.

6. М. А. Сильвин (М. Тагин), агент, позднее член ЦК.

7. «Бурная переписка» с Троцким возникла у Ю. О. Мартова осенью 1904 года на почве недовольства первого организационной линией меньшинства; это недовольство, возникшее весною 1904 г., после отхода Троцкого от редакционных дел, и окрепшее в течение лета, когда он проживал в Германии вдали от остальных меньшевиков, вылилось в «Открытое письмо к товарищам», посланное Троцким в конце сентября 1904 г. в редакцию «Искры» для напечатания; самого этого письма в нашем распоряжении не имеется, но о содержании его дает представление письмо Дана к Аксельроду от 29/IX — 1904 г.; в этом письме Дан сообщает, что в своем обращении Троцкий «толкует обо всем возможном: о некоторых лицах, намеревающихся через головы интеллигенции апеллировать к пролетариату, об имеющихся среди меньшинства тенденциях обособления, о необходимости образовать особые редакции: брошюрную и популярного органа, и передать их лицам, не ассимилированным редакцией «Искры». Все это написано ходульно и высо-

комерно и заключает в себе формальное объявление выхода из меньшинства». В частных письмах к Мартову и Засулич (об этом упоминает Дан в письме от 5/X — 1904 г.) Троцкий расшифровал, что под «некоторыми лицами» он имел в виду прежде всего Ф. И. Дана. По существу выступление Троцкого было продиктовано, как видно из всей переписки того времени, желанием объединиться с «примиренческим ЦК», чтобы создать устойчивый партийный центр. «Письмо» Троцкого обсуждалось в Женеве на 2 собраниях меньшевиков (Мартов, Засулич, Дан, Дейч, И. Смидович-Леман, Стрельский, Троцкий и др.), на которых была принята следующая резолюция:

«Заграничное собрание меньшинства констатирует, что партийная дезорганизация, достигнутая годом «осадного положения», до такой степени отразилась дезорганизацией на самом меньшинстве (по крайней мере, за границей), что дальнейшее существование заграничной коллегии (связывая отдельных и столь видных, как Троцкий, представителей меньшинства) может явиться только источником новых конфликтов в партии, почему и считает необходимым распущение заграничной коллегии меньшинства и ждет от русского меньшинства указаний относительно ведения дел за границей». (Взятые в скобки слова являются поправкой, относительно которой не удалось выяснить, была ли она принята.)

После принятия этой резолюции Троцкий возобновил свое сотрудничество в «Искре»: его первая после перерыва статья появилась в № 75 от 5/X — 1904 г. (ст. ст.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение. 1

Глава I. Эпоха революционного народничества (60—70-е г.г.).

Вопросник-план к I главе. 7
а) Крестьянская реформа. (От феодальной к буржуазной монархии). . . . 9
б) Русские просветители 60-х годов. 14
в) Вопрос об общине у просветителей-шестидесятников. 18
г) Александр Иванович Герцен и его взгляды на общину. 19
д) Николай Гаврилович Чернышевский и его взгляд на общину. 21
е) Просветители и реформа 1861 года. 23
ж) Народничество 70-х годов. Различные типы народнического движения. 29
з) Народники-культурники — чайковцы, долгушинцы. 32
и) Народники-бунтари (бланкисты, ипатинцы, нечаевцы, ткачевцы, бакунисты) 33
к) Переход от кружковщины к организации. 36
л) Общество «Земля и Воля». 37
м) Террористическая работа народовольцев 39
н) Причины неудачи и уроки движения революцинного народничества . . . 44
о) Заключение 49

Глава II. Рабочее движение народнического периода.

Вопросник-план ко II главе 51
а) Общая характеристика 70-х годов. 52
б) Народники и рабочее движение. 55
в) Рабочая программа «Народной Воли». 58
г) Группа «Черный Передел». 60
д) Первые рабочие объединения. 64
1. Южно-Российский Союз Рабочих 67
2. Северно-Русский Рабочий Союз. . . . . —
е) Заключение. 70

Глава III. Фактическая история РСДРП от группы «Освобождение Труда» до I съезда партии (включительно).

Вопросник-план к III главе. 71
а) Общая характеристика 80-х годов. 72
б) Положение рабочего класса в 80-е годы. 77

Стр.

в) Рабочее движение 80-х годов. 84
г) Группа «Освобождение Труда». 91
д) Социал-демократические группы в России. 97
е) Характер работы социал-демократических групп в 80-е годы. 104
ж) Общая характеристика 90-х годов. 109
з) Промышленный подъем и рабочее движение 90-х годов. 116
и) От пропаганды к агитации. 123
к) Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». . . . 130
л) Провинциальные «Союзы борьбы» и другие соц.-дем. организации этого периода. 136
м) Первый съезд РСДРП. 141

Глава IV. Борьба за идейную и политическую гегемонию пролетариата в России.

Вопросник-план к IV главе. 147

А. Либеральное народничество и борьба с ним революционного марксизма. 149

а) Либеральные народники и их отличие от народников революционных. . 151
б) Либеральные народники и община. 155
в) Почему марксисты должны были повести борьбу с либеральным народничеством. (Реакционность народнических рассуждений.) 157
г) Как либеральные народники критиковали капитализм. 161
д) Народнические меры предотвращения капитализма в России. 164
е) Народники о притуплении классовых противоречий. 167
ж) Три вида критики либерального народничества. 169

1. Критика народничества у Плеханова. 170
2. Критика народничества у Ленина. 176

з) Разложение народничества. 178

Глава V. Борьба за идейную и политическую гегемонию пролетариата в России.

Вопросник-план к V главе. 180

Б. Легальный марксизм и борьба с ним революционного марксизма. 181

а) Причины проявления легального марксизма. 182
б) «Марксистские» рассуждения у народников. 183
в) Русский марксизм и борьба с народничеством. 184
г) Первое выступление легального марксизма в лице Струве 189
д) Критика Лениным струвистского подхода к народничеству 193
е) «Легальный марксизм» переходит в наступление. 201
ж) Легальный марксизм и с.-д. движение 90-х годов. 207
з) Ленин и Плеханов в борьбе с легальным марксизмом. 210

Глава VI. «Экономизм» и «Искра». Формирование Российской социал-демократической партии.

Вопросник-план к VI главе. 214

а) После первого съезда. 216
б) Промышленное развитие в период «разброда, распада и шатания» (1898 1—903 г.г.) 220
в) Рабочее движение. 221

Стр.

г) Оппозиционное движение в России. 225
д) Земская оппозиция. Группа «Освобождение». . . . . —
1. Помещичий либерализм . . . . . —
2. Либерализм промышленной буржуазии. 227
е) Крестьянское движение. 229
ж) Студенческие выступления. 233
з) Социалисты-революционеры. 234
и) Эсеры и крестьянство. 237
к) Демонстрации 900-х годов. 238
л) «Экономизм» и его сущность. 241
м) Тактические взгляды экономистов. 249
н) Организационные взгляды экономистов. 255
о) Опасность «экономизма» для рабочего социал-демократического движения. . . 257
п) «Полицейский социализм». (Зубатовщина.) 258
р) «Искра». 263
с) Вопрос о роли теории в рабочем движении. 265
т) Организационные взгляды «Искры». 268
1. Разделение труда в организации. 275
2. О демократическом централизме «Искры». . . . . —
3. Газета — организующий центр. 277
у) Тактические взгляды «Искры». 279
1. Отношение к рабочему классу. . . . . —
2. Отношение «Искры» к оппозиционным элементам. 281
3. Отношение «Искры» к крестьянству и крестьянскому движению. . . . 283
ф) От «Искры» ко второму съезду партии. 284

Глава VII. Второй съезд партии.

Вопросник-план к VII главе. 286
а) Предсъездовская обстановка, подготовка и задачи съезда. 287
б) Вопрос о «Бунде» на съезде. 299
в) Фактическая история создания программы и ее авторы. 302
г) Сущность разногласий внутри «Искры». 304
д) Расхождения по поводу аграрной программы. 309
е) Ленинский проект аграрной программы. . . . . —
ж) Критика ленинской аграрной программы внутри «Искры». 314
з) Критика искровской программы группой «Борьба». 321
и) Программные вопросы на съезде. 323
к) Критика аграрной программы «Искры» на съезде. 324
л) Тактические вопросы на съезде. 327
м) Организационные вопросы на съезде. 334
н) Выборы ЦО и ЦК. Конец съезда. 343

Глава VIII. Борьба с организационным оппортунизмом меньшевиков. У истоков троцкизма.

Вопросник-план к VIII главе. 349
а) Послесъездовская обстановка. 350
б) Бойкот центров 352
в) Ленин и Плеханов пытаются убедить оппозицию. . . . . —
г) Фракционное обособление меньшевиков. 354
д) Съезд лиги 355

Стр.

е) Плеханов идет к меньшевикам с белым флагом. 357
ж) Новая «Искра» 361
з) Истоки троцкизма. Принципиальная сущность разногласий. 363
и) Совет и ЦК на службе «меньшинства». 369
к) Меньшинство завоевывает ЦК. 372
л) Борьба за III съезд. 375
м) Международное Социалистическое Бюро II Интернационала и раскол РСДРП. 380
н) Заключение 382

Приложения:

1. Резолюция совещания меньшевиков в Женеве. 1903 г. 386
2. Письмо Ю. О. Мартова П. Б. Аксельроду от 20 окт. 1904 года . . . 388

ПОПРАВКА:

Стр. 34, строка 5 снизу — напечатано: (Стефанович, Дейч, Дебагорий-Мокриевич), следует читать: (Стефанович, Дейч).

Стр. 35, строка 15 сверху — напечатано: народнический кружок Ипатина, следует читать: народнический кружок Ишутина.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА ПАРТИЙЦА

Под общей редакцией **С. КРИВЦОВА.**

В. И. Ленин. Организационные основы партии. Избранные статьи и отрывки. Составил и снабдил примечаниями М. Пошерстник. Предисл. Ст. Кривцова. Стр. 80, Ц. 30 к.

В. И. Ленин. Об Октябрьской революции. Избранные статьи и отрывки. Составил и снабдил примечаниями Пошерстник. Предисл. Ст. Кривцова. Стр. 96. Ц. 25 к.

В. И. Ленин. Диктатура пролетариата и власть Советов. Избранные статьи и отрывки. Составил и снабдил примечаниями В. Бутковский. Предислов. В. Адоратского. Ц. 20 к.*

В. И. Ленин. О Коммунистическом Интернационале. Избранные статьи и отрывки. Составил и снабдил примечаниями В. Бутковский. Предисл. В. Коларова. Ц. 15 к.*

ПЕЧАТАЮТСЯ И ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

В. И. Ленин. Рабочий класс и крестьянство.
В. И. Ленин. НЭП.
В. И. Ленин. Религия, церковь и партия.
В. И. Ленин. О коммунизме и социализме.
В. И. Ленин. Об основах марксизма.
В. И. Ленин. О программе партии.
В. И. Ленин. Об основных моментах истории ВКП.
В. И. Ленин. О национальном вопросе.
В. И. Ленин. О профсоюзах.
В. И. Ленин. О работе среди женщин (ВКП (б) и работница).
В. И. Ленин. О кооперации.
В. И. Ленин. О молодежи.

* Звездочкой отмечены книги, распроданные на ЦОС'е.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОТЕКА ПАРТИЙЦА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Н. Бухарина, И. Варейкиса и Ем. Ярославского.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Каганович, Л. М. Как построена РКП (б) Об уставе партии. Стр. 80. Ц. 25 к.

Вуйович, В. Д. Международное рабочее движение и Коммунистический Интернационал. Стр. 80. Ц. 25 к.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Кривцов, С. Коммунистический манифест, с комментариями.

Бухарин, Н. Программа ВКП (б.)

Каганович, Л. М. Советы и ВКП (б).

Ярославский, Ем. Основные моменты в истории ВКП (б).

Кнорин. ВКП и крестьянство.

Бройдо, Г. И. Национальный вопрос.

Томский, М. Профсоюзы при капитализме и в Советском государстве.

Хинчук, Л. О кооперации.

Степанов, И. ВКП и религия.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

Москва — Ленинград

В. И. ЛЕНИН

О ПАРТИЙНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

СТАТЬИ и РЕЧИ за 20 лет

Предисловие и примечания К. П. Новицкого

Изд. 2-е, дополн. Стр. 592. Ц. 1 р. 80 к.

А. БУБНОВ.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РКП

Изд. 3-е. Стр. 147. Ц. 85 к.

Н. Н. ПОПОВ.

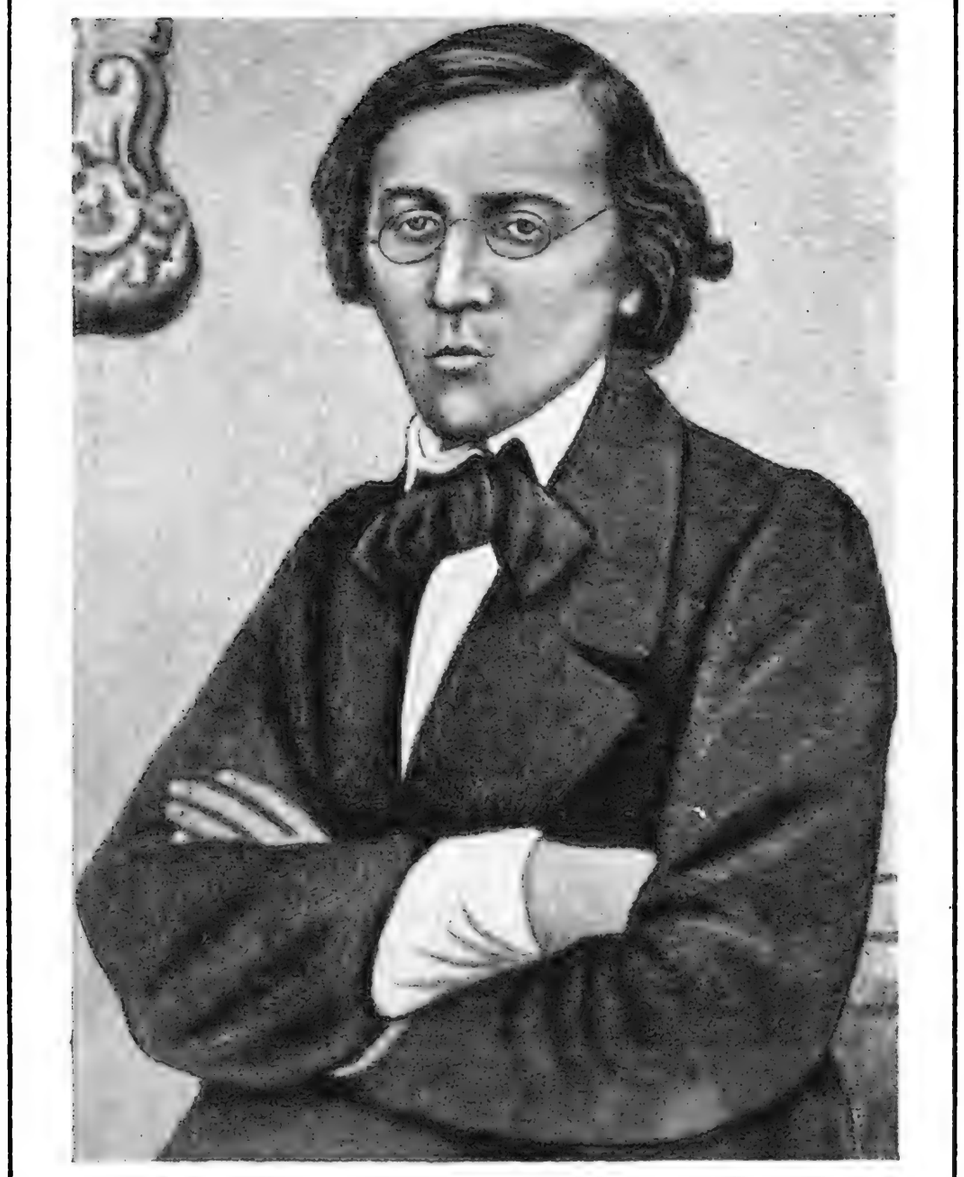
ОЧЕРК ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков)

Стр. 336. Ц. 1 р.

КРУПНЕЙШИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЛИБЕРАЛЬНОГО И РАДИКАЛЬНОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА.

А. И. Герцен. 1812 — 1870 г.г.

Писатель-публицист, вышедший из богатой дворянской семьи. Заложил основы будущего революционно-социалистического народничества и указал пути его революционной пропаганды. В 1834 г. вместе с Огаревым и другими своими друзьями был арестован по обвинению в революционной агитации и сослан в Пермь, потом в Вятку. В 1847 г. выехал за границу. В августе 1851 г. был лишен всех прав состояния и изгнан навсегда. За границей занимался изданием революционных книг, сборника «Полярная Звезда» и знаменитого своего журнала «Колокол».



Н. Г. Чернышевский. 1828 — 1889 г.г.

«Великий русский ученый и критик» (из предисл. К. Маркса ко 2 изд. «Капитала»). Дал философское и социологическое обоснование народническому движению 60-х и 70-х г.г. Есть весьма веские основания предполагать, что Чернышевский был руководителем тайного общества «Великорусс», слившегося в 1862 г. с обществом «Земля и Воля». 12-го июня 1862 г. был арестован. Пробыв два года в Петропавловской крепости, он был приговорен к каторге, по окончании которой был отправлен на поселение в Вилюйск. В 1883 г. получил возможность поселиться в Астрахани, а затем в Саратове, где и умер в 1889 году.

„Молодая Россия“

Н. В. Шелгунов. 1824 — 1891 г.г.

Н. В. Шелгунов — видный писатель 60-х г.г. Автор прокламации «К молодому поколению». Два года, с 1862 г. по 1864 г., Шелгунов пробыл в Петропавловской крепости, куда попал за «вредный образ мыслей», а также за сношения с М. И. Михайловым, своим другом, к которому ехал погостить в Нерчинск. По выходе на свободу продолжал сотрудничать в лучших русских журналах («Дело», «Русское слово»).

П. Г Зайчневский. 1842 — 1896 г.г.

В 1861 г. в Москве существовал кружок, состоявший главн. образом из моск. студентов (40 — 50 лиц). Кружок занимался изданием книг и прокламаций. Во главе кружка стоял П. Г. Зайчневский. Осенью 1861 г. происходят аресты среди членов кружка. Зайчневский, содержась в Тверской части, создает организацию «Русский Центральный Революционной Комитет», который выпускает в мае 1862 г. «Молодую Россию». Зайчневский приговорен к 1 году каторжных работ, а по окончании их — к ссылке на поселение. В 1887 г. сослан в Новелец. Вернувшись в Орел, он в 1889 г. вновь, третий раз ссылается в Восточную Сибирь. Из Сибири он вернулся в 1895 г. Умер 19 марта 1896 г.

М. И. Михайлов. 1826 — 1865 г.г.

Известный поэт. Близкий друг Н. В. Шелгунова. Арестованный 14 сентября 1861 г. за распространение прокламации «К молодому поколению», написанной им совместно с Н. В. Шелгуновым, принял всю вину на себя и, не выдав своего друга, был присужден к 6 годам каторжных работ, где и умер.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

КРУПНЕЙШИЕ ИДЕОЛОГИ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА.

М. А. Бакунин. 1814 — 1876 г.г.

М. А. Бакунин — один из основателей анархизма и его теоретик. Окончил артиллерийскую школу в Петербурге, но, будучи произведен в офицеры, вышел в отставку, участвовал в московском кружке Станкевича. В 1840 г. уехал за границу, где познакомился с Прудоном и Марксом; участвовал в восстаниях в Праге и Дрездене, был дважды приговорен к смертной казни, но выдан русскому правительству, присудившему его к 20 годам крепости. Александр II под влиянием покаянной «Исповеди», написанной М. Бакуниным в крепости, заменил крепость поселением в Сибирь, откуда Бакунин в 1861 г. бежал за границу и основал «Международное братство». В 1869 г. вступил в «Международную Ассоциацию Рабочих» (I Интернационал), откуда был исключен в 1872 г. по настоянию Маркса. С конца 1869 г. участвует в русском рев. движении — создается группа революционеров - бакунистов. Умер в Берне 30 июня 1876 г.

Миртов — П. Л. Лавров. 1823 — 1900 г.г.

Виднейший представитель революционного народничества, член общества «Земля и Воля», потом партии «Народная Воля», член I Интернационала, эмигрант. Издавал за границей свой орган «Вперед», в котором развивал взгляды о необходимости «итти в народ» с целью длительной пропаганды и перевоспитания народных масс — в противоположность бунтарям - бакунистам, шедшим туда с целью агитации за немедленное народное восстание. В своих «Исторических письмах», имевших громадное влияние на русскую интеллигенцию, является родоначальником русской социологической теории, основанной на субъективном методе, по которому историю делают «одинокие, борющиеся, критически мыслящие личности».

П. Н. Ткачев. 1844 — 1886 г.г.

П. Н. Ткачев — бывший сотрудник писаревского «Русского Слова» в 60-х г.г., привлекавшийся к суду по Нечаевскому делу, эмигрант с 70-х г.г., издавал в Женеве в 1875 — 1877 г.г. «Набат», где развивал необычайные для народничества той эпохи мысли — совершить демократическую и социальную революцию при помощи захвата государственной власти кучкой заговорщиков. Оказал влияние на идеологию партии «Народная Воля».

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

КАРАКОЗОВЦЫ

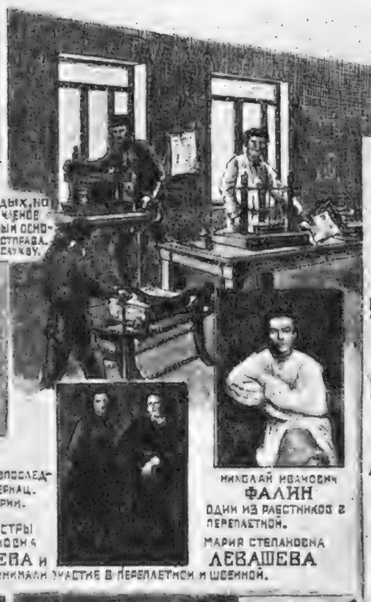
-1864-(ОРГАНИЗАЦИЯ)-1866г.-

ДМИТРИЙ ЛАВОВИЧ
ИВАНОВ
ОДИН ИЗ САМЫХ МОЛОДЫХ, НО НАИБОЛЕЕ ЭНЕРГИЧНЫХ ЧЛЕНОВ КРУЖКА ИЛАТОВЦЕВ; ПЕРВЫЙ ОСНОВАТЕЛЬ ПЕРЕПЛАЕТН. БЫЛ ОТПРАВЛ. В ТУРКЕСТ. НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ
ТРУСОВ
УЧАСТНИК ПЕРЕПЛАЕТН., ВПОСЛЕДСТВИИ СЕКРЕТАРЬ ИНТЕРНАЦ. ОБЩЕСТВА В ШВЕЙЦАРИИ.

СЕСТРЫ
ОЛЬГА СТЕПАНОВНА
ЛЕВАШЕВА И
МАРИЯ СТЕПАНОВНА
ЛЕВАШЕВА
ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ В ПЕРЕПЛАЕТНОЙ И ШВЕЙНОЙ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
ФАЛИН
ОДИН ИЗ РАБОТНИКОВ В ПЕРЕПЛАЕТНОЙ.



ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

1. ПРОПАГАНДА МЕЖДУ СЕЛЬСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ С ОБЪЯВЛЕНИЕМ, ЧТО ЗЕМЛЯ СОСТАВЛЯЕТ СОБСТВЕННОСТЬ ВСЕГО НАРОДА.
2. ВОЗБУЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН ПРОТИВ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ, ДВОРЯНСТВА И ВООБЩЕ ПРОТИВ ВЛАСТЕЙ.
3. УСТРОЙСТВО РАЗНЫХ ШКОЛ, АРТЕЛЕЙ, МАСТЕРСКИХ, ПЕРЕПЛАЕТНЫХ, ШВЕЙНЫХ И ИНЫХ АССОЦИАЦИЙ.
4. ЗАВЕДЕНИЕ ФАБРИК НА АРТЕЛЬНЫХ НАЧАЛАХ.

Н. ИШУТИН.

А.В.КАРАКОЗОВ.

А.А. ЮРАСОВ.

П.Г. ЕРМОЛОВ.

Л. НИКОЛАЕВ.

ХУДЯКОВ.

М. ЗАГИБАЛОВ.

Н.П. СТРАНДЕН.

ИЗ ПРОКЛАМАЦИИ „ДРУЗЬЯМ РАБОЧИМ"
-Д. ВЛ. КАРАКОЗОВА. 1860г-

БРАТЦЫ, ДОЛГО МЕНЯ МУЧИЛА МЫСЛЬ И НЕ ДАВАЛА МНЕ ПОКОЮ-ОТЧЕГО ЛЮБИМЫЙ МНОЮ ПРОСТОЙ НАРОД РУССКИЙ, КОТОРЫМ ДЕРЖИТСЯ ВСЯ РОССИЯ, ТАК БЕДСТВУЕТ. ОТЧЕГО ЕМУ НЕ ИДЕТ В ПРОК ЕГО БЕЗУСТАННЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ ТРУД, ЕГО ПОТ И КРОВЬ. И ВЕСЬ ТО СВОЙ ВЕК ОН РАБОТАЕТ ЗАДАРОМ. ОТЧЕГО РЯДОМ С НАШИМ ВЕЧНЫМ ТРУЖЕНИКОМ ПРОСТЫМ НАРОДОМ: КРЕСТЬЯНАМИ, ФАБРИЧНЫМИ И ЗАВОДСКИМИ РАБОЧИМИ И ДРУГИМИ РЕМЕСЛЕННИКАМИ, ЖИВУТ В РОСКОШНЫХ ДОМАХ-ДВОРЦАХ ЛЮДИ, НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЮЩИЕ, ТУНЕЯДЦЫ ДВОРЯНЕ, ЧИНОВНАЯ ОРДА И ДРУГИЕ БОГАТЕИ, И ЖИВУТ ОНИ НА СЧЕТ ПРОСТОГО НАРОДА, ЧУЖИМИ РУКАМИ ЖАР ЗАТРЕБАЮТ, СОСУТ КРОВЬ МУЖИЦКУЮ...
НА НЕПЛАТЕХ ОТКУПНЫХ ДЕНЕГ В КАЗНУ, ЗА НЕДОИМКИ У КРЕСТЬЯНИНА ОТНИМАЮТ ПОСЛЕДНЮЮ ЛОШАДЕНКУ, ПОСЛЕДНЮЮ КОРОВУ, ПРОДАЮТ СКОТ С АУКЦИОНА И ТРУДОВЫМИ МУЖИЦКИМИ ДЕНЬГАМИ НАБИВАЮТ ЦАРСКИЕ КАРМАНЫ. СКОРО, МОЖЕТ СТАТЬСЯ, ПОСЛЕДНЮЮ ОДЕЖОНКУ ПОТАЩУТ ОТ МУЖИКА. ГРУСТНО. ТЯЖКО МНЕ СТАЛО, ЧТО ТАК ПОГИБНЕТ МОЙ ЛЮБИМЫЙ НАРОД. И ВОТ Я РЕШИЛ УНИЧТОЖИТЬ ЦАРЯ-ЗЛОДЕЯ И САМОМУ УМЕРЕТЬ ЗА СВОЙ ЛЮБЕЗНЫЙ НАРОД. УДАСТСЯ МНЕ МОЙ ЗАМЫСЕЛ. Я УМРУ С МЫСЛЬЮ, ЧТО СМЕРТЬЮ СВОЕЮ ПРИНЕС ПОЛЬЗУ ДОРОГОМУ МОЕМУ ДРУГУ-РУССКОМУ МУЖИЧКУ. А НЕ УДАСТСЯ, ТАК ВСЕ ЖЕ Я ВЕРУЮ, ЧТО НАЙДУТСЯ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ПОЙДУТ ПО МОЕМУ ПУТИ. МНЕ НЕ УДАЛОСЬ-ИМ УДАСТСЯ. ДЛЯ НИХ СМЕРТЬ МОЯ БУДЕТ ПРИМЕРОМ И ВДОХНОВИТ ИХ. ПУСТЬ УЗНАЕТ РУССКИЙ НАРОД СВОЕГО ГЛАВНОГО МОГУЧЕГО ВРАГА-БУДЬ ОН АЛЕКСАНДР ВТОРОЙ ИЛИ АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ И ТАК ДАЛЕЕ, ЭТО ВСЕ РАВНО. СПРАВИТСЯ НАРОД СО СВОИМ ГЛАВНЫМ ВРАГОМ, ОСТАЛЬНЫЕ ВРАГИ-ПОМЕЩИКИ, ВЕЛЬМОЖИ, ЧИНОВНИКИ И ДРУГИЕ БОГАТЕИ СТРУСЯТ, ПОТОМУ ЧТО ЧИСЛО ИХ ПО ВСЕ НЕЗНАЧИТЕЛЬНО. ТОГДА-ТО И БУДЕТ НАСТОЯЩАЯ ВОЛЯ. ЗЕМЛЯ БУДЕТ ПРИНАДЛЕЖАТЬ НЕ ТУНЕЯДЦАМ, НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЮЩИМ, А АРТЕЛЯМ И ОБЩЕСТВАМ САМИХ РАБОЧИХ. И КАПИТАЛЫ НЕ БУДУТ ПРОМАТЫВАТЬСЯ ЦАРЕМ, ПОМЕЩИКАМИ, ДА САНОВНИКАМИ ЦАРСКИМИ, А БУДУТ ПРИНАДЛЕЖАТЬ АРТЕЛЯМ РАБОЧИХ. АРТЕЛИ БУДУТ ПРОИЗВОДИТЬ ВЫГОДНЫЕ РАБОТЫ ЭТИМИ КАПИТАЛАМИ И ДОХОДЫ ДЕЛИТЬ МЕЖДУ ВСЕМИ РАБОТНИКАМИ АРТЕЛИ ПОРОВНУ. А БЫЛИ БЫ СРЕДСТВА-РУССКИЙ НАРОД СУМЕЕТ И БЕЗ ЦАРЯ УПРАВИТЬСЯ САМ СОБОЮ.

-ВОТ МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ДРУЗЬЯМ-РАБОЧИМ-

„СКОРО ПРИДЕТ ВРЕМЯ КОГДА НИКАКИЕ В МИРЕ ЗАКОНЫ НИ ГОСУДАРИ НЕ БУДУТ В СОСТОЯНИИ УДЕРЖАТЬ ПОРЫВ НАРОДНОГО ГНЕВА." (ИЗ ПИСЬМА КАРАКОЗОВА К АЛЕКСАНДРУ II-МУ ИЗ ТЮРЬМЫ)

ЕКАТЕРИНА ЛЬВОВНА
ИВАНОВА.
ЗАВЕДЫВАЛА ШВЕЙНОЙ МАСТЕРСКОЙ.

ЛЮБОВЬ КИРИЛЛОВНА.
НЯНЯ ИВАНОВЫХ, ЖИВШАЯ С НИМИ В ШВЕЙНОЙ И ПРОСИДЕВШАЯ МЕСЯЦ В ОДИНОЧНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ, НЕЗНАМОТИ, НО ОЧЕНЬ УМНАЯ ЖЕНЩ., ПОЛЬЗОВАВШАЯСЯ УВАЖЕНИЕМ ВСЕГО КРУЖКА.

МАРИЯ АНТОНОВНА
МОТКОВА.
ОДНА ИЗ УЧЕНИЦ ШВЕЙН. МАСТЕРСКОЙ

В 1865г. ОБРАЗУЕТСЯ В МОСКВЕ КРУЖОК ВОКРУГ ИШУТИНА, КАРАКОЗОВА, ЮРАСОВА, ЕРМОЛОВА, НИКОЛАЕВА, СТРАНДЕНА И ДР. ЭТО ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО ИМЕЛО В ВИДУ ВЕСТИ В НАРОДЕ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ПРОПАГАНДУ, А ТАКЖЕ УСТРОЙСТВО НАРОДНЫХ ШКОЛ, ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ.
КОНЕЧНОЙ ЦЕЛЬЮ ОБЩЕСТВА БЫЛО СВЕРЖЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.
ЕРМОЛОВ ОТДАЛ НА ДЕЛО ВСЕ СВОЕ СОСТОЯНИЕ И НА ЕГО СЧЕТ ВЫЗВ МОСКВЫ В ПЕТРОВСКОЙ АКАДЕМИИ НЕСКОЛЬКО ТОВАРИЩЕЙ ГОТОВИЛИСЬ К ПРОПАГАНДЕ СРЕДИ КРЕСТЬЯН. ДАЛЕЕ В ЦЕЛЯХ ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА ВХОДИЛО: КУПИТЬ ОДНУ ИЗ МАЛЬЦЕВСКИХ ФАБРИК, ОБРАТИТЬ ЕЕ В АРТЕЛЬНУЮ.
— ЭТОМУ КРУЖКУ ПРИПИСЫВАЕТСЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СТАЧКИ И ВОЛНЕНИЙ НА ЛЮДИНОВСКОМ ЗАВОДЕ МАЛЬЦЕВА В ОРЛОВСКОЙ ГУБ. НАКОНЕЦ, В БОЛЕЕ ТЕСНОМ КРУЖКЕ ОРГАНИЗАЦИИ РОДИЛАСЬ МЫСЛЬ О ПОКУШЕНИИ НА АЛЕКСАНДРА II-го. ОДИН ИЗ ЧЛЕНОВ „ОРГАНИЗАЦИИ" КАРАКОЗОВ ВЫЗВАЛСЯ ВЫПОЛНИТЬ ДЕЛО. КАРАКОЗОВ БЫЛ ОДНОЙ ИЗ ТЕХ, ПОЛНЫХ СОСРЕДОТОЧЕННОГО ЖАРА НАТУР, У КОТОРЫХ СЛОВО НЕПОСРЕДСТВЕННО ПЕРЕХОДИТ В ДЕЛО. 4 АПРЕЛЯ 1866 г. ОН СОВЕРШИЛ ПОКУШЕНИЕ НА ЦАРЕУБИЙСТВО, РАСПРОСТРАНИВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНО В РАБОЧИХ РАЙОНАХ ПЕТЕРБУРГА НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТКОВ РУКОПИСНЫХ ПРОКЛАМАЦИЙ К „ДРУЗЬЯМ РАБОЧИМ", АВТОРОМ КОТОРЫХ СЧИТАЮТ ИСТОРИКА ХУДЯКОВА.
АРЕСТОВАННЫЕ ЧЛЕНЫ „ОРГАНИЗАЦИИ" ПОПАЛИ В РУКИ МУРАВЬЕВА-ВЕШАТЕЛЯ.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

КРУЖОК НЕЧАЕВЦЕВ
1869-70 г.

САМЫЙ УДОБНЫЙ МОМЕНТ 19 ФЕВР. 1870 г.

М. А. БАКУНИН

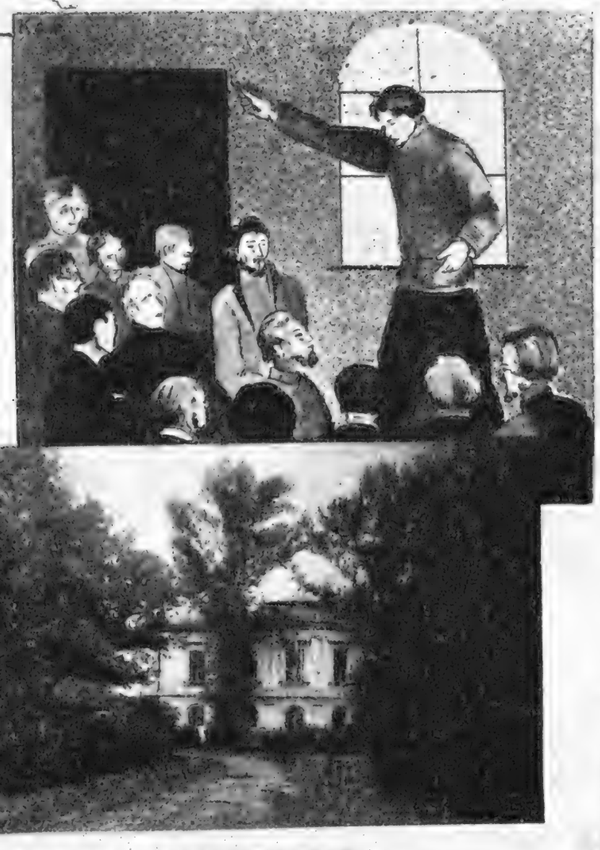
П. Н. ТКАЧЕВ

Е. НИКИФОРОВА

ПРЫЖОВ

В. И. ЗАСУЛИЧ

МЫ ХОТИМ НАРОДНОЙ, МУЖИЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ



СТОЛОВАЯ ПЕТРОВСКО-РАЗУМОВСКОЙ АКАДЕМИИ.

РАБ. НАУЧН. СОТР. А. П. КРЮЧКОВОЙ

С. Г. НЕЧАЕВ

НАРОДНАЯ РАСПРАВА

ВСЕНАРОДНОЕ ВОССТА-
НИЕ ИЗМУЧЕННОГО РУ
СКОГО ЛЮДА НЕМИНУ-
ЕМО И БЛИЗКО.
МЫ ХОТИМ ЧТО.
БЫ НАШИ ЗА-
ДАВЛЕННЫЕ ГО-
СУДАРСТВОМ ОТ-
ЦЫ БРАТЬЯ И ВЕСТ-
ЦЫ СБРОСИЛИ С СВО.
ИХ ПЛЕЧ ПРАЗДНОЕ
ТУНЕЯДСТВУЮЩЕЕ
МЕНЬШИНСТВО; МЫ ХО-
ТИМ, ЧТОБЫ РУССКИЙ
МУЖИК, СИБИРЯК, СВО-
БОДНО ВЗДОХНУЛ МОЩ-
НОЙ ВОЛЬНОЙ ГРУДЬЮ.

П. УСПЕНСКИЙ

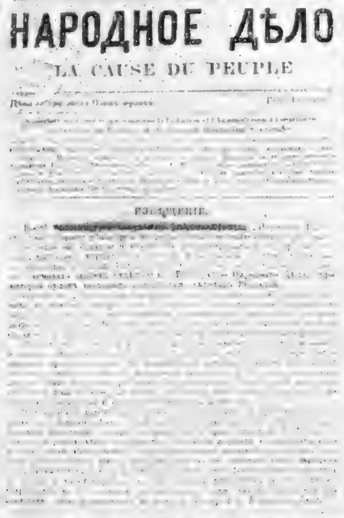
А. К. КУЗНЕЦОВ

А. УСПЕНСКАЯ

Ф. ВОЛХОВСКИЙ

НАРОДНОЕ ДѢЛО

LA CAUSE DU PEUPLE



„МЫ ХОТИМ ПОЛНОГО УМСТВЕННОГО, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДА."

„ЗЕМЛЯ ДОЛЖНА ПРИНАДЛЕЖАТЬ ТОЛЬКО ТЕМ, КТО ЕЕ ОБРАБАТЫВАЕТ СВОИМИ РУКАМИ—ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЧЕСКИМ ОБЩИНАМ. КАПИТАЛЫ И ВСЕ ОРУДИЯ РАБОТЫ РАБОТНИКАМ—РАБОЧИМ АССОЦИАЦИЯМ."

НАРОДНОЕ ДЕЛО

В ФЕВРАЛЕ И МАРТЕ 1869 Г. В ПЕТЕРБУРГЕ ПРОИЗОШЛИ СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ, КОТОРЫМ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ СТАРАЛИСЬ ПРИДАТЬ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР. ВИДНУЮ РОЛЬ ПРИНЯЛ В НИХ УЧИТЕЛЬ ПРИХОДСКОГО УЧИЛИЩА В ПЕТЕРБУРГЕ—НЕЧАЕВ, КОТОРЫЙ ЗАДАЛСЯ ЦЕЛЬЮ СОЗДАТЬ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ. С ЭТОЙ ЦЕЛЬЮ ОН ЗАВЕЛ СВЯЗИ С МОСКВОЙ, НО ВСКОРЕ УЕХАЛ ЗА ГРАНИЦУ, ГДЕ ВОШЕЛ В СВЯЗЬ С БАКУНИНЫМ, А ЧЕРЕЗ НЕГО И С ИНТЕРНАЦИОНАЛОМ. ВОЗВРАТИЛСЯ ОН В РОССИЮ УЖЕ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛА С ЦЕЛЬЮ СОЗДАТЬ В РОССИИ „РУССКИЙ ОТДЕЛ ВСЕМИРНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО СОЮЗА", КОТОРЫЙ БЫЛ НАЗВАН „КОМИТЕТОМ НАРОДНОЙ РАСПРАВЫ". ГЛАВНЫМ ЦЕНТРОМ СВОЕЙ РАБОТЫ ОН ИЗБРАЛ МОСКВУ, КУДА ПРИЕХАЛ В НАЧАЛЕ СЕНТЯБРЯ 1869 Г. ЗДЕСЬ ОН ЗАВОДИТ СВЯЗИ ПО ПРЕИМУЩЕСТВУ СО СТУДЕНТАМИ ПЕТРОВСКОЙ АКАДЕМИИ И НАЧИНАЕТ СТРОИТЬ ОРГАНИЗАЦИЮ, ОСНОВОЙ КОТОРОЙ ЯВЛЯЛИСЬ ЯЧЕЙКИ ИЗ ПЯТИ ЧЕЛОВЕК, ИЕРАРХИЧЕСКИ СОПОДЧИНЕННЫЕ: ЯЧЕЙКА I-й СТЕПЕНИ, КАК БЫ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ, ЗАТЕМ ЯЧЕЙКА II-й И III-й СТЕПЕНИ И Т. Д... ЦЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ПОДГОТОВКА ВСЕОБЩЕГО НАРОДНОГО ВОССТАНИЯ.

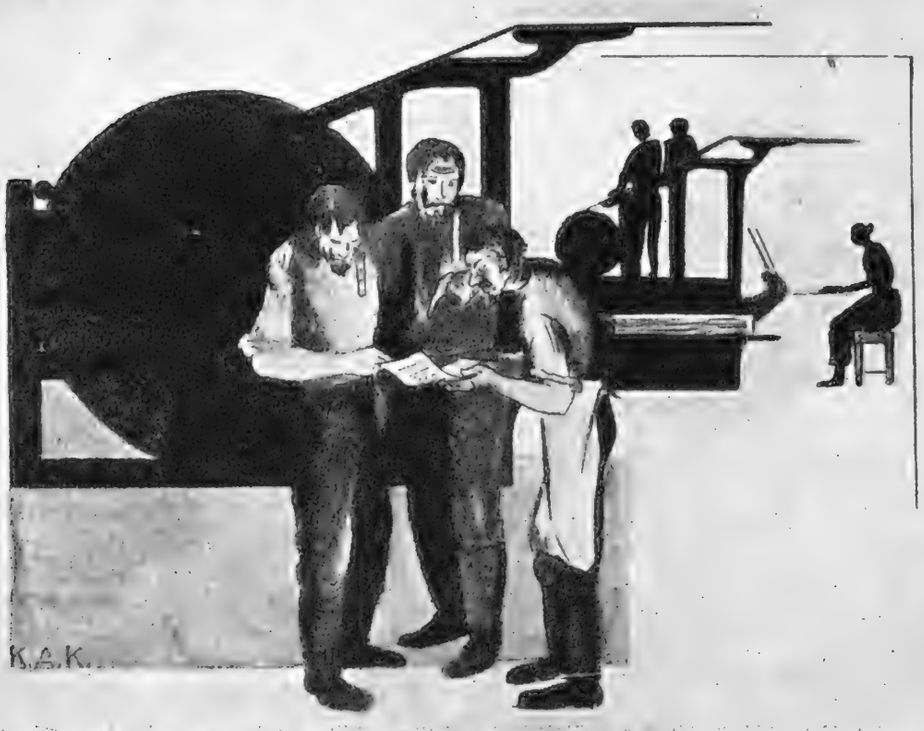
В ОРГАНИЗАЦИЮ ВОШЕЛ СТУДЕНТ ПЕТРОВСКОЙ АКАДЕМИИ—ИВАНОВ, КОТОРОМУ НЕЧАЕВ НЕ ДОВЕРЯЛ И БОЯЛСЯ ЕГО ИЗМЕНЫ. ОРГАНИЗАЦИЯ РЕШИЛА ОТДЕЛАТЬСЯ ОТ ИВАНОВА, И ИВАНОВ БЫЛ УБИТ. УБИЙСТВО ИВАНОВА ПОСЛУЖИЛО К ОТКРЫТИЮ ВСЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ. БЫЛО ПРИВЛЕЧЕНО К ДЕЛУ 87 ЧЕЛ. СУД НАД НИМИ ПРОИСХОДИЛ В 1869-70 Г. ПРИГОВОРЕНЫ К КАТОРЖНОЙ РАБОТЕ П. В. УСПЕНСКИЙ, А. К. КУЗНЕЦОВ, ПРЫЖОВ, И НИКОЛАЕВ, ОСТАЛЬНЫЕ К РАЗНЫМ ДРУГИМ НАКАЗАНИЯМ. САМ НЕЧАЕВ БЕЖАЛ В ШВЕЙЦАРИЮ, НО БЫЛ ВЫДАН ШВЕЙЦАРСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ И СУДИМ ОТДЕЛЬНО ОТ СВОЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ В 1873 Г. СУД ПРИГОВОРИЛ ЕГО К 20 ЛЕТНЕЙ КАТОРГЕ. ОТБЫВАЛ ОН ЕЕ В КРАЙНЕ ТЯЖЕЛЫХ УСЛОВИЯХ В АЛЕКСЕЕВСКОМ РАВЕЛИНЕ, ГДЕ И ПОГИБ В 1883 Г.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве

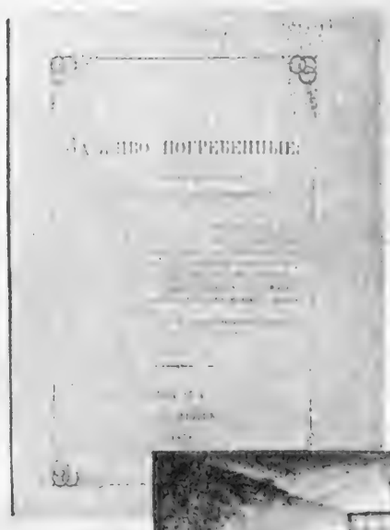
КРУЖОК ДОЛГУШИНА
1873 г.

ТИПОГРАФИЯ ДОЛГУШИНА В ДЕРЕВНЕ САРАЕВО

Революционная деятельность Долгушина началась в Петербурге, где он сблизился с рабочими и вел среди них пропаганду. Около него образовался кружок интеллигентов, состоящий из Л. А. Дмоховского, П. А. Плотникова, И. И. Папина и др. пионеров движения в „народ", тех долгушинцев, о которых, как о многострадальных, часто вспоминала нелегальная литература семидесятых годов. С весны 1873 г. долгушинцы переезжают в Москву, приобретают дачу в деревне Сараево и устраивают типографию. В этой типографии печатаются для распространения в народе нелегальные листки. Таких листков они издали три: „Как должно жить по закону природы и правды", „К интеллигентным людям" „Русскому народу". За распространение этих листков и было предано суду десять человек. По суду Долгушин и Дмоховский были приговорены к ссылке в каторжные работы на десять лет, Гамов на восемь, Плотников и Папин на пять лет. Все они погибли на каторге.



ПРОПАГАНДА СРЕДИ РАБОЧИХ



РАБ. НАУЧН. СОТР. А. П. КРЮЧКОВОЙ

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КРУЖОК ЧАЙКОВЦЕВ 1869 1874 г.

РАБОЧИЕ

П. АЛЕКСЕЕВ

С. Н. ХАЛТУРИН

А. КОРНИЛОВА

В. ОБНОРСКИЙ

А. Н. ПЕТЕРСОН

М. Ф. ГРАЧЕВСКИЙ

ЧАЙКОВСКИЙ

М. А. НАТАНСОН

КРАПОТКИН

Л. А. ТИХОМИРОВ

А. З. ШИШКО

С. А. ПЕРОВСКАЯ

С. С. СИНЕГУБ

Н. А. ЧАРУШИН

Д. А. КЛЕМЕНЦ

С. М. КРАВЧИНСКИЙ

Д. М. РОГАЧЕВ

А. КОРНИЛОВА

ПРОПАГАНДА СРЕДИ ПЕТЕРБ. РАБОЧИХ

Кружок **ЧАЙКОВЦЕВ**, названный по имени одного из его основателей, возник весной 1869 г. Основатели кружка решили вести революц. пропаганду среди учащейся молодежи, устраивать кружки самообразования и так наз. коммуны. Кружок стал издавать, в целях пропаганды, легальную литерат.

Вскоре **ЧАЙКОВЦЫ** рассеялись по всем фабричным центрам Петербурга и повели активную пропаганду среди рабочих, из которых выделились такие выдающиеся революционеры, как **ОБНОРСКИЙ, ПЕТЕРСОН** и др.

Находившиеся первоначально под влиянием идей Лаврова **ЧАЙКОВЦЫ** стали потом **БАКУНИСТАМИ** и были инициаторами **„ХОЖДЕНИЯ В НАРОД"**. Первыми ушли „в народ" **С. КРАВЧИНСКИЙ** и **Д. РОГАЧЕВ** в 1873 г.

ХОЖДЕНИЕ В НАРОД /1874 г./

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

МОСКОВСКИЙ КРУЖОК ЧАЙКОВЦЕВ 1873-74 г.

ТИПОГРАФИЯ МЫШКИНА

Н.И. МЫШКИН

Д. АИТОВ

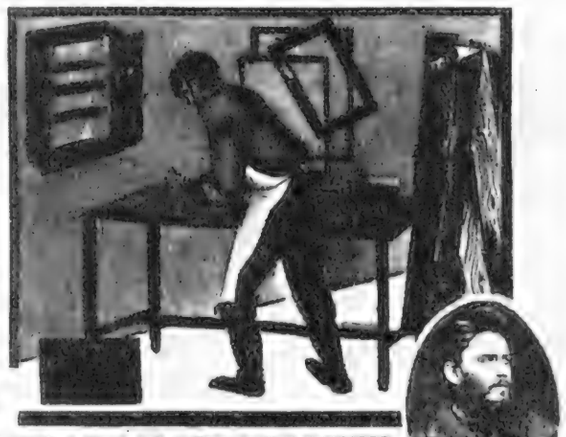
ИВАН СОЮЗОВ

ИМЕНИЕ ИВАНЧИН-ПИСАРЕВА

А.И. ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ

СТОЛЯРН. МАСТ. МОРОЗ

Н.А. МОРОЗОВ



ТОЛЯРНАЯ МАСТ. ФРОЛЕНКО

М. Ф. ФРОЛЕНКО

С. Ф. КОВАЛИК

Н.А. САБЛИН

Н.Д. СУББОТИНА

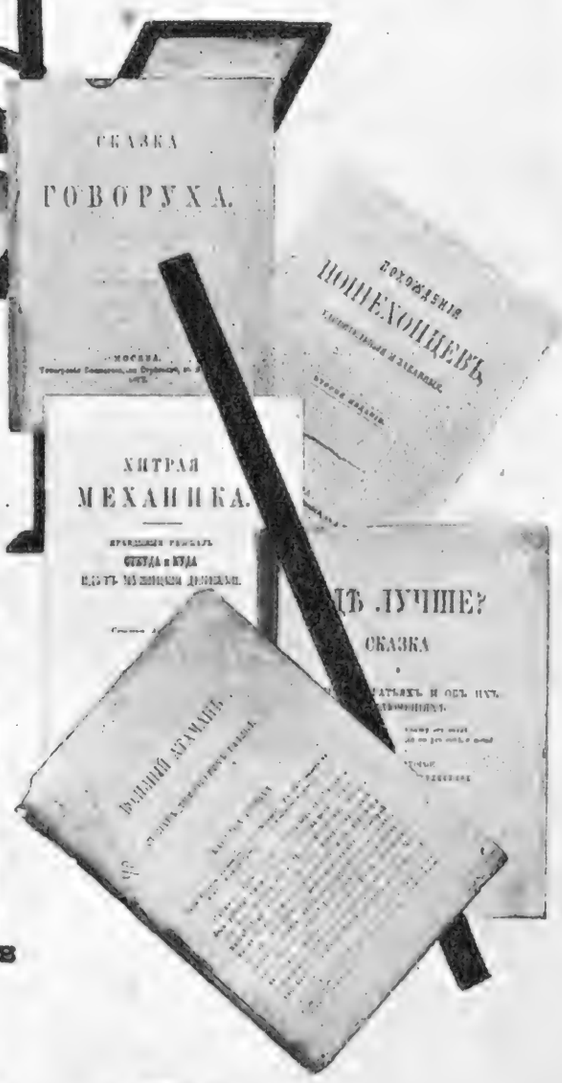
А. АРДАСЕНОВ

И.Ф. СЕЛИВАНОВ

И. ОЙНАРАЛЬСКИЙ

САПОЖНАЯ МАСТ. ВОЙНАРАЛЬСКОГО

А. ТИХОМИРОВ



И. ОХРЕМЕНКО

Е.Д. СУББОТИНА

А. ЗАРУДНЕВА

ГЛУШКОВ

К. В. АРКАДАКСКИЙ

Н.А. АРМФЕЛЬД

Н.А. АРМФЕЛЬД

Московская революц. молодёжь от теоретич. рассуждений о необходимости помочь народу выйти из его тяжелого положения перешла к практическому решению итти в народ. А также решила приступить к устройству мастерских, которые могли бы служить средством для сближения с рабочими. Первая столярн. мастерск. была открыта ФРОЛЕНКО. Войнаральский открыл башмачн. мастерск. Литература, распространяемая чайковцами, печаталась в типогр. МЫШКИНА, а частью в Женевской типогр. Большинство моск. чайковцев ушли в народ /Поволжье и Украину/ причем захватили с собой несколько рабочих, из которых выдавался ИВАН СОЮЗОВ. Н. МОРОЗОВ и Н. САБЛИН работали в Ярославской губ. в имении ИВАНЧИН-ПИСАРЕВА, который в целях пропаганды устроил кузницу, где и читалась революц. литерат. Уже к концу 1874 г. правительству удалось арест. большое число агитаторов пошедших в народ. Многие из них просидели до суда более 3-х

РАБ. Н. СОТР. КРЮЧКОВОЙ.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

Таблица 8. К главе I.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

1874 ВСЕРОССИЙСКАЯ 1878
СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ 50-ТИ.
ПРОЦЕСС

А·ФИГНЕР

ГРАЧЕВСКИЙ

„ЗАДАЧА КРЕСТЬЯНСТВА СОСТОИТ В ТОМ, ЧТОБЫ ОТ ПОМЕЩИКОВ-ЗЕМЛЮ В ОБЩИНУ ОТОБРАТЬ, А ГОРОДСКИХ ФАБРИЧНЫХ ДА ЗАВОДСКИХ РАБОТНИКОВ-ВСЕ МАСТЕРСКИЕ, ФАБРИКИ И ЗАВОДЫ В РАБОЧИЕ АРТЕЛИ ОТОБРАТЬ.

ИЗ ГАЗ. „РАБОТНИК"

П·АЛЕКСЕЕВ

С·БАРДИНА

ИВ.ВК

МОСКВА

ФАБРИКА 70-х г.г.

Г·ЗДАНОВИЧ

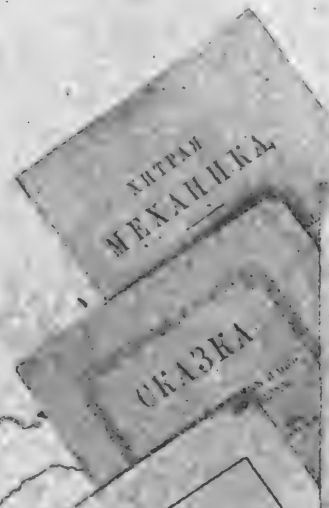
ЧЕКОНДЗЕ

КАК У ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ, ТАК И У РАБОТНИКОВ ГОРОДСКИХ ДЕЛО, СТАЛО БЫТЬ ОДНО, ХОТЯТ ОНИ ОДНОГО": ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ДОСТИГНУТЬ ЭТОЙ ЦЕЛИ НУЖНО ПРИНЯТЬСЯ ЗА ДЕЛО ВЕЛИКОЕ: РАЗРУШИТЬ ГОСУДАРСТВО РУССКОЕ И УСТРОИТЬ СВОЙ ВОЛЬНЫЙ СОЮЗ РАБОЧИХ ОБЩИН.

ИЗ ГАЗ. „РАБОТНИК"

Н·СУББОТИНА

В·ЛЮБАТОВИЧ



Е·СУББОТИНА

В·БАТЮШКОВА

ЦВИЛЕНЕВ

ДЖАБАДАРИ

О·ЛЮБАТОВИЧ

В·ГЕОРГИЕВСКИЙ

Н·ГЕОРГИЕВСКАЯ

А·ХОРЖЕВСКАЯ

ТЕПЕРЬ ВСЯКОМУ ЯСНО ДЛЯ КОГО МЫ ПЕЧАТАЕМ ГАЗЕТУ МЫ ХОТИМ ПО МЕРЕ СИЛ И ВОЗМОЖНОСТИ ПОЗНАКОМИТЬ РУССКИЙ РАБОЧИЙ ЛЮД С ЖИТЬЕМ-БЫТЬЕМ И ДЕЛАМИ РАБОЧИХ ДРУГИХ ХОЛМОВ: ХОТИМ ПОЗНАКОМИТЬ ИХ С ТЕМ ЧТО ДУМАЮТ ДРУГИЕ РАБОТНИКИ О СВОЕМ ГОРЬКОМ ПОЛОЖЕНИИ И КАКИМ СРЕДСТВОМ ХОТЯТ ВЫЙТИ ИЗ НЕГО. МЫ ПИШЕМ ГАЗЕТУ ДЛЯ РАБОТАЮЩЕГО НАРОДА РУССКОГО-ВОТ ПОЧЕМУ ОНА И НАЗЫВАЕТСЯ „РАБОТНИК"

ИЗ ГАЗ. „РАБОТНИК"

Е·ТУМАНОВА

ЛУКАШЕВИЧ

М·СУББОТИНА

В·АЛЕКСАНДРОВА

Г·ГЕЛЬФМАН

КАРДАШОВ

...ПОДНИМ ЕТСЯ МУСКУЛИСТАЯ РУКА МИЛЛИОНОВ РАБОЧЕГО ЛЮДА...
...И ЯРМО ДЕСПОТИЗМА ОГРАЖДЕННОЕ СОЛДАТСКИМИ ШТЫКАМИ РАЗЛЕТИТСЯ В ПРАХ...

В 1874-ГОДУ СРЕДИ РУССКИХ СТУДЕНТОВ И СТУДЕНТОК, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ШВЕЙЦАРИИ, ВОЗНИКЛА МЫСЛЬ СОЗДАТЬ ОРГАНИЗАЦИЮ ДЛЯ ПРОПАГАНДЫ СРЕДИ РУССКИХ РАБОЧИХ, А ЧЕРЕЗ НИХ И СРЕДИ КРЕСТЬЯН ИДЕИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ОБРАЗОВАЛАСЬ ГРУППА ЛИЦ В СОСТАВЕ С·БАРДИНОЙ, Е·ФИГНЕР, СЕСТЕР СУББОТИНЫХ ЧЕКОНДЗЕ, ДЖАБАДАРИ И ДРУГИХ. БАЗОЙ ДЛЯ СВОЕЙ РАБОТЫ РЕШИЛИ ВЗЯТЬ Г. МОСКВУ, СЧИТАЯ МОСКОВСКИХ РАБОЧИХ НАИБОЛЕЕ ВОСПРИИМЧИВЫМИ ДЛЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ. ПРИ ПРОЕЗДЕ ЧЕРЕЗ ПЕТЕРБУРГ ОНИ ВЗЯЛИ С СОБОЙ РАСПРОПАГАНДИРОВАННЫХ ЧАЙКОВЦАМИ РАБОЧИХ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВА, ВАСИЛИЯ ГРЯЗНОВА И РАБОЧЕГО ИНТЕЛЛИГЕНТА ГРАЧЕВСКОГО И ВМЕСТЕ С НИМИ НАЧАЛИ РАБОТАТЬ В МОСКВЕ, ПОСТУПИВ РАБОЧИМИ НА МОСКОВСКИЕ ФАБРИКИ. СВОЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ОНИ НАЗВАЛИ „ВСЕРОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ". ЭТА ГРУППА РАСПОЛАГАЛА БОЛЬШИМИ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ И БОЛЬШИМ КОЛИЧЕСТВОМ ОТПЕЧАТАННОЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СРЕДИ МОСКОВСКИХ РАБОЧИХ ОНИ ИМЕЛИ БОЛЬШОЙ УСПЕХ. НО ВСКОРЕ, МЕСЯЦЕВ ЧЕРЕЗ 4-5 ПОСЛЕ НАЧАЛА РАБОТЫ, В АПРЕЛЕ 1875 Г. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОТЕРПЕЛА БОЛЬШОЙ УРОН-БЫЛО АРЕСТОВАНО ПО ДОНОСУ ДЕВЯТЬ САМЫХ ЭНЕРГИЧНЫХ РАБОТНИКОВ. НО РАБОТА ПРОДОЛЖАЛАСЬ И БЫЛА ПЕРЕНЕСЕНА В РЯД НОВЫХ МЕСТ: В НИЖНЕВО-ВОЗНЕСЕНСК, ТУЛУ, КИЕВ, ОДЕССУ, ВОРОНЕЖ. НО РАБОТА ПРОДОЛЖАЛАСЬ НЕ ДОЛГО. ПОСЛЕДОВАЛ РЯД ПРОВАЛОВ В АВГУСТЕ, СЕНТЯБРЕ, ДЕКАБРЕ 1875 г. И ОРГАНИЗАЦИЯ БЫЛА ЛИКВИДИРОВАНА.

ГРУППА БЫЛА ПРЕДАНА СУДУ. СОЗДАН БЫЛ СИЛЬНО НАШУМЕВШИЙ В СВОЕ ВРЕМЯ „ПРОЦЕСС 50-ти". ВО ВРЕМЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ЯВЛЯЮЩИЕМИ БЫЛИ ПРОИЗНЕСЕНЫ РЕЧИ. ИЗ НИХ НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ РЕЧИ П·АЛЕКСЕЕВА И С·БАРДИНОЙ.

ПРОПАГАНДА ЭТОЙ ГРУППЫ НЕСМОТРЯ НА КРАТКОВРЕМЕННОСТЬ ЕЕ, ОСТАВИЛА БОЛЬШИЕ СЛЕДЫ СРЕДИ РАБОЧИХ МОСКОВСКОГО РАЙОНА.

ПО ИНИЦИАТИВЕ ЭТОЙ ЖЕ ГРУППЫ ВОЗНИКЛА ЗА ГРАНИЦЕЙ ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ГАЗЕТА ДЛЯ РАБОЧИХ. ТО БЫЛ ВЫХОДИВШИЙ В ЖЕНЕВЕ В 1875-76 г.г. „РАБОТНИК" / ВЫШЛО 16 НОМЕРОВ /

СМОЛКЛИ ЧЕСТНЫЕ, ДОБЛЕСТНО ПАВШИЕ;
СМОЛКЛИ ИХ ГОЛОСА ОДНОКИЕ.
ЗА НЕСЧАСТНЫЙ НАРОД ВОПИЯВШИЕ:
НО РАЗНУЗДАННЫ СТРАСТИ ЖЕСТОКИЕ!
ВИХОРЬ ЗЛОБЫ И БЕШЕНСТВА НОСИТСЯ.
НАД ТОБОЮ, СТРАНА БЕЗОТВЕТНАЯ.
ВСЕ ЖИВОЕ, ВСЕ ЧЕСТНОЕ КОСИТСЯ...
ТОЛЬКО СЛЫШНО, В НОЧЬ БЕСПРОСВЕТНАЯ,
СРЕДИ МРАКА, ТОБОЙ РАЗЛИТОГО,
КАК ВРАГИ, ТОРЖЕСТВУЯ, СКЛИКАЮТСЯ...
КАК НА ТРУП ВЕЛИКАНА УБИТОГО
КРОВОЖАДНЫХ ПТИЦЫ СЛЕТАЮТСЯ.
ЯДОВИТЫЕ ГАДЫ СПОЛЗАЮТСЯ!

ЭТИ СТИХИ ПРОНИКНУТЫ ГЛУБОКОЙ ИСКРЕННЕЙШЕЙ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ ОДНОГО ИЗ 50-ТИ П. АЛЕКСЕЕВА, ИСПРАВЛЯВШЕГО В ТЮРЬМЕ

СОСТ. НАУЧН. СОТР. А.Л. КРИЧЕВСКАЯ

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

В 1876 г. в Петербурге, когда петербургский кружок, состоявший из М. А. Натансона и О. А. Натансон, из Алексея Оболешева, Ал-дра Михайлова и др., слился с харьковским ростовским и другими провинциальными кружками, возникло тайное общество «Земля и Воля». Была выработана программа общества и устав. Целью тайного общества было вызвать восстание, сначала местное, а затем и общее, с лозунгом «Земля и Воля». Восстание предполагалось организовать при помощи «поселений» в народе. В основу устава о-ва положен был принцип централизации с «основным кружком» в центре. Под влиянием репрессий со стороны правительства общество встало вскоре на путь террористических актов (покушение В. Засулич на Трепова 24 января 1878 г. и др.), что привело сначала к разногласиям в «Земле и Воле», а затем к расколу его осенью 1879 г. на две партии: «Народную Волю» и «Черный Передел». Обществом «Земля и Воля» было издано 5 №№ журнала под тем же названием и 6 №№ «Листка Земли и Воли».

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

—ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ— ПАРТИИ -НАРОДНОЙ ВОЛИ- 1879— —1882г.

ФИГНЕР В.Н.

МОРОЗОВ Н.А.

МИХАЙЛОВ А.Д.

ЖЕЛЯБОВ А.Н.

ТРИГОНИ М.Н.

ЗУНДЕЛЕВИЧ А.Н.

ГРАЧЕВСКИЙ М.Ф.

ФРОЛЕНКО М.Ф.

ИСАЕВ Г.П.

КВЯТКОВСКИЙ А.А.

ПЕРОВСКАЯ С.Л.

СУХАНОВ Н.Е.

ХАЛТУРИН С.

ШИРЯЕВ С.А.

ОШАНИНА М.Н.

ЛЕБЕДЕВА Т.И.

ЛАНГАНС М.Р.

ТЕЛЯЛОВ П.А.

ЯКИМОВА А.В.

«СНЯТЬ С НАРОДА ПОДАВЛЯЮЩИЙ ЕГО ГНЕТ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРОИЗВЕСТИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ»

Подчиняясь вполне народной воле, мы тем не менее, как партия сочтем долгом явиться пред народом со своей программой. Ее мы будем пропагандировать до переворота, ее мы будем рекомендовать во время избирательной агитации, ее мы будем защищать в Учредительном Собрании.

Эта программа следующая:

1/ постоянное народное представительство, составленное, как выше сказано, и имеющее полную власть во всех общегосударственных вопросах;

2/ широкое областное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей, самостоятельностью всех должностных и экономической независимостью народа;

3/ самостоятельность мира, как экономической и административной единицы;

4/ принадлежность земли народу;

5/ система мер, имеющих передать в руки рабочих все заводы и фабрики;

6/ полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и избирательной агитации;

7/ всеобщее избирательное право без сословных и имущественных ограничений;

8/ замена постоянной армии территориальной.

Из программы исполнительного комитета.

Партия „Народная Воля" возникла вскоре после Воронежского Съезда членов партии „Земли и Воли", осенью 1879 г. В основе своей программы она оставила прежние народнические принципы, но в то же время она считала необходимым взять в свои руки борьбу с деспотизмом для того, чтобы добиться установления в России таких политических форм, при которых стала бы возможной идейная борьба. Способом для достижения этих реформ были признаны - террор и захват власти с целью передачи ее свободно избранному и выражающему волю народа Учредительному Собранию. Во главе партии стоял Исполнительный Комитет руководивший ее работой. С самого же начала своего существования Исполнительный Комитет постановил своей задачей убийство царя Александра II. После целого ряда неудачных покушений Александр II был убит 1-го марта 1881 г. Исполнительный Комитет рассчитывал что цареубийство нас только расшатает государственную власть, что заставит правительство пойти на уступки. Однако после 1-го марта 1881 г. и последовавшего за ним полицейского разгрома организации - реакция только усилась, обнаруживая несостоятельность надежд, возлагавшихся на цареубийство террористами. Последовавшее в 1883 году предательство видного члена партии Дегаева и ряд провалов привели партию „Народная Воля" к гибели.

За время своего существования партия широко развила издательскую деятельность. Ею было издано 11 номеров журнала „Народная Воля" 7 номеров „Листков Народной Воли" 6 номеров „Рабочей Газеты" и ряд прокламаций и воззваний. За границей вышло 5 №№ журнала „Вестник Народной Воли" и ряд других изданий.

„Народная Воля" опиралась на разночинную интеллигенцию, ей сочувствовали либеральные слои. Пыталась она организовывать и кружки среди рабочих, но ей не удалось создать массовой классовой рабочей организации, она не имела корней в народной массе, отсюда и ее неудачи и ее разгром.

КОРБА

БОГДАНОВИЧ Ю.К.

ТИХОМИРОВ А.

СТЕФАНОВИЧ Я.В.

БАРАННИКОВ А.Н.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ.

1879 — 1881 г.

„Земля и Воля" попрежнему останет-ся нашим практическим боевым девизом, так-как эти два слова наиболее полно и широко выражают народные потребности, стремления и идеалы.

из ст. от редакции Черного Передела № 1.

Личности гибнут, но революционная энергия единиц пере-ходит сначала толь-ко в оппозиционную, а за-тем мало по малу в рево-люционную энергию масс. В этом заключается весь смысл борьбы.

Плеханов.

М. ПОПОВ.

В. ЗАСУЛИЧ.

Я. Н. КОВАЛЬСКАЯ.

Я. СТЕФАНОВИЧ.

Л. ГАРТМАН.

В. ИГНАТОВ.

Л. Г. ДЕЙЧ.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

ПРОПАГАНДА В ДЕРЕВНЕ.

ТИПОГРАФИЯ

ПРЕДАТЕЛЬ ТИПОГРАФИИ ЖАРКОВ

П. Б. АКСЕЛЬРОД.

Н. П. ЩЕДРИН

„Мы признаем социа-лизм последним словом науки о человеческом обществе и в силу этого считаем тор-жество коллективизма в области владения и труда альфой и омегой прогресса в экономическом строе общества.

из ст. Плеханов.

П. В. ПРИХОДЬКО-ТЕСЛЕНКО

Ю. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Е. ШЕВЫРЕВА.

П. АПТЕКМАН.

После раздела „З. и В." часть народников не разделя-ших взгляды народовольцев, образовали новое общество землевольцев, или как они назывались по имени своего органа "Черный Передел", - черно-передельцев. В основном программа группы оставалась старой, практически работы чернопередельцы развернуть не успели, кроме кратко-временной пропаганды в деревне.

Группа "Черного передела" была недолговечна.

Уже в начале 1880 г. Плеханов, Стефанович и Дейч должны были покинуть Россию, а 22 [illegible] предатель Жарков, выдал типографию "Черного передела", и в тюрьму, а затем и в Сибирь попали М. Крылов, Приходько-Тесленко и Пьянков. Затем был арестован Аптекман и др. чернопередельцы. Причины неудач "Черного передела" конспирации заключались в том-же, в чем заключались они и для народничества вообще.

Но была одна еще важная причина, это тот экономический кризис, который переживали основатели группы, - постепенная эволюция их взглядов в сторону научного социализма.

О. НИКОЛАЕВ

* Издано было S. N. N. Черного Передела

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

Северно-русский рабочий Союз возник в Петербурге в конце 1878 г. Организаторами его были Ст. Халтурин и В. Обнорский. Основание Союза было попыткой создания чисто рабочей организации, противопоставленной организациям интеллигенции. Союз имел значительный успех. За короткое время число членов его дошло до 200 человек. Однако предательство в среде Союза привело к аресту налаженной подпольной типографии и ряда активных работников. В начале 1880 года Союз распался. Руководитель его Ст. Халтурин ушел в террор, организовав знаменитый взрыв Зимнего дворца. Позднее Халтурин принял участие в убийстве в Одессе прокурора Стрельникова, за что был 22 марта 1882 г. казнен через повешение.

ЮЖНО-РУССКИЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ 1880-81 г.г.

Союз был основан в 1880 в Киеве чернопередельцами Ковальской и Щедриным. Союз пользовался большой популярностью среди киевских рабочих, но просуществовал недолго. В октябре 1880 г. были арестованы Ковальская и Щедрин, а в 1881 г.—другие руководители союза. За время своего существования союз издал ряд прокламаций к рабочим и крестьянам.

Е.Н.Ковальская

Н.П.Щедрин

Преображенский

П.Иванов

И.Н.Кашинцев

С.Богомолец

А.Доллер

В.Кизер

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

МОРОЗОВСКАЯ СТАЧКА.

Морозовская стачка, состоявшаяся на огромной фабрике Тимофея Морозова в Орехово-Зуеве в 1885 г., была организована Петром Анисимовичем Мосеенком и Василием Сергеевичем Волковым. В стачке приняло участие до 8000 человек. В результате происшедшего столкновения между войсками, казаками и рабочими было арестовано и выслано в административном порядке несколько сот человек на родину. Арестованы были и руководители стачки Волков, Мосеенок и др. Дело о стачке разбиралось в суде 2 раза, при чем при вторичном разборе присяжные вынесли по 101 пункту обвинения оправдательный приговор. Несмотря на это, подсудимые во главе с П. Мосеенком были высланы в административном порядке. Стачка и главным образом процесс морозовских стачечников имели колоссальное значение для рабочего движения.

П. А. Мосеенок.

Рабочий-текстильщик. Активный член Северно русского Рабочего Союза. В 1879 г. арестован в связи со стачкой на Ново-Бумагопрядильной фабрике и сослан в Восточную Сибирь. Возвратившись в 1883 г. в Россию, поступил на фабрику Морозова, где организовал в 1885 г. знаменитую стачку. После Орехова-Зуева ссылается в административном порядке. Умер в 1923 г. Последние годы провел в доме ветеранов революции имени Ильича, на Шаболовке в Москве.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРУППЫ „ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА" 1883-1903 г.г.

ПАРТИЯ „ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ" 1876-1879

ПАРТИЯ „НАРОДНАЯ ВОЛЯ" 1879-1883

ПАРТИЯ „ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ" 1880-1882

ПОПЫТКА СБЛИЖЕНИЯ С НАРОДОВОЛЬЦАМИ 1882-83

■ЦЮРИХ

ГРУППА „ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА"

ЗАСУЛИЧ.В.И.

Г.В.ПЛЕХАНОВ

П.Б.АКСЕЛЬРОД

ИГНАТОВ.В.Н.

ДЕЙЧ.Л.Г

1883-1903

ШВЕЙЦАРИЯ

■ЖЕНЕВА

ВОЗНИКЛА В СЕНТЯБРЕ 1883 ГОДА

РУССКИЙ СОЦ-ДЕМ. СОЮЗ

ГР. „ОСВ. ТРУДА"

1898

СОЮЗ РУССКИХ СОЦ-ДЕМ.

ГР. „ОСВ. ТРУДА"

1903

НА 1-М С'ЕЗДЕ ПАРТИИ СОЮЗ Р.С-Д. ПРИЗНАН ЗАГРАНИЧНОЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ПАРТИИ.

I С'ЕЗД СОЮЗА РУС.СОЦ-ДЕМ.(весна 1898)
(ПОБЕДА „ЭКОНОМИСТОВ" ОТНАЗ ГР. „ОСВ. ТРУДА" ОТ РЕДАКТИРОВАНИЯ ИЗДАНИЙ СОЮЗА)

II С'ЕЗД СОЮЗА РУС. СОЦ-ДЕМ.(апрель 1900)
(РАСКОЛ СОЮЗА)

ЗАРЯ

ИСКРА

ЗАГРАНИЧНЫЙ ОТДЕЛ ГАЗЕТЫ „ИСКРА" И ЖУРНАЛА „ЗАРЯ"

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОРГ. СОЦ-ДЕМ.

ГР. „ОСВ. ТР."

СОЮЗ РУССКИХ СОЦ.-ДЕМ.

(МЕСТНЫЕ КРУЖКИ, ИЗДАЮЩИЕ ЛИСТКИ, ТОВАРИЩ)

КОНФЕРЕНЦИЯ СОЮЗА РС-Д., РЕВ. ОРГ. СОЦ-ДЕМ. и ЗАГР. ОТД. „ИСКРЫ" и „ЗАРИ" 4-5 ОКТ. 1901г. (СОВЕЩАНИЕ НЕ СОСТОЯЛОСЬ)

ЗАГРАНИЧНЫЙ ОТДЕЛ РУС. СОЦ-ДЕМ.

ГР. „ОСВ. ТР."

III С'ЕЗД СОЮЗА РУС. СОЦ-ДЕМ.(апрель 1903)
(РАСКОЛ „СОЮЗА)

ПОБЕДА „ИСКРОВЦЕВ"

II-Й С'ЕЗД Р.С.-Д.Р.П. АВГУСТ 1903г. БРЮССЕЛЬ - ЛОНДОН.

РАЗДЕЛЕНИЕ „ИСКРОВЦЕВ" НА БОЛЬШЕВИКОВ И МЕНЬШЕВИКОВ

РОСПУСК ГРУППЫ „ОСВ. ТРУДА"

■ПЕТЕРБУРГ
ГРУППА БЛАГОЕВА 1883-1887
ГРУППА БРУСНЕВА 1889-1892
„СОЮЗ БОРЬБЫ 1895-1898

■Н-НОВГОРОД

■МОСКВА
МОСК. РАБ. СОЮЗ 1895-98

■ВИЛЬНО
БУНД

■МИНСК 1898
I-ЫЙ С'ЕЗД Р.С.-Д.Р.П.

■ВАРШАВА

■КИЕВ
КИЕВСКИЙ СОЮЗ БОРЬБЫ 1896-98

КОМИТЕТЫ Р.С.-Д.Р.П. В РОССИИ

ГРУППА „ЮЖНЫЙ РАБОЧИЙ"

■ЕКАТЕРИНОСЛАВ
ЕКАТ. СОЮЗ. БОРЬБЫ

Первой группой русских революционеров, ставшей на почву МАРКСИЗМА, была Группа „Освобождение Труда", образовавшаяся в сентябре 1883г. в Швейцарии. В нее входили бывшие чернопередельцы: Г.В.ПЛЕХАНОВ, П.Б.АКСЕЛЬРОД, В.И.ЗАСУЛИЧ, Л.Г.ДЕЙЧ и В.Н.ИГНАТОВ.

Группа „Осв. Труда" вела полемику с НАРОДОВОЛЬЦАМИ (произведения Г.Плеханова „Социализм и полит. борьба", „Наши разногласия" и др.), ИЗДАВАЯ МАРКСИСТСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В РОССИИ. Связи группы с Россией были слабы.

В 1888г. Группа положила основание заграничному „Русскому Соц.-Дем. союзу", который в 1895г. реорганизовался в „Заграничный Союз русских с.-д."

Группа „Освобождение Труда" вела борьбу с ЭКОНОМИСТАМИ", которые к концу 90-х г.г. преобладали в „Заграничном Союзе русских с.-д."

В 1900г. Группа „Освобождение Труда" вышла из „Союза" и создала „Революционную организацию Социал-демократ" которая в 1901г. объединилась с „Заграничным отделом „Искры" и „Зари" в „Заграничную Лигу революционной социал-демократии". Члены Группы вошли в состав редакции „Искры" и „Зари".

После II-го с'езда партии, Группа „Освобождение Труда" прекратила свое существование.

Группа „ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА" ВРУЧИЛА РУССКОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ ЗНАМЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО МАРКСИЗМА И В ТЕЧЕНИИ 20 ЛЕТ ТВЕРДО СТОЯЛА НА БОЕВОМ ПОСТУ.

В ЭТОМ ЕЕ БЕССМЕРТНАЯ ЗАСЛУГА.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

ОТ ГРУППЫ БЛАГОЕВА К „СОЮЗУ БОРЬБЫ“

ГРУППА БЛАГОЕВА
(ПАРТИЯ РУССКИХ СОЦ. ДЕМ.)

В.Г.ХАРИТОНОВ

Д.И.БЛАГОЕВ

В.А.КУГУШЕВ

Н.Е. БОРОДИН

Г.С.ХАЛТИН

1883–1887 г.г.

КРУЖОК П.Л.ТОЧИССКОГО

Е.А.ДАНИЛОВА

П.Л.ТОЧИССКИЙ

1885–1888 г.г.

Ф.АФАНАСЬЕВ

Е.АФАНАСЬЕВ(БУБНОВ)

З.ЯРОШИН

ОРГАНИЗАЦИЯ БРУСНЕВА

В.С.ГОЛУБЕВ

М.И.БРУСНЕВ

Н.Д. БЕГДАНОВ

Л.Б.КРАСИН

Г.Б.КРАСИН

И.И.КЕЙЗЕР

В.А.ШЕЛГУНОВ

М. ФИШЕР

К. ЮРИНСКИЙ

1888–1892 г.г.

К. Норинский. Фишер. В. А. Шелгунов.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ КРУЖКИ 80-х — 90-х годов.

Рабочие социал-демократы.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ КРУЖКИ 80-х — 90-х годов.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ КРУЖКИ 80-х — 90-х годов.

1-й САМАРСКИЙ С-Д КРУЖОК

1889 1893

И.Х.ЛАЛАЯНЦ

В.И.УЛЬЯНОВ

СКЛЯРЕНКО

ВЕРХНИЙ РЯД:
ЮЛЬЧИКЕР
М.Г.ГРИГОРЬЕВ
Н.П.ПОДБЕЛЬСКИЙ
Е.ЧИРИКОВ

НИЖНИЙ РЯД:
П.П.МАСЛОВ
В.Г.ЧИРИКОВА
А.К.КЛАФТОН
Р.Э.ЦИММЕРМАН

ГРУППА „САМАРСКОГО ВЕСТНИКА"
1895-1897

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ КРУЖКИ 80-х — 90-х годов.

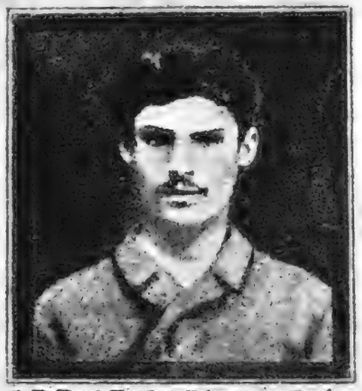
Киевский соц.-дем. кружок (Абрамовича) 1889 г.

ШЛЕМА ЛЕЙБА БЕРКОВИЧ.
ТИПОГРАФСКИЙ РАБОЧИЙ. ПРИГОВОРЕН К 1 г. ТЮРЬМЫ И 3 г. ССЫЛКИ В В. СИБИРЬ.
[С ФОТОГРАФИИ 9/V 1891 г. БУТЫРКИ]

ЭМИЛЬ АБРАМОВИЧ АБРАМОВИЧ.
ВРАЧ. В 1889 г. ВЕЛ РЕВОЛЮЦ. ПРОПАГАНДУ В МИНСКЕ. ОРГАНИЗАТОР С.-Д. КРУЖКА В КИЕВЕ В 1889 г. ПРИГОВОРЕН К 2½ ГОДАМ ТЮРЬМЫ И 4 г. В СИБИРИ. УМЕР В 1920 г. [С ФОТОГРАФИИ 1889 г.]

ИЗРАИЛЬ ГОЛОМБ.
НАБОРЩИК. [С ФОТОГРАФИИ 1889 ГОДА]

АФАНАСИЙ ГОРБ.
СТУДЕНТ. ОТДАН ПОД НАДЗОР ПОЛИЦИИ НА 3 г.
[С ФОТОГРАФИИ 1889 г.]



ДАВИД ГЕЛЬПЕРН.
НАБОРЩИК. ПРИГОВОРЕН К ТЮРЕМН. ЗАКЛЮЧЕН НА 8 МЕС.
[С ФОТОГР. 1889 г.]

АНТОН ФЛЕРОВ.
СТУДЕНТ. ОТДАН ПОД НАДЗОР ПОЛИЦИИ НА 3 г.
[С ФОТОГРАФИИ 1889 ГОДА]

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ КРУЖКИ 80-х — 90-х годов.

Харьковский соц.-дем. кружок 1888 г.

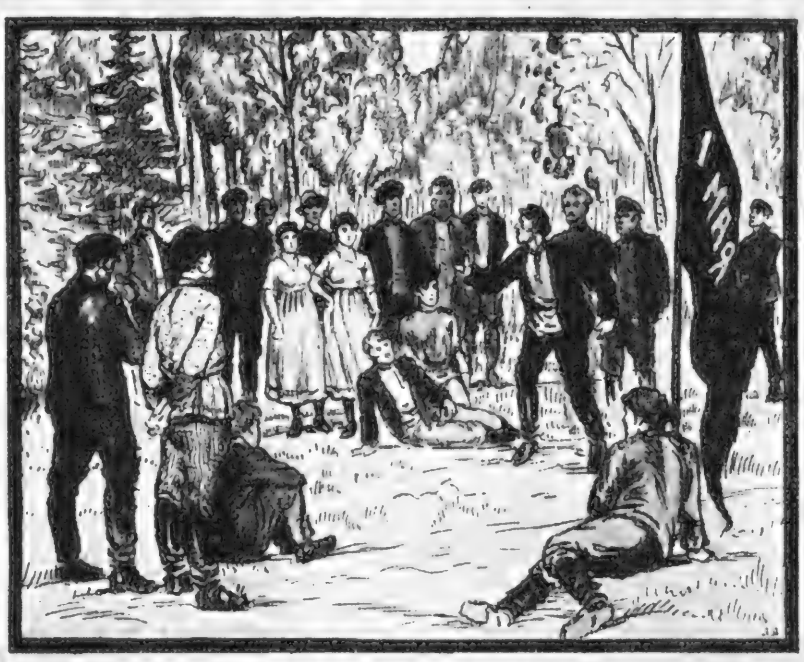
Соц.-демократы, работавшие в Одессе.

Д. Б. Рязанов.

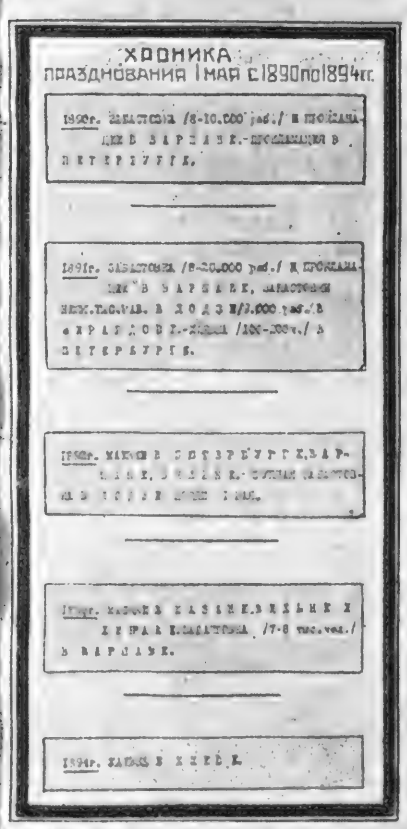
Ю. М. Стеклов.

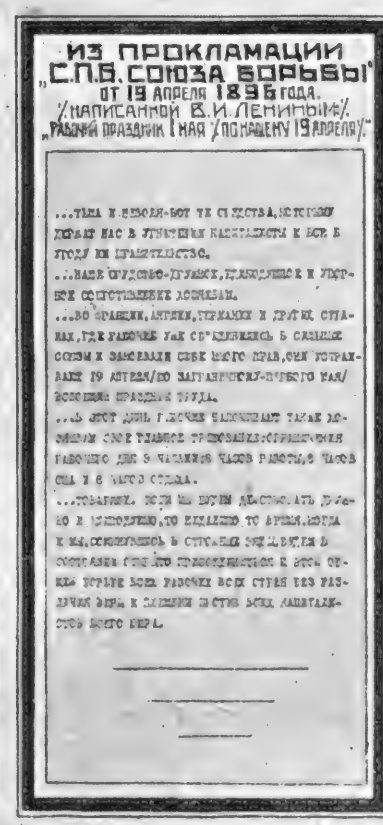
Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

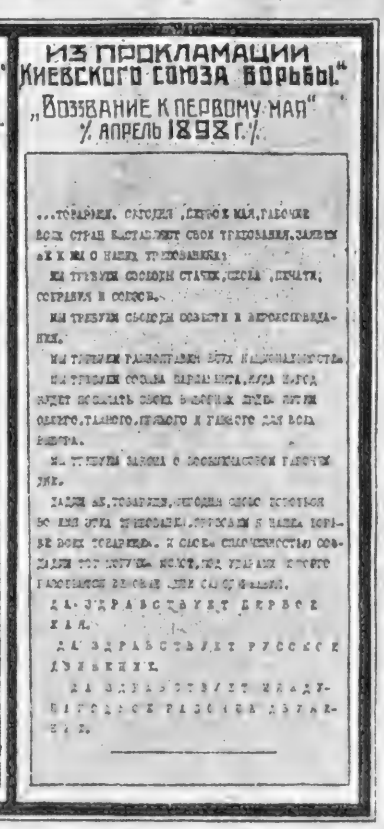
ПРАЗДНОВАНИЕ 1-го МАЯ В 90-х Г.Г.

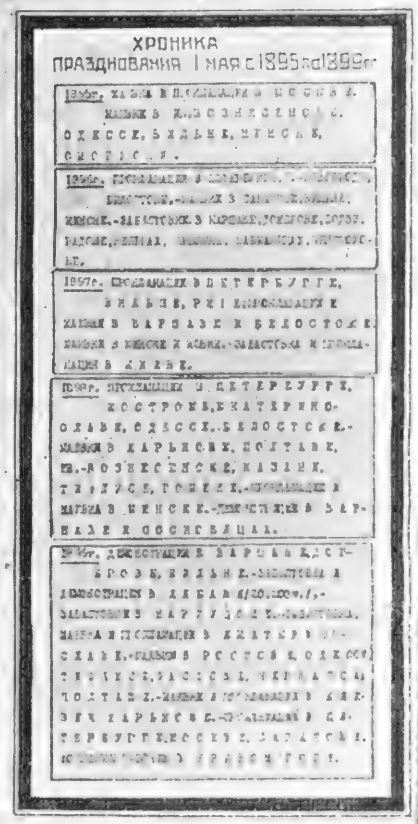


МАЕВКА В ЛЕСУ.









Русские рабочие впервые приняли участие во всемирном празднике пролетариата в 1891 г. Русская с.-д. была тогда маленькими кружками единомышленников и в первомайском празднестве могли принять участие лишь десятки передовых рабочих. Уже через 5 лет получилась другая картина. Полоса кружковщины сменяется эпохой массовой агитации. Расширялось и участие рабочих в первомайском празднике. К началу 90-х годов движение делает огромный шаг вперед. В 1901 г. в Петербурге и в ряде других городов происходят крупные первомайские забастовки. В одном Петербурге состоялось 12 стачек, охвативших 14.300 рабочих, а по всей России число стачек (это по официальным данным) достигло 120.

НАРОДНО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПАРТИЯ „НАРОДНОГО ПРАВА“

ОРЛОВСКО-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГРУППА 1893-1894 г. МОСКОВСКАЯ ГРУППА

Н.К.МИХАЙЛОВСКИЙ

О.В.АПТЕКМАН

А.ГЕДЕОНОВСКИЙ

М.ТЮТЧЕВ

М.А.НАТАНСОН

А.И.МАКСИМОВ

В.М.ЧЕРНОВ

Е.Н.ЯКОВЛЕВ

В.А.НАТАНСОН

АВТОР „НАСУЩНОГО ВОПРОСА“ А.БОГДАНОВ.

ТЮТЧЕВА

Н.И.ФЛЕРОВ

СМОЛЕНСКАЯ ГРУППА /РАБОТНИКИ ТИПОГРАФИИ/

ЛЕЖАВА

АЛЕКСАНДРОВА(ЛЕЖАВА)

М.МАНЦЕВИЧ

Н.ФОНЯКОВА

ЖЕРЯКОВА

ГЕНРИХ КЛИНГ

И.Н.ЛЬВОВ

ТРОИЦКАЯ

М.А.РОМАС

С.Ц.СОТНИКОВ

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве

ПЕТЕРБУРГСКИЙ „СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА“
1894–1898

РУКОВОДИТЕЛИ СОЮЗА БОРЬБЫ“ в 1896–1897 гг.

Радченко С.И.

Потресов Александр Никол. литератор

Крупская Н.К.

Якубова А.А.

Гольдман-Горев Борис Исаакович студент

Катин-Ярцев В.Н.

Тахтарев Константин Мих.

Сяк Карл рабочий

ГРУППА ТАХТАРЕВА ВОШЛА В СОЮЗ с 1896 г.

Тахтарев К.М. студент

ГРУППА „СТАРИКОВ“ ОСНОВАТЕЛЕЙ „СОЮЗА БОРЬБЫ“

Радченко Степан Иванов. инженер

Сильвин Михаил Александрович студент

Невзорова Зинаида Павловна курсистка

ЦЕНТРАЛЬН. ЯДРО ОРГАНИЗАЦИИ „СТАРИКОВ“ С ОСЕНИ ПО 8-Е ДЕКАБРЯ 1895 г.

Крупская Надежда Константин. учительница

Радченко Любовь Ник. акушерка

Ляховский Яков Моисеевич врач

Якубова Аполлинария Алексан. курсистка

ГРУППА МОЛОДЫХ ВОШЛА В СОЮЗ с 1896 г.

Митров Василий Ильич студент

Ленгник Фридрих Вильгельм.

Богатырев Евгений Георгиевич инженер

Чернышев Илларион Васильевич инженер

Шляпоялов А.И.

Шелгунов Василий Андреевич

Бабушкин Иван Васильевич

Зиновьев Борис Иванович

Карамышев Петр Иванович

ВЫДАЮЩИЕСЯ РАБОЧИЕ — ЧЛЕНЫ „СОЮЗА БОРЬБЫ“ с 1895 г.

ОТ КРУЖКОВЩИНЫ К МАССОВОЙ АГИТАЦИИ

Петербургский „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“ организовался фактически еще зимой 1894–1895 г.г., но название свое принял лишь в декабре 1895 г., уже после ареста своего основного ядра во главе с *В.И. Лениным*.

Союз борьбы“ ставил своей задачей непосредственную **АГИТАЦИЮ** среди рабочих фабрик и заводов на почве их насущных интересов и требований, заменив этой тактикой господствовавшую до того систему **КРУЖКОВЫХ ЗАНЯТИЙ** с наиболее толковыми рабочими.

Эта агитация совпала с массовым стачечным движением, вызванным нестерпимыми условиями труда и захватившим до 40000 рабочих (летние стачки ткачей в 1896 г.)

„Союз борьбы“ руководил этим движением, развив необычайную деятельность и завязав на этой почве связи с рабочей массой, которые послужили основой всей дальнейшей работы революционных социал-демократов в Петербурге.

КАНДИДАТЫ В ЧЛЕНЫ ЦЕНТРАЛЬН. ЯДРА

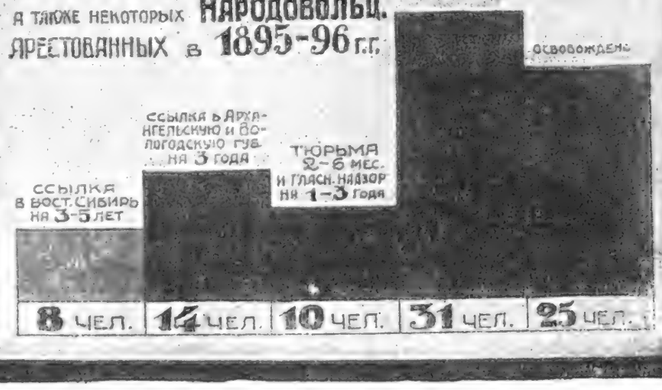
Гурвич-Дан. Федор Ильич врач

Лурье Аарон Лавлов инженер

Гольдман-Горев Б.И.

Смидович Инна Гермогеновна курсистка

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ ЧЛЕНОВ „СОЮЗА БОРЬБЫ“ А ТАКЖЕ НЕКОТОРЫХ НАРОДОВОЛЬЦ. АРЕСТОВАННЫХ В 1895–96 г.г.



Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

Организация Бруснева 1891-1892

С.Райчин

М.Бруснев

Ф. Афанасьев

П.Кашинский

Московский Рабочий Союз 1893 1897

Кружок Круковского 1892-1893

В.Ванновский

Г.Круковский

Г.Мандельштам

А.Розанов

Р.Наумов

И.Давыдов

Е.Яньев

Поляков

Карпузи

Бойе

Бойе

Хозецкий

Немчинов

П.Дурново

М.Левит

А.Кирпичников

Колчин

А.Ганшин

Мокроусова

А.Биронт

Е.Спонти

С.И.Мицкевич

М.Н.Лядов

Калафатти

М.Петров

А.Рязанов

В.Мясленников

Чекеруль-Куш

Е.Петрова

С.Муралова

А.Смирнова

П.И.Винокурова

А.Н.Винокуров

Е.И.Прокофьев

1895-1896

Руководящая шестерка 1893-94 г.

Комитет Московского Рабочего Союза 1896--1897

В. Воровский

К. Батурин

Дубровинский

Группа Колокольникова

П. Колокольников К. Величкина В. Мягков В. Суходольская
Солодовников А. Рума Н. Величкин Б. Кварцов

Колокольников

Зернов

И. Михаев

И. Гаврилов

Владимирский

Перазич /солдатка/

Величкина

Бонч-Бруевич

А.Ванновский

В. Ванновский

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

1-й С'езд Российской Социал-Демократическ. Рабочей Партии
Минск
1898 г.

Ст. И. Радченко
от Петерб. Союза Борьбы

Б. Л. Эйдельман
от группы „Рабочей Газеты"

А. Кремер
от Бунда

П. Тучапский
от Киевского Союза Борьбы

Дом в котором заседал с'езд

Н. А. Вигдорчик
от группы „Рабочей Газеты"

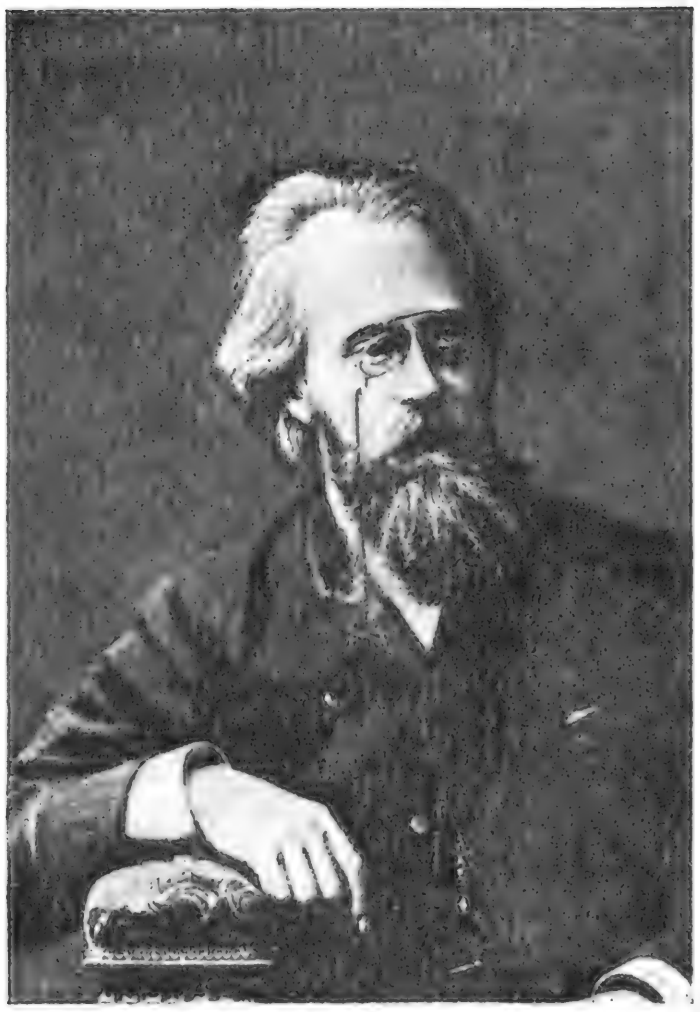
К. А. Петрусевич
от Екатериносл. Союза Борьбы

А. Ванновский
от Московского Союза Борьбы

Мутник (Глеб)
от Бунда

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

КРУПНЕЙШИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАРОДНИЧЕСТВА



Н. К. Михайловский

1842 — 1904 г.г.

Виднейший теоретик народничества периода упадка. Примыкал к народовольцам, составляя и редактируя их издания, был автором «Письма Исполнительного К-та к Александру III». Вел ожесточенную полемику с марксистами с начала 90-х годов и до смерти. В последние годы был близок к с.-р., которые считают его одним из основоположников их партии. Из школы Михайловского вышли многие н.-с., члены редакции «Русского Богатства» и с.-р. (Чернов и др.)

Портрета нет.

Н. Ф. Даниельсон. (Псевдоним — Н—он).

Писатель-экономист 80-х—90-х годов. В 1883 г. издал книгу «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», которая вместе с работами В. В. служила главным экономическим обоснованием народничества. Н—он—один из первых переводчиков «Капитала» Маркса.

Портрета нет.

В. П. Воронцов. (Псевдоним — В. В.).

Сотрудник всех руководящих органов народничества от лавровского «Вперед» до «Русского Богатства» Михайловского. Решительно выступал против марксистов и был объектом критических статей чуть ли не всех первых марксистов в России. Систематическую критику взглядов В. В. дал Плеханов в своем сочинении «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова». Владимир Ильич также уделял много внимания критике взглядов В. В. (См. II том собр. соч.)

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

. Въ классъ рабочихъ и обращаетъ соціалъ-демократъ все свое вниманіе и всю свою дѣятельность. Когда передовые представители его усвоятъ идеи научнаго соціализма, идею объ исторической роли русскаго рабочаго, когда эти идеи получатъ широкое распространеніе и среди рабочихъ создадутся прочныя организаціи, преобразующія теоретическую разрозненную экономическую войну рабочихъ въ сознательную классовую борьбу, - тогда русскій **РАБОЧІЙ**, поднявшись во главѣ всѣхъ демократическихъ элементовъ, свалитъ абсолютизмъ и поведетъ **РУССКІЙ ПРОЛЕТАРІАТЪ** (рядомъ съ Пролетаріатомъ **ВСѢХЪ СТРАНЪ**) прямой дорогой открытой политической борьбы къ **НОВѢДОМОССНОЙ**

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

ИНСТ.ИМ. ЛЕНИНА
ОТДЕЛ. ГРУППА
РУКОПИСЬ № 258
КОЛИЧ. ЛИСТОВ 56
ЛИСТ. № 42

Конецъ.

1894.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

МАРКСИЗМ В ЛЕГАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1894–1904 г.

„ЛЕГАЛЬНЫЕ" МАРКСИСТЫ

„ПРИЗНАЕМ НАШУ НЕКУЛЬТУРНОСТЬ И ПОЙДЕМ НА ВЫУЧКУ К КАПИТАЛИЗМУ".
СТРУВЕ „КРИТИКА"

П.Б. СТРУВЕ

П.Б. СТРУВЕ. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

МАТЕРІАЛЫ ХАРАКТЕРИСТИКѢ НАШЕГО ХОЗЯЙСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

СБОРНИК БЫЛ ЗАПРЕЩЕН И СОЖЖЕН ЦЕНЗУРОЙ.

П.Б. СТРУВЕ
Б.А. МОНОВ
ЛЕНИН (СТРУВЕ)
П.Н. СКВОРЦОВ
ПЛЕХАНОВ
К. ТУЗЕНБАХ
А. ПОТРЕСОВ

П.Н. СКВОРЦОВ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МАРКСИСТЫ

В.И. УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН (В. ИЛЬИН, К. ТУЛИН)

Г.В. ПЛЕХАНОВ (А. БЕЗЗУБОВ, Л. ВОЛГИН, Н. КАМЕНСКИЙ)

БОРЬБА С НАРОДНИЧЕСТВОМ

М.И. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

ТУГАН-БАРАНОВСКІЙ. РУССКАЯ ФАБРИКА

С.Н. БУЛГАКОВЪ

С.Н. БУЛГАКОВЪ. О РЫНКАХЪ

ГРУППА СОТРУДНИКОВ „САМАРСКОГО ВѢСТНИКА"
ВЕРХНІЙ РЯД: КЕРЧИКЕР, М.Г. ГРИГОРЬЕВ, Н.П. ПОДБЕЛЬСКІЙ, Е.И. ЧИРИКОВ, ЦИММЕРМАН-ГВОЗДЕВ
НИЖНІЙ РЯД: П.П. МАСЛОВ, А.Г. ЧИРИКОВА, А.К. КЛАФТОН

САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

А.А. САНИН, ЧЛЕН РЕД.

ПОРТУГАЛОВ, ЧЛЕН РЕД.

А.Н. ПОТРЕСОВ

В. ЗАСУЛИЧ

И.А. ГУРВИЧ

М. ФИЛИППОВ
РЕДАКТОР „НАУЧН. ОБОЗРѢНІЯ"

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
№ 6.
ІЮЛЬ.

ИДЕИ МАРКСИЗМА ПОПЯТНОЙ ДВИЖУТ

ЖИЗНЬ
СТРУВЕ
Б. КИСТЯКОВСКІЙ

ЖИЗНЬ
Мартъ.

1899–1901
РЕДАКТОР – В.А. ПОССЕ

НАЧАЛО

СТРУВЕ
БУЛГАКОВ
ТУГАН-БАРАНОВСКІЙ
ИЗГОЕВ

ЛЕНИН
П. МАСЛОВ
ПЛЕХАНОВ

ЯНВАРЬ–МАЙ 1899 г.
РЕДАКЦІЯ: СТРУВЕ, ТУГАН-БАРАНОВСКІЙ

В. ИЛЬИН (ЛЕНИН)
П. МАСЛОВ

НОВОЕ СЛОВО

СТРУВЕ
БУЛГАКОВ
ТУГАН-БАРАНОВСКІЙ

ПЛЕХАНОВ
ЛЕНИН
А. ПОТРЕСОВ
В. ЗАСУЛИЧ

АПРѢЛЬ–ДЕКАБРЬ 1897 г.
РЕДАКЦІЯ: СТРУВЕ, ТУГАН-БАРАНОВСКІЙ, А.Н. КАЛМЫКОВА, Е. ПОССЕ.

ЖИЗНЬ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ

1899–1900 г.

П. СТУЧКА.

Дѣлась Газета

ГАЗЕТА НА ДАТЫШСКОМ ЯЗ.

1896–1897 г.

РИГА

ЖУРНАЛ „КВАЛИ" НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗ.
ТИФЛИСЪ 1898–1904 г.г.

ЖОРДАНИЯ Н.

1899–1901
РЕДАКТОР – В.А. ПОССЕ

РЕВИЗИОНИЗМ (БЕРНШТЕЙНИАНСТВО)

Э. БЕРНШТЕЙН

ОТ МАТЕРИАЛИЗМА К ИДЕАЛИЗМУ

С.Н. БУЛГАКОВ

Н. БЕРДЯЕВ

М.И. ТУГАН-БАРАНОВСКІЙ

П.Б. СТРУВЕ

ОТ МАРКСИЗМА К ЛИБЕРАЛИЗМУ

С.Н. ПРОКОПОВИЧ

Е.Д. КУСКОВА

ПРОЕКТ НАУЧН. СОТР. С. ЛИВШИЦА. РАБОТА ХУДОЖН. С. БРИСКИНА.

БОРЬБА С РЕВИЗИОНИЗМОМ

А.А. БОГДАНОВ

ОЧЕРКИ РЕАЛИСТИЧЕСКАГО МІРОВОЗЗРѢНІЯ 1904 г.

А.В. ЛУНАЧАРСКІЙ.

П.П. МАСЛОВ.

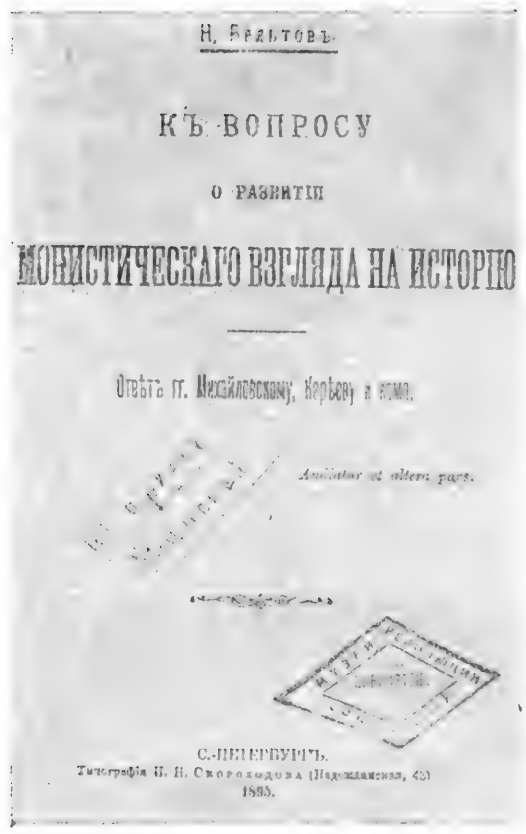
„ПРАВДА"

„ПРАВДА" 1904–1906 г. МОСКВА.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

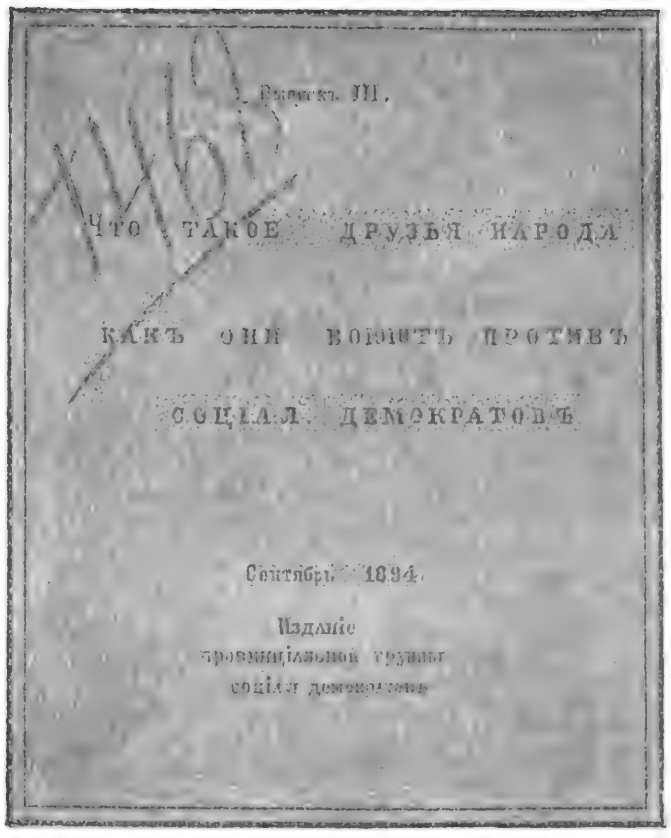
ТРИ КРИТИКИ НАРОДНИЧЕСТВА

Книга Струве писалась летом 1894 г. и вышла в свет легально в сентябре того же года. Вышедшая после работы Ленина («Друзья народа») книга Струве формулировала не революционные задачи русского пролетариата, а прогрессивные тенденции русского буржуазного развития.



Книга написана Плехановым в августе—ноябре 1894 г. А. Н. Потресов рассказывает, что он был у Плеханова в 1894 г. в сентябре в Лондоне. Плеханов начал уже писать свою книгу и часть работы отдал для печати А. Н. Потресову, который и привез ее в Петербург в октябре и сдал в печать, а потом Плеханов дослал остальное.

Сборник не вышел в свет, а погиб в цензуре в апреле 1895 г. В нем были помещены статьи Плеханова, Ленина, Струве и др. Этот «блок», представивший эмигрантский, подпольный и легальный марксизм как единое политическое целое, был организован Потресовым.



Книга написана Владимиром Ильичем весною—летом 1894 г. и издана в 3 вып. в том же году, частью на гектографе, частью на автокописте (I вып. в апреле — мае 1894 г., II вып. в августе—сентябре 1894 г., III вып. в сентябре 1894 г.).

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

КРУПНЕЙШИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЛЕГАЛЬНОГО МАРКСИЗМА.

П. Б. Струве.

Струве в 90-х годах с.-д.; один из авторов и окончательный редактор манифеста РСДРП, выпущенного от имени I съезда партии. Начав с «критической проверки» Маркса, в начале 900-х г.г. порывает с марксизмом и становится главой союза «Освобождение». Союз в 1905 г. послужил ядром для образования «партии народной свободы», членом ЦК которой стал Струве. После поражения революции 1905 г. становится лидером самого правого крыла либералов, скатываясь к черносотенному национализму. В 1909 г. Струве — участник нашумевшего сборника «Вехи». В гражданскую войну участник правительства Деникина и министр у Врангеля. В настоящее время редактирует в Софии журнал «Русская Мысль», объединяя правых кадетов с монархистами.

Н. А. Бердяев.

Писатель и публицист, некогда с.-д., но быстро прошедший путь от марксизма к идеализму и мистицизму. Теперь идеолог контрреволюционных кругов.

Туган-Барановский, М. И.

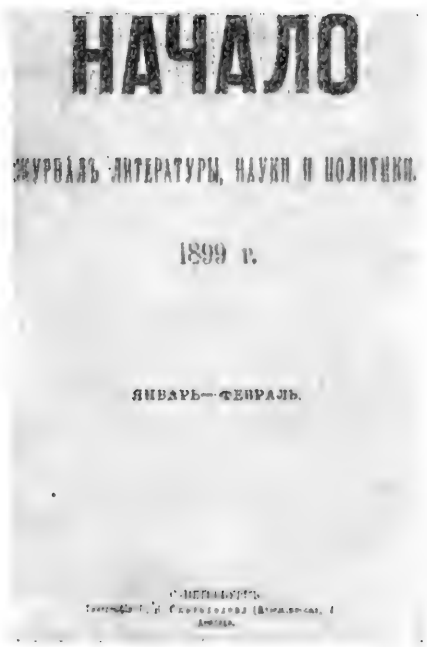
Скатился через ревизионизм и «критику Маркса» к простому либерализму. Умер черносотенным министром украинского гетмана Скоропадского в 1918-м году.

С. Н. Булгаков.

Представитель «легального марксизма», перешедший затем в ряды «критиков Маркса». Дальнейший уклон от «марксизма к идеализму» отбрасывает его в сторону мистицизма и реакционных настроений, охвативших либерально-буржуазные круги после поражения революции 1905 г.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

«Толстые» журналы эпохи борьбы за идейную и политическую гегемонию пролетариата в России.


НАЧАЛО

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ПОЛИТИКИ.

1899 г.

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ.

Выходил в 1899 г. под ред. П. Струве и М. Туган-Барановского. Разрешение на журнал было дано провокатору М. Гуровичу с целью наблюдения за развивавшимся с.-д. движением, но т. к. цель эта не достигалась, то жандармы поспешили закрыть его. В. И. Ленин поместил в нем ряд рецензий, перепечатанных во II томе собр. соч., и одну главу («Вытеснение барщинного хозяйства капиталистическим») из «Развития капитализма в России».

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ

1900 г.

Издававшийся с 1892 г. ежемесячный «журнал для юношества», впоследствии ставший органом легального марксизма. После революции 1905 г. переименован в «Современный Мир». С началом империалистической войны стал на позицию социал-патриотизма.

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

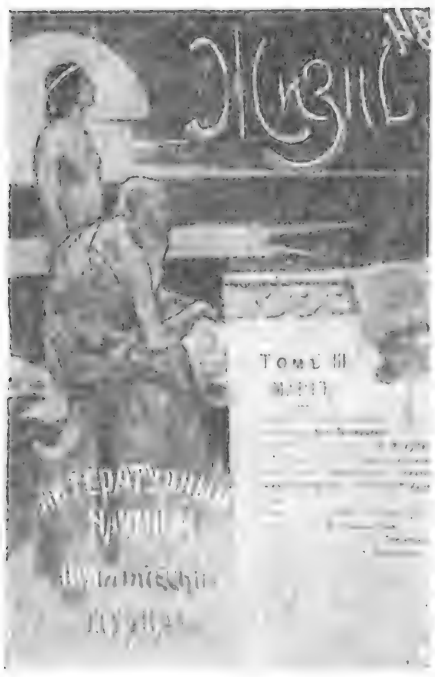
НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ III. КН. 1.

ОКТЯБРЬ

1897.

Вначале орган правых народников с В. В. в качестве руководителя. В марте 1897 г. перешел в руки «легальных марксистов» и, несмотря на страшные цензурные преследования, продержался до конца года. Последняя, декабрьская, книжка была конфискована при выходе в свет, и журнал прекращен постановлением четырех министров.



Журнал выходил в 1899—1901 г.г. в Петербурге под редакцией В. А. Поссе.

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

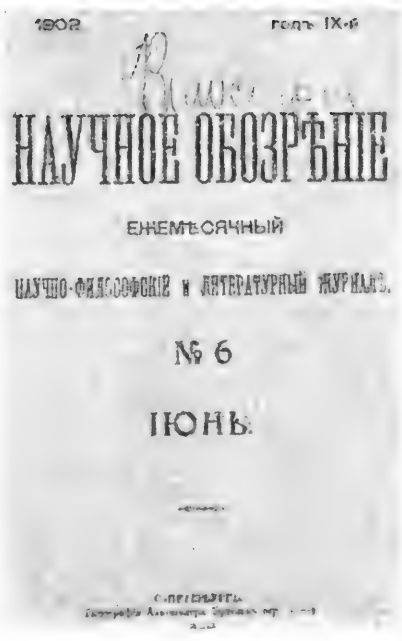
1891

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

Томъ IX

КНИГА ВТОРАЯ

Ежемесячный журнал, выходивший в Москве с 1867 г. по 1892 г. Редакторы С. А. Муромцев (впоследствии председатель I госуд. думы) и М. М. Ковалевский. Журнал давал иногда место статьям марксистского направления.


1902 ГОДЪ IX-Й

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 6

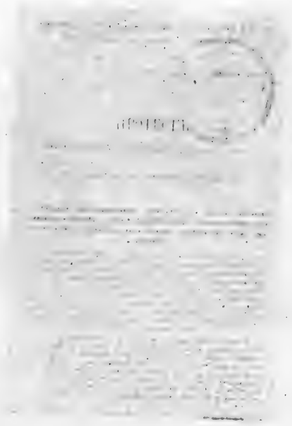
ІЮНЬ.

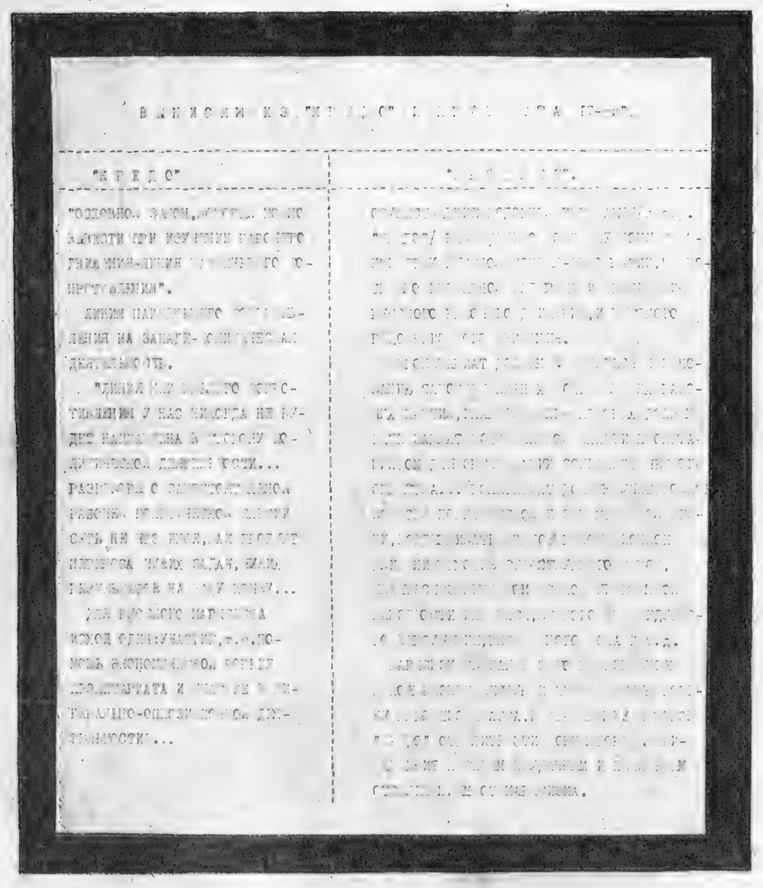
Ежемесячный научный журнал, выходивший под ред. М. Филиппова.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

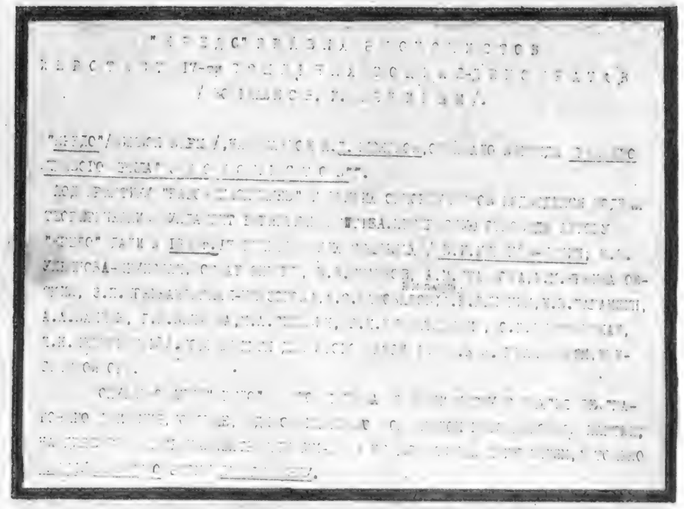
„Кредо" (символ веры) правых „экономистов" и протест 17-ти ссыльных социал-демократов

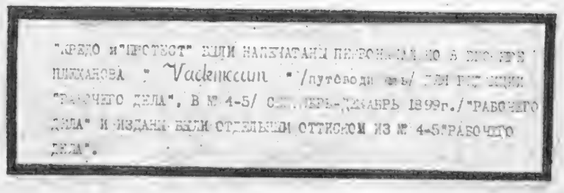
С.Н.Прокопович. Е.Д.Кускова - автор „Кредо"





„Анти-кредовцы"

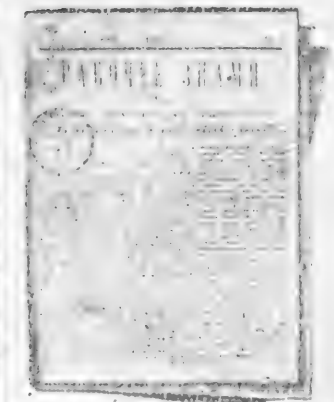




Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

«Credo» отражает взгляды «молодых» соц.-дем.; в нем под практику «экономистов» был подведен модный теоретический фундамент в духе бернштейнианства. Рабочий класс в России может и должен вести, как класс, одну только экономическую борьбу за непосредственные «реальные» улучшения, не притязая на самостоятельные выступления за свободу политическую; политическая борьба — достояние «общества — буржуазно-либеральной оппозиции»; рабочий класс должен только поддерживать либералов. «Credo» вызвало резкий протест со стороны 17 представителей революционного крыла с.-д. Вот участники протеста: 1) В. И. Ульянов, 2) Н. К. Ульянова (Крупская), 3) Оскар Энберг; 4) В. В. Старков; 5) А. М. Старкова; 6) Г. М. Кржижановский; 7) З. П. Кржижановская; 8) А. С. Шаповалов; 9) Н. Н. Панин; 10) Ф. В. Ленгник; 11) Е. В. Барамзин; 12) А. А. Ванеев; 13) Д. В. Ванеева; 14) М. А. Сильвин; 15) В. К. Курнатовский; 16) О. В. Лепешинская; 17) П. Н. Лепешинский. Автор «Credo» Е. Д. Кускова в 90-х г.г. перешла от народоправцев к с.-д. и играла видную роль в заграничном «Союзе русских с-д.». Вскоре окончательно отошла от с.-д. и примкнула к либералам. Ее группа издавала в 1906 г. журнал «Без Заглавия», а затем газету «Товарищ», неизменно поддерживавшие кадетов. После Октябрьской революции эмигрирует за границу, где озлобленно выступает против Советской власти на страницах кадетско-эсеровских «Дней».

ГРУППА „РАБОЧЕГО ЗНАМЕНИ"
(РУССКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ)
1898–1901



№1 „Рабочего Знамени" был отпечатан в мае 1898 в Белостокской типографии — в марте 1900 г. в Лондоне

Организация „Раб. Знамени" I состава

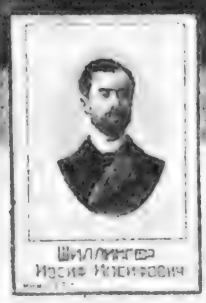
Лурье Михаил Владимирович

Лурье Моисей Владимирович

Лурье Арон Львович

Зевина Анна Борисовна

Сольц



Шиллигер Иосиф Иосифович

Ромм Илья Максимович

Гуковский Исидор Эммануилович

Гершанович Шлейд Абрамович

Татаров Николай Юрьевич

Петерб. группа „Раб. Знамени" (II состава) и группа „Социалист"

Андропов Сергей Васильевич

Ногин Виктор Павлович

Савинков Борис Викторович

Савинкова Александра Викторовна

Жданов Иван Платонович

Канцель-Щедербаум Лидия Осиповна

Фурман-Горюшина Марта Карловна

В Лондоне находился заграничный центр „Раб. Знамени"

Карта России с обозначением городов, где имелись организации „Раб. Знамени"

В 1896 г. возникла в Белостоке (в качестве „оппозиции Бунда") **группа рабочих революционеров** (Моисей и Мих. Лурье и др.); связи которой к 1898 г. охватили **Белосток, Гродно, Вильно, Киев, Харьков**, а затем **Петербург**. В мае 1898 г. группа выпустила **№ 1 „Рабочего Знамени"** и приняла название **„Русской С.-Д. партий"**. В противовес „экономизму", преобладавшему тогда в **Р.С.-Д.Р.П.**, **рабочезнаменцы** выдвигали на первый план **политическую борьбу**. В июне 1898 г. произошел разгром **„Раб. Знамени"**.

Осенью 1898 г. возникла **„Петербургская группа Раб. Знамени"**. В новом составе (Андропов, Ногин и др.); в декабре 1898 г. она провалилась, но в 1899 г. возобновила свою деятельность; организационно она не была связана с остатками прежнего **„Раб. Знамени"**; в начале 1901 г. объединилась **с петербургской группой „Социалист"** и солидаризировалась с **„Искрой"**.

Организация **„Раб. Знамени" I состава** (Моисей Лурье, Татаров и др.) издала **№ 2** и **№ 3 „Раб. Знамени"** и ряд брошюр.

Весной 1901 г. **обе организации „Раб. Знамени"** были окончательно **разгромлены**.

Большинство **рабочезнаменцев** стало **искровцами**; некоторые (Б. Савинков, Татаров и др.) примкнули к **эс-эрам**; возникшая в конце 1901 г. **Киевская группа „Рабоч. Знамени"** перешла в 1902 г. к **эс-эрам**.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

КРУПНЕЙШИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЭКОНОМИЗМА.

А. Мартынов (А. Пикер).

Портрета нет.

Кричевский.

БУНДОВЦЫ.

Гирш Леккерт.

Кремер.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

„ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ИСКРОВЦЫ“

Ногин.

Землячка.

Литвинов.

Лепешинский.

А. М. Стопани.

Лядов.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

2-ой Съезд Р.С.-Д.Р.П. июль-август 1903 г.

в Брюсселе и Лондоне

Искровцы большинства

Серокин (Бауман) от М.К.

Ленин (В.И.Ульянов) От Лиги Рев. С.-Д.

Г.В.Плеханов от Груп. Осв. Тр.

Павлович (П.А.Красиков) от Киевск. К-та

Гусев (Драбкин) от Дон. К-та

Лядов (М.Н.Мандельштам) от Саратовск. К-та

Горин (Галкин) от Сарат. К-та

Ланге (А.М.Стопани) от Северн. Союза

Дедов (Л.Книпович) от Сев. Союза

Осипов (Залкинд „Земляка") от Одесск. К-та

Степанов С.И. (Браун) от Тульск. К-та

Горский (Рабочий Шотман) от Петерб. К-та

Беков (Зурабов) от Батумск. К-та

Герц (Д.И.Ульянов) от Тульск. К-та

Русов (Кнуньянц) от Бакинск. К-та

Искровцы меньшинства

Дейч Л.Б. от Груп. Осв. Тр.

Троцкий (Бронштейн) от Сиб. Со...

Мартов (Цедербаум) ...ред. „Искры"

Фомин (В.Крохмаль) от Уфимск. К-та

Костич (С.Зборовский) от Одесского К-та

Антиискровцы

Акимов (Махновец) от Р.С.-Д.

Мартынов (Пикер) от Р.С.-Д.

Юдин (И.Айзенштадт) от Ц.К. Бунда

Гольдблат (Медем) от Загр. К-та Бунда

Абрамсон (К.Портной) от Ц.К. Бунда

Либер (Гольдман) от Ц.К. Бунда

Гофман (Коссовский) от Загр. К-та Бунда

Центр („Болото")

Ленский (Левинов) от Екатериносл. К-та

Иванов (Е.Левина) от Харьк. К-та

Попов (В.Розанов) от „Южн. Раб."

Егоров (Е.Левин) от „Южн. Раб."

Махов (Калафати) от Николаевск. К-та

Царев (Локкерман) от Донск. К-та

Делегаты с совещательными голосами

Старовер (Потресов) от ред. „Искры"

Стряков

Вольф (А.Кремер) от Бунда

Варшавский (Варский) от Польской Соц.-Дем.

Ганецкий

П.Б.Аксельрод от ред. „Искры"

Саблина (Н.К.Крупская)

Глебов (Носков, агент ОК)

Костров (Жордания)

В.М.Засулич от ред. „Искры"

Штейн (Е.Александрова) от Орг. К-та

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

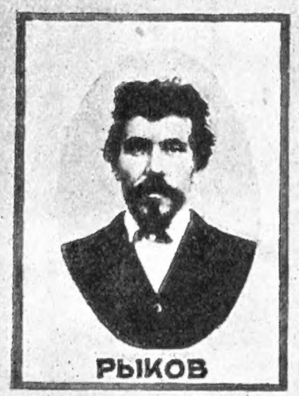
Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

БЮРО КОМИТЕТОВ БОЛЬШИНСТВА.

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ПЕРИОД ИХ БОРЬБЫ ЗА СОЗЫВ ТРЕТЬЕГО ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА.

БЮРО КОМИТЕТОВ БОЛЬШИНСТВА

ОРГАН БОЛЬШЕВИКОВ "ВПЕРЕД"
№1 22 дек. 1904 г./4 янв. 1905 г. — **№18** 5/18 ноября 1905 г.


РЫКОВ

ЛЯДОВ

ЛИТВИНОВ

БОГДАНОВ

ЗЕМЛЯЧКА

ВСКОРЕ ПОСЛЕ ВТОРОГО СЪЕЗДА ПАРТИИ (ОСЕНЬЮ 1903 г.) МЕНЬШЕВИКАМ УДАЛОСЬ ПРЕВРАТИТЬ ЦЕНТР. ОРГАН ПАРТИИ ИСКРУ И СОВЕТ ПАРТИИ В ОРГАНЫ МЕНЬШИНСТВА. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПАРТИИ ОКАЗАЛСЯ ТАКЖЕ ПОД ИХ ВЛИЯНИЕМ. НАЧАЛАСЬ ОЖЕСТОЧЕННАЯ ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА. БОЛЬШЕВИКИ СЧИТАЛИ, ЧТО ЭТОЙ БОРЬБЕ МОЖЕТ ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ ТОЛЬКО ПАРТИЙНЫЙ СЪЕЗД. НА ЭТУ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ СТАЛО БОЛЬШИНСТВО ПАРТИЙНЫХ КОМИТЕТОВ В РОССИИ, ВЫРАЗИВШИХ СВОЮ ВОЛЮ НА СЕВЕРНОЙ ЮЖНОЙ И КАВКАЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИЯХ В НОЯБРЕ 1904 г. КОНФЕРЕНЦИИ УПОЛНОМОЧИЛИ РЯД ТОВАРИЩЕЙ ПОВЕСТИ ОТ ИХ ИМЕНИ БОРЬБУ ЗА СОЗЫВ 3-ГО ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА. ТАК ОБРАЗОВАЛОСЬ БЮРО КОМИТЕТОВ БОЛЬШИНСТВА. БЮРО СОВМЕСТНО С РЕД. „ВПЕРЕД" ПОВЕЛИ УПОРНУЮ И ЭНЕРГИЧНУЮ БОРЬБУ ЗА СЪЕЗД И ЗАСТАВИЛИ Ц. К. ПАРТИИ ПРИЗНАТЬ ЕГО НЕОБХОДИМОСТЬ.

РУМЯНЦЕВ

ГУСЕВ

ЛЕНИН

ЛУНАЧАРСКИЙ

ИЗ ОБЪЯВЛЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ "ВПЕРЕД"

ПРОЛЕТАРИАТ ДОЛЖЕН ВЫСТУПАТЬ... НЕ КАК СЛЕПОЕ ОРУДИЕ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, А КАК ЕЕ НАИБОЛЕЕ РЕШИТЕЛЬНЫЙ И НАИБОЛЕЕ СОЗНАТЕЛЬНЫЙ УЧАСТНИК и ДВИГАТЕЛЬ. НЕ ПРОЛЕТАРИАТ ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ, А РЕВОЛЮЦИЯ ДЛЯ ПРОЛЕТАРИАТА!... УСЛОВИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МОМЕНТА РУЧАЮТСЯ ЗА ТО, ЧТО МЫ СТОИМ НАКАНУНЕ ПЕРЕХОДА ДВИЖЕНИЯ В НОВЫЕ, ВЫСШИЕ ФОРМЫ. ИЗ ИСКРЫ УЖЕ ВОЗГОРЕЛОСЬ ПЛАМЯ. БЛИЗОК ДЕНЬ, КОГДА ЭТО ПЛАМЯ РАЗОЛЬЕТСЯ ПОЖАРОМ НАРОДНОГО ВОССТАНИЯ. РАСТЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ПЕРЕД ПРОЛЕТАРИАТОМ. ВСЕ ОСТРЕЕ ОЩУЩАЕТСЯ ПОТРЕБНОСТЬ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ РУКОВОДСТВЕ ЕГО БОРЬБОЙ. В ТАКОЙ МОМЕНТ ПАРТИЯ НЕ МОЖЕТ ОСТАВАТЬСЯ БЕЗ ОРГАНА.... БУДУЧИ РУКОВОДИТЕЛЕМ, ТАКОЙ ОРГАН ДОЛЖЕН БЫТЬ И ОРУДИЕМ ПРОЛЕТАРИАТА. ЕГО ЗАДАЧА — СТАТЬ ЕГО ЯРКИМ СВЕТИЛЬНИКОМ.

ВОРОВСКИЙ

ОЛЬМИНСКИЙ

ВПЕРЕДЪ

Раскол, начавшийся на 2 съезде партии, все углублялся, и 1904 г. прошел в ожесточенной борьбе фракций. Попытка КЦ, изменившегося в своем составе благодаря арестам и устранению от работы некоторых наиболее непримиримых его членов «большевиков» (Землячка), примирить фракции путем взаимных уступок окончилась неудачей. Единственный выход из создавшегося положения «большевики» видели в съезде. Но против съезда ведут кампанию Совет партии, редакция «Искры», ставшая меньшевистской и ЦК. Начинается борьба за съезд. В конце 1904 г. организуется «Бюро комитетов большинства», которое ведет агитацию за съезд. В результате объезда членами БКБ местных комитетов, из 28 комитетов, имевших право участвовать на съезде с правом решающего голоса, высказалось 22. Примиренческий ЦК, убедившись, что за БКБ стоит большинство российских организаций, высказался за съезд и вступил в переговоры с БКБ. В марте 1905 г. образовался Организационный К-т партии, приступивший к работе по созыву съезда.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

Карикатуры тов. Лепешинского.

В участке.

Карикатура изображает меньшевистский участок. В кресле сидит частный пристав (Плеханов) и спешит закрыть рукой «весьма секретный документ» — протоколы Совета (намек на постановление Совета о неопубликовании его протоколов, вопреки требованию Ленина). Его помощник (Мартов), по случаю претензии большевистской «шпаны» (М. Н. Лядов, Олин, Самсонов-Вольский, С. И. Гусев, В. Д. Бонч-Бруевич и др.), спешит навести справку, кто согласно § 1 может считаться членом организации. Секретарь (Блюменфельд) требует от просителей предъявления «пачпортов» (удостоверений о том, что они — члены партии); подчасок с великолепной шевелюрой (Троцкий) хватается за телефонную трубку, а «некто в штатском» (с лицом Дана) внимательно изучает физиономии просителей.

Вся карикатура в целом отображает эпопею борьбы женевских большевиков за право пользоваться страницами «Искры» для помещения своих писем, объяснений, статей.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

Карикатуры тов. Лепешинского.

Сизифова работа.

Карикатура «Сизифова работа» изображает меньшевистское «болото» и его болотных обитателей, при чем Плеханов, прикрывающий свою наготу только небольшим фиговым листом с надписью «диалектика», совершает бесцельный труд вытаскивания за уши Мартова, совершенно засосанного болотной тиной. Сизиф—Плеханов; Властитель дум—Мартынов; рак—П Аксельрод; стрекоза — Троцкий; жаба—Старовер; змея—Дан; наверху справа — Ленин.

Мальчик в штанах.

Карикатура изображает тот момент, когда меньшевики старались втянуть лидеров немецкой с.-д. в качестве судей во фракционную борьбу русских с.-д. Желая как-нибудь сорвать 3 съезд, меньшевики спровоцировали Бебеля выступить со своим предложением в роли третейского судьи. Поняв, что вмешательство Бебеля ни к чему не приведет, Ленин «вежливенько» отклонил его предложение, дав понять, что вмешательство товарищей-иностранцев в распрю русских фракций следует считать преждевременным.

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.

Карикатуры тов. Лепешинского.

Как мыши кота хоронили.

В своей книге «Шаг вперед, два шага назад» т. Ленин подвергает анализу раскол на 2 съезде и послесъездовские перипетии борьбы. Меньшевики на эту книгу ответили в «Искре» статьей Мартова «Вперед или назад?» с подзаголовком: «Вместо надгробного слова», в которой проводится мысль, что «ленинское пушечное ядро пролетело, дескать, через головы меньшевиков, а сам Ленин отныне политически умер». «Серьезность» этой меньшевистской «отповеди» и отображает карикатура. Персонажи последней: Мурлыка (Ильич), Онуфрий (Плеханов), поэт Клим (Мартов), мышенок (Троцкий), другие мыши (Аксельрод, Вера Засулич, Потресов, Дан и Смидович Инна).

Из собрания Музея Революции СССР в Москве.